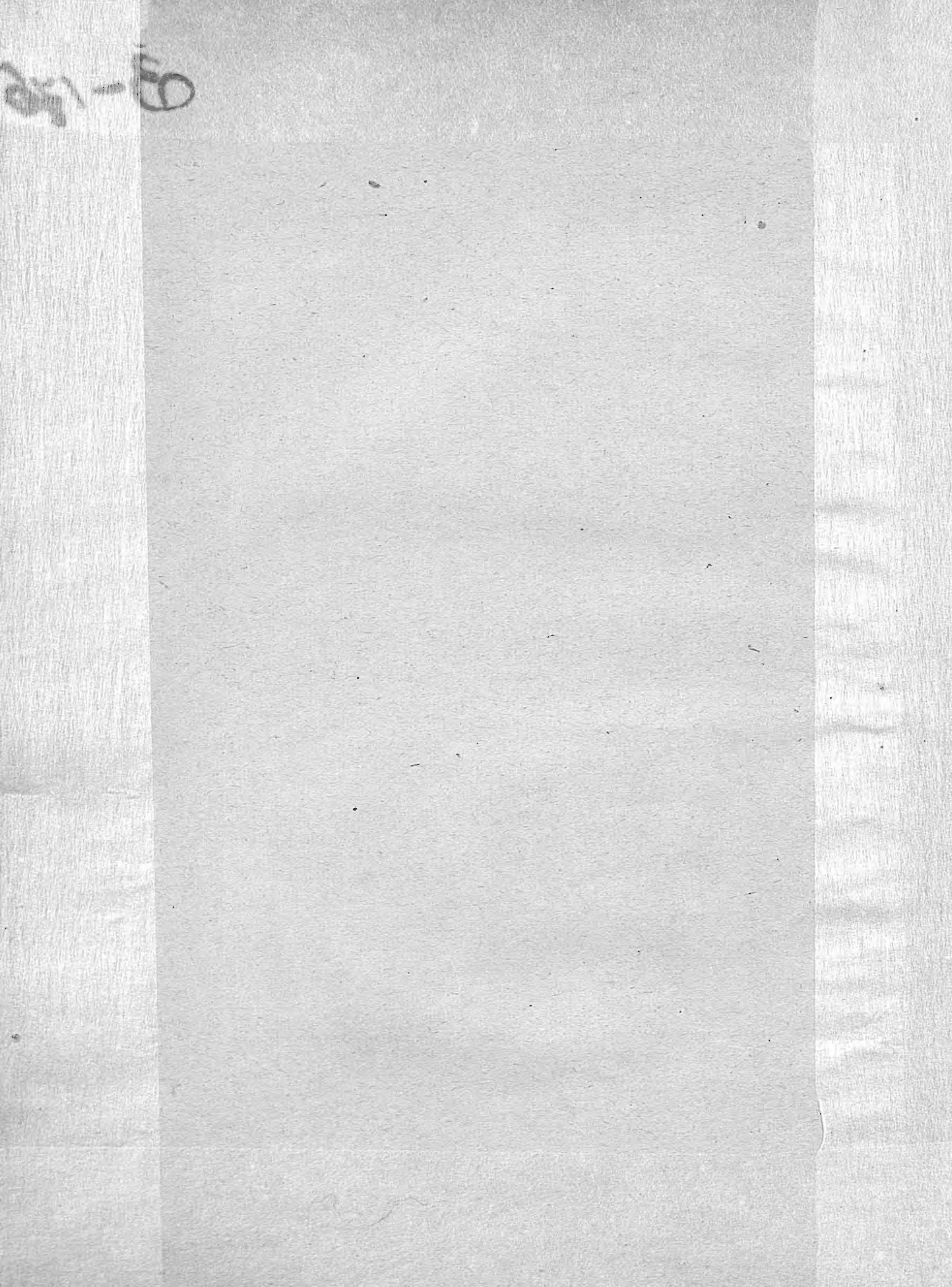
ПИСЬМА

ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

ПИСЬМА

ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

ТОМЪ II

Переводъ съ англiйскаго
В. Д. НАБОКОВА

1922

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО» БЕРЛИНЪ

№ 200.

Царское Село, 28 января 1916[1]. г.

Моя любимая душка,

Еще разъ поѣздъ уноситъ мое сокровище, но я надѣюсь, что не надолго. Я знаю, что мнѣ не слѣдовало бы это говорить и что для старой замужней женщины это можетъ показаться смѣшнымъ, но я не могу ничего подѣлать. Съ годами любовь растетъ, и оставаться безъ твоего милаго общества мнѣ тяжело. Если-бы я могла выходить и ухаживать за ранеными, это было бы легче. Тебѣ еще труднѣе, мой родной. Я рада, что ты уже завтра увидишь войска. Это тебя освѣжитъ и будетъ для всѣхъ радостью. Я надѣюсь, что у тебя будетъ такое же яркое солнце, какъ здѣсь сегодня. Было такъ хорошо, что ты намъ читалъ вслухъ, я теперь всегда слышу твой дорогой голосъ и чувствую твои нѣжныя ласки, ахъ какъ я глубоко тебѣ за нихъ благодарна — онѣ меня согрѣли и были такимъ утѣшеніемъ. Когда на сердцѣ тяжело отъ заботъ и тревогъ, каждое проявленіе нѣжности даетъ силу и безконечное счастье. Ахъ, если бы дѣти наши могли бы также быть счастливы въ своей супружеской жизни! — Мысль о Борисѣ[2] слишкомъ несимпатична, и я увѣрена, что

[1] За время пребыванія Государя въ Царскомъ Селѣ съ 16 по 28 января: Оставилъ свой постъ предсѣдатель военно-цензурной комиссіи генералъ Струковъ, проявившій послабленіе къ печати. Въ Царское Село выѣзжалъ членъ госуд. совѣта Штюрмеръ, а 20-го онъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ вмѣсто Горемыкина, произведеннаго въ дѣйствительные тайные совѣтники 1-го класса. Высоч. повелѣніемъ возобновленіе занятій законодательныхъ учрежденій назначено съ 9 февраля. Государственный контролеръ Харитоновъ уволенъ отъ должности и на его мѣсто назначенъ членъ гос. совѣта Покровскій. Св. Синодъ, заслушавъ докладъ архіепископа Тихона литовскаго о произведенномъ имъ по порученію Св. Синода изслѣдованіи совершающихся у гробницы митрополита Тобольскаго Іоанна (Максимовича) случаевъ чудеснаго исцѣленія, постановилъ обнародовать синодальное «дѣяніе» о прославленіи митрополита Іоанна. Члены госуд. совѣта Дейтрихъ и Петровъ назначены къ присутствованію въ госуд. совѣтѣ. Чл. гос. сов. Сабуровъ уволенъ отъ предсѣдательствованія въ 1-мъ департ. гос. совѣта. На его мѣсто назначенъ чл. гос. совѣта Щербачевъ.

[2] Какъ видно изъ дальнѣйшаго. В. Кн. Марія Павловна хотѣла въ то время просватать В. Кн. Ольгу Николаевну за своего сына Бориса.

наша дочь никогда бы не согласилась за него выйти замужъ, и я прекрасно ее поняла бы. Только никогда не давай Михенъ догадаться, что у нея[1] въ головѣ и сердцѣ были другія мысли — это святыя тайны молодой дѣвушки, другіе ихъ не должны знать, это бы для Ольги было страшно больно. Она такъ воспріимчива. Этотъ разговоръ меня совсѣмъ не привелъ въ хорошее настроеніе, и я въ самомъ дѣлѣ чувствую себя очень подавленной по случаю твоего отъѣзда, и мое старое сердце сжимается отъ боли — я не могу привыкнуть къ нашему разставанію. Вотъ Бебина записка, она тебя позабавитъ.

Посылаю ландыши, чтобы украсить твой письменный столъ.

Поговори серьезно съ *Кедровымъ*, неправда ли — потому что радость и почетъ этой поѣздки для него будто награда и словно покрыли тотъ выговоръ, который онъ по справедливости заслужилъ.

Ты спасъ его отъ вторичнаго суда и, хотя онъ хорошій человѣкъ, но его нужно держать въ рукахъ. Адмиралъ совсѣмъ не долженъ былъ бы быть настолько съ нимъ фамильярнымъ — и онъ страшно самолюбивъ. Но ты его берешь на короткое время, я думаю. Какъ я буду радоваться, когда ты отдѣлаешься отъ Б.-Бр. (не могу правильно написать его имя)[2], но ему прежде всего слѣдовало бы дать понять, какое онъ надѣлалъ зло, и что оно отражается на тебѣ — ты слишкомъ добръ, мой солнечный ангелъ, будь тверже, и когда ты наказываешь, то не прощай тотчасъ и не давай хорошихъ назначеній — тебя не боятся достаточно — покажи свою власть, они пользуются твоей чудесной добротой и мягкостью. Грустно, что я не могу съ тобой поѣхать на станцію, но мнѣ это не по силамъ, такъ какъ сердце слишкомъ расширено и пришелъ *инж. мех.*

Мой родной, мой свѣтъ, моя любовь, спи хорошо и мирно, чувствуй, какъ моя нѣжная рука тебя обнимаетъ, и какъ твоя дорогая милая голова мысленно покоится на моей груди (не на высокой подушкѣ, которой ты не любишь).

Прощай, мое сокровище, мой супругъ, мое любимое солнышко. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и пусть святые ангелы и вся сила моей глубокой любви защитятъ тебя. Ахъ, мой мальчикъ, какъ я люблю тебя, слова этого не выразятъ, но ты можешь объ этомъ прочесть въ моихъ глазахъ. Навсегда твоя родная старая женка.

Вся твоя.

Ахъ, какая одинокая ночь!

---

[1] Ольги.

[2] Бончъ-Бруевичъ.

№ 201. *Царское Село,* 29 января 1916 г.

Мое дорогое Сокровище,

Благодарю тебя очень нѣжно за твое милое письмо, которое ты оставилъ мнѣ въ утѣшеніе. Вновь и вновь я его перечитывала и ночью, когда я не могла спать, у меня глаза болѣли отъ слезъ. Мы пошли спать въ половинѣ одиннадцатаго, плохая ночь, и голова болѣла сегодня утромъ.

Я только что прочла ворохи бумагъ отъ Ростовцева.

Идетъ тихій снѣгъ — два градуса мороза. Аня заглянула на секунду по дорогѣ въ городъ, она просила меня еще разъ поблагодарить тебя отъ глубины сердца за деньги, она объ этомъ телефонировала нашему Другу, и Онъ сказалъ, что онѣ принесутъ тебѣ милость Божью, и что она должна отложить ихъ въ банкъ, чтобы образовать фондъ, который ей надо собрать для постройки пріюта увѣчныхъ. Я посмотрю, не можемъ ли мы дать ей кусочекъ земли. Было бы хорошо, если бы это можно было сдѣлать, недалеко отъ дома инвалидовъ, такъ какъ они могли бы тогда воспользоваться нашей *баней* и *мастерскими*.

Хотѣла бы знать, начнешь ли ты французскую книгу, ты увидишь, какъ она интересна.

Ка̀къ спала моя птичка? — какъ мнѣ недостаетъ мое солнышко!!

Подумай насчетъ *Иванова*, это въ самомъ дѣлѣ была бы великолѣпная перемѣна и хорошее начало для 1916 года. Вопросъ о назначеніи *Поливанова* не долженъ тебя безпокоить. *Щерб*(ачевъ) можетъ замѣнить *Иванова*, и потомъ кого нибудь энергичнаго на его мѣсто. Какая досада, что старикъ *Рузскій* еще недостаточно поправился! Какъ я рада, что у тебя теперь Штюрмеръ, на котораго ты можешь положиться. Ты знаешь, что онъ постарается объединить всѣхъ министровъ.

Теперь я должна вставать къ завтраку. Попозже *Бенкендорфъ* хочетъ у меня быть и м-мъ *Волжанинова* изъ Крыма.

Дѣти хотятъ завтра вечеромъ повидать *Родіонова*, такъ какъ онъ собирается въ нашу церковь на службу. Милый мой, прощай, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Покрываю твое лицо нѣжными поцѣлуями и остаюсь навсегда вся твоя женка Аликсъ.

Федоровъ хорошо спалъ, меньше кашляетъ, 37.

М-мъ Зизи чувствуетъ себя лучше, скажи объ этомъ Кирѣ, онъ недостаточно думаетъ о своей матери. Переговори спокойно съ *Мордвиновымъ* по поводу Мишиной исторіи и потомъ насчетъ Ольги и спроси, что за человѣкъ ея Н. А.[1]

---

[1] Женихъ В. К. Ольги Александровны, за котораго она впослѣдствіи вышла замужъ.

№ 202. *Царское Село*, 30 января 1916 г.

Моя душка,

Мы были такъ счастлиы получить твою телеграмму во время чая и узнать, что все прошло такъ гладко — какъ хорошо, что на станцiи былъ почетный караулъ твоихъ *кабардинцевъ*. Вѣроятно, были тяжелые бои, такъ какъ поѣздъ Беби привозитъ 15 раненыхъ офицеровъ и болѣе трехсотъ солдатъ изъ *Калкунъ, Дриссы* — это тамъ, гдѣ находится Татьянинъ полкъ, и гдѣ ты будешь, мнѣ кажется.

Все такъ побѣлѣло сегодня, вчера выпало большое количество снѣга, три градуса мороза. У меня была плохая безпокойная ночь, я рано легла спать, голова болѣла и продолжаетъ болѣть, также и сердце. Я видѣла м-мъ *Волжанинову* изъ Крыма (*винодѣлъ*), ты помнишь ее, навѣрное, она меня встрѣчала на пристани съ цвѣтами, завтракала въ *Ливадiи* и продавала на базарахъ. Ты познакомился съ ея старой матерью (за 90) на открытiи дѣтской санаторiи надъ *Масандрой*. М-мъ *Желтухина*, рожденная *Иловайская*, дочь героя *Бородина*. Ея имѣнiе возлѣ *Бѣловѣжа* было совершенно разрушено, и у нея не было времени что нибудь спасти, а она обладала многими историческими предметами. Ты — пятый императоръ, котораго она видѣла.

Нашъ Другъ очень счастливъ, что ты опять осматриваешь войска, Онъ спокоенъ насчетъ всего, но только очень хочетъ, чтобы *Ивановъ* былъ назначенъ, такъ какъ его присутствiе въ *Думѣ* можетъ очень помочь

Опять нѣсколько офицеровъ ожидаютъ, чтобы я ихъ приняла — это продолжается все время, и я чувствую такую усталость. Я хотѣла бы наконецъ опять попасть въ церковь, ни разу не была въ теченiе всего января, и мнѣ хотѣлось бы туда пойти и поставить свѣчи.

Старый профессоръ Павловъ[1] умеръ — у него было зараженiе крови, кажется, послѣ операцiи, которую онъ сдѣлалъ.

Моя душка, ты мнѣ страшно недостаешь, вечера такъ скучны: Аня раздражается, что мы всѣ раскладываемъ пасьянсы, но это успокаиваетъ глаза послѣ того, какъ столько работаешь, а сидѣть со сложенными руками это ужасно. Она любитъ читать вслухъ, но у нея страшная каша во рту — и нельзя же сидѣть и болтать цѣлый день, и мнѣ не о чемъ съ ней говорить. Я устала. Милый мой, я не хвастаю, но никто не любитъ тебя такъ нѣжно, какъ старое солнышко, ты моя жизнь, моя собственность. Богъ да благословитъ тебя, дорогой мой, покрываю тебя нѣжными страстными поцѣлуями и жажду имѣть тебя опять въ своихъ объятiяхъ.

Навсегда, мой Ники, твоя старая дѣвочка, женка.

---

[1] Е. В. Павловъ, извѣстный хирургъ.

№ 203.

Царское Село, 31 января 1916 г.

Мое милое Сокровище,

Татьяна была въ восторгѣ, что ты видѣлъ ея полкъ и нашелъ его въ хорошемъ порядкѣ. Я всегда надѣялась, что буду въ состоянiи больше разъѣзжать въ санитарныхъ вагонахъ также и буду имѣть случай видѣть по крайней мѣрѣ одинъ изъ моихъ полковъ. *Родiоновъ* былъ вчера вечеромъ въ церкви, обѣдалъ у Ани и потомъ пришелъ къ намъ. Онъ уѣзжаетъ завтра. Они опять стоятъ въ новой деревнѣ, по его словамъ, только 8 верстъ отъ *Волочиска* и всѣ офицеры вмѣстѣ на *господскомъ* дворѣ. Они уже мѣняютъ стоянку четыре или пять разъ. Онъ показалъ намъ нѣсколько группъ, которыя онъ снялъ и нѣкотороыхъ изъ офицеровъ верхами — лошадь *Мясоѣдова* кажется совсѣмъ допотопной.

Сѣрое утро, 5 градусовъ. Я поздно уснула, но потомъ спала хорошо, голова почти не болитъ, но болятъ сердце и глаза, и я пишу въ очкахъ, чтобы ихъ меньше утомить. Я вчера видѣла одного изъ своихъ *Крымцевъ,* они всѣ глубоко жалѣютъ о томъ, что *Дробязгинъ* ихъ покидаетъ — всѣ исторiи покончены, и теперь они его цѣнили и очень жалѣютъ о перемѣнѣ. Сегодня мы принимаемъ *юнкеровъ,* которые завтра, кажется, будутъ произведены и потомъ уѣзжаютъ. Затѣмъ *Варнаву,* архимандрита *Серафима, Купцова* (Эрив.), который здѣсь былъ въ отпуску и хочетъ повидать меня до возвращенiя въ полкъ, потомъ *Алека*[1]... Что ему можетъ быть нужно? Вѣроятно, чтобы говорить насчетъ *Гагръ,* но тогда мнѣ придется ему сказать насчетъ *Скалона.*

Въ шесть у меня будетъ *кап. перв. ранга Шульцъ* (увы, такое чисто германское имя), который уѣзжаетъ въ Англiю — я полагаю, что это тотъ съ длинной бородой, который командовалъ *«Африкой»,* если только я не сочиняю, занимается гипнотизмомъ, а сестра его была сестрой въ лазаретѣ во время Японской войны и позднѣе умерла въ *Кронштадтѣ.*

Одинъ изъ раненыхъ, котораго я вчера принимала, далъ мнѣ прелестное собранiе снимковъ, которые онъ дѣлалъ въ *Евпаторiи* — нѣкоторые (больные) лежатъ на пескѣ и берутъ солнечныя ванны, другiе покрыты грязью, третьи въ ваннахъ берутъ души, электризуются — совсѣмъ забавно.

Вчера была серебряная свадьба *Путятиныхъ.*

Я стараюсь сообщать тебѣ всѣ новости, какiя только я имѣю, хотя, увы, это неинтересно. Милый, я хотѣла бы знать, получаешь ли ты мои письма на пути, вѣроятно, они тебя будутъ ожидать на какой нибудь

[1] Принца А. П. Ольденбургскаго.

большой станціи. Я хотѣла бы быть на ихъ мѣстѣ и почувствовать твои сладкія губы на моихъ и взглянуть въ твои любимые глаза. Какъ мнѣ недостаетъ моя душка и его нѣжные поцѣлуи, которые столько для меня значатъ. Ну, душка, я теперь кончаю. Прощай, Богъ да благословитъ тебя теперь и всегда. Безконечные поцѣлуи отъ твоей собственной старой

«Солнышко».

№ 204.

Царское Село, 1 февраля 1916 г.

Мой родной,

Сегодня утромъ холоднѣе, 7 градусовъ и идетъ снѣгъ. Я эту ночь сле спала, и сердце сегодня утромъ больше болитъ. Голова въ порядкѣ, посылаю тебѣ маленькій подснѣжникъ изъ Ливадіи.

Михенъ вчера опять писала, прося объ освобожденіи барона Делингсгаузена, его держатъ въ тюрьмѣ *Кресты* въ Петроградѣ на *Выборгской* сторонѣ. Его сынъ *драгунъ* можетъ его навѣщать, — но это такой отвратительный позоръ, отъ котораго можно избавиться только немедленно распорядившись по телеграфу объ его освобожденіи. Ему послѣ этого просто нельзя будетъ смотрѣть въ глаза.

Алекъ ни о чемъ особенномъ со мной не говорилъ — только, кажется, онъ не очень доволенъ ранеными офицерами — потомъ всѣ, которыхъ послали на югъ (изъ Москвы распоряженіемъ комиссіи), сиднемъ сидятъ тамъ два мѣсяца. Это безпорядокъ, который онъ хочетъ попытаться устранить — потомъ онъ говорилъ о плѣнныхъ, которыхъ онъ осматривалъ. Въ самомъ дѣлѣ надо подумать о томъ, чтобы нѣкоторыхъ изъ нихъ перевести въ другія мѣста, они умираютъ отъ болѣзней, такъ какъ климатъ для нихъ невыносимъ.

Многіе находятъ, что было бы хорошо, если бы ты хотя на время передалъ *продовольственный* вопросъ *Алеку,* такъ какъ въ самомъ дѣлѣ въ городѣ происходитъ скандалъ и цѣны невозможныя; онъ бы всюду совалъ свой носъ, налетѣлъ бы на купцовъ, которые обманываютъ и спрашиваютъ невозможныя цѣны, и помогъ бы отдѣлаться отъ Оболенскаго, который въ самомъ дѣлѣ никуда не годится и нисколько не помогаетъ. Нашъ Другъ боится, что, если такъ будетъ продолжаться еще два мѣсяца, у насъ будутъ непріятные безпорядки и исторіи въ городѣ, и я это понимаю, такъ какъ стыдно заставлять бѣдныхъ людей такъ страдать, — и какъ это унизительно въ глазахъ нашихъ союзниковъ... У насъ всего достаточно, но не хотятъ подвозить, а когда подвозятъ, то цѣны для всѣхъ недоступныя. Почему не попросить его на два мѣсяца все взять въ свои руки, или даже на одинъ мѣсяцъ, онъ

прекратитъ это надувательство. Онъ очень хорошъ на любомъ мѣстѣ, чтобы навести порядокъ, встряхнуть людей, но не надолго. Я тебѣ пишу объ этомъ, такъ какъ ты его, кажется, увидишь во вторникъ. — Шульцъ былъ очарователенъ, мы съ нимъ полчаса говорили на всякія темы, онъ братъ того чернаго, который все еще командуетъ «*Африкой*» и всѣми *водолазами*.

Сегодня у меня *Шведовъ* съ *докладомъ* и Mlle *Шнейдеръ* и это будетъ безконечно, такъ какъ намъ надо переговорить по поводу школы искусства и реорганизаціи моихъ патріотическихъ школъ — и о *куст.* комитетѣ, о которомъ, кажется мнѣ, *Кривошеинъ* совсѣмъ позабылъ. Потомъ командиръ *эриванцевъ* просилъ разрѣшенія меня повидать, онъ здѣсь былъ въ отпуску и возвращается въ свой полкъ.

Какъ тебѣ будетъ опять недоставать милаго Беби въ *Ставкѣ*, твоя одинокая жизнь опять начинается, мой дорогой ангелъ.

Дѣти вчера веселились у Ани и солдаты также — полагаю, что Татьяна тебѣ все описала. Анины именины 3-го, на случай, если бы ты захотѣлъ ей послать телеграмму.

Татьяна прощается съ *Родіоновымъ* по телефону, и я также это сдѣлаю.

Какъ ужасно трудно должно быть — драться при такомъ страшномъ холодѣ на *Кавказѣ*. Алекъ сказалъ, что у солдатъ меньше случаевъ отмораживанія ногъ, одинъ процентъ, а у офицеровъ восемь — они слишкомъ легко обуты, такъ какъ, отправляясь на югъ, они были увѣрены, что тамъ теплѣе.

Теперь, моя душка, я должна кончить письмо. Богъ да благословитъ и защититъ тебя, мой дорогой, и охранитъ отъ всякаго зла. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями и прижимаю къ моей груди. Навсегда твоя любящая старая женка.

Прошло ли у тебя «все» и нуждаешься ли ты еще въ тѣхъ вещахъ, которыя я тебѣ дала? Я хотѣла бы, чтобы ты побольше физически упражнялся, это для тебя было бы самое лучшее[1].

Ломанъ опять массу пьетъ и совсѣмъ свихнулся, Аня прямо боится его — необходимо было бы послать его въ Финляндію, въ санаторію, на два мѣсяца на полный отдыхъ, иначе, я тебя увѣряю, онъ застрѣлится или перестрѣляетъ другихъ. Доктора также находятъ, что онъ нуждается въ перемѣнѣ и отдыхѣ, у него уже разъ былъ нервный ударъ. — Эти зеленыя чернила отвратительно пахнутъ, я надѣюсь, что духи заглушатъ запахъ.

---

[1] Слѣдуютъ интимныя подробности.

№ 205.

Царское Село, 2 февраля 1916 г.

Милый ангелъ,

Прости это короткое письмо сегодня, но я одурѣла, всю ночь не спала изъ за боли въ щекѣ, которая распухла и кажется уродливой. *Вл*(адиміръ) *Ник*(олаевичъ) думаетъ, что это отъ зуба, и телеграфировалъ нашему дантисту, чтобы онъ пріѣхалъ. У меня былъ всю ночь компрессъ, я его мѣняла, сидѣла и курила въ гостиной, бродила по комнатѣ. Хорошо, что тебя здѣсь не было и я тебѣ не мѣшала. Это не такъ скверно, какъ тѣ мучительныя боли, которыя у меня бывали, но все таки совсѣмъ достаточно болитъ и при томъ непрерывно. Я съ одиннадцати до часу лежала въ темной комнатѣ, но безъ всякаго результата, и голова начинаетъ болѣть и сердце расширено. Я опять сегодня начала принимать свои лекарства.

4 градуса мороза, чуть-чуть идетъ снѣгъ. *Городинскій* изъ полка Ксеніи сказалъ, что ты видѣлъ полкъ, поблагодарилъ ихъ, и они были страшно рады. Въ сегодняшнихъ газетахъ есть описанія твоего осмотра, но я не въ состояніи ихъ читать, такъ что сохраню этотъ номеръ.

Вчера у меня былъ *докладъ Шведова* въ теченіе трехъ четвертей часа и Mlle Шнейдеръ — на полтора часа, это меня добило окончательно. Дорогая душка, я думаю о тебѣ и жажду тебя, покрываю тебя нѣжными поцѣлуями. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя.

Навсегда твоя старая женка.

Дѣти тебя цѣлуютъ; они были въ церкви и лазаретѣ. Я останусь въ кровати до чаю и потомъ посмотрю, какъ себя буду чувствовать. Дорогой мой, безпрестанно думаю о тебѣ.

№ 206.

Царское Село, 3 февраля 1916 г.

Мой милый,

Я уснула послѣ четырехъ — щека менѣе распухла — вчера вечеромъ я казалась совсѣмъ смѣшной — можно было хохотать надъ этимъ кривымъ лицомъ. Ольга и А. (Аня) читали дѣтскіе разсказы *Аверченко*, и я раскладывала пасьянсы, хотя голова болѣла, и я чувствовала себя одурѣвшей. Беби былъ милъ, когда я ему вчера сказала, что у него къ завтраку будутъ блины, которые онъ любитъ, — онъ сказалъ «какъ, когда у тебя боли, ты заказываешь мнѣ блины?.. я нарочно ихъ не буду ѣсть. Не надо». Но я сказала, что это мнѣ будетъ пріятно,

и оказывается, онъ съѣлъ цѣлую массу. Мы играли въ *дурачки* передъ тѣмъ, какъ онъ пошелъ спать.

5 градусовъ мороза и идетъ снѣгъ.

Наши офицеры со *Штандарта* и *Батюшка* телеграфировали ей (Анѣ) свои пожеланія, такъ трогательно, и *Родіоновъ* съ дороги также.

Н. П. пишетъ: «*я счастливъ, что у меня работы хватило бы и на 24 часа въ сутки, не знаю, хорошо или плохо, но свой носъ всюду сую, — даже вчера самъ каждую лошадь подбиралъ къ повозкѣ каждой — это старшее офицерство пріучило меня, зато знаю уже правда все.*» «*Пріѣзжалъ братъ ко мнѣ, провелъ у меня цѣлыя сутки — у нихъ безумно легко служить: вотъ, мѣсяцъ пробылъ онъ здѣсь и опять въ отпускъ можетъ ѣхать. Это отъ того, что у нихъ вмѣсто 29 офицеровъ чуть ли не 89 — непонятно по моему это, что то не то дѣлается у насъ въ арміи относительно офицеровъ, это теперь мое глубокое убѣжденіе*». Твои три *стрѣлка* обѣдали съ нимъ и у нихъ была музыка и пѣніе, и мой *Великанъ Петровъ запѣвало* и очень хорошъ.

. . . .

Вотъ письмо мое стало совсѣмъ длиннымъ, хотя лично мнѣ нечего сказать интереснаго, только, что я тебя нѣжно люблю и жажду твоихъ нѣжныхъ успокаивающихъ ласкъ.

Какъ былъ *Алекъ?* Какой отвѣтъ насчетъ прошенія *Шумиб.*, можетъ ли этотъ юноша быть отправленъ на фронтъ? Какъ насчетъ Делингсгаузена?

Богъ да благословитъ и защититъ тебя, покрываю тебя самыми нѣжными поцѣлуями. Навсегда твоя старая женка.

Ты бы смѣялся, глядя на меня. — Я рада, что ты сдѣлалъ большую прогулку. Какъ хорошо, что мы взяли столько фортовъ *Эрзерума.*

Читаешь ли ты французскую книгу? Будешь ли ты здѣсь въ ближайшій понедѣльникъ? Ахъ это было бы такъ прекрасно, мое милое сокровище, мой сіяющій. Я только что получила твое милое письмо, за которое безконечно благодарю тебя, моя душка, это былъ такой радостный сюрпризъ. И какъ хорошо, что ты все это видѣлъ. Да, поскорѣе избавься отъ *Б. Бр.* (Бончъ-Бруевича), не давай ему дивизіи, если его такъ ненавидятъ. А что насчетъ *Иванова?* Попробуй тотчасъ послѣ перваго завтрака выпивать стаканъ совсѣмъ холодной воды, это можетъ помочь дѣйствію желудка.

№ 207.

Царское Село, 4 Февраля 1916 г.

Любимый мой,

Отъ всего сердца поздравляю тебя со взятіемъ *Эрзерума*. Навѣрное, великолѣпно дрались и какъ скоро это произошло. Это такое утѣшеніе, а для другихъ хорошій нравственный ударъ. Только бы онъ теперь остался въ нашихъ рукахъ.

Теперь совсѣмъ конфиденціальный вопросъ отъ меня лично — такъ какъ все время приходится читать о томъ, что нѣмцы продолжаютъ посылать артиллерію и войска въ Болгарію, если, когда мы наконецъ перейдемъ въ наступленіе, они ударятъ въ тылъ черезъ Румынію, — кто тогда защищаетъ нашъ тылъ? Посылается ли гвардія къ югу отъ Келлера и чтобы защищать направленіе Одессы? Это мои собственныя мысли, — вѣдь непріятель всегда находитъ наши слабыя мѣста — они все подготовляютъ и предусматриваютъ всякія случайности, а мы всегда очень поверхностно готовимся, по общему правилу, и потому понесли потери въ *Карпатихъ* и т. д., такъ какъ недостаточно укрѣпили свои позиціи. Теперь, если они пробьются черезъ Румынію и нападутъ на нашъ лѣвый флангъ, какія силы остались, чтобы защищать нашу границу? Прости меня, что я къ тебѣ пристаю, но такія мысли приходятъ невольно. Какіе у насъ планы теперь, послѣ взятія *Эрзерума?* Какъ далеко мы находимся отъ англійскихъ войскъ? Я хотѣла бы знать, годится ли противогазовая маска *Алека?* Отъ души благодарю за то, что ты спасъ жизнь этого бѣдняги — тамъ на фронтѣ онъ можетъ доказать свою признательность — хотя онъ бѣдный статскій. Четыре *офицера Пластуна* помѣщены въ нашемъ лазаретѣ, а нѣкоторые въ Большомъ Дворцѣ. Я съ 25 декабря не была у нашихъ раненыхъ и цѣлую вѣчность не была въ Большомъ Дворцѣ. Они мнѣ такъ недостаютъ, и вся эта работа, которую я такъ люблю.

У Беби правая рука распухла, но не болитъ, все-же ему трудно писать.

Я поздно уснула, но потомъ ночь прошла благополучно, лицо менѣе распухло, но еще ненормально, и я чувствую напряженіе. *Феѳоровъ* совсѣмъ поправляется, хотя температура еще не вполнѣ нормальна — черезъ нѣсколько дней онъ надѣется выѣхать. М-мъ Зизи все еще чувствуетъ слабость.

Вотъ тебѣ толстое любовное письмо отъ коровы...

Два градуса мороза, чуть-чуть идетъ снѣгъ. Вчера была недѣля, что мы разстались, мое солнышко, а мнѣ уже кажется, что прошла цѣлая вѣчность. Моя жизнь была очень монотонна и уныла въ теченіе этой недѣли, и все же дни пролетали, а ночи медленно ползли.

Ахъ, моя любовь, ты мнѣ такъ страшно недостаешь — словно весь свѣтъ померкъ, когда тебя здѣсь нѣтъ. Ахъ, мой родной, мой единственный, мое все, мнѣ хочется прижать тебя къ моему сердцу, мнѣ грустно, я устала, и я хочу твоихъ ласкъ. Прощай, моя птичка, ты мой, а не ея, какъ она[1] осмѣливается тебя называть. Богъ да благословитъ тебя, мой миленькій, и охранитъ отъ всякаго зла и поведетъ тебя къ успѣху и къ конечному славному желанному миру. Твоя дѣвочка покрываетъ тебя поцѣлуями, мой милый мужененъ, навсегда твоя старая женка.

Кого ты назначилъ на мѣсто *Плеве*, что дѣлаетъ длинноносый Фердинандъ?

Теперь я должна одѣться къ завтраку; я пригласила Аню, она увѣряетъ, что она меня вчера почти не видѣла, такъ какъ у меня было множество народа.

№ 208.

Царское Село, 5 февраля 1916 г.

Моя душка,

Сегодня утромъ градусникъ на нулѣ, идетъ сильный снѣгъ. Слава Богу, Беби провелъ въ общемъ хорошую ночь — нѣсколько разъ просыпался, но не надолго и не жаловался. У него перевязаны обѣ руки и правая вчера порядочно болѣла — но Другъ нашъ говоритъ, что это пройдетъ въ два дня. Послѣднія ночи онъ спалъ безпокойно, хотя безъ боли, и не жаловался на руку, хотя не могъ ее сгибать. Вѣроятно онъ ушибся, держась за веревку саней, когда нѣсколько санокъ было связано, вмѣстѣ, но *Деревенько* говоритъ, что онъ совсѣмъ веселъ, такъ что не безпокойся, моя птичка. Мы обѣдали наверху, чтобы онъ могъ оставаться въ постели и меньше двигаться. Чѣмъ онъ спокойнѣе, тѣмъ лучше. Ольга и Татьяна ѣдутъ въ городъ на засѣданіе Татьянинскаго комитета. Я уснула послѣ четырехъ, почти нѣтъ опухоли, но я еще чувствую ее, и голова все время какая то странная, и челюсть также — это болѣе похоже на головную простуду безъ насморка, и трудно раскрывать ротъ, опять таки изъ за челюсти. Сердце всѣ эти дни болитъ, и я не чувствую себя хорошо. Я такъ надѣюсь, что Алексѣй и я будемъ въ приличномъ видѣ къ твоему возвращенію.

Тебя можетъ заинтересовать узнать размѣръ суммъ, полученныхъ моимъ *складомъ* и канцеляріей съ 21-го іюня[2] 1914 года до 31 января 1916 года — 6.675.138.80 к. Выдано 5.862.151.46. — Остается 812.985

[1] Вырубова.
[2] Ошибка, очевидно — іюля.

и 34 к. Громадная часть этихъ суммъ идетъ въ мои Московскіе, *Харьковскіе, Винницкіе, Тифлисскіе склады*, въ мои 6 поѣздовъ *складовъ*, въ санитарные поѣзда, полки и т. д. Но большіе *склады* также собираютъ деньги и вещи. *Верх. Сов.* (Верховный Совѣтъ) далъ мнѣ большія суммы, потомъ всѣ, которыя ты получаешь, а также собранныя въ Англіи, въ дни «флажковъ». — Почему наши войска опять эвакуировали Галицію? Я вывожу это заключеніе изъ отчета *Ребиндера*, такъ какъ столько офицеровъ полка «вернувшихся изъ Галиціи» прибыли въ *Харьковѣ* въ мой *складъ* и просятъ бѣлья и *индивид. пакет.* (индивидуальныхъ пакетовъ). Я не могу понять, что тамъ случилось, или можетъ быть ихъ тѣснѣе сосредоточиваютъ, и это тѣ войска, которыя должны защищать нашъ тылъ въ южномъ направленіи.

Аня извиняется за плохой почеркъ вчера, но она страшно торопилась и забыла сказать тебѣ, что она получила милую открытку съ поздравленіями отъ Ольги. Она съ нами вчера завтракала и оставалась до пяти, читала вслухъ и даже играла со мной въ карты. — Днемъ я поднимусь къ Беби, — остаюсь въ кровати до завтрака, такъ какъ все еще чувствую себя отвратительно. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма и твоей телеграммы, о которой ты предупредилъ. Я такъ надѣюсь, что ты въ самомъ дѣлѣ пріѣзжаешь и не отложишь эту радость нѣсколькихъ счастливыхъ дней.

Какъ ты доволенъ *Алексѣевымъ*, достаточно ли онъ энергиченъ? Какъ здоровье *Рузскаго?* Нѣкоторые здѣсь говорятъ, что онъ совсѣмъ поправился, но я не знаю, правда ли это или нѣтъ. Хотѣлось бы, потому что нѣмцы его боятся.

Представь себѣ, я вчера видѣла Miss Eady, няню Доны и Лу. Ей пришлось уѣхать изъ Д. (Дармштадта) къ великому огорченію Эрни и Оноръ въ прошломъ ноябрѣ. Министры нашли это необходимымъ, — они[1] всѣ были въ отчаяніи. Бѣдняжка, она не могла получить мѣста въ Англіи, такъ какъ она была въ Дармштадтѣ, — въ Англіи тоже люди стали совсѣмъ не нормальными — такъ что она пріѣхала сюда, въ виду необходимости зарабатывать средства на существованіе и поддерживать старую мать (у нея четыре брата и много племянниковъ на войнѣ). Она здѣсь у *Остенъ-Сакеновъ*, и разница послѣ Дармштадта очень велика. Я ей сказала, чтобы она почаще заходила къ Мадленъ и къ намъ, чтобы чувствовать себя менѣе одинокой. Она сказала Мадленъ, какъ многихъ огорчило, что Людвигу[2] пришлось уйти и что они очень его уважали и слѣдуютъ его плану. Они не послѣдовали его первымъ

---

[1] Члены семьи брата Императрицы.

[2] Баттенбергскому. Онъ былъ главнокомандующимъ англійскимъ флотомъ до войны и въ началѣ ея, но долженъ былъ оставить этотъ постъ изъ за своего нѣмецкаго происхожденія и имени.

идеямъ въ началѣ войны и теперь должны были убѣдиться, какъ они были неправы, и глубоко объ этомъ жалѣютъ. Было такъ пріятно съ ней повидаться, это мнѣ напомнило мой старый домъ и все, и Фридбергъ, и особенно *Ливадію*. Она иногда получаетъ отъ нихъ извѣстія. Но въ Англіи на нее разсердились потому, что она не хотѣла говорить противъ нѣмцевъ, между тѣмъ она видѣла со стороны Германіи только доброе отношеніе.

Эта война, повидимому, перевернула всѣмъ мозги. — Я сейчасъ читала въ *Новомъ Времени о подвигѣ ст. унт. офицера* Сибирскаго полка Беби, его портретъ тамъ также воспроизведенъ. Да, у насъ въ арміи много героевъ, и, если бы только наши генералы были совершенны, мы бы сдѣлали чудеса. Я вижу, что Миша еще не уѣхалъ. Пожалуйста, заставь его отправиться на фронтъ, увѣряю тебя, лучше ему быть тамъ, на своемъ мѣстѣ, чѣмъ здѣсь, съ ея[1] скверной кликой.

Милый мой, только что, въ часъ двадцать минутъ дня, мнѣ принесли твое дорогое письмо, благодарю тебя за него отъ всего моего нѣжно любящаго сердца. Ахъ, душка, какая радость имѣть тебя хотя бы на два дня! Богъ да благословитъ всѣ твои начинанія, твое появленіе, навѣрное, произведетъ чудеса, и Богъ тебя вдохновитъ нужными словами, но и просто увидѣть тебя, это уже такъ много. Ты самъ наполовину не понимаешь силу твоей личности, которая трогаетъ каждое сердце, даже самое худшее.

Я рада, что ты потребовалъ отъ военнаго совѣта обстоятельно разсмотрѣть всѣ вопросы. Не могъ ли бы ты послать за *Рузскимъ* на этотъ день, такъ какъ онъ почти все время командовалъ и такой способный человѣкъ, и хотя онъ часто не согласенъ съ *Ал*(ексѣевымъ) все же было бы разумно имѣть кого нибудь, который иначе смотритъ на дѣло, и тогда ты могъ бы легче найти правильный путь. — И такъ какъ, когда Рузскій поправится, ты его, дастъ Богъ, возьмешь опять, онъ, мнѣ кажется, долженъ былъ бы знать всѣ планы и участвовать въ нихъ.

Какъ великолѣпно все, что ты пишешь про *Эрзерумъ*. Въ самомъ дѣлѣ, чудныя войска!

Да, я также восхищаюсь этими людьми, которые продолжаютъ работать надъ этими гнусными газами и рискуютъ жизнью. Ахъ, подумать только, что человѣчество такъ низко пало, они находятъ, что это прекрасная техника, но гдѣ же «душа» во всемъ этомъ? Можно прямо заплакать надъ всѣми страданіями и жестокостью, которыя вызваны этой кошмарной войной.

---

[1] Гр. Брасовой.

Ты получишь это письмо гдѣ нибудь по пути. Я хотѣла бы знать, въ которомъ часу ты прибудешь 8-го. Это письмо, навѣрное, предпослѣднее. Прощай, мой родной, благословляю и цѣлую тебя съ безконечной любовью и нѣжностью и остаюсь, милый Ники, вся твоя старая жена

Аликсъ.

№ 209.

Царское Село, 6 февраля 1916 г.

Мое сокровище,

Надо мною чистятъ крышу, очень шумятъ, сгребая снѣгъ — два градуса мороза. Беби просыпался нѣсколько разъ, но у него не было болей, такъ что я надѣюсь, что къ твоему возвращенію онъ совсѣмъ поправится. Ахъ, какъ прелестно будетъ опять видѣть тебя, мой голубчикъ, тебя такъ мнѣ недостаетъ, но эти два дня будутъ утомительны, Ксенія пишетъ, что *Сандро*[1] пріѣзжаетъ въ среду на нѣсколько дней. Я такъ рада за нее. Она понемножку гуляетъ у себя въ саду, и Мамаша ежедневно ее навѣщаетъ. — Что ты сдѣлалъ насчетъ бѣднаго Делингсгаузена?

Я читала твою телеграмму и отвѣтъ московскому дворянству и вдовѣ прежняго губернатора *Эрзерума* — странное чувство должна была испытать эта женщина, которая видѣла паденіе крѣпости 38 лѣтъ тому назадъ. — Мнѣ нечего сказать тебѣ интереснаго, мое солнышко. Я рада, что ты въ концѣ концовъ сдѣлалъ хорошую прогулку, навѣрное, это тебѣ было полезно, такъ какъ гулять все кругомъ маленькаго сада могло просто сума свести. *Карангозовъ* писалъ Анѣ, что въ *Одессѣ* была чудная погода, двѣнадцать градусовъ въ тѣни, дамы ходятъ въ легкихъ платьяхъ. Оттуда онъ поѣхалъ въ *Кіевъ*, попалъ въ снѣгъ.

Его полкъ получилъ отпускъ только на югъ, а не въ Царское Село, такъ что его мать и сестра устроились, чтобы повидаться съ нимъ въ *Одессѣ*. Я хотѣла бы знать, гдѣ и когда ты увидишь первый Сибирскій корпусъ? Прощай, моя птичка, Богъ да благословитъ твой путь и въ цѣлости доставитъ тебя къ намъ. Осыпаю тебя нѣжными поцѣлуями и остаюсь

твоя любящая старая женка.

Всѣ дѣти горячо тебя цѣлуютъ.

---

[1] Мужъ ея, В. Кн. Алдръ. Мих.

№ 210. *Царское Село*, 10 февраля 1916 г.

Мой дорогой голубчикъ,

Твое мимолетное посѣщеніе было такимъ подаркомъ, мой любимый, и хотя мы мало видѣлись все же я чувствовала, что ты здѣсь, и твои нѣжныя ласки меня опять согрѣли. — Я могу себѣ представить то глубокое впечатлѣніе, которое произвело на *Думу* и на Гос. Сов. твое посѣщеніе[1]. Дай Богъ, чтобы это было побудительнымъ средствомъ, которое заставитъ всѣхъ работать усердно и въ единеніи для блага и величія нашей возлюбленной страны. Увидѣть тебя — значитъ такъ много. И ты какъ разъ нашелъ нужныя слова.

Мы, Аня и я, пережили очень тяжелые дни изъ-за этой исторіи, поднятой противъ нашего Друга — и возлѣ насъ не было никого, съ кѣмъ, посовѣтоваться. Но она себя вела храбро и хорошо во всей этой исторіи и даже выдержала отвратительно грубый разговоръ съ *Воейковымъ* въ понедѣльникъ. Я въ самомъ дѣлѣ чувствую тревогу по поводу нея — такъ какъ она догадалась о некрасивой исторіи, въ которую хотѣли втянуть *Хвостова*, — съ евреями, — только для того, чтобы передъ *Думой* устроить скандалъ, все такъ тенденціозно.

Увидѣть тебя дало намъ опять мужество и силу, такъ какъ кругомъ, особенно вокругъ насъ, люди такъ низки и настроеніе въ «*тылу*» все еще плохое. Всѣ мои молитвы и помыслы будутъ окружать тебя завтра — ты дѣлаешь великую вещь и такую мудрую, — и всѣ начальники могутъ честно высказать свои мысли и дать тебѣ ясную картину всего. Богъ да благословитъ ихъ работу подъ твоимъ руководствомъ. Спи хорошо, мое сокровище, тебя опять будетъ мнѣ страшно недоставать, ты принесъ мнѣ столько солнца, и я буду жить воспоминаніемъ о твоемъ миломъ присутствіи. Скоро опять, станемъ надѣяться, ты будешь весь со мной. Богъ да благословитъ и защититъ тебя, моя дорогая душка, мой супругъ, мой родной. Тысяча нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ твоей маленькой

женки.

№ 211. *Царское Село*, 11 февраля 1916 г.

Мой дорогой,

Ярко и солнечно, и 12 градусовъ мороза. Всѣ мои нѣжнѣйшія мысли съ тобой, моя дорогая душка, и я надѣюсь, что большой военный

[1] 9 февраля Государь съ В. Кн. Михаиломъ посѣтивъ Гос. Думу и Гос. Совѣтъ, присутствовалъ на молебнахъ по случаю взятія Эрзерума и обращался къ членамъ законод. учрежденій съ рѣчами, призывая къ усиленной совмѣстной работѣ на пользу родины.

совѣтъ сойдетъ хорошо и согласно твоимъ желаніямъ. Я могу себѣ представить, какъ ты будешь себя чувствовать освѣженнымъ среди военныхъ, такъ какъ эти дни здѣсь не были для тебя очень пріятны, и ты долженъ быть въ восторгѣ, что могъ опять уѣхать. Обыкновенно у тебя здѣсь бываютъ какія нибудь тяжелыя впечатлѣнія. Вторникъ принесъ столько хорошаго, а потомъ эта гнусная исторія про нашего Друга. Она[1] употребитъ всѣ усилія, чтобы успокоить Его — но въ своемъ теперешнемъ настроеніи Онъ кричитъ на нее и такъ страшно нервничаетъ. Но теперь наступила солнечная погода, и потому я надѣюсь, что Онъ опять сталъ такимъ, какимъ Онъ всегда былъ. Онъ боится уѣхать, говоритъ, что Его убьютъ — ну, мы увидимъ, что Богъ дастъ!

Все это тебя опечалило и встревожило, и ты не имѣлъ радости въ этотъ свой пріѣздъ, дорогое солнышко, — но ты согрѣлъ твою старую женку, и она еще чувствуетъ на губахъ твой послѣдній поцѣлуй. Твое посѣщеніе было словно сонъ; теперь такъ пусто опять. Сегодня мнѣ еще нечего тебѣ сказать.

Вчера вечеромъ мы работали, раскладывали пасьянсы и Т. (Татьяна или А. (Анастасія) читали вслухъ «*Наши заграницей*»[2], но мысли были съ тобой, а не слѣдили за чтеніемъ.

Дорогая душка, я теперь должна встать, такъ какъ князь Голицынъ будетъ въ двѣнадцать съ половиной со своимъ *докладомъ* о нашихъ плѣнныхъ, а потомъ *Вильчковскій*. Прощай, Богъ да благословитъ тебя, покрываю тебя поцѣлуями и остаюсь навсегда твоя собственная женка.

№ 212.

Царское Село, 12 февраля 1916 г.

Мой родной, голубчикъ,

Яркое солнечное утро, 7 градусовъ мороза, вчера вечеромъ 12.

Какъ говорили всѣ генералы? Какъ хорошо, что ты собралъ ихъ. Такъ освѣжаютъ такіе разговоры, какъ бы серьезны и трудны они ни были. Но я надѣюсь, что они въ общемъ довольны количествомъ боевыхъ припасовъ, — или есть еще большой недостатокъ въ винтовкахъ?

Я получила отъ Викторіи милое длинное письмо, она теперь въ Лондонѣ — Людвигъ и Луиза ѣдутъ на сѣверъ чтобы повидаться съ Джорджи, а она поѣдетъ попозже. У нихъ были сильныя бури и очень холодная погода и когда «*Новая Зеландія*» была на морѣ, крей-

---

[1] Вырубова.

[2] Юмористическій разсказъ Лейкина.

[illegible] послѣдній мѣсяцъ, волны переливались черезъ палубу и одна [illegible] вкатилась въ башню Джорджи черезъ орудійный люкъ и смыла одного изъ людей, прямо внизъ и Джорджи пришлось вползти туда, чтобы его вытащить. Онъ нашелъ его на самой глубинѣ совсѣмъ придавленнымъ, уже на половину захлебнувшимся и съ перебитыми ногами. Нѣкоторые изъ матросовъ получили разрѣшеніе поѣхать во Францію, чтобы видѣть бои, и одинъ Corporal съ Н. З. (Новой Зеландіи), бывшій въ ихъ числѣ, находился въ окопѣ въ то время, когда подъ нимъ взорвалась германская мина и убила всѣхъ пулеметчиковъ. Вслѣдъ затѣмъ матросы сейчасъ же взялись за него и подъ начальствомъ своего Corporal'а они такъ хорошо работали, что онъ получилъ награду, и его судно имъ очень гордится. Дикки и кадеты его выпуска не отправляются прямо на море послѣ Пасхи, но сперва поступаютъ въ инженерное училище въ Кэгхэмъ (Плимутъ). Лучшіе 26 или 30 изъ нихъ будутъ приняты во флотъ въ іюнѣ и, такъ какъ онъ по списку всегда приблизительно 15-ый, онъ надѣется быть въ ихъ числѣ. Понятно онъ разочарованъ, что приходится ждать, но я съ эгоистической точки зрѣнія за это благодарна.

Алиса пишетъ, что англичанъ въ Салоникахъ любятъ, офицеры вѣжливы, люди ведутъ себя хорошо, — съ французами, къ сожалѣнію, по ея словамъ, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, и въ одномъ небольшомъ городѣ они съ женщинами поступили такъ-же отвратительно, какъ германцы въ Бельгіи, а офицеры въ Салоникахъ, начиная съ генерала, дерзки и грубы даже съ Андреа.

Луиза наслаждается отдыхомъ дома, она, вѣроятно, вернется въ Неверъ въ концѣ мѣсяца.

Сандро въ *Ставкѣ*. Маленькая Мари[1] завтракаетъ съ нами сегодня, а до и послѣ того я принимаю. Милое сокровище, прощай, Богъ да благословитъ тебя; нѣжно и жадно цѣлую тебя; твоя любящая старая жена

Аликсъ.

№ 213.

Царское Село, 13 февраля 1916 г.

Моя родная душка,

Два градуса мороза, идетъ снѣжокъ. Къ счастью я теперь сплю хорошо, это рѣдкое счастіе — я также немного кашляю, какъ Беби. Вчера я видѣла *Неклюдова*[2] — онъ говоритъ хорошо, но

[1] Марія Павловна младшая.
[2] Тогдашній нашъ посланникъ въ Швеціи.

отъ времени до времени становится чопорнымъ дипломатомъ, что крайне непріятно. Потомъ я видѣла доктора Брунера, который далъ мнѣ отчетъ о томъ, какъ германцевъ и австрійцевъ содержатъ въ Сибири, — удовлетворительно.

Потомъ — одну княгиню Франсуазу Воронецкую, рожденную Красинскую, которая организовала много лазаретовъ въ Варшавѣ и получила тамъ медаль. Ея мужъ и два сына остались въ Варшавѣ, и она имѣетъ изрѣдка извѣстія отъ нихъ. Она кажется очень энергичной, хотя выглядитъ розовой, толстенькой и уютной, на очень высокихъ узкихъ каблучкахъ и въ смѣшной шапочкѣ, не подходящей къ ея формѣ сестры. — Сегодня у меня княжна Гедройцъ, вѣроятно, будетъ ворчать. — Лили *Денъ* и ея мужъ вчера пришли на часъ и вечеромъ пили чай — она въ самомъ дѣлѣ душка и всегда такая забавная — но его глупый смѣхъ довольно трудно выносить. Получаетъ ли онъ *«Варягъ»?*

Я такъ рада, что ты доволенъ результатомъ военнаго совѣта, — это такая отличная вещь, что ты ихъ всѣхъ созвалъ и далъ имъ возможность совмѣстно говорить въ твоемъ присутствіи. — Маленькая Мари завтракала съ нами, она выглядитъ совсѣмъ хорошо, но только вся въ прыщахъ — она говоритъ, что Дмитрій пріѣзжаетъ завтра — это жаль, такъ какъ онъ опять попадетъ въ скверную компанію и будетъ вести дурной образъ жизни.

Какъ бы я хотѣла, чтобы кто нибудь съ нимъ серьезно поговорилъ. Я знаю, что Н. П. это нѣсколько разъ дѣлалъ и удержалъ его отъ вечернихъ приключеній, — мальчикъ поступаетъ, согласно съ требованіями того, къ которому онъ въ данную минуту привязанъ.

Чѣмъ больше я думаю о Борисѣ, тѣмъ болѣе я отдаю себѣ отчетъ, въ какую ужасную компанію будетъ втянута его жена, съ его друзьями или съ друзьями Михенъ, богатыми французами, русскими банкирами, «тѣмъ» обществомъ, Ольгой Орловой и *Бѣлос*(ельскими) и всѣми подобными типами, интриги безъ конца — распущенныя манеры и разговоры, и Ducky [1] совсѣмъ не подходящая золовка, а кромѣ того у Бориса такое сумасшедшее прошлое. Михенъ приняла привычки Е(лены) Владиміровны, ни въ чемъ не хочетъ отставать, и въ этой жизни нашла себѣ удовольствіе, — съ ея задатками это было естественно. — Ну, зачѣмъ я объ этомъ пишу, когда ты это знаешь такъ же хорошо, какъ и я! Какъ можно отдать молодого человѣка, blasé [2], хорошо пожившаго, полуистрепаннаго чистой свѣжей дѣвушкѣ, которая на 18 лѣтъ моложе его, и заставить ее жить въ домѣ, въ которомъ уже не одна женщина «дѣлила» его судьбу. Только «женщина», которая знаетъ свѣтъ и мо-

---

[1] Елена Владиміровна, дочь Маріи Павловны.
[2] Искушеннаго жизнью.

жетъ судить и выбирать съ открытыми глазами, должна была бы быть его женой и сумѣла бы держать его и сдѣлать изъ него хорошаго мужа. Но неопытная молодая дѣвушка страшно бы страдала, получивъ своего мужа изъ четвертыхъ, пятыхъ (или еще больше) рукъ, — женщина, конечно, легче бы примирялсь съ этимъ, если бы она любила. — Потому и Дмитрія слѣдовало бы тебѣ слегка взять въ руки и объяснить ему, что значить супружеская жизнь.

Теперь я должна кончать. Прощай, мой ангелъ, моя птичка. Святые ангелы да охранятъ тебя. Богъ да благословитъ тебя. Безконечно нѣжные жаждущіе поцѣлуи отъ твоей любящей старой женки.

Въ *Думѣ* произносятъ гнусныя рѣчи[1], но онѣ не имѣли никакого успѣха, никто на нихъ не обращаетъ вниманія. *Пуришкевичъ* произнесъ ужасную рѣчь, зачѣмъ онъ всегда такой сумасшедшій? Но ты тамъ принесъ, очевидно, большую пользу, такъ какъ рѣчи уже не производятъ дѣйствія.

№ 214.

Царское Село, 14 февраля 1916 г.

Мой родной,

Твое милое письмо меня безконечно осчастливило, я читаю и перечитываю его много разъ, и нѣжно цѣлую каждую страницу, до которой дотронулась твоя дорогая рука. Я глупая старуха, неправда ли, но я нѣжно любящая, которой больно недостаетъ ея голубчикъ.

Бѣдный Плеве[2], только представить себѣ, что онъ сталъ такимъ несчастнымъ маленькимъ существомъ — уже до войны было жалко на него смотрѣть.

Я рада, что они всѣ хорошенько выговорились и даже повздорили, — это самое лучшее и устраняетъ всякое недоразумѣніе и гораздо лучше ихъ характеризуетъ.

Старшія дѣвочки отправились на концертъ въ нашемъ лазаретѣ, а три младшія — въ Анино *убѣжище* на дневной концертъ. Старый *Давыдовъ* также хотѣлъ придти, чтобы видѣть Беби. Ея родители будутъ также тамъ, надо ихъ подбодрить послѣ гнуснаго письма, которое ея мать получила отъ м-мъ *Родзянко*, полнаго гнуснѣйшей брани по адресу Ани. Будутъ также *Ник. Дм. Д.*, *Ирина Толстая*, *Влад. Ник.* и м-ръ Гиббсъ. Я не могу пойти, такъ какъ чувствую себя неважно, порядочно кашляю и сегодня утромъ 37,3 — право, слишкомъ обидно

[1] Въ засѣданіи 10 февраля политика правительства была подвергнута рѣзкой критикѣ представителями фракцій.

[2] Генералъ.

схватить такую простуду, оставаясь дома. Сегодня сѣрое утро, тихо, три съ половиной градуса мороза. — Потомъ я принимаю.

Бѣдная Иза очень подавлена, такъ какъ объ ея отцѣ[1] въ газетахъ написали гадкія вещи. — Моего Штерна они также обвиняютъ въ шпіонствѣ — и въ общемъ я нахожу, что люди нѣсколько потеряли равновѣсіе, выражаясь мягко. М-мъ Зизи все еще не въ состояніи выходить.

Я получила французскую книгу; — когда ты кончишь англійскую, я могу послать другую. Такое невинное чтеніе успокаиваетъ усталый мозгъ и даетъ другія мысли.

Я надѣюсь, что ты опять дѣлаешь хорошія прогулки.

Устроился ли ты насчетъ двухнедѣльной службы твоихъ адъютантовъ по очереди въ *Ставкѣ?* Теперь, пока дѣла тише, ты могъ бы даже вызывать полковыхъ командировъ,[2] хотя такихъ, кажется, почти уже не осталось. Но это было бы для тебя большимъ выигрышемъ, такъ какъ они могли бы тебѣ сказать много истинъ, которыхъ не знаютъ даже генералы, и я увѣрена, что они тебѣ были бы полезны. И всѣ постараются и будутъ работать усерднѣе, если будутъ знать, что одинъ изъ ихъ офицеровъ былъ въ *Ставкѣ* и долженъ былъ откровенно отвѣчать на всѣ твои вопросы. Они замѣчаютъ больше, чѣмъ другіе, и, кромѣ того, это постоянная живая связь съ арміей.

Алексѣй получилъ телеграмму отъ *Эристова*, отъ твоихъ уланъ. Теперь, моя душка, я должна кончить письмо. Богъ всемогущій благословитъ и охранитъ тебя. Осыпаю моего милаго муженька нѣжными поцѣлуями. Навсегда твоя старая женка

«Солнышко».

Дѣти тебя нѣжно цѣлуютъ.

№ 215.

Царское Село, 15 февраля 1916 г.

Мой родной любимый,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо, которое я получила вчера. Ты былъ въ самомъ дѣлѣ очень занятъ, и я рада, что въ концѣ концовъ ты вчера могъ хорошенько прогуляться и такимъ образомъ освѣжился.

Представь себѣ, Эзи завтракаетъ съ нами сегодня. Я его не видѣла съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ на войну, и онъ просилъ разрѣшенія представиться въ качествѣ генералъ-адъютанта, такъ что я подумала,

[1] Баронъ К. Буксгевденъ, нашъ посланникъ въ Копенгагенѣ.
[2] Имѣющихъ званіе флигель-адъютанта.

что лучше пригласить его къ завтраку. Будетъ довольно трудно заставить его говорить безъ твоей помощи.

Чудное солнечное утро, 8 градусовъ мороза. Аня проситъ меня каждый день выходить, но я знаю, что съ моимъ кашлемъ это было бы безуміемъ. Я спала не очень хорошо, такъ какъ кашель мѣшалъ мнѣ. Иногда я очень долго не кашляю; а потомъ опять начинается приступъ, совсѣмъ какъ у Беби. У Мари насморкъ. Сегодня они всѣ идутъ въ Большой Дворецъ, чтобы видѣть небольшое театральное представленіе для раненыхъ — «*Кривое Зеркало*».

Старый *Горемыкинъ* былъ у меня вчера, я передала ему всѣ новости, которыя я отъ тебя имѣю, и онъ былъ счастливъ услышать про твой военный совѣтъ. Его жена только что простилась со своимъ лазаретомъ, когда у нея сдѣлался сердечный припадокъ отъ волненія, и ее пришлось оставить тамъ на ночь — бѣдные старики, мнѣ такъ грустно за нихъ. Онъ выглядитъ хорошо, но въ первые дни, когда у него вдругъ не осталось никакого дѣла, онъ все время былъ въ какомъ то полуснѣ, послѣ большого напряженія этихъ тяжелыхъ мѣсяцевъ. Когда онъ прощается, мнѣ всегда кажется, что онъ думаетъ, не послѣдній ли разъ онъ меня видитъ, — по крайней мѣрѣ добрые старые глаза имѣютъ такое выраженіе.

Французамъ приходится очень тяжело подъ Верденомъ, дай Богъ имъ удачи — какъ хотѣлось бы, чтобы они и англичане перешли наконецъ въ наступленіе.

Какія впечатлѣнія были у Филлимора въ Архангельскѣ, понимаетъ ли онъ теперь, какъ трудно наше положеніе тамъ, и находитъ ли онъ, что мы работаемъ усердно? Критическій глазъ иностранца всегда можетъ быть полезенъ. — Сегодня будетъ *Зуевъ*, онъ въ среду уѣзжаетъ въ Англію - Францію. Эмма Фред(ериксъ) была на свадьбѣ *Сашки*. Она говоритъ, что профиль невѣсты красивъ, но en face у нея носъ слишкомъ приплюснутъ, красивые глаза, очень черные волосы — невысока ростомъ и полна.

Трина [illegible] въ отчаяніи по поводу того, что *О. Лам*[illegible] [illegible]ихъ лѣтъ. Онъ привелъ денежныя дѣла [illegible] того, какъ получилъ эту должность въ [illegible]омъ въ долгахъ. *У Штюрмера* свой [illegible] (*Гурлинъ*, кажется, или *Гуляндъ*), у котораго [illegible] много работы, такъ что онъ даже не будетъ въ состояніи [illegible]но этимъ руководить. Если я увижу Ш., который, какъ я думаю, [illegible]роситъ о пріемѣ вслѣдствіе В. С (Верховнаго Совѣта), я его объ [illegible]мъ разспрошу.

[1] Директоръ С.-Пб. телегр. агентства, уволенный для предоставленія этого [illegible]ста Гурлянду, ставленнику Штюрмера.

Я рада, что тебѣ нравятся мои раздушенныя письма, — хочу чтобы они напоминали тебѣ о твоей старой дѣвочкѣ, которая такъ жаждетъ тебя. Въ мысляхъ я прижимаю тебя къ сердцу, крѣпко держу тебя въ объятiяхъ и покрываю твое лицо любящими поцѣлуями и ласками.

Теперь прощай, моя птичка, благословляю и цѣлую тебя, твоя старая Аликсъ.

Я только что перечитывала нѣкоторыя изъ своихъ писемъ къ Сонѣ[1] и рвала ихъ — они совсѣмъ какъ дневники и такъ живо напоминаютъ прошлое. Завтра былъ бы день ея рожденiя.

№ 216.

16 февраля 1916 г.

Мой голубчикъ,

Опять сегодня яркое солнечное утро, было 6 градусовъ мороза. Я еще не рѣшаюсь выходить на балконъ изъ за своего кашля. Въ половинѣ перваго у меня Витте[2] съ докладомъ, потомъ послѣ завтрака еще народъ и въ шесть *Штюрмеръ*. Сегодня былъ бы день рожденiя Сони — такъ грустно — я ни разу не была на ея могилѣ.

Сегодня вечеромъ у насъ былъ *А. П. Саблинъ*. Онъ ничуть не стѣснялся и былъ совсѣмъ естественнымъ. Онъ завтра опять возвращается въ страшную грязь, въ *Проскурово*, — онъ говорилъ очень бодро. — Ольга шалила, садилась на крошечный столъ, пока онъ, наконецъ, къ счастью не сломался. Такъ забавно, у него нѣкоторыя движенiя брата; увидѣть его — это освѣжающая перемѣна, такъ какъ засыхаешь въ заботахъ и тревогахъ.

Я жадно ожидаю твоего письма, о которомъ ты телеграфировалъ, принесетъ ли оно извѣстiе о твоемъ возращенiи, это въ самомъ дѣлѣ было бы прелестно, я такъ жажду моего голубчика.

М-мъ Зизи все еще чувствуетъ себя неважно, она въ городѣ выѣзжала въ закрытой каретѣ и потомъ ей стало хуже.

Я должна на минутку остановиться, у меня глаза болятъ, такъ какъ я написала длинное письмо Викторiи, которое *Зуевъ* завтра возьметъ съ собой.

Прости мои скучныя письма, душка, но жизнь очень однообразна, и я сама не очень весела — и то, что я слышу, нисколько меня не подбадриваетъ.

Будетъ интересно услышать твое мнѣнiе о генералахъ, и о чемъ говорили, и что рѣшено. Мнѣ хотѣлось бы узнать про военные во-

[1] Орбелiани.
[2] Баронъ Витте.

просы и, конечно, я не могу ни отъ кого ничего услышать, кромѣ какъ отъ тебя. — Только что получила твое прелестное письмо, цѣлую тебя за него. Такъ это мое послѣднее, ахъ какая радость! Въ четвергъ опять ты будешь дома, это въ самомъ дѣлѣ чудное извѣстіе. Завтра только недѣля, что ты уѣхалъ. Какъ хорошо, что ты будешь дома и что дѣти свободны послѣдніе три дня[1], такъ что они будутъ въ восторгѣ, что ты дома, и я надѣюсь, что Беби къ тому времени опять будетъ выходить. Отъ души желаю тебѣ хорошаго путешествія. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Покрываю тебя поцѣлуями. Навсегда твоя старая женка.

№ 217.

Царское Село, 2 марта 1916 г.

Мой голубчикъ,

Я не могу сказать тебѣ, к а к а я была радость имѣть тебя здѣсь, хотя для тебя были опять безконечныя тревоги, и это тебя утомило. Такъ тяжело, что ты не можешь пріѣзжать домой для отдыха, а какъ разъ наоборотъ — поэтому мнѣ даже приходится радоваться за тебя, когда ты уѣзжаешь. Такая радость, что мы могли вмѣстѣ пойти къ святому причастію. — Эти послѣдніе дни мои страшныя боли заставили меня совсѣмъ одурѣть, такъ что я никуда не годилась и мнѣ бы хотѣлось передъ твоимъ отъѣздомъ коснуться многихъ вопросовъ, но я не могла ихъ вспомнить.

Я такъ несчастна, что мы черезъ *Гр*(игорія) рекомендовали *X*(востова) тебѣ — я просто не могу успокоиться — ты былъ противъ этого, а я уступила ихъ давленію, хотя съ самаго начала я сказала Анѣ, что мнѣ нравится его большая энергія, но что у него слишкомъ много себялюбія и въ немъ что то для меня непріятное; и имъ овладѣлъ дьяволъ, иначе этого нельзя назвать. Мнѣ не хотѣлось тебѣ писать объ этомъ прошлый разъ, чтобы тебѣ не надоѣдать, но мы прошли черезъ тяжелыя времена и потому мы были бы спокойны, если бы теперь съ твоимъ отъѣздомъ что нибудь было рѣшено. Пока X(востовъ) у власти и у него въ рукахъ деньги и полиція, я по совѣсти не могу быть спокойной за *Гр*(игорія) и Аню.

Господи, какъ я устала. Твое милое присутствіе и твои нѣжныя ласки успокаиваютъ меня, и я страшусь твоего отъѣзда. Не забудь хранить около себя образъ нашего Друга, какъ напутствіе къ предстоящему «наступленію». Ахъ, какъ я хотѣла бы, чтобы мы всегда были вмѣстѣ, и чтобы я могла все дѣлить съ тобой и все видѣть. Такое

[1] Масляницы.

предстоитъ тревожное время, и сейчасъ неизвѣстно, когда мы опять свидимся. Всѣ мои молитвы непрестанно сопутствуютъ тебѣ, дорогая любовь моя. Богъ да благословитъ тебя и твое дѣло, и всякое твое предпріятіе и увѣнчаетъ ихъ успѣхомъ.

Хорошія времена придутъ, и ты терпѣливъ и удостоишься милости Божьей, я въ этомъ увѣрена, но еще надо пройти черезъ многое. Когда я знаю, что значатъ «потери» всѣхъ этихъ жизней для твоего сердца, я могу себѣ представить страданія Эрни теперь. Ахъ, эта ужасная кровопролитная война!

Прости мой скверный почеркъ, но голова и глаза болятъ, и сердце чувствуетъ слабость послѣ всѣхъ этихъ страданій.

Ахъ, моя любовь, мое дорогое милое солнышко — такъ уныло, когда ты уѣзжаешь — но ты еще гораздо болѣе одинокъ, такъ что мнѣ не слѣдовало бы жаловаться — но чувствовать твое милое присутствіе около меня, это такое блаженство и такъ успокаиваетъ. Прощай, моя душка, любовь моего сердца. Богъ всемогущій да благословитъ и охранитъ тебя, и защититъ отъ всякаго зла, и направитъ тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ, и благословитъ всѣ твои начинанія.

Да поможетъ онъ тебѣ найти хорошаго преемника Х(востову) такъ, чтобы у тебя было одной заботой меньше. Прощай, мое солнышко, держу тебя крѣпко въ своихъ объятіяхъ и покрываю нѣжными поцѣлуями, и остаюсь твоя собственная дѣвочка, женка.

Я рада, что С. Петр.[1] съ тобой — я предпочитаю его всѣмъ другимъ, которые тебя сопровождаютъ, и также милаго *Мордв*(инова). Н. П. также подружился съ *Фед*(оровымъ) именно потому, что онъ такъ преданъ тебѣ — *Воейковъ* самоувѣренъ и идетъ по вѣтру, если для него лично это выгоднѣе.

Благодарю тебя еще и еще разъ за всю твою любовь, она — моя жизнь.

№ 218.

Царское Село, 3 марта 1916 г.[2]

Мой родной голубчикъ,

Ахъ, какъ одиноко безъ тебя, и какъ тебя мнѣ страшно недостаетъ! Такъ грустно проснуться и найти возлѣ себя пустое мѣсто. Нѣжно благодарю за твою вечернюю телеграмму. Такъ грустно безъ тебя,

---

[1] Федоровъ.

[2] За время пребыванія Государя въ Царскомъ съ 17 февраля по 2 марта товарищъ министра вн. д. Бѣлецкій назначенъ Иркутскимъ губернаторомъ; на его мѣсто назначенъ Шадурскій; Могилевскій губернаторъ Пильцъ назначенъ товарищемъ министра вн. д.; товарищъ министра вн. д. Плеве назначенъ сена-

каждую минуту ожидаешь, что ты заглянешь. — Я спала хорошо, дѣйствіе лѣкарства еще продолжается и сердце чувствуетъ себя неважно вслѣдствіе этого. Вл. Ник. продолжаетъ электризовать лицо. Боль я чувствую только отъ времени до времени, но ощущаю нѣкоторое головокруженіе и вообще мнѣ нездоровится и приходится осторожно ѣсть, чтобы не вызывать болей челюсти. У Ольги и Анастасіи Беккеръ. Аня хуже кашляетъ, такъ что сидитъ дома и будетъ приходить только разъ днемъ, это благоразумнѣе.

Вотъ прошеніе отъ Афонскихъ монаховъ, живущихъ въ Москвѣ. Я тебѣ его посылаю въ надеждѣ, что ты его препроводишь *Волжину* со строгой резолюціей, что ты настаиваешь (еще разъ), чтобы всѣмъ было позволено быть у святого причастія и чтобы священникъ могъ лично служить. *Волж*(инъ) иногда бываетъ трусомъ, такъ что ты лично напиши **свое приказаніе**, а не только желаніе, на прошеніи. Постыдно обращаться съ ними такъ. Ты помнишь *Митр. Макарій* это имъ позволилъ, и ты также, а *Синодъ,* понятно, протестовалъ.

Н. П. только что телеграфировалъ Анѣ, что онъ пріѣхалъ сегодня утромъ и уѣзжаетъ опять сегодня вечеромъ, — такъ что онъ къ намъ придетъ сегодня днемъ; онъ въ отчаяніи, что ты уѣхалъ, такъ какъ онъ пріѣхалъ по дѣламъ съ шестью офицерами для Варяга. Онъ, повидимому, въ отчаяніи, что ему пришлось отдать хорошихъ офицеровъ и 400 людей, — онъ думаетъ, что лучше было бы совсѣмъ покончить, такъ какъ онъ не можетъ продолжать (командовать) батальономъ съ меньшимъ количествомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Онъ будетъ говорить съ *Кирилломъ.* Я съ нимъ хорошенько поговорю, такъ какъ я думаю, что все можетъ быть устроено, хотя я понимаю, что болѣе чѣмъ тяжело разрушать то, что ты такъ хорошо организовалъ. Я

торомъ; мин. юстиціи А. А. Хвостовъ, назначенъ заступающимъ мѣсто предсѣдателя совѣта министровъ; московскій градонач. Климовичъ назначенъ директоромъ департамента полиціи; гродненскій губернаторъ Шебеко назначенъ московскимъ градоначальникомъ; начальникъ варшавскаго губ жандармскаго упр. генералъ-маіоръ Комиссаровъ назначенъ градоначальникомъ Ростова на Дону; министръ вн. дѣлъ Хвостовъ уволенъ отъ должности съ оставленіемъ въ придв. званіи; министромъ вн. дѣлъ назначенъ Штюрмеръ съ оставленіемъ предсѣдателемъ совѣта министровъ; арестованъ Борисъ Ржевскій, который долженъ былъ возобновить сношенія съ находившимся въ Норвегіи Иліодоромъ; состоялось Высоч. повелѣніе, чтобы доклады оберъ-прокурора Св. Синода, касающіеся внутренняго строя церковной жизни и существа церковнаго управленія, совершались въ присутствіи первоприсутствующаго члена Св. Синода; Государь выразилъ согласіе на разсмотрѣніе Государственнымъ Совѣтомъ вопроса о привлеченіи къ суду ген. Сухомлинова; въ Государственной Думѣ депутатомъ Савенко оглашена записка правыхъ о необходимости заключенія мира съ Германіей; Генералъ Пэджетъ и лордъ Пемброкъ поднесли Государю жезлъ фельдмаршала англійской арміи.

лично нахожу, что имъ слѣдовало бы переговорить съ *Григоровичемъ* и обоимъ отправиться къ тебѣ, и объяснить положеніе, и узнать о твоихъ желаніяхъ. Я употреблю всѣ усилія, чтобы его успокоить. Я чувствовала, что такъ будетъ, когда ты мнѣ объ этомъ разсказалъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Имъ уже тогда не хватало офицеровъ, а теперь имъ приходится отдавать лучшихъ, — но такъ какъ они въ резервѣ, они могли бы имѣть время, чтобы достать и подготовить людей отсюда, но только откуда же достать офицеровъ? Какъ то не везетъ имъ, словно имъ что то мѣшаетъ продолжать работу съ гвардіей.

Я тебѣ все разскажу завтра послѣ того, какъ его повидаю.

Дѣти въ порядкѣ. *Штюрмеръ* просилъ разрѣшенія у меня быть въ субботу — онъ просилъ черезъ Аню и сказалъ ей, что теперь все въ его рукахъ; — понятно въ газетахъ еще ничего нѣтъ.

Какъ у тебя идетъ чтеніе, не правда ли книга очень захватываетъ? Было такъ уныло и грустно вчера безъ твоего чтенія.

Я все еще вижу передъ собой твои любимые грустные глаза при разставаніи. Каждый разъ такъ тяжело отрываться. О, любовь моя, еще и еще разъ благодарю тебя за всѣ твои нѣжныя ласки, которыя меня согрѣли и были такимъ утѣшеніемъ.

На сердце грустно и тяжело, и когда физическое самочувствіе плохо, чувствуешь себя еще болѣе подавленной; я стараюсь этого не показывать другимъ. Сегодня опять очень мягко. Душка, я должна проститься. Богъ да благословитъ тебя, остаюсь нѣжно преданная, старая женка.

Аня грустить, что она не имѣла случая видѣть тебя наединѣ. Лично я нахожу, что она дѣлается спокойнѣе и нормальнѣе. Она менѣе агрессивна, когда ей для этого дается меньше поводовъ, — потому что чѣмъ больше имѣешь, тѣмъ больше хочешь — если тебѣ нужны ея разговоры, тогда понятно, это дѣло другое. Но теперь она принимаетъ эти вещи гораздо лучше, ты ее пріучилъ и вслѣдствіе этого, ея настроеніе спокойное, и у насъ нѣтъ исторій. Она была убійственна со своими телефонами и визитами, и исторіями про нашего Друга, кидала палкой по комнатѣ, хохотала! — Ахъ, какъ я жажду тебя ...

№ 219.

Царское Село, 4 марта 1916 г.

Мой голубчикъ,

Я могу себѣ представить какъ одиноко ты себя чувствуешь въ *Могилевѣ*. Бѣдная моя милочка, твоей женкѣ тебя также страшно недостаетъ. Я рада, что тамъ ты также нашелъ хорошую погоду. Не-

правда ли, книга захватывающе интересна? Когда ты вернешься, ты долженъ закончить чтенiе ея вслухъ.

Ну, Н. П. вечеромъ пришелъ. У нихъ былъ длинный и серьезный разговоръ и теперь они будутъ у тебя, чтобы попросить рѣшенiя. Взято болѣе 400 людей — списки были посланы отсюда, такъ что взяты лучшiе люди, привычные къ обращенiю съ *пулеметами,* — подготовить новыхъ возьметъ много времени. Но съ нижними чинами дѣло бы еще устроилось, если бы только не предвидѣлось, что черезъ мѣсяцъ опять возьмутъ 400 человѣкъ для *Свѣтланы*, это очень тяжелая работа — все какъ слѣдуетъ формировать, а потомъ видѣть, какъ все летитъ въ дребезги. Ты отдалъ приказанiе, чтобы 6 офицеровъ было назначено въ батальонъ — это никогда не было исполнено, а теперь наоборотъ оттуда взято шесть, такъ что теперь молоденькiе *мичмана* командуютъ ротами, они ничего не знаютъ, и старослужащiе матросы лучше ихъ знаютъ, и замѣчаютъ ошибки, и обсуждаютъ ихъ дѣйствiя. *Ворсновъ* долженъ замѣнить *Попова.* Здѣсь — *Ксжевн*(иковъ) *старш. оф. Варяга, Кублицкiй, Таубе, Лукинъ,* я забыла двухъ другихъ. Такъ батальонъ остаться не можетъ, онъ не будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и тѣмъ, что ты отъ него ожидаешь. Такъ что тебѣ придется рѣшить, (не спрашивай только мнѣнiя рамольнаго адмирала,[1] такъ какъ онъ даетъ плохiе совѣты), — лучше бы теперь отдать людей для *Свѣтланы* и потомъ имѣть два малыхъ батальона, которыми каждый можетъ командовать, и которые не будутъ имѣть большого значенiя. Это грустно, когда то дѣло, въ которое вложилъ свою душу разрушается. Н. П., понятно, привезъ офицеровъ и людей, все какъ было приказано. Люди, разумѣется, очень рады этой перемѣнѣ, удобное судно, не приходится маршировать, и платятъ гораздо лучше. Для нихъ тяжелѣе теперь служить въ армiи съ меньшими пайками послѣ тѣхъ, къ которымъ они были прiучены за много лѣтъ, — въ армiи большинство недавно призвано и молоды и потому они должны имѣть болѣе взрослыхъ офицеровъ, чтобы держать ихъ въ рукахъ, все имъ объяснять. Я тебѣ это говорю только потому, что я вижу, какъ это страшно растревожило Н. П. Онъ теперь спокоенъ и грустенъ, и ждетъ твоего рѣшенiя, когда они прiѣдутъ, и что съ нимъ самимъ будетъ.

Я спрашивала насчетъ *Лялина*, Кириллъ также въ отчаянiи, что адмиралъ его рекомендовалъ.

Когда *Мяс. Иван.* писалъ и просилъ *Лялина* перейти въ батальонъ, такъ какъ онъ ему нуженъ, онъ отказался такъ какъ получаетъ больше жалованья и предпочитаетъ жить на кораблѣ въ Черномъ морѣ или безъ всякаго дѣла въ городѣ. Они были имъ возмущены.

[1] Нилова.

И вотъ онъ, который раньше не былъ на войнѣ и теперь ничего не дѣлалъ, получилъ такое великолѣпное назначеніе. Ты помнишь, говорили, что Н. П. слишкомъ молодъ, чтобы получить «Штандартъ», хотя онъ былъ на войнѣ и командовалъ нѣкоторое время «*Олегомъ*» и былъ твоимъ адъютантомъ. Салтановъ и Денъ были гораздо достойнѣе. Такъ какъ она (Свѣтлана) теперь не выходитъ въ море, то Кириллъ и всѣ надѣялись, что будетъ назначенъ *Ш. Шах.* такъ какъ онъ такой прекрасный человѣкъ, но адмиралъ его ненавидитъ. Увы, болѣе чѣмъ когда либо чувствуется, что адмиралъ не интересуется *Экипажемъ.* Какъ много онъ могъ бы сдѣлать, а онъ дѣлаетъ наоборотъ, и представляетъ себѣ вещи такъ, какъ ему нравится . Я такъ хотѣла, чтобы у тебя былъ другой на его мѣстѣ, и онъ не любитъ Григоровича въ такой же степени, въ какой его самаго ненавидитъ К(ириллъ). Очень было интересно все, что онъ разсказалъ о мѣстѣ, гдѣ они стоятъ, они послѣдовали за *Преобр.* Онъ уѣхалъ въ среду вечеромъ и пріѣхалъ сюда въ четвергъ утромъ. Я чувствовала, что все это произойдетъ, когда ты мнѣ разсказалъ про «Варяга». Сегодня вечеромъ онъ возвращается въ *Рѣжицу* и, вѣроятно, оттуда поѣдетъ къ себѣ и встрѣтится съ К(ирилломъ) во вторникъ. Графиня Клейнмихель, вышедшая замужъ за доктора, была у Ани. Она выглядитъ молодой и красивой. Я въ самомъ дѣлѣ тревожусь за Аню; разъ человѣкъ [1] былъ способенъ попытаться подкупить другихъ, чтобы убить нашего Друга, онъ способенъ отомстить ей за себя. Она по телефону имѣла страшную сцену съ *Гр*(игоріемъ) за то, что не была у него сегодня, но я умоляла ее не ѣздить — помимо того, у нея страшный кашель и м-мъ Б. [2] Потомъ пришла та женщина [3] и сдѣлала ей сцену за то, что она не поѣхала въ городъ, а Онъ какъ будто предрекаетъ, что съ ней что то должно случиться, и это, конечно, ее дѣлаетъ еще болѣе нервной.

Эта война поставила все шиворотъ на выворотъ и свела всѣхъ сума.

Я видѣла въ газетахъ, что ты приказалъ судить *Сух*(омлинова), [4] это правильно. Прикажи снять съ него аксельбанты. Говорятъ, что выяснятся скверныя вещи о немъ — что онъ бралъ взятки, — но это, навѣрное, она [5], — это такъ грустно. Боже мой, какая неудача, нѣтъ «gentlemen»овъ, вотъ въ чемъ дѣло — нѣтъ приличнаго воспитанія и внутренняго развитія, и принциповъ, на которые можно было бы положиться. Приходится такъ горько разочаровываться въ русскихъ — они еще

[1] А. Н. Хвостовъ.
[2] Беккеръ.
[3] Жена Распутина?
[4] См. выше.
[5] Жена С.

такъ далеко отстали: мы знаемъ, сколько у насъ народу и все же, когда приходится выбрать министра, никто не способенъ занимать такой постъ. — Не забудь насчетъ *Поливанова*. Говорилъ ли ты съ *Феод*(оровымъ) — тебѣ было бы это интересно. Онъ такъ преданъ и онъ уже ничего не ищетъ, такъ какъ все получилъ, и не можетъ имѣть въ виду никакого высшаго положенія.

Опять мягкая погода. — Я читала цѣлый ворохъ бумагъ отъ *Ростовцева* и чувствую себя одурѣвшей. Голова и глаза стали слабѣе послѣ этихъ болей, челюстью трудно двигать, и боли еще продолжаются, хотя по временамъ почти проходятъ, но я чувствую себя изъ за этого никуда негодной.

Какъ смотритъ По[1] на положеніе дѣлъ въ Франціи?

Ахъ, мой дорогой, съ тобой всѣ мои мысли и нѣжныя молитвы. Мнѣ одиноко безъ дорогихъ ласкъ милаго муженька. Надѣюсь, что ты дѣлаешь хорошія прогулки. Н. П. очень увлекался верховой ѣздой. Они стоятъ въ разныхъ деревняхъ, онъ помѣщенъ въ великолѣпномъ домѣ, принадлежащемъ милліонеру — другу *М. Иванова*, великолѣпныя комнаты, оранжерея, садъ, конюшни, экипажи, — онъ смотрѣлъ какъ ловятъ рыбу сѣтями подъ льдомъ.

Я прощалась съ молодымъ раненымъ офицеромъ, который возвращается въ свой полкъ. Теперь мнѣ не о чемъ тебѣ разсказать. Я написала тебѣ о нашемъ разговорѣ, чтобы ты могъ сообразить, когда они на будущей недѣлѣ пріѣдутъ за твоимъ рѣшеніемъ — лучше одно что нибудь сдѣлать какъ слѣдуетъ, чѣмъ много по кусочкамъ плохо. Ну, хорошо, они тебѣ скажутъ свои мысли, и ты будешь знать, что лучше. Прощай, мой дорогой, Богъ да благословитъ и защититъ тебя, и поможетъ во всѣхъ твоихъ рѣшеніяхъ и начинаніяхъ. Любящіе, нѣжные поцѣлуи отъ твоей старой женки.

Кланяйся *Феод*(орову) и *Мордвинову*, если у тебя будетъ случай.

Книга м-ра Додда — примѣръ того, какъ пишутъ исторію.

№ 220.

Царское Село, 5 марта 1916 г.

Моя душка,

Я тебя нѣжно прижимаю къ моему любящему, старому сердцу, которое всегда полно глубокой любви и тоски по тебѣ. Это хорошо, что ты прогулялся какъ слѣдуетъ, это тебя освѣжитъ, и время проходитъ скорѣе. Читаешь ли ты теперь французскую книгу? Мнѣ привезли

[1] Французскій генералъ.

сегодня коллекцію англійскихъ книгъ, но я боюсь, что среди нихъ нѣтъ ничего очень интереснаго. Уже давно нѣтъ великихъ писателей, въ другихъ странахъ также нѣтъ, какъ нѣтъ больше знаменитыхъ артистовъ или композиторовъ, — странный недостатокъ! Живутъ слишкомъ скоро, впечатлѣнія быстро смѣняются — машины и деньги управляютъ міромъ и уничтожаютъ всякое искусство, а тѣ кто считаютъ себя даровитыми, у тѣхъ больная психика.

Что то будетъ послѣ того, какъ кончится эта великая война, будетъ ли пробужденіе и возрожденіе во всемъ — будутъ ли еще идеалы, станутъ ли люди чище и поэтичнѣе, или они останутся сухими матеріалистами, такъ много хотѣлось бы знать. Но эти страшныя страданія, которыя перетерпѣлъ весь міръ, должны очистить сердца и умы, и застоявшіеся мозги, и спящія души; ахъ, если бы можно было только мудро направить все въ правильное и плодотворное русло!

Нашъ Другъ вчера былъ у Ани. Онъ находитъ, что это хорошо, что *Путилов*(скій) заводъ взятъ военнымъ министерствомъ[1], и сомнѣвается, чтобы еще могли быть безпорядки, — другіе подстрекнули рабочихъ къ забастовкѣ. Онъ думаетъ, что ты вернешься сюда еще разъ до начала наступленія, такъ какъ снѣгъ еще такъ глубокъ. Когда Н. П. уѣхалъ въ началѣ января, Онъ сказалъ, что тотъ вернеться раньше, чѣмъ черезъ три мѣсяца, и такъ вышло.

Душка, присматривай за Ниловымъ. Нини находитъ, что его вліяніе на ея мужа нехорошо. Она говоритъ, что они неразлучны, и что онъ возбуждаетсъ *Воейкова* противъ Ани. Я знаю, что маленькій адмиралъ попадаетъ подъ дурныя вліянія. — Я вчера получила гнусное анонимное письмо — къ счастью, я прочла только первыя четыре строки и тотчасъ же его разорвала. Представь себѣ, *Андрон*(никовъ) и *Хвост*(овъ) иногда занимались писаніемъ анонимныхъ писемъ. Нашъ Другъ получилъ такое письмо мѣсяцъ тому назадъ и увѣренъ что оно написано *Андрон*(никовымъ). Какая низость! Аня продолжаетъ получать такія письма съ черными крестами и съ предупрежденіемъ о томъ, какихъ чиселъ она должна бояться. Такая подлость!

Опять мягкая и сѣрая погода. Я сегодня принимаю *Мекка* и *Апраксина*, такъ какъ они ѣдутъ осматривать мои поѣзда-*склады*. *Ген.-М(аіоръ)* Гурко изъ пятой арміи, телеграфировалъ изъ *Двинска*, благодаря меня за мой поѣздъ-*складъ*, который тамъ стоитъ и оказываетъ такую помощь полкамъ. Пріятно знать, что эта маленькая организація *Мекка* такъ хорошо работаетъ. Мнѣ пришлось теперь назначить *Апраксина* моимъ главнымъ уполномоченнымъ по пяти поѣздамъ, — надъ *Меккомъ*, такъ какъ этому молодому человѣку (въ Москвѣ) такъ завидовали и были

[1] 1 марта военное м-во секвестровало Пут. Заводъ.

... нимъ такъ непріятны. Я все это тебѣ говорю на случай, если ты услышишь, что онъ всюду разъѣзжаетъ.

Я съ нетерпѣніемъ жду твоего обѣщаннаго письма сегодня, мой любимый муженекъ, мое милое сокровище. Сегодня уже недѣля, что мы были у святого причастія, — какъ летитъ время! — *Молоствовъ* будетъ представляться сегодня; у него одинъ изъ моихъ вагоновъ (г-жи *Сухомлин*(овой), который возитъ бѣлье и подарки на фронтъ и привозитъ обратно раненыхъ и больныхъ.

Такъ скучно, что у меня нѣтъ ничего интереснаго или занимательнаго, чтобы разсказать тебѣ, — «мнѣ хочется Васъ»! Собираешься ли ты найти какую нибудь работу для *Игоря*[1]. Мавра надѣялась, что ты имъ воспользуешься для чего нибудь, чтобы онъ не болтался и чтобы удержать его отъ пьянства; — повидимому, онъ велъ довольно бурную жизнь, когда жилъ въ городѣ. Грустно, что у нея столько заботъ съ дѣтьми, — видно, что отецъ никогда ими не занимался, а *Митя*[2] не подходящій человѣкъ, чтобы ихъ воспитать, а *Маврѣ* никогда не позволяли сказать слово, это жестокая система по отношенію къ матери. — Голубчикъ, твое дорогое письмо мнѣ только что принесли, благодарю тебя за него отъ всего сердца. Какое счастіе имѣть отъ тебя извѣстія! Это хорошо, что ты видѣлъ прохожденіе *литовцевъ*. Итакъ, все почти готово для наступленія, надо только сперва, чтобы снѣгъ немного стаялъ.

Мнѣ ежедневно электризуютъ лицо въ теченіе четверти часа — рѣдко болитъ, только такое чувство напряженія въ челюсти, я увѣрена, что это подагра.

Теперь, мой любимый, я должна кончать. Нѣжно цѣлую и благословляю тебя, твоя старая жена

Аликсъ.

Какъ чувствуетъ себя *Фед*(оровъ)?

№ 221.

Царское Село, 6 марта 1916 г.

Мой голубчикъ,

Я перечитываю твое дорогое письмо съ такой радостью и чувствую себя согрѣтой имъ. Ты говоришь, что чувствовалъ себя такимъ утомленнымъ въ поѣздѣ, я увѣрена, что это было результатомъ ежедневнаго стоянія по три часа въ церкви на первой недѣлѣ (поста) и нравственныхъ заботъ, онѣ тебя утомили. Теперь, находясь среди воен-

[1] Игорь Константиновичъ.
[2] В. Кн. Дмитрій Константиновичъ, любившій однѣ только церковныя службы.

ныхъ, ты опять придешь въ бодрое состоянiе. — Мрачно, продолжается сѣрая погода, два градуса мороза сегодня утромъ. Беби только что вышелъ передъ церковью, онъ и нѣкоторыя изъ его сестеръ идутъ на часъ въ лазаретъ Ани, чтобы увидѣть представленiе фокусника. Лицо мое продолжаетъ поправляться, сердце еще немного расширено. Я видѣла *Сиротинина*, онъ прiѣхалъ въ Ц. С. (Царское Село) для Ани.

Ну, *Штюрмеръ* сидѣлъ со мной около часа. Мы разговаривали о забастовкахъ — онъ находитъ, что фабрики слѣдовало бы милитаризировать во время войны, этотъ проектъ уже давно лежитъ въ *Думѣ*, но его не разсматриваютъ потому, что они противъ него. Онъ скорѣе противъ желанiй кн. *Туманова* принять строгiя мѣры и предпочелъ бы, чтобы *Куропаткинъ* назначилъ какого либо человѣка поумнѣе на его мѣсто. Понятно, этотъ *продов. ком.* (продовольственный комитетъ) приводитъ его въ отчаянiе, и у него былъ съ нимъ рѣзкiй разговоръ по вопросу о посылкѣ представителей комитета въ Лондонъ, въ виду приглашенiя, привезеннаго *Русинымъ*. Судя по примѣру поведенiя этихъ делегатовъ въ Америкѣ ясно, что нельзя разрѣшать имъ туда ѣхать, такъ какъ они дѣйствуютъ противъ правительства. *Полив*(ановъ) и *Григор*(овичъ), и *Игнатьевъ* (либералъ!) за это — но *Григ*(оровичъ) только потому, что *Русинъ* привезъ приглашенiе.

*Полив(*ановъ) приводитъ его въ отчаянiе и ему хочется, чтобы ты его смѣнилъ, но онъ понимаетъ, что ты этого не можешь сдѣлать, пока не будетъ ему хорошаго преемника. Онъ говоритъ, что одинъ изъ его помощниковъ такой дурной человѣкъ и такъ вредитъ — я забыла его фамилiю, онъ очень твердый человѣкъ, но онъ нехорошiй. *Пол*(ивановъ) просто совершаетъ предательство, сразу повторяя все то, что обсуждается секретно въ совѣтѣ министровъ. Это слишкомъ гнусно. Мы говорили объ *отвѣтств*(енномъ) правительствѣ, котораго всѣ крикливо требуютъ, даже хорошiе люди, которые не понимаютъ, что мы совсѣмъ не годны для него (какъ говоритъ нашъ Другъ, это было бы абсолютной гибелью всего).

Потомъ, до какой степени слабъ Оболенскiй! — (представь себѣ, его жена, рожденная кн. Мингрельская, была у *Гр(*игорiя) и умоляла Его, чтобы ея мужа не смѣщали — подумай только, невѣстка *Лили).* Онъ также находитъ, что *Волк(*онскiй)[1] не годится на своей должности, и не одобряетъ того, что онъ бѣгаетъ за кулисами въ *Думѣ*.

Ну, мы перебрали всѣхъ министровъ и его помощниковъ. Богъ да поможетъ его большой задачѣ хорошо служить тебѣ и его странѣ — ему также грустно, что такой способный человѣкъ, какъ Х(востовъ) сдѣлалъ такiя безспорныя ошибки.

[1] Кн. В. М. Волконскiй б. товарищъ предсѣдателя Думы, а въ то время тов. м-ра вн. дѣлъ.

Оказывается, была ужасная статья въ *«Рѣчи»* противъ Ани. Что за гнусные люди, такъ задѣвать молодую женщину!

Я рада, что ты находишь новаго губернатора пріятнымъ человѣкомъ — гдѣ былъ онъ раньше? — Ахъ, ты милый, еще разъ мнѣ написалъ, благодарю тебя такъ нѣжно и много цѣлую.

Я видѣла сегодня утромъ въ газетахъ назначеніе и смѣны, — вчера въ шесть *Шт*(юрмеръ) еще не зналъ, когда онъ получитъ обратно бумагу. — Да, Х(востовъ) сказалъ *Штюрмеру*, что онъ не понимаетъ за что его уволили, и не по поводу ли этой исторіи? Тотъ ничего особеннаго ему не отвѣтилъ. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ на той высотѣ, на которой ты ожидалъ, что онъ будетъ, и не работалъ какъ слѣдуетъ, — вначалѣ онъ очень много обѣщалъ, а потомъ все перемѣнилось. Теперь онъ конечно, ведетъ себя не какъ джентльменъ. Онъ показывалъ членамъ *Думы* письмо Ани, въ которомъ она просила его, чтобы онъ принялъ мѣры для того, чтобы въ комнатахъ *Гр*(игорія) не дѣлалось *обыска*, назначеннаго какъ то ночью, «если это не опять шантажная исторія» — такъ она писала. Письмо безвредное, но некрасиво давать его читать другимъ, онъ долженъ былъ вернуть письмо *Штюрмеру*, такъ какъ родители объ этомъ слышали, но *Хв*(остовъ) этого не сдѣлалъ, — теперь одинъ изъ его друзей сказалъ, что это неправда, что онъ возмущенъ такими разсказами и что онъ только сейчасъ нашелъ въ своей корзинѣ разорванные клочки (онъ получилъ письмо б о л ѣ е недѣли тому назадъ!), и что онъ ихъ склеитъ и вернетъ ей завтра. Этотъ отвѣтъ насчетъ корзины можетъ быть только крупной ложью, — но оставимъ эту грязную исторію, я рада, что ты къ ней не имѣешь отношенія. — Дѣти пошли въ Большой лазаретъ, чтобы видѣть раненыхъ. Теперь я должна кончать. Богъ да благословитъ тебя, моя душка, много нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ твоей глубоко любящей старой женки

Аликсъ.

№ 222.

Царское Село, 7 марта 1916 г.

Любовь моя,

Идетъ снѣжокъ, сѣренькая погода, два градуса мороза. Я все еще чувствую свое сердце и лицо, боли нѣтъ, но тяжесть, напряженность.

Сегодня я увижу *Григ*(оровича) — онъ принесетъ фотографіи морской санаторіи въ Массандрѣ. Я просила его привезти ихъ, такъ какъ не видала ея болѣе года. Потомъ я увижу m-me Редигеръ (жену офицера грузинскаго полка) — она будетъ завѣдывать моей санаторіей у воротъ Массандры, внизу морской санаторіи. Это очень большое зданіе,

и мы, спустя еще недѣлю, можемъ посылать туда раненыхъ, я такъ рада. Мы собрали для нея деньги, устраивая базары, а потомъ, такъ какъ денегъ не хватило, ты разрѣшилъ *Удѣламъ* закончить зданіе, такъ какъ у насъ не было достаточно денегъ (я надѣюсь, что позже мы постепенно вернемъ деньги). Она предназначалась для обыкновенныхъ больныхъ, пріѣзжающихъ въ *Ялту*, которымъ негдѣ жить, — внизу побогаче, а наверху — бѣдные, страдающіе переутомленіемъ, школьныя учительницы, портнихи, которыя не могутъ много платить. Теперь, понятно, ею пользуются только для военныхъ, и я передала ее *Здравницѣ* на содержаніе. *Ник. Дмитр. Дем.* приходитъ прощаться. Потомъ *Яковлевъ* по поводу поѣзда Мари, одинъ изъ нашихъ раненыхъ, возвращающійся въ армію, и Каульбарсъ.

Все приходится принимать народъ.

У тебя много дѣла и потому ты не могъ вчера писать, бѣдная душка, но я думаю, что ты доволенъ тѣмъ, какъ идутъ дѣла и приготовленія къ большому наступленію.

Я получила письмо отъ Ирины (по нѣмецки), спрашивающее про нѣкоторыхъ плѣнныхъ офицеровъ. Бобби будетъ произведенъ въ офицеры лѣтомъ, онъ возраста Татьяны (Тодди вчера минуло 27 лѣтъ, Луиза достигнетъ этого возраста уже въ іюлѣ) — она говоритъ, что онъ уже видѣлъ много тяжелыхъ вещей. Я не знаю былъ ли онъ на кораблѣ. Она всѣмъ шлетъ привѣтъ. Потомъ Дези написала милое письмо, она проситъ молитвенниковъ для нашихъ священниковъ въ Германіи къ посту и пасхальнымъ службамъ, она ихъ перешлетъ, чтобы они дошли поскорѣе.

Я вчера прочла очень интересную англійскую книгу, которую мы должны прочесть вслухъ съ тобой попозже.

Я кончаю второпяхъ, благословляю и цѣлую мое сокровище, твоя старая

«Солнышко».

№ 223.

Царское Село, 8 марта 1916 г.

Мой любимый,

Совсѣмъ холодно, десять градусовъ мороза, но изъ за этого свѣтлѣе. Мнѣ въ первый разъ произвели массажъ вокругъ сердца, — массажистка потихоньку гладила, чтобы укрѣпить мускулы (мнѣ это не понравилось), а потомъ она массировала мнѣ лицо, въ виду постоянныхъ болей, и внизъ по шеѣ къ спинѣ, и плечи, это было пріятно —

послѣ всего этого я почувствовала себя утомленной. Милая моя любовь, ты мнѣ такъ недостаешь, безъ тебя нѣтъ солнца, хотя въ домѣ у меня есть солнечный лучъ и веселыя дѣвочки, но мой собственный, мой единственный, мое все всегда отсутствуетъ, и я жажду твоихъ утѣшающихъ нѣжныхъ ласкъ.

Вчера вечеромъ послѣ того, какъ они обѣдали у Ани, *Лили Денъ* со своимъ мужемъ, *Кожевниковъ* и *Таубе* провели съ нами отъ девяти до одиннадцати. Грустно съ ними прощаться, — они будутъ такъ далеко, безконечное путешествіе, мы не будемъ имѣть извѣстій другъ о другѣ. Ужасно быть далеко отъ семьи въ такое время. Всѣ наши друзья разсѣяны по всему фронту. *Дену* удалось получить 20 офицеровъ, и онъ въ восторгѣ. Онъ и *Лили*, и большая часть офицеровъ уѣзжаютъ сегодня. Кухни нѣсколько дней спустя послѣдуютъ за нижними чинами. Для *Лили* это будетъ страшно тяжело, она уже похудѣла, и глаза все время наполняются слезами. Ахъ, эта ужасная война!

У меня американецъ Хартъ провелъ два часа вчера — онъ теперь отправляется въ Германію. Онъ сказалъ о нѣкоторыхъ вещахъ, которыя, навѣрное, можно было бы здѣсь устроить, и я просила его опять переговорить съ г. Редигеромъ. Сегодня у меня *Вильчковскій* съ длиннымъ *докладомъ* и другіе. — Моя душка, завтра недѣля, что ты насъ покинулъ. Какъ одиноко ты себя чувствуешь, я рада, что ты завтра увидишь Н. П., это напомнитъ тебѣ о времени, когда онъ жилъ съ тобой въ *Ставкѣ*. Что то ты рѣшишь? — Аня сейчасъ принесла мнѣ большое письмо для тебя, такъ что мнѣ придется прибѣгнуть къ большому конверту, чтобъ его туда всунуть. Она совсѣмъ поправилась, кашель прошелъ, она даже гуляла. У нея крѣпкое здоровье, она такъ быстро поправляется. *Георгій* въ Павловскѣ, у него свинка, у бѣдняжки.

Яковлевъ получилъ приказаніе отправиться съ поѣздомъ Мари въ Ригу. Знаешь что, сдѣлай умную вещь и скажи Кириллу, что ты сильно не одобряешь, что при Борисѣ состоитъ этотъ негодяй Пленъ. Его репутація отвратительна, его выгнали изъ флота, Кириллъ его уволилъ, а теперь онъ принятъ въ «Атаманцы» Бебины. Слишкомъ большая честь носить этотъ мундиръ, и онъ увѣшанъ военными наградами и произведенъ въ высшій чинъ не за военную храбрость или за службу, но за какія то частныя, грязныя услуги. Переговори о немъ съ Кирилломъ и Н. П., всѣ въ ужасѣ и *Петрогр*(адъ) уже достаточно объ этомъ болтаетъ (честолюбивое желаніе Михенъ приблизить его къ престолу также хорошо извѣстно), — вездѣ много грязи. Такъ грустно это паденіе человѣчества, — воистину Содомъ и Гоморра — многіе еще должны лично потерпѣть изъ за войны и только тогда они будутъ очищены и

измѣнятся. Все это очень тяжело, и такъ мало можно уважать или преклоняться передъ кѣмъ бы то ни было.

Уволилъ ли въ концѣ концовъ *Куропаткинъ Б*(ончъ)-*Бр*(уевича), если нѣтъ, заставь поторопиться. Будь тверже и авторитетнѣе, моя душка, покажи кулакъ, когда это необходимо. Какъ сказалъ старикъ *Горемыкинъ* въ послѣднiй разъ, когда былъ у меня: «Государь долженъ быть тверже, надо чувствовать его силу»; и это правда. Твоя ангельская доброта, всепрощенiе и терпѣнiе всѣмъ извѣстны и этимъ пользуются. Покажи, что ты одинъ хозяинъ и обладаешь сильной волей.

О, мой ангелъ, любовь моя, хотѣлось бы быть около тебя, слышать твой любимый голосъ и глядѣть въ твои прекрасные глубокiе глаза. Пусть святые ангелы защитятъ тебя и благословятъ твою жизнь и дѣла и пошлютъ тебѣ успѣхъ. Цѣлую тебя тысячу разъ съ нѣжностью и прижимаю къ своему сердцу. Навсегда твоя собственная.

Только что получила твое милое письмо, за которое нѣжно благодарю. Какъ хорошо, что ты видѣлъ этихъ англ(ичанъ), и какъ хорошо, что *Юденичъ* получаетъ награду отъ *Джорджи*. Я хотѣла бы знать, по какому случаю *Алексѣевъ* будетъ назначенъ генералъ-адъютантомъ? — Такъ, вѣроятно, уже говорили Пильцу противъ нашего Друга, это жаль. Я рада, что ты имѣлъ разговоръ съ *Федоровымъ*. — Она[1] будетъ счастлива твоимъ поцѣлуемъ. Богъ да благословитъ тебя. Безконечно нѣжно цѣлую.

№ 224.

Царское Село, 9 марта 1916 г.

Любовь моя,

Ночью пятнадцать градусовъ, теперь 12, идетъ мелкiй снѣгъ и видно, что солнце хочетъ показаться. Повидимому, опять началась зима, но ненадолго. — Какъ странно кажется, когда читаешь въ сообщенiи морского министра, передающемъ иностранныя извѣстiя, что каждый нашъ маленькiй успѣхъ они считаютъ своимъ, было бы въ самомъ дѣлѣ интересно напечатать эти сообщенiя рядомъ, чтобы увидѣть разницу. Мнѣ грустно, что я не обратила вниманiя на исторiю Möwe[2] и такимъ образомъ пропустила разсказъ о томъ, что они совершили.

Я спала порядочно, но были довольно сильныя боли въ лицѣ, пока я не смазала его новой мазью и не закутала всей головы въ теплую шаль.

[1] Аня.

[2] Получившая громкую извѣстность германская миноноска, взятая ... въ плѣнъ.

Сынъ *Лили Денъ*, пріѣзжаетъ къ Анѣ на два дня и двѣ ночи. Я такъ рада за этого прелестнаго ребенка и попрошу, чтобы онъ также побывалъ у меня, и дѣти могутъ его повести въ садъ.

Большія дѣвочки были въ городѣ для комитета *пожертвованій* и къ чаю въ *Аничковомъ*. Ксенію опять лихорадитъ и она не выходитъ — для нея это была плохая зима — ей и мамашѣ слѣдовало бы поѣхать въ *Кіевъ* на двѣ недѣли для перемѣны и хорошенько провѣтрить свои комнаты, которыя полны микробовъ.

Мнѣ опять приходится видѣть разныхъ людей и у меня *доклады. Штюрмеръ* также опять будетъ у меня, не знаю зачѣмъ. У него былъ длинный разговоръ съ *Вильчковскимъ* — въ нашъ *пунктъ* въ *Лугѣ* послали два лазарета изъ *Рѣжицы* и еще одинъ долженъ прибыть, — военные лазареты, такъ какъ, понятно, наибольшая масса прямо отправляется сюда. Приходится очень многое подготовить заранѣе. — Какой вѣтеръ и снѣгъ! Теперь у тебя разговоръ съ К(ирилломъ) и Н. П., я всегда стараюсь мысленно дѣлить твои переживанія съ тобой и представлять себѣ, что ты дѣлаешь и какъ тебѣ живется. Посылаю тебѣ опять свѣжихъ цвѣтовъ, такъ какъ твои уже, навѣрное, завяли — недѣля прошла со времени твоего отъѣзда — я лежу въ углу большой комнаты днемъ, такъ какъ тамъ свѣтлѣе, и мы также пили тамъ чай.

Дорогое сокровище, сердце моего сердца, прощай, Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Безконечно нѣжно цѣлую тебя, мой родной, твоя глубоко любящая старая женка.

Въ случаѣ, если Н. П. будетъ еще въ *Ставкѣ*, когда ты получишь это письмо, передай ему нашъ привѣтъ.

№ 225.

Царское Село, 10 марта 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Идетъ снѣгъ, морозитъ. Маленькій Тити ко мнѣ вчера днемъ приходилъ на часъ, — мы вмѣстѣ смотрѣли книжки, онъ пилъ съ нами чай и игралъ съ Алексѣемъ. Теперь онъ началъ говорить по англійски совсѣмъ хорошо и для своего возраста, семь съ половиной лѣтъ, большой, умный мальчикъ; онъ одинъ пишетъ своей матери по русски. Онъ провелъ ночь у Ани, и мы надѣемся, что онъ опять будетъ въ субботу. У меня были *доклады*, и я принимала. *Штюрмеръ* былъ у меня, чтобы поговорить по поводу этой исторіи [1], такъ какъ надо серьезно выяснить вопросъ и мнѣ пришлось передать ему письма отъ *Иліодора*,

---

[1] Обвиненіе А. Н. Хвостова въ организаціи покушенія на жизнь Гр. Распутина.

въ которыхъ все разсказано, и онъ распорядится, чтобы было сдѣлано разслѣдованіе насчетъ того, правду ли онъ пишетъ, — увы, — кажется, что правду. Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что Н(иколаша) хочетъ взять *Кривошеина*[1] въ качествѣ помощника. Во времена *Воронцова* тамъ былъ нѣкій *Никольскій*. Онъ долженъ представлять интересы Н. (Николаши) когда это нужно въ *Думѣ* и въ Государственномъ Совѣтѣ, и было бы невозможно дать такое назначеніе *Кр*(ивошеину). Это было бы гибелью для Кавказа, онъ умнѣе, чѣмъ кто бы то ни было и теперь не стѣсняется въ средствахъ. Онъ другъ Н. и толстаго Орлова, и *Янушкевича* — это было бы ужасно. Такъ какъ тебѣ придется утвердить это назначеніе, я тебя предостерегаю.

Безуміе со стороны Н. брать человѣка, котораго ты уволилъ, и который тогда такъ навредилъ во всемъ. — Ш(тюрмеръ) на этотъ разъ меньше стѣснялся и былъ совсѣмъ откровененъ — видно, что онъ тебя по настоящему любитъ и почитаетъ. Онъ тревожится по поводу *Съѣзда* въ *Москвѣ*, который скоро долженъ состояться — онъ посылаетъ за тамошнимъ генераломъ, чтобы переговорить объ этомъ — лично я боюсь, что этотъ *неврастеникъ Шебеко* окажется тамъ безполезной тряпкой, если бы произошли какія нибудь исторіи. Понятно, онъ тоже находитъ, что тамъ долженъ былъ бы быть генералъ губернаторъ, но у него нѣтъ никого въ виду. Онъ хотѣлъ бы, чтобы я часто показывалась въ городѣ и разъѣзжала, и бывала въ Казанскомъ соборѣ, но теперь мое глупое сердце и лицо мнѣ мѣшаютъ, а я знаю, что это было бы хорошо. Мамаша тоже не можетъ, и вотъ Михенъ играетъ популярную роль въ городѣ и очень много выѣзжаетъ, ѣздитъ на музыкальные вечера и играетъ свою роль «charmeuse»[2]. Бенкендорфы также въ отчаяніи по этому поводу, графиня сказала Анѣ, что они вернулись съ чувствомъ полной тошноты послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ городѣ.

Всѣ въ ужасѣ по поводу *Хвостова*. — Она[3] пила чай у Павла (послѣ очень долгаго перерыва) — тамъ хорошее настроеніе. Его сынъ ходитъ совсѣмъ зеленый, такъ какъ онъ сегодня возвращается въ полкъ. Отъ ужаснаго принудительнаго пьянства у гусаръ онъ заболѣлъ, и это подѣйствовало на его сердце. Они и конногвардейцы продолжаютъ страшно пьянствовать на фронтѣ, это отвратительно и унижаетъ ихъ передъ солдатами, которые знаютъ, что ты это запретилъ. Если у тебя будетъ случай, скажи *Безобразову*, чтобы онъ присмотрѣлъ за полками и далъ имъ понять, до какой степени это отвратительно и

[1] Слухи о предстоящемъ назначеніи Кривошеина проникли въ газеты, но не оправдались.

[2] Очаровательной женщины.

[3] Аня.

безнравственно въ такое время. Графиня Бенкендорфъ возмущена поведеніемъ Дмитрія въ городѣ во время войны и находитъ, что слѣдовало бы настоять на его возвращеніи въ полкъ — я совершенно согласна, городъ и женщины для него ядъ.

Я только что прочла въ газетахъ о нашемъ наступленіи — слава Богу, все идетъ спокойно, ровно и хорошо. Дай Богъ, чтобы это измѣнило гнусное настроеніе «тыла». Сегодня у меня будетъ графиня Карлова, она уѣзжаетъ въ Тифлисъ на два мѣсяца, такъ какъ ея дочь должна родить — потомъ м-мъ *Никитина* (изъ *Одессы*) и дама изъ моего *склада*. Татьяна присутствуетъ на операціи одного изъ нашихъ офицеровъ сегодня утромъ. — Бѣдный старый *Зальца* вчера умеръ [1] — это воспоминаніе о первыхъ дняхъ нашей супружеской жизни здѣсь. Боже мой, сколько мы видѣли и пережили въ эти двадцать одинъ съ половиной годъ нашей брачной жизни. Но все такъ отчетливо и ясно въ моей памяти — ахъ, какія были чудныя времена, мой голубчикъ, любовь твоего солнышка всегда растетъ, становится полнѣе, богаче и глубже, и она грезитъ юной счастливой любовью прошлаго, — какъ мы были безумны! Безцѣнный мой, благословляю и цѣлую тебя безъ конца и жажду твоихъ нѣжныхъ, утѣшающихъ ласкъ, болѣе чѣмъ когда либо.

Только что принесли мнѣ твое дорогое письмо, за которое нѣжно благодарю. Такъ ты, мой ангелъ, также цѣлуешь мои письма, какъ я твои, каждую страницу, и не одинъ разъ! Сегодня отъ него пахнетъ папиросой.

Я теперь вижу, почему мы наступаемъ, — такъ какъ здѣсь снова зима, я не думала, чтобы тамъ уже началась оттепель.

Сегодня въ газетахъ такія хорошія извѣстія о нашемъ наступленіи, взято въ плѣнъ 17 офицеровъ и тысяча солдатъ. Богъ да благословитъ наши войска. Я увѣрена, что моя мольба сбудется, и хорошо, что мы не теряемъ времени и не даемъ имъ атаковать насъ. Всѣ здѣсь такъ счастливы и полны этимъ.

Я рада, что кинематографъ былъ забавенъ и въ то же время интересенъ. Не пріѣхали ли вчера Кириллъ и Н. П.? Я думала, что они собираются.

Нѣтъ, эти англійскія книги еще не пришли. Мамаша кончила вторую, такъ что я ей послала французскую книгу, которую ты читалъ.

Теперь я должна кончать и вставать, такъ какъ окулистъ пришелъ, чтобы посмотрѣть мои больные глаза.

Голубчикъ, прощай, Богъ да благословитъ тебя, еще и еще, и всѣ твои начинанія. и наши дорогія войска. Ахъ, какъ полно сердце, —

[1] Комендантъ Петрогр. крѣпости.

и мы должны удвоить наши молитвы. Покрываю тебя поцѣлуями, мой муженекъ, и остаюсь вся твоя женка.

Белярминовъ говоритъ, что мнѣ нужны болѣе сильные очки при чтеніи, глаза переутомлены и боль происходитъ также отъ подагры — тоже самое, какъ мои нервныя боли лица — но онъ доволенъ самими глазами и говоритъ, что они очень хороши, только я ихъ переутомляю, я рада, что видѣла его, такъ какъ боль часто очень сильна, и это дѣйствуетъ на мою голову, и я хуже вижу при чтеніи. (Я лично знаю, что они становятся хуже отъ того, что много плачу и также отъ многихъ не пролитыхъ слезъ, которыя наполняютъ глаза и потомъ ими поглощаются, — но этого я ему не сказала), потомъ онъ далъ мнѣ мазь для внѣшняго употребленія, если они будутъ очень болѣть.

№ 226.

Царское Село, 11 марта 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Наконецъ, великолѣпное яркое солнце, какъ это все мѣняетъ! Я заказала службу дома, такъ какъ сегодня пятница и мнѣ такъ хочется пойти въ церковь. Всѣ мысли и молитвы съ нашими войсками, и каждое утро набрасываешься на извѣстія. Если бы случилось что либо особенно хорошее, можетъ быть ты послалъ бы мнѣ короткую телеграмму? Я такъ тревожусь, но Богъ благословитъ наши войска и пошлетъ намъ успѣхъ, если мы только достаточно будемъ молиться. Всѣ наши санитарные поѣзда вызваны и множество *отрядовъ* и 15 лазаретовъ отправлено въ *Двинскъ*. — Я получила твою телеграмму о томъ, что ты разъ навсегда рѣшилъ вопросъ съ Кирилломъ и Н. П., и я съ нетерпѣніемъ ожидаю, къ какому ты пришелъ рѣшенію. — Мнѣ опять приходится принимать дамъ. Прости, что я телеграфировала насчетъ мужа м-мъ *Никитиной*, но она умоляла меня это сдѣлать — понятно ты сдѣлаешь такъ, какъ сочтешь правильнымъ. Она думала, что онъ старѣйшій генералъ съ Георгіевскимъ крестомъ и подходилъ бы для этой вакансіи.

Дѣти говорятъ, что башня въ саду стала совсѣмъ великолѣпной. Мнѣ хочется пойти посмотрѣть ее. Надѣюсь, что это скоро мнѣ удастся, если только я рискну выйти съ моимъ лицомъ.

Любимый мой, безцѣнный, ты чувствуешь какъ твоя женка крѣпко держитъ тебя въ своихъ объятіяхъ, ласкаетъ тебя нѣжно, ахъ, какъ тяжело не быть вмѣстѣ въ такое время.

Есть слухи, что у нѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ уже большія потери, но развѣ ихъ уже пускали въ ходъ?

Ахъ, какое великолѣпное солнце. Милый, я должна кончать. Сердцемъ и душой съ тобой. Богъ да благословитъ и охранитъ и поможетъ тебѣ, дастъ тебѣ силу, энергію и успѣхъ. Болѣе, чѣмъ когда либо, я молюсь за тебя. Я хочу видѣть тебя счастливымъ, видѣть милость Божью, твой успѣхъ и награду за всѣ безконечныя душевныя муки твои, за скорбь, тревогу, работу, видѣть, что молитвы всѣхъ тѣхъ, кто палъ за Царя и родину, наконецъ услышаны.

Мой родной, безконечно тебя цѣлую, твоя старая

«Солнышко»

№ 227.

Царское Село, 12 марта 1916 г.

Моя родная птичка,

Эту ночь я еле спала изъ за возобновившихся болей въ лицѣ. Началось съ вечера, я только что говорила *Вл. Ник.*, что какъ мнѣ казалось я совсѣмъ отъ нихъ отдѣлалась и что я могу вечеромъ пойти въ церковь, — *Крестопоклонная Суббота*, такое разочарованіе. Утромъ я опять массировалась, мазала лицо всякими мазями. Теперь немножко лучше, но все еще болитъ, и глазъ полузакрытъ. Я опять послала за бѣднымъ дантистомъ — я столькихъ другихъ докторовъ за это время видѣла, что я думаю, лучше бы было, если бы онъ пріѣхалъ и посмотрѣлъ бы и, можетъ быть, перемѣнилъ бы пломбу, — возможно, что есть новое дупло. Понятно, я чувствую себя одурѣвшей, но мнѣ приходится принимать *Мрозовскаго* и нашихъ трехъ сестеръ, которыя вернулись изъ Австріи и которымъ есть масса о чемъ разсказать. Два нашихъ санитарныхъ поѣзда возвращаются съ тяжело ранеными. Правда ли, что наши потери очень тяжки? Понятно, при атакѣ не можетъ быть иначе — все же мы захватили многихъ плѣнныхъ и взяли массу (орудій) — (а между тѣмъ, нѣмцы говорятъ, что они не дали намъ подвинуться ни на шагъ, что у насъ огромныя потери, что они взяли въ плѣнъ 17 офицеровъ и 800 солдатъ).

Милый, ты не забылъ, что у тебя есть этотъ спеціальный телеграфотелефонъ, или какъ онъ тамъ называется, и если есть что нибудь особенное, прикажи *Воейкову* объ этомъ сказать *Ресину* или самъ скажи мнѣ. Чувствуешь такую тревогу и такъ хочется имѣть извѣстія, не дожидаясь 24 часовъ, чтобы прочесть газету.

Н. П. вчера былъ у насъ съ семи съ половиной до девяти (такой пріятный сюрпризъ). Это радость — получить прямыя извѣстія. Ему грустно за тебя, что ты окруженъ очень скучной атмосферой, ни одного молодого милаго адъютанта, и ты оказался такимъ одинокимъ. Это

и меня тоже озабачиваетъ. Онъ мнѣ все сказалъ про твои рѣшенія и вчера вечеромъ опять спѣшно выѣхалъ въ *Рѣжицу.* Какъ непріятенъ этотъ недостатокъ въ офицерахъ!

Онъ говоритъ, что адмиралъ, опять очень много нападалъ на *Григоровича,* это его всегда огорчаетъ, такъ какъ онъ его очень уважаетъ и видитъ, что Н(иловъ) хочетъ его выжить.

Онъ сказалъ мнѣ, что у него былъ хорошій разговоръ съ *Федоровымъ* и также насчетъ *Поливанова. Маклаковъ* былъ у Ани и настойчиво проситъ, чтобы я его приняла, и также умоляетъ, чтобы я тебя умолила поскорѣе избавиться отъ *Поливанова* — что онъ просто революціонеръ подъ крылышкомъ *Гучкова. Шт*(юрмеръ) просилъ того же самаго. Они говорятъ, что въ этомъ ненавистномъ *Пром. Комит(етѣ)* собираются наговорить ужасныхъ вещей, они черезъ нѣсколько дней соберутся, и *Маклаковъ* говоритъ, что надо было бы поэтому поскорѣе уволить *Полив*(анова) — всякій честный человѣкъ лучше его. Если ты не можешь (назначить) *Иванова,* почему не—честнаго преданнаго *Бѣляева?* и дай ему хорошаго помощника. *Шт*(юрмеръ) очень не любитъ другого помощника *Поливанова,* говоритъ, что онъ очень дурной человѣкъ, я не уловила его фамиліи.

Душка моя, не мѣшкай, рѣшись, это слишкомъ серьезно и, если ты сразу его смѣнишь, ты обрѣжешь крылья революціонной партіи, но не медли съ этимъ, — ты знаешь, что ты самъ давно собирался его смѣнить — поспѣши, голубчикъ: всегда нужно, чтобы позади тебя была женка, которая бы тебя подталкивала. Болѣе всего тебѣ нуженъ честно преданный человѣкъ, и *Бѣляевъ* таковъ, если *Ивановъ* слишкомъ упрямъ. Пожалуйста, произведи эту перемѣну сейчасъ, тогда пропаганда и все прочее можетъ быть сразу энергично остановлено. Маклак. тебя обожаетъ. Онъ говорилъ о тебѣ съ нею со слезами на глазахъ, и я его скоро увижу. Обѣщай мнѣ, что ты сразу смѣнишь министра военнаго, ради самого себя, твоего сына и Россіи. Уже давно пора — иначе я бы не писала опять такъ скоро по этому вопросу. Ты мнѣ сказалъ, что ты скоро это сдѣлаешь, и кто знаетъ, не благословитъ ли Богъ скорѣе наши войска, если этотъ избранникъ старой *Ставки* сразу будетъ уволенъ. *Родз.* и *Гуч.* хорошо знаютъ, почему они и *Янушк.* заставили *Ник(*олашу) тебѣ его предложить, и толстый Орловъ стоитъ за всѣмъ этимъ. *Макл.*(аковъ) не выноситъ Орлова, говоритъ, что онъ человѣкъ, который ни передъ чѣмъ не остановится, также какъ *Хвостовъ.*

Вчера я видѣла Шебеко и съ нимъ имѣла длинный разговоръ и съ твоимъ бывшимъ уланомъ *Винбергомъ.*

Нашъ Другъ уѣзжаетъ завтра, онъ не могъ получить билетовъ на среду. Мнѣ такъ бы хотѣлось, чтобы у меня лицо такъ не болѣло, хо-

чется еще очень много написать, и не могу, а хочу разспросить обо многомъ насчетъ нашихъ войскъ.

Сердцемъ и душой я съ тобой, такъ бы хотѣлось быть вмѣстѣ. Вотъ твое милое письмо, только что пришло, нѣжно благодарю тебя, голубчикъ. — Такъ ты думаешь, что *Шув*(аевъ) подходящій человѣкъ, хотя онъ менѣе джентльменъ, чѣмъ *Бѣляевъ!* Но развѣ онъ въ самомъ дѣлѣ настоящій типъ? Я только разъ съ нимъ говорила и нашла его крайне упрямымъ, такъ что я судить не могу. А кто же на его мѣсто? Во всякомъ случаѣ — поторопись, моя птичка [1].

Это отлично, что ты намѣренъ назначить *Иванова* состоящимъ при тебѣ [2], такъ какъ всѣ тамъ жалуются, что этотъ милый человѣкъ усталъ и «постарѣлъ». — Я не могу понять, почему Келлеръ и *Брусиловъ* всегда другъ друга ненавидѣли, и, когда онъ только можетъ, *Брусиловъ* бываетъ несправедливъ, а тотъ въ отвѣтъ на это его ругаетъ (частнымъ образомъ). А какъ министры будутъ счастливы, когда П(оливановъ) уйдетъ, какое избавленіе!

Увы, Игнат. [3] также не подходящій для своего мѣста человѣкъ. Онъ старается играть популярную роль и, увы, онъ лѣвый, также какъ Борисъ *Вас.* [4], его шуринъ, весь этотъ высшій кругъ.

Я могу себѣ представить, какъ захватывающе интересно теперь работать, и такъ хотѣлось бы быть поближе къ тебѣ, чтобы слѣдить за всѣмъ на картѣ и дѣлить съ тобой тревоги и радости. Издали мы это дѣлаемъ, сердцемъ и душой. — Да, этотъ морозъ для нашихъ войскъ нѣчто убійственное. *Нечего дѣлать, Богъ поможетъ.*

Богъ да благословитъ и защититъ тебя, мой ангелъ, мой родной, моя любовь, мой милый муженекъ, да охранитъ и направитъ тебя. Безконечно нѣжные, страстно любящіе поцѣлуи отъ твоей старой

«Солнышко»

№ 228.

Царское Село, 13 марта 1916 г.

Мой родной,

Тепло, чудное солнце, дай Богъ, чтобы у нашихъ войскъ была та же погода. Сейчасъ разгружаютъ нашъ поѣздъ, а поѣздъ Мари придетъ позже, днемъ, — очень тяжело раненые. Это отчаяніе, что я не могу

---

[1] Ген. Поливановъ уволенъ отъ должности 15 марта.

[2] Назначеніе состоялось 17 марта.

[3] Гр. П. Н. Игнатьевъ, М-ръ Народнаго Просвѣщенія.

[4] Кн. Б. А. Васильчиковъ и гр. П. Н. Игнатьевъ женаты на сестрахъ, княжнахъ Мещерскихъ.

выходить и не могу ихъ встрѣтить и работать въ лазаретѣ — въ такое время нужны всѣ руки. Я хорошо спала, но сильная боль въ глазу продолжается, щекѣ лучше, когда В. Н.[1] ее электризуетъ, такъ что я это дѣлаю теперь дважды въ день. Беби уже рано утромъ выходилъ, до церкви. Аня ѣдетъ на цѣлый день въ городъ, такъ какъ *Гр*(игорій) уѣзжаетъ, потомъ она повидается съ родителями и обѣдаетъ у графини Фредериксъ.

Сестра-двойняшка моего бѣднаго *Ростовцева* только что умерла отъ рака, и говорятъ, что онъ совсѣмъ въ отчаяніи, — онъ самъ боленъ все время, но продолжаетъ работать. Маленькій Тити игралъ на снѣжной башнѣ съ дѣтьми вчера и очень веселился, сегодня онъ опять возвращается въ городъ.

Я такъ много думаю о *Шуваевѣ*[2] и спрашиваю себя, можетъ ли онъ быть на такомъ мѣстѣ, умѣетъ ли онъ говорить въ *Думѣ*, такъ какъ былъ случай, когда ругали его и интендантство — но теперь можетъ быть это все наладилось? У меня глазъ болитъ, когда я пишу — я вчера совсѣмъ не могла имъ пользоваться и, пока я принимала, это было мучительно — какъ будто мнѣ суютъ въ зрачекъ карандашъ, и потомъ весь глазъ болитъ, такъ что лучше остановиться и кончить попозже.

Я такъ жадно жду извѣстій. Дѣти всѣ были въ церкви и теперь собираются выйти. Солнце грѣетъ, вѣтеръ, въ тѣни морозъ, вчера вечеромъ дождь. Ты не можешь себѣ представить, какъ тебя мнѣ страшно недостаетъ — такое полное одиночество, — у дѣтей при всей ихъ любви все таки совсѣмъ другія идеи, и они рѣдко понимаютъ мою точку зрѣнія на вещи, даже на самыя ничтожныя, — они всегда считаютъ себя правыми, и когда я говорю имъ, какъ меня воспитали и какъ слѣдуетъ быть воспитанной, они не могутъ понять, находятъ, что это скучно. Только когда я спокойно говорю съ Татьяной, она понимаетъ. О. (Ольга) всегда крайне нелюбезна по поводу всякаго предложенія, хотя бываетъ, что она въ концѣ концовъ дѣлаетъ то, что я желаю. А когда я бываю строга, — она на меня дуется. Я такъ устала и тоскую по тебѣ. Есть еще много другихъ вещей, которыхъ Аня со своимъ воспитаніемъ и принадлежностью къ другому обществу не понимаетъ, и есть много заботъ, которыми я никогда бы не стала съ ней дѣлиться. Я это дѣлала съ Н. П., потому что онъ мужчина (съ врожденнымъ тактомъ) и понималъ меня. У насъ у всѣхъ наши особенности и наши мысли, и я временами чувствую себя такой страшно старой и подавленной — страданія меня угнетаютъ и также вѣчная забота и тревога съ тѣхъ поръ, какъ началась война. Твое милое успокоительное присутствіе даетъ мнѣ силу и утѣшеніе, я слишкомъ глубоко принимаю вещи къ сердцу, стараюсь прео-

---

[1] Деревенько.

[2] Назначенъ военнымъ министромъ 15 марта.

долѣть это, но я думаю, что Богъ далъ мнѣ такое сердце, которое наполняетъ все мое существо. Прости меня, что я все это пишу и не обращай вниманія, я только немножко подавлена. Ахъ, я должна отправиться къ Вл(адиміру) Н(иколаевичу), чтобы электризоваться. Благословляю тебя, цѣлую еще и еще и прижимаю къ моему тоскующему сердцу, милый ангелъ, сокровище, любимый. Навсегда твоя усталая

«Солнышко»

№ 229.

Царское Село, 14 марта 1916 г.

Милое мое сокровище,

Посылаю тебя яблоко и цвѣтокъ отъ нашего Друга. Мы всѣ получили фрукты въ подарокъ на прощаніе. Онъ уѣхалъ сегодня вечеромъ — спокойно, говоря что лучшія времена настаютъ и что Онъ намъ оставляетъ весну. Онъ сказалъ ей, что Онъ находитъ, что *Ивановъ* былъ бы хорошъ, какъ военный министръ, въ виду его большой популярности не только въ арміи, но и во всей странѣ. Въ этомъ онъ, конечно, правъ, но ты сдѣлаешь, что найдешь лучшимъ. Я только просила Его помолиться за успѣхъ твоего выбора, и Онъ далъ мнѣ такой отвѣтъ.

Я провела весь длинный день съ часу до четырехъ въ одиночествѣ, читая съ больнымъ глазомъ. Оказывается, у Нейдгардта тѣ же боли и большой жаръ. Дантистъ[1] вчера вечеромъ выѣхалъ изъ Крыма. — Дѣвочки отправились, чтобы осмотрѣть санитарный поѣздъ Мари, пока онъ еще былъ наполовину наполненъ. Онъ отправился вчера вечеромъ опять на фронтъ. Прибыло три поѣзда.

Прости меня, что я въ моемъ послѣднемъ письмѣ какъ будто поворчала. Это стыдно, но только я чувствовала себя такъ плохо и забыла, что это надо было скрыть. Такія постоянныя боли нѣсколько обезсиливаютъ. Ахъ, да, еще Онъ просилъ меня передать тебѣ другую вещь, что митрополитъ ему сказалъ, будто синодъ намѣренъ представить тебѣ положенія о томъ, чтобы въ Россіи было семь митрополитовъ[2]. *Владиміръ* очень стоитъ за это — но нашъ Другъ проситъ тебя не соглашаться, такъ какъ, конечно, это не время и мы еле можемъ найти даже трехъ приличныхъ людей, подходящихъ для такого мѣста. Какъ нелѣпо съ ихъ стороны! *Никонъ* все еще тутъ, это такъ нехорошо.

[1] Ялтинскій зубной врачъ Кострицкій, лечившій Императрицу.

[2] 7 марта Синодъ принялъ соотвѣтствующее постановленіе, а засимъ газеты сообщили, что это постановленіе аннулировано и что Синодъ будетъ разсматривать другой проектъ.

Говорятъ, что дядя *Хв*(остовъ) надѣется обѣлить своего племянника, хотя всѣ противъ него, и хочетъ впутать *Бѣлецкаго*, который въ самомъ дѣлѣ, кажется, совсѣмъ невиненъ во всемъ *заговорѣ* [1], — и онъ не хочетъ чтобы тотъ оставался сенаторомъ, но въ такомъ случаѣ ты долженъ быть справедливъ и лишить *Хвостова* придворнаго званія — я глубоко сожалѣю, что оно ему было оставлено, такъ какъ въ *Думѣ* говорятъ, — если онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ *Гр*(игорія) потому, что тотъ ему не нравился, онъ можетъ сдѣлать тоже самое съ каждымъ изъ насъ, который можетъ ему не понравиться. Я не люблю *Бѣлецкаго*, но было бы очень несправедливо, если бы онъ пострадалъ болѣе, чѣмъ *Хвостовъ*. Онъ потерялъ *Иркутскъ* [2] своей неосторожностью, и этого довольно. Другой старался подстрекнуть на убійство. Но довольно объ этой исторіи.

Прошу извиненія за эти чернила, но мое другое перо пусто и его надо наполнить. Какъ жалко, что ты не можешь больше выходить, я знаю, какъ страстно тебѣ хочется солнца и воздуха, когда наступаетъ весна — также было со мной въ прошломъ, я не могла жить безъ воздуха, а потомъ изъ за болѣзни все перемѣнилось и я научилась проводить недѣли безъ воздуха и никогда не гуляю. А ты такъ въ этомъ нуждаешься, со всей работой, которую тебѣ приходится дѣлать. Какъ гнусно, что они опять стрѣляютъ разрывными пулями, но Богъ ихъ накажетъ.

Голубчикъ, если бы ты только зналъ, какъ твоя маленькая женка жаждетъ тебя, а теперь мы, навѣрное, скоро не увидимся опять. Дѣлать нечего, но ты т а к ъ одинокъ, моя птичка, и я хотѣла бы приласкать тебя и почувствовать твою милую нѣжность. Безцѣнный мой, ты чувствуешь, какъ любовь твоей женки окружаетъ тебя бездонной нѣжностью? Ты чувствуешь мои объятія и какъ я прижимаю свои губы къ твоимъ теплымъ губамъ съ такой любовью? Богъ да охранитъ тебя, мой единственный, мое все, мое родное солнышко.

Я поздно пошла спать изъ за болей — это уже больше не такая мучительная боль, только ноетъ и въ эти послѣдніе дни особенно правый глазъ.

Сегодня утромъ 4 градуса тепла, солнце не свѣтило долго. Сегодня праздникъ *Феодоровской Божьей Матери*, а слѣдовательно, нашъ храмовой праздникъ. *Игорь* пришелъ, чтобы представиться въ качествѣ твоего адъютанта и завтракаетъ съ нами. Я также буду принимать командира моихъ *Крымцевъ* — совсѣмъ не знаю, на что онъ похожъ.

---

[1] 15 марта Бѣлецкій уволенъ отъ должности иркутск. ген.-губернатора.
[2] Т. е. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и не поѣхалъ туда.

Аля просила разрѣшенія повидать меня, такъ какъ она сегодня здѣсь будетъ, — такъ она придетъ къ чаю. Все это, когда у меня такія боли, не весело, но трудно отказать. Теперь, моя птичка, прощай, Богъ да благословитъ тебя. Покрываю тебя, милый Ники, нѣжными поцѣлуями, вся твоя.

Дѣти въ порядкѣ, Татьяна занята въ лазаретѣ, Ольга туда пошла пѣшкомъ съ *Шурой*, *Анастасія* послѣ урока отправилась прогуляться съ *Триной*, такъ какъ *Батюшка* сегодня утромъ служитъ въ церкви. Мари тебѣ пишетъ, Беби гуляетъ. Я должна вставать для электризаціи.

Меня это не касается, но пока я не могла спать, я обдумывала то, что ты сказалъ, насчетъ *Кедрова* — развѣ *А. П. Саблинъ* не былъ бы лучше, чѣмъ *Плансонъ*, онъ такой серьезный, спокойный человѣкъ и не честолюбивый «Streber»[1], хотя *Кедровъ* уменъ и талантливъ, все же онъ въ нѣкоторой степени *нахалъ*, судя по его письмамъ къ адмиралу, а тотъ былъ такой скромный, и болѣе пожилой человѣкъ подходитъ къ такому мѣсту. Это мое личное мнѣніе, не подсказанное какимъ либо разговоромъ съ Н. П., какъ ты могъ бы подумать. Мы вовсе не упоминали имени его брата прошлый разъ, не было даже времени.

Погуляевъ такой молодой адмиралъ и назначенъ въ свиту, это огромная честь, чета помѣшалась отъ радости, и онъ собирается полетѣть къ старику отцу, чтобы представиться, — онъ также воплощенное честолюбіе и *нахалъ* и потому ему везетъ, и эти оба вертятъ адмираломъ кругомъ пальца. Эберхардту нуженъ настоящій помощникъ, и я нахожу, что это мѣсто должно быть занято кѣмъ нибудь изъ черноморскаго флота. Прости меня, что я вмѣшиваюсь, мой милый, но въ долгую одинокую ночь я объ этомъ думала и почувствовала, что я должна тебѣ добросовѣстно написать, — скажи мнѣ, если ты не согласенъ.

Павелъ сказалъ Анѣ, что онъ принимаетъ командованіе въ апрѣлѣ, можетъ ли это быть правда? Я лично сильно сомнѣваюсь въ его успѣхѣ и добросовѣстно нахожу, что онъ неправъ, настаивая на этомъ, такъ какъ въ концѣ концовъ онъ совершенно не въ курсѣ дѣла уже давно, и здоровье его непрочно.

Теперь я въ самомъ дѣлѣ должна вставать. Прощай, мой ангелъ. Кланяйся *Феодорову* и генералу *Алексѣеву*.

№ 230. *Царское Село*, 15 марта 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Вотъ, великолѣпное солнце и десять градусовъ тепла, но вѣтрено, а вчера днемъ и вечеромъ шелъ сильный снѣгъ.

---

[1] Карьеристъ.

У меня голова и глазъ продолжаютъ болѣть. Массажистка массировала мое лицо и голову, шею и плечи, и скоро я поднимусь наверхъ для электризацiи. Я не рѣшаюсь выходить прежде, чѣмъ я увижу дантиста, и буду увѣрена, что моя щека не распухнетъ. Милушка, посылаю тебѣ письмо, которое я получила отъ *Рощаковскаго*. Когда ты его прочтешь, если ты будешь согласенъ, телеграфируй мнѣ — *хорошо*, и я распоряжусь, чтобы телеграмма была ему доставлена. Онъ странный малый, не какъ всѣ — но конечно преданъ и энергиченъ, и такъ какъ онъ такъ забавно пишетъ, имъ слѣдуетъ воспользоваться. — Я такъ хотѣлъ бы, чтобы ты могъ закрыть этотъ гнусный *Пром. Комит.*[1], такъ какъ они для своего съѣзда готовятъ просто антидинастическiе вопросы.

У меня *В. П. Шнейдеръ* съ длиннымъ докладомъ — я ее люблю, такъ какъ она такъ энергична и все понимаетъ уже съ полуслова — но только моя голова не совсѣмъ свѣжа. Позже приходитъ *Емельяновъ*, чтобы проститься до возвращенiя въ мой полкъ. Вчера вечеромъ прибылъ поѣздъ Беби. Повидимому, изъ 20 Сибирскаго полка осталось только пять офицеровъ — страшныя потери. Но доволенъ ли ты въ общемъ? Понятно, при наступленiи тяжелыя потери неизбѣжны.

М-мъ Зизи, наконецъ, вернулась сюда, и я ее сегодня увижу.

Такъ скучно, что я теперь не могу принимать лекарства, «кое-что» пришло на восемь дней слишкомъ рано.

Я жадно жду твоего обѣщаннаго письма. Прости скверный почеркъ. Говорятъ, что Дмитрiй по прежнему скандалитъ въ городѣ, это такъ грустно. Онъ отъ этого не станетъ лучшимъ мужемъ въ будущемъ.

Ты видѣлъ, что Султанъ получилъ фельдмаршальскiй жезлъ отъ Уильяма? Такая комедiя! Мисси послала Ольгѣ еще другую красивую книгу сказокъ. Дорогой мой, цѣлую тебя такъ нѣжно и хотѣла бы раздѣлить твое одиночество. Нѣтъ ни одной души, съ которой ты могъ бы поговорить и почувствовать ее около себя, которая бы тебя понимала, и съ которой ты могъ бы поговорить обо всемъ, что тебѣ приходитъ въ голову. Грустно, что Н. П. нѣтъ при тебѣ, онъ такъ много дѣлилъ въ нашей жизни и зналъ такъ много мелочей, которыхъ другiе адъютанты не понимаютъ. Не распорядишься ли ты, чтобы тѣ, которые назначаются для выполненiя обязанностей при тебѣ, смѣнялись, это было бы хорошо для нихъ и интересно для тебя.

Нѣжно благодарю тебя, мой любимый, за твое милое письмо — я рада, что ты все устроилъ насчетъ П(оливанова). Дай Богъ, чтобы *Шуваевъ* оказался настоящимъ человѣкомъ на надлежащемъ мѣстѣ.

[1] Военно-промышленный комитетъ.

Во всякомъ случаѣ, это счастье, что ты отъ него[1] отдѣлался.

Я прочитаю телеграмму *Гр*(игорія) съ Аней, когда она вернется изъ города, и потомъ тебѣ ее объясню. Чортъ бы побралъ этихъ генераловъ, почему они такъ слабы и никуда не годятся. Будь суровъ съ ними. Ты въ самомъ дѣлѣ былъ очень занятъ, голубчикъ. Теперь я должна кончать. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Нѣжно горячо цѣлую тебя, милый муженекъ. Твоя старая женка.

№ 231.

Царское Село, 15 марта 1916 г.

Родная моя птичка,

Начинаю это письмо къ тебѣ сегодня вечеромъ. Было такимъ счастьемъ получить отъ тебя извѣстіе. Я могу себѣ представить, какъ тебя должно было успокоить, что ты, наконецъ, рѣшилъ вопросъ о военномъ министрѣ. Да благословитъ Богъ твой выборъ успѣхомъ и да окажется онъ достойнымъ твоего довѣрія.

Правда ли, что съ *Сухомлиновымъ* дѣла обстоятъ очень дурно. *Игорь* слыхалъ, что онъ будетъ разстрѣлянъ — но я не знаю, откуда онъ получилъ эти извѣстія. Конечно, у него были большіе недостатки — но на мой взглядъ его преемникъ еще большій измѣнникъ. Возвращаю тебѣ телеграмму *Гр*(игорія). Онъ имѣетъ въ виду *Бѣлецкаго*, и онъ находитъ, что не слѣдовало бы именно ему, котораго почти ни въ чемъ нельзя упрекнуть, такъ сильно пострадать, когда тотъ, другой, который совершилъ наибольшій грѣхъ, легче отдѣлался.

Сегодня весь день у меня безумно болѣлъ глазъ (а также голова); это отъ *тройничнаго* нерва на лицѣ. Одна вѣтка идетъ къ глазу и развѣтвленіями захватываетъ верхній рядъ зубовъ, другая — нижній — и узелъ передъ ухомъ. Я слышала о многихъ, которые теперь страдаютъ этими болями — у Нейдгарда было такъ сильно, что доктора посылаютъ его на югъ для отдыха. Это отъ простуды личныхъ нервовъ. Щекѣ и зубамъ гораздо лучше, лѣвая челюсть сегодня вечеромъ словно вывихнута, но глаза очень болятъ — поэтому я больше не буду сейчасъ писать. Вотъ телеграмма отъ *Погуляева*, которую ты долженъ прочесть, и копія телеграммы отъ *Тверцовъ*, которую Беби получилъ сегодня. *7-го марта третій эскадронъ Тверского имени Е. И. В. полка врѣзался въ ряды Курдской конницы, превышавшей численностью больше чѣмъ въ три раза, разсѣялъ, многихъ изрубилъ и тѣмъ выручилъ свою пѣхоту изъ опаснаго положенія — счастливъ порадовать этимъ обожаемаго Августѣйшаго шефа. Полковникъ фонъ Гартенъ. (Полев. тел. отдѣлъ 116).*

---

[1] Поливанова.

Говорятъ *Хвостовъ* въ Москвѣ всюду болтаетъ и разсказываетъ, будто его уволили за то, что онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ германскихъ шпіоновъ, окружающихъ нашего Друга — такая низость. Ахъ, его бы слѣдовало въ самомъ дѣлѣ предать суду или отнять у него шитый мундиръ. Онъ[1] сказалъ, что ты долженъ былъ бы наказать тѣхъ, которые болтаютъ въ клубахъ. Аня продолжаетъ получать анонимныя письма, также и отецъ ея, и бѣдный *Жукъ*, въ которыхъ ему говорятъ, чтобы онъ съ ней не ходилъ, иначе онъ умретъ насильственной смертью вмѣстѣ съ А. Она говорила объ этомъ *Спиридов*(ичу), и онъ дастъ ей охрану. Онъ знаетъ, что ее преслѣдуютъ, проситъ ее гулять только въ нашемъ саду, не идти пѣшкомъ въ церковь или по улицѣ и садиться въ карету поскорѣе — понятно это ее нервируетъ. *Штюрмеръ* сказалъ ея отцу, что въ городѣ ее хорошо охраняютъ.

Я такъ хотѣла бы, чтобы можно было остановить популярныя лѣвыя рѣчи *Игнатьева* въ *Думѣ* насчетъ университетовъ, онъ сломаетъ себѣ шею въ поискахъ за популярностью.

16 марта. Опять чудное солнце, 13 градусовъ на солнцѣ и сильно таетъ — странно, что у тебя былъ такой густой туманъ. Я спала хорошо, но боль продолжается потихоньку и утомляетъ меня. Послѣ завтрака будетъ дантистъ. Тити погуляетъ съ дѣтьми, а передъ чаемъ я распоряжусь, чтобы ему остригли волосы. *Лили* никакъ не могла на это рѣшиться, такъ какъ длинные волосы скрывали его торчащія уши. Такъ она позволила мнѣ это сдѣлать, говоря, что это будетъ ей не такъ больно, а я увѣрена, что онъ будетъ выглядѣть гораздо лучше, такъ какъ онъ уже такой большой мальчикъ. Завтра онъ уѣзжаетъ въ Ревель и будетъ тамъ жить съ ея родственниками. Мнѣ это грустно, онъ для Алексѣя хорошій товарищъ въ играхъ.

Большія дѣвочки ѣдутъ въ городъ, такъ какъ у Ольги комитетъ, а потомъ онѣ пьютъ чай въ *Аничковомъ*. Милый мой, сегодня двѣ недѣли, что ты уѣхалъ, и мнѣ тебя страшно недостаетъ. Хорошо, что у тебя много дѣла, такъ что ты не можешь такъ сильно чувствовать одиночество. Только вечера должны въ самомъ дѣлѣ быть грустными и унылыми, бѣдный мой голубчикъ. Опять посылаю тебѣ немного ландышей и тѣхъ голубыхъ пахучихъ цвѣточковъ, которые ты любишь. Я ихъ цѣловала, и они принесутъ тебѣ мою любовь, она глубока и нѣжна.

Я теперь совсѣмъ не читаю, чтобы дать отдыхъ глазамъ, которые такъ болятъ, и по вечерамъ я раскладываю пасьянсы съ Мари, а днемъ Аня иногда мнѣ читаетъ вслухъ. Я пошлю опять Мамашѣ интересную книгу. Мой *Буянъ* опять вернулся въ Большой Дворецъ и на этотъ разъ раненъ. Я получила телеграмму изъ *Ялты:* моя санаторія

[1] Григорій.

совсѣмъ готова — это такъ удачно, такъ какъ получается отъ 50 до 60 офицерскихъ мѣстъ, и мы можемъ превратить *Кучукъ Ламбатъ* въ лазаретъ только для солдатъ, такъ какъ офицеры тамъ страшно скучаютъ и всегда старались выбраться въ *Ялту,* и тамъ не было помѣщенія для ихъ женъ, такъ какъ это въ сущности простая рыбачья деревня.

Я не представляю себѣ, какъ справится *Шуваевъ,* энергиченъ ли онъ? Какое счастье, если онъ въ самомъ дѣлѣ настоящій человѣкъ. — Да, увы, наши генералы никогда не отличались — въ чемъ дѣло? Выгони ихъ и выдвинь какихъ нибудь молодыхъ энергичныхъ людей, какъ напр., Арсеньева. Во время войны выбираютъ способныхъ людей, по моему, а не руководятся возрастомъ и чиномъ, — это вѣдь ради всей арміи, и нельзя допускать, чтобы жизнь солдатъ приносилась въ жертву понапрасну путаниками генералами. — Что то разскажетъ тебѣ адмиралъ Филиморъ насчетъ сѣвера?

Я получила письмо отъ Малькольма, сообщающее о томъ, какой энтузіазмъ во всей Англіи по поводу *Эрзерума* — на улицахъ и въ клубахъ это была главная тема для разговора — къ несчастью ему не удалось добиться, чтобы англійскій Красный Крестъ послалъ трехъ сестеръ въ Германію подобно тому, какъ мы сдѣлали, и онъ очень этимъ огорченъ. Потомъ Дези устроила для него свиданіе съ Максомъ въ Швейцаріи; когда онъ туда доѣхалъ, оказалось, что Максъ боленъ и не можетъ повидаться съ нимъ. Онъ осмотрѣлъ нашу организацію въ Бернѣ, заботящуюся о плѣнныхъ, и нашелъ ее въ превосходномъ видѣ.

Я кончу это письмо послѣ завтрака, такъ какъ теперь должна вставать. Покрываю тебя поцѣлуями, каждое дорогое мѣстечко, и держу тебя крѣпко прижатымъ къ моему сердцу — безцѣнный, милый мой муженекъ.

Къ завтраку у насъ была Настенька, а до этого со мной сидѣлъ три четверти часа Маклаковъ и много говорилъ, — это вѣрная, преданная душа. Онъ въ высшей степени доволенъ, что ты смѣнилъ *Полив*(анова), но ему бы хотѣлось, чтобы еще нѣсколько другихъ было уволено. Когда мы опять встрѣтимся съ тобой, я могу разсказать о многихъ вещахъ, о которыхъ онъ говорилъ, и поговорю со *Штюрмеромъ,* когда увижу его, такъ какъ нѣкоторыя его указанія въ самомъ дѣлѣ справедливы и о нихъ надо подумать. Онъ умоляетъ тебя не соглашаться со всѣми московскими *востребованіями.* Понятно, нельзя санкціонировать *Союзъ Городовъ* въ качествѣ легальнаго и постояннаго учрежденія. У нихъ средства отъ правительства, и они могутъ тратить какое угодно количество милліоновъ, а «народъ» даже не знаетъ, что это казенныя средства, объ этомъ слѣдуетъ сообщить оффиціально. Если бы они продолжали въ дальнѣйшемъ существовать, они неизбѣжно

стали бы гнѣздомъ пропаганды и органами *Думы* на мѣстахъ. Онъ былъ министромъ, когда ты разрѣшилъ этотъ союзъ благодаря тому, что они прямо къ тебѣ пришли прежде, чѣмъ *Маклак*(овъ) могъ тебѣ сдѣлать *докладъ,* и онъ тогда попросилъ тебя только разрѣшить союзъ во время войны. Пожалуйста, душка, не забудь этого. Ты теперь имъ послалъ телеграмму съ благодарностью за ихъ работу — но это не должно означать, чтобы они продолжали существовать. Если бы когда нибудь понадобилась подобнаго рода организація, она должна быть въ рукахъ губернаторовъ. Онъ въ высокой степени возмущенъ поведеніемъ *Хвостова.* Онъ говорилъ какъ честный, благомыслящій, глубоко-любящій и преданный, лойяльный другъ и твой слуга..

На сегодня довольно, должна кончать, курьеръ уѣзжаетъ. Прощай, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, мой ангелъ. Всѣ нѣжно цѣлуютъ.

Навсегда вся твоя.

№ 232.

Царское Село, 17 марта 1916 г.

Любимый мой,

Пасмурное утро, три градуса мороза. Какъ скучно, что продолжается туманъ въ *Могилевѣ* и что такая грязь, болото, разлившіяся рѣки по всему фронту. Въ самомъ дѣлѣ это страшно тяжело, всѣ эти затрудненія, съ которыми приходится бороться нашимъ бѣднымъ войскамъ, но Богъ ихъ не оставитъ. Только, любимый мой, наказывай тѣхъ, кто дѣлаетъ ошибки, ты не можешь быть достаточно строгимъ — нѣсколько рѣшительныхъ примѣровъ напугаетъ всѣхъ остальныхъ. Это хорошо, что ты увольняешь *Ронжина* — онъ приводитъ всѣхъ въ отчаяніе — а красный *Даниловъ?*

Графиня Карлова въ ярости, что ея другъ *Поливановъ* уволенъ, и сразу предложила ему поселиться у нея въ домѣ — это можетъ дать тебѣ представленіе о томъ состояніи, въ которомъ многіе сейчасъ находятся въ нашемъ обществѣ. Раньше имъ бы во снѣ не приснилось, чтобы можно было сдѣлать такую вещь — она съ апломбомъ проявляетъ оппозицію — ея зять въ *Тифлисѣ, Н*(иколаша) выбралъ *П*(оливанова), это все связано и объясняетъ ея нелюбезность, когда она была у меня.

Она большой другъ *Волжина* и насѣдаетъ на этого слабаго человѣка, оказывая на него давленіе. Я обо всемъ этомъ знаю отъ матери Ани, такъ какъ графиня и ея сестры родственники ея отца, и онѣ также перемѣнили обращеніе съ ними (родителями Ани).

Нельзя ли быть болѣе осторожнымъ въ вопросѣ о томъ, кого назначать въ Государственный Совѣтъ? По словамъ *Макл*(акова) теперь всѣ хорошіе члены Государственнаго Совѣта говорятъ, что тѣ, которыми недовольны, находятъ себѣ тамъ пристанище, какъ напр. *Думитрашкэ*[1], отъ котораго желалъ отдѣлаться *Треповъ*, и потому онъ попросилъ, чтобы его туда назначили. Тамъ нужны хорошіе люди, а не первые попавшіеся (иначе это выходитъ какъ будто *опекуны*[2]), а на самомъ дѣлѣ тамъ должны быть только лояльные правые. Я не подозрѣвала, что этотъ симпатичный *Покровскій*[3], извѣстный лѣвый (къ счастью лучшій изъ нихъ), послѣдователь *Коковцева* и *«Блока»*. Мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы ты придумалъ хорошаго преемника для *Сазонова*. Это не долженъ быть непремѣнно дипломатъ. Такъ чтобы онъ могъ теперь же взяться за дѣло и принять мѣры для того, чтобы позже на насъ не насѣла Англія, и чтобы мы были тверды, когда поставленъ будетъ вопросъ о конечномъ мирѣ. Старый *Горем*(ыкинъ) и *Шт*(юрмеръ) всегда его[4] не одобряли, такъ какъ онъ такой трусъ по отношенію къ Европѣ и парламентарій, а это было бы гибелью Россіи. Ради Беби мы должны быть тверды, такъ какъ иначе онъ получитъ страшное наслѣдіе, и съ его характеромъ онъ не подчинится другимъ, а будетъ самъ себѣ хозяиномъ, какъ слѣдуетъ быть въ Россіи, пока народъ еще такъ необразованъ — м-ье Филиппъ и *Гр*(игорій) тоже такъ говорили.

Вотъ еще, мой милый, прости, что я тебѣ надоѣдаю, но это ради твоего блага они со мной говорятъ. Не прикажешь ли ты *Штюрмеру* послать за *Родз*(янко) (мерзавцемъ) и очень твердо сказать ему, что ты требуешь, чтобы бюджетъ былъ оконченъ до Пасхи, такъ какъ въ такомъ случаѣ не придется ихъ всѣхъ сзывать до тѣхъ поръ, пока съ Божьей помощью все не станетъ лучше — осенью — послѣ войны. Они хотятъ все тянуть, такъ чтобы вернуться лѣтомъ со всѣми своими отвратительными либеральными предложеніями. Многіе того же мнѣнія и просятъ тебя настоять, чтобы они теперь закончили. И ты не долженъ дѣлать послабленій, отвѣтственнаго министерства и т. д. — всего, что они хотятъ. Это должна быть **твоя** война и **твой** миръ и честь твоя и нашей родины и ни въ какомъ случаѣ не *Думы*. Они не имѣютъ права сказать хотя бы одно слово въ этихъ вопросахъ. Ахъ, какъ я хотѣла бы, чтобы мы были вмѣстѣ! Я не могу писать все, что бы хотѣлось, хотя перо мое бѣгаетъ по бумагѣ точно безумное, и мысли проносятся черезъ голову. Трудно все изложить ясно на бумагѣ, а кромѣ того мнѣ нужно вставать и идти къ дантисту.

[1] Уволенный товарищъ министра п. с.
[2] Званіе почетныхъ опекуновъ было почетной синекурой.
[3] Н. Н. Покровскій, гос. контролеръ.
[4] Сазонова.

Онъ убиваетъ нервъ въ послѣднемъ зубѣ направо, думаетъ, что это можетъ успокоить другіе нервы, потому что самъ по себѣ зубъ совсѣмъ не требуетъ, что бы нервъ былъ убитъ. Онъ совсѣмъ разстроенъ моими страданіями. Голова и глазъ продолжаютъ сегодня болѣть, но спала я хорошо.

Мой маленькій *Малама* вчера вечеромъ былъ у меня въ теченіе часа, послѣ обѣда у Ани. Мы его не видѣли уже полтора года. Онъ выглядитъ цвѣтущимъ и больше похожъ теперь на мужчину, но по прежнему онъ очаровательный мальчикъ, и я должна сказать, былъ бы превосходнымъ зятемъ — почему иностранные принцы не такъ милы! — Конечно, пришлось показать Ортипо его «отцу».

О *Шуваевѣ* написали въ газетахъ очень хорошо, я должна попросить Аню прочитать, что *Меньщ.*[1] говоритъ насчетъ *П*(оливанова). Я такъ рада, что онъ ушелъ — «общество», конечно, будетъ огорчено. Меня интересуетъ, что скажетъ сегодня Павелъ за чаемъ. Должна идти, кончу это послѣ завтрака.

Ахъ, благодарю тебя такъ нѣжно, мой дорогой голубчикъ, за твое безцѣнное письмо. Я такъ рада была его получить, и каждое любящее слово меня согрѣвало.

Да, это разсказалъ сынъ Альберта Гранси — по крайней мѣрѣ такъ мнѣ сказали — вотъ хоть одинъ честно сказалъ, что начали нѣмцы[2].

Какое отчаяніе, что на фронтѣ началась оттепель и что нельзя наступать, и что тамъ такъ много воды. Такое несчастье, но можетъ быть это скоро пройдетъ. Это хорошо, что ты послалъ за тремя главными начальниками, чтобы съ ними переговорить.

Сестра Ольга пріѣзжаетъ въ воскресенье, къ большому удивленію всѣхъ. Я боюсь, что она пріѣзжаетъ, чтобы говорить о своихъ желаніяхъ на будущее[3] — что̀ мнѣ сказать ей насчетъ твоихъ мыслей по этому предмету? Въ тотъ моментъ, когда всѣ настроены такъ непатріотично и враждебно къ фамиліи, очень тяжело, что она думаетъ о такихъ вещахъ, и его роль непростительна, но лично я боюсь, что *Сандро* ее подстрекалъ — можетъ быть я ошибаюсь, но эта исторія меня очень озабочиваетъ, и я нахожу, что ей не слѣдовало теперь поднимать этотъ вопросъ. Можетъ быть она хочетъ поѣхать за нимъ на Кавказъ, такъ какъ говорятъ, что его полкъ туда отправляется — это было бы болѣе чѣмъ неразумно и дало бы поводъ для многихъ разговоровъ и для злословія.

---

[1] Очевидно М. Меньшиковъ, извѣстный нововременскій публицистъ.
[2] Неизвѣстно о чемъ идетъ рѣчь.
[3] О разводѣ со своимъ мужемъ П. А. Ольденбургскимъ.

Я рада слышать, что публика довольна назначеніемъ *Шуваева* — Богъ да дастъ ему успѣхъ. Теперь, голубчикъ, я должна запечатать письмо. Всѣ дѣти нѣжно цѣлуютъ тебя. Покрываю тебя любящими поцѣлуями, милый мой муженекъ.

Вся твоя старая женка.

№ 233.

Царское Село, 26 марта 1916 г.[1]

Мой безцѣнный, любимый,

Еще разъ поѣздъ тебя будетъ уносить отъ насъ, когда ты будешь читать мое письмо. Эта недѣля пролетѣла; было неожиданной радостью, что ты пріѣхалъ, и ты можешь сказать *Алексѣеву,* передавая ему мой сердечный привѣтъ, что я думаю о немъ съ благодарнымъ сердцемъ. Я рада, что Дмитрій теперь тебя сопровождаетъ, дорога будетъ веселѣе и ты будешь менѣе одинокъ. Очень больно сознавать, что ты опять одинъ уѣзжаешь. Если я каждый разъ испытываю это страшное одиночество, хотя у меня есть дорогія дѣти, что долженъ чувствовать ты, совсѣмъ одинъ въ *Ставкѣ.* И вотъ приближается страстная недѣля и Пасха — эти чудныя службы, тебѣ будетъ грустно стоять одному въ церкви. Богъ да поможетъ тебѣ, моя родная птичка.

Тебѣ никогда не удается пріѣхать сюда безъ того, чтобы были какія нибудь исторіи, которыя тебя огорчаютъ или тревожатъ, или причиняютъ заботы, — вотъ теперь намѣренія и планы на будущее бѣдной Ольги на насъ свалились, и я не могу сказать, какъ мнѣ за тебя больно. Чтобы твоя родная милая сестра могла сдѣлать такую вещь!

Я все понимаю и не могу сердиться на нее за то, что она прежде всего жаждетъ свободы и счастья, — но она вынуждаетъ тебя нарушать семейные законы и, что гораздо хуже, — въ случаѣ, который ближайшимъ образомъ касается тебя. Она дочь и сестра Императора. Передъ всей страной, въ такое время, когда династія переживаетъ такія тяжелыя испытанія и — дѣйствуетъ много враждебныхъ теченій, — это печально. Нравы общества разрушаются, и наша семья — Павелъ, Миша и Ольга показываютъ примѣръ, не говоря уже о гораздо худшемъ поведеніи Бориса, Андрея и Сергѣя.

Какъ мы остановимъ остальныхъ и удержимъ отъ подобныхъ браковъ? Это дурно, что она тебя ставитъ въ это ложное положеніе, и мнѣ больно, что это новое страданіе причинено тебѣ ею. Что бы сказалъ

[1] За время недѣльнаго пребыванія Государя въ Ц. Селѣ членъ Гос. Совѣта гр. А. А. Бобринскій назначенъ товарищемъ министра вн. дѣлъ.

твой отецъ на все это? Мы были слишкомъ слабы и добры по отношенію къ семьѣ и должны были бы много разъ метать громъ и молніи на молодыхъ. Пожалуйста, если возможно, найди случай переговорить съ Дмитріемъ по поводу его времяпрепровожденія въ городѣ, да еще въ такое время. Я изъ дурного чувства быть можетъ надѣялась, что *Петя* не дастъ развода. Это можетъ казаться жестокимъ, и я не хочу быть жестокой, потому что я нѣжно люблю Ольгу, но я думаю прежде всего о тебѣ и о томъ, что она заставляетъ тебя поступать не такъ, какъ слѣдуетъ.

Славное солнце, — я надѣюсь, что оно свѣтитъ и на твоемъ пути. Пожалуйста, передай мой привѣтъ графу Келлеру, — разспроси о его сынѣ (отъ второго брака) одно время онъ былъ при немъ, я знаю.

Надѣюсь сегодня вечеромъ послѣ твоего отъѣзда пойти въ церковь, будетъ утѣшеніемъ помолиться за тебя со всѣми другими. Я ненавижу прощанія и эти ужасныя разлуки. Ты меня опять согрѣлъ твоими нѣжными любовными ласками, онѣ успокаиваютъ вѣчно больное сердце. Моя глубочайшая горячая непрестанная любовь окружаетъ тебя и — всѣ мои горячія пылающія молитвы; сердцемъ и душой мы навсегда соединены на всю вѣчность. Мой родной, моя жизнь, мое сокровище!

Богъ да благословитъ и защититъ тебя, и дастъ тебѣ успѣхъ во всѣхъ начинаніяхъ, пусть онъ направитъ и охранитъ тебя отъ всякаго зла. Страстно прижимаю тебя къ моему сердцу и цѣлую тебя съ безконечной нѣжностью, глаза, губы, лобъ, грудь, руки, каждое нѣжно любимое мѣстечко, которое мнѣ принадлежитъ.

Прощай, мое Солнышко, мое счастье, — дай Богъ, чтобы эта разлука не была слишкомъ продолжительной. Мнѣ недостаетъ главнаго, когда тебя здѣсь нѣтъ, и вечера такъ грустны, и мы стараемся рано ложиться спать.

Навсегда, мой Ники, твоя вѣрная женка

Вся твоя. Аликсъ.

№ 234.

Царское Село, 27 марта 1916 г.

Моя родная птичка,

Яркое, теплое солнце. Надѣюсь, что у тебя такая же погода. Какое грустное чувство, когда я проснулась сегодня утромъ и повернулась, чтобы поцѣловать тебя, и нашла дорогое мѣсто пустымъ. «Мы этого совсѣмъ не любимъ»[1]. А вечеромъ я была въ меланхоліи, раскладывала пасьянсы и разговаривала.

[1] Слова въ кавычкахъ написаны дѣтскимъ языкомъ.

Была у всенощной и усердно молилась за моего одинокаго, съ которымъ я только что разсталась. Такъ грустно. *Батюшка* сказалъ проповѣдь про *Марію Египетскую.*

Беби писалъ свой дневникъ и ворчалъ.

Они сегодня всѣ идутъ днемъ въ Анинъ лазаретъ, чтобы слушать пѣніе и видѣть фокусниковъ. Она хочетъ, чтобы и я пошла, но мнѣ нѣтъ охоты. Послѣ церкви должна окончить это письмо, а потомъ должна посмотрѣть нѣкоторыя картины *Стредлова* пріодѣться и отправиться въ большой дворцовый лазаретъ, гдѣ я не была около четырехъ мѣсяцевъ, — а потомъ поѣду прокатиться, такъ какъ говорятъ, что дороги стали лучше. Иза съ нами завтракаетъ. Теперь я должна быстро встать. Я всегда тороплюсь, такъ что мое письмо будетъ краткимъ.

Подвигается ли у тебя чтеніе? Ахъ, моя душка, тебя мнѣ такъ недостаетъ и я такъ жажду тебя. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя.

Дѣти тебя цѣлуютъ еще и еще.

Навсегда, мой ангелъ, твоя старая женка.

№ 235.

Царское Село, 28 марта 1916 г.

Моя родная душка,

Опять чудное утро, съ яркимъ солнцемъ. Я рада, снѣгъ скорѣе стаетъ и дороги поправятся. Мы вчера катались въ Павловскъ, я такъ отвыкла отъ движенія въ большомъ моторѣ и отъ быстрой ѣзды, что у меня разболѣлась спина, и я испытывала не очень пріятное ощущеніе, (блуждающее сердце и почки), но послѣ нѣкотораго времени, я увѣрена, это пройдетъ. Я такъ рѣдко катаюсь эти послѣдніе годы. Въ лазаретѣ Ани было совсѣмъ хорошо. Представь себѣ, что я тамъ провела цѣлый часъ — я за всѣмъ наблюдала съ нѣкоторымъ интересомъ, хотя сердце и душа были далеки отъ всего этого. Двое крошечныхъ дѣтей замѣчательно хорошо играли на гуселицахъ, этомъ деревянномъ инструментѣ съ деревянными молоточками. Потомъ m-me Белингъ пѣла, у нея очень красивый голосъ, солдаты были въ восторгѣ. Нини сидѣла возлѣ меня и говорила глупости.

Я видѣла *Кочубея*[1] по вопросу о подаркахъ для пластуновъ отъ Беби, — онъ дастъ деньги, а потомъ нашъ *складъ* можетъ изготовить вещи къ 6-ому мая, такъ какъ онѣ никакъ не могутъ быть готовы къ Пасхѣ.

[1] **Начальникъ Гл. Управленія Удѣлами.**

Сегодня я увижу священника со Штандарта. Онъ сюда пріѣхалъ по случаю говѣнія команды, а теперь возвращается въ *Рѣжицу*. Потомъ представлялся *Шагубатовъ*. Я вчера нашла въ большомъ дворцѣ четырехъ *Александровцевъ* и двухъ *Крымцевъ*, а также одного изъ твоего перваго Сибирскаго полка. Я видѣла его послѣ послѣдней войны — онъ былъ раненъ. Онъ говоритъ, что потери одну или двѣ недѣли тому назадъ были ужасны, опять перебиты и ранены почти всѣ офицеры — такой кошмаръ.

Днемъ мы были въ *Знаменьи* и ставили свѣчи, и молились. Это напомнило мнѣ о послѣднемъ днѣ, когда мы съ тобой рядомъ преклонили тамъ колѣна. Ахъ, моя душка, если бы ты зналъ, какое одиночество безъ твоего драгоцѣннаго присутствія. Я такъ жажду обнять тебя и прижать къ моему сердцу и почувствовать миръ и спокойствіе твоей великой и неизмѣнной любви.

Теперь я должна остановиться изъ за массажистки, потомъ я отправляюсь въ нашъ лазаретъ. Аня проводитъ день въ городѣ до пяти, такъ что я буду имѣть возможность посѣтить другой лазаретъ и, можетъ быть, взять Изу на прогулку.

Три новыхъ офицера прибыли изъ *Тарнополя*. Я сдѣлала имъ *перевязки*. Одинъ изъ нихъ пожилой, служилъ нѣсколько лѣтъ въ Бебиныхъ *Литовцахъ* и помнилъ, какъ я прибыла 22-хъ лѣтъ отъ роду въ *Симферополь*. Послѣ завтрака мы отправляемся въ *Матер*(инскій) лазаретъ. Мнѣ принесли прелестныя иконы, написанныя ранеными солдатами, никогда раньше не умѣвшими рисовать, съ *басмой*, сдѣланной ими же. Я пишу во время завтрака, такъ какъ потомъ у меня пріемъ. Только что получила твою телеграмму изъ *Жмеринки*, рада, что у тебя весенняя погода, надѣюсь, что ты можешь немного прогуляться по пріѣздѣ сегодня вечеромъ.

Теперь прощай, мой милый Ники, мой родной муженекъ, безконечно цѣлую и благословляю.

Навсегда твоя старая «Солнышко».

№ 236.

Царское Село, 29 марта 1916 г.

Мой любимый,

Я не представляю себѣ, когда и гдѣ ты получишь мои письма. Только что мнѣ принесли твою телеграмму изъ *Каменецъ-Подольска*, она шла только полчаса. Здѣсь также сѣро сегодня и уныло.

Такъ хотѣла бы знать, увидишь ли ты гдѣ нибудь моихъ *Крымцевъ*, — они въ 20-ти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ ты ночевалъ.

Бѣдному маленькому *Никитѣ* вчера сдѣлали операцію, но я не знаю подробностей, — оперировали ухо, — во всякомъ случаѣ доктора, повидимому, довольны.

Дѣти работали во льду, а я сидѣла на солнцѣ три четверти часа и глядѣла. Докторъ *Зуевъ* вернулся, я надѣюсь повидать его. Онъ былъ у Викторіи въ Дартмутѣ и привезъ ей мое письмо. Дики ходитъ на костыляхъ, онъ сломалъ себѣ ногу нѣкоторое время тому назадъ, катаясь на санкахъ съ горъ. Онъ проводитъ Пасху съ своими родителями въ Кентъ-Гаузѣ. У насъ въ этомъ году Пасхи совпадаютъ. Луиза опять во Франціи въ лазаретѣ. Аня намъ читала вчера вечеромъ, — бѣдняжка, она очень плохо читаетъ и дѣлаетъ безконечное количество ошибокъ въ англійскомъ языкѣ.

Милый, останови этотъ проектъ назначенія цѣлаго ряда новыхъ митрополитовъ, онъ теперь обсуждается въ *Синодѣ*, — повѣрь мнѣ, это не хорошо, у насъ нѣтъ подходящихъ людей, и это только навредитъ церкви. Сперва надо, чтобы наши епископы стали лучшими людьми, и тогда только мы можемъ подумать о томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ митрополитовъ, — теперь слишкомъ рано, это надѣлаетъ много вреда и приведетъ къ еще большимъ треніямъ въ церкви. — Я была въ Анином лазаретѣ и перевязывала раны у трехъ самыхъ тяжелыхъ больныхъ. Теперь я отправляюсь въ мой Уланскій лазаретъ, до этого должна принимать.

Татьяна Андреевна будетъ къ чаю. Увы, Ольга говоритъ, что она не можетъ придти, это такъ грустно, я надѣялась имѣть съ ней разговоръ. Прощай, мой ангелъ, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Покрываю тебя, мой милый, нѣжными поцѣлуями и такъ жажду тебя.

Навсегда твоя старая женка.

№ 237.

Царское Село, 30 марта 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Пишу тебѣ во время завтрака, такъ какъ я не имѣла времени написать утромъ. Я читала молитвы, потомъ была массажистка, потомъ я была въ нашей *Пещ.* церкви на службѣ (такъ много думала о тебѣ), а потомъ въ нашемъ лазаретѣ, гдѣ я сдѣлала 10 *перев*(язокъ). Теперь я устала, мнѣ надо принимать. Въ четыре я иду въ Красный крестъ и даю *окончивш*(имъ) курсъ ихъ дипломы, и они получаютъ кресты. Потомъ тетя Ольга, Мавра и Елена[1] обѣдаютъ съ нами, такъ какъ я

[1] Елена Петровна, жена Іоанна Константиновича.

еще ихъ не видѣла въ этомъ году. Сѣренькій день, собирался снѣгъ, но не холодно, мы будемъ обѣдать съ дѣвочками, чтобы было веселѣе. Аня на одинъ день поѣхала въ городъ, я ее видѣла въ церкви.

Я была страшно благодарна, получивъ вчера отъ тебя телеграмму, моя птичка. Мы въ восторгѣ, что ты видѣлъ нашу *сотню*.

Трое людей отъ «*Патэ*»[1] должны принести *Алексѣю* аппаратъ и нѣсколько фильмъ. Беби сталъ лучше играть на балалайкѣ, *Татьяна* также вчера имѣла урокъ. Я хотѣла бы, чтобы они выучились всѣ вмѣстѣ играть, это было бы прелестно. Душка, я должна теперь кончать. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя и защититъ отъ всякаго зла. Покрываю тебя любящими, нѣжными поцѣлуями.

Навсегда, милый муженекъ, твоя женка.

№ 238.

Царское Село, 31 марта 1916 г.

Мой дорогой,

Надѣюсь, ты найдешь это письмо по возвращеніи своемъ завтра. Я такъ рада, что все прошло успѣшно и что погода стала теплѣе.

Мавра и Елена обѣдали, *тетя Ольга* простудилась и не могла придти, Христофоръ[2] пріѣзжаетъ сегодня. Елена читала намъ очень интересныя письма, которыя она получила отъ Вѣры, все по поводу послѣднихъ страшныхъ дней, которые они пережили въ Черногоріи, и про чудесное спасеніе. Она пишетъ такъ умно и такъ живо, — бѣдняжка она пережила настоящій кошмаръ. Мавра хотѣла бы, чтобы ты послалъ за *Игоремъ,* чтобы его вытащить изъ скверной кутящей компаніи, здѣсь Элла Бенкендорфъ[3] и т. д., она опять поговоритъ съ *Варавкой* по поводу здоровья мальчика. — Какое одинокое возвращеніе опять въ *Ставку,* бѣдный Агунюшка, я хотѣла бы крѣпко сжать тебя въ своихъ объятіяхъ и покрыть тебя поцѣлуями, — а ты?

Теперь я знаю, что *Вл. Ник.* и *Данини* разрабатываютъ планы для этого института *Федорова* и планы будутъ посланы ему и *Воейкову* на обозрѣніе, — но, пожалуйста, скажи *Фед*(орову), что я хочу ихъ посмотрѣть, такъ какъ у меня могутъ быть свои предположенія, и я прошу тебя н а с т о я т ь, чтобы Анѣ позволили купить этотъ участокъ земли, который она выбрала (стоимостью отъ десяти до двѣнадцати тысячъ). *Воейковъ* объ этомъ знаетъ. Но онъ не заступится за Аню, онъ не настоящій ея другъ, когда это ему неудобно. Дай ему и *Фед*(орову)

---

[1] Извѣстная кинематографическая фирма.
[2] Греческій.
[3] Рожд. Нарышкина, молодая петербургская львица.

твое и мое приказаніе, чтобы ей позволено было купить этотъ участокъ земли теперь, такъ какъ онъ имъ не нуженъ, у нихъ совсѣмъ достаточно мѣста поблизости. Участокъ напротивъ фотографа, гдѣ баронъ (?) упалъ въ воду, немножко выше, и тамъ она могла бы посадить нѣсколько деревьевъ. *Воейковъ* устроилъ покупку и продажу этой земли съ какимъ то человѣкомъ, онъ упрямъ и очень недоволенъ, что Аня и *Путятинъ* объ этомъ говорили и осматривали это мѣсто и сговорились съ тѣмъ человѣкомъ, сказавъ ему, что они хотѣли бы купить участокъ для своего инвалиднаго лазарета. Пока у нея еще не будетъ денегъ для постройки, она можетъ сажать овощи, это будетъ выгодно для ея *убѣжища.* Я не хочу, чтобы *Вл. Ник. Дер.*[1] и *Федор*(овъ) жадничали, поэтому отдай это приказаніе, — *Федоровъ* о немъ не забудетъ. Оба учрежденія подъ моимъ покровительствомъ, такъ что *Воейковъ* можетъ дать *Харламову* (кажется это его имя) приказаніе продать тотъ участокъ, который Аня уже выбрала (мы тогда еще и не думали объ этомъ мѣстѣ для медицинскаго института, и тамъ еще очень много свободнаго мѣста), такъ чтобы она могла его купить теперь же, онъ можетъ ей написать, мы оба хотимъ, чтобы она могла купить это мѣсто (или же мы можемъ подарить его ей на Пасху, десять-двѣнадцать тысячъ по твоему усмотрѣнію), только, пожалуйста, пусть это будетъ сдѣлано теперь же и не давай имъ надуть ее.

Прости, что я тебѣ надоѣдаю этимъ, но я знаю, что она очень волнуется по поводу этого мѣста и полезно ей имѣть это дѣло, чтобы думать о немъ, о планахъ, о посадкахъ и т. д.

Мы уѣзжаемъ изъ дому до десяти, такъ какъ въ половинѣ одиннадцатаго въ городѣ будетъ освященіе моей маленькой церкви, въ моей школѣ *нар. искусства,* потомъ въ половинѣ перваго мы завтракаемъ въ *Аничковомъ,* въ два у Ольги комитетъ, и она принимаетъ пожертвованія. Я навѣрное посѣщу складъ вмѣстѣ съ Татьяной или же лазаретъ во Дворцѣ, или заѣду къ *Никитѣ,* онъ поправляется.

Ясное утро, — мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы мнѣ не приходилось ѣздить въ городъ, это всегда такая утомительная экспедиція.

Тебѣ будетъ скучно, когда Дмитрій опять уѣдетъ. Графиня[2] *Палѣй* мнѣ написала длинное письмо, прося тебя не пускать его въ полкъ, потому что его здоровье такъ плохо, и ему такъ не хочется туда ѣхать. Если бы можно было для него найти какую нибудь работу или послать его въ санаторію на два мѣсяца, на полный отдыхъ съ хорошимъ воздухомъ, только не въ городъ, и чтобы онъ не болтался безъ дѣла.

---

[1] Др. Деревенько.
[2] Вмѣсто «княгиня».

Теперь я должна встать и одѣться. Прощай, мое родное сокровище моя радость и солнце, мой дорогой. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Цѣлую тебя съ безконечной преданностью и остаюсь навсегда твоя старая

«Солнышко».

№ 239.

Царское Село, 1 апрѣля 1916 г.

Мой милый,

Теперь ты опять вернулся въ *Ставку*, и я боюсь, что ты будешь себя чувствовать страшно одинокимъ и будетъ грустно выстаивать въ одиночествѣ эти чудныя церковныя службы, — и будетъ ли по крайней мѣрѣ при тебѣ Георгій?

Я пріоткрыла окно и слышу чириканіе маленькой птички. Въ *Гатчинѣ* появились первые синіе цвѣточки; такое чудное солнце, и сегодня такъ тихо.

Ольга описала тебѣ всѣ наши похожденія въ городѣ, — я должна только прибавить, гдѣ мы съ Татьяной были пока Ольга была въ Зимнемъ Дворцѣ. Мы поѣхали въ новую маленькую церковь *Скоропослушницы изъ Бари* и тамъ видѣли прелестную икону, — такое идеальное нѣжное лицо и передъ нимъ такъ отрадно молиться, — я поставила тамъ за тебя свѣчу и также передъ Казанской Божьей Матерью, куда мы ѣздили. Посылаю тебѣ крошечный образокъ, который я оттуда привезла, — у тебя ихъ уже много, но когда ты прочтешь надпись на оборотѣ, она тебѣ поможетъ въ твоихъ тяжкихъ трудахъ.

Потомъ въ *складъ*, только прошли черезъ него, — увы, не очень много народу. Потомъ посидѣли у Ксеніи — я уже годы не была у нея и нашла перемѣны въ ея комнатѣ. *Никита* поправляется.

Я спала не очень хорошо, это случается когда я переутомлена, и все у меня болитъ, потому я останусь сегодня утромъ въ постели.

Я получила письмо отъ Н. П. Онъ говоритъ, что тамъ уже весна, множество птицъ, прилетѣло даже 25 журавлей. Кириллъ провелъ съ ними недѣлю, и казалось, что ему грустно уѣзжать. По утрамъ они ѣздили въ разныя роты, которыя находятся въ нѣсколькихъ верстахъ, и смотрѣли стрѣльбу. Они еще не дѣлали ученія, такъ какъ дороги невозможны и все подъ водой. Послѣ завтрака они гуляли въ саду и потомъ опять отправлялись на занятія, а по вечерамъ бриджъ. Роты говѣютъ поочередно, моя маленькая церковь находится въ *амбарѣ*, такъ что тамъ совсѣмъ уютно и не холодно, можно стоять безъ шапокъ. *Батюшка* счастливъ, что у него больше службы, такъ какъ *Полушкинъ*

не очень ими дорожилъ, а наши моряки привыкли къ нимъ. Я собираюсь достать маленькую *Плащаницу* для нихъ и для моихъ *уланъ* и послать имъ. Онъ страшно счастливъ, что старый *Ивановъ* будетъ при тебѣ. Я помню, онъ всегда намекалъ, что это будетъ очень хорошо. Если все будетъ тихо, онъ надѣется около 16-го пріѣхать на пять дней. Гротенъ здѣсь появился на нѣсколько дней и *Кусовъ*, повидимому, также. Въ городѣ мнѣ навстрѣчу попался *Линевичъ* и потомъ *Дробязгинъ* въ скверной маленькой папахѣ. Ахъ, мой милый, какъ жалко, что ты проведешь *Вербу* совсѣмъ одинъ. Мнѣ такъ тяжело думать о тебѣ безъ всѣхъ насъ, — тѣ, кто на войнѣ, имѣютъ около себя своихъ солдатъ и товарищей, — ты несешь всю тяжесть, и съ тобой такіе скучные люди. Я жажду тебя, ты мнѣ недостаешь больше, чѣмъ я могу сказать, мой единственный, моя жизнь, мое все, мое солнце, — мой собственный, совсѣмъ, совсѣмъ мой.

Я посижу сегодня въ саду, пока дѣти будутъ работать, а до этого пойду въ *Знаменье*, — я чувствую себя спокойнѣе послѣ того, какъ приношу туда свои молитвы за тебя, мой ангелъ.

Душка, почему ты не распорядишься, чтобы флигель-адъютанты отъ различныхъ полковъ пріѣзжали и исполняли при тебѣ свои обязанности въ теченіе двухъ или трехъ недѣль. Для нихъ это была бы честь, времена теперь все еще спокойныя и они могли бы тебѣ разсказывать интересныя вещи во время твоихъ прогулокъ, это было бы веселѣе, чѣмъ *Валя, Кира* и даже *блаж*(енный) *Мордвиновъ* или самоувѣренный *Воейковъ*, — пожалуйста, осаживай отъ времени до времени послѣдняго, ему это полезно. Онъ такъ всегда страшно доволенъ собой, это меня раздражаетъ каждый разъ, что я съ нимъ разговариваю. Не давай ему опять нападать на нашего *митрополита* и обращай поменьше вниманія на то, что онъ говоритъ, — вотъ я опять вмѣшиваюсь, но я всегда находила, что онъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ нужно держать въ рукахъ и наблюдать за ними. Онъ недостаточно любезенъ съ другими и думаетъ о своей л и ч н о й безопасности, т. е. я хочу сказать о своемъ положеніи. Прощай, мой дорогой муженекъ, мой милый мальчикъ, мой любимый. Почувствуй около себя мою любящую близость и мои молитвы, когда ты станешь на колѣни съ твоей свѣчой и съ *вербой* въ рукѣ. Я не могу себѣ представить, что мы не проводимъ вмѣстѣ этихъ великихъ дней.

Да обратятся твоя жизнь и твое царствованіе отъ горя и страданій къ яркому солнцу и къ радости и пусть Св. Пасха принесетъ свои неисчерпаемыя милости.

Прощай, голубчикъ, мы будемъ говѣть, какъ всегда, но будетъ страшно грустно безъ тебя.

Прижимаю тебя къ моей груди и держу тебя въ нѣжныхъ объятіяхъ, цѣлую каждое любимое мѣстечко съ любовной, глубокой преданностью. Господь да благословитъ тебя,

вся твоя.

№ 240.

Царское Село, 2 апрѣля 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Ахъ, какая это была неожиданная радость, когда Мадленъ принесла мнѣ твое драгоцѣнное письмо. Я никогда не ожидала, что ты найдешь время писать. Какъ страшно ты долженъ былъ устать вчера послѣ этого безконечнаго военнаго совѣта. Я надѣюсь, что ты былъ доволенъ всѣми планами. Такъ какъ тебѣ понравилась эта прелестная англійская книга, я посылаю тебѣ другую того же автора, которая также намъ нравится. Она также мила и занимательна, но не такъ прелестна, какъ «The Boy». Да, душка, это мнѣ напоминаетъ время 22 года тому назадъ, и я много бы отдала, чтобы быть съ тобой вдвоемъ въ такомъ саду, это такъ правдиво; каждая женщина имѣетъ въ себѣ также материнское чувство по отношенію къ человѣку, котораго она любитъ, это ея природа, которая сказывается, когда она въ самомъ дѣлѣ глубоко любитъ.

Мнѣ нравятся эти красивыя слова, и какъ онъ сидитъ у ея ногъ подъ деревомъ, и у него такая прелестная солнечная душа, «мой маленькій голубой мальчикъ». Мы всѣ прочли этотъ разсказъ съ мокрыми глазами.

Павелъ сегодня придетъ къ чаю, Дмитрій, вѣроятно, появится завтра, если это ему не скучно.

Вчера я лежала на балконѣ и Аня мнѣ читала, сегодня я буду сидѣть съ дѣвочками, пока онѣ будутъ работать.

Мари въ дурномъ настроеніи духа и все время ворчитъ и лаетъ на всѣхъ, у нея и у Ольги m-me Б(еккеръ). Я нахожу, что у Ольги настроеніе стало лучше, и это показываетъ, что она чувствуетъ себя крѣпче.

Я все еще чувствую страшное утомленіе послѣ города и у меня все болитъ. Въ четыре я должна вернуться для *доклада Лили Об*(оленской). Между прочимъ, я видѣла въ теченіе десяти минутъ вчера *барона Кусова*, у него была масса вопросовъ, онъ выглядитъ загорѣлымъ и здоровымъ. — Я еще нѣсколько разъ перечитаю твое письмо. Черезъ Гротена я посылаю сегодня три маленькія *плащаницы* для его полка отъ Беби, для уланъ и гвардейскаго *экипажа* отъ меня. — Буду думать о тебѣ совсѣмъ особенно сегодня вечеромъ, когда мы получимъ

наши вербы; — о мой милый, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, моя нѣжная страстная любовь окружаетъ тебя, и мнѣ хочется крѣпко сжать тебя въ моихъ объятіяхъ и успокоить твою голову на моей груди, какъ въ постели, и чувствовать твое милое любящее присутствіе и покрыть тебя поцѣлуями. Навсегда, мой муженекъ, вся твоя старая женка.

№ 241.

Царское Село, 3 апрѣля 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Я нѣсколько разъ опять перечитывала и цѣловала твое дорогое письмо, полученное мною вчера. Да, это словно бесѣда, а цѣлая недѣля безъ одной строчки твоимъ почеркомъ, это было грустно (хотя вполнѣ понятно).

Какъ хотѣлось бы иногда снова пережить счастливыя спокойныя минуты, какъ тѣ, которыя мы провели вдвоемъ, вмѣстѣ съ нашей чудной любовью, каждый день приносившей новыя откровенія. Эти постоянныя разлуки изнашиваютъ сердце, такъ какъ приходится столько страдать, но эти милыя слова въ письмахъ, которыя ты, мой глупый мальчикъ, только въ темнотѣ говоришь не стѣсняясь, наполняютъ мое сердце молчаливымъ блаженствомъ и заставляютъ меня чувствовать себя моложе. Тѣ немногія ночи, которыя мы теперь проводимъ вмѣстѣ, такъ тихи и полны любящей нѣжности. Всегда годами не разставаясь, теряешь привычку показывать свою нѣжность и свое чувство, тогда какъ теперь ихъ нельзя удерживать, они приносятъ столько несчетныхъ радостей и утѣшенія.

Мари тебѣ все написала по поводу шалостей на льду. Я была въ *Знаменьи* и поставила свѣчку, и принесла немного цвѣтовъ Божьей Матери. Павелъ съ нами пилъ чай, сегодня Димитрій, и у насъ тетя Ольга и Христо къ обѣднѣ и къ завтраку. Д. ѣхалъ въ поѣздѣ съ этой противной Маріанной[1] и Аней. Онъ въ отчаяніи, что долженъ вернуться въ полкъ и тѣмъ болѣе передъ праздниками, онъ находитъ безполезнымъ быть въ полку, никакого дѣла и постоянное пьянство. Ему очень хочется поѣхать на Кавказъ, чтобы его куда нибудь послали къ югу, осмотрѣть что нибудь въ тепломъ климатѣ и съ какимъ нибудь порученіемъ. И для него разочарованіе, что онъ остался въ *Ставкѣ* при тебѣ. Ахъ, эта молодежь Фамиліи съ плохимъ здоровьемъ и страстью къ наслажденіямъ вмѣсто долга! Я чувствовала себя такъ грустно безъ тебя въ церкви,

[1] Г-жей Дерфельденъ, дочь княгини Палѣй отъ перваго брака.

въ прошломъ году было не такъ. Для дѣтей[1], я боюсь, кончается карантинъ только къ Пасхѣ; это такъ скучно, но пѣвчіе пѣли очень хорошо, въ церкви было множество солдатъ и народа, и когда мы уходили, была еще цѣлая масса ожидающихъ приложиться къ иконѣ и получить свою *вербу.*

Каковъ былъ *Брусиловъ?* Говорилъ ли онъ откровенно свое мнѣніе и показались ли его взгляды правильными. Я, право, не знаю, способенъ ли онъ занимать такое отвѣтственное мѣсто[2]. Дай то Богъ!

Какъ мы должны быть признательны, что удалось отогнать эти аэропланы. Ты былъ въ опасномъ мѣстѣ. Провались они — тебѣ они мѣшаютъ проѣхать дальше на фронтъ и въ *окопы.* Газеты разсказываютъ, что Уильямъ[3] былъ раненъ при Верденѣ *осколками,* правда ли это, я, понятно, не знаю. Тутъ я посылаю тебѣ черезъ Павла прошеніе отъ м-мъ Шпееръ. Можетъ быть ей можно оказать нѣкоторую помощь. Павелъ проситъ напомнить тебѣ о генералѣ *Новос*(ильцевѣ), онъ надѣялся получить мѣсто, но это для него слишкомъ крупное мѣсто, мнѣ кажется. Но такъ какъ онъ бывшій конногвардеецъ, Павелъ проситъ какого нибудь мѣста для него.

Ты будешь въ отчаяніи, когда ты увидишь этотъ большой конвертъ, но это *докладъ* Эллы объ ея *общежитіи* для юныхъ добровольцевъ, и она спрашиваетъ, позволишь ли ты Алексѣю быть *покровителемъ.* Поэтому посылаю тебѣ бумагу только на просмотръ, пусть *Мордвиновъ* ее прочтетъ и скажетъ, находитъ ли онъ все правильнымъ, и потомъ дай мнѣ знать, можетъ ли Беби быть назначенъ покровителемъ, и я пошлю телеграмму Эллѣ на Пасху, сообщая ей твое разрѣшеніе. Бумагу, пожалуйста, верни.

Тетя Ольга была очень мила, Христо кажется такимъ же, какъ всегда, большой толстый парень. Онъ пріѣхалъ черезъ Лондонъ, Парижъ, Швейцарію, Берлинъ, Сасницъ. По его словамъ все, что разсказываютъ про Софію[4], неправда, она держалась очень спокойно и вовсе не кричала о своихъ чувствахъ и не уѣзжала изъ Греціи. Рана Тино до сихъ поръ не зажила и каждый день докторамъ приходится ее прочищать и мѣнять *трубочку.* Тетю Аликсъ онъ нашелъ совсѣмъ здоровой, Минни очень занята своими лазаретами въ Геррогетѣ[5]. Они были въ восторгѣ отъ нашихъ церквей, я имъ также показала маленькую.

---

[1] Маленькихъ пѣвчихъ.

[2] 17 марта Брусиловъ назначенъ главнокомандующимъ арміями юго-западнаго фронта.

[3] Германскій Императоръ.

[4] Жену греческаго короля, сестру Вильгельма II.

[5] Въ Англіи.

Чудное теплое солнце, такъ что мы выѣдемъ покататься. Дмитрій будетъ къ чаю. Дорогая любовь моя, милая душенька, прощай. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Будешь ли ты ходить въ церковь дважды въ день? Говѣешь ли ты или это трудно въ *Ставкѣ?* Всѣ мои помыслы окружаютъ тебя безконечной любовью, мое сокровище. Любящіе поцѣлуи шлетъ тебѣ твоя преданная старая

«Солнышко».

№ 242.

Царское Село, 4 апрѣля 1916 г.

Мой любимый,

Я была такъ рада получить извѣстіе отъ тебя черезъ Дмитрія, только мы его видѣли очень короткое время; онъ пришелъ въ десять минутъ шестого и ушелъ безъ десяти восемъ. Гартманъ въ городѣ, и онъ надѣется, что тотъ позволитъ ему остаться здѣсь на праздники. Онъ не будетъ просить объ этомъ, но дастъ ему понять твое желаніе. Это грустно, до какой степени ему не хочется возвращаться въ полкъ, и мнѣ кажется, что онъ не любитъ ни командира, ни офицеровъ, — всѣ его товарищи убиты. Онъ выглядитъ лучше, чѣмъ когда вы уѣхали, и былъ въ хорошемъ настроеніи духа. Мы проѣхали черезъ *Тярлево,* дорога уже совсѣмъ хороша — очень мало снѣга въ лѣсахъ и въ воздухѣ чувствуется весна — но былъ довольно рѣзкій вѣтеръ. Я заѣхала за Аней къ ней, поскользнулась на ея балконѣ и съ трескомъ упала. Тотчасъ же вскочила, но чувствую ушибъ и боль — у меня руки были въ муфтѣ — это слишкомъ глупо, а нѣсколько раненыхъ, которые стояли напротивъ, видѣли это зрѣлище. Но моя шляпа, очень большая, къ счастью не сдвинулась — такъ нелѣпо. М-мъ Зизи сидѣла со мной часъ, она чувствуетъ себя неважно, такіе приливы крови къ головѣ, изъ за которыхъ у нея болитъ затылокъ, вся лѣвая сторона лица и рука, и она боится удара, какъ было у тети Евгеніи, — оно такъ начинается. Ей даютъ сильныя слабительныя, и она не ѣстъ мяса — бѣдняжка, это такъ ей разстраиваетъ нервы и всякая непріятность отражается на ея самочувствіи. Аня читала намъ вечеромъ, пока мы раскладывали пасьянсы. Д. (Дмитрій) сказалъ, что на желѣзной дорогѣ говорили, что ты пріѣзжаешь на три дня. Если это правда, это было бы слишкомъ хорошо. Я знаю, *Воейковъ* сказалъ Анѣ, что онъ не понимаетъ, почему бы ты этого не сдѣлалъ.

Ну, отъ тебя все зависитъ, ты сдѣлаешь такъ, какъ находишь нужнымъ, я не буду въ это вмѣшиваться.

Сегодня утромъ сѣренькая погода и только одинъ градусъ тепла — я останусь дома или буду лежать на балконѣ, я не хочу трястись (въ экипажѣ), такъ какъ я чувствую нѣкоторую боль отъ моего паденія (кромѣ того шишка на колѣнѣ, которая очень мѣшаетъ, когда я становлюсь на колѣни) и въ лѣвой рукѣ я чувствую тяжесть и неловкость. Я рада, что я не... — ну, вотъ мнѣ помѣшали, пришлось выбирать яйца, и я не знаю, что я хотѣла написать.

Братъ стараго Кундигера Генрихъ умеръ. У насъ служба въ церкви въ два и въ половинѣ седьмого, какъ обыкновенно — дѣвочки сперва идутъ въ лазаретъ.

Назначишь ли ты на Пасху *Алексѣева* генералъ адъютантомъ? Какъ старикъ Фредериксъ, не слишкомъ gaga? Какъ я хотѣла бы, чтобы у насъ былъ кто нибудь въ виду на его мѣсто.

Пожалуйста, заставь своихъ адъютантовъ служить тебѣ, теперь имъ нечего дѣлать, позже будетъ труднѣе для полковыхъ командировъ освободиться.[1] Мнѣ такъ непріятно твое одиночество въ *Ставкѣ* и всѣ твои скучные люди.

Я не могу сказать, какъ безконечно я счастлива была, получивъ твое дорогое письмо послѣ нашего возвращенія изъ церкви. Прелестный синій цвѣтокъ я положила въ свое евангеліе. Я такъ люблю получать отъ тебя цвѣточки, они такое свидѣтельство твоей любви. Не каждый мужъ подумаетъ о томъ, чтобы посылать своей старой женѣ цвѣты. Первые синіе цвѣточки этого года! Я надѣюсь, что ты можешь дѣлать хорошія прогулки и что тебѣ не будутъ очень надоѣдать на этой недѣлѣ. Я могу себѣ представить, какъ одиноко ты себя чувствуешь безъ кого либо изъ твоихъ близкихъ возлѣ тебя — если бы Н. П. былъ около тебя, я бы почувствовала себя спокойнѣе, такъ какъ ты къ нему такъ привыкъ, онъ можетъ сдѣлать разносъ, когда ты этого хочешь, и понимаетъ всякую шутку — вы такъ много вмѣстѣ жили всѣ эти годы, — а твоя свита въ самомъ дѣлѣ — такіе изводящіе люди. Я такъ счастлива и страшно тронута, что ты носишь мой образокъ, пусть онъ принесетъ тебѣ благословеніе Божье и помощь, и утѣшеніе и пусть дастъ тебѣ почувствовать мое присутствіе всегда возлѣ тебя. Ахъ, у меня тоже такая глубокая сильная любовь наполняетъ сердце и такая тоска по тебѣ. Беби былъ въ моей *Молельнѣ* вмѣстѣ со мной, дѣвочки въ церкви. Аня стояла у наружныхъ дверей. Прощай, моя птичка, мое солнышко, мнѣ такъ грустно, я такъ чувствую твое отсутствіе и ненавижу твое одиночество. Богъ всемогущій да благословитъ и защититъ тебя. Безконечно цѣлую тебя, моя душка, твоя старая жена.

---

[1] См. выше, проектъ императрицы.

№ 243.

Царское Село, 5 апрѣля 1916 г.

Мой дорогой, безцѣнный,

Представить себѣ тебя, сидящимъ въ одиночествѣ надъ маленькимъ puzzle, — это совсѣмъ *«не надо»*. Ахъ, мой бѣдный маленькій, какъ это показываетъ твое одиночество. Я понимаю послѣ всей массы дѣла и всего того, что тебѣ приходится прочитывать, и всѣхъ людей, которыхъ ты видишь, — такое невинное занятіе даетъ отдыхъ.

Мы также теперь не раскладываемъ пасьянсовъ, и сегодня я начала раскрашивать деревянныя яйца съ крапинками. Я не могу вязать или удобно держать работу, такъ какъ лѣвая рука трясется и болитъ. Я сама на ночь смазывала ее бѣлымъ іодомъ и потомъ наложила горячій компрессъ, и забинтовала великолѣпно и аккуратно правой рукой, — прямо гордилась своей работой.

Во время всей службы я думали о тебѣ, — всѣ молитвы и твои любимыя чудесныя пѣснопѣнія Страстной недѣли, — я не могу свыкнуться съ мыслью, что тебя нѣтъ рядомъ со мной, — и какъ то я испытываю чувство, что я несу тебя въ своей душѣ и всей моей любовью приношу тебя Богу. Какъ долженъ теперь страдать Христосъ, видя все это страданіе и кровопролитіе вокругъ. Онъ отдалъ свою жизнь за насъ, его мучили, на него клеветали, онъ все вынесъ и пролилъ свою драгоцѣнную кровь въ отпущеніе нашихъ грѣховъ. И какъ же мы ему за это отплатили, какъ мы доказываемъ нашу любовь и признательность! Зло міра все растетъ. Во время вечерняго евангелія я такъ много думала о нашемъ Другѣ: какъ *книжники* и фарисеи преслѣдуютъ Христа, притворяясь, что они такія совершенства (и какъ они отъ этого теперь далеки). Да, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. И какъ мы должны быть благодарны, сколько молитвъ Его было услышано. И гдѣ есть такой слуга Господній — кругомъ него растетъ зло, стараются повредить Ему и оторвать Его отъ насъ. Если бы только они знали, какой они дѣлаютъ вредъ, — вѣдь, Онъ живетъ для своего Государя и для Россіи и выслушиваетъ всю клевету ради насъ. Какъ я была рада, что мы всѣ были съ Нимъ у святого причастія на первой недѣлѣ поста. Тебѣ не нуженъ молитвенникъ, чтобы слѣдить за службой? Я могу тебѣ послать свой, если ты захочешь его имѣть, такъ какъ я теперь пользуюсь тѣмъ, который принадлежитъ *молельнѣ*. Я опять велѣла поставить табуретъ рядомъ съ моимъ стуломъ, чтобы Алексѣй могъ на немъ посидѣть, но, справа отъ меня уголъ, ахъ, такъ пустъ!

Нашъ Другъ пишетъ такъ печально, что такъ какъ Его заставили уѣхать изъ П(етрограда), тамъ будетъ много голодныхъ на Пасху. Онъ даетъ такую массу бѣднымъ, каждая копейка, которую Онъ получаетъ,

отдается имъ, и это приноситъ Божье благословеніе также тѣмъ, которые принесли Ему деньги.

Сѣрое утро и слегка идетъ снѣгъ. Посылаю тебѣ прошеніе отъ жены одного *полковника Свѣчина*, она проситъ, чтобы ея сынъ былъ внесенъ въ списокъ кандидатовъ въ Пажескій корпусъ. Дѣдъ мальчика былъ произведенъ въ генералы по оставленіи службы въ видѣ награды: отецъ командуетъ 6-мъ Финскимъ стрѣлковымъ полкомъ. Твоя канцелярія отвѣтила ей, что это невозможно. Тогда она черезъ Аню послала эту бумагу, какъ послѣднюю попытку убѣдиться въ томъ, не позволишь ли ты это сдѣлать. Ея мужъ имѣетъ золотое оружіе и *Влад*. 3-ей степени.

Мнѣ грустно, что я тебѣ надоѣдаю этими прошеніями, но можетъ быть ты могъ бы написать о нихъ одно слово и отправить ихъ въ твою канцелярію. Другое — отъ вдовы, просящей о помощи.

Вотъ, милый, посылаю тебѣ 8 пасхальныхъ открытокъ для дѣвочекъ, Ольги и А(ни). Можетъ быть, ты уже въ пятницу ихъ пошлешь.

Я еще послала въ *Уральскій* [1] за яичками и сдѣлаю для тебя завтра маленькій выборъ, такъ какъ, если ты будешь посылать яйца, будетъ пріятнѣе знать, что они посланы и выбраны тобой.

Нѣжно цѣлую и благодарю за твое милое письмо. Голубчикъ мой, ты могъ бы пойти къ другому духовному отцу, когда ты въ другомъ мѣстѣ, и отецъ *Ал*(ександръ) прекрасно это пойметъ, если ты такъ сдѣлаешь. Телеграфируй мнѣ прямо, и я объ этомъ скажу священнику во время исповѣди, и скажу о твоихъ сомнѣніяхъ, и я увѣрена, что онъ только порадуется съ тобой, такъ какъ онъ знаетъ, какъ ты нуждаешься теперь въ укрѣпленіи и благословеніи Божьемъ, — и пойти вмѣстѣ съ *Алексѣевымъ* и твоей свитой было бы для нихъ и для твоего дѣла особымъ благословеніемъ. Если *Шав*(ельскій) будетъ говорить о нашемъ Другѣ и митрополитѣ, будь т в е р д ъ и покажи, что ты ихъ цѣнишь и что, если онъ опять услышитъ исторіи про нашего Друга, онъ долженъ энергично возстать противъ всего этого и запретить ихъ разговоры и пусть они не смѣютъ говорить, что у Него есть хоть что нибудь общее съ нѣмцами, онъ добръ и великодушенъ ко всѣмъ, какъ Христосъ, все равно, къ какой бы религіи человѣкъ не принадлежалъ, такимъ долженъ быть истинный христіанинъ. И разъ ты находишь, что Его молитвы помогаютъ тебѣ переносить испытанія, а у насъ было достаточно примѣровъ, — они не смѣютъ говорить противъ Него. Будь твердъ и заступись за нашего Друга.

---

[1] Магазинъ Уральскихъ камней въ Петербургѣ.

Пойди къ святому причастію, мы тогда почувствуемъ себя, совсѣмъ вмѣстѣ. Слава Богу, дѣла идутъ хорошо на Кавказѣ.

То, что ты разсказываешь про Мишу, странно, — я знаю, что у него и Дмитрія были разговоры и переписка и они, вѣроятно, вдвоемъ это рѣшили. Мы страдаемъ отъ нашихъ родственниковъ и отъ недостатка у нихъ чувства долга, — какъ у бѣдной Ольги.

Петя[1] съ нами завтракалъ, и послѣ мы бесѣдовали, и онъ плакалъ, бѣдняжка. Онъ проситъ меня сказать тебѣ, что онъ завтра прямо ѣдетъ въ *Айтодоръ*, такъ какъ для него было бы слишкомъ тяжело въ *Рамони*.[2]

Должна кончать. Благословляю и цѣлую безъ конца. Нѣжно прошу твоего прощенія за всякое слово и дѣло, которое могло огорчить тебя или причинить боль, повѣрь, что это не было сдѣлано умышленно. Навсегда, мой милый, мой безцѣнный,

твоя старая женка.

№ 244.

Царское Село, 6 апрѣля 1916 г.

Милый мой голубчикъ,

Посылаю тебѣ книгу и коллекцію яицъ, которыя, я думаю, понравятся дѣтямъ и Анѣ. Я нѣсколько разъ перечитывала твое милое письмо и цѣловала его. Да, должно быть красивое зрѣлище разлившихся передъ твоими окнами водъ и широкой рѣки.

Какъ великолѣпно: Трапезундъ взятъ нашими чудесными войсками. Поздравляю тебя отъ всего любящаго сердца. Меня печалитъ, что вся удача тамъ на югѣ — но со временемъ настанутъ и здѣсь хорошія времена.

Моей рукѣ лучше, но она все еще слегка болитъ — однако это пустяки и никто этого не замѣчаетъ.

Отъ того, что я становилась на колѣни, ушибъ сталъ всѣхъ цвѣтовъ радуги.

Беби былъ страшно оживленъ и веселъ весь день и до того, какъ пошелъ спать, — ночью онъ проснулся отъ боли въ лѣвой рукѣ и съ двухъ часовъ не засыпалъ почти ни на минуту, дѣвочки съ нимъ долго сидѣли. Я внѣ себя отъ отчаянія, и онъ уже безпокоится насчетъ Пасхи, какъ онъ будетъ стоять завтра со свѣчей въ церкви, и насчетъ причастія, бѣдный человѣчекъ. Повидимому, онъ работалъ *ломомъ* и, вѣроятно, слишкомъ напрягался, — онъ такой сильный, что ему трудно всегда помнить и думать о томъ, что онъ не долженъ дѣлать рѣзкихъ дви-

---

[1] Разведенный мужъ Ольги Александровны.

[2] Имѣніе пр. Ольденбургскихъ.

женій. Но такъ какъ боль съ такой силой наступила ночью, и онъ не можетъ согнуть руки, я думаю, что она пройдетъ быстрѣе, — обычно боль продолжается три ночи, но можетъ быть Богъ смилостивится и поможетъ, чтобы она прошла скорѣе, — слишкомъ грустно, что Беби нельзя будетъ быть у святого причастія. Надѣюсь, что онъ теперь будетъ спать, — она[1] телеграфируетъ *Гр*(игорію), я кончу это письмо послѣ завтрака, можетъ быть мнѣ тогда удастся о немъ больше сказать. Можетъ быть ему можно принести святое причастіе наверхъ.

Аня, вѣроятно, не можетъ поѣхать раньше субботы, такъ какъ появилась Б.[2], Н. П. ей телеграфировалъ, что они также ѣдутъ завтра; *Родіоновъ* пріѣзжаетъ въ городъ. Пасмурное утро. Большія въ лазаретѣ, маленькія отправились въ Большой Дворцовый госпиталь, такъ, чтобы освободиться на день и посидѣть съ Беби, и мы тамъ можемъ красить яйца.

Ахъ, я такъ благодарна тебѣ, моя птичка, за твое милое письмо и нѣжныя слова. Да, въ самомъ дѣлѣ я буду думать о тебѣ совсѣмъ особенно во время исповѣди и святого причастія. Болѣе чѣмъ грустно, что мы въ этотъ великій моментъ не будемъ вмѣстѣ, но наши души будутъ общаться. Еще разъ, душка, прости меня за все, за все. Я чувствую себя страшно грустной и подавленной сегодня и въ церкви плакала, какъ ребенокъ. Я не могу вынести, когда милый ребенокъ страдаетъ, и я знаю чего это тебѣ стоитъ. Но м-ье Ж.[3] сказалъ, что припадокъ наступилъ также внезапно и съ такой же страшной силой, какъ тогда на морѣ, и въ этихъ случаяхъ онъ скорѣе проходитъ. Онъ спитъ.

У насъ была часть митрополичьяго хора въ церкви, (это устроили *Батюшка* и А., мнѣ не хотѣлось, такъ какъ я знала, что они будутъ пѣть по другому, и такъ и было), наши дѣти все время больны, — въ самомъ дѣлѣ слѣдовало бы отдѣлить нашихъ царскосельскихъ отъ другихъ, разъ ихъ такъ много.

Какъ пріятно должно было ѣхать вверхъ по рѣкѣ, — всегда пріятно быть на водѣ — я надѣюсь, что *Граббе* дѣлалъ снимки. Я не выходила эти дни, чтобы не утомляться въ виду церковныхъ службъ.

Теперь, мой дорогой, безцѣнный, прощай, Господь съ тобой. Цѣлую тебя безъ конца и буду ощущать твою близость. Ахъ, какъ я люблю тебя и тоскую по тебѣ, мой любимый. Подумай о Кобургѣ и обо всемъ, что мы пережили въ тѣ дни. Навсегда твоя старая

«Солнышко»

---

[1] Аня.
[2] Беккеръ.
[3] Жильяръ.

№ 245.

Царское Село, 6 апрѣля 1916 г.

Мой любимый,

Я начинаю свое письмо съ вечера послѣ того, какъ еще разъ перечла твое милое письмо. День я провела въ комнатѣ Беби за крашеніемъ яицъ, пока м-ье Ж. ему читалъ или держалъ Foen [1]. Онъ почти все время страдалъ, потомъ задремывалъ на нѣсколько минутъ, а потомъ опять сильныя боли. Почти ничего не ѣлъ. Самое лучшее читать ему, такъ какъ это на время отвлекаетъ его мысли, когда страданія менѣе сильны. Надѣюсь, что у него будетъ довольно спокойная ночь. Онъ исповѣдывался съ двумя младшими, и *Батюшка* принесетъ ему святое причастіе, какъ въ прошломъ году. А. (Аня) обѣдала съ нами и оставалась до десяти, — она весь день была въ городѣ и вернулась на моторѣ. Я сидѣла съ Крошкой послѣ обѣда, — бѣдный малютка! Опухоль невелика и меньше чѣмъ была ночью, такъ что я надѣюсь, что это скоро пройдетъ. Видѣть его страданія для меня совсѣмъ невыносимо. М-ье Ж. такъ ласковъ, милъ съ нимъ и отлично знаетъ, какъ съ нимъ быть. Мы исповѣдывались въ десять, — грустно безъ моего ангела и тебя мнѣ страшно недостаетъ, — я такъ хотѣла бы, чтобы ты пошелъ къ святому причастію и чтобы *Батюшка* согласился. Послѣ я прочла нѣсколько *докладовъ* и устраивала пасхальные пакеты. Вечеромъ былъ необыкновенно густой туманъ.

Теперь очень поздно, такъ что лучше мнѣ проститься съ тобой. Я знаю, что твои молитвы будутъ съ нами, и я тебя ношу съ собой. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, — мысленно прижимаю тебя нѣжно къ моему любящему старому сердцу, глажу и ласкаю, шепчу слова глубокой любви.

7-ое апрѣля. Нѣжно благодарю тебя, мой милый, за твое дорогое письмо и телеграмму. Сегодня утромъ мнѣ тебя страшно недоставало въ церкви. Служба была чудесная и такое облегченіе, я молилась и томилась по тебѣ невыразимо. Солнце ярко свѣтило и разогнало туманъ. Потомъ *Батюшка* принесъ Беби святое причастіе. Слава Богу, онъ спалъ гораздо лучше, просыпался только разъ или два на короткое время. Онъ не хотѣлъ ни къ чему прикоснуться, даже не хотѣлъ выпить воды до святыхъ тайнъ, которыхъ онъ пріобщился только около половины двѣнадцатаго.

Сегодня онъ гораздо веселѣе, мы съ нимъ пили чай и собираемся тамъ завтракать. Я лежала наверху и рисовала, пока м-ръ Гиббсъ читалъ ему, а потомъ спустилась, чтобы кончить письмо и переодѣться.

[1] Согрѣвающій аппаратъ.

Послѣ завтрака мы выѣдемъ на короткую прогулку, такъ какъ воздухъ такой дивный и пойдемъ къ *Знаменью*, чтобы поставить свѣчу за тебя, мой милый, и за нашего Sunbeam.

Какъ интересно, что *Силаевъ* получилъ *Эриванцевъ*. Вчера я спрашивала *Вышинскаго* и онъ сказалъ, что онъ не знаетъ, кто будетъ его преемникомъ, — они надѣялись на гвардейскаго офицера, такъ какъ для кого нибудь оттуда это обыкновенно трудно, или оказываются на сторонѣ русскихъ, или *Грузинцевъ*. Но я рада за *Силаева* и такъ какъ его здоровье теперь въ общемъ лучше. По крайней мѣрѣ онъ можетъ быть нѣкоторое время будетъ имѣть честь командовать. Дорогой мой, болѣе чѣмъ когда либо я буду думать о тебѣ завтра въ 22-ую годовщину нашего обрученія. Боже мой, какъ летитъ время и все же какъ живо вспоминаешь каждую подробность. Незабвенные дни и любовь, которую ты мнѣ давалъ тогда и потомъ все время. Грустно, что мы не проводимъ этого дня вмѣстѣ, что я не могу почувствовать твои жаркіе поцѣлуи и пережить все снова. Богъ да благословитъ тебя, мой единственный, мое все. Благодарю тебя еще и еще разъ за твою безконечную нѣжную любовь.

Прощай, моя душка, мой муженекъ. Письмо должно уйти. Покрываю тебя поцѣлуями и остаюсь вся твоя маленькая невѣста.

Всѣ дѣти тебя страшно нѣжно цѣлуютъ.

№ 246.

Царское Село, 8 апрѣля 1916 г.

Христосъ Воскресе!

Мой родной, милый, любимый Ники,

Въ этотъ день нашего обрученія всѣ мои самыя нѣжныя мысли съ тобой, онѣ наполняютъ мое сердце безграничной благодарностью за любовь и счастье, которое ты мнѣ давалъ съ самаго этого памятнаго дня 22 года тому назадъ. Да поможетъ мнѣ Богъ отплатить тебѣ сто разъ за всю твою кротость.

Да, воистину я сомнѣваюсь, чтобы существовали счастливыя жены, какъ я, — такая любовь такое довѣріе, такая преданность, которую ты показалъ мнѣ въ теченіе этихъ долгихъ годовъ, знавшихъ счастье и горе. Всѣ муки, страданія и нерѣшительность стоили того, что я тебя получила, мой дорогой женихъ и мужъ. Въ нынѣшнія времена рѣдко видишь такіе браки; твоему изумительному терпѣнію и всепрощенію нѣтъ границъ. Я могу только на колѣняхъ молить Господа всемогущаго, чтобы онъ благословилъ тебя и воздалъ тебѣ за все, —

онъ одинъ это можетъ. Благодарю тебя, мой милый, я хотѣла бы крѣпко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства, которые ежедневно приносили мнѣ новыя доказательства твоей любви и доброты. Сегодня я буду носить твою дорогую брошку. Я еще ощущаю твой сѣрый костюмъ, запахъ его, у окна въ Кобургскомъ дворцѣ. Какъ ясно я все вспоминаю; эти нѣжные поцѣлуи, о которыхъ я грезила, томясь послѣ долгихъ лѣтъ и думая, что я ихъ никогда не получу. Ты видишь, какъ даже тогда, вѣра и религія играютъ такую большую роль въ моей жизни. Я не могу просто къ этому относиться, — и если я прихожу къ увѣренности въ чемъ либо, то это уже навсегда, то же самое въ моей любви и въ моей привязанности. У меня слишкомъ большое сердце, оно меня поглощаетъ. И также любовь къ Христу, — она всегда была такъ близко связана съ нашей жизнью въ эти 22 года. Сперва вопросъ о принятіи мною православной вѣры, а потомъ наши два Друга[1], посланные намъ Богомъ. Вчерашнее вечернее евангеліе такъ живо навело на мысль о *Григоріи* и о преслѣдованіяхъ, которымъ онъ подвергается ради Христа и ради насъ, — все имѣетъ двойное значеніе, и мнѣ было такъ грустно, что тебя возлѣ меня не было.

Въ прошломъ году я была днемъ возлѣ Аниной постели въ ея домѣ (нашъ Другъ также) и слушала 12 евангелій, часть ихъ. Сегодня въ два — *выносъ плащаницы* и въ шесть *погребеніе*. *Ломанъ* просилъ наверхъ вмѣсто вечера, такъ какъ въ такомъ случаѣ никто изъ солдатъ не можетъ присутствовать.

А ты одинъ въ *Ставкѣ*, — ахъ, милый мой, я оплакиваю твое одиночество. Беби спалъ хорошо, проснулся только три раза, и я надѣюсь, что онъ сегодня встанетъ, такъ какъ ему очень хочется быть на *заутрени*, но безъ тебя я не могу себѣ представить этотъ большой и святой праздникъ. Представь себѣ, что тебя трижды въ церкви цѣлуетъ твоя женка, я также почувствую твои поцѣлуи и благословенія.

Посылаю тебѣ прошеніе одного изъ раненыхъ тети Ольги. Онъ еврей, живетъ уже десять лѣтъ въ Америкѣ. Онъ былъ раненъ и потерялъ лѣвую руку въ Карпатахъ. Рана хорошо зажила, но нравственно онъ страшно страдаетъ, такъ какъ въ августѣ онъ долженъ выписаться и теряетъ право жить въ столицахъ или другихъ большихъ городахъ. Онъ живетъ въ городѣ только въ силу спеціальнаго разрѣшенія, которое далъ ему одинъ изъ предшествовавшихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ на одинъ годъ. И онъ могъ бы найти работу въ большомъ городѣ. Онъ прекрасно знаетъ англійскій языкъ, я прочла письмо отъ него къ англійской гувернанткѣ *Вѣрочки*, и тетя Ольга говоритъ, что

[1] Д-ръ Филиппъ и Распутинъ.

онъ человѣкъ, получившій, такъ сказать, хорошое воспитаніе. Десять лѣтъ тому назадъ онъ уѣхалъ въ Америку, чтобы найти возможность стать полезнымъ членомъ общества въ полномъ объемѣ своихъ способностей, такъ какъ здѣсь это трудно для еврея, который всегда стѣсненъ законодательными ограниченіями. Хотя онъ былъ въ Америкѣ, онъ никогда не забывалъ Россію и очень страдалъ тоской по родинѣ. И какъ только началась война, онъ прилетѣлъ сюда, чтобы вступить въ ряды солдатъ и защищать свою родину. Теперь, что онъ потерялъ руку, служа въ нашей арміи, и получилъ Георгіевскую медаль, онъ жаждетъ остаться здѣсь и получить право жить повсюду, гдѣ ему захочется въ Россіи, — право которымъ евреи не обладаютъ. Какъ только его уволятъ изъ арміи, какъ увѣчнаго, онъ оказывается въ томъ же положеніи, какъ раньше, и ему не помогутъ его поспѣшное возвращеніе домой, на войну и потеря руки. Ты понимаешь, какъ это горько, я это вполнѣ сознаю — въ самомъ дѣлѣ такой человѣкъ долженъ былъ бы быть въ томъ же положеніи, какъ всякій другой солдатъ, получившій такую рану. Онъ не былъ обязанъ сейчасъ же прилетѣть сюда. Хотя онъ еврей, хотѣлось бы, чтобы съ нимъ поступили справедливо и не иначе, чѣмъ съ другими, которые также изувѣчены. Съ его знаніемъ англійскаго языка и образованіемъ, онъ конечно, могъ бы легче зарабатывать хлѣбъ въ большомъ городѣ; и не слѣдовало бы возбуждать въ немъ горькія чувства и давать ему чувствовать жестокость своей старой родины. Мнѣ кажется, что всегда слѣдовало бы дѣлать выборъ между хорошими и дурными евреями и не быть одинаково суровымъ по отношенію ко всѣмъ, — по моему, это такъ жестоко. Вѣдь дурныхъ можно строго наказывать. Можешь ли ты сказать мнѣ какую ты положишь резолюцію, такъ какъ тетя Ольга хочетъ знать.

Четыре большихъ яйца предназначаются:

1. *Отецъ Шав.*
2. *Г. Ивановъ.*
3. *Г. Алексѣевъ.*
4. *Г. Ниловъ.*

У Фредерикса уже есть одно.

12 маленькихъ яицъ:

1. *Воейковъ.*
2. *Граббе.*
3. *Долгорук.*
4. *Дм. Шерем.*
5. *Силаевъ.*
6. *Мордв.*
7. *Кира.*
8. *Феод.*

9. *Замой.*

10. *Пустов.*, такъ какъ онъ всегда съ тобой работаетъ.

Нашъ Другъ мнѣ телеграфировалъ: «*Х. В. праздникомъ дни радости во испытаніи радость свѣтозарнѣе, я убѣжденъ церковь непобѣдимая, а мы семя ея. Радость наша вмѣстѣ съ Воскресеніемъ Христа*».

У меня голова идетъ кругомъ и во время писанія меня прерываютъ, такъ какъ приходится выбирать яйца и писать поздравительныя карточки, чтобы сегодня послать побольше вещей, — въ концѣ концовъ, очень многіе получаютъ подарки, — а теперь мнѣ надо вставать къ завтраку въ половинѣ перваго, а послѣ того я окончу письмо. Посылаю тебѣ мои маленькіе пасхальные подарки, — закладка для книги, это для тѣхъ романовъ, которые ты читаешь. Мы завтракали возлѣ Бебиной постели въ большой комнатѣ, у него слегка голова кружится отъ его лекарствъ, — но попозже онъ встанетъ. Я хотѣла бы, чтобы вы всѣ приложились къ иконѣ въ церкви и тогда это будетъ двойнымъ воспоминаніемъ. Яйцо *кустарное*, оно можетъ висѣть съ твоими полученными на войнѣ образками, если ты не будешь знать, куда его положить. Пасмурно и теперь идетъ дождь. Твои прелестные голубые цвѣты такъ очаровательны, спасибо тебѣ очень и очень за нихъ. Дѣти и я ихъ любимъ, и я дала нѣсколько букетовъ дамамъ, которыя были во вторникъ. Беби боится, что ему нельзя будетъ пойти сегодня ночью на *заутреню*, и это его волнуетъ.

Тысячу благодарностей, моя птичка, за твое милое письмо, я сейчасъ же дамъ знать тетѣ Ольгѣ насчетъ еврея. *Штюрмеръ* будетъ у меня сегодня вечеромъ.

Да, я люблю тебя, мой маленькій голубой мальчикъ, уже 31 годъ и принадлежу тебѣ 22 года.

Теперь я должна кончать.

Трижды христосуюсь съ тобой, благословенія безъ конца, люблю тебя, мой одинокій ангелъ, такъ безконечно. Тяжело думать о твоей грустной пасхальной ночи, тебя мнѣ будетъ недоставать больше, чѣмъ могу сказать.

Навсегда твоя старая женка.

Посылаю тебѣ «набросокъ» Беби для *Ставки*, — позже можно будетъ его чуть чуть поправить, — и посылаю тебѣ снимки, сдѣланные *Стредловымъ*.

Я скажу Эллѣ, что ты находишь работу очень хорошей, но пожалуйста телеграфируй мнѣ сразу, можетъ ли Беби быть *покровителемъ*, тогда я телеграфирую ей это завтра, или телеграфируй самъ, пожалуйста. Должна отправляться. Эти цвѣты приносятъ всю мою любовь.

№ 247.

Царское Село, 9 апрѣля 1916 г.

Дорогой голубчикъ,

Христосъ воскресе!

Нѣжно христосуюсь съ тобой и благословляю тебя. Такъ хочется знать, какъ ты проведешь эти праздники, совсѣмъ одинъ среди кучи народа. Всѣ мои мысли непрестанно тебя окружаютъ и мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы мы были вмѣстѣ для встрѣчи этого великаго праздника, но радость отъ твоихъ дорогихъ писемъ должна быть моимъ утѣшеніемъ.

Посылаю тебѣ спичечницу отъ м-мъ *Хитрово.* Большое яйцо прислано *Строгоновскимъ училищемъ,* — они мнѣ также прислали одно идеальное; можетъ быть Фредериксъ пошлетъ телеграмму *Глобѣ* съ благодарностью отъ насъ обоихъ. Портретъ заказанъ былъ Эллой маленькому художнику для тебя, и она надѣется, что онъ всегда будетъ съ тобой въ путешествіи. Стихи на карточкѣ, которую я тебѣ посылаю, опять написаны м-мъ *Гордеевой.*

У меня голова идетъ кругомъ отъ всего, что надо еще сдѣлать, сортировка вещей, — службы, хотя я сидѣла или стояла на колѣняхъ, были также утомительны, хотя и прекрасны, и у меня легкая простуда.

Солнце временами сегодня выглядываетъ, — и мнѣ оно нужно, чтобы остаться на воздухѣ и дать Беби немного воздуха. Я боюсь, что ночная служба будетъ для него слишкомъ утомительной, но ему такъ хочется пойти.

Родіоновъ пріѣхалъ на четыре дня и завтра уѣзжаетъ, — мы его сегодня попросили къ чаю. Н. П. теперь отпускаетъ ихъ всѣхъ на нѣсколько дней.

Чистяковъ послалъ открытку изъ того мѣста, гдѣ они живутъ, — и гдѣ находится его штабъ въ прелестномъ имѣніи, первоначально принадлежавшемъ семьѣ жены *Кублицкаго;* теперь оно принадлежитъ очень богатымъ людямъ. Большое озеро, террасы со ступеньками. Теперь они поставили мою маленькую церковь на террасѣ и тамъ они причащались въ четвергъ, пока аэропланы летали надъ головами и наша артиллерія и *пулеметы экипажа* отстрѣливались отъ нихъ, но снаряды разрывались очень далеко. Каждый день они летаютъ и сбрасываютъ бомбы на городъ недалеко отъ моста. Во время службы множество аистовъ разгуливаетъ поблизости и на глазахъ у всѣхъ сочетаются бракомъ. *Батюшка* запрещаетъ матросамъ глядѣть по сторонамъ во время службы (что тамъ очень соблазнительно), такъ вотъ

они его дразнятъ, что онъ по крайней мѣрѣ смотритъ сквозь щелку въ стѣнѣ маленькой церкви.

Говорятъ, что такъ тепло, и Н. П. говоритъ, что ты бы наслаждался чудными прогулками въ лѣсахъ и по дорогамъ и греблей на озерѣ. Они слышали, а также мои уланы, что ты собираешься теперь смотрѣть гвардію. Будетъ ли завтра объявлено о назначеніи *Силаева?*

Бебичка выходитъ гулять, а потомъ собирается красить яйца, онъ очень въ духѣ, — надѣюсь, что маленькій набросокъ тебѣ понравился. На 6-ое я хочу заказать другой портретъ, и ты долженъ выбрать изъ числа фотографій ту, въ которой больше или меньше нравится поза, — скажи мнѣ только номеръ. Понятно, никогда не надо дѣлать совсѣмъ en face, такъ какъ нѣтъ абсолютно правильнаго лица и одинъ глазъ больше другого.

Аня сегодня утромъ причащается. *Штюрмеръ* также въ городѣ.

Теперь я должна кончать, такъ какъ мнѣ приходится вставать для церкви, я пойду на полчаса позже, такъ какъ сегодня очень длинная служба. Извини это скучное письмо, но я одурѣла.

Благословляю и цѣлую безъ конца, мое дорогое солнышко, моя радость и жизнь, дорогой мой супругъ.

Навсегда вся твоя старая женка.

Ген. М. Фокъ, который умеръ отъ ранъ, не герой ли онъ Портъ-Артура, на локомотивѣ?

Когда онъ былъ раненъ?

Вчера мы всѣ очень обрадовались и успокоились, когда я прочла, что наши дорогія войска благополучно прибыли въ Марсель и какъ разъ къ Пасхѣ.

Богъ да благословитъ ихъ, и пусть они совершатъ великія дѣла и имѣютъ огромный успѣхъ на французской землѣ.

Пошли телеграмму нашему Другу на Пасху, *Новому*[1], *Тобольской губерніи Покровское.* Тысячу разъ нѣжно благодарю тебя за твои нѣжныя слова на карточкѣ. Я буду носить ее подъ платьемъ на сердцѣ сегодня ночью въ церкви, чтобы почувствовать твою любовь, твои благословенія и поцѣлуи.

№ 248. *Царское Село,* 10 апрѣля 1916 г.

Христосъ воскресе!

Мой родной, милый,

Желаю тебѣ счастливой Пасхи, мира въ душѣ и сердцѣ, силъ для всей твоей работы, успѣха и обильныхъ милостей.

[1] Какъ извѣстно, Распутинъ получилъ фамилію «Новыхъ».

Я поцѣловала твою фотографію трижды вчера ночью, и сегодня утромъ — большой образъ, на которомъ ты изображенъ. Твоя записка лежала у меня на груди во время всей службы, — не могу сказать тебѣ какъ безконечно грустно мнѣ было всю ночь — такая боль въ сердцѣ, и я съ трудомъ удерживалась отъ слезъ, — твое одиночество слишкомъ тягостно. Богъ да благословитъ и вознаградитъ тебя сторицею за всѣ твои жертвы.

Только что получила твое дорогое письмо и милые цвѣты. Вотъ удивительно, появился этотъ грѣховодникъ *Рощаковскій*, — да, я также нашла, что онъ сталъ спокойнѣе и очень постарѣлъ, —тетя Ольга говоритъ, что его жена ангелъ доброты и терпѣнія, — у него вѣдь трудный характеръ.

Милый мой рамоликъ, ты забылъ то, о чемъ я тебѣ написала на отдѣльной бумажкѣ, что Элла спрашиваетъ, можетъ ли Беби взять на себя покровительство надъ этой школой для маленькихъ героевъ на войнѣ.

Какъ тебѣ понравился портретъ Алексѣя, набросокъ *Стредлова?* Какъ хорошо, что вы вчетверомъ несли *Плащаницу.*

Ахъ, миленькій, м. Б.[1], навѣрное, завтра появится. Вчера пять дѣтей во время заутрени ходили кругомъ церкви, а я сидѣла на верхней площадкѣ лѣстницы (на стулѣ, не на ступенькахъ), — было прелестное зрѣлище, но мнѣ не нравится фейерверкъ и ракеты въ то время, какъ поетъ священникъ и молится передъ входомъ въ церковь. У Беби были прелестныя розовыя щечки, такъ какъ онъ раньше спалъ. Онъ отправился домой послѣ *заутр.* и *разг*(авливался) съ *Дер*(евенко) и *Наг*(орнымъ). Мы разгавливались съ Аней послѣ обѣдни, безъ десяти два. Его пришлось разбудить сегодня въ половинѣ одиннадцатаго, онъ такъ крѣпко спалъ утромъ. *Христосованіе* было отъ одиннадцати до двѣнадцати.

Теперь М. и А. отправляются въ свой лазаретъ, а потомъ я пойду съ четырмя дѣвочками въ нашъ лазаретъ. Ольга все время не въ духѣ, сонная, недовольна, что надо одѣться прилично для лазарета, а не быть въ формѣ сестры, и что надо туда идти оффиціально, съ нею все дѣлается труднѣе изъ за ея настроенія. Т. помогала мнѣ съ яйцами и твоими людьми, — такъ все безъ тебя неестественно. Не будешь ли ты добръ, не передашь ли яйца, которыя я тебѣ послала. Аня получила твое яйцо и была въ восторгѣ отъ него и отъ твоей карточки. Должна кончать. Прощай. Богъ да благословитъ тебя. Тысяча нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ

твоей очень усталой старой женки.

[1] Беккеръ.

№ 249.

Царское Село, 11 апрѣля 1916 г.

Мой дорогой,

Мой голубчикъ, неужели это правда, что ты пріѣзжаешь въ среду въ три? *Воейковскій* офицеръ Ростовцевъ сказалъ конфиденціально Нини, что ея мужъ въ этотъ день возвращается. Нини сказала мнѣ, что гвардію предупредили, что ты будешь ее смотрѣть въ одинъ изъ ближайшихъ дней и поэтому сынъ Софи Ф. былъ вызванъ полкомъ вчера вечеромъ. Это все *«слухи»*, которые ходятъ кругомъ, но отъ главнаго лица, отъ тебя, моя птичка, я еще ничего не знаю, такъ что я жду терпѣливо и посылаю это письмо.

. . . .

Я уже три дня борюсь съ простудой, — отвратительная непріятность, такъ какъ изъ за этого мое лицо опять можетъ разболѣться.

Опять пасмурная погода уже второй день. Я устала и голова порядочно болитъ, такъ что я не пошла въ церковь. Сегодня днемъ два *христосованія* въ Большомъ Дворцѣ болѣе 500 человѣкъ и потомъ внизу въ лазаретѣ. Вчера въ нашемъ лазаретѣ сошло благополучно, мы тамъ оставались одинъ часъ.

Завтра я должна пойти въ Красный Крестъ и *Матв.* лазаретъ. Такъ утомительно, когда я нездорова и не могу поддерживать сердце лекарствами.

Милый ангелъ, какая будетъ радость, если ты въ самомъ дѣлѣ теперь пріѣдешь, это лучшій подарокъ, мое сердце, мое солнышко, моя свѣтлая любовь.

Въ пасхальную ночь Беби христосовался со всѣмъ духовенствомъ церкви — и будетъ христосоваться (я надѣюсь) съ своими 101 офицерами сегодня. Я со страхомъ думаю о томъ, что придется поздороваться и поздравлять солдатъ сегодня. Вѣроятно, въ залѣ поменьше, такъ я сказала. Синіе цвѣты выглядятъ очаровательно въ большой плоской вазѣ. Ты помнишь примулы, которыя мы въ тѣ дни срывали въ Розенау? Ахъ, да я помню, какъ дядя Альфредъ[1] уронилъ бабушкину палку и говорилъ, что онъ очень «усталъ». Я вижу въ прошломъ и переживаю всю его поэзію, — и хотѣла бы, чтобы вернулся герой этихъ дней, чтобы крѣпко прижать его къ своей груди и покрыть его поцѣлуями. *Ольга Евгеніевна* писала и просила меня передать тебѣ свои пасхальныя поздравленія. Это хорошо, что ты можешь грести на рѣкѣ. Наконецъ хорошее физическое упражненіе. Георгій встрѣтилъ праздникъ съ моими уланами, — такая славная мысль. *Таубе* и *Шестеряковъ* сказали, что

[1] Герцогъ Кобургскій (прежде Эдинбургскій).

твой первый Стрѣлковый полкъ полонъ надежды, что ты ихъ будешь смотрѣть въ ихъ полковой праздникъ. Всѣ хотятъ видѣть моего безцѣннаго, и я ихъ понимаю и раздѣляю это желаніе. Утромъ и вечеромъ и когда я отдыхаю днемъ, я цѣлую слова, написанныя на твоей пасхальной карточкѣ, — твоя рука на ней лежала, и ты написалъ всѣ эти милыя слова твоей маленькой женкѣ, и они должны согрѣть меня. Я не могу выносить твоего одиночества, такое страданіе.

У меня есть эта очаровательная французская пѣсенка, которую мнѣ дала Эмма Ф(редериксъ) «Partir c'est mourir un peu, c'est mourir pour ceux qu'on aime» и т. д. это такая правда, чувствуешь внутреннее умираніе, когда прощаешься.

Беби опять великолѣпно спалъ — проснулся только въ девять и продолжалъ спать до десяти. Онъ поблѣднѣлъ изъ за болей и отсутствія солнца, очень грустить безъ тебя.

Теперь, любимый мой мужъ, мое сокровище, моя птичка, — мой бывшій женихъ, прощай, да благословитъ тебя Богъ.

Навсегда вся твоя женка Аликсъ.

Тысячу горячихъ поцѣлуевъ.

Твоя карточка и телеграмма страшно ее[1] обрадовали, и яйцо ей нравится, — прилагаю ея благодарность.

Безконечно благодарю за твое милое письмо и за счастливую вѣсть, что ты въ самомъ дѣлѣ пріѣзжаешь. Ахъ, какое блаженство, какая безконечная радость. Прости, что такъ возмутительно пишу, я завтракаю, а онѣ подняли адскую возню и дразнять волка невѣроятно.

Да, для солдатъ лучше всего яйца съ монограммами, хотя они также любятъ цвѣты. Я надѣюсь, что ты можешь не спѣша осмотрѣть гвардію въ разныхъ мѣстахъ, это болѣе интересно и менѣе оффиціально.

Прощай, мой муженекъ, мой милый ангелъ. Цѣлую тебя безъ конца каждое нѣжно любимое мѣстечко и прекрасные большіе глаза, — я могу это писать, ты меня не можешь остановить.

№ 250.

Царское Село, 24 апрѣля 1916 г.

Мой любимый,

Голубчикъ, я не могу сказать, чѣмъ было для меня твое дорогое присутствіе, какой свѣтъ и какую тишину ты принесъ моему сердцу, безъ тебя все труднѣе выносить, и я всегда тоскую по тебѣ выше словъ. Твои нѣжныя ласки и поцѣлуи для меня такой бальзамъ и такая радость, я ихъ всегда жажду, — мы женщины жаждемъ нѣжности (хотя я не

[1] Аню.

прошу ея и не часто ее показываю), — но теперь, что мы такъ часто въ разлукѣ, я не могу не показывать. Потомъ, я живу сладкими воспоминаніями. Дастъ Богъ, мы скоро опять будемъ вмѣстѣ. Скажи это конфиденціально *Воейкову*.

Пожалуйста, до того, повидай гвардію, они съ такимъ нетерпѣніемъ ждутъ, чтобы представиться тебѣ, — и потомъ вмѣстѣ поѣхать на югъ, было бы чудесно.

Теперь у тебя будетъ нѣкотораго рода отдыхъ, такъ какъ эти дни здѣсь были для тебя истинной мукой, — люди съ утра до вечера, суета, надоѣданіе. Я такъ рада, что нашъ Другъ прибылъ, чтобы благословить тебя до отъѣзда. Я думаю, что онъ вернется къ себѣ домой, какъ только Аня уѣдетъ. Какая погода! О, моя любовь, мой родной, моя душа, моя жизнь, мой единственный, мое все, прощай, держу тебя крѣпко прижатымъ къ моему сердцу, покрываю поцѣлуями. Богъ да охранитъ и защититъ тебя отъ всякаго зла. Навсегда вся твоя женка.

№ 251.

Царское Село, 25 апрѣля 1916 г.

Мой голубой мальчикъ,

Какъ тебѣ нравится это названіе, мой милый? Да я люблю эту книгу и привезу ее тебѣ и буду читать трогательныя мѣста, когда мнѣ будетъ грустно и когда будетъ тоска на сердцѣ. Я такъ тоскую по тебѣ, такъ тоскую, мой милый, — твое одинокое путешествіе еще гораздо хуже. Опять чудная погода. Надъ окномъ устраиваютъ маркизу, — въ комнатахъ будетъ темнѣе, но солнце портитъ мебель. Мы осмотрѣли весь Бебинъ поѣздъ, ты уже его осматривалъ — и на стѣнѣ прибита памятная доска. *Шмидтъ* былъ тамъ и упорно говорилъ по французски, *Треповъ* также. Намъ пришлось ждать до трехъ, такъ какъ поѣздъ былъ отправленъ на *Александровскую* и тамъ дожидался. Очень чисто, — очаровательная маленькая церковь, даже съ колоколами, 299 раненыхъ солдатъ и офицеровъ, — я дала медали наиболѣе тяжело раненымъ. Потомъ я лежала на балконѣ до шести. Аня пришла на часъ, — она въ довольно агрессивномъ настроеніи, такъ какъ сердится, что такъ мало меня видитъ эти дни, что ей такъ много дѣла, нужно видѣть разныхъ людей, что она почти совсѣмъ меня не видѣла, — такъ что во многихъ отношеніяхъ будетъ легче, когда она уѣдетъ.

Мы обѣдали на воздухѣ, а потомъ я поѣхала на моторѣ съ дѣтьми въ *Павловскъ*, — мы слышали перваго соловья. Вечеромъ она вернулась изъ города. Пишу другимъ перомъ, такъ какъ нахожусь въ моей

сиреневой комнатѣ. Я была такъ счастлива получить твою дорогую телеграмму изъ *Смоленска.* Нашъ Другъ сказалъ Анѣ, по поводу того, что посадили *Сухомлинова*[1], *«что маленько неладно».* Такая чудная погода, всѣ наши раненые лежали и сидѣли на балконѣ или въ саду даже наиболѣе тяжело раненые, такъ какъ солнце это лучшее лѣкарство и, кромѣ того, это для нихъ въ моральномъ отношенiи хорошо. Голубчикъ, не забудь переговорить съ *Воейковымъ* насчетъ *Бреслера* (Аня дала тебѣ частное письмо къ ней отъ него по поводу его брата).

Мы идемъ въ лазаретъ *Алексѣевской общины* въ казармахъ *конвоя,* и я дамъ медали наиболѣе тяжело раненымъ. Посѣщать лазареты въ такую жару нѣсколько утомительно, и у меня сильное сердцебiенiе.

Я должна кончить, мое Солнышко, моя радость. Мы всѣ тебя цѣлуемъ и благословляемъ. Осыпаю тебя поцѣлуями и страшно скучаю по тебѣ, мой ангелъ, — ты взялъ крѣпость, милый голубой мальчикъ, и она была точно такой же, какъ

вся твоя

женка.

№ 252.

Царское Село, 26 апрѣля 1916 г.

Мой родной,

Опять чудный день, такая радость. Но ночь была прохладная и сегодня утромъ есть вѣтерокъ.

Къ обѣду у насъ былъ Н. П. и Н. М., и мы сидѣли на балконѣ до половины одиннадцатаго. Въ одиннадцать они отправились, чтобы захватить поѣздъ на Александровской станцiи. Такъ недоставало тебя, мы вспоминали о прошломъ. Въ разговорѣ Н. П. сказалъ мнѣ объ одной идеѣ[2], которая предложена (вѣроятно банкиромъ, но по моему, отличная мысль) — чтобы немного попозже сдѣланъ былъ внутреннiй *заемъ* въ одинъ миллiардъ, чтобы построить желѣзныя дороги, въ которыхъ мы очень нуждаемся. Его бы почти сразу покрыли, такъ какъ купцы, которые теперь колоссально богаты, сейчасъ же дадутъ крупныя суммы, — такъ какъ они понимаютъ, какъ это выгодно. Такимъ путемъ можно было бы найти работу для нашихъ запасныхъ, когда они вернутся съ войны, такъ чтобы они не вернулись бы сразу въ деревню, гдѣ бы началось скоро недовольство, — и всѣ должны постараться избѣгнуть

[1] 20 Апрѣля ген. Сухомлиновъ, послѣ допроса въ качествѣ обвиняемаго, заключенъ подъ стражу въ Петропавл. крѣпость.

[2] Эта идея предложена была Н. П. Саблину за завтракомъ у Кюба А. И. Путиловымъ и Манусомъ.

историй и смутъ, изобрѣтая способы занятія заблаговременно, а за деньги они будутъ рады работать. Плѣнные могутъ все начать. И такимъ образомъ можно было бы найти массу мѣстъ для раненыхъ офицеровъ вдоль по линіямъ и на станціяхъ и т. д. Несогласенъ ли ты съ этой мыслью? Помнится, что она у тебя однажды была.

Могу ли я переговорить объ этомъ со *Штюрмеромъ*, когда я въ слѣдующій разъ его увижу, такъ чтобы выработать планъ, какъ это сдѣлать, а онъ объ этомъ можетъ переговорить съ *Баркомъ?* У насъ сегодня была операція апендицита, — днемъ я останусь на балконѣ, такъ какъ у меня сердце устало. Такъ какъ ты кончилъ The Rosary, я пошлю тебѣ продолженіе, ты найдешь снова тѣхъ же дѣйствующихъ лицъ въ этой книгѣ. Когда ты ѣдешь въ гвардію, обдумалъ ли ты свое путешествіе?

Развѣ не гнусность, что Бреслау стрѣлялъ по *Евпаторіи*, — наши раненые, навѣрное, сильно испугались. Мой милый, я теперь должна кончать. Тоскую по тебѣ невыразимо и жажду твоихъ поцѣлуевъ. Богъ да благословитъ тебя. Навсегда вся твоя.

№ 253.

Царское Село, 27 апрѣля 1916 г.

Мой милый голубчикъ,

У меня сердце забилось отъ радости, когда Тюдельсъ далъ мнѣ твое милое письмо послѣ моего возвращенія изъ лазарета.

Воздухъ былъ страшно тяжелъ, сердце мое болѣло и я много кашляла, и болѣла лѣвая рука; я предчувствовала грозу, которая, слава Богу, разразилась, т. е. она прошла мимо, я дважды слышала громъ вдали, и былъ ливень, все стало гораздо зеленѣе. Этотъ дождь прибьетъ пыль для путешествія Ани и всѣхъ нашихъ раненыхъ; еще не установлено, когда отойдетъ поѣздъ, они каждую минуту мѣняютъ въ зависимости отъ движенія другихъ поѣздовъ, вѣроятно, въ семь.

Въ лазаретѣ большое волненіе, и Аня суетится во всю.

Я поставила за тебя свѣчку въ *Знаменьи*. *Петровскій* былъ въ лазаретѣ, чтобы проститься. Вчера пришелъ *Толя Б(*арятинскій), онъ не зналъ, что ему дѣлать, найдетъ ли онъ тебя въ *Могилевѣ* или нѣтъ. Я такъ рада, что ты можешь опять грести на рѣкѣ, — и что устраиваютъ палатку въ саду. Когда ты поѣдешь въ гвардію? Сердцемъ и душой тоскую по тебѣ.

Ты не можешь себѣ представить, какъ неистово болѣло у меня лицо вчера, весь день и вечеръ; со времени моихъ поѣздокъ въ моторѣ это готовилось. Сегодня стало легче.

Прощай, голубчикъ, благословляю тебя и покрываю страстными поцѣлуями. Какая радость будетъ скоро встрѣтиться, я надѣюсь.

Благословляю и тысячу разъ цѣлую, мой муженекъ,

Вся твоя.

№ 254.

Царское Село, 28 апрѣля 1916 г.

Мой безцѣнный голубчикъ,

Ну, вотъ опять настала зима, — все побѣлѣло и идетъ сильный снѣгъ, мнѣ такъ грустно за деревья и кусты, которые послѣ вчеряшняго дождя совсѣмъ зазеленѣли. Правда, за то будетъ менѣе утомительно ѣхать въ городъ. Беру съ собой четырехъ дѣвочекъ, чтобы осмотрѣть англійскій лазаретъ въ домѣ Эллы, — вечеромъ ихъ *отрядъ* уѣзжаетъ въ гвардію. Потомъ мы будемъ пить чай въ *Аничковомъ*, я не могу взять Беби, такъ какъ у него всѣ эти дни не разгибается лѣвая нога, и его приходится носить, — у него нѣтъ никакихъ болей и ему лучше, но онъ остороженъ въ виду путешествія.

Я не понимаю, почему ты еще не уѣхалъ, чтобы повидать гвардію, они всѣ такъ нетерпѣливо ожидаютъ, а теперь погода вдругъ измѣнилась.

Посылаю тебѣ *докладъ* насчетъ маленькаго доктора *Матушкина* моего 21-го Сибирскаго полка, — прошлую зиму онъ былъ въ нашемъ лазаретѣ. Не можетъ ли онъ снова представить свои бумаги въ *Георгіевскую Думу*, такъ какъ мнѣ кажется крайне несправедливымъ, что онъ не получилъ креста, — хотя онъ докторъ, но онъ совершалъ работу офицера.

Ну, было таки вчера *томленіе* для Ани, — никакъ нельзя было выяснить, когда мой санитарный поѣздъ дойдетъ до Царскаго Села изъ города, чтобы ее забрать. Послѣ безконечныхъ перемѣнъ, мы наконецъ туда ее свезли въ шесть и осмотрѣли весь поѣздъ, нашли множество офицеровъ изъ нашего и большого дворцоваго лазарета и изъ города, также сына Геббеля и солдатъ, — пятерыхъ несчастныхъ отъ Ани, и пять сестеръ, ѣдущихъ въ *Ливадію* на отдыхъ, и нѣсколько женъ, сопровождающихъ своихъ мужей. *Вильчковскій* также поѣхалъ, чтобы за всѣмъ смотрѣть, такъ какъ санаторіи въ Крыму принадлежатъ *Ц. С. Пункту*, и *Дуванъ* поѣхалъ. Аню провожалъ цѣлый дворъ: *Жукъ, Федоръ Степановичъ, Кореневъ, Ломанъ*, который ѣдетъ начальникомъ поѣзда. Она помѣщена въ его очаровательномъ отдѣленіи, а горничная ея въ вагонѣ для сестеръ, — ея раненые совсѣмъ въ другомъ концѣ. Наконецъ, въ половинѣ восьмого они двинулись (она была совсѣмъ несчастной) —

и, уже ложась спать, я получила отъ нея письмо изъ города, въ которомъ она говоритъ, что они тамъ будутъ торчать до половины одиннадцатаго и, Богъ знаетъ, когда доѣдутъ до *Евпаторіи.* Она шлетъ тебѣ любящіе поцѣлуи, но не имѣла времени писать послѣдніе дни изъ за суеты.

Ахъ, какой снѣгъ! Я спала нехорошо, что то неладное случилось съ моимъ «министромъ внутреннихъ дѣлъ».

Мы провели вечеръ за работой, Ольга и я поочередно читали вслухъ англійскій разсказъ, который мы давно начали и совсѣмъ забыли.

Что ты скажешь насчетъ *Николаши,* который предсѣдательствовалъ при открытіи засѣданій комитета *«по вопросу о Земствѣ въ Закавказьѣ*[1]*»?*

Я вижу по газетамъ что *Гревеницъ* умеръ, что будетъ съ Долли, хотѣлось бы знать.

Только что получила твое милое письмо, мое сокровище, благодарю отъ всего сердца. Да, милый, мы конечно, возьмемъ маршрутъ, по которому прибываемъ въ *Могилевъ* въ два, иначе у насъ не будетъ отдыха до церкви. Какая радость встрѣтиться черезъ недѣлю.

Это хорошо, что *Федоровъ* наблюдаетъ за твоимъ пульсомъ, такъ какъ не всѣ сердца одинаково крѣпки, и слишкомъ усиленно грести противъ теченія это можетъ повредить, — нужна постепенная тренировка. Ты говоришь, что Мамаша вѣроятно уѣзжаетъ въ субботу, — здѣсь ничего не знаютъ, такъ что на всякій случай Ресинъ сегодня отсылаетъ солдатъ и казаковъ. *Зина Менгденъ* также не знаетъ, и всѣ очень волнуются, такъ какъ трудно скоро устроить, особенно теперь.

Ахъ, мой голубой мальчикъ, я скоро приду, чтобы прижать тебя къ моей груди и покрыть твое милое лицо, глаза и губы нѣжными поцѣлуями.

Ахъ, эти бѣдныя двѣ собаки. Помнишь ли ты *Имана* и *Шилку* въ Петергофѣ, когда мы ихъ спасли. Уже первый часъ, а все еще идетъ снѣгъ и вѣтеръ, и солнце старается выглянуть, но еще не можетъ.

Какъ же это ты еще не ѣдешь смотрѣть гвардію? Устроятъ ли остановку въ *Винницѣ* по дорогѣ на югъ, такъ чтобы я могла осмотрѣть тамъ мой *складъ.* Если я буду знать число напередъ, я могу распорядиться, чтобы *Апраксинъ и Меккъ* были тамъ. Если у тебя есть хоть какой нибудь приблизительный планъ, пожалуйста, дай мнѣ знать, такъ какъ мы должны разсчитать съ бѣльемъ и одеждой, и тогда мы могли бы поѣхать на *Евпаторію* въ поѣздѣ, не забирая всѣхъ вагоновъ отъ *Симферополя,* это было бы менѣе утомительно, и мы могли бы завтракать въ поѣздѣ, осмотрѣть санаторію и повидать Аню.

---

[1] 26 апрѣля подъ предсѣдательствомъ Намѣстника открыто въ Тифлисѣ указанное совѣщаніе.

Подумалъ ли ты отдать приказаніе, чтобы *Владимірская* Божья Матерь изъ *Усп. Соб.* была привезена въ *Ставку?* Теперь мнѣ нужно вставать и одѣваться. Прощай, Богъ да благословитъ тебя, душка; твоей женкѣ ты страшно недостаешь; покрываю тебя горячими поцѣлуями и кладу твою голову себѣ на грудь. Навсегда твоя старая

«Солнышко»

№ 255.

Царское Село, 29 апрѣля 1916 г.

Мой родной, голубой мальчикъ,

Горячо благодарю тебя, мое сокровище, за твое милое письмо, которое я только что получила, и за письмо бѣдной Олюшки. Я хорошо понимаю ее и глубоко ей сочувствую, — но мнѣ пришлось все ей высказать, ради тебя. Конечно, можно только желать, въ концѣ концовъ, ей счастья, — но получитъ ли она его этимъ путемъ?

Могу я спросить у нашего Друга лично отъ себя, думаетъ ли Онъ, что было бы лучше, по всѣмъ основаніямъ, чтобы это[1] было теперь или послѣ войны? Я повидаюсь съ Нимъ на секунду у Ани въ домѣ, чтобы проститься, такъ какъ Онъ хочетъ благословить меня до своего отъѣзда; и тогда уже ты можешь ей отвѣтить. Я вчера видѣла Ксенію за чаемъ, она также уѣзжаетъ на югъ въ субботу и вѣроятно не увидитъ меня до разговора. *Вол. Волк.*[2] сказалъ ей, что было бы лучше теперь, а *Петь,* — что было бы лучше послѣ войны, — ужъ, такой онъ человѣкъ, старается понравиться и нашимъ, и вашимъ, то же самое онъ дѣлаетъ въ кулуарахъ Таврическаго Дворца. Все утро шелъ сильный снѣгъ, и теперь очень сыро, раненые и щека моя это очень чувствуютъ. Сегодня утромъ я отправилась въ нашъ лазаретъ, теперь должна принимать, потомъ пойду въ лазаретъ Ани, а потомъ *доклады* — я всегда занята. Бебина рука также распухла (хотя не болитъ) отъ сырости и нога еще не вполнѣ поправилась. Жалѣю насчетъ гвардіи, но у тебя, безъ сомнѣнія, основательныя причины. Извини, что пишу коротко, но должна принимать.

Мой безцѣнный голубой мальчикъ, я тебя такъ безконечно люблю. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Осыпаю тебя очень, очень нѣжными поцѣлуями. Навсегда вся твоя.

Мамаша выглядитъ хорошо, но похудѣла, ей очень хочется уѣхать, такъ какъ постоянные пріемы ее утомляютъ и ей наскучили. Она уѣзжаетъ въ воскресенье, такъ что мы теперь всѣ разъѣзжаемся.

---

[1] Т. е. вступленіе Ольги Александровны во второй бракъ.

[2] Кн. В. М. Волконскій.

Царское Село, 30 апрѣля 1916 г.

Мой безцѣнный,
№ 256.

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо и за программу нашего путешествія. Оно кажется мнѣ совсѣмъ удачнымъ, только будетъ ли у меня время, чтобы осмотрѣть какіе нибудь лазареты и *Складъ* въ *Одессѣ?* Какое милое путешествіе вмѣстѣ, — Беккеръ хочетъ меня сопровождать, чтобы ей пусто было. . .

Ты бы лучше выяснилъ, не имѣетъ ли этотъ скверный Пленъ какого либо отношенія къ поведенію Бориса, — пожалуйста, отдѣлайся отъ этого человѣка.

Сегодня, наконецъ, погода стала лучше, теплѣе, солнце по временамъ выглядываетъ. Беби похудѣлъ и поблѣднѣлъ, лѣвая рука тоже трудно сгибается, но болей нѣтъ и какъ только станетъ теплѣе, навѣрное, все пройдетъ. Я сидѣла въ лазаретѣ, работала и продолжала обучать моего маленькаго *крымца* англійскому языку, а *Таубе* болталъ, какъ водопадъ.

Христо придетъ къ чаю и дѣти *Татьяны,* такъ какъ я ихъ не видѣла съ прошлаго лѣта.

Дѣти ѣдятъ, болтаютъ вздоръ и смѣются.

Я осмотрѣла весь Анинъ лазаретъ сверху до низу, подвалы, кухню и сараи.

Вечеромъ мы работаемъ и читаемъ. *Николай*[1] просилъ разрѣшенія со мной повидаться, — безъ постороннихъ. Я не могу себѣ представить, зачѣмъ, — повидаю его завтра, а также *Штюрмера.*

Мы поѣдемъ въ Большой Дворецъ. (Это такъ скучно). Дорогое сокровище, милый мой, любимый, я такъ томлюсь по твоимъ нѣжнымъ ласкамъ.

Я страшно занята, хотя сердце устало, — какъ странно, мнѣ ея[2] совсѣмъ не недостаетъ, не могу понять, почему это такъ. Княгиня *Одоевская* будетъ у меня въ часъ и два раненыхъ офицера возвращающихся на фронтъ. Какія настоящія свѣдѣнія съ фронта?

Прощай, мое сокровище, извиняюсь за скучное письмо.

Митрополитъ былъ очень милъ вчера, я разскажу нашъ разговоръ, ничего особеннаго.

Нѣжно цѣлую моего муженька.

Навсегда твоя старая Аликсъ.

---

[1] В. Кн. Николай Михайловичъ.
[2] Т. е. Ани.

№ 257.

Царское Село, 1 мая 1916 г.

Мой любимый, безцѣнный,

Отъ всего любящаго сердца посылаю тебѣ эти строки. Вчера, нѣтъ сегодня, была недѣля, что ты насъ покинулъ, — кажется, что прошло гораздо больше времени, и я считаю дни, оставшіеся до свиданія, — ихъ осталось четыре.

Я опять спала неважно, и *тройничный* нервъ на лѣвой сторонѣ лица началъ болѣть, это страшно непріятно, — теперь лучше. Мы вчера вечеромъ были въ церкви, безъ тебя такъ пусто, но я чувствую, что наши молитвы сливаются и также всѣ наши мысли.

Свѣжо, вѣтрено, попеременно солнце и дождь, для Беби такъ важно, чтобы было солнце, онъ опять совсѣмъ поблѣднѣлъ, — вамъ обоимъ нуженъ солнечный югъ.

Прости меня, что я надоѣдаю тебѣ прошеніями, но ихъ прислалъ мнѣ нашъ Другъ.

Аня вчера вечеромъ доѣхала до мѣста назначенія.

У меня нѣтъ ничего интереснаго разсказать тебѣ, можетъ быть, послѣ посѣщенія *Николая М*(ихайловича) — онъ просилъ разрѣшенія увидѣть меня наединѣ, не могу понять зачѣмъ. Потомъ у меня будетъ *Іоаннчикъ* и *Путятинъ* съ планами для церкви. Въ послѣдніе дни всегда такъ много дѣла и столько приходится просмотрѣть и закончить до отъѣзда.

«Любишь ли ты его ротъ, его глаза, его волосы[1]» да, мой маленькій голубой мальчикъ, я люблю и я жажду нѣжно и страстно цѣловать ихъ, — милый голубой мальчикъ, котораго я глубоко и вѣрно люблю.

Нѣжно благодарю тебя, голубчикъ, за твое милое письмо. Какъ скучно, что у тебя такъ много дѣла, мое сокровище. Я также разочарована изъ за тебя, изъ за гвардіи, изъ за Н. П., они такъ хотѣли, чтобы ты пріѣхалъ.

Снѣгъ, дождь, градъ и солнце, сильный вѣтеръ, это такъ скучно, и у меня болитъ лицо. Я нахожу, что съ Сухомл. поступили постыдно, точно ему могло придти въ голову убѣжать! Спасибо за прелестныя незабудки.

Ну, у меня былъ *Николай* на часъ, — онъ разсказывалъ очень интересныя вещи о письмахъ, которыя онъ тебѣ писалъ, и т. д., и онъ хочетъ, чтобы я съ тобой обо всемъ этомъ переговорила. Я очень устала послѣ этого разговора, но онъ пришелъ съ добрыми намѣреніями и говорилъ хорошо, (хотя я его не люблю). Теперь я должна

[1] Цитата изъ письма Николая II, повидимому, въ свою очередь цитировавшаго романъ.

отправить это письмо, идетъ сильный снѣгъ, и мы отправляемся въ лазаретъ М. и А. Прощай, мой голубчикъ, голубой мальчикъ, ахъ если бы я могла тебѣ больше помочь, быть дѣйствительно полезной совѣтчицей! Благословляю и цѣлую безъ конца, мой единственный и мое все.

Навсегда твоя старая женка.

№ 258.

Царское Село, 2 мая 1916 г.

Мое дорогое сокровище,

Пасмурно и вѣтрено, отчаянная погода, и у меня продолжаетъ болѣть щека, — теперь лѣвая, и я плохо спала, несмотря на компрессъ, и она немного распухла — подъ *косынкой* незамѣтно.

Вчера вечеромъ были на два часа въ лазаретѣ, чтобы ихъ подбодрить, такъ какъ нашъ отъѣздъ ихъ огорчаетъ.

Ну, *Штюрмеръ* нашелъ, что мысль о *займѣ* для желѣзныхъ дорогъ остроумна и какъ разъ своевременна, такъ какъ теперь всѣ ворчатъ по поводу желѣзныхъ дорогъ и поэтому охотнѣе дадутъ деньги. Онъ мнѣ пришлетъ *Барка* въ пять. Потомъ я говорила по поводу *Сух*(омлинова). Онъ сказалъ, что Фре(дериксъ) получилъ письмо (вѣроятно такое же, какъ и я) отъ жены, но онъ сказалъ, что это не его дѣло говорить съ тобой объ этомъ и передалъ его Ш(тюрмеру), который его показалъ министру юстиціи. Этотъ послѣдній написалъ цѣлый длинный отвѣтъ, объясняя, почему надо было такъ поступить, и Ш(тюрмеръ) хотѣлъ тебѣ теперь его привезти, но я сказала, что у тебя не будетъ времени принять его въ эти дни, и онъ попроситъ аудіенціи послѣ твоего возвращенія, — онъ ни разу не былъ въ *Ставкѣ*. Онъ не хотѣлъ огорчить тебя по поводу *Сух*(омлинова), такъ какъ онъ знаетъ, что ты его любилъ. Поэтому я попросила его еще разъ переговорить съ Х(востовымъ), нельзя ли по крайней мѣрѣ въ другомъ мѣстѣ держать С(ухомлинова), не тамъ, и Х. будетъ у меня въ четыре съ половиной. Вообрази себѣ меня внезапно со всѣми министрами!

У Ш. нѣтъ ничего особеннаго, но только, если ты примешь *Родзянко* (извѣстно, что онъ бываетъ у тебя), пожалуйста, скажи ему, что ты желаешь и настаиваешь на томъ, чтобы *Дума* кончила свою работу въ одинъ мѣсяцъ и что его настоящее мѣсто, также какъ и всѣхъ остальныхъ — въ деревнѣ, чтобы заботиться о своихъ поляхъ. Онъ не одобряетъ вопроса о *Земствѣ для Кавказа,* такъ какъ увѣренъ, что они всегда будутъ между собою драться, — различныя національности, — я

думала, что и ты несогласенъ, но судя по твоей отвѣтной телеграммѣ *Николашѣ*, ты имъ желаешь удачи.

Павелъ съ нами вчера пилъ чай, — онъ ждетъ извѣстій, я ему сказала, что ты послалъ за *Безобр.*, чтобы переговорить о предметахъ, касающихся гвардіи. Аня пишетъ, что она лежитъ на берегу моря на солнцѣ, что это словно сонъ, рай и что все кругомъ купаются люди. Я иду въ нашъ лазаретъ, — я проклинаю свою щеку.

Тысячу разъ благодарю тебя за очаровательную карточку и за милыя слова, — такъ у тебя тоже холодная погода, это разочарованіе. Я привожу *Влад. Ник.* до седьмого (не считая, конечно, м-ье Жильяра) ради безопасности, такъ какъ мы будемъ ѣхать 27 часовъ, это вѣрнѣе, хотя его[1] правая рука опять поправилась, лѣвой ногѣ также гораздо лучше. Мои любящія благословенія и горячіе нѣжные поцѣлуи, моя птичка.

Навсегда вся твоя.

Скоро, скоро будемъ вмѣстѣ.

№ 259.

Въ поѣздѣ, 17 мая 1916 г.[2]

Мой любимый,

Черезъ нѣсколько часовъ мы разстанемся, — кончилось наше чудное путешествіе вмѣстѣ. Ахъ, я ненавижу прощаться съ вами, моими сокровищами, съ Солнышкомъ и солнечнымъ лучемъ, и у меня уже болитъ и тоскуетъ сердце. Но для меня утѣшеніе знать, что вы вмѣстѣ, и ты будешь меньше чувствовать одиночество, и Беби принесетъ оживленіе въ твою однообразную жизнь.

Прелестный югъ принесъ ему пользу — заставь его играть въ пескѣ, только чтобы онъ не дѣлалъ слишкомъ сильныхъ движеній.

Когда то мы опять увидимся?

Милый мой, эти десять дней прошли, какъ сонъ, и было такъ уютно быть рядомъ, и такія милыя воспоминанія о всей твоей любви и о нѣжныхъ ласкахъ, которыя мнѣ такъ больно будутъ недоставать въ Царскомъ. Нашъ лазаретъ будетъ моимъ утѣшеніемъ; если бы только погода была хороша.

Прощай, мой ангелъ, мой любимый, маленькій голубой мальчикъ, съ большимъ пребольшимъ сердцемъ.

---

[1] Сына.

[2] Государь съ семьей совершили путешествіе въ Винницу, Бендеры, Одессу, Екатеринославъ, Севастополь и Евпаторію.

Богъ да благословитъ и защититъ тебя и Бебичку. Нѣжно его поцѣлуй и подумай обо мнѣ, когда вы вмѣстѣ будете читать молитву. Крѣпко держу тебя въ моихъ любящихъ объятіяхъ и покрываю тебя поцѣлуями.

Навсегда твоя маленькая

«Солнышко».

Поцѣлуй.

№ 260.

Въ поѣздѣ, 18 мая 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Всѣ мои сердечные помыслы съ вами, мои сокровища. Мнѣ васъ такъ недостаетъ, — я въ одиночествѣ завтракала, было тихо и печально безъ оживленной болтовни Sunbeam'a. Неправда ли, какая милая книга? Я рада, что ты уже столько ихъ знаешь, онѣ въ самомъ дѣлѣ полезны, такія здоровыя, простыя, онѣ согрѣваютъ одинокое сердце. Когда я встала, мнѣ принесли твою милую телеграмму. Было ужасно прощаться. Я провела весь день и вечеръ до десяти съ четвертью съ Эллой, которая потомъ ушла, чтобы постараться немного заснуть до Москвы — въ 2,15. Я пила чай со всѣми, такъ чтобы имѣть возможность поговорить съ ея приближенными. Въ *Курскѣ* я приняла красиваго новаго губернатора.

Я закончила мое третье вышиваніе за эти двѣ недѣли дороги и чувствую себя совсѣмъ гордой. Обѣ младшія и Ольга ворчатъ по поводу погоды: только четыре градуса, и онѣ говорятъ, что на воздухѣ видно дыханіе, — потому онѣ играютъ въ мячъ, чтобы согрѣться, или играютъ на рояли. Татьяна спокойно шьетъ. Но солнце, по крайней мѣрѣ, ярко свѣтитъ.

Вчера, пока еще было тепло и Тюдельсъ устраивалъ мое отдѣленіе мы сидѣли въ гостиной — дѣвочки растянулись на полу прямо на солнцѣ, чтобы загорѣть. Откуда у нихъ эта манія? Ты любишь жару теперь, но не тогда, когда ты былъ въ ихъ возрастѣ; а я убѣгаю отъ солнца, — хотя воздухъ на югѣ мнѣ былъ, кажется, полезенъ, такъ какъ всегда былъ вѣтерокъ.

Теперь наша послѣдняя остановка и пришелъ *Валуевъ,* — платформа рядомъ и какъ разъ надлежащая высота, чтобы всѣ могли заглядывать въ окна, такъ что мнѣ пришлось быстро затянуть занавѣску. Я еще не одѣлась и остаюсь въ постели до двухъ, чтобы хорошенько отдохнуть. Я увѣрена, что Бебичка васъ всѣхъ забавляетъ, и теперь двѣ милыя подходныя кроватки уютно стоятъ рядомъ.

Я отдамъ это письмо фельдъегерю, отправляющемуся дальше въ городъ, оно тогда придетъ во время вмѣстѣ съ другимъ. Я спала хорошо, слава Богу, это путешествіе прошло гораздо лучше, чѣмъ я ожидала.

Завтра у меня и у Татьяны полковые праздники. Душка, скажи *Штюрмеру*, чтобы онъ теперь къ тебѣ пріѣхалъ, переговори съ нимъ насчетъ желѣзнодорожнаго займа и дай ему знать, чтобы онъ привезъ тебѣ дневникъ и письма *Сухомлинова* къ его женѣ, такъ какъ они его компрометируютъ и лучше, чтобы ты самъ сперва посмотрѣлъ и пришелъ къ правильному выводу, а не только дѣйствовалъ по ихъ указаніямъ, — они могли это читать, толкуя иначе, чѣмъ ты. Потомъ не забудь, пожалуйста, обоихъ митрополитовъ и *Волжина* послѣ твоего возвращенія сюда. День рожденія Татьяны 29 мая, Анастасіи 5 іюня, Маріи 14-го. Теперь, мое сердце, мой родной, мое солнышко, чьихъ ласкъ я жажду, прощай, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, тысяча безконечныхъ нѣжныхъ поцѣлуевъ.

Навсегда вся твоя.

Четыре дѣвочки тебя очень цѣлуютъ.

№ 261.

Царское Село, 19 мая 1916 г.

Мой любимый,

Нѣжно благодарю тебя за твои милыя ласковыя слова на карточкѣ. Спасибо тебѣ, мой безцѣнный. Васъ обоихъ мнѣ страшно недостаетъ и потому я была рада очутиться въ нашемъ лазаретѣ, а не дома. Ну, вчерашняя *Всенощная* въ лазаретѣ продолжалась полчаса, а потомъ я сидѣла и разговаривала со всѣми. Вечеръ провела спокойно за работой. Сегодня въ девять съ половиной утра — въ церковь лазарета, а потомъ къ нашимъ раненымъ. Появился *Карангозовъ, Анушевичъ, Едигаровъ* въ послѣднюю минуту, такъ что я его пригласила къ обѣду, — онъ уѣзжаетъ завтра и пришелъ только для того, чтобы насъ повидать, такой милый, — мы всѣ были сконфужены и молчаливы, встрѣтившись послѣ пятнадцати мѣсяцевъ, здѣсь будетъ лучше. Послѣ завтрака была на *молебнѣ* и на чашкѣ шоколада въ лазаретѣ моихъ *уланъ*. Тамъ были всѣ дамы, *Барановъ, Трубниковъ* и одинъ или два бывшихъ офицера, но ни одного состоящаго на дѣйствительной службѣ, всѣ въ полку. Потомъ въ лазаретѣ *Ліанозова,* чтобы повидать *Силаева.* Я ему сказала, чтобы согласно твоему приказанію, онъ поѣхалъ въ *Севастополь,* чтобы пройти курсъ леченія въ *Ром. Инст.* двѣ-три недѣли. Онъ хотѣлъ вернуться въ полкъ, я ему сказала, что это было бы полное безуміе, —

и такъ, **по твоему приказанію**, онъ туда поѣдетъ черезъ нѣсколько дней. Я считаю, что это совсѣмъ необходимо.

Ночью былъ одинъ градусъ мороза, — солнечно, но холодно, — на дубахъ крошечные листья, сирень еще не думаетъ зацвѣтать. Поскорѣе должна отправить это письмо, иначе курьеръ опоздаетъ на поѣздъ. Благословляю и нѣжно цѣлую тебя, милый мой ангелъ,

вся твоя маленькая женка.

Нѣжно прижимаю тебя къ моей груди съ безконечной любовью.

№ 262.

Царское Село, 20 мая 1916 г.

Мой любимый,

Я такъ нѣжно благодарю тебя за милую карточку, которую я получила послѣ моего возвращенія изъ лазарета. Я такъ хотѣла бы, чтобы въ самомъ дѣлѣ въ *Ставкѣ* стало теплѣе, сегодня погода лучше.

У меня длинный *докладъ Ростовцева*, а потомъ *Шведовъ*, такъ что я боюсь, что у меня опять не будетъ времени выйти. Я поставила за тебя свѣчу, мой голубчикъ, въ *Знаменьи*. *Едигаровъ* былъ очень милъ, онъ оставался у меня два часа и разсказалъ мнѣ множество интересныхъ вещей. Боже мой, какъ трудно и тяжело быть тамъ въ этой страшной жарѣ, и эти несчастныя лошади такъ страшно страдаютъ, и никогда никакого отдыха.

Сегодня утромъ мы съ нимъ простились въ лазаретѣ; *Рафтопуло* и *Шахъ Баговъ* также были тамъ; я ихъ всѣхъ фотографировала. Посылаю тебѣ три снимка, которые я сдѣлала въ апрѣлѣ, когда ты былъ тутъ. Такъ пріятно быть съ ними со всѣми, и я менѣе ощущаю одиночество, чѣмъ здѣсь въ моихъ комнатахъ.

Боткинъ былъ со мной въ теченіе часа и все еще не кончилъ насчетъ лазаретовъ *Ливадіи* и *Ялты*, завтра утромъ онъ будетъ продолжать свой *докладъ*.

Ирина завтракала съ нами.

Какъ ты проводишь свои вечера? Всегда за чтеніемъ, мой бѣдный мальчикъ! Но Крошка долженъ быть утѣшеніемъ и приноситъ оживленіе въ твое одиночество, я увѣрена.

Къ счастью, я чувствую себя хорошо, такъ что могу больше разъѣзжать, эта свѣжая погода меня поддерживаетъ. — Мой безконечно милый, нѣжно любимый, покрываю тебя нѣжными горячими поцѣлуями. Богъ да благословитъ и защититъ тебя и поможетъ во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ. Навсегда вся твоя.

Дѣвочки всѣ тебя нѣжно цѣлуютъ; — онѣ поѣхали кататься съ *Ириной*. Кланяйся отъ меня *Игорю*. Поговори съ нимъ объ его сестрѣ Татьянѣ.

№ 263. *Царское Село*, 21 мая 1916 г.

Дорогая душка,

Покрываю тебя поцѣлуями и безконечно благодарю за твое дорогое письмо. Да, моя душка, ты говоришь правду — въ разлукѣ вдвойнѣ понимаешь, что не умѣлъ достаточно цѣнить всѣ проявленія любви, которыя воспринималъ какъ естественныя и обычныя. Теперь каждая ласка — двойная радость, которой страшно недостаетъ, когда ея нѣтъ.

Посылаю тебѣ и Беби каждому по цвѣточку. Милый, не можешь ли ты передать приложенную бумагу Фредериксу? У бѣдной mlle Петерсенъ въ самомъ дѣлѣ не осталось никакихъ средствъ къ жизни, ея старая тетка оставила ей 50.000 — это значитъ 2.000 въ годъ на квартиру, столъ и одежду, — если бы она могла получать отъ тебя 2.000 въ годъ, *Катя Озерова*[1] говоритъ, что это было бы благодѣяніе.

Не могъ ли бы ты это сдѣлать въ видѣ исключенія? Они[2] такъ дурно поступили съ ней, уволивъ ее безъ копейки, ей негдѣ жить, жизнь теперь такъ дорога. — Какія свѣдѣнія объ англійскомъ морскомъ боѣ,[3] мнѣ страшно хочется знать вышелъ ли также Джорджи на «Новой Зеландіи», и какія англійскія суда были потоплены.

Поѣзда Мари и Беби посланы въ *Псковъ*. Ольга говоритъ, что у нея много работы теперь, опять много раненыхъ.

Мнѣ грустно, что у тебя опять такъ много работы.

Мы были въ лазаретѣ, — операція.

Зизи завтракала, теперь долженъ быть Меккъ съ *докладами;* — приходится кончать. Благословляю и нѣжно цѣлую, милый ангелъ,

Вся твоя.

№ 264.

Царское Село, 22 мая 1916 г.

Мой голубчикъ,

Отъ всего любящаго сердца благодарю тебя за твое милое письмо, — какъ я люблю все, что ты пишешь. Мнѣ также недостаютъ нѣжныя ласки моего муженька, и его мягкіе, теплые поцѣлуи.

---

[1] Фрейлина Имп. Маріи Феодоровны, Е. Н. Озерова, родственница г-жи Петерсонъ.

[2] Вел. Кн. Николай Николаевичъ и его жена Анастасія Николаевна.

[3] Ютландскомъ.

Тепло, сѣренькая погода, собирается дождь. Мы были въ церкви, потомъ Иза и Настенька завтракали. Послѣ моего письма мы отправляемся въ Большой Дворецъ и въ два — на *Крестный Ходъ,* т. е. на *Молебенъ:* привезли чудотворную икону Николая изъ *Колпина.* Вчера мы провели вечеръ уютно въ лазаретѣ. Большія дѣвочки чистили инструменты съ помощью *Шахъ Багова* и *Рафтопуло.* Маленькія болтали до десяти. Я сидѣла за работой, а позже дѣлала puzzles.[1] Въ общемъ совершенно забыла о времени и сидѣла до двѣнадцати. Кн. Г(едройцъ) также была занята. Теперь тамъ уютнѣе, чѣмъ дома. Прости мнѣ, что я тебѣ опять надоѣдаю съ письмомъ о М-me *Сухомлиновой.* Другое прошеніе отъ одного изъ раненыхъ, который возвращается на войну, но хочетъ знать насчетъ своей награды.

Силаевъ сегодня уѣзжаетъ. Онъ съ ними[2] вчера пилъ шоколадъ, также его братъ и жена (уродъ), также *Шахъ Баговъ* и *Рафтопуло.* Потомъ будетъ *Шуваевъ* — Бетси Ш(увалова).

Всегда масса дѣлъ.

Сердце обливается кровью при мыслѣ о всѣхъ этихъ потеряхъ на морѣ, — столько жизней погибло, ахъ какая трагедія.

Теперь я должна кончать. Прощай, мой единственный, мое все, Благословляю и цѣлую безъ конца, мой Ники, вся твоя.

«Солнышко».

Говорятъ, что Китченеръ пріѣзжаетъ 28-го сюда или въ *Ставку.*

№ 265.

Царское Село, 23 мая 1916 г.

Мое дорогое сокровище,

Еще и еще разъ благодарю тебя за твое дорогое письмо. Я всегда получаю твои письма при возвращеніи изъ лазарета и сейчасъ же ихъ читаю, а потомъ попозже еще нѣсколько разъ и цѣлую ихъ съ нѣжной любовью.

Наконецъ, мы завтракали на балконѣ, — идеальная погода, наконецъ, все зелено.

Я ѣздила съ большими дѣвочками въ *Павловскъ* вчера, отъ березъ дивно пахло, — теперь я опять выѣзжаю съ тремя изъ нихъ, а Татьяна ѣдетъ верхомъ, (я завидую ей, это такое удовольствіе). Я сейчасъ видѣла Мишу Граббе. Вчера Бетси сидѣла со мной въ теченіе часа. Говорятъ, что ты хотѣлъ, чтобы она была въ числѣ сестеръ, отправляющихся въ Германію, и это ее смущаетъ, такъ какъ она не умѣетъ го-

[1] Англійская забава, складываніе картинъ изъ деревянныхъ кусочковъ.
[2] Дѣтьми.

ворить по нѣмецки и утомлена, и не чувствуетъ себя способной къ такому дѣлу. Я ей сказала, что я убѣждена въ томъ, что ты никогда ея не выбиралъ, но тебѣ просто ее предложили и ты сказалъ да, но, конечно, отлично поймешь ея отказъ, — и что я тебѣ все это напишу. Это ее очень утѣшило.

Нашъ Другъ очень проситъ, чтобы ты не назначалъ *Макарова* министромъ внутреннихъ дѣлъ, — одна партія этого хочетъ, а ты помнишь, какъ онъ себя велъ во время исторіи съ *Иліодоромъ* и *Гермогеномъ*, и онъ никогда за меня не заступался, — было бы большой ошибкой его назначить.

Вчерашній вечеръ я провела въ лазаретѣ. У меня должна быть m-lle *Шнейдеръ съ докладомъ*.

Теперь я должна кончать, мой дорогой. Господь да благословитъ тебя, мой единственный, мое все, покрываю тебя поцѣлуями,

твоя навсегда старая

«Солнышко».

Завтра мнѣ будетъ 44 года.

№ 266.

Царское Село, 24 мая 1916 г.

Мой дорогой муженекъ,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Я думаю, что *Фред*(ериксъ) ошибается насчетъ m-lle Петерсенъ. Ея сестра замужемъ за баварцемъ (кажется Монжеля) [1], и это ея сынъ взятъ нами въ плѣнъ, и она ему посылаетъ подарки (что очень естественно), а вовсе не брату. Они очень дурно съ ней поступили, спасибо, моя душка, за то, что ты ее спасъ.

Очень жарко, я жарюсь на балконѣ и совсѣмъ рамоли. У меня было два доклада отъ часу трехъ четвертей до трехъ съ половиной, и я одурѣла.

Операція была довольно продолжительна, но все прошло хорошо, я подавала инструменты.

Это хорошо, моя душка, что ты сказалъ Шавельскому, чтобы икона была теперь привезена, — слава Богу были хорошія извѣстія, — это такое утѣшеніе. Хотѣла бы знать, дрались ли мои *Крымцы*.

Трогательный *Шиповъ* послалъ мнѣ солдата съ цвѣтами, которые онъ сорвалъ 14-го подъ огнемъ, ихъ тамъ благословили, и онъ мнѣ ихъ послалъ на рожденіе.

---

[1] Сестра г-жи Петерсонъ была дѣйствительно замужемъ за баварскимъ дипломатомъ, графомъ Montgelas.

Понятно, ты теперь не можешь двинуться. Я была увѣрена, что это будетъ такъ, — ну, мы пріятно провели время вмѣстѣ, и день рожденія старухи не имѣетъ значенія. На самомъ дѣлѣ мое рожденіе сегодня.

Мнѣ очень грустно, что ты вѣроятно не увидишь гвардіи, почему тебѣ не дали посмотрѣть ее прежде чѣмъ ее отправили?

Какъ насчетъ Павла? — онъ сегодня будетъ къ чаю.

Любимый мой, мнѣ не нужно подарка. Твоя любовь для меня больше, чѣмъ все, что ты могъ бы мнѣ подарить — твои письма для меня такая радость. Вчера днемъ мы ѣздили въ *Павловскъ*, сегодня я предпочитаю не двигаться. Теперь я должна кончать, сердце и душа съ тобой, съ безконечной любовью и молитвами. Богъ да охранитъ тебя и защититъ, и дастъ силу и успѣхъ. Навсегда, мой единственный, мое все.

Твоя старая женка.

№ 267.

Царское Село, 25 мая 1916 г.

Мой дорогой ангелъ,

Совсѣмъ сѣрый день, страшный ливень, — это освѣжитъ воздухъ. Я завтракала на балконѣ. Такъ нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо, моя душка. Всѣ твои любящія слова меня согрѣваютъ, ты мнѣ больно недостаешь, такія одинокія ночи.

Какой ужасъ гибель Китченера. Настоящій кошмаръ и такая потеря для англичанъ [1].

Мы были въ церкви, — Михенъ и Мавра придутъ къ чаю.

Павелъ вчера пилъ чай, онъ полонъ надежды получить свое назначеніе.

По дорогѣ въ церковь я встрѣтила Мишу, остановила, минуту поговорили, и потомъ онъ поѣхалъ обратно въ *Гатчину*, — у него не осталось ни одного волоса на головѣ, совершенно все сбрито.

Прости скучное письмо, я одурѣла.

Мери поздравляетъ тебя много разъ. Дѣти катаются, мнѣ надо отвѣчать на телеграмму. Въ семь я увижусь съ нашимъ Другомъ въ маленькомъ домѣ.

Кажется, *Коленкинъ* получилъ новое назначеніе. Всѣ очень надѣются, что *конно-гренадеръ* (понятно я забыла его фамилію), который былъ въ теченіе года въ полку, его получитъ, — ты его знаешь.

---

[1] Направлявшійся въ Петербургъ лордъ Китченеръ погибъ 24 мая на своемъ крейсерѣ, затонувшемъ на высотѣ Оркнейскихъ острововъ.

Аня послала тебѣ фотографіи. Дай мнѣ знать, получилъ ли ты ихъ, такъ какъ она объ этомъ безпокоится. Теперь я должна кончать. Благословляю безъ конца. Такъ счастлива, что хорошія извѣстія, дай Богъ, чтобы это продолжалось.

Горячо тебя цѣлую съ все растущей любовью, мой Голубой Мальчикъ. Вся твоя.

№ 268.

Царское Село, 26 мая 1916 г.

Моя родная душка,

Шлю тебѣ мою нѣжную признательность за твое дорогое письмо. Мы видѣлись съ нашимъ Другомъ вчера, и онъ былъ счастливъ добрымъ вѣстямъ. Онъ былъ въ восторгѣ, что вчера у насъ была хорошая погода и нѣсколько разъ шелъ проливной дождь. Онъ говоритъ, что это особая милость Бога въ день рожденія — нѣсколько разъ это повторялъ.

Онъ только что вернулся изъ Москвы, видѣлъ *Шебеко,* который произвелъ на него хорошее впечатлѣніе. Онъ думаетъ, что тотъ будетъ хорошъ на своемъ мѣстѣ. Онъ очень проситъ, если ты будешь принимать *Волж*(ина) и *Влад*(иміра) также послать за *Пит*(иримомъ) одновременно съ ними. Онъ говоритъ, что крестьяне не могутъ выбирать подходящаго священника, этого нельзя позволить. Говоритъ, что для Ани было бы хорошо, если бы она осталась еще нѣкоторое время въ Е(впаторіи), только если она будетъ продолжать ныть, это ей болѣе повредитъ, чѣмъ поможетъ. Я боюсь, что она возвращается черезъ недѣлю. Нехорошо это говорить, но было праздникомъ остаться безъ нея, такъ какъ я могла дѣлать то, что мнѣ хотѣлось и не приходилось комбинировать и устраивать разныя дѣла и часы, чтобы угодить ей. Она не любитъ нашего лазарета и не одобряетъ моихъ частыхъ посѣщеній. Что же мнѣ дѣлать, когда она вернется и захочетъ опять проводить со мною день и главнымъ образомъ вечеръ? Я не знаю. Дѣти уже дѣлаютъ гримасы. Михенъ была въ отвратительномъ настроеніи духа, она вчера вечеромъ уѣхала въ *Минскъ* со своимъ поѣздомъ, а потомъ на осмотръ своихъ организацій въ другихъ городахъ. Она вѣчно завидуетъ организаціямъ Эллы и старается дѣлать то-же самое, что ея въ сущности не касается, и въ результатѣ получается слишкомъ большое однообразіе. Хорошая погода, но облачно. Я ѣду въ большой дворецъ и потомъ на прогулку. Благословляю и безконечно нѣжно цѣлую, Твоя старая женка.

Посылаю тебѣ цвѣты и вещи для стола и Уильямсъ.[1]

---

[1] Повидимому, условное выраженіе.

№ 269.

Царское Село, 27 мая 1916 г.

Мой любимый,

Хорошія вѣсти особенно радуютъ мое сердце, это такое утѣшеніе и награда за всю твою тяжкую работу и за твое терпѣніе. Для меня это словно вторая война, которую мы вновь начинаемъ, да благословитъ ее Господь и пусть всѣ дѣйствуютъ мудро и предусмотрительно.

Говорятъ, что въ лазаретѣ послѣ того, какъ они прочли газеты, они отъ радости кричали ура, — они только всѣ жаждутъ поскорѣе вернуться на фронтъ, чтобы помочь товарищамъ.

Вчера днемъ мы были въ большомъ дворцѣ, а потомъ ѣздили кататься. Въ шесть я на полчаса была въ лазаретѣ Ани, чтобы всѣхъ ихъ повидать и сообщить ей о нихъ. Сохрани снимки до нашей встрѣчи, они предназначались для твоего альбома, моя душка. Мои тоже удались, и я заказала повтореніе. Мы обѣдали въ комнатахъ, такъ какъ стало прохладнѣе и сыро, и я боюсь за свою щеку. Вечеръ мы провели въ лазаретѣ. Какъ забавно, что ты назначилъ Беби *ефрейторомъ* 25-го, это очаровательно. *Боткинъ* уѣхалъ въ *Ливадію* черезъ *Евпаторію*, чтобы привезти свою дочь къ свадьбѣ сына въ имѣніе *Абазы*. Почему чины твоей свиты вдругъ всѣ разомъ разъѣзжаются? *Бенкендорфъ* въ восторгѣ, что его вызвали въ *Ставку* и что онъ будетъ поближе къ источнику свѣдѣній, — такъ хочется побольше подробностей, которыхъ, конечно, нельзя давать. Я рада, что Беби переживаетъ съ тобой эти дни, — это такіе великіе моменты для всей его жизни. Ахъ, я такъ счастлива за тебя, милый ангелъ. Безконечная любовь и нѣжность окружаютъ тебя, и мысленно я покрываю тебя поцѣлуями и прижимаю тебя къ моему сердцу, которое горитъ любовью къ тебѣ.

Сѣрое утро, погода не можетъ рѣшиться, быть ли дождю, или же солнце проглянетъ сквозь тучи.

Каждое утро съ жадностью набрасываешься на газеты, и сердце бьется, — слишкомъ много за разъ для человѣческихъ силъ, — эта радость и тревога.

Правда ли, что формируютъ новые полки для отсылки во Францію?

Какъ Беби нравятся письма П. В. П. (Петра Васильевича Петрова), вполнѣ ли онъ ихъ понимаетъ. Твои враги вороны подняли противный шумъ напротивъ моего окна. Я должна вставать и одѣваться для лазарета, — поставлю мою ежедневную свѣчу у *Знаменья* съ нѣжной любовью къ тебѣ, мой единственный, мое все, моя радость, мой муженекъ.

Погода стала совсѣмъ дивной, я сидѣла въ саду лазарета и работала пока нѣкоторые раненые играли въ крокетъ. Теперь Татьяна ѣздитъ верхомъ. Марія и Анастасія собираются полоть сорныя травы

въ маленькомъ саду, такъ какъ онѣ вредятъ ландышамъ. Ольга со мной отправляется въ лазаретъ, а потомъ мы покатаемся. Безконечно нѣжно цѣлую и горячо благословляю тебя, мой голубчикъ,

Твоя старая

«Солнышко».

Штюрмеръ будетъ въ шесть.

№ 270.

28 мая 1916 г.

Мой любимый,

Я не знаю, какъ это случилось, что я не нашла твоего письма до и послѣ обѣда, когда я открывала всѣ большіе конверты съ докладами. Я тѣмъ болѣе обрадовалась когда прочла твои милыя слова. Сегодня у меня мало времени. Я часъ читала *доклады,* писала, а теперь я должна вставать и идти въ лазаретъ, у меня двѣ тяжелыя *перевязки.* Фред. и жена его завтракаютъ, потомъ я должна быть на открытіи лазарета для дѣтей *бѣженцевъ,* — а потомъ осмотрѣть *Джорджинъ род. пріютъ* и т. д., чтобы рѣшить, какой строить лазаретъ. Элла телеграфировала, что *Крестный ходъ* съ *Влад. Б. М.*[1] былъ очень трогателенъ, огромныя толпы.

Какія опять хорошія извѣстія, сердце радуется, и сегодня упоминаются интересныя выдающіяся сообщенія, это хорошо.

Чудная погода.

Твоя группа на *Хаджи Лиманѣ* очень удалась. Мнѣ ее послала m-me *Сосновская.* Вчера днемъ я каталась съ Ольгой, — мы рвали маргаритки, и насъ застала княгиня *Палѣй,* — она получила на рожденіе подарокъ, платье, только что полученное отъ Ворта (портной въ Парижѣ), и хочетъ мнѣ принести его показать. Еще что? Я хотѣла бы, чтобы она меня оставила въ покоѣ.

Теперь, мой любимый, поздравляю тебя съ Татьяной, которой будетъ завтра 19 лѣтъ. Какъ летитъ время! Цѣлую и обнимаю тебя, прижимаю къ моему любящему сердцу и шепчу слова глубочайшей любви и преданности, дорогое сокровище. Богъ да благословитъ тебя и твои начинанія.

Твоя старая женка.

Нѣжно благодарю за твое нѣжное письмо.

---

[1] 27 мая состоялось въ Москвѣ перенесеніе изъ Успѣнскаго собора крестнымъ ходомъ на Александровскій вокзалъ чудотворной Владимірской иконы Божьей Матери для перевезенія ея въ дѣйствующую армію.

№ 271. *Царское Село,* 29 мая 1916 г.

Мой дорогой, любимый,

Поздравляю тебя съ девятнадцатымъ днемъ рожденія нашей милой Татьяны, — какъ летитъ время! Я хорошо помню этотъ день на фермѣ. Совсѣмъ невыносимая жара, — въ комнатахъ гораздо прохладнѣе, но я лежу на балконѣ, мое сердце чувствуетъ жару и протестуетъ. Звонятъ въ церковные колокола, — служба сегодня продолжается такъ долго.

Благодарю тебя, моя птичка, за твое милое письмо. Слава Богу, все идетъ хорошо, — куда же мы дѣнемъ всѣ эти массы плѣнныхъ, — въ Сибири много мѣста, только отдай приказаніе, чтобы для нихъ все было скоро и прилично и гигіенично устроено, такъ чтобы обезопасить себя отъ эпидемій.

Это былъ такой сюрпризъ, когда Н. П. телефонировалъ, что онъ пріѣхалъ на день по дѣламъ — мы его пригласили къ чаю на часокъ. Онъ выглядѣлъ хорошо и очень похудѣлъ. Они стоятъ впереди всѣхъ другихъ. Онъ разсказалъ массу интересныхъ вещей, очень много о тебѣ разспрашивалъ; — вѣроятно, очень скоро опять сюда пріѣдетъ, — онъ былъ здѣсь пять недѣль тому назадъ съ *Родіоновымъ,* который также скоро пріѣзжаетъ сюда на нѣсколько дней. Говоритъ, что Кириллъ намѣренъ скоро поѣхать ихъ повидать.

Зизи будетъ къ чаю, она завтра уѣзжаетъ въ деревню.

Я чувствую себя совсѣмъ поглупѣвшей, — увы, мнѣ надо пойти осмотрѣть пріютъ и будущій лазаретъ и отдать мои приказанія. Провели вечеръ въ лазаретѣ, но я лежала на удобномъ креслѣ въ одной изъ палатъ, такъ какъ очень устала. Прости это невыразимо скучное письмо. Благословляю тебя безъ конца, мой родной, мой собственный, Господь съ тобой.

Навсегда твоя старая «Солнышко».

Могъ ли ты купаться въ рѣкѣ? Знаешь ли ты какъ велики наши потери?

Агунюшка, мнѣ хочется твоихъ поцѣлуевъ и нѣжныхъ ласкъ.

У меня желудокъ совсѣмъ никуда негоденъ въ эту жару, какъ всегда лѣтомъ. Онъ не даетъ мнѣ покоя.

№ 272. *Царское Село,* 30 мая 1916 г.

Моя родная душка,

Нѣжно благодарю тебя за твое дорогое письмо. Въ самомъ дѣлѣ хорошія извѣстія наполняютъ сердце безконечной благодарностью. Какъ

хорошо, что ты посылаешь икону на фронтъ. Пусть Св. Дѣва дастъ силу и мужество всѣмъ и благословитъ успѣхъ. Каковы наши потери? Двое изъ моихъ *Крымцевъ* среди раненыхъ и они много разсказали. Вчера жара была совершенно невыносимая, такъ что я приняла освѣжающую ванну въ половинѣ седьмого, прежде чѣмъ отдыхать. Сегодня рано утромъ былъ дождь, и сегодня совсѣмъ идеально. Мы были на службѣ въ лазаретной церкви, такъ какъ тамъ рано служатъ, и мы потомъ могли дѣлать *перевязки.* Теперь я поѣду кататься съ большими дѣвочками.

Аня уѣзжаетъ изъ *Симферополя* сегодня вечеромъ въ восемь часовъ, — я увѣрена, что ей будетъ недоставать Черное море, тихое спокойствіе и вся привѣтливость Дувана, но она безумно стремится домой. Ея отецъ сегодня уѣзжаетъ съ внучатами въ деревню.

М-мъ Зизи съ нами пила вчера чай и теперь уѣхала къ себѣ въ деревню на все лѣто. Только что со мной простился *Николаевъ,* прежній *Крымецъ,* онъ опять отправился къ своимъ уланамъ, (возлѣ Зеегевольта), онъ былъ такъ счастливъ, что видѣлъ тебя въ *Евпаторіи.* — Вѣроятно ты еще не началъ «The Wall of partition»[1], — я теперь совсѣмъ не читаю, только работаю.

Милый ангелъ, сердцемъ и душой я тебя никогда не покидаю. Богъ да благословитъ и защититъ тебя и дастъ тебѣ успѣхъ. Покрываю тебя нѣжными ласками и поцѣлуями. Навсегда, мой муженекъ, мой милый голубой мальчикъ,

Твоя старая женка.

№ 273.

Царское Село, 31 мая 1916 г.

Мой любимый,

Отъ всего сердца благодарю тебя за твое милое письмо и нѣжныя слова. Я такъ жажду тебя и твоихъ ласкъ, твоей любви.

Въ самомъ дѣлѣ извѣстія великолѣпны. Идіотскій *Петр*(оградъ) даже приблизительно не умѣетъ ихъ какъ слѣдуетъ оцѣнить. Богъ да благословитъ тебя и нашихъ героевъ, — я такъ рада, что послана икона, которая имъ всѣмъ принесетъ счастіе. *Молебенъ* передъ твоимъ домомъ, вѣроятно, былъ очень трогателенъ, — Божья Матерь несетъ имъ твою любовь и твою молитву, и они почувствуютъ, какъ ты близокъ къ нимъ. Сегодня чудный день и прохладнѣе. Это очень пріятно послѣ колоссальной жары. Я поставила свѣчи, работала въ госпиталѣ, теперь собираюсь кататься съ тремя дѣвочками, пока Татьяна ѣздитъ

[1] Заглавіе англійскаго романа.

верхомъ. Былъ ли въ порядкѣ поѣздъ *Пуришкевича?* Пожалуйста, скажи мнѣ, какой у него номеръ, первый или второй, такъ какъ у моего *Крымца Сѣдова* есть сестра въ номерѣ второмъ и ему такъ интересно знать, который изъ двухъ ты посѣтилъ. Мнѣ нечего тебѣ сказать интереснаго.

Когда приблизительно начнется наступленіе гвардіи? Милое сокровище, мои молитвы и помыслы всегда окружаютъ тебя. Ахъ, какъ ты мнѣ недостаешь. Сегодня двѣ недѣли, что мы разстались въ *Курскѣ.* Какъ это было ужасно. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, милый муженекъ, и остаюсь

вся твоя.

№ 274.

Царское Село, 1 іюня 1916 г.

Мое дорогое сокровище,

Я такъ тебя нѣжно благодарю за твое милое письмо. Отрадно знать, что наши потери не были такъ велики по сравненію съ тѣмъ, что мы выиграли во всѣхъ отношеніяхъ. Что у насъ слабый пунктъ въ центрѣ, это понятно, но при условіи вниманія и достаточныхъ подкрѣпленій все съ Божьей помощью будетъ исправлено. Всѣ думаютъ о тебѣ: въ радости побѣды первая мысль всѣхъ раненыхъ о томъ, какъ ты, навѣрное, счастливъ. Это такая награда за твои тяжкія страданія, терпѣливую выносливость и усердную работу.

Сегодня гораздо прохладнѣе, былъ небольшой дождь. Большія дѣвочки отправились въ городъ, такъ какъ Ольга принимаетъ *подношенія,* а потомъ они будутъ у Татьяны.

Маленькія въ лазаретѣ, и какъ только я кончу писать, я возьму ихъ на прогулку. Аня будетъ къ чаю, она благополучно пріѣхала въ городъ.

Мы работали въ лазаретѣ, а потомъ я пошла съ Мари на кладбище, такъ какъ тамъ была семейная панихида по Сонюшкѣ. Птички пѣли такъ весело, солнце освѣщало ея могилу, покрытую незабудками, — впечатлѣніе было привѣтливое и не грустное. Княгиня *Палѣй* вчера была у насъ и принесла мнѣ очень хорошенькую вещь изъ chiffon. Она говоритъ, что Павелъ очень возбужденъ, совершенно здоровъ, что доктора вполнѣ спокойны насчетъ его здоровья.

У меня тоже не было времени для чтенія, такъ какъ я такъ много была въ лазаретѣ, принимала, каталась, работала и писала. Поздравляю тебя съ сестрой Ольгой. Двѣ недѣли, что мы вернулись, и пять — со времени отъѣзда Ани. Время просто летитъ.

Завтра мнѣ придется поѣхать въ городъ на панихиду — годовщина смерти Кости[1]. — Думаю о своемъ муженькѣ съ великой тоской и нѣжной любовью. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями и прижимаю къ сердцу, Богъ да благословитъ тебя, милый ангелъ.

Навсегда твоя старая

«Солнышко».

№ 275.

Царское Село, 2 іюня 1916 г.

Мой драгоцѣнный,

Нѣжно цѣлую и благодарю за твое милое письмо. Я такъ люблю имѣть отъ тебя извѣстія. Меня согрѣваютъ твои любящія слова, и я стараюсь представить себѣ, что ты говоришь эти милыя слова твоей одинокой женкѣ.

Сегодня мало солнца, но для города это благопріятнѣе. Утромъ мы пошли на полчаса, чтобы со всѣми поздороваться въ лазаретѣ. Они, какъ маленькія дѣти, смотрѣли на насъ во всѣ глаза, такъ какъ мы были въ «платьяхъ и шляпахъ» они смотрѣли и на наши кольца и браслеты (дамы также), и мы чувствовали себя «гостями» и конфузились. Потомъ съ О. и Т. (Ольгой и Татьяной) — въ крѣпость къ службѣ. Ахъ, какъ холодна эта *усыпальница*, въ ней трудно молиться, не чувствуешь себя совсѣмъ въ церкви. Теперь мы собираемся покататься вмѣстѣ съ Аней.

Вчера днемъ М(арія), А(настасія) и я попали подъ страшный ливень, такъ что мы только очень мало времени были на воздухѣ. Вечеромъ я на три четверти часа была у Ани, а потомъ присоединилась къ дѣтямъ въ лазаретѣ. Они были въ восторгѣ, такъ какъ вовсе насъ не ожидали.

Хорошія извѣстія, — такая радость, они помогаютъ жить. — Ахъ, какая Михенъ! Она можетъ съ ума свести, — мнѣ нужно сегодня повидать Витте, чтобы обо всемъ переговорить по поводу нея, такъ какъ она въ самомъ дѣлѣ очень требовательна, — правда, не хочется безъ нужды ее обидѣть, такъ какъ у нея хорошія намѣренія, но только она все портитъ своимъ завистливымъ тщеславіемъ. Не давай ей надоѣдать тебѣ, а главное, ничего ей не обѣщай.

[1] Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ.

Милый мой ангелъ, прижимаю тебя къ моей груди и долго тебя держу у нея, шепча нѣжныя слова глубокой любви. Богъ да благословитъ и защититъ тебя, святые ангелы пусть охранятъ и направятъ.

Навсегда, мой Ники, вся твоя старая дѣвочка Аликсъ.

На дняхъ видѣла Лео, [1] онъ выглядитъ очень похудѣвшимъ, но не такъ плохо, — онъ хотѣлъ опять начать свою службу, но я ему сказала, чтобы онъ подождалъ и набралъ больше силъ. *Кондратьевъ* опять служитъ, онъ также похудѣлъ, — я не позволяю ему служить за столомъ, чтобы ему меньше ходить. Вся твоя.

Аня была очень счастлива по поводу телеграммы.

№ 276.

Царское Село, 3 іюня 1916 г.

Мой голубчикъ,

Пожалуйста, перемѣни номеръ въ моемъ вчерашнемъ письмѣ, я сдѣлала ошибку, должно было быть только № 507. Погода хорошая, солнечная, но порою облачно. Мы провели вечеръ спокойно, Аня сидѣла со мной, показывала фотографіи и читала мнѣ. Дѣти были въ лазаретѣ, она тоже мнѣ предложила туда прійти, но я сказала, что я устала послѣ города и предпочитаю спокойно остаться съ ней. Получила длинное письмо отъ Ирины, Гретхенъ, Анны Ранцау. Сынъ моего бѣднаго друга Тони убитъ на войнѣ (ему было только 19 лѣтъ. онъ былъ моимъ крестникомъ и уже въ 1914 году поступилъ въ качествѣ einj. Freiwilliger [2]) былъ, повидимому, отличнымъ офицеромъ, уже получилъ желѣзный крестъ, — это невыразимо грустно, она обожала сына. Тетя Беатриса тоже писала и послала тебѣ привѣтъ, — она воображаетъ, что я въ *Ливадіи,* — отдыхаю.

Теперь я должна встать и одѣться для лазарета.

Посылаю тебѣ и Беби мои фотографіи, которыя я снимала. Вода изъ Чернаго моря. Аня приказала наполнить бутылку для тебя и для Беби и посылаетъ ее съ большой любовью, — конфеты также для тебя отъ нея.

Пожалуйста, если ты что нибудь рѣшишь насчетъ Михенъ, прикажи написать объ этомъ сенатору *Витте* или *Штюрмеру*, такъ какъ это касается *Верх. Сов.* (Верховнаго Совѣта), и я чувствую, что она хочетъ надѣлать путаницу, обращаясь къ тебѣ за моей спиной, — это некрасивая месть.

---

[1] Кто-то изъ прислуги.
[2] Вольноопредѣляющагося.

У меня былъ только что *проф. Рейнъ*[1], и я съ нимъ имѣла длинную бесѣду, — я сказала ему, попросить *Штюрмера*, чтобы онъ его принялъ и все объяснилъ, потому что въ самомъ дѣлѣ слѣдовало бы ему начать свое дѣло, какъ ты приказалъ, а Алекъ сказалъ, что какъ будто бы ты приказалъ, чтобы все было отложено. Не позволишь ли ты ему какъ нибудь къ тебѣ явиться, такъ какъ, когда ты тутъ, у тебя еще меньше времени? — Идетъ сильнѣйшій дождь. — Я такъ тебѣ благодарна за твое милое письмо, какъ прелестны фотографіи, я одну сохранила. Прощай, милый ангелъ, Богъ да благословитъ тебя, люблю безъ конца.

Вся твоя.

№ 277.

Царское Село, 4 іюня 1916 г.

Моя птичка,

Отъ всего сердца благодарю тебя за твое дорогое письмо. Аня забыла сказать тебѣ, что нашъ Другъ посылаетъ *благословеніе всему православному воинству*. Онъ проситъ, чтобы мы пока не наступали слишкомъ усиленно на сѣверѣ, потому что, по его словамъ, если мы будемъ продолжать имѣть успѣхъ на югѣ, они сами отступятъ на сѣверѣ или предпримутъ тамъ наступленіе, и тогда ихъ потери будутъ очень велики, — если мы тамъ начнемъ наступать, наши потери будутъ очень тяжкими, — Онъ это предлагаетъ какъ совѣтъ.

Только что появилась Беккеръ. Я такъ набрасываюсь на твои письма и проглатываю ихъ, а дѣти стоятъ возлѣ и ждутъ, чтобы я прочла вслухъ то, что ихъ можетъ интересовать, а потомъ позже я перечитываю и цѣлую дорогія страницы.

Это хорошо, что музыка проходитъ по улицамъ, это поднимаетъ бодрость. Я стараюсь залучить въ мой санитарный поѣздъ *Зборовскаго*, (онъ раненъ въ грудь, но не слишкомъ серьезно), *Шведова* (тифъ), *Скворцовъ* (раненъ), *Юзикъ* поможетъ черезъ *Кіевъ*, я все это сказала *Граббе*. — Какъ я рада тому, что ты пишешь насчетъ воинскихъ поѣздовъ, что они въ концѣ концовъ начали ходить скорѣе, — увѣряю тебя — «гдѣ есть воля, есть путь» — только, чтобы не было слишкомъ много поваровъ, они испортятъ супъ. Только что я получила длинную телеграмму отъ *Апраксина*. Мои маленькіе поѣзда усиленно работаютъ въ *Луцкѣ, Ровно, Здрѣжицѣ, Тарнополѣ, Тремболичѣ, отдѣленіе Винницкаго склада въ Чертковѣ*, всѣ благодарны, военные говорятъ, что они безъ насъ не могли бы обойтись, слава Богу, что намъ это удалось.

[1] Лейбъ-акушеръ, добивавшійся учрежденія министерства здравоохраненія.

Да, мой ангелъ, мы можемъ къ тебѣ какъ нибудь прилетѣть, чтобы ріободрить и обрадовать тебя. Льетъ дождь. Эмма, ея отецъ и Аня завтракаютъ. Вечеръ провела въ лазаретѣ, сегодня дома. Безъ конца цѣлую, Богъ да благословитъ тебя, вся твоя.

№ 278.

Царское Село, 5 іюня 1916 г.

Дорогой мой, любимый,

Поздравляю тебя съ днемъ рожденія нашей дѣвочки, только представить себѣ, что ей уже пятнадцать лѣтъ, это просто грустно, — больше нѣтъ маленькихъ дѣтей. Такъ холодно, дождливая погода, только восемь градусовъ, мы катались въ теплыхъ платьяхъ, и Ольга зябнетъ. Отъ всего сердца благодарю тебя за твое милое письмо. Пошлю тебѣ фотографіи, какъ только получу ихъ. Право, нельзя позволять Михенъ вмѣшиваться въ дѣла, которыя ея не касаются, — она стала такъ назойлива, — военные вопросы не ея дѣло. Я жалѣю Рейна — онъ правъ, а *Алекъ* совсѣмъ не правъ, я это ясно вижу. Аня сейчась уѣхала въ Теріоки повидать семью и вернется во вторникъ днемъ. Она забыла передать тебѣ слова нашего Друга, который говоритъ, что для насъ хорошо, что Китченеръ погибъ, такъ какъ позже онъ бы надѣлалъ Россіи вреда, и что это не жалко, что съ нимъ погибли документы. Видишь ли, Онъ всегда боится роли Англіи послѣ окончанія войны, когда начнутся мирные переговоры.

Онъ сказалъ, что *Тумановъ* на своемъ мѣстѣ превосходенъ и не хочетъ уходить, и что онъ лучше чѣмъ *Енгалычевъ,* — я не знала, что его собираются смѣнить.

Я просила *батюшку* отслужить благодарственный молебенъ, что онъ и сдѣлалъ, сказавъ краткое хорошее слово по поводу нашихъ успѣховъ и того, что *Почаевская Лавра* опять въ нашихъ рукахъ, и что Богъ услышалъ наши молитвы и т. д....

Вчера вечеромъ Аня читала мнѣ вслухъ, пока дѣти были въ лазаретѣ. *Анна Алекс. Коровчукъ* родила дочь три дня тому назадъ, и я завтра буду ее крестить. Теперь должна отправить это письмо. Всѣ мои мысли, нѣжная любовь, поцѣлуи, благословенія тебѣ, мой голубчикъ. Навсегда вся твоя женка.

Мой милый голубой мальчикъ!

Только что получила приложенную телеграмму отъ моихъ 21 *сибиряковъ.* Бѣдный N. N.[1], я страшно огорчена, онъ былъ такой хорошій человѣкъ, имѣлъ крестъ св. Георгія.

---

[1] Фамилія неизвѣстна.

№ 279.

Царское Село, 6 іюня 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Поздравляю тебя отъ всего сердца со всѣми нашими успѣхами и со взятіемъ *Черновицъ*, — слава Богу Всемогущему. Только намъ не слѣдуетъ слишкомъ поспѣшно двигаться впередъ, — проводимъ ли мы небольшія желѣзнодорожныя вѣтки для подвоза продовольствія и снарядовъ къ фронту? Я попросила Татьяну сейчасъ же потелефонировать извѣстія лазарету, они безмѣрно обрадовались. Мы тамъ провели вечеръ. Маленькія играли въ игры, большія съ *Рафтопуло* и *Шахъ Баговымъ* готовили матеріалъ для *перевязочной*. Я отъ времени до времени немного играла и ходила изъ одной палаты въ другую, присаживаясь къ тѣмъ, кто лежитъ, а потомъ отдыхала въ удобномъ креслѣ, въ комнатѣ маленькаго *Сѣдова (Крымца)*, и работаю, и бесѣдую, а потомъ *В. Вильчковская* приноситъ табуретъ и садится у моихъ ногъ, и намъ втроемъ очень уютно. Теперь другой юноша, который страшно страдаетъ, лежитъ въ сосѣдней комнатѣ и тоже хочетъ, чтобы я туда принесла свою работу и тамъ бы сидѣла, такъ что меня рвутъ на части. Послѣ завтрака у меня будетъ маленькая м-мъ *Коцебу* (жена бывшаго улана), потомъ крестины *Коровчука* и мы ѣдемъ осматривать Ольгинъ поѣздъ (кавказскаго дворянства). Я дамъ медали тяжело раненымъ и пройду черезъ весь поѣздъ. Во главѣ стоитъ князь *Церетели, Эксъ-Нижегородецъ*. Я такъ тебѣ благодарна, моя птичка, за твое милое письмо и за упоительную бѣлую акацію. Я рада, что мои стрѣлки тоже тебѣ телеграфировали, эти храбрецы.

Ахъ, какая погода, холодно, сѣро, дождливо, настоящая осень. Прости это короткое письмо, но я должна принимать. Всѣ мои мысли съ тобой, и глубочайшая любовь. Душка моя, Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Осыпаю тебя нѣжными поцѣлуями, навсегда, мой Ники,

вся твоя. «Солнышко».

№ 280.

Царское Село, 7 іюня 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Спасибо тебѣ за твое милое письмо, я такъ, такъ много думаю о тебѣ, моя душка, о твоемъ одиночествѣ, хотя Sunbeam съ тобой. Васъ обоихъ мнѣ недостаетъ болѣе, чѣмъ ты можешь думать, и я переживаю всю твою милую нѣжность. Хорошія извѣстія меня подбадриваютъ; слава Богу, что дорогіе *сибиряки* опять были такъ храбры.

Наконецъ появилось солнце и стало теплѣе, такъ что мы могли завтракать на балконѣ. Мавра, Вѣра и Георгій тоже завтракали, такъ какъ они уѣзжаютъ въ *Осташево*, она спрашивала, пошлютъ ли Игоря куда нибудь на фронтъ въ мѣстность съ болѣе теплымъ климатомъ, какъ ты предполагалъ какъ то сдѣлать. Я работала въ лазаретѣ. Командиръ *Текинцевъ*, мой бывшій уланъ *Александр.*, у насъ. Онъ былъ раненъ въ ногу во время ихъ великолѣпной артиллерійской атаки. Онъ всегда носитъ ихъ маленькую шапочку. Интересно все, что онъ разсказываетъ. Онъ очень оглохъ вслѣдствіе контузіи, и у него расширеніе сердца.

Сегодня въ четыре у насъ кинематографъ, который ты уже видѣлъ, съ картинками *Сарыкамыша* и *Трапезунда*, въ манежѣ, для всѣхъ раненыхъ.

Аня въ пять часовъ возвращается изъ Теріокъ.

Моя душка, прижимаю тебя къ моему сердцу, осыпаю тебя нѣжными поцѣлуями. Богъ да благословитъ тебя. Я люблю тебя превыше словъ. Навсегда твоя маленькая

«Солнышко»

Зеленецкій привезъ мнѣ опять 96 рубл. отъ нашихъ матросовъ, это такъ трогательно.

№ 281.

Царское Село, 8 іюня 1916 г.

Мой любимый,

Нѣжно тебя цѣлую и благодарю за твое милое письмо. Я прекрасно понимаю, что тебѣ теперь нельзя будетъ нѣкоторое время пріѣзжать, твое присутствіе тамъ слишкомъ нужно. Спасибо за извѣстія о нашихъ планахъ, разумѣется я не стану о нихъ разсказывать.

Сашка[1] съ нами завтракалъ, — у него трехнедѣльный отпускъ, онъ живетъ въ Царскомъ Селѣ съ женой и матерью, — онъ остался тѣмъ же и дразнилъ Ольгу, какъ всегда. Мы были въ лазаретѣ, теперь отправляемся на маленькую прогулку. Вчерашній вечеръ я провела дома, Аня мнѣ вслухъ читала пока я работала. Погода такъ перемѣнчива и въ результатѣ у меня порядочно опухла щека. Когда я одѣта въ формѣ сестры, это не видно, такъ какъ я могу ѣздить съ черной шалью поверхъ косынки, — но завтра въ *Верховномъ Совѣтѣ*, я буду не очень красива. Тѣ розы, которыя я тебѣ послала, получены изъ милаго *Петергофа*, душистый горошекъ — отсюда, они такъ чудно пахнутъ, что мнѣ захотѣлось тебѣ ихъ послать. Я такъ много о тебѣ думаю, моя радость, мое счастіе, и осыпаю тебя страстными нѣжными поцѣлуями.

---

[1] **Гр. А. И. Воронцовъ-Дашковъ.**

— Кинематографъ *Эрзерума* и *Трапезунда* былъ интересенъ, нѣкоторыя картины были очень красивы, другія такъ темны, что почти ничего нельзя было видѣть; — надо было бы разъ навсегда имѣть также смѣшныя фильмы, чтобы люди могли смѣяться. Масса народа смотрѣло.

Теперь, мой дорогой муженекъ, мой родной, прощай, Богъ да благословитъ тебя. Прости мои скучныя письма, но увы, у меня нѣтъ ничего интереснаго сказать тебѣ. Шлю тебѣ всю мою нѣжность и любовь, прижимаю тебя мысленно къ моей груди и кладу на нее твою дорогую головку. Навсегда вся твоя.

№ 282.

Царское Село, 9 іюня 1916 г.

Моя птичка,

Нѣжно благодарю тебя за твою милую карточку, которую Бенкендорфъ только что мнѣ принесъ. Я рада что онъ нашелъ васъ обоихъ въ хорошемъ видѣ, хотя погода также плоха. Мы сейчасъ отправляемся въ городъ на засѣданіе *Верховнаго Совѣта,* вернемся къ чаю, такъ какъ Павелъ будетъ у насъ, чтобы проститься, онъ завтра уѣзжаетъ. Мы были въ лазаретѣ, вчера вечеромъ также, и потому я посидѣла съ ней часокъ до того, такъ какъ мнѣ показалось, что она обижена, что я туда пошла, хотя она это понимала, — вечеръ она также проведетъ съ нами.

Вижу по газетамъ, что Мамаша разъѣзжаетъ и была у старухи *Браницкой,* вѣроятно, въ *Б. Церкви* [1]. — Завтра наши молитвы сольются въ *Тобольскѣ.* Душка, я сказала *Заіончковскому* передать *Волжину,* чтобы онъ туда поѣхалъ [2]. Они не получили отъ тебя отвѣта (онъ также написалъ, оказывается), и я сказала, что я увѣрена, что ты этого захочешь, такъ какъ *принято,* чтобы присутствовалъ *оберъ-прокуроръ,* а не его *товарищъ.* Я надѣюсь, что я правильно поступила, такъ сказавъ; — ему слѣдовало это знать самому, но такъ какъ это далеко, онъ думалъ что онъ можетъ тебѣ понадобиться и т. д. Элла, увы, не поѣхала, я была увѣрена, что она не поѣдетъ. Мы завтракали на балконѣ, но было довольно холодно — погода непривлекательная. Такое странное лѣто.

---

[1] Бѣлая Церковь въ Кіевской губерніи, имѣніе Браницкихъ.

[2] 4 іюня выѣхалъ въ Тобольскъ оберъ-прокуроръ Св. Синода А. Н. Волжинъ для присутствованія при торжествахъ прославленія святителя Іоанна Максимовича. Архіепископъ Тихонъ (дѣлавшій въ Синодѣ докладъ о прославленіи Іоанна тобольскаго) награжденъ брильянтовымъ крестомъ для ношенія на клобукѣ.

Да, дорогой нашъ Уольтонъ: какія прелестныя нѣжныя милыя и страстныя воспоминанія, — ахъ, дорогой мой, какъ я глубоко люблю тебя, болѣе чѣмъ я могу сказать, ты моя жизнь, мой свѣтъ, мой единственный, мое все.

Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, мой муженекъ, твоя старая дѣвочка

Аликсъ.

№ 283.

Царское Село, 9 іюня 1916 г.

Милый, родной ангелъ,

Прежде чѣмъ идти спать я начинаю свое письмо. Я сказала Анѣ написать тебѣ, такъ какъ ей поручили передать тебѣ пять вопросовъ и легче ей писать о нихъ, такъ какъ она должна исполнить. Хочешь ли ты, чтобы я послала за *Штюрмеромъ* и переговорила съ нимъ на эти темы, чтобы подготовить вопросъ, если да, то телеграфируй мнѣ тотчасъ «согласенъ на твой вопросъ», тогда я его увижу въ воскресенье, обо всемъ переговорю и скажу ему, чтобы онъ спросилъ, когда ты можешь его принять. Нашъ Другъ надѣялся, что ты будешь въ состояніи пріѣхать теперь же дня на два, чтобы выяснить всѣ эти вопросы, относительно которыхъ онъ думаетъ, что было бы очень важно поскорѣе ихъ обсудить, особенно по поводу перваго — о *Думѣ,* — я помню, я тебѣ говорила, Онъ проситъ тебя сказать имъ, чтобы они поскорѣе кончали и отправлялись къ себѣ въ деревню и наблюдали за полевыми работами.

Только пошли поскорѣе за *Штюрмеромъ*, такъ какъ всегда все такъ затягивается. Ты можешь показать ему бумагу Михенъ, чтобы онъ только просмотрѣлъ ее.

2) о смѣнѣ Оболенскаго, — почему не назначить его куда нибудь губернаторомъ? — но только есть ли ему подходящій преемникъ? Онъ никогда не шелъ противъ *Гр*(игорія), такъ что тому непріятно просить объ его смѣнѣ, но Онъ говоритъ, что Оболенскій въ самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаетъ, — и надо серьезно начать торопиться со сборомъ продовольствія, — опять появились на улицахъ хвосты передъ магазинами.

3) не было ли бы лучше передать весь этотъ вопросъ о продовольствіи и топливѣ министру внутреннихъ дѣлъ, котораго это касается въ большей степени, чѣмъ министра земледѣлія. У министра внутреннихъ дѣлъ вездѣ свои люди, онъ можетъ давать приказанія и прямыя инструкціи губернаторамъ, въ концѣ концовъ всѣ ему подчинены, а Бобринскій изъ жадности все взялъ въ свои руки, мнѣ не хочется дѣлать болѣе

непріятные намеки; я помню, что молодой *Хвостовъ* также думалъ, что было бы лучше передать этотъ вопросъ въ министерство земледѣлія. Это одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, иначе топливо также страшно вздорожаетъ.

4) по поводу *союза городовъ,* — чтобы ты ихъ больше лично не благодарилъ. Слѣдуетъ найти способъ теперь же опубликовать все, что они дѣлаютъ, и особенно подчеркнуть, что деньги поступаютъ отъ тебя и отъ правительства, и что они широко расходуютъ, — деньги твои, а не ихъ. Публика должна это знать, я нѣсколько разъ объ этомъ говорила съ Ш(тюрмеромъ), какъ бы объ этомъ освѣдомить, — твоимъ ли приказаніемъ *Штюрмеру* или бумагой отъ него къ тебѣ, — я съ нимъ объ этомъ переговорю, они стараются играть слишкомъ большую роль, это становится политической опасностью, которая уже теперь должна быть принята во вниманіе, иначе сразу придется слишкомъ много возиться.

5) она не могла припомнить, что Онъ ей сказалъ.

Верховный Совѣтъ продолжался отъ трехъ до половины пятаго, — *Родзянко* и *Челноковъ* очень много говорили, михенскій Нейдгардтъ мнѣ дѣйствовалъ на нервы, — *Стишинскій* говорилъ хорошо, а Борисъ Васильчиковъ неважно. *Треповъ* передалъ мнѣ твой привѣтъ, спасибо, моя птичка. Мнѣ грустно, что я не имѣла времени повидать Митю Дена до его отъѣзда, я слишкомъ поздно о немъ узнала. Милый старый Горемыкинъ также былъ въ засѣданіи В. С. (Верховнаго Совѣта), такой маленькій, очень худой, съ большими глазами, — онъ сказалъ, что плохо выносилъ жару въ *Гаграхъ,* а жена его напротивъ очень поправилась и глазамъ ея лучше.

Павелъ и Мари пришли къ чаю (она опять покрыта прыщиками), онъ завтра уѣзжаетъ. Оказывается, Димитрій здѣсь уже нѣсколько недѣль и ѣздитъ взадъ и впередъ въ Москву, — онъ ни разу не показывался, — я не могу понять, какъ онъ служитъ.

Ольга со мной поѣхала въ моей *дрошкѣ* и, такъ какъ шла служба въ *Тярлевѣ,* мы вышли и пошли въ церковь, и оставались до цѣлованія евангелія, и потомъ вернулись домой. Славная уютная церковь. Другія три и Иза отправились на прогулку. Вечеръ Аня провела со мной. Твоя первая вѣтка акаціи лежитъ въ моемъ евангеліи, а эта будетъ положена въ другой молитвенникъ. Теперь я должна потушить лампу, окончу письмо завтра. У насъ служба въ церкви въ девять (Св. Іоаннъ *Максимовичъ),* а потомъ мы идемъ въ лазаретъ на операцію. Въ субботу я увижу нашего Друга у нея въ домѣ, чтобы съ нимъ проститься: Онъ на будущей недѣлѣ уѣзжаетъ къ себѣ домой. Спи хорошо, мое сокровище, я всегда утромъ и вечеромъ благословляю и цѣлую твою подушку — это все, что у меня осталось. Не могу понять, что значитъ этотъ

ультиматъ Греціи[1]. Навѣрное, Англія и Франція стоятъ за этимъ, — моему простому уму это представляется несправедливымъ и жестокимъ, я не могу себѣ представить, какъ Тино выйдетъ изъ этого положенія, это можетъ повредить его популярности. Есть еще одна вещь, о которой я должна была тебѣ сказать — это касается *генерала Селиванова*, который будетъ судьей по дѣлу *Сухомлинова*. Говорятъ, что онъ не можетъ быть *безпристрастнымъ такъ какъ раньше былъ уволенъ Сухомлиновымъ изъ Сибири, и что лучше назначить члена Государственнаго Совѣта генерала Шумилова*. Я тебѣ это говорю только потому, что Онъ этого желалъ, но я сказала Анѣ, что я сомнѣваюсь, чтобы ты вмѣшался въ это дѣло.

10-ое. Горячо благодарю за твое милое письмо. Я была такъ счастлива его получить, мой ангелъ. Мы были въ церкви, потомъ была операція, къ намъ привезли семь новыхъ офицеровъ *Ингерманландскаго Гус.*, *Бѣломорскаго полка*, *Бѣлозерскаго полка* и т. д. Теперь мы видѣли *Малевскаго-Малевича*, онъ радъ, что вернулся изъ Японіи, такъ какъ у него два сына служатъ въ *Преображенцахъ*.

Онъ хочетъ представиться тебѣ, но знаетъ, что у тебя нѣтъ времени. Спасибо за телеграмму *Силаеву*. Безконечно горячо цѣлую и благословляю тебя,

Твоя старая женка.

Пусть Св. *Іоан. Макс.* пошлетъ тебѣ и нашей странѣ свое благословеніе.

№ 284.

Царское Село, 11 іюня 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Нѣжно благодарю тебя за твою дорогую карточку. По обыкновенію льетъ. Мы были въ лазаретѣ, потомъ панихида по бѣдномъ *Жуковѣ* — что могло побудить его совершить самоубійство?

Потомъ я осматриваю мою *колонну санитарныхъ повозокъ*, которая отправляется въ армію въ тѣ мѣста, гдѣ въ нихъ есть нужда.

[1] 9 іюня представители державъ согласія предъявили греческому правительству требованія ультимативнаго характера, сводящіяся къ слѣдующимъ 4 положеніямъ: 1) демобилизація греческой арміи, 2) образованіе кабинета министровъ, который бы гарантировалъ сохраненіе Греціей благожелательнаго союзнымъ державамъ нейтралитета, 3) переизбраніе въ законный срокъ Палаты депутатовъ, и 4) замѣна полицейскихъ чиновъ, содѣйствовавшихъ покушенію на мирныхъ гражданъ.

Ультиматумъ этотъ былъ принятъ вновь образованнымъ кабинетомъ Займиса къ осуществленію.

Теперь я видѣлась съ фонъ *Гартенъ*, командиромъ *Терцовъ*, и онъ проситъ также позволенія представиться *Алексѣю*, такъ я ему сказала поѣхать въ *Ставку* и обратиться къ *Воейкову*. Я получила телеграмму отъ моихъ сибирскихъ стрѣлковъ, опять много потерь среди офицеровъ, масса тяжело раненыхъ, — опять одинъ изъ нашихъ теперь дважды раненъ въ голову. *Убитъ необычайной храбрости старшій унтеръ-офицеръ команды пѣшихъ развѣдчиковъ Б. Н. Якимовъ, бывшій лейтенантъ флота.*

Зборовскій уже пріѣхалъ (мой поѣздъ за нимъ гоняется) и будетъ въ дѣтскомъ лазаретѣ. Дѣти туда помчались въ большомъ возбужденіи. Я послала *Вильчковскому* фамиліи казаковъ, которыхъ мы просимъ сюда привезти. Завтра, кажется, приходитъ мой поѣздъ, онъ собиралъ раненыхъ въ разныхъ городахъ. Устроился ли удобно *Георгій?* Можно прійти въ отчаяніе отъ этой постоянной сырости, — и изъ за Беби также!

Пріѣхалъ дантистъ и будетъ скоро меня мучить. Мы сегодня вечеромъ на минуту увидимъ нашего Друга въ ея домѣ, чтобы проститься съ нимъ, такъ какъ Онъ уѣзжаетъ. Телеграмма *Суслика* въ самомъ дѣлѣ уморительна [1].

Мой любимый, благословляю и цѣлую тебя безъ конца и тоскую по тебѣ.

Навсегда вся твоя.

Куда отправился опять *Экипажъ?* Дмитрій въ духѣ и забавенъ по обыкновенію.

№ 285.

Царское Село, 12 іюня 1916 г.

Мой нѣжно любимый,

За твое милое письмо очень нѣжно благодарю тебя. Какъ ты долженъ уставать и какъ тебѣ должны надоѣсть всѣ эти люди, которые къ тебѣ пристаютъ, и я также съ моимъ надоѣдливымъ письмомъ третьяго дня. Вчера я имѣла радость видѣть нашего Друга, вечеромъ въ маленькомъ домѣ, передъ тѣмъ какъ пойти въ лазаретъ. Онъ былъ въ отличномъ настроеніи духа и такъ ласковъ и добръ, — счастливъ по поводу хорошихъ извѣстій и много о тебѣ разспрашивалъ. Мнѣ

[1] 10 іюля Государыня получила за подписями митр. Макарія и еп. Варнавы телеграмму съ привѣтствіемъ въ день прославленія новаго святителя съ новымъ сибирскимъ молитвенникомъ о здравіи Государя, Государыни и августѣйшихъ дѣтей. Еп. Варнава пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2 степени, орденскіе знаки вручены оберъ-прокуроромъ Волжинымъ.

помогло повидать Его, и я была рада прямо отъ Него пойти къ нашимъ раненымъ. Бѣдный старый полковникъ очень плохъ, но я надѣюсь, что съ Божьей помощью мы его какъ нибудь вытащимъ. Онъ сегодня утромъ причащался по моему предложенію, — я всегда возлагаю свою надежду на эту милость Божью. Лазаретъ очень полонъ, у насъ 23 офицера. Ольга и Татьяна работаютъ и упрекаютъ другъ друга въ томъ, что онѣ «скулятъ», глупыя дѣвочки. Мы вернулись съ прогулки послѣ того, какъ были въ лазаретѣ маленькихъ. *Викт. Эраст.* загорѣлъ и выглядитъ хорошо, утверждаетъ, что у него нѣтъ болей, но видно какъ у него подергиваетъ лицо. Онъ раненъ въ грудь на вылетъ, но чувствуетъ руку. Аня на ночь уѣхала въ Финляндію. Наша выставка въ большомъ дворцѣ сегодня открывается, какъ въ прошломъ году, — работы всѣхъ нашихъ здѣшнихъ раненыхъ и наши собственныя.

Мы были въ церкви. У меня будетъ *Шт*(юрмеръ), а потомъ *Ростовцевъ* съ большимъ *докладомъ,* такъ какъ онъ уѣзжаетъ на шесть недѣль въ отпускъ въ Финляндію.

Погода стала лучше, теплѣе, но почти нѣтъ солнца.

Милый ангелъ, мнѣ хотѣлось бы прижать тебя къ моему сердцу и шепнуть тебѣ слова безконечной любви и нѣжности, голубчикъ мой. Покрываю твое дорогое лицо, глаза и губы горячими поцѣлуями. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя.

Спасибо, моя душка, за вату... Прости, это скучное письмо.

Навсегда вся твоя.

№ 286

Царское Село, 13 іюня 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Такой чудный день, и птицы такъ весело поютъ и наслаждаются солнцемъ, — но какое то странное освѣщеніе, словно дымка на небѣ, — не можетъ ли это быть отъ того, что такая большая стрѣльба? Дорогой мой, нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Слава Богу, извѣстія хороши, и Келлеръ велъ себя великолѣпно. Привозятъ еще раненыхъ. Намъ пришлось оперировать стараго полковника, — это было тяжело. Слава Богу, его сердце пока выдержало, но все же положеніе очень серьезное. Я чувствую себя усталой, операція продолжалась 50 минутъ, и я все время стояла, чтобы поскорѣе подавать инструменты и быть готовой ко всему. Графиня *Воронцова* долго у меня сидѣла, — проситъ передать тебѣ поклонъ. Она здѣсь живетъ, въ самомъ дѣлѣ очень постарѣла, говоритъ ласково и мило. Теперь будетъ меня мучить зубной врачъ (какъ разъ когда такая хорошая погода), а потомъ длинный

докладъ В. П. Шнейдеръ. Вечеръ я провожу дома, Аня вернулась изъ *Теріокъ, Гардинскій* появился на два дня, — онъ все еще чувствуетъ послѣдствія желѣнодорожнаго крушенія.

Душка моя, прости, что я тебѣ надоѣдаю, но не можешь ли ты спросить у *Алексѣева,* неужели безусловно необходимо закрыть великолѣпный мой лазаретъ Беби (эксъ-*Сухомлинова)* въ военной Академіи, — онъ такъ хорошъ, ты помнишь какъ онъ чудесно устроенъ, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ. А(лексѣевъ) говоритъ, что онъ хочетъ *возобновить занятія,* такъ какъ ему нужно больше офицеровъ для *Генер. Шт.* (Генеральнаго Штаба). Развѣ они такъ нужны теперь и развѣ *строевые* офицеры не полезнѣе теперь и не понимаютъ дѣла лучше во время войны? Они даже просятъ насъ сохранить 50 коекъ для этихъ офицеровъ, которые тамъ будутъ учиться. Это страшно жаль, такъ какъ я сомнѣваюсь, чтобы когда нибудь могли найти одинаково подходящее зданіе гдѣ бы то ни было. Будь ангеломъ и спроси еще разъ у *Алексѣева,* чтобы знать навѣрное, должны ли мы выѣзжать, — не можетъ ли онъ насъ тамъ оставить? Пожалуйста, напиши мнѣ, такъ какъ всѣ очень объ этомъ безпокоятся. Благодарю Жильяра за его письмо, онъ находитъ, что Беби не выглядитъ хорошо, и потому уроки идутъ неважно. Я думаю, что это объясняется этой сырой и перемѣнной погодой. Теперь я должна кончать и уѣзжать. Я видѣла *Шт*(юрмера), все ему сказала, онъ записалъ всѣ вопросы и все приготовитъ къ тому времени, когда ты его вызовешь. Онъ надѣется, что *Дума* закончится 20-го.

Благословляю и цѣлую тебя безъ конца, съ нѣжной любовью и обожаніемъ.

Навсегда, мой муженекъ, твоя старая женка.

Такъ какъ княжна уѣхала съ вагономъ на фронтъ, чтобы привезти раненыхъ, я чувствую себя отвѣтственной за ея лазаретъ, и они ко мнѣ обращаются, какъ къ своему начальству.

№ 287.

Царское Село, 14 іюня 1916 г.

Моя дорогая душка,

Горячо, нѣжно благодарю тебя за твою милую карточку. Такая чудная погода, прямо благодать. Всѣ наши раненые лежатъ на балконѣ и наслаждаются чуднымъ воздухомъ. *Таубе* лежалъ на солнцѣ подъ зонтикомъ, устраивая солнечную ванну своему бѣдному обрубку. Теперь мы прямо отправляемся въ лазаретъ. М(арія) и А(настасія) возлѣ стараго лазарета и тамъ будетъ молебенъ. Горячо поздравляю тебя съ нашей

большой Мари, — она въ восторгѣ отъ твоего милаго письма. Нашъ Другъ надѣется, что будетъ большая побѣда (можетъ быть *Ковель*), а если такъ, то Онъ проситъ по этому поводу, чтобы ты распорядился «*взять на поруки Сухомлинова*», отдай приказаніе конфиденціально, безъ всякаго шума *Хвостову* или *сенатору*, который ведетъ его дѣло, — и разрѣши ему проживать дома подъ отвѣтственностью двухъ другихъ. Онъ старъ — конечно, судъ остается, но для старика будетъ легче нести это тяжкое бремя, — онъ проситъ тебя это сдѣлать, если у насъ будетъ большая побѣда.

Папиросы изсякли, такъ что *Татьяна* откопала маленькую коробочку, какъ ты ей сказалъ. Я рада, что ты можешь опять завтракать на воздухѣ; мы тоже охотно ѣдимъ на балконѣ. *Титерят.* опять привезетъ тебѣ цвѣтовъ. Анастасія пріѣхала въ лазаретъ въ своемъ маленькомъ экипажѣ, запряженномъ пони, чтобы повидать всѣхъ нашихъ раненыхъ, — такая ласковая, солнечная улыбка должна всѣхъ ихъ подбодрить. Послѣ того, какъ я закончила свои *перевязки*, я вышивала (все для нашей выставки-базара, — эти вещи великолѣпно продаются), и *Гардинскій* и *Сѣдовъ* помогали мнѣ шить. Я боюсь, что полковникъ умираетъ, это такъ грустно.

Сегодня четыре недѣли, что мы разстались. Ахъ, любовь моя, я люблю тебя такъ сильно, мой родной, голубой мальчикъ, покрываю тебя поцѣлуями. Богъ да благословитъ тебя теперь и навсегда.

Вся твоя.

№ 288.

Царское Село, 15 іюня 1916 г.

Мой родной,

Я такъ тебѣ благодарна за твое милое письмо.

Посылаю тебѣ бумагу отъ *Дувана*, которую Аня просила меня передать тебѣ съ привѣтомъ отъ нея и прошеніе отъ матери будущей ея золовки княгини *Джорджадзе*. Ольга и Татьяна поѣхали въ городъ, такъ какъ у Татьяны комитетъ, — я покатаюсь съ маленькими. Каждый день дантистъ меня мучаетъ и вслѣдствіе этого моя щека порядочно болитъ. Нашъ бѣдный старый полковникъ мирно скончался сегодня ночью, мы его похоронимъ на нашемъ *Братскомъ кладбищѣ*, его жена на это согласна; кажется, будто она и ея дочь менѣе огорчены, чѣмъ его трогательный денщикъ, который его не покидалъ.

Что за ливень! Это освѣжитъ воздухъ. Аня на ночь уѣхала въ Финляндію, чтобы повидать брата (послѣ восьми мѣсяцевъ), пріѣхавшаго на три дня.

Михенъ теперь живетъ здѣсь!!

Спасибо, милый, за бумагу насчетъ бывшаго морского офицера.

Сердцемъ и душой я всегда возлѣ тебя, съ горячей любовью и тоской по тебѣ.

Какъ министры должны тебѣ надоѣдать, мой ангелъ! Цѣлую тебя такъ, какъ только умѣетъ цѣловать твоя женка, неправда ли? Богъ да благословитъ тебя. Безконечно цѣлую тебя,

Вся твоя

«Солнышко».

№ 289.

Царское Село, 16 іюня 1916 г.

Моя любимая душка,

Горячо тебя благодарю и цѣлую за твое милое письмо. Прости мой плохой почеркъ, но у меня компрессъ и бандажъ на большомъ пальцѣ. Когда мы оперировали бѣднаго полковника, я уколола себѣ палецъ, и теперь онъ нарываетъ. Чудная погода, но, кажется, гроза въ воздухѣ, сердце чувствовало себя такъ скверно въ лазаретѣ. Сегодня я принимаю сестеръ, которыя завтра уѣзжаютъ въ Германію и въ Австрію. М-мъ Оржевской, кажется, среди нихъ нѣтъ. Потомъ сестра *Карцева* (сестра м-мъ *Гартвигъ*), которую я посылаю въ *Евпаторію,* какъ попечительницу и *старшую сестру,* чтобы тамъ все привести въ порядокъ и лучше за всѣмъ смотрѣть. Ольга работаетъ здѣсь на балконѣ, три прочія катаются верхомъ.

Аня возвращается изъ *Теріокъ,* гдѣ она провела ночь со всей своей семьею.

Я забыла сказать тебѣ, что нашъ Другъ проситъ тебѣ передать, чтобы ты отдалъ приказаніе не увеличивать цѣны за поѣздки въ трамваѣ въ городѣ, — вмѣсто 5 копѣекъ, теперь приходится платить 10 коп., и это несправедливо по отношенію къ нуждающимся, — пусть богатые будутъ обложены, но не другіе, которымъ приходится ежедневно часто по нѣсколько разъ ѣздить въ трамваѣ. Напиши это на одной изъ твоихъ бумагъ *Штюрмеру,* чтобы онъ сказалъ Оболенскому, который, вѣроятно, отдалъ это глупое распоряженіе. — Будетъ пріятно потомъ поѣхать повидаться съ тобой! Если мы поѣдемъ, *Гр*(игорій) просилъ меня взять Аню. Я сказала, что это неудобно, такъ какъ тамъ всегда бываютъ приглашенные и иностранцы, — но Онъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ она можетъ не приходить къ столу и оставаться въ поѣздѣ,

[1] А. В. Карцева-Панаева.

но что было бы мило доставить ей эту радость. Я бы на этотъ разъ привезла Настеньку и четырехъ дѣвочекъ.

Милый ангелъ, я должна теперь остановиться. Мое сердце полно глубокой великой любви къ моему ангелу. Я покрываю тебя поцѣлуями. Богъ да благословитъ и защититъ тебя, мой Ники.

Твоя старая

«Солнышко».

Я опять пользуюсь конвертомъ Беби, ему будетъ забавно увидѣть свой конвертъ.

№ 290.

Царское Село, 17 іюня 1916 г.

Мой любимый,

Все еще плохой почеркъ, потому что мнѣ мѣшаетъ палецъ. Отъ всего сердца поздравляю тебя съ хорошими извѣстіями — больше десяти тысячъ плѣнныхъ. Сегодня утромъ я получила телеграмму отъ Келлера изъ *Кимполунга*: «*Данную задачу исполнилъ, очистилъ южную Буковину отъ противника. Сегодня раненъ въ другую ногу пулей, кость не перебита, но расщеплена. Съ Божьей помощью надѣюсь скоро вернуться въ строй для дальнѣйшей службы Вашему Величеству*». Братъ Ани разсказалъ ей много о немъ, его солдаты обожаютъ, и когда онъ посѣщаетъ раненыхъ, каждый старается приподняться и сѣсть, чтобы лучше его увидѣть. Онъ разъѣзжаетъ въ сопровожденіи огромнаго *стяга нерукотворнаго спаса* со свитой изъ 40 казаковъ, изъ которыхъ у каждаго четыре Георгіевскихъ креста, только эти могутъ его охранять, — говорятъ, что это внушительная и волнующая картина. Я такъ за него рада, онъ всегда жаждалъ этого великаго случая доказать тебѣ свою глубокую любовь, преданность и благодарность. Онъ такъ красиво сказалъ *Сергѣю Тан*(ѣеву), что онъ (Келлеръ) и Аня одинаково намъ служатъ, каждый на своемъ мѣстѣ, и потому онъ такъ ее любитъ. И я сказала Анѣ, чтобы она попросила нашего Друга помолиться за него, я ей вчера вечеромъ сказала, чтобы она сегодня это Ему передала (Онъ уѣзжаетъ въ *Тобольскъ* и домой) — и сегодня утромъ у меня уже была телеграмма, что онъ (Келлеръ) раненъ, но слава Богу, кажется, несерьезно.

Чудная погода. Я провела вечеръ съ Аней, послала за дантистомъ вечеромъ (третій разъ въ теченіе дня), чтобы онъ вынулъ пломбу, такъ какъ зубъ болѣлъ, — ты понимаешь, *воспал. надкостницы* такъ затрудняетъ лѣченіе.

Я теперь должна вставать, такъ что кончу это письмо послѣ завтрака. У насъ въ четыре часа въ манежѣ французскій кинематографъ, его показываетъ какой то графъ, — прибытіе нашихъ войскъ во Францію, Верденъ, фабрика, гдѣ они дѣлаютъ патроны, и забавныя картинки. Мой милый ангелъ, мои мысли навсегда окружаютъ тебя нѣжной любовью.

№ 291.

Царское Село, 18 іюня 1916 г.

Мой любимый,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо, мое сокровище. Какой тяжелый воздухъ, къ счастью вдали гроза. Пальцу немного лучше, и я все же работаю, но мой почеркъ некрасивъ. Опять хорошія извѣстія, говорятъ, что мы заняли очень важный желѣзнодорожный пунктъ. Я телеграфировала тебѣ насчетъ *Шаховского*, потому что *Гр*(игорій) проситъ тебя его принять [1], они вмѣстѣ обдумывали разныя вещи, и у него есть предложеніе по вопросу о томъ, откуда достать разные нужные предметы, о которыхъ ты писалъ. Когда ты увидишь всѣхъ министровъ, онъ проситъ тебя быть съ ними очень твердымъ. *Штюрмеръ* честенъ и превосходенъ, *Треповъ* кажется скорѣе противъ него. *Петровскій* страшно счастливъ, что ты за нимъ послалъ, я его сегодня видѣла. Вызови также еще разъ *Сашу*. — Зубной врачъ каждый день меня мучитъ, лѣченіе такъ медленно подвигается изъ за воспаленія надкостницы. Я вчера вечеромъ ѣздила съ *Аней* въ *Павловскъ*. Господи, какихъ видишь некрасивыхъ дамъ и что за платья удивительныя!! Михенъ просила разрѣшенія придти къ чаю, я сказала, что я не могу (у меня *Кострицкій* [2], а потомъ церковь). *Гр*(игорій) говоритъ, что Келлеръ скоро опять поправится.

Я чувствую, что мое письмо до отвращенія скучно, мнѣ такъ грустно, мой ангелъ. Это хорошо, что ты купаешься, такъ освѣжаетъ. Я совсѣмъ рамоли. *Валя* ждетъ, чтобы я его приняла, а потомъ другой офицеръ. Кинематографъ былъ интересенъ, но слишкомъ долго продолжался. Я сказала Витте *(Верх. Сов.)*, чтобы онъ попросилъ *Ильина* просмотрѣть бумагу Михенъ.

Дорогой мой, я жажду тебя и твоихъ ласкъ. Будь здоровъ и веселъ. Цѣлую тебя съ безконечной, нѣжной любовью. Пусть святые ангелы охранятъ и Богъ благословитъ тебя.

Навсегда твоя.

---

[1] 22 іюня кн. Шаховской выѣхалъ въ Ставку.

[2] Зубной врачъ.

№ 292.

Царское Село, 19 іюня 1916 г.

Мой любимый,

Я такъ нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо, которое я нашла по возвращеніи изъ церкви. Я буду думать о тебѣ, когда *Фр* (едериксъ) передастъ мнѣ твой поцѣлуй и тогда легче будетъ его перенести. Ахъ голубчикъ, — какая эта длинная разлука, оба вы такъ далеки, но то, что мы дѣлаемъ, совершается ради нашей родины, и когда извѣстія хороши, это легче можно выдержать. Мои самыя горячія молитвы будутъ сопровождать наши дорогія войска во вторникъ, — Богъ всемогущій пусть поможетъ и пошлетъ имъ силу, мужество и мудрость, чтобы имѣть успѣхъ. Мы на балконѣ работаемъ, Аня и Анастасія клеятъ фотографіи, — одна гроза за другой, но воздухъ не тяжелъ. Мы были въ церкви. Я телеграфировала *Конозаровскому,* чтобы спросить насчетъ *грузовиковъ,* которые нужны Мекку. Видишь ли, мои крошечные поѣзда *склады* достаютъ раненыхъ съ фронта и привозятъ ихъ въ *Новосельцы* и т. д., гдѣ ихъ ожидаютъ настоящіе санитарные поѣзда, — у насъ недостаточно моторовъ, — и мы устроимъ бараки, чтобы перевязывать ихъ раны, прежде чѣмъ ихъ отсылать. *Брусиловъ* согласенъ, такъ какъ онъ нуждается въ нашей помощи. Въ однѣ *сутки* мы можемъ четыре раза перевозить раненыхъ, это хорошо, неправда ли? Бринкенъ телеграфировалъ, что моя *санит. колонна* (моего поѣзда *Ломана)* благополучно прибыла, онъ въ ней нуждался, — въ первый годъ мы помогали гвардіи, а теперь мы понадобились *Щербачову.* Такъ утѣшительно знать, что благодаря Мекку я могу такъ помогать нашимъ войскамъ.

Какой ливень!

Аня на ночь ѣдетъ въ Финляндію. Теперь, дорогой муженекъ, прощай, Богъ да благословитъ тебя, покрываю тебя нѣжными поцѣлуями. Люблю тебя несказанно. Навсегда вся твоя

«Солнышко»

№ 293.

Царское Село, 20 іюня 1916 г.

Мой милый, дорогой ангелъ,

Горячо благодарю тебя за твое дорогое письмо. Опять гроза, идетъ дождь, воздухъ былъ такъ тяжелъ сегодня утромъ. Фредериксъ завтракалъ и передалъ поцѣлуй, онъ поцѣловалъ мою *родинку,* онъ проситъ меня передать тебѣ его чувства. Я нашла, что онъ бодръ и вы-

глядитъ хорошо. Онъ будетъ здѣсь жить и ѣздить каждый день въ городъ для *докладовъ*. *Рита* только что слышала, что ея братъ теперь раненъ и уже оперированъ въ Воронежѣ и что ея отецъ сегодня вечеромъ уѣзжаетъ, я безпокоюсь такъ какъ не знаю, какая эта была операція, я телеграфировала губернатору. Я видѣла *Штюрмера*, онъ проситъ разрѣшенія пріѣхать немного попозже, такъ какъ *Дума* сегодня кончается, *Гос. Сов.* закрывается 22-го и потомъ ему приходится увидѣть массу народу, но онъ хотѣлъ бы увидѣть тебя раньше всѣхъ министровъ [1], такъ какъ у него нѣсколько вопросовъ и дѣлъ, о которыхъ онъ раньше хочетъ доложить. Онъ говоритъ, что теперь онъ будетъ энергиченъ, что раньше было трудно, и что *Дума* только ему мѣшала во всемъ, — у него отвѣты на всѣ эти вопросы, которые я ему поставила, и о которыхъ тебѣ писала. Есть одна вещь, о которой я этотъ разъ забыла ему напомнить, о ней упоминалъ Николай [2], это очень существенно, — уже теперь подобрать людей, которые бы изучили и выработали принципы для будущаго конгресса, когда война кончится, они уже теперь должны основательно подготовить и обдумать все это, пожалуйста, переговори объ этомъ, это такъ настоятельно. Я рада что мои бѣдные сибиряки теперь могутъ отдохнуть. Полкъ только что послалъ за *Коровчукомъ*, вѣроятно, онъ вызванъ вслѣдствіе ихъ тяжкихъ потерь, онъ приходитъ со мной проститься. Къ чаю мнѣ предстоитъ удовольствіе: визитъ Михенъ. И дважды дантистъ, такая скука. Поздравляю тебя съ завтрашнимъ праздникомъ твоихъ желтыхъ кирасиръ. Дорогой мой, я должна теперь кончать, Богъ да благословитъ и защититъ тебя, покрываю тебя горячими поцѣлуями.

Навсегда вся твоя.

Поговори съ *Вл. Ник.* Онъ такъ хлопочетъ насчетъ грязевыхъ ваннъ для Беби, нельзя ли было бы устроить это въ *Ставкѣ*, мнѣ кажется, было бы жестоко теперь взять его отъ тебя.

№ 294.

Царское Село, 21 іюня 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Мы только что принимали *Лавриновскаго*, который пріѣхалъ поздравить насъ отъ имени твоихъ кирасиръ, — онъ очень напоминаетъ своего бѣднаго покойнаго брата, только онъ блондинъ. Всѣ мои мысли тамъ на фронтѣ, Богъ да поможетъ имъ.

---

[1] Штюрмеръ выѣхалъ въ Ставку 26 іюня, остальные министры 27-го.
[2] См. выше.

Извѣстія изъ *Барановичей* вчера были хороши. Если будетъ что нибудь особенное, пожалуйста, распорядись, чтобы мнѣ было передано по прямому проводу и телефону, тогда извѣстія получаются черезъ пять минутъ. Двое изъ моихъ *Алекс.* офицеровъ ранены при *Новоселицахъ*, это показываетъ, что ихъ туда теперь отправили. Принимаетъ ли гвардія участіе или все еще нѣтъ? Прости эти вопросы, но я интересуюсь изъ за моихъ уланъ и изъ за *экипажа.*

Небо странное, кажется, какъ будто опять гроза. У Ани вчера былъ легкій сердечный припадокъ, который ее напугалъ, и понятно она уже стала думать, что пришелъ конецъ. Я провела вечеръ возлѣ ея постели. Она будетъ лежать въ саду, и мы съ ней будемъ пить чай, *Викт. Эраст.* и *Юзикъ.* Какъ страшно себѣ представить, что бѣдная маленькая лэди Сибиль,[1] ранена въ лицо. Михенъ была очень любезна и не сказала ни слова. Не забудь послать телеграмму Торіи въ четвергъ къ ея рожденію. Беби очаровательно пишетъ: «*у меня нѣтъ больше денегъ, прошу прислать жалованье, умоляю (это я)*», Его записки часто очаровательны, милый ребенокъ. *Жиликъ*[2] находитъ, что онъ очень хорошо развивается, и что жизнь среди другихъ людей, ему очень полезна, — я тоже въ этомъ увѣрена, — но вы мнѣ оба недостаете. Пожалуй, намъ лучше пріѣхать немного позже, такъ какъ ты не такъ скоро увидишь министровъ? Княжна Гедройцъ еще не вернулась.

Благословляю и нѣжно цѣлую, мой любимый ангелъ, твоя собственная старая женка. Это хорошо, что ты опять посылаешь *Георгія* въ разныя мѣста.

№ 295.

Царское Село, 22 іюня 1916 г.

Мой любимый,

Я нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Я рада, что *Петровскій* при тебѣ, онъ милый и веселый молодой человѣкъ и онъ оживитъ твои прогулки. Распорядись, чтобы Эристовъ и другіе также мѣнялись.

Я нахожу что ты долженъ тоже вызвать Бориса и намылить ему голову, — какъ смѣетъ онъ говорить такія вещи, — онъ можетъ думать, что ему угодно, но имѣть дерзость передъ другими разговаривать съ англичаномъ — это уже слишкомъ. Ты долженъ приказать, чтобы ему былъ сдѣланъ выговоръ. Онъ не смѣетъ такъ себя вести, *нахалъ.*

---

[1] Лэди Сибиль Грей ранена при испытаніи ручныхъ гранатъ.
[2] Ласкательное имя Mr. Жильяра.

Я только что видѣла Оренбургскаго *Муфтія,* и онъ наговорилъ много пріятныхъ вещей, проситъ передать тебѣ о своихъ молитвахъ и пожеланіяхъ. Сегодня такой тяжелый воздухъ, немного шелъ дождь.

Мои маленькіе поѣзда и транспорты усердно работаютъ въ *Винницѣ,* но только разстояніе слишкомъ велико, они въ шесть дней доставили 839 раненыхъ за 90 верстъ по ужасной дорогѣ, такъ что лошади въ печальномъ видѣ и *перегрузка двуколокъ* имѣла послѣдствіемъ, что четыре лошади заболѣли, одна пала, вотъ почему я просила легкихъ *грузовиковъ,* и *Канозаръ*[1] ихъ обѣщалъ. *Шуваевъ* сегодня будетъ у меня, чтобы переговорить насчетъ Академіи. Я хочу, чтобы онъ постарался достать подходящій большой домъ для нашего лазарета. Снимки, сдѣланные *Деревенькомъ* съ Беби, мнѣ очень нравятся; попроси его прислать мнѣ еще по дюжинѣ каждаго: съ винтовкой, бѣгающимъ, за работой въ палаткѣ и снимокъ съ тебя въ лодкѣ, такъ какъ мнѣ надо клеить альбомъ для нашей выставки, а у меня большей частью старыя фотографіи. Онъ могъ бы также прислать мнѣ нѣсколько другихъ хорошихъ снимковъ, которые онъ раньше дѣлалъ съ Алексѣя и съ тебя, пожалуйста.

Я дамъ ей[2] твое письмо, она сума сойдетъ отъ радости. Я сейчасъ собираюсь съ ней кататься. Ольга и Татьяна ѣздятъ верхомъ, а другія въ лазаретѣ.

Говорятъ, что лэди Сибиль чувствуетъ себя хорошо. Страшно неудобно держать перо такимъ распухшимъ одеревенѣлымъ пальцемъ. Такъ хочется имѣть извѣстія. Прощай, мое солнышко, моя радость, моя жизнь. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Тысячу нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ твоего стараго

«Солнышка».

№ 296.

Царское Село, 23 іюня 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Нѣжно благодарю тебя за твое дорогое письмо. Я понимаю, что наши генералы приводятъ тебя въ изступленіе своими глупостями и промахами. *Меккъ* ошибся: ранено 2 *Крымца,* а не Александровца. Настенька съ нами завтракаетъ, такъ какъ сегодня день ея рожденія, потомъ я принимаю *Бѣлосельскаго,* дантиста на часъ, можетъ быть, Аня приведетъ брата и сестру, — въ половинѣ шестого — *Штюрмеръ* и опять дантистъ

[1] Ген. Конверовскій.

[2] Обычное обозначеніе Вырубовой (Ани).

на полтора часа. Есть *слухъ*, что Сергѣй М.[1] долженъ быть во главѣ вопроса о продовольствіи по всей странѣ, — такой вздоръ! У *Шт*(юрмера) есть насчетъ всего этого хорошая идея, если ты ему передашь этотъ вопросъ въ его министерство, въ которомъ онъ уже находился сотни лѣтъ, и только хитрый *Кривош*(еинъ) забралъ его себѣ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ все гораздо легче, такъ какъ у него есть нужные люди и вліяніе, и онъ можетъ назначить хорошаго энергическаго чевѣка во главѣ особой комиссіи. Теперь мнѣ говорятъ, будто *Наумовъ* остается, это было бы очень нехорошо, такъ какъ онъ недостаточно энергиченъ и слишкомъ много думаетъ о мнѣніи *Думы и Земскаго Союза*[2]. *Шт*(юрмеръ) думалъ объ одномъ князѣ Оболенскомъ, *Харьковскомъ* губернаторѣ который могъ бы быть во главѣ комиссіи и разъѣзжать, и все видѣть, и энергично входить во всѣ детали[3]. Я не знаю, зачѣмъ онъ сегодня будетъ, онъ такъ просилъ, чтобы ты за нимъ послалъ раньше другихъ министровъ, чтобы онъ могъ съ тобой переговорить обо всѣхъ вопросахъ, которые ты позволилъ мнѣ передать ему.

Опять очень тепло. Теперь я должна кончать, душка. Жажду тебя и покрываю тебя горячими поцѣлуями. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя.

Навсегда твоя собственная. Покрываю твои письма поцѣлуями и стараюсь думать, что я слышу твой голосъ. Ахъ, какъ ты мнѣ недостаешь!

№ 297.

Царское Село, 23 іюня 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Уже половина перваго, и я только что легла, но я хочу начать письмо, пока я еще помню свой разговоръ съ *Штюрмеромъ*. Бѣдняга былъ очень разстроенъ слухами, которые ему передали отъ лицъ бывшихъ въ *Могилевѣ*, а когда *Родзянко* на него набросился, онъ пришелъ въ полное недоумѣніе[4]. Будто бы предполагается военная диктатура съ Сергѣемъ М. во главѣ, что министровъ также смѣнятъ и т. д.; и дуракъ *Родз*(янко) налетѣлъ на него, спрашивая его мнѣнія по этому вопросу и т. д. Онъ отвѣтилъ, что онъ ничего по этому дѣлу не знаетъ и потому у него не можетъ быть никакого мнѣнія. Я его утѣшила, сказавъ,

[1] В. Кн. Сергѣй Михайловичъ.

[2] 21 іюля Наумовъ уволенъ.

[3] Въ концѣ іюля назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по борьбѣ съ дороговизной.

[4] 23 іюня Родзянко выѣзжалъ въ Ставку для доклада о дѣятельности минувшей сессіи.

что ты мнѣ ничего объ этомъ не писалъ, что я увѣрена, что ты никогда бы не назначилъ на такое мѣсто великаго князя, а меньше всего С. М., у котораго достаточно дѣлъ, которыя онъ долженъ привести въ порядокъ. Мы съ нимъ говорили о томъ, что можетъ быть генералы находятъ полезнымъ, чтобы военный былъ во главѣ такой комиссіи *(продов.)*, такъ чтобы все объединить для арміи и быть въ состояніи принимать военныя мѣры въ случаѣ необходимости примѣнять суровыя кары, хотя, конечно, это бы поставило министровъ въ нелѣпое положеніе. Потомъ мы говорили о *Наумовѣ*, который опять ему сказалъ, что онъ усталъ отъ своей работы и не чувствуетъ себя хорошо и охотно бы ушелъ (онъ не согласенъ съ правительствомъ и смотритъ на вещи съ совсѣмъ другой точки зрѣнія). Хотя онъ лойяльный и обаятельный человѣкъ, онъ упрямъ и упорно держится за свои идеи о *Думѣ*, *Земствѣ* и т. д., и довѣряетъ ихъ работѣ больше, чѣмъ правительственной. Это для министра не годится и очень затрудняетъ работу съ нимъ. Онъ просилъ *Штюрмера* сказать тебѣ, что онъ проситъ тебя объ увольненіи, но *Шт*(юрмеръ) сказалъ, что онъ долженъ самъ просить, хотя онъ считаетъ, что нельзя просить объ увольненіи во время войны, — но для *Шт*(юрмера) было бы легче безъ него. Вчера было послѣднее засѣданіе Государственнаго *Совѣта*. Голубевъ предсѣдательствовалъ. Почти всѣ правые отсутствовали, они уже нѣсколько времени тому назадъ разъѣхались, такъ какъ съ нихъ уже было довольно. *Коковцевъ* руководитъ другой партіей и въ общемъ представляетъ отвратительный элементъ. Эта партія предполагала pour la bonne bouche[1] привлечь *Трепова, Шаховского* и *Наумова* къ отчету за разныя вещи, которыя дѣлаются не такъ, какъ бы слѣдовало, и настаивать на томъ, чтобы они отвѣчали на вопросы. *Тр*(еповъ) и *Шах*(овской) сказали, что у нихъ всѣ документы готовы, но согласились съ *Штюрмеромъ*, что могутъ быть затронуты вопросы, на которые они не готовы отвѣчать. *Наумовъ*, очень довольный, заявилъ, что онъ съ радостью готовъ отвѣчать на все и что не будетъ ни одного вопроса, по которому онъ не могъ бы дать объясненія, — вышло очень непріятно, но *Штюрмеръ* настоялъ, чтобы *Голубевъ* не позволилъ вовсе ставить эти вопросы, — такъ что въ засѣданіи все кончилось прилично.

Теперь другая вещь: С. М.[2] дважды уже просилъ *Штюрмера*, чтобы всѣ фабрики были милитаризированы, но *Шт*(юрмеръ) сказалъ, что, пока дѣйствуетъ Дума, это невозможно сдѣлать, а теперь онъ нашелъ гораздо лучшій выходъ изъ положенія. Одна фабрика (я, понятно, забыла, въ какомъ городѣ) какъ разъ служитъ примѣромъ, тамъ были забастовки

---

[1] На послѣдокъ.

[2] В. Кн. Сергѣй Михайловичъ.

и тотчасъ же было приказано призвать всѣхъ служащихъ и рабочихъ и вмѣсто того, чтобы ихъ послать на фронтъ, ихъ заставили работать на фабрикѣ, какъ раньше, только, такъ какъ они теперь солдаты, если они осмѣлятся сдѣлать что нибудь скверное, ихъ судятъ военнымъ судомъ, это пройдетъ болѣе гладко и съ меньшимъ шумомъ, чѣмъ когда идетъ рѣчь о всѣхъ фабрикахъ одновременно, — это хорошій примѣръ, и всѣ будутъ трепетать, что настанетъ и ихъ очередь. Онъ становится гораздо болѣе энергичнымъ теперь и чувствуетъ, что съ его плечъ спало тяжкое бремя теперь послѣ перерыва занятій *Думы*. О чемъ говорилъ этотъ ненавистный *Родз*(янко)? Есть много шансовъ, что онъ не будетъ переизбранъ, такъ какъ его партія въ бѣшенствѣ, что онъ поступилъ неуклюже и просилъ тебя закрыть *Думу*, такъ какъ они устали, — *Штюрмеръ* сказалъ, что нѣтъ, что они должны разойтись по собственной инціативѣ. Извини меня, что я надоѣдаю тебѣ всѣми этими вопросами, но я хотѣла тебя предупредить заранѣе насчетъ *Наумова* и о томъ, что смущаетъ славнаго старика[1]. Я видѣла милую *Лили Денъ* у Ани сегодня вечеромъ, — она только что вернулась, — наши суда отошли, — Богъ да охранитъ ихъ. Она провела двѣ недѣли въ Японіи, такъ какъ ея мужа туда послали. Въ Кіото она жила въ домѣ и даже въ комнатахъ, въ которыхъ ты проживалъ. Она вполнѣ подъ впечатлѣніемъ Японіи, гдѣ ей удалось очень много увидѣть. Ей очень удивлялись на улицахъ, и маленькія японки увлекались ею и повисали по обѣимъ сторонамъ этой великанши. Она привезла мнѣ слона изъ слоновой кости, а также каждой изъ дѣвочекъ и Беби. Я ему посылаю его. Слоны приносятъ счастье, особенно число семь, а у насъ семь слоновъ, такъ какъ у Беби ихъ два.

Сережа Таньевъ массу разсказывалъ про войну и про Келлера. У меня сегодня было страшно много работы и пришлось прочесть цѣлый ворохъ *докладовъ*. Я получила телеграмму отъ командира моего 21-го Сибирскаго полка насчетъ потерь 13-го. Въ самомъ дѣлѣ, это ужасно, масса старыхъ офицеровъ убито и множество тяжело раненыхъ. Княжна Гедройцъ теперь ихъ видѣла. Потомъ я, наконецъ, достала карту и *донесеніе* отъ моихъ *Крымцевъ*, посланное три недѣли тому назадъ, а сегодняшняя вечерняя газета упомянула о моемъ миломъ полкѣ въ сообщеніи твоего штаба, — я такъ горда, — мои два раненыхъ въ отчаяніи, что ихъ тамъ нѣтъ теперь, когда работа идетъ такая тяжелая. Теперь часъ, я должна потушить свѣтъ и заснуть, и успокоить усталую старую голову. Я бы очень хотѣла имѣть дорогого и нѣжно любимаго лежащимъ возлѣ себя, и чувствовать ласки моего солнышка.

---

[1] Штюрмера.

24 іюня. *Сашка В.*[1] съ нами завтракаетъ и прощается, такъ какъ онъ возвращается на фронтъ. Его жена, повидимому, ожидаетъ. Потомъ у меня *Наумовъ*, князь *Голицынъ* и *Шведовъ*. Я только что кончила бумаги *Танѣева* и дожна вставать и одѣваться для лазарета.

Сашка завтракаетъ съ нами, онъ уѣзжаетъ въ воскресенье. Нѣжно благодарю тебя, моя душка, за твое милое письмо. Конечно, я съ радостью увижу нашихъ дорогихъ казаковъ, я какъ разъ думала о томъ, какъ бы это сдѣлать (я немного робѣю безъ моего муженька и Беби). Я рада, что *Куст. комит.* теперь понялъ, что ему надо дѣлать. *Наумовъ* только что долго со мной бесѣдовалъ. Витте ему очень помогаетъ, — этотъ человѣкъ настоящая жемчужина, онъ моя правая рука во всемъ, и *В. П. Шнейдеръ* даетъ полезные совѣты, и они хотятъ соединиться съ *Верх. Совѣт.* Прости, что я заканчиваю письмо карандашомъ, у меня больше нѣтъ чернилъ въ перѣ, и я должна быстро кончить (и я на балконѣ). Мы заинтересуемъ губернатора и распространимъ по всей странѣ это производство, и для раненыхъ также привьемъ искусство и вкусъ, такъ-же, какъ это сдѣлано въ моей школѣ *Народнаго Искусства*.

Ахъ, душка, какую массу можно сдѣлать, и мы женщины можемъ такъ много помогать. Наконецъ всѣ проснулись и готовы помогать и работать, — такъ мы будемъ имѣть возможность узнать страну, крестьянъ, губерніи, все лучше и лучше и быть въ настоящей связи со всѣми. Да поможетъ мнѣ Богъ такимъ путемъ быть тебѣ полезной, моя душка, и они рады работать со мной, ты помогъ и всѣхъ посадилъ за дѣло, давъ мнѣ *Верх. Сов.* и *млад.* и *материнство*, все идетъ вмѣстѣ, все для «народа», въ немъ наша сила, и тамъ есть преданныя Россіи сердца.

Теперь я должна кончать, покрываю тебя жадными, безконечными поцѣлуями и благословеніями.

Навсегда, мой Ники, твоя собственная старая женка.

№ 298.

Царское Село, 25 іюня 1916 г.

Мой любимый,

Такъ нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Какая страшная гроза, повидимому, разыгралась въ твоихъ краяхъ. *Жиликъ* тоже мнѣ о ней писалъ. Какъ я рада, *Мартыновъ* будетъ въ состояніи продолжать свою военную службу. Прилагаю телеграмму, которую я вчера получила отъ графа Келлера.

[1] Гр. А. И. Воронцовъ.

Слава Богу, извѣстія хороши, и ты доволенъ. Всѣ, кто здѣсь лежатъ, стремятся обратно. Въ *Новомъ Времени* отъ 24 іюня есть статья «Броневики», описывающая героевъ, лежащихъ въ нашемъ лазаретѣ, — но ему[1] не понравилось какъ она написана, онъ нашелъ, что слишкомъ много говорятъ о немъ и слишкомъ мало объ его офицерахъ и солдатахъ, которые были изумительны. *Сыробоярскій.* У него всѣ ордена, которые можно только имѣть, и теперь его представили ко второму кресту за то, что онъ первый вступилъ въ *Луцкъ* и продолжалъ стрѣлять лежа подъ мостомъ на мертвомъ товарищѣ и т. д., — но говорятъ, что это противъ правилъ, такъ какъ онъ, слишкомъ молодъ (я не представляю себѣ, чтобы могли быть правила для героевъ). Мы были на *молебнѣ*, а потомъ видѣли великолѣпную *сотню*, поздоровались, поздравили ихъ съ благополучнымъ возвращеніемъ, я имъ всѣмъ подала руку и говорила съ ними, у нѣкоторыхъ по три креста. Страшная жара. Только что у меня былъ длинный *докладъ Витте* — у меня голова идетъ кругомъ. *Фред*(ериксъ) завтракалъ. Посылаю тебѣ прилагаемую бумагу по поводу праздника, устраиваемаго комитетомъ Михенъ, къ чему такая колоссальная оффиціальность? — и передъ кѣмъ будутъ проходить наши войска, передъ германскими трофеями, или передъ Михенъ? Пожалуйста, скажи, какъ ты хочешь, должна ли я присутствовать или нѣтъ, можетъ быть слѣдуетъ, иначе Михенъ будетъ играть слишкомъ большую роль, — но, правда, у нея есть медаль. Скажи мнѣ, что ты хочешь, какъ можно скорѣе, пожалуйста, телеграфируй, потому что они ждутъ отвѣта, а я не знаю, что сказать, не имѣю представленія, какъ ты смотришь на этотъ вопросъ. Всѣ *Георг. К.*, говорятъ, будутъ приглашенны. А потомъ я улечу въ любящія объятія моего милаго ангела.

Благословляю и безъ конца цѣлую моего дорогого Ники,

Твоя собственная.

№ 299.

Царское Село, 25 іюня 1916 г.

Мой милый,

Я хочу начать письмо сегодня вечеромъ. Все еще неудобно держать перо, — сходитъ вся кожа съ пальца отъ спиртовыхъ компрессовъ, которые я клала, и есть ссадины, такъ что я не могу какъ слѣдуетъ сгибать палецъ. Любовь моя, я забыла сказать тебѣ, что я вчера видѣла митрополита, и мы говорили по вопросу о Гермогенѣ, который уже нѣ-

[1] См. нѣсколькими строками ниже.

сколько дней въ городѣ и принимаетъ тамъ репортеровъ. Онъ не имѣетъ права быть здѣсь, ты ему никогда не давалъ разрѣшенія. Онъ его получилъ отъ *Волжина* и митрополита *Владиміра*, у котораго онъ живетъ въ *Кіевскомъ подворьѣ*. Въ нѣсколькихъ газетахъ о немъ говорится; *Нов. Вр.*, пишетъ, что опальный епископъ, вѣроятно, скоро будетъ назначенъ въ *Астрахань*, и тамъ же они говорятъ, что *Синодъ* ему разрѣшилъ пріѣхать[1]. *Шт*(юрмеръ) также случайно объ этомъ слышалъ и былъ недоволенъ. И вотъ, я попросила митрополита поѣхать отъ меня къ *Штюрмеру* и попросить его отъ своего собственнаго имени сказать *Волжину*, что онъ[2] не можетъ тебя безпокоить по этому вопросу, но что онъ находитъ, что это совсѣмъ не порядокъ, и что теперь не время для *Гермогена* здѣсь быть, такъ какъ нельзя забыть, за что ты его услалъ, и могутъ опять подняться исторіи; особенно теперь надо избѣгать такихъ вещей, — они выбрали моментъ, когда *Гр*(игорій) въ отсутствіи. Онъ уже жилъ здѣсь нѣсколько дней, и это держали въ тайнѣ даже отъ *Штюрмера*, которому полиція должна была сразу доложить, это странно. Я объ этомъ пишу только на случай, что эти свѣдѣнія до тебя дойдутъ, — его слѣдуетъ послать обратно на его мѣсто, и я надѣюсь, что *Штюрмеръ* такъ сказалъ *Волжину*. Спроси у *Шт*(юрмера). Пока *Волжинъ* остается, дѣло никогда не пойдетъ какъ слѣдуетъ, онъ совсѣмъ не годится для этого мѣста, онъ красивый свѣтскій человѣкъ и исключительно работаетъ съ *Влад*. Въ понедѣльникъ я принимаю *Раева* (брата доктора, сына стараго митрополита *Палладія*) — кажется, онъ профессоръ, — онъ прекрасный человѣкъ, отлично знаетъ церковь съ дѣтства. Напиши *Штюрмеру* и спроси его о немъ. *Штюрмеръ* нашелъ, что онъ очень хорошъ (выглядитъ онъ, конечно, не такъ какъ *Волжинъ*, носитъ парикъ) — ты вѣроятно его знаешь, — у него школа *курсистокъ*, и когда были скандалы во всѣхъ школахъ и университетахъ, его дѣвицы прекрасно себя вели. Мнѣ интересно его повидать, такъ какъ онъ такъ хорошо освѣдомленъ обо всемъ, что касается церкви. Пожалуйста, не забудь переговорить о немъ съ *Штюрмеромъ*.

26-ое. Нѣтъ, какая жара! Благодарю тебя, мой ангелъ, еще и еще разъ за твое милое письмо. Я такъ рада, что мое длинное письмо тебѣ не наскучило и что ты со всѣмъ согласенъ. *Сандро Л.* завтракалъ, — онъ завтра уѣзжаетъ, чтобы принимать полкъ возлѣ Риги Онъ очень поправился, сталъ такимъ спокойнымъ и глаза менѣе нервные. Бѣдныя О. и Т.[3] уѣхали въ городъ. — Аня поѣхала въ *Теріоки*

---

[1] Съ разрѣшенія Св. Синода въ Петроградъ пріѣхалъ еп. Гермогенъ. Какъ выяснилось онъ былъ вызванъ въ Петроградъ въ связи съ поступившимъ ходатайствомъ Иліодора о разрѣшеніи ему возвратиться въ Россію.

[2] Т. е. Штюрмеръ.

[3] Ольга и Татьяна.

на дорогѣ будетъ, вѣроятно, Беккеръ. Маленькія въ лазаретѣ, я за ними заѣду и возьму ихъ покататься. Ну, душка, если мы 3-го поѣдемъ въ городъ, — я думаю это нужно сдѣлать, такъ какъ предстоитъ такое большое военное торжество, — скажи мнѣ, кому принимать парадъ, кто здоровается, кто благодаритъ? Безъ тебя я не могу себѣ представить, какъ все это пройдетъ.

Павелъ телеграфировалъ женѣ своей, чтобы она къ нему пріѣзжала на его именины, это значитъ, что гвардія, вѣроятно, къ тому времени двинется.

У меня былъ дантистъ отъ пяти до семи и сегодня опять, это мучительно въ такую жару.

Теперь я должна кончать, — какая радость, что мы скоро свидимся, — скажи мнѣ про А. (Аню), могу ли я ее экстренно привезти съ собой, нашъ Другъ такъ этого хотѣлъ; она тоже принесла бы войскамъ счастіе, какъ по Его словамъ приноситъ счастіе твоя женка, когда она туда ѣздитъ.

Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, цѣлую безъ конца, твоя старая (совсѣмъ отъ солнца спекшаяся)

«Солнышко»

Спасибо, мой ангелъ, за прелестный Анютинъ глазъ!

№ 300.

Царское Село, 27 іюня 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Нѣжно благодарю тебя за твое дорогое письмо, — была такая огромная радость получить о тебѣ извѣстія, это моя награда послѣ работы въ лазаретѣ. Княжна Гедройцъ вернулась со своими ранеными. Она работала три дня въ *перед. отрядѣ*, гдѣ не было врача (онъ только что ушелъ) — она сдѣлала 30 операцій, массу *трепанацій*, она видѣла моихъ дорогихъ *Сибиряковъ*.

Апраксинъ съ нами завтракалъ, разсказалъ много интересныхъ вещей: онъ былъ съ моими поѣздами-*складами* въ *Луцкѣ*, *Черновицахъ* и т. д. и скоро туда возвращается. Потомъ я видѣла сенатора *Кривцова*, ахъ до чего онъ противно неестественъ со своими сладкими фразами, меня каждый разъ тошнитъ. Раевъ произвелъ на меня отличное впечатлѣніе. Потомъ полк. *Домашевскій*, мой бывшій пажъ, онъ счастливъ, что видѣлъ тебя. Теперь у меня мозги совсѣмъ размягчились. Я иду слушать артиллерійскія *балал*(айки) въ нашемъ лазаретѣ, — они въ среду отправляются въ *Луцкъ*, потомъ у меня дантистъ. Мнѣ не

не хватаетъ мозговъ для писанія, — и такъ страшно жарко, — я совсѣмъ рамоли.

Я еще разъ спрашиваю насчетъ этой скучной церемоніи выставки трофеевъ, — почему это такъ оффиціально? Спроси Фредерикса и военнаго министра объ этомъ. Если мы не поѣдемъ, это ничего — что Михенъ все? Только телеграфируй «не ѣзди» или «лучше поѣхать», такъ чтобы я была совершенно увѣрена, пожалуйста, отвѣтъ сейчасъ. Будь думать о тебѣ завтра[1] очень много. Будь энергиченъ, моя душка.

Больше не могу писать. Цѣлую безъ конца. Навсегда, мое Солнышко, твоя родная, старая дѣвочка.

Богъ да благословитъ и охранитъ тебя.

Я надѣюсь, что Бебиной рукѣ не слишкомъ плохо.

№ 301. *Царское Село*, 28 іюня 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Бѣдняжка, такъ мнѣ грустно, что тебѣ пришлось видѣться со всѣми этими министрами и еще въ такую страшную жару. Вдалекѣ слышна гроза. У насъ было страшно много дѣла въ лазаретѣ: я перевязала 11 новыхъ, которые всѣ тяжело ранены. Каждый день дантистъ, это сума меня сводитъ, — я надѣюсь кончить завтра. *Эмма* и *Нини* пришли къ чаю, потомъ они уѣзжаютъ въ деревню. Аня посылаетъ вамъ обоимъ редиски, посаженныя ея ранеными. *Герм*(огенъ) уѣхалъ. Конечно, *Жиликъ* долженъ отдохнуть, — думаетъ ли онъ, что м-ръ Гиббсъ долженъ его замѣнить, не для уроковъ, но чтобы побольше почитать съ Беби и дать ему случай больше говорить по англійски? Пожалуйста, спроси его и, если онъ думаетъ, что такъ будетъ лучше, онъ можетъ объ этомъ сказать и написать *Петру Васильевичу*, или же лучше, чтобы *Петръ* Вас. на время поѣхалъ бы? Пожалуйста, переговори объ этомъ съ *Жиликомъ*[2].

Будетъ прелестно туда поѣхать, — Беккеръ будетъ около 3-го, такъ что 11-го я буду съ тобой.

---

[1] Засѣданіе Совѣта Министровъ въ Ставкѣ.

[2] Жильяръ разсказываетъ въ своей книгѣ, что пребываніе наслѣдника въ Ставкѣ было для послѣдняго крайне вреднымъ. Однако, всѣ его указанія оставались тщетными и, чувствуя себя въ затруднительномъ положеніи, онъ рѣшилъ на время уѣхать изъ Ставка. По пріѣздѣ въ Петербургъ Жильяръ вновь доложилъ Государынѣ о своихъ опасеніяхъ, на это она ему отвѣтила, что, сознавая серьезность этихъ опасеній, она все же считаетъ необходимымъ оставить Царевича въ ставкѣ, чтобы, вращаясь среди людей, онъ избавился отъ робости, отъ которой Государь всю жизнь такъ страдаетъ.

Теперь я должна кончать. Прощай, моя любовь, моя душка, я по тебѣ тоскую. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Безконечно цѣлую и страстно люблю, твоя собственная.

№ 302.

Царское Село, 29 іюня 1916 г.

Моя душка,

Благодарю тебя горячо за твое милое письмо. Я рада, что въ засѣданіи все сошло хорошо, судя по твоей телеграммѣ. Это мило съ твоей стороны, что ты еще мнѣ написалъ.

Мы были въ лазаретной церкви на службѣ и потомъ работали. Иза завтракала, — теперь у нея будетъ полковникъ по вопросу объ этомъ ненавистномъ *праздникѣ*, — мы будемъ пить чай у Михенъ, и она, навѣрное, будетъ объ этомъ говорить, — я не буду отвѣчать, пока не придетъ твой отвѣтъ на телеграмму. Я сказала И(зѣ) спросить подробности, — потому что, если Михенъ намѣрена разыгрывать роль, то лучше, чтобы мы всѣ пять поѣхали, — изъ за *Георг. Кавал.*, которые тамъ всѣ будутъ. Подумай объ этомъ еще разъ съ Фред(ериксомъ), не правда ли? Это все изъ за Михенъ. Я, какъ всегда, страшно тороплюсь, такъ какъ есть люди, ожидающіе пріема.

Посылаю тебѣ бумагу насчетъ *Жука;* Аня и *Ломанъ* очень просятъ за него, и онъ этого заслуживаетъ — напиши резолюцію, и я могу тогда послать бумагу для скорѣйшаго исполненія. Прости, что тебѣ надоѣдаю, но они просили Аню за него попросить.

Беккеръ пришла ко мнѣ и къ Татьянѣ сегодня, такъ любезно, раньше времени, это тѣмъ лучше для поѣздки. Аня больше останется въ поѣздѣ и не будетъ являться къ столу, такъ что у насъ будетъ больше времени оставаться между своими, — она ни за что не хотѣла мѣшать и ни разу не попросила. Этого хотѣлъ нашъ Другъ. Чудная погода, я должна кончать. Крѣпко держу тебя въ моихъ объятіяхъ и осыпаю поцѣлуями. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя.

Твоя старая
«Солнышко».

№ 303.

Царское Село, 30 іюня 1916 г.

Мой родной ангелъ,

У насъ былъ Георгій къ завтраку, — онъ будетъ съ тобой въ субботу. Тетя Ольга на десять дней ѣдетъ въ *Кіевъ*, Мамаша ее при-

гласила, — скоро прiѣзжаютъ Ники и Андреа[1]. У меня было сегодня много работы, опять оперировали ногу бѣднаго *Таубе*. Я простилась съ нашими пятью казачьими офицерами. Завтра въ четыре часа я буду на *молебнѣ* передъ *Феод. Соб.* (Феодоровскимъ Соборомъ) — люди будутъ верхами, такъ какъ они оттуда прямо отправляются на поѣздъ. Прости, что я все къ тебѣ пристаю по поводу этого проклятаго праздника въ воскресенье. Но я боюсь, что могутъ подумать, что я не хочу поѣхать изъ за германскихъ трофеевъ. Михенъ, видишь ли, ѣдетъ, — и собрано болѣе тысячи георгiевскихъ кавалеровъ, чтобы присутствовать. Хорошая погода. Я кончаю, наконецъ, сегодня вечеромъ съ дантистомъ, вчера мы пили чай у Михенъ, — она была крайне любезна и никакихъ вопросовъ не затрагивала. Дастъ Богъ, на будущей недѣлѣ мы будемъ вмѣстѣ, это такъ хорошо, — отсюда мы не уѣдемъ раньше пятаго, — сколько дней мы можемъ остаться? Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, безконечно люблю. Извини эти кляксы, вѣтеръ перевернулъ страницу. Богъ да благословитъ тебя.

Твоя старая женка.

№ 304.

Царское Село, 1 iюля 1916 г.

Моя родная душка,

Я такъ безконечно тебѣ признательна за твое милое письмо. *Жиликъ* будетъ съ нами обѣдать, и я о васъ всѣхъ буду имѣть извѣстiя. Могу себѣ представить, какъ устала твоя бѣдная голова отъ всей этой тяжкой работы, — такъ трудно всегда все помнить. Я сказала Мари, чтобы она переговорила съ *Зборовскимъ*, и мы тогда можемъ все устроить, — я знаю, что онъ хотѣлъ отправиться на Кавказъ. Я рада, что ты опять сталъ принимать iодъ, это для тебя отъ времени до времени очень полезно. Мы идемъ прощаться съ нашей *Сотней*, — будетъ *молебенъ* передъ Большимъ Дворцомъ (все это безъ тебя такъ страшно). Я рада, что мнѣ не приходится ѣхать въ воскресенье и что ты отмѣнилъ всю военную часть праздника. Теперь у насъ маленькiй восьмилѣтнiй мальчикъ въ госпиталѣ, племянникъ *Едигарова*, онъ лежитъ съ офицерами, они просили, чтобы онъ былъ съ ними, и одинъ большой молодой герой съ нимъ вмѣстѣ раскладывалъ puzzles, — «не надо»!! *Таубе* поправляется, хотя нога очень болитъ. Сегодня перемѣнная погода. Аня опять посылаетъ вамъ обоимъ редиски. Я увѣрена, что Беби грустно безъ *Жилика*, этотъ человѣкъ настоящая жемчужина.

[1] Сыновья Греческой Королевы Ольги Константиновны.

Какъ хорошо, что я увижу *Дарагана,* — я тоже имѣла телеграмму отъ *Гр*(игорія).

Я получила письма отъ Викторіи и Луизы. Красный Крестъ запрещаетъ германскимъ и автрійскимъ сестрамъ осмотръ плѣнныхъ вслѣдствіе потопленія второго краснокрестнаго судна, — я нахожу, что это глупо и нисколько не поможетъ. Прощай, моя душка, цѣлую тебя безъ конца. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя.

Навсегда твоя старая

«Солнышко».

Старая Лоло Д.[1] завтра съ нами завтракаетъ.

№ 305.

Царское Село, 2 іюля 1916 г.

Моя родная птичка,

Я пишу въ своей комнатѣ, при свѣтѣ лампы, такъ какъ на улицѣ страшная буря и дождь — удары грома такіе сильные, какъ будто молнія упала по близости. Княгиня Лоло и Валя завтракали, — онъ тебѣ привезетъ это письмо.

Нѣжно благодарю тебя, мой дорогой ангелъ, за твое милое письмо. Фотографіи *Деревенько* прямо упоительны, особенно группа васъ обоихъ, моихъ душекъ. Какъ Алексѣй выросъ, больше нѣтъ дѣтей ... Ахъ, какъ вы мнѣ оба недостаете... Лазаретъ мое истинное спасеніе и утѣшеніе. У насъ каждый день операціи, очень много тяжело раненыхъ и много дѣла, которое мы хотимъ закончить прежде, чѣмъ уѣхать. *Кахамъ*[2] пріѣхалъ и провелъ вечеръ вчера у Ани, — сегодня она меня просила провести вечеръ съ ней и съ нимъ и услышать его живописные разсказы.

Вотъ, теперь разъяснило. Меня просили походатайствовать за *Безобразова* (кваλергарда), онъ еще боленъ, а срокъ его наступилъ, и ему придется уйти изъ полка, если я не получу отъ тебя разрѣшенія, чтобы онъ могъ остаться еще два мѣсяца, тогда они его оставятъ въ полку.

Теперь, мое солнышко, прощай, Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Покрываю тебя нѣжными и горячими поцѣлуями.

Навсегда, мой Ники, твоя собственная.

---

[1] Кн. Долгорукая.

[2] Евпаторійскій знакомый Вырубовой.

№ 306.

Царское Село, 3 іюля 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Я такъ благодарна тебѣ за твое милое письмо. Богъ дастъ, мы въ четвергъ послѣ завтрака уже будемъ вмѣстѣ, какъ это будетъ прелестно, снова очутиться вмѣстѣ послѣ семи долгихъ, долгихъ недѣль. Мы съ собой привозимъ *П. В. Петр*(ова).

Итакъ, гвардія двигается. Н. П. написалъ, что они сейчасъ отправляются, вѣроятно, въ *Луцкъ.* Такъ что мы съ тобой будемъ въ эти великіе дни! Богъ всемогущій да поможетъ нашимъ войскамъ. *Гр*(игорій) сказалъ, что если я къ тебѣ поѣду, то Богъ опять пошлетъ свое благословеніе войскамъ — да будетъ такъ. *Шт. Кап. Любимовъ*, командиръ Бебиной *роты Бѣлом. полк.*, скоро выписывается изъ лазарета, онъ никогда не видѣлъ Алексѣя, и мы ему сказали, чтобы онъ проѣхалъ черезъ *Ставку* и попросилъ черезъ *Валю* повидать Беби — онъ такой милый человѣчекъ. Есть еще другой, котораго я хотѣла тебѣ показать, — нашъ герой, о которомъ я тебѣ уже разъ написала, отъ *бронир. пулем. мотор.*, онъ тебя никогда не видѣлъ, — вотъ почему онъ поступилъ въ нашъ лазаретъ, чтобы наконецъ насъ увидѣть, — было бы хорошо, если бы онъ также могъ проѣхать черезъ *Ставку* (ему 26 лѣтъ, онъ штабсъ-капитанъ, его отецъ былъ въ Японской войнѣ, командовалъ артиллеріей въ *Полтавѣ* и умеръ тамъ, какъ разъ передъ началомъ войны) — Сыро-Боярскій, у него Георгіевское оружіе, крестъ, все, что можно имѣть, уже трижды раненъ. Могутъ ли они такъ проѣхать, могу ли я ему что нибудь сказать (они сами ни разу не просили), — онъ теперь на недѣлю уѣзжаетъ къ матери въ *Полтаву* и потомъ возвращается въ С. П. Б. по дѣламъ, — если они пріѣдутъ въ *Могилевъ*, долженъ ли онъ просить представиться? Хочется сдѣлать удовольствіе этимъ храбрецамъ, и ты съ удовольствіемъ послушаешь все, что онъ разсказываетъ.

Чудная погода. Аня уѣхала на ночь въ Финляндію. Михенъ въ городѣ пируетъ со своей медалью. Я провела вчерашній вечеръ у Ани съ *Кахамомъ*. Очень умный, пріятный человѣкъ, она совсѣмъ растаяла. Теперь я должна отправиться въ Большой Дворецъ (такъ скучно). *С. П. Фед*(оровъ) будетъ въ *Ставкѣ* около 15 іюля. Благословляю и шлю тысячу поцѣлуевъ,

твоя старая женка.

Я поѣду къ тебѣ и оставлю Беккеръ дома!

№ 307.

Царское Село, 4 іюля 1916 г.

Моя душка,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Петя завтракалъ и шлетъ свой нѣжный привѣтъ и пожеланіе успѣха.

Была гроза. Теперь вотъ что: мы привозимъ съ собой *Силаева,* — ты подумаешь, что я сума сошла, но я рѣшила, что лучше пусть онъ самъ тебѣ представится и скажетъ тебѣ всѣ подробности о мнѣніи доктора, такъ какъ ему еще долго нужно лѣчиться, и онъ, бѣдняжка, не знаетъ, какъ поступить съ полкомъ. Переписка беретъ столько времени, а такъ проще всего — ты съ нимъ переговоришь и отдашь ему свое приказаніе. Операція *грыжи,* сдѣланная восьмилѣтнему племяннику *Едигарова,* сошла хорошо. Теперь я отправляюсь въ лазаретъ, чтобы видѣть больныхъ, такъ какъ среди нихъ привезены многіе изъ моего 21-го полка. Анина *Радута* (*Бѣженка* — сестра) выходитъ замужъ за ея санитара, и у нихъ въ лазаретѣ праздникъ. Нѣтъ ли чего, что ты хотѣлъ бы, чтобы я привезла?

Шурикъ и *Викт. Эраст.* съ нами пьютъ чай.

Теперь я должна кончать. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями и благословеніемъ.

Навсегда твоя собственная.

Посылаю тебѣ и Беби каждому по васильку. Я видѣла *Вѣру Волкову*[1], которая пріѣхала на нѣсколько недѣль и теперь возвращается въ Англію.

№ 308.

Царское Село, 5 іюля 1916 г.

Мой родной,

Такъ нѣжно благодарю тебя за твое послѣднее милое письмо. Сегодня семь недѣль, что мы разстались — это было во вторникъ. Жара страшная, я потѣю и совсѣмъ спеклась. Я такъ благодарна за офицеровъ, они будутъ въ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что они не смѣли попросить; — они поѣдутъ туда пока мы еще тамъ будемъ, чтобы не такъ конфузиться.

Сегодня въ лазаретѣ снимали группы. Настенька заболѣла, такъ что мы веземъ Изу, она страшно рада.

Штюрмеръ будетъ у меня сегодня, и придется еще принимать другихъ. Какая радость знать, что я скоро буду тебя держать въ

[1] Жену морского агента въ Лондонѣ.

моихъ любящихъ старыхъ объятіяхъ. Прости это дурацкое письмо, но я рамоли и тороплюсь. Богъ да благословитъ и сохранитъ тебя. Покрываю тебя поцѣлуями.

Навсегда твоя собственная старая

«Солнышко».

Дедюлинъ пришелъ прощаться, полкъ его вызвалъ.

№ 309.

Ц. Ставка, 12 іюля 1916 г.[1]

Мой любимый,

Опять мы прощаемся, но, слава Богу, ненадолго, — но все же я ненавижу разставаться съ тобой и съ моимъ солнечнымъ лучемъ. Такъ одиноко безъ тебя, и мнѣ такъ грустно, я вѣдь знаю про твои тяжелыя работы и скучную жизнь. Спасибо, мой ангелъ, за то, что ты позволилъ намъ побыть съ тобой и вызвалъ насъ, — это было радостью и даетъ намъ силу на будущее время. Мы насладились нашимъ праздникомъ и теперь возвращаемся къ своей работѣ.

Въ четвергъ утромъ — прямо на перевязки, а потомъ принимаю гергерманскихъ и австрійскихъ сестеръ (это мнѣ не улыбается). Она[2] телеграфировала нашему Другу насчетъ погоды, и я надѣюсь, что Богъ благословитъ фронтъ солнечнымъ днемъ. Пожалуйста, телеграфируй сегодня вечеромъ и завтра утромъ, какъ температура Крошки. Мы пріѣдемъ въ *Царское* завтра вечеромъ въ восемь.

Прощай, мое Солнышко, моя любовь. Я боюсь, что наше посѣщеніе было для тебя слишкомъ большой суетой, такъ какъ много приходилось разъѣзжать, и все же остается твоя обязательная работа. Я буду вспоминать каждую ласку съ нѣжной тоской. Богъ да благословитъ и защититъ тебя, дастъ тебѣ силу, мужество и успѣхъ. Покрываю тебя безконечными горячими поцѣлуями.

Навсегда твоя собственная.

---

[1] За время пребыванія Государыни въ Ставкѣ уволенъ министръ ин. д. Сазоновъ, на мѣсто коего назначенъ Штюрмеръ. А. А. Хвостовъ назначенъ министромъ вн. дѣлъ, а министромъ юстиціи — А. А. Макаровъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ б. французскій посолъ Палеологъ сообщаетъ, что узнавъ 7/20 іюля отъ товарища мин. ин. д. Нератова о предстоящей отставкѣ С. Д. Сазонова онъ, совмѣстно съ Бьюкененомъ, довели до свѣдѣнія министра двора въ ставкѣ о крайне неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое уходъ С. Д. Сазонова вызвалъ бы, и о необходимости удержать его на его посту.

[2] Аня.

№ 310.

Могилевъ, 12 іюля 1916 г.

Мой ангелъ, душка моя,

Я просила Аню передать тебѣ эти бумаги для *Алексѣева*, чтобы онъ ихъ прочелъ, и потомъ вернулъ мнѣ *рапортъ*. Телеграмма мнѣ не нужна, такъ какъ у меня есть другая.

Какой дождь!

Я надѣюсь, что мой Беби въ порядкѣ, мнѣ сказали, что онъ проснулся и потомъ опять заснулъ, я надѣюсь, что ночь онъ провелъ хорошо, — пожалуйста, скажи, чтобы мнѣ сообщили, какъ только онъ проснется, температуру и т. д., тогда я могу прійти пораньше и посидѣть съ нимъ. Я надѣюсь, что это пустяки, и что хорошій сонъ опять совсѣмъ поправитъ моего милаго ребенка.

Васъ обоихъ покрываю поцѣлуями.

Твоя старая женка.

№ 311.

Царское Село, 14 іюля 1916 г.

Мой любимый, драгоцѣнный,

Я была такъ безконечно рада получить твое милое письмо. Благодарю тебя за него изъ глубины моего нѣжно любящаго стараго сердца. Милушка моя, каждое твое нѣжное слово для меня величайшая, глубокая радость, я ношу его глубоко въ сердцѣ и живу имъ. Наша дорога кажется сномъ. Мнѣ пришлось много разсказывать въ госпиталѣ, всѣ полны интереса и хотятъ все знать. Погода очень жаркая и дивный вѣтерокъ, такъ что мы ѣдемъ кататься. Сейчасъ я принимаю шесть германскихъ и пять австрійскихъ сестеръ, — настоящія дамы, мало похожія на нашъ плохой подборъ, который мы послали. Онѣ привезли мнѣ письма изъ дому, *Ирина* и всѣ шлютъ тебѣ привѣтъ. Прости это глупое письмо, я слегка одурѣла. Я рано легла въ постель и насладилась ванной. Душка, пожалуйста, скажи насчетъ *Сухомлинова*, чтобы ему разрѣшили проживать у себя на дому: доктора боятся, что онъ сойдетъ сума, если его еще будутъ долго держать взаперти; сдѣлай это доброе дѣло по собственной сердечной инициативѣ. Мои сибиряки были такъ счастливы по поводу телеграммы *Сергѣева*, сообщавшей, что они опять одержали успѣхъ.

Я такъ рада, что ты всюду насъ возилъ, теперь мы знаемъ, гдѣ и какъ ты проводишь твои дни. Милый мой ангелъ, теперь прощай. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Покрываю тебя безконечными нѣжными поцѣлуями и живу въ прошломъ.

Твоя собственная.

№ 312.

Царское Село, 15 іюля 1916 г.

Моя родная душка,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Всѣ мои помыслы и молитвы съ тобой и съ нашими дорогими войсками. Богъ да поможетъ и пошлетъ успѣхъ; боюсь, что будетъ очень трудно. Если у тебя будутъ свѣдѣнія, дай мнѣ знать, я такъ тревожусь. Погода хороша, но не слишкомъ жарко, а теперь даже посвѣжѣло и вечеромъ было даже 9 градусовъ. Завтра день рожденія Ани. Пожалуйста, пошли ей телеграмму, если вечеромъ, то въ *Теріоки дача Михайлова*. Она туда уѣзжаетъ завтра въ четыре часа и проведетъ ночь у родителей.

Сегодня утромъ я видѣла *Максимовича*. Я рада, что старикъ опять уѣзжаетъ въ отпускъ, это его освѣжитъ, я нашла его блѣднымъ, худымъ и видъ у него неважный.

Какъ здоровье *Григорьева? Деревенько* посылаетъ тебѣ фотографіи, которыя онъ снялъ на рѣкѣ.

Послѣ поѣзда, моя спальня кажется такой большой и пустой. Милый ангелъ, скоро мы опять будемъ съ тобой, я жажду твоихъ ласкъ и поцѣлуевъ. Теперь мнѣ надо принять трехъ офицеровъ, возвращающихся на фронтъ. У меня нѣтъ ничего интереснаго разсказать тебѣ.

Прощай, моя душка, Богъ всемогущій да благословитъ и охранитъ тебя. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями и остаюсь твоя старая женка.

Шлю привѣтъ *Алексѣеву*. Всѣ были удивительно милы и любезны съ Аней.

№ 313.

Ц. С., 16 іюля 1916 г.

Мое родное сокровище,

Горячо благодарю тебя за твое милое письмо. Хочу поздравить тебя отъ всего сердца съ хорошими извѣстіями. Какой это былъ сюрпризъ, когда *Рита* намъ объявила новость въ лазаретѣ сегодня утромъ. Я еще не успѣла прочесть газеты. Взяты *Броды*, — какая удача! —

прямая линія на *Львовъ,* и начать *прорывъ,* — приближается хорошее, какъ сказалъ нашъ Другъ. Я такъ счастлива за тебя — это большое утѣшеніе и награда за всѣ твои испытанія. А что наши потери? Я сердцемъ и душой съ тобой тамъ.

Это хорошо, что ты позволилъ Ники[1] выговориться до конца, это, навѣрное, его успокоило, я въ самомъ дѣлѣ думаю, что другія державы не поступили благородно по отношенію къ Греціи, хотя это гнилая страна. Тяжелый воздухъ, дождь помогъ, былъ маленькій ливень, это принесетъ счастье Анѣ, — ей сегодня 32 года. Она проситъ извинить кляксы, которыя она надѣлала въ своемъ письмѣ. Теперь она уѣхала въ Финляндію до завтрашняго вечера.

У меня *докладъ* Витте въ половинѣ шестого, а завтра *Штюрмеръ,* съ которомъ я должна серьезно поговорить насчетъ новыхъ министровъ. Какое несчастье, что выбрали *Макарова* (опять врагъ твоей бѣдной старой женки, это не приноситъ счастья). Мнѣ нужно обезопасить нашего Друга отъ нихъ и *Питирима* также. *Волжинъ* поступаетъ такъ неправильно, — *Пит*(иримъ) выбираетъ того, кто долженъ быть во главѣ его *лавры,* а *Волжинъ* запрещаетъ, у него нѣтъ права такъ поступать.

Прощай, мой единственный, мое все, мой милый муженекъ, мое дорогое солнце. Цѣлую и благословляю тебя съ нѣжной глубокой преданностью.

Твоя собственная.

№ 314.

Царское Село, 16 іюля 1916 г.

Моя родная птичка,

Цѣлую тебя за твою дорогую карточку, которую я сегодня получила. Итакъ, гвардія уже принимала участіе. *Таубе* очень интересовался и хотѣлъ обо всемъ узнать. Количество взятыхъ плѣнныхъ опять великолѣпно. Моя душка, не можешь ли ты мнѣ дать знать, гдѣ теперь мои сибиряки, одинъ изъ моихъ офицеровъ туда возвращается черезъ нѣсколько дней, и онъ не знаетъ, куда ему ѣхать, и всегда столько времени теряется въ поискахъ полка, и я думаю, что можетъ быть ты знаешь, — не сообщишь ли ты.

Мы только что крестили внука *Ломана* — чудный мальчикъ. Старый *Сиротининъ* и я были крестными родителями. Дождь льетъ во всю, такъ что мы сдѣлаемъ доброе дѣло и поѣдемъ въ какой нибудь лазаретъ. Утромъ мы были въ нижнемъ госпитальномъ храмѣ, а потомъ

---

[1] Греческій королевичъ, прибывшій 8 іюля въ Петербургъ.

работали. Сегодня будемъ въ *Феод. Соборѣ,* а потомъ вечеромъ въ лазаретѣ.

Какова то погода на фронтѣ. Барометръ порядочно упалъ.

Я получила длинное письмо отъ Ольги, она говоритъ, что Мамаша здорова, въ хорошемъ настроенiи, что ей нравится *Кiевъ,* и она не говоритъ объ отъѣздѣ; она ее видитъ рѣдко и очень много работаетъ уже три мѣсяца. Черезъ три или четыре дня ея другъ возвращается на фронтъ, и она уже думаетъ объ этомъ съ отчаянiемъ. Онъ прiѣзжалъ на ея именины, — онъ гдѣ то былъ съ лошадьми послѣднiе два мѣсяца. Какъ газеты нападаютъ на *Сазонова,* ему это должно быть непрiятно послѣ того, какъ онъ воображалъ, что его такъ высоко цѣнятъ. Бѣдный длинный носъ!

Теперь, мое солнышко, прощай, Богъ да благословитъ и защититъ тебя отъ всякаго зла.

Навсегда твоя старая «Солнышко».

№ 315.

Царское Село, 18 iюля 1916 г.

Мой родной, милый ангелъ,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Сегодня уже два года войны, — страшно объ этомъ подумать. Такъ какъ сегодня также день памяти *св. Серафима,* у насъ будетъ служба въ маленькой церкви внизу. Вчера вечеромъ пришелъ Кириллъ съ двумя телеграммами, которыя я для тебя переписала, — потому что Н. П. ему сказалъ, что я всегда хотѣла бы знать все про нихъ.

Мы читали съ большимъ волненiемъ. Хотѣла бы знать, кто эти 16 человѣкъ, которые были убиты, — слава Богу, потери невелики. *Вообще,* давай мнѣ, пожалуйста, знать во всѣхъ случаяхъ, когда ты будешь получать списки убитыхъ или раненыхъ, — такъ какъ всѣ семьи телефонируютъ ко мнѣ и спрашиваютъ извѣстiй. Тамъ находится нѣсколько нашихъ поѣздовъ, — ранено множество офицеровъ 4-го Стрѣлковаго (полка). Ждешь съ такой тревогой.

Только что у меня былъ Апраксинъ, — я ему сказала, что онъ скоро можетъ проѣхать черезъ *Ставку,* чтобы повидать разныхъ генераловъ, съ которыми приходится имѣть дѣло ему, *Мекку* и мнѣ.

Сегодня было много ливней. Къ сожалѣнiю, я больше не могу писать. Мы вчера были у тети Ольги, она была очень мила, — спрашивала про тебя.

Богъ да благословитъ и защититъ тебя, нѣжно цѣлую тебя, мое Солнышко. Твоя собственная.

№ 316.

Царское Село, 19 іюля 1916 г.

Мой родной,

Всѣ мои мысли и самыя нѣжныя молитвы были съ тобой сегодня утромъ въ *Пещерномъ* храмѣ. Мы заказали для тебя службу, а потомъ была служба въ большой церкви и *крестный ходъ*, и праздничный завтракъ въ дѣтскомъ лазаретѣ. Сегодня у насъ было меньше *перевязокъ.* Твой посланецъ пришелъ поздно, — нѣжно благодарю тебя, моя душка, за твою милую карточку.

Опять стало совсѣмъ холодно, только 8 градусовъ и отъ времени до времени проливной дождь. *Штюрмеръ* со мной говорилъ по польскому вопросу, — въ самомъ дѣлѣ приходится быть очень осторожнымъ — ты знаешь, я люблю Замойскаго, но я знаю, что онъ интриганъ, такъ что надо хорошенько взвѣсить этотъ серьезный вопросъ.

Я глубоко сожалѣю, что тебя заставили вновь назначить митрополита Владиміра на лѣтнюю сессію *Синода,* — слѣдовало назначить *Питирима. Влад.*[1] принадлежитъ *Кіеву* и былъ здѣсь только въ теченіе одной недѣли за всѣ эти мѣсяцы. Онъ нашимъ во всемъ вредитъ. *Питиримъ* не можетъ въ своемъ собственномъ городѣ ничего сдѣлать. Обо всемъ надо спрашивать Влад., такъ что духовенство не знаетъ, кто же хозяинъ, и по отношенію къ нему это очень неправильно. Другой митрополитъ имѣлъ бы тактъ оставаться больше въ *Кіевѣ;* слѣдовало бы что нибудь сдѣлать для этого бѣдняжки. Теперь должна кончать. Сердцемъ и душой съ тобой. Два года этой ужасной войны! Богъ да благословитъ и поможетъ тебѣ. Тысячу нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ твоей родной старой женки.

№ 317.

Царское Село, 20 іюля 1916 г.

Моя душка,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Вчера я видѣла *Влад*(иміра) *Ник*(олаевича) и была рада получить извѣстія о васъ всѣхъ. Онъ предполагаетъ спокойно остаться здѣсь, такъ какъ въ лазаретѣ много дѣла, и мы каждый день ожидаемъ новыхъ поѣздовъ.

Холодно и сѣрая погода, хотя барометръ подымается, — это мнѣ напоминаетъ осень. Мы обѣдаемъ въ кофточкахъ, потому что въ комнатахъ уныло. О(льга) и Т(атьяна) поѣхали въ городъ для *пожертво-*

[1] Митрополитъ Владиміръ. Въ газеты проникло извѣстіе, что митр. Владиміръ на лѣтнюю сессію не будетъ назначенъ.

ваній. Ники просилъ разрѣшенія повидаться со мной; вѣроятно, я его пріиму завтра, если онъ не у *Штюрмера.* Вчера я видѣла Воейкова, отъ котораго воняло сигарой; онъ полонъ своихъ милліоновъ и построекъ и, какъ всегда, самоувѣренъ, — абсолютно увѣренъ, что война кончится къ ноябрю и теперь въ августѣ будетъ начало конца, — онъ меня раздражаетъ. Я ему сказала, что Богъ единый знаетъ, когда наступитъ конецъ, и что многіе говорили будто это произойдетъ въ ноябрѣ, но я сомнѣваюсь. Во всякомъ случаѣ глупо быть всегда такимъ легкомысленно-самоувѣреннымъ, какъ онъ.

Убитъ сынъ стокгольмскаго Неклюдова *(Преображенецъ)* и сынъ дяди *Мекка.* Это такъ грустно. Извини это скучное письмо, но у меня голова порядочно болитъ. Не забудь послать телеграмму Miechen 22-го.

Прощай, мой милый ангелъ, мое Солнышко, моя радость. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями.

Навсегда твоя родная, старая

«Солнышко».

№ 318.

Царское Село, 21 іюля 1916 г.

Мое родное сокровище,

Опять сѣрая и прохладная погода и барометръ падаетъ, — право, хочется спросить, куда дѣвалось лѣто, мы такъ мало его видѣли. Вчера вечеромъ въ 10 часовъ прибылъ поѣздъ Анастасіи, и я вмѣстѣ съ ней осмотрѣла его весь. Масса очень тяжело раненыхъ, — они были безконечно долго въ пути. Было нѣсколько ея *Каспійцевъ.* Внукъ *Арапова,* — двоюродный братъ того, который у насъ былъ два мѣсяца тому назадъ. Солдаты изъ финскихъ полковъ и т. д. Небольшое число *Бѣломорцевъ,* увѣшанныхъ крестами — всѣ съ австрійскаго фронта. Я дала медали наиболѣе тяжело раненымъ, многіе изъ нихъ будутъ отправлены въ *Павловскъ,* въ лазаретъ тети Ольги. Мы хотимъ расширить нашъ маленькій лазаретъ, такъ чтобы имѣть возможность всегда помѣщать 35 офицеровъ, — теперь шесть изъ нихъ лежатъ въ палатѣ, которая была устроена для солдатъ (гдѣ лежала Аня). Мы хотимъ построить флигель съ комнатой для 20 людей, прибавить ванную и комнаты для санитаровъ, — они могутъ скоро это сдѣлать, — прошлой осенью мы прибавили большую гостиную. Раненые охотно спускаются къ намъ внизъ, и было бы жаль не подумать о нихъ.

Прежде мы работали также въ большюмъ домѣ, — а здѣсь болѣе уютно.

Вильчк(овскій) и *Данини* придутъ сегодня утромъ съ планами, и всѣ уже глубоко этимъ заинтересованы. Лазаретъ сталъ для всѣхъ такимъ роднымъ и тѣмъ болѣе съ тѣхъ поръ, какъ мы проводимъ съ ними вечера. Я кончу это письмо послѣ завтрака. Теперь я должна отправиться въ *Знаменье* и приняться за нашу работу. Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силы опять быть полезной; — такое утѣшеніе находишь въ работѣ.

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Телеграмма нашего Друга утѣшительна, — грустно, что въ іюлѣ этотъ постоянный дождь и холодъ, это опять не дастъ возможности подвигаться. Все же я выѣзжаю прокатиться, такъ какъ у меня голова тяжела. Я думаю, тебѣ слѣдовало бы отвѣтить на первый вопросъ Ольги, что она должна написать милое любезное письмо княгинѣ (княжнѣ), такъ какъ она ее такъ любитъ, и это ее меньше огорчитъ, исходя прямо отъ нея, — чтобы поблагодарить ее за ея многолѣтнюю службу и сказать, что теперь ей больше не будетъ нужна гофмейстерина, и что она должна поэтому съ ней разстаться[1]. Хотя вѣдь она остается великой княгиней и ей отъ времени до времени можетъ понадобиться придворная дама, — она не захочетъ появляться въ оффиціальныхъ случаяхъ, но все же могутъ быть поводы послѣ войны и, когда наши дѣти выйдутъ замужъ и т. д., — тогда Мамаша можетъ ей кого нибудь одолжить, — я предполагаю, что она, навѣрное, съ ней объ этомъ вопросѣ переговорила — понятно, она должна прежде всего спросить ея совѣта.

Ники завтра придетъ къ чаю, — теперь онъ съ *Штюрмеромъ*. У насъ были свѣдѣнія объ *Едигаровѣ;* представь себѣ, командиръ не разрѣшилъ ему пріѣхать въ Россію даже для того, чтобы найти себѣ занятіе, но теперь онъ пріѣзжаетъ. Онъ не хотѣлъ давать ему твой эскадронъ, и это было самымъ большимъ ударомъ, такъ какъ онъ по праву долженъ былъ его получить.

Что мнѣ ему предложить? Перейти къ моимъ *Крымцамъ,* или еще что нибудь? Что ты посовѣтуешь?

Теперь должна кончать. Поздравляю тебя съ именинами Мамаши и нашей большой Мари. Не забудь Минни и маленькую Мари Т.

Богъ да благословитъ тебя. Тысячу горячихъ поцѣлуевъ отъ твоей собственной, родной.

---

[1] Рѣчь идетъ о предстоявшемъ второмъ (морганатическомъ) бракѣ Ольги Александровны.

№ 319.

Царское Село, 22 іюля 1916 г.

Мой дорогой,

Вотъ опять ливень. Нѣжно благодарю тебя, моя душка, за твое письмо, которое я была такъ счастлива получить. У насъ была служба въ *Феодор. Соборѣ.* Графиня *Воронцова,* графиня *Бенк*(ендорфъ), княгиня *Долгор*(укова), м-мъ *Нилова, Дедюлина* и наши дамы были тамъ. Теперь у меня будетъ *Велеп.* [1] Я этого нѣсколько боюсь, потому что я увѣрена, что я не буду съ нимъ вполнѣ согласна, — я думаю, что было бы разумнѣе немного подождать, но во всякомъ случаѣ не давать слишкомъ большихъ свободъ, иначе, когда придетъ чередъ Беби, ему придется пережить тяжкія времена.

Потомъ мы были въ лазаретѣ М(аріи) и А(настасіи) на концертѣ, дѣлали визитъ Михенъ; къ чаю былъ Ники, потомъ *Штюрмеръ,* — въ промежуткѣ Аня, — и изъ лазарета меня просили вечеромъ придти, и мнѣ бы хотѣлось; это единственная вещь, которая мнѣ помогаетъ теперь, что тебя здѣсь нѣтъ. Все же я знаю, что Аню это огорчаетъ, — хотя у нея сестра Аля лежитъ въ ея домѣ больная, и она могла бы, понятно, больше сидѣть съ ней, мнѣ кажется. Прости мнѣ, поэтому, такое короткое письмо, я очень тороплюсь, и меня засуетили. (Я этого не люблю).

Покрываю тебя поцѣлуями и считаю минуты, остающіяся до нашего свиданія. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и защититъ отъ всякаго зла. Я всегда тоскую и жажду тебя.

Навсегда твоя родная собственная.

Я постараюсь какъ можно лучше дѣйствовать относительно старика.

№ 320.

Царское Село, 23 іюля 1916 г.

Моя родная птичка,

Отъ всего сердца благодарю тебя за твое милое письмо. Да, я также съ искренней радостью жду нашего свиданія въ среду.

Какая милая телеграмма отъ Тино, — я ему также писала, Ники меня объ этомъ просилъ. Онъ [2] былъ очень доволенъ своимъ разговоромъ съ *Штюрмеромъ.* Вчера былъ утомительный день. Церковь, *Велеп.,* посѣщеніе дѣтскаго лазарета, Михенъ, Ники, *Штюрмеръ,* до половины восьмого. Аня обѣдала и осталась со мной до десяти,

[1] Велепольскій.
[2] Ники.

потомъ въ нашъ лазаретъ. Холодно, сѣро и вѣтряно. Мы должны поѣхать въ большой дворецъ на концертъ, а до того я хочу покататься. Мы ждемъ поѣздовъ. Мы прежде работали въ большомъ домѣ, и тамъ у насъ была масса народу, — а здѣсь будетъ лучше, близко отъ насъ. Фредериксъ не могъ придти къ завтраку, онъ нездоровъ. Бенкендорфъ также еще не поправился. Я рада, что тебѣ нравится милый старый *Максимовичъ*.

Теперь, мой милый ангелъ, моя птичка, покрываю тебя жгучими поцѣлуями и остаюсь твоя старая

«Солнышко».

Конфеты Ани будутъ готовы только завтра, она проситъ извиненія.

№ 321.

Царское Село, 24 іюля 1916 г.

Моя родная душка,

Отъ всего нѣжнаго сердца благодарю тебя за твое милое письмо. Поѣздъ (Гвардія — перечеркнуто. Ред.) (я рамоли), привезшій большею частью гвардейскихъ офицеровъ и солдатъ, прибылъ сегодня, и мы его осматривали, тамъ было также два матроса, — нѣкоторые остались здѣсь, другіе поѣхали дальше въ городъ. Бѣдная чета *Веревкиныхъ (бывшій губернаторъ Ковно—преображенецъ)*, они пришли, чтобы встрѣтить тѣло сына. У насъ была служба въ лазаретѣ и потомъ мы дѣлали *перевязки* — совсѣмъ безъ докторовъ, такъ какъ они были всѣ заняты, оперируя наверху одну даму. Наконецъ, чудная погода! Нашъ Другъ ее привезъ, Онъ пріѣхалъ въ городъ сегодня утромъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю свидѣться съ Нимъ до нашего отъѣзда.

Мнѣ кажется, что А. (Аня) болѣе чѣмъ огорчена, что я ее этотъ разъ не беру, хотя она словами этого не выражаетъ, — но Онъ пріѣхалъ, и Аля больна у нея въ домѣ, и вообще въ этотъ разъ не зачѣмъ ей ѣхать. Я думаю, что мои частыя вечернія посѣщенія лазарета ее сердятъ, но, право, вѣдь ея сестра тамъ и больна, съ ней бы слѣдовало посидѣть, — а я въ лазаретѣ забываю свое одиночество и страданія, и они насъ всѣхъ такъ согрѣваютъ.

Граббе съ нами ѣдетъ, я въ восторгѣ, такъ какъ Настенька и *Ресинъ* скучны. Милый ангелъ, прощай. Богъ да благословитъ и защититъ тебя.

Навсегда твоя родная, безконечно любящая, старая женка.

Тысяча поцѣлуевъ. На дорогу ожидаю Беккеръ. Какая гадость!

№ 322.

25 іюля 1916 г.

Мой дорогой, любимый муженекъ,

Перемѣнная погода, по временамъ чудное солнце, а потомъ опять такія темныя тучи! Я сегодня съ утра лежу въ постели, такъ какъ сердце сильно расширено, я его чувствовала всѣ эти дни, — я переутомилась, — поэтому сегодня я не двигалась и только вечеромъ буду у Ани, чтобы повидать нашего Друга. Онъ находитъ, что было бы лучше не наступать слишкомъ настойчиво, такъ какъ потери будутъ чрезмѣрно велики, — можно быть терпѣливымъ и ничего не форсировать, такъ какъ въ концѣ концовъ мы все получимъ; можно наступать очертя голову и закончить войну въ два мѣсяца, но тогда тысячи жизней будутъ принесены въ жертву, а терпѣніемъ также дойдешь до цѣли и не будетъ пролито столько крови.

Я привезу *Боткина*, такъ какъ онъ опасался отпустить меня теперь одну. Передъ Б.[1] я всегда чувствую себя хуже, — и потомъ я въ послѣднее время порядочно волновалась по поводу назначенія *Макарова* и польской исторіи и т. д. — Безконечно благодарю тебя за твое дорогое письмо, — это также мое послѣднее тебѣ. Аня ходитъ по комнатамъ съ длиннымъ лицомъ и стала агрессивной, — лазаретъ ее раздражаетъ, потому что я часто провожу тамъ свои вечера (я тамъ отдыхаю отъ разговоровъ и мнѣ нужно видѣть другія лица, когда у меня на сердцѣ тяжесть отъ заботъ и одиночества, — очень, очень грустно безъ васъ обоихъ, а она, бѣдняжка, не всегда умѣетъ меня подбодрить, — я предпочитаю не говорить объ отсутствующихъ и не вспоминать о прошломъ, и не плакать надъ тѣмъ, чего не можетъ быть: — наши интересы обыкновенно различны. (Когда ея «предметъ», этотъ *караимъ*, былъ здѣсь и ласкалъ ее, она вела себя отлично.) Но все же мы ладимъ, а теперь я ея не беру, и, понятно, она очень обижена, забываетъ, что ея сестра больна у нея въ домѣ и что *Гр*(игорій) здѣсь.

Теперь идетъ дождь. Богъ дастъ черезъ два дня мы будемъ вмѣстѣ... Тысячу поцѣлуевъ и благословеній отъ твоей любящей старой женки.

Мы будемъ завтракать въ поѣздѣ? И если у меня сердце будетъ плохо, я могу обѣдать также дома, да?

---

[1] «Беккеръ».

№ 323.

Царская Ставка, Поѣздъ, 3 августа 1916 г.[1]

Мой любимый ангелъ,

Увы, день отъѣзда опять насталъ, но я благодарю Бога за эту счастливую, спокойную недѣлю. Теперь я могу вернуться съ новой силой къ моей работѣ и жить сладкимъ воспоминаніемъ о твоей нѣжной любви. Очень тяжело оставлять тебя одного съ твоей тяжелой отвѣтственностью и съ самой утомительной работой, — такъ хотѣлось бы быть тебѣ полезной!

Мнѣ хотѣлось бы защитить тебя отъ излишнихъ волненій и непріятностей, но часто мнѣ самой приходится приносить тебѣ скучныя бумаги, — дѣлать нечего. Любимый мой, Богъ всемогущій пусть дастъ тебѣ мудрость и успѣхъ, а другимъ — терпѣніе, чтобы они не спѣшили впередъ и не портили всего излишними потерями, — упорно впередъ, твердо шагъ за шагомъ и не бросаясь съ тѣмъ, чтобы потомъ опять возвращаться обратно, это гораздо хуже. Если только *Алексѣевъ* принялъ образъ, посланный нашимъ Другомъ въ надлежащемъ духѣ, то Богъ, навѣрное, благословитъ его работу съ тобой. Не бойся называть имя *Гр*(игорія), говоря съ нимъ, — благодаря Ему ты остался твердъ и годъ тому назадъ принялъ командованіе, когда всѣ были противъ тебя, скажи ему это и онъ пойметъ тогда Его мудрость, — и разскажи о многихъ удивительныхъ случаяхъ, когда спасались чудесно, кто Его знаетъ и о комъ Онъ молился во время войны, не говоря уже о Беби и Анѣ.

Милый мой, сердцемъ и душой остаюсь съ тобой и люблю тебя страстно. Богъ да благословитъ тебя и дорогого Беби много разъ, — вы мнѣ оба будете страшно недоставать и, увы, вы сами опять почувствуете ваше одиночество. Покрываю тебя горячими нѣжными поцѣлуями, солнце жизни моей, — и остаюсь твоей родной старой женкой.

Спите хорошо, обоихъ васъ крѣпко держу въ своихъ объятіяхъ.

№ 324.

Царское Село, 4 августа 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Уже десять часовъ, но я тѣмъ не менѣе хочу начать письмо къ тебѣ, завтра я буду такъ занята. Мы благополучно доѣхали, и сердце мое вело себя прилично. Я только пила чай съ другими, завтракала и обѣдала въ

[1] За время пребыванія Государыни въ Царской Ставкѣ командующій сѣв. арміями ген. Куропаткинъ назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ.

своемъ отдѣленіи, — все время лежала и вышивала, а мысли мои были съ вами обоими, моими сокровищами, и я вновь переживала эту счастливую мирную недѣлю. Теперь я одна въ моей большой пустой спальнѣ, только осталась твоя подушка, которую я благословляю и цѣлую. Чудная луна и такъ тихо, — сегодня великолѣпная погода и не слишкомъ жарко.

Аня провела съ нами вечеръ, — она за эту недѣлю похудѣла, выглядитъ утомленной и видно, что она много плакала. Она едва говорила, только послѣ того, какъ дѣвочки пошли спать. Въ понедѣльникъ она уѣзжаетъ съ нашимъ Другомъ и милой Лили въ *Тобольскъ*, чтобы помолиться передъ мощами новаго святого. Она въ отчаяніи, что уѣзжаетъ такъ далеко безъ твоего благословенія и какъ разъ когда я вернулась, но Онъ хочетъ, чтобы она теперь поѣхала, находитъ, что это самый лучшій моментъ.

Онъ спрашиваетъ, правда ли то, что пишутъ газеты, что будетъ *освобожд.* (освобожденіе) *военно-плѣнныхъ славянъ.* Онъ надѣется, что это неправда, такъ какъ это была бы большая ошибка (пожалуйста, отвѣть на этотъ вопросъ). Онъ огорченъ тѣмъ, что говорятъ будто Гучковъ и *Родзянко* отправились, чтобы распоряжаться сборомъ мѣди. Правда-ли это? Онъ говоритъ, что слѣдовало бы отнять у нихъ инициіативу, такъ какъ это не ихъ дѣло. Онъ проситъ тебя быть очень суровымъ съ генералами, которые совершаютъ промахи. Видишь ли, со всѣхъ стороны страшно кричатъ противъ *Безобразова*, что онъ далъ уничтожить гвардію, — что *Лешъ* въ теченіе пяти дней подрядъ давалъ Б. приказанія наступать, а онъ все откладывалъ, а потомъ изъ за своего упрямства все потерялъ. Раненые стрѣлки и другіе не скрываютъ своего гнѣва.

Аня получила очень интересное, но печальное письмо отъ Н. П., — онъ также пишетъ о томъ, что они дѣлали, — но съ отчаяніемъ говоритъ о генералахъ — *Без*(образовѣ) — они ничего не знаютъ, онъ приказалъ гвардіи наступать тамъ, гдѣ болота завѣдомо непроходимы, а другія болота, черезъ которыя можно было очень хорошо пройти, имъ было приказано избѣгнуть. Онъ говоритъ, что у него самыя скверныя впечатлѣнія, его огорчаетъ, что онъ долженъ меня опечалить, но проситъ ее мнѣ это разсказать. Здѣсь всѣ надѣются, что ты перемѣнишь *Без*(образова), — я надѣялась на это съ самаго начала; навѣрное, нетрудно найти ему преемника, по крайней мѣрѣ такого, который не будетъ упрямъ, какъ мулъ. Гвардія ему никогда не проститъ и не будетъ довольна, если ты за него будешь стоять и если онъ воспользуется своимъ положеніемъ стараго сослуживца. Прости, но чѣмъ болѣе я объ этомъ спокойно думала въ поѣздѣ и припоминала все, что писалъ Павелъ и что говорили Дмитрій и другіе, я добросовѣстно

нахожу, что онъ долженъ былъ бы быть уволенъ и это было бы блестящимъ примѣромъ твоей мудрости. Вѣдь, онъ преступно пожертвовалъ твоей особой гвардіей, — и онъ опять будетъ несогласенъ съ *Лешомъ* и *Брусиловымъ,* — ты по добротѣ своей спасъ его послѣ прошлогодней исторіи и далъ ему блестящую возможность, которую онъ постыдно упустилъ, — нельзя такъ дѣйствовать безнаказанно. Пусть онъ пострадаетъ, а другіе будутъ спасены этимъ примѣромъ. Я сожалѣю, что я не говорила болѣе сильно въ *Ставкѣ* и что я не говорила съ Алексѣевымъ, — твой престижъ будетъ спасенъ или скажутъ, что ты слабъ и не постоялъ за свою гвардію, которую ты всегда любилъ, — нельзя же рисковать новой катастрофой. Генералы знаютъ, что у насъ еще есть въ Россіи достаточно людей и не заботятся объ ихъ жизняхъ, — но эти были такъ великолѣпно подготовлены, — и все даромъ, — я знаю, какъ ты изъ за этого страдалъ, — но будь благоразуменъ, моя душка, — послушайся старой женки, она вѣдь только думаетъ о твоемъ добрѣ и знаетъ, что это правильный шагъ — *пускай Алекс. думаетъ иначе*, — но лучше его[1] совсѣмъ уволить, такъ какъ ты сказалъ, что строгій выговоръ заставитъ его нервничать, — сдѣлай это ради твоей храброй гвардіи и всѣ тебя за это поблагодарятъ, они слишкомъ глубоко огорчены его опрометчивостью, благодаря которой всѣ ихъ люди были перебиты.

А. (Аня) передала нашему Другу то, что я разсказала про отчаяніе *Сандро*[2], и это Его очень разстроило. У Него былъ длинный разговоръ съ *Секретевымъ*[3] по этому поводу, и Онъ говоритъ, что у *Секретева* есть очень много вещей, которыя можно было бы прекрасно использовать для оборудованія аэроплановъ. Не хочешь ли ты послать за нимъ, чтобы переговорить по этому поводу, или пошли его къ *Сандро*, чтобы съ нимъ обсудить этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ было бы удачно, если бы они могли найти способъ здѣсь выдѣлывать принадлежности для аэроплановъ.

Прости меня, если мое первое письмо уже касается дѣловыхъ вопросовъ, — но все, что имѣетъ отношеніе къ арміи, такъ жизненно, для насъ и мы живемъ для этого.

Слѣдя за часами, я переживаю съ тобой все, что ты дѣлаешь цѣлый день, родная моя птичка. Еще только вчера мы были вмѣстѣ, и кажется теперь, что уже много времени прошло. Не забылъ ли ты насчетъ отсрочки призыва молодыхъ солдатъ до 15 сентября[4], если возможно, такъ чтобы они могли вездѣ окончить полевыя работы. Иза пріѣхала на

[1] Безобразова.
[2] В. Кн. Александръ Михайловичъ.
[3] Генералъ Секретевъ, завѣдывавшій автомобильной частью.
[4] 8 августа указъ объ отсрочкѣ состоялся.

станцію, но все еще выглядитъ нездоровой, — Трина еще остается въ своей комнатѣ, она простужена. Была м-мъ Зизи и спрашивала откуда мы пріѣхали... Была также княгиня *Палѣй*, — безъ вуали, но я ее не поцѣловала. Поздравляю тебя съ праздникомъ *Преображенцевъ*[1], мой единственный и мое все.

5-ое. Такъ нѣжно благодарю тебя за твое дорогое письмо. Да, радость быть вмѣстѣ — невѣроятна, и я живу теперь воспоминаніями. Для тебя теперь еще хуже, бѣдный, дорогой ангелъ.

Опять чудная погода, я заснула послѣ трехъ. Работала въ лазаретѣ, масса новыхъ лицъ. Кн. *Гедройцъ*, *Таубе* и *Емельяновъ* тронуты и благодарятъ за привѣтъ. Прилагаю бумагу насчетъ милаго *Манухина*[2]. *Боткинъ* опять за него проситъ. А *Макаровъ* дѣйствуетъ несправедливо.

Аня получила телеграмму отъ Н. П., что онъ будетъ въ *Ставкѣ* около двѣнадцатаго. Милушка, я хочу пойти къ святому причастію въ этотъ постъ, вѣроятно, въ понедѣльникъ утромъ, такъ какъ сегодня вечеромъ будетъ служба, завтра утромъ и вечеромъ, въ воскресенье утромъ и потомъ я еще закажу двѣ службы, — это будетъ большимъ утѣшеніемъ. Аня въ понедѣльникъ уѣзжаетъ, — она не знаетъ, какъ долго продлится поѣздка. Не пошлешь ли ты ей карточку съ пожеланіями и благословеніемъ на дорогу, но только тогда напиши во время. Чудная погода, мы завтракаемъ на балконѣ.

Я сейчасъ принимаю одну даму, а потомъ *Мекка* и Апраксина, который въ четыре часа уѣзжаетъ на фронтъ. Душка, ты не забудешь насчетъ *наградъ* для раненыхъ бомбами, сброшенными съ аэроплановъ. Аня благодаритъ за подстаканникъ. Прощай, мое солнышко, моя радость. Мысленно прижимаю тебя нѣжно къ моему сердцу, покрываю горячими поцѣлуями. Богъ да благословитъ и укрѣпитъ тебя, поможетъ во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ. Подумай о *Безобразовѣ*.

Навсегда, мой ангелъ, твоя родная

«Солнышко».

№ 325.

Царское Село, 6 августа 1916 г.

Моя родная душка,

Нѣжно благодарю тебя, мой ангелъ, за твое дорогое письмо. Да, велика радость быть вмѣстѣ и такъ больно чувствуешь разлуку. Ахъ, твои нѣжныя ласки и большіе печальные глаза при разставаніи всегда меня преслѣдуютъ. Это хорошо, что мы опять сможемъ дожидаться хо-

---

[1] 6-го Августа.

[2] Очевидно, докторъ И. И. Манухинъ.

рошихъ временъ, бѣдная Аня надѣется къ тому времени вернуться или же она можетъ захватить насъ въ *Ставкѣ*, это ее разсѣетъ, а кромѣ того, тамъ будетъ Н. П., и мы снова будемъ всѣ вмѣстѣ. Не забудь дать ему яхту, это будетъ хорошимъ основаніемъ для него — не быть на фронтѣ, и онъ вѣдь долженъ былъ ее получить. Опять чудная погода, такъ что я останусь днемъ на балконѣ. У меня будутъ четыре офицера, м-ръ Гиббсъ и князь Голицынъ съ *докладомъ,* а потомъ я должна повидаться съ Ники — ну, вотъ я не могла докончить, они пришли одинъ за другимъ, а теперь фельдъегерь долженъ уѣхать. Ники просилъ поблагодарить тебя еще и еще разъ за все.

Любимый мой, у насъ сегодня была всенощная въ Ф. С.[1], сегодня вечеромъ опять, сегодня утромъ въ нашемъ *Пещ. Хр*(амѣ) и завтра утромъ въ нижней лазаретной церкви. Я надѣюсь въ понедѣльникъ утромъ быть у святого причастія, — сердцемъ и душой прошу тебя простить меня, мой единственный, мое все, за всякое слово или дѣло, которыми я невольно тебя, быть можетъ, огорчила; я такъ рада причаститься, я жажду этого нравственнаго укрѣпленія. Столько приходится переживать и такъ много тратить силъ. Исповѣдь въ воскресенье вечеромъ въ десять — можетъ быть Аня также придетъ, — иначе я буду одна, дѣвочкамъ сейчасъ не хочется говѣть. Прощай, мой милый ангелъ, сегодня я увижу нашего Друга у нея въ домѣ, поговори о Немъ съ м-ръ Гиббсъ. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, благословляю еще и еще разъ.

Навсегда твоя, глубоко любящая и тоскующая по тебѣ старая женка. . . . .

Я просила Аню выписать для тебя то, что было интереснаго въ письмѣ ея брата.

№ 326.

Царское Село, 7 августа 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Отъ всей души благодарю тебя за твое милое письмо. Я понимаю, что тебѣ трудно писать, когда у тебя такъ много дѣла.

Сѣрый день — немного шелъ дождь. Вчера вечеромъ я видѣла нашего Друга въ маленькомъ домѣ. Онъ посылаетъ тебѣ эти цвѣты —и свою любовь. Они уѣзжаютъ во вторникъ вечеромъ. Аня и я идемъ къ исповѣди въ десять, а завтра утренняя служба въ девять въ нашемъ *Пещерномъ Храмѣ,* — я буду особенно за тебя молиться, мой единствен-

[1] Федоровскомъ Соборѣ.

ный, мое все, и нести тебя въ своей душѣ. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями и посылаю тебѣ мою безконечную любовь.

Какія извѣстія съ фронта? Довольно спокойно?

Извини это короткое скучное письмо, но у меня больше нѣтъ времени. Посылаю тебѣ «свѣчи»[1] — какъ непріятно, что ты опять страдаешь.

Прощай, мое дорогое Солнышко. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Навсегда твоя нѣжно любящая старая

«Солнышко».

№ 327.

Царское Село, 8 августа 1916 г.

Мой любимый,

Горячо благодарю моего ангела за милое письмо. Какъ скучно, что тебѣ приходится видѣть столько народа. Сегодня колоссальная жара и такой тяжелый воздухъ, — но есть также маленькій вѣтерокъ, я не буду выѣзжать, предпочитаю оставаться спокойно дома.

Было большимъ утѣшеніемъ и такимъ успокоеніемъ пойти къ святому причастію, — я васъ обоихъ несла въ глубинѣ моей души. Мнѣ гораздо легче молиться въ нашей крошечной церкви внизу. Оттуда мы прямо отправились въ лазаретъ, гдѣ мнѣ дали стаканъ чаю и потомъ я дѣлала свои *перевязки*. Работы по закладкѣ фундамента нашего новаго флигеля подвигаются хорошо, — надѣюсь, что онъ будетъ готовъ къ концу октября. Въ среду, 10-го, будетъ вторая годовщина нашего лазарета, и всѣ очень хотятъ, чтобы онъ былъ названъ *собственный Е. В. лазаретъ № 3*, такъ какъ всегда путаютъ *дворцовый лазаретъ и лазаретъ Большого Дворца.*

Хотѣла бы знать, что ты предпринялъ по поводу гвардіи, — будутъ ли они теперь нѣкоторое время отдыхать. Нашъ Другъ надѣется, что мы не станемъ переходить Карпаты и не попытаемся овладѣть ими, такъ какъ Онъ повторяетъ, что потери опять будутъ слишкомъ велики.

Чебыкинъ будетъ у меня, чтобы сговориться насчетъ лазарета въ новыхъ казармахъ третьяго стрѣлковаго полка.

Теперь я должна кончать. Прощай, мое дорогое сокровище, мой единственный, мое все, мое милое Солнышко. Покрываю тебя горячими поцѣлуями. Богъ да благословитъ тебя. Навсегда твоя родная старая женка.

[1] Рѣчь идетъ о лекарственномъ препаратѣ.

№ 328.

Царское Село, 9 августа 1916 г.

Мой любимый,

Я такъ нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Я попрошу нашего Друга особенно помолиться 14 и 15, чтобы благословить наше начинаніе. Они уѣзжаютъ изъ города въ семь. Льетъ дождь и свѣтитъ солнце.

Она[1] извиняется, что она такъ оффиціально отвѣтила на твою телеграмму, но дѣло въ томъ, что ея мать была при этомъ. Я ожидаю Кауфмана, такъ какъ хочу послать *отрядъ съ нашими войсками во Францію,* и Алексѣевъ на это былъ согласенъ.

Моя душка, я забыла, какое мѣсто занимаетъ *Зеленецкій* въ качествѣ помощника Кирилла, поговори съ нимъ и обдумай этотъ вопросъ. *Чебыкинъ* былъ вчера очень милъ и готовъ былъ помочь, — и такимъ образомъ я получу еще другой флигель для лазарета *Алексѣя* (бывшая академія).

У нашего Друга была хорошая, продолжительная и пріятная бесѣда съ *Штюрмеромъ,* — Онъ его просилъ, бывать у меня каждую недѣлю. Теперь я должна кончать, меня дожидается *Зыкова.* Всегда есть кто нибудь, приходится писать второпяхъ. Прощай, мое милое сокровище, покрываю тебя нѣжными, страстными поцѣлуями и остаюсь твоей нѣжно любящей старой женкой.

Господь да благословитъ тебя.

№ 329.

Царское Село, 10 августа 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Я такъ тебѣ благодарна за твою дорогую карточку. Погода сѣрая и довольно свѣжая. Въ половинѣ третьяго я опять пойду въ лазаретъ на молебенъ и на праздникъ по случаю второй годовщины нашего лазарета. Мы будемъ конфузиться и ожидаемъ этого безъ удовольствія.

Получила телеграмму изъ *Вологды,* они благополучно ѣдутъ, — передъ отъѣздомъ она просила меня послать тебѣ свои благословенія и поцѣлуи.

Ты подумаешь о томъ, чтобы послать за *Раевымъ,* неправда ли, чтобы съ нимъ хорошенько переговорить? У меня будутъ *Шведовъ* и потомъ *Бобринскій,* каждый день приходится кого нибудь видѣть.

---

[1] Аня.

Только что получила телеграмму отъ *Сергѣева* съ именами моихъ раненыхъ 1-го и 8-го августа сибирскихъ офицеровъ. Онъ не сообщаетъ численности потерь. Теперь я должна принять доктора по дѣламъ моего *М*[1] *и младенчества.* Онъ вернулся изъ инспекцiонной поѣздки, — дѣло это хорошо развивается по всей Россiи. Я рада, что м-ръ Гиббсъ хорошо справляется, онъ былъ такъ страшно счастливъ поѣхать. Не думаешь ли ты, что было бы хорошо, если бы я провела нѣсколько часовъ въ *Смоленскѣ,* чтобы осмотрѣть нѣкоторые лазареты, — а потомъ я бы, вѣроятно, къ обѣду 23-го доѣхала къ тебѣ. Хорошо, душка?

Теперь я должна отправляться. Богъ да благословитъ тебя, мой ангелъ, я тоскую по тебѣ и по твоимъ ласкамъ. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями.

Навсегда твоя старая Girlie.

№ 330.

Царское Село, 11 августа 1916 г.

Моя родная душка,

Сердечное спасибо за твое милое письмо. Я благодарна тебѣ за то, что ты мѣняешь Б(езобразова). Это бы больно огорчило гвардiю, если бы онъ остался, такъ какъ всѣ знаютъ, что по его винѣ потери были такъ велики и, увы, безполезны.

Хорошо отзываются объ одномъ братѣ *Драгомировѣ,* — дай то Богъ, чтобы онъ оказался подходящимъ для этого мѣста, чтобы онъ работалъ дружно съ другими генералами. Но только имъ слѣдуетъ имѣть лучшую развѣдку, чѣмъ та, которая у него была: онъ почти ничего не зналъ.

Я еще не видѣла Дмитрiя, да я думаю, что у него опять, увы нервы совсѣмъ испортились. Это въ самомъ дѣлѣ большая жалость. Не давай ему такъ часто бывать у этой дамы, — такое общество для него гибель, — ничего кромѣ лести, это ему нравится и потомъ, понятно, служба становится въ тягость. Ты долженъ его тверже держать и не давать ему также позволять себѣ слишкомъ большiя вольности на словахъ.

Если здоровье Фред(ерикса) недостаточно хорошо, я могу послать за графомъ供Нироломъ и попросить его поѣхать на *Сиверскую* и все объяснить старику и узнать, что нужно дѣлать. Но должна ли я назначить какую нибудь дату для опубликованiя, пожалуйста, отвѣть по телеграфу. Операцiя сошла благополучно и вчерашнiй праздникъ также. Теперь О(льга) и Т(атьяна) числятся какъ служащiя въ лазаретѣ. По-

[1] Материнства.

года прохладная. Сегодня въ теченіе всего дня дѣвочки снимались у *Функа,* такъ какъ имъ нужны были новыя фотографіи, чтобы подарить комитетамъ и т. д.

Нѣжно благословляю и тысячу разъ цѣлую,

твоя старая родная.

№ 331.

Царское Село, 12 августа 1916 г.

Моя родная душка,

Любовно благодарю тебя за твое милое письмо. Я рада, что на Кавказѣ дѣла идутъ хорошо. Да, это будетъ совсѣмъ хорошо, если у тебя будутъ два адъютанта, которые будутъ служить двѣ недѣли и потомъ ты ихъ будешь мѣнять, — но держи Н. П. немного дольше, чтобы имѣть около себя моряка. Ему вѣдь некуда ѣхать, навѣрное; — и за тебя я гораздо спокойнѣе, когда онъ при тебѣ, — онъ одинъ изъ нашихъ; и его вліяніе на Дмитрія хорошее.

Я получила извѣстіе отъ Ани, она посылаетъ тебѣ поцѣлуй; завтра они пріѣзжаютъ въ *Тобольскъ,* сегодня они на рѣкѣ. Погода лучше.

Жаль, что у меня нѣтъ ничего интереснаго разсказать тебѣ; — у меня много дѣла въ лазаретѣ, такъ какъ есть очень тяжелые случаи и ежедневно операціи.

Беби *Ирины* опять гораздо хуже, онъ здѣсь живетъ съ своими дѣдомъ и бабкой, а *Ирина* въ *Красномъ,* у нея ангина, — она всегда больна, бѣдняжка.

Я увѣрена, что Н. П. можетъ разсказать тебѣ много интереснаго насчетъ боевъ.

Мы остаемся на балконѣ, чтобы быть поближе на случай, если бѣднаго *Реншаха* придется внезапно оперировать.

Я извиняюсь, что перо мое такъ пошаливаетъ, — они всегда капризны вначалѣ.

Я получила длинный и интересный рапортъ отъ моихъ *крымцевъ.* Будетъ радостью опять свидѣться, хотя какъ разъ теперь мы очень нужны въ лазаретѣ. Прощай, мое Солнышко. Богъ да благословитъ и защититъ тебя, и поможетъ во всѣхъ твоихъ затрудненіяхъ. У меня былъ интересный разговоръ съ Бобринскимъ.

Покрываю тебя любящими, нѣжными, жадными поцѣлуями.

Навсегда твоя старая

«Солнышко».

№ 332.

Царское Село, 13 августа 1916 г.

Мой родной ангелъ,

Какъ я тебѣ благодарна за твое милое письмо. Я разсказала все насчетъ Ольгиной исторіи[1] Бенкендорфу, который хотѣлъ передать ее Нироду, а онъ соберетъ нужныя бумаги и скажетъ обо всемъ старику.

Я могу себѣ представить, какъ интересно все то, что Н. П. тебѣ разсказывалъ.

Погода не очень хороша, шелъ дождикъ, такъ что я остаюсь на балконѣ и потомъ иду въ Большой Дворецъ.

Дмитрій, наконецъ, попросилъ придти къ чаю.

Штюрмеръ просилъ разрѣшенія видѣть меня завтра.

У меня была операція одного изъ моихъ молодыхъ сибиряковъ и тяжелыя *перевязки*, такъ что я завтракала только въ половинѣ второго.

Слава Богу, наконецъ, двинутся румыны, а какія будутъ наши дѣйствія 15-го?

Бенкендорфъ находитъ, что я должна дать завтракъ принцу Канину[2] въ сентябрѣ, — во время войны это скучно, но, полагаю, необходимо.

Ну, что ты думаешь насчетъ Бѣляева[3] въ качествѣ военнаго министра, я думаю, что это было бы, въ концѣ концовъ, мудрымъ выборомъ. *Бобринскій* полагаетъ, что дѣло не можетъ пойти хорошо, пока у *Штюрмера* такъ много дѣла, онъ не можетъ всецѣло и какъ слѣдуетъ отдаться одному какому нибудь дѣлу, и нашъ Другъ былъ того же мнѣнія. Теперь, моя душка, мой любимый, я должна кончать. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Цѣлую тебя безконечно съ истинной преданностью и любовью и люблю тебя больше, чѣмъ когда либо.

Твоя собственная.

№ 333.

Царское Село, 14 августа 1916 г.

Мой родной, любимый,

Горячо благодарю за твое милое письмо. Ну, о *Гурко*[4] слышно много хорошаго, пусть Богъ пошлетъ ему успѣхъ и благословитъ его командованіе.

---

[1] Разводъ, состоявшійся по опредѣленію Св. Синода, утвержденному Государемъ.
[2] Японскому принцу.
[3] Помощникъ воен. министра.
[4] Генералъ Гурко, замѣститель ген. Алексѣева.

Болѣе чѣмъ когда либо мои мысли были и будутъ съ тобой въ эти дни, и я просила нашего Друга вспомнить о нихъ и много помолиться.

Возвращаю тебѣ мою икону. Я заказала маленькую рамку и прочное кольцо для нея. Опять туманно, холодно, сѣро, сентябрьскій день.

Дмитрій съ нами пилъ чай вчера, — у него сердце совсѣмъ не въ порядкѣ, оно подвижно, какъ мое и потому, конечно, у него по временамъ боли, онъ чувствуетъ себя слабымъ и по временамъ задыхается. Онъ долженъ былъ бы пройти курсъ лѣченія, такъ какъ болѣзнь только начинается и, значитъ, онъ можетъ совсѣмъ поправиться. Сегодня утромъ мы были въ нашемъ *Пещерномъ храмѣ*. Послѣ того мы идемъ въ *Складъ* въ Большомъ Дворцѣ, гдѣ я должна раздать жетоны всѣмъ работающимъ.

Ирина и Феликсъ придутъ къ чаю. Бѣдный *Ширинскій-Шахматовъ* умеръ, вѣроятно, у него былъ ракъ, — я жалѣю его жену.

Милая душка, я жажду твоихъ ласкъ и хотѣла бы показать тебѣ всю мою глубокую безконечную любовь и преданность — тяжело жить всегда въ разлукѣ.

Прощай, да благословитъ тебя Богъ, мое милое солнышко.

Покрываю тебя поцѣлуями и остаюсь

твоей нѣжно любящей старой женкой.

№ 334.

Царское Село, 14 августа 1916 г.

Мой любимый,

Я осталась дома сегодня вечеромъ, такъ какъ я очень устала и хочу лечь въ десять часовъ и выпить что нибудь горячее, такъ какъ я борюсь съ простудой. Погода совсѣмъ грустная, идетъ дождь, холодно и такъ темно весь день. Я была у Али сегодня днемъ и немного посидѣла съ ней и съ ея мужемъ, она выглядитъ и чувствуетъ себя очень плохо и потеряла съ весны 15 фунтовъ. Потомъ я была у Ани въ лазаретѣ и нашла все въ порядкѣ. А затѣмъ была въ Большомъ Дворцѣ, чтобы раздать жетоны 70 лицамъ.

Ирина и Феликсъ пили чай, — они были очень милы и естественны, она очень загорѣла, а онъ выглядитъ очень худымъ, короткіе волосы и въ мундирѣ пажа выглядитъ гораздо лучше и держится приличнѣе. Потомъ, въ видѣ отдыха, былъ *Штюрмеръ* (отъ того этотъ большой листъ бумаги), если только я могу писать ясно и какъ слѣдуетъ съ моей глубоко усталой головой. Ну, для начала для него было большимъ ударомъ, что *Бѣляевъ* уволенъ, такъ какъ онъ передалъ ему этотъ

вопросъ насчетъ плѣнныхъ, которые нужны для угольныхъ копей и т. д. по всей странѣ, и онъ хотѣлъ, чтобы тотъ переговорилъ съ командующими арміями и выяснилъ съ ними, сколько народу они могутъ выдѣлить и т. д. — онъ передалъ ему это нужное и срочное порученіе въ связи съ *продов.* вопросами. Теперь онъ больше не служитъ въ министерствѣ, *Шуваевъ* его не любитъ, онъ болѣе не будетъ въ состояніи помочь ему, а онъ въ самомъ дѣлѣ способный человѣкъ и работаетъ гораздо больше, чѣмъ *Шуваевъ,* который никогда не появляется въ совѣтѣ министровъ и посылаетъ своихъ замѣстителей. Я такъ надѣялась, что ты его назначишь военнымъ министромъ, онъ настоящій джентльменъ и знаетъ всѣ вопросы, и въ самомъ дѣлѣ способный человѣкъ, хотя *Шуваевъ* не могъ его оцѣнить. Мы много говорили по *продов.* вопросу и спрашивали себя, не было ли бы лучше выбрать военнаго человѣка, (напр. самого *Шуваева,* который могъ бы, навѣрное, хорошо справиться съ этимъ дѣломъ, такъ какъ оно аналогично со всѣмъ тѣмъ, что онъ дѣлалъ такъ хорошо для интендантства, — вмѣсто того, чтобы быть военнымъ министромъ). *Алексѣевъ* не любитъ *Штюрмера,* онъ ясно далъ другимъ министрамъ это понять, можетъ быть, потому что тотъ статскій, и ему больше хотѣлось бы имѣть военнаго. Онъ могъ бы имѣть права министра, остался бы тѣмъ, чѣмъ ты его назначилъ во главѣ всего, наблюдалъ бы за тѣмъ, чтобы всѣ работали дружно, помогалъ бы министрамъ и тебѣ тогда не пришлось бы ничего перемѣнить. Онъ не усталъ отъ дѣла и не боится, но мы только думаемъ, что можетъ быть ты бы предпочелъ чтобы военный человѣкъ этимъ занимался. Такъ что я сказала, что я это выясню и въ случаѣ, если ты захочешь объ этомъ переговорить съ *Штюрмеромъ,* пожалуйста, пошли за нимъ, — онъ не хочетъ тебѣ надоѣдать и желалъ бы, чтобы иниціатива исходила отъ тебя.

Потомъ насчетъ *Волжина* — онъ ему теперь дастъ бумагу, — и не повидаешь ли ты *Раева,* чтобы съ нимъ хорошенько переговорить и увидѣть, подходитъ ли онъ тебѣ, — я думаю, что имѣя *Жевахова* помощникомъ [1], онъ въ самомъ дѣлѣ былъ бы находкой для всѣхъ. Если ты хочешь его повидать, телеграфируй мнѣ дату, не называя имени, и *Штюрмеръ* дастъ ему знать. Другіе кандидаты, по моему, совсѣмъ не годятся и почти ничего не знаютъ про церковь.

Когда я говорила съ Бобринскимъ, онъ также нашелъ, что во главѣ *продов.* должно быть поставлено спеціальное лицо, которое не

---

[1] Жеваховъ засимъ былъ назначенъ на учрежденную вновь должность второго товарища оберъ-прокурора. По поводу учрежденія этой должности въ Гос. Думу внесенъ былъ запросъ. Впослѣдствіи Жеваховъ занялъ должность перваго товарища (уволенъ былъ Заіончковскій) и должность второго — не замѣщалась.

имѣло бы никакихъ другихъ мыслей въ головѣ и только бы жило для этого и думало бы объ этомъ. Старый *Хвостовъ* завтра будетъ мнѣ представляться.

Извини меня, что я тебѣ надоѣдаю такимъ письмомъ, но старикъ всегда чувствуетъ облегченіе, когда онъ можетъ излить мнѣ свою душу, и онъ радъ, когда я ѣзжу въ *Ставку.* Я ежедневно молюсь Богу, чтобы онъ помогъ мнѣ быть полезной тебѣ и дать тебѣ правильный совѣтъ; нашъ Другъ всегда совѣтуетъ *Штюрмеру* со мной говорить, такъ какъ тебя здѣсь нѣтъ для этихъ разговоровъ. Я тронута, что старикъ довѣряетъ твоей старухѣ.

Почему уволили *Бѣляева?* Будетъ ли тебѣ теперь легче назначить его министромъ?

Я получила двѣ телеграммы отъ Ани съ очаровательными впечатлѣніями отъ *Тобольска,* гдѣ она молилась за всѣхъ насъ. Сегодня ночью они уже оттуда уѣзжаютъ, завтра будутъ на рѣкѣ и 16-го доѣдутъ до Покровскаго. Я завтра закончу это письмо. Спи хорошо, моя душка, мой милый ангелъ, мой единственный, мое все, мой дорогой, терпѣливый страдалецъ.

Мои мысли и помыслы на фронтѣ. Навѣрное, они начнутъ въ четыре часа утра по обыкновенію. Богъ да поможетъ имъ и святая Дѣва въ этотъ ея большой праздникъ, пусть она благословитъ наши войска.

15-ое. Здравствуй, мое сокровище. Нѣжно благодарю за твое милое письмо, которое я нашла по возвращеніи изъ лазарета. Мнѣ жаль, что у тебя не такое высокое мнѣніе о *Бѣляевѣ,* мнѣ всегда кажется, что онъ такъ охотно работаетъ и старается во всю, но я думаю, что ему должно было быть болѣе чѣмъ тяжело работать подъ начальствомъ этихъ двухъ послѣднихъ военныхъ министровъ, — и онъ собирался такъ много помогать *Штюрмеру,* и тотъ очень жалѣетъ, что у него не будетъ больше его помощи — можетъ быть на самостоятельномъ мѣстѣ онъ былъ бы вполнѣ подходящимъ?

Я получила письмо отъ *Ольги Евгеньевны,* — ты знаешь она всегда такъ жалѣетъ о томъ, что ея мужъ больше не имѣетъ своихъ «орловъ». Теперь она прочла, что командиры военныхъ портовъ (контръ- или вице-адмиралы) — *по приказу 26-го мая 1916 года,* и, понятно, ея надежды и аппетиты выросли, она сообщаетъ объ этомъ только для моего свѣдѣнія, — но я все же объ этомъ тебѣ пишу, хотя чувствую навѣрное, что ты ничего не можешь сдѣлать, и я знаю, что *Ниловъ* противъ него и смѣется при мысли о томъ, что она хочетъ, чтобы *Папа-Ф.* опять получилъ обратно «орлы».

Погода нехорошая, идетъ дождь и пасмурно, солнце дважды пыталось пробиться сквозь тучи, но безъ всякаго успѣха. Мы были въ нашемъ *Пещерномъ храмѣ,* а потомъ въ лазаретѣ, — случайно было

мало работы, такъ что я имѣла время посидѣть и вышивать и потомъ кормила нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые не могутъ ѣсть самостоятельно. Хотя я рано пошла спать, въ десять часовъ, но могла заснуть только въ половинѣ третьяго и опять проснулась окончательно въ половинѣ восьмого. Я остаюсь на диванѣ, чтобы больше отдохнуть.

Теперь, милый мой ангелъ, прощай. Богъ да благословитъ тебя. Безконечные, нѣжные поцѣлуи отъ

твоей нѣжно любящей старой

«Солнышко».

Бѣдный князь *Шир. Шахматовъ* умеръ.

№ 335.

Царское Село, 16 августа 1916 г.

Мой любимый,

Крѣпко цѣлую тебя за твое дорогое письмо. Бенкендорфъ привезетъ тебѣ бумаги насчетъ Ольги черезъ нѣсколько дней. Продолжаетъ лить; это въ самомъ дѣлѣ наводитъ уныніе. У меня была операція и много тяжелыхъ *перевязокъ* со слезами и стонами.

На минутку видѣла *Мальцева,* онъ говоритъ, что ихъ пушки приносятъ огромную пользу и отбиваютъ аэропланы. Они въ *Луцкѣ* и помогали при *Рѣжицѣ* — онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней. Я отправляю поѣздъ Мари и просила въ *Ставкѣ* сообщить, куда ему идти, совсѣмъ налѣво или къ гвардіи.

Сыробоярскій отправленъ на югъ, 8-го перешелъ въ одиннадцатый армейскій корпусъ и будетъ тамъ, гдѣ понадобится.

Мои *Крымцы* не очень далеко отъ *Галича, Сѣдовъ* уже до нихъ добрался.

Я слышала, что *Сандро Л.* собирается жениться на ужасной женщинѣ, *Игнатьевой,* рожденной *Коралли,* прежней кокоткѣ, съ ужасной репутаціей — ея сестра уже три года разоряетъ стараго Пистолькорса; я надѣюсь, что этому можно помѣшать, — это только принесетъ глупому мальчику безконечныя страданія.

А. (Аня) и *Лили Денъ* сегодня вечеромъ доѣхали до *Покровскаго.* Михенъ пила чай и была пріятна, она осталась довольна твоимъ визитомъ въ *Бѣлую Церковь,* и къ Antoinette Потоцкой.

Настоящая лѣтняя погода, всѣ купаются и ходятъ въ лѣтнихъ платьяхъ. Теперь я должна идти въ Большой Дворецъ, чтобы сниматься вмѣстѣ съ ранеными, это скучно. Вечеръ провела въ лазаретѣ, лежала

тамъ на диванѣ, чтобы больше отдохнуть. Прощай, мое милое сокровище. Богъ да благословитъ и защититъ тебя. Нѣжно цѣлую тебя.

Твоя старая.

Какъ милы фотографіи *Алексѣя* съ мальчиками. Итакъ, Германія объявила войну Румыніи. Я этого ждала. Безконечно цѣлую тебя, душка.

№ 336.

Царское Село, 17 августа 1916 г.

Моя душка,

Горячо благодарю за твое милое письмо. Я могу себѣ представить, какъ страшно устала и измучена твоя бѣдная головушка. Солнышко придетъ и приласкаетъ свое сокровище. Дастъ Богъ мы будемъ вмѣстѣ въ понедѣльникъ въ половинѣ шестого къ чаю въ поѣздѣ, неправда ли? Я тоскую по моимъ двумъ любимымъ.

Продолжается дождь, я все надѣюсь выѣхать, наконецъ, если только немножко прояснится. Теперь La Guiche[1] долженъ у меня быть. Посылаю *Едигарова* съ *Яковлевымъ* въ поѣздѣ Мари завтра, чтобы посмотрѣть, можетъ ли онъ справиться. Если бы онъ зачислился въ другой полкъ, онъ сѣлъ бы на голову другимъ. Леди Мюріель Пэджетъ съ нами сегодня днемъ пьетъ чай. Всегда приходится ежедневно видѣть людей и много *докладовъ*.

Понятно, тебѣ грустно насчетъ *Безобразова,* но ты разъ его спасъ, далъ ему этотъ отличный шансъ, — онъ оказался негоднымъ, что дѣлать, нельзя же одного сохранить и потерять тысячи изъ за его упрямства.

Да, пошли за *Штюрмеромъ* и поговори съ нимъ насчетъ *Раева.* Въ самомъ дѣлѣ я думаю, что *Бѣляевъ* былъ бы хорошъ и *Шуваевъ* болѣе способенъ заниматься *провод.* вопросами, такъ какъ онъ хорошо управлялъ интендантствомъ, — а *Штюрмеръ* все таки остается во главѣ, такъ что онъ будетъ наблюдать за всѣмъ, что бы министры исполняли требованія того (Шуваева).

Теперь я должна кончать. Покрываю твое любимое лицо поцѣлуями и остаюсь твоя нѣжно любящая старая женка. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя и поможетъ нашимъ войскамъ и пошлетъ успѣхъ, — всѣ мои молитвы и помыслы съ ними.

---

[1] Французскій военный агентъ.

№ 337.

Царское Село, 18 августа 1916 г.

Милая моя птичка,

Нѣжно благодарю за твое дорогое письмо. Пасмурная погода, но теплѣе. Удается ли тебѣ еще завтракать на воздухѣ? Я такъ надѣюсь, что да. — Лэди Мюріель Педжетъ опять выѣзжаетъ къ гвардіи, она была тамъ во время боевъ и много разсказала мнѣ, — завидую ей. Также получила сегодня телеграмму изъ *Тюмени.* «*Чѣмъ вы дерево нечестивое не срубили все таки падаетъ. Никола съ Вами дивнымъ явленіемъ всегда творитъ чудеса*».

Я такъ рада, что ты доволенъ *Гурко,* — тотъ ли это, который лежалъ у насъ, и котораго княжна Гедройцъ спасла въ Японскую войну?

Сегодня утромъ я усердно работала, теперь должна отправиться на освященіе вагона Ольги, который устроенъ теткой *Орловой-Давыдовой.* Представь себѣ, бѣдный *П.* написалъ Анѣ, что у *Сандры* въ іюлѣ родился сынъ, — конечно, это не его сынъ и онъ не имѣетъ понятія, кто его отецъ (можетъ быть ихъ было нѣсколько), и ему такъ трудно объ этомъ говорить, такъ какъ они не разведены, — бѣдный, мнѣ такъ за него грустно, онъ не представлялъ себѣ, что она беременна, — а она уже цѣлые мѣсяцы была въ деревнѣ.

Теперь я должна кончать. Черезъ четыре дня дастъ Богъ!! Понятно, Беккеръ меня поймаетъ въ *Ставкѣ,* я въ бѣшенствѣ. Прощай, мое солнышко. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Безконечные нѣжные поцѣлуи отъ

твоей родной.

№ 338.

Царское Село, 19 августа 1916 г.

Мое родное сокровище,

Какъ всегда, тороплюсь. Нѣжно благодарю за твое милое письмо. Я рада, что разговоръ твой съ *Безобразовымъ* уже позади. Сейчасъ у меня была хорошая бесѣда съ *Жиликомъ* насчетъ Бебиныхъ уроковъ и разныхъ мыслей, которыя у меня явились, и онъ о нихъ пишетъ м-ру Гиббсу. Мы привозимъ съ собой Аню. Потомъ у меня былъ *Секретевъ* — длинный и интересный разговоръ — онъ такъ благодаренъ тебѣ, за то, что ты его спасъ въ времена Поливанова, это молодой генералъ, 38 лѣтъ, такой энергичный, — мы говорили по вопросу объ авіаціи — я все тебѣ разскажу при свиданіи. Фредериксъ напросился сегодня къ чаю.

Теперь я должна летѣть въ Красный Крестъ, — потомъ князь Голицынъ. Со стороны многихъ большое огорченіе по поводу отставки *Бѣляева*, — для меня *(Вильчковскаго) Б.* (Бѣляевъ) все дѣлалъ такъ скоро и также черезъ *Ростовцева* и никогда не дѣлалъ затрудненій.

Завтра *Штюрмеръ* просилъ разрѣшенія меня повидать. Я думала, что ты за нимъ пошлешь. Должна кончать. Прости это безпорядочное письмо на лету.

Богъ да благословитъ тебя. Безконечно тебя цѣлуетъ твоя родная

«Солнышко».

Черезъ три дня!!!

№ 339.

Царское Село, 20 августа 1916 г.

Мой любимый,

Это мое послѣднее письмо и опять я его пишу второпяхъ, — *суета* послѣдняго дня. Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Такая радость, что мы, можетъ быть, насладимся солнцемъ и тепломъ, — у насъ былъ все время дождь, съ утра льетъ, и листья уже желтѣютъ. Въ лазаретѣ была масса дѣлъ, потомъ завтракала м-мъ Зизи, а Дмитрій просилъ придти къ чаю. Былъ *Безобразовъ* и много говорилъ, — я тебѣ все повторю. Умерла бѣдная *Маша Стенбокъ*[1]. Я жалѣю объ этомъ изъ за бѣдныхъ прелестныхъ мальчиковъ Орловыхъ — она хорошо съ ними обращалась, и я боюсь за Алексѣя, котораго она могла удержать отъ глупаго брака. Теперь приходитъ *Штюрмеръ,* — потомъ я должна собрать свои вещи и устроить разныя бумаги, проститься съ Алей, къ которой я хожу черезъ день и которая также на меня смотритъ, какъ на вторую мать. Число моихъ «дѣтей» увеличивается и столько хотятъ изливать мнѣ, старой, свое сердце.

Благодарю Бога за хорошія извѣстія. Ахъ, какъ прекрасно, и теперь наступаетъ 23-е.

Я привожу съ собой *Боткина* въ виду отъѣзда С. П. Ну, понятно, приходитъ противная Беккеръ, — это страшно неудобно и все портитъ. Сегодня я себя чувствую довольно плохо и съ удовольствіемъ ожидаю моего «отдыха» съ тобой, моя душка.

Безконечно цѣлую и благословляю.

Навсегда твоя собственная.

Бѣдная *Лиза Ребиндеръ (Кутайсова)* скончалась.

[1] Бабушка Орловыхъ, дѣтей ген. Орлова, о которомъ выше упоминается.

№ 340.

Царское Село, 4 сентября 1916 г.[1]

Мой дорогой голубчикъ,

Страшно тяжело опять оставлять васъ обоихъ, мои сокровища, хотя мы были вмѣстѣ двѣ недѣли, для любящихъ сердецъ это всегда мало. А главное, въ такое время, когда у тебя такая страшная ноша на твоихъ бѣдныхъ, дорогихъ плечахъ. Если бы я только могла больше тебѣ помочь, я такъ усердно молюсь, чтобы Богъ далъ мнѣ мудрость и разумѣніе, чтобы быть тебѣ настоящей помощницей во всѣхъ отношеніяхъ и чтобы всегда правильно совѣтовать тебѣ. Ахъ, мой ангелъ, Богъ пошлетъ намъ лучшіе дни, удачу и успѣхъ нашимъ храбрымъ войскамъ, — да просвѣтитъ Онъ вождей, чтобы они могли правильно и мудро ихъ вести. Теперь у тебя будутъ министры, поговори съ ними энергично, — они стараются, но только они такъ медлительны и такъ тяжелы на подъемъ.

Только, мое солнышко, — пожалуйста, умоляю тебя, — не спѣшить съ польскимъ вопросомъ, — не давай другимъ толкать себя на то, чтобы это сдѣлать прежде, чѣмъ мы перейдемъ границу, — я вполнѣ довѣряю мудрости нашего Друга, который владѣетъ Божьимъ даромъ — давать совѣты полезные для тебя и для нашей страны. Онъ умѣетъ всматриваться въ далекое будущее, и потому можно положиться на его сужденіе. Твое одиночество будетъ велико — и такъ скучно, ни одного настоящаго друга возлѣ тебя, — я буду спокойнѣе, когда Н. П. опять вернется, — онъ одинъ изъ нашихъ, и Другъ нашъ благословилъ его быть тебѣ полезнымъ, — и теперь онъ очень многое узналъ и увидѣлъ въ эти мѣсяцы.

Что я стану дѣлать безъ твоихъ ласкъ и прекрасной любви. Еще и еще разъ благодарю тебя за все и за этотъ праздникъ, — я буду жить сладкими воспоминаніями. Будь здоровъ. Господь да благословитъ тебя. Покрываю тебя безконечными горячими поцѣлуями и крѣпко держу въ своихъ объятіяхъ.

Навсегда, моя душка, твоя родная старая женка.

---

[1] За время пребыванія Государыни въ Ставкѣ: Раевъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода на мѣсто уволеннаго Волжина. Питириму выражена по телеграфу Высоч. благодарность за молитвы въ день Ал. Невскаго. Тов. мин. землед. Глинка замѣненъ Невѣровымъ. Ялтинскій градоначальникъ Думбадзе и Ростовскій — Комиссаровъ, назначенные въ распоряженіе дворцоваго коменданта, замѣнены ген. Спиридовичемъ и Мейеромъ. Св. Синодъ заслушалъ указъ о назначеніи архим. Мелхиседека епископомъ Кронштадтскимъ.

№ 341.

Царское Село, 6 сентября 1916 г.

Мой любимый, дорогой ангелъ,

Я была безконечно счастлива получить твое милое длинное письмо и цѣлую, и благодарю тебя за него еще и еще разъ. Ахъ, любовь моя, какъ ты мнѣ недостаешь, здѣсь такъ пусто, — но тѣмъ не менѣе я спала, какъ убитая, и ни разу ночью не просыпалась. Для меня это больше чѣмъ рѣдкость. Яркій солнечный день, — листья уже такъ желты и красны, — совсѣмъ осень, — въ эти двѣ недѣли произошла большая перемѣна. Я нашла, что всѣмъ нашимъ раненымъ значительно лучше. Я поставила наши свѣчи въ *Знаменьѣ*, а потомъ мы принялись за работу. Таубе и княжна Гедройцъ очень благодарятъ тебя за привѣтъ. Павелъ уже просилъ разрѣшенія придти къ чаю. *Полк. Мальцевъ* будетъ теперь, онъ хочетъ видѣть меня прежде чѣмъ ѣхать обратно въ *Луцкъ*. Я видѣла *Едигарова*, который ѣздилъ съ поѣздомъ Мари для пробы. Теперь онъ хочетъ получить службу въ Персіи, гдѣ формируется конный отрядъ, — противъ турецкихъ жандармовъ, или чего то въ этомъ родѣ, и я постараюсь помочь это ему устроить. Длинный разговоръ съ *Вильч*(ковскимъ) по дѣламъ, — завтракаетъ Иза, такъ какъ сегодня день ея рожденія, и я уже чувствую, что у меня въ головѣ сумбуръ.

Бѣдная графиня *Реншахтъ-Ритъ вчера* была у меня, — она держится очень храбро, — а потомъ Аня. Она показала мнѣ телеграмму Друга къ тебѣ. Онъ говоритъ, что съ сегодняшняго дня извѣстія будутъ лучше. Икона въ монастырѣ, къ которой я нѣсколько разъ ходила (Онъ ее знаетъ, много лѣтъ тому назадъ молился тамъ, когда Онъ странствовалъ по всей Россіи), — Онъ говоритъ, что она обладаетъ особой чудотворной силой и спасетъ Россію. Отправься къ ней хоть разъ, она такъ близко отъ дома — и у Св. Дѣвы такое прелестное лицо. Онъ больше часа говорилъ съ *Раевымъ*, — онъ говоритъ, что это воистину посланецъ Божій и такъ хорошо говоритъ о всѣхъ церковныхъ вопросахъ, въ такомъ *духовномъ* смыслѣ. Онъ огорченъ, что масса народа пишетъ гадкія письма противъ Него *Алексѣеву*. Мы хорошо ѣхали, было такъ *уютно* имѣть съ собой Н. П., это такъ напоминало намъ *Ставку*. У меня съ нимъ были длинные хорошіе разговоры о всѣхъ серьезныхъ вопросахъ. Онъ такъ тебѣ благодаренъ за всю твою великую доброту къ нему. Душка моя, пожалуйста, не позволяй имъ представлять тебѣ госпожу *С—ко*, — ты помнишь, я тебѣ говорила, что у меня было подозрѣніе, что *Граббе* хочетъ это сдѣлать, и сказалъ Нини, своему другу, что онъ надѣется, что я теперь не поѣду въ *Ставку*, такъ какъ ты можешь съ ней познакомиться, и она, можетъ быть, станетъ твоей любовницей. Какая низкая, гнусная вещь, — она

была въ ярости и хорошенько ему задала (навѣрное, изъ за этого онъ даетъ тебѣ читать всѣ эти возбуждающія книги), не повторяй ему этого, но держи ее въ отдаленіи, — она старалась добиться, чтобы Иза у нея была, но та поблагодарила и отказалась. У нея очень плохая репутація. Н. П. знаетъ съ кѣмъ она «жила» раньше, — это ея второй мужъ, — и онъ сказалъ, что ноги его не будетъ въ ея домѣ. Она старается поймать великихъ князей и лицъ свиты, — чтобы играть роль, — я видѣла, какъ она глядѣла наверхъ въ ихъ ложу и нашла страннымъ, что она стояла внизу, когда мы проходили, — я тебѣ тогда сказала, что я была увѣрена, что они хотятъ ее представить. Это грязный и низкій поступокъ со стороны *Граббе*, къ которому мы такъ добры. Я бы не позволила ей остаться и проживать тамъ, — для *Ставки* это дурной тонъ и дастъ поводъ къ сплетнямъ. Сегодня въ кинематографѣ она, навѣрное, опять появится. Прости меня, что я все это пишу, но я хочу, чтобы ты остерегался *Граббе*. Онъ еще сказалъ другую вещь *Ресину* (я все это знаю отъ Ани), что *Воейковъ* уходитъ и что его мѣсто будетъ предложено *Граббе*, который откажется, а потомъ *Ресину*, и онъ умоляетъ его принять, а тотъ отвѣтилъ, что онъ, навѣрное, не приметъ, потому что онъ знаетъ, что ему никогда этого мѣста не предложатъ, — это крайне удивило *Граббе*. Ты долженъ держать его въ рукахъ, — онъ дурачится и забавляетъ дѣтей, онъ не уменъ, но хитеръ и не чистосердеченъ. Прости, что я перемѣнила перо, но въ томъ не осталось больше чернилъ. У меня два такихъ пера, только это толще. Пріятно было, уютно и спокойно разговаривать въ отдѣленіи, — но только слишкомъ мало пришлось изъ за мальчика. Я живу воспоминаніями и благодарю Бога, что онъ далъ намъ свидѣться, — четыре мѣсяца — это очень большой срокъ для разлуки. Я тоже цѣлую твои милыя письма и перечитываю ихъ съ тоскующимъ сердцемъ. Уютно жить въ поѣздѣ, я это люблю. Но вчера вечеромъ я съ радостью взяла ванну. Ты знаешь, *Пустовъ*[1] — одинъ изъ людей въ твоемъ штабѣ, котораго я больше всѣхъ люблю, — у него такіе добрые, честные и прямые глаза. Слава Богу, извѣстія лучше. Нашъ Другъ предпочелъ бы, чтобы мы взяли въ свои руки румынскія войска, тогда мы будемъ въ нихъ увѣреннѣе. Мы ѣдемъ кататься. Грустно, уже осень, мы почти не имѣли никакого лѣта. Я должна кончать. Посылаю тебѣ нѣсколько снимковъ, которые я дѣлала. Привѣтъ Дмитрію и *Игорю*. Благословляю и цѣлую тебя безъ конца. Хотѣла бы чувствовать твои нѣжныя объятія и цѣловать твои милыя губы. Господь съ тобой, мой Ники.

Навсегда твоя старая

«Солнышко».

---

[1] Ген. Пустовойтенко, ген. квартирмейстеръ Ставки.

№ 342.

Царское Село, 7 сентября 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Благодарю тебя изъ глубины души за твое милое письмо, покрываю тебя поцѣлуями за него, любовь моя. Здѣсь всегда приходится торопиться. Изъ лазарета — на *отпѣваніе* бѣднаго маленькаго *Золотарева*. Его сестры такъ на него похожи. Его конь слѣдовалъ въ процессіи, — и солдаты его *взвода* стояли на часахъ, опираясь на костыли. Такъ умилительно. Потомъ къ завтраку были *Силаевъ* и *Рафтопуло*. Проф. очень противъ его возвращенія на фронтъ, такъ какъ это совсѣмъ испортитъ его здоровье, — онъ признаетъ, что это неблагоразумно, но онъ хочетъ постараться привести свой полкъ въ порядокъ и устранить дурные элементы. Если бы ты далъ возможность ему постараться это сдѣлать и потомъ сказалъ, что ты его оставишь въ свитѣ, это, конечно, было бы лучше всего. Его сердце въ плохомъ состояніи, и онъ такъ слабъ и мало пригоденъ. Онъ завтра уѣзжаетъ въ *Ставку*. На мой взглядъ, онъ выдержитъ только нѣсколько дней на фронтѣ. Онъ можетъ тебѣ всегда пригодиться, и онъ такой превосходный, чистый человѣкъ, какого рѣдко можно найти, — но, увы, у него пропало здоровье и столько заботъ!

Потомъ я принимала офицеровъ, — также *Казакевича*, которому еще нужно полѣчиться, онъ надѣется попозже получить назначеніе на югъ. Сейчасъ пришла Аня и шлетъ привѣтъ. *Штюрмеръ* будетъ въ пять съ половиной, и вечеромъ я увижу нашего Друга. Татьяна за меня работала, а я сидѣла и смотрѣла, такъ какъ должна беречь свое сердце. Н. П. былъ у нашего Друга, и Онъ былъ имъ доволенъ и говорилъ, что черезъ страданія онъ вполнѣ вернулся къ Нему и къ Богу. Беби написалъ очаровательное французское письмо, совсѣмъ одинъ, такъ мило. Я посылаю ему его деньги.

Посылаю тебѣ прошеніе вдовы Соважа, — онъ погибъ на войнѣ. Она хорошая женщина, очень бѣдная, у нея двѣ взрослыя дочери, и она проситъ объ увеличеніи пенсіи.

Другія два прошенія отъ одного бѣднаго *чиновника*, который проситъ, чтобы его сынъ было принятъ въ Кадетскій корпусъ.

Твои милыя письма — моя радость, — ты мнѣ такъ, ахъ, такъ недостаешь, мой голубчикъ. Теперь я должна кончать, мой милый ангелъ. Ахъ, да, у меня къ чаю былъ Павелъ, и я имѣла съ нимъ длинный разговоръ. Ну, я думаю, что онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ полезенъ и у него совсѣмъ здравыя мысли.

У насъ, повидимому, опять потери среди моряковъ, и молодой офицеръ (мы его не знаемъ) раненъ въ ротъ. Я такъ хотѣла бы, чтобы ихъ взяли назадъ, они слишкомъ хороши, чтобы такъ ихъ тратить.

У Ольги сегодня вечеромъ Комитетъ. — Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Вспомни завтра женку, 8-ое сентября — мой день. Если я не слишкомъ устану, то постараюсь вечеромъ пойти въ церковь. Безконечно цѣлую и люблю тебя, мой родной. Твое маленькое солнышко.

Привѣтъ Дмитрію и *Игорю.*

№ 343.

Царское Село, 7 сентября 1916 г.

Моя душка,

Хотя я очень устала, но я должна начать письмо сегодня же вечеромъ, чтобы не забыть то, что сказалъ мнѣ нашъ Другъ. Я передала Ему то, что ты поручилъ сказать, и Онъ шлетъ выраженіе своей любви и говоритъ, чтобы ты не волновался, что все будетъ хорошо. Я передала ему свой разговоръ съ *Штюрмеромъ,* который говоритъ, что *Климовича* надо безусловно уволить[1] (онъ назначается сенаторомъ) и тогда уйдетъ старый *Хвостовъ*[2], такъ какъ онъ не можетъ продолжать службу безъ него. *Хвост.* нервничаетъ и чувствуетъ себя больнымъ (я знаю, что онъ ненавидитъ *Штюрмера* также, какъ и *Климовичъ;* этотъ послѣдній — дурной человѣкъ, ненавидитъ нашего Друга и все-таки бываетъ у него, притворяясь и заискивая передъ нимъ). Теперь *Штюрмеръ* хочетъ предложить въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ этого князя Оболенскаго изъ *Курска-Харькова* (до того онъ былъ въ старой *Ставкѣ* съ *Николашей!!),* теперь онъ работаетъ по *продов.* вопросу, но *Гр*(игорій) убѣдительно проситъ тебя назначить на эту должность *Протопопова.* Ты его знаешь, и онъ на тебя произвелъ такое хорошее впечатлѣніе, — къ тому же такъ пришлось, что онъ членъ *думы* (не изъ лѣвыхъ) и такимъ образомъ онъ будетъ знать, какъ къ нимъ относиться. Эти гнусные люди собрались и хотятъ, чтобы *Родзянко* поѣхалъ къ тебѣ и попросилъ тебя перемѣнить всѣхъ министровъ и взять ихъ кандидатовъ, — дерзкіе негодя[3]!

---

[1] Въ концѣ сентября уволенъ.

[2] Уволенъ отъ должности 16 сентября.

[3] 6 сентября состоялось въ кабинетѣ предсѣдат. Гос. Думы совѣщаніе, на которомъ, между прочимъ, выражено было желаніе о скорѣйшемъ созывѣ Госуд. Думы.

Я думаю, что лучше всего было бы назначить его[1]. Бѣдный Орловъ былъ большимъ его другомъ, — кажется *Максимовичъ* хорошо его знаетъ. Онъ въ дружбѣ съ нашимъ Другомъ уже по крайней мѣрѣ четыре года, и это очень много говоритъ за него, — а этотъ Оболенскій, навѣрное, будетъ въ другомъ лагерѣ. Я его не знаю, но я вѣрю въ мудрость и совѣты нашего Друга. Ему грустно, что ты никогда не пріѣзжаешь сюда, — твое присутствіе здѣсь также нужно, хотя бы только на два дня, неожиданно, они всѣ почувствуютъ, что *хозяинъ* пришелъ, чтобы на все взглянуть. Это было бы отлично, и это не трудно сдѣлать, только на короткое время, всѣ были бы счастливы. Я Ему сказала, что *Штюрмеръ* говорилъ со мной относительно оффиціальнаго оповѣщенія насчетъ Константин(ополя)[2]. Ты знаешь — то, что ты сказалъ Джорджи. Онъ также думаетъ, что это было бы хорошо, такъ какъ это связало бы Францію и Англію передъ всей Россіей и тогда имъ придется сдержать свое слово впослѣдствіи. Насчетъ Польши, Онъ проситъ тебя подождать[3], *Шт*(юрмеръ) также; — только не ранѣе того, какъ мы перейдемъ границу, — пожалуйста, слушайся Его, Онъ только желаетъ твоего блага, и Богъ далъ Ему больше проницательности, разума и мудрости, чѣмъ всѣмъ военнымъ, взятымъ вмѣстѣ. Его любовь къ тебѣ и къ Россіи такъ велика, и Богъ послалъ Его тебѣ, чтобы быть твоимъ помощникомъ и руководителемъ, и Онъ такъ усердно за тебя молится.

Я опять сказала *Штюрмеру*, чтобы онъ приказалъ напечатать документы насчетъ денегъ, которыя были даны *союзу*[4], ты ему давно это приказалъ, — онъ говоритъ, что министры ихъ разсматриваютъ, — напомни ему еще разъ. Чтобы не забыть, запиши это, — или нѣтъ, вотъ я здѣсь это запишу тебѣ на память, когда онъ будетъ у тебя въ субботу...

Нашъ Другъ находитъ, что было бы прекрасно высылать изъ всѣхъ различныхъ монастырей *отряды* священниковъ или монаховъ, — чтобы быть въ *перед.* лазаретахъ и выходить и хоронить нашихъ бѣдныхъ павшихъ тамъ, гдѣ полковые священники не поспѣваютъ, я завтра объ этомъ переговорю съ *Раевымъ*.

Теперь я должна заснуть, уже позже двѣнадцати, и я очень устала. Отдыхала отъ шести до восьми, а потомъ была въ церкви. Прощай, спи хорошо, мой любимый, постоянно о тебѣ думаю, здѣсь такъ пусто и тихо. Уже четыре мѣсяца мы не спали вмѣстѣ, даже больше. Бла-

[1] Т. е. Протопопова.

[2] Рѣчь идетъ о соглашеніи съ союзниками насчетъ Константинополя.

[3] Въ газетахъ появилось опроверженіе слуховъ, будто ожидаемый актъ по польскому вопросу подлежитъ переработкѣ.

[4] Земскому и Городскому.

гословляю тебя, моя птичка, Богъ пусть дастъ мнѣ силы быть твоей помощницей и найти настоящія слова, чтобы все правильно тебѣ передать и убѣдить тебя сдѣлать такъ, какъ того желаютъ Нашъ Другъ и Господь Богъ.

8-е. Мой день. Спасибо, мой милый муженекъ, за твое дорогое письмо. Такая радость имѣть отъ тебя извѣстія. Этотъ новый адмиралъ не тотъ ли, котораго такъ цѣнитъ Филлиморъ? Богъ пусть дастъ ему успѣхъ, — нужны энергическіе люди, а бѣдный *Канинъ*, навѣрное, по болѣзни, въ послѣднее время ослабѣлъ.

Только что я видѣла Бенкендорфа по поводу японцевъ. Однѣ дѣвочки поѣхали кататься съ *Ириной*, а я беру другихъ и Аню.

Теперь я должна кончать. Богъ да благословитъ тебя, моя жизнь, моя радость. Покрываю тебя поцѣлуями и остаюсь твоей старой женкой.

№ 344.

Царское Село, 9 сентября 1916 г.

Мой родной,

Горячо благодарю мою душку за его милое письмо. Я была у *Знаменья*, на полчаса въ лазаретѣ, а потомъ въ городѣ съ Изой и Аней, чтобы видѣть бѣдную графиню Гендрикову[1], которая совсѣмъ умираетъ, — совсѣмъ безъ сознанія, но я помнила, что она просила меня пріѣхать, когда она будетъ умирать. *Иночка* также только что пріѣхала изъ деревни, выглядитъ очень больной; Настенька очень храбра, но плакала, когда я уходила. Потомъ я поставила свѣчи въ *Каз. Соборѣ* и молилась за тебя, мой ангелъ. Вернулась въ часъ три четверти. Прелестный солнечный день. Я слишкомъ устала, чтобы выходить.

Я въ отчаяніи, что гвардія опять понесла такія большія потери, — но по крайней мѣрѣ подвинулись ли они впередъ? У Павла не очень хорошее впечатлѣніе отъ *Каледина*, онъ говоритъ, что тотъ никогда не имѣетъ увѣренности въ успѣхѣ, — и это нехорошо, такъ какъ онъ изъ за этого менѣе разуменъ и энергиченъ, — я, такъ хотѣла бы, чтобы гвардію побольше щадили. Дорогой голубчикъ, моя нѣжная любовь и мои мысли окружаютъ тебя съ великой тоской и любовью, — ненавижу твое одиночество.

Знаешь ли, душка, я бы не назначала Дмитрія и *Игоря* одновременно для несенія службы, я увѣрена, что *Игорь* чувствуетъ себя въ такихъ случаяхъ забитымъ, — и онъ замѣчаетъ разницу обращенія съ нимъ и съ Дмитріемъ, и глупѣетъ, и его самолюбіе страдаетъ. У насъ

[1] Мать фрейлины Императрицы.

былъ Н. П. вчера къ чаю, онъ на два дня уѣхалъ въ Москву чтобы видѣть своихъ двухъ сестеръ, которыя только что туда пріѣхали, — вдову съ дѣтьми и младшую сестру. Михенъ уѣхала на десять дней въ Одессу и т. д.!!

10 августа мои сибиряки потеряли 43 человѣка убитыми, 281 ранеными, 2 *прап.* убито, 2 ранено и 2 контужено. У меня *Раевъ* былъ почти цѣлый часъ, — онъ интересенъ и такъ хорошо понимаетъ всѣ необходимые вопросы. Письма *Жилика* насчетъ «руки» очень интересны. Я могу себѣ представить, какъ возбужденъ былъ Бебичка. Въ городѣ возлѣ станціи строится тріумфальная арка для японцевъ, — это кажется страннымъ во время войны. Аня начала читать мнѣ интересный англійскій романъ. Я провожу вечера дома, такъ какъ слишкомъ устала, чтобы ходить въ лазаретъ. Греческій Ники, повидимому, все еще въ *Павловскѣ.*

Теперь, моя душка, — такъ больно мнѣ недостающій, и котораго я жажду прижать къ моему горящему старому сердцу, — прощай, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и поможетъ во всемъ. Нѣжно цѣлую тебя, твоя старая

«Солнышко».

Пожалуйста, возьми *Протопопова* министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ онъ изъ членовъ *Думы,* это у нихъ произведетъ большой эффектъ и заставитъ ихъ замолчать.

№ 345.

Царское Село, 10 сентября 1916 г.

Мой любимый,

Горячо благодарю тебя за твое милое письмо. Мнѣ такъ грустно, что пришлось тебя безпокоить всѣми этими вопросами, но я хотѣла тебя подготовить. *Шаховской* слишкомъ хорошъ, чтобы его мѣнять и такъ какъ *Хвостовъ* хочетъ уходить, а *Протоп*(оповъ) подходящій человѣкъ, по словамъ *Гр*(игорія), мнѣ пришлось тебѣ сказать о немъ, — и что князь Оболенскій опять былъ бы противнаго лагеря и не былъ бы другомъ.

Такой занятой день, и я чувствую себя такой усталой. Двое изъ моихъ *Крымцевъ* пришли мимоходомъ и разсказывали мнѣ насчетъ полка. Я принимаю старика *Иванова,* — потомъ мнѣ представляется американскій *отрядъ,* состоящій подъ покровительствомъ Татьяны — потомъ *Гусевъ* (младшій), который возвращается въ свой полкъ. Потомъ я ѣду въ *убѣжище* для дѣтей (Ольгино) въ гусарскихъ казармахъ или въ манежѣ. Потомъ князь *Голицынъ,* а въ 8,20 ѣду въ

городъ на *панихиду* по графинѣ Гендриковой, умершей сегодня ночью въ четыре часа.

Прилагаю трогательную телеграмму отъ стараго Фредерикса. Разорви ее по прочтеніи.

Спасибо за англійскія газеты, — развѣ ты и м-ръ Гиббсъ ихъ не читаете?

Беби написалъ мнѣ сегодня первое письмо по англійски. Чудный солнечный день, оранжевые и желтые листья такъ и сверкаютъ. 15 градусовъ на солнцѣ, но ночью, кажется, былъ морозъ. Милый мой ангелъ, я всегда съ тобой въ мысляхъ и съ такой нѣжностью. Не могу понять, почему гвардія терпитъ такія потери и ей такъ не везетъ, — все тебѣ заботы!

Аня на ночь уѣхала въ *Теріоки.* Теперь я должна принимать. Прощай, Богъ да благословитъ тебя, мое дорогое сокровище, солнце моей жизни, моя любовь, покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, твоя собственная.

№ 346.

Царское Село, 11 сентября 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Дождикъ и пасмурно. Нѣжно благодарю тебя за твое дорогое письмо, моя птичка, и за телеграмму. Итакъ, я устрою, чтобы мой седьмой поѣздъ-*складъ* былъ посланъ на Кавказъ, какъ только онъ будетъ готовъ. Санитарный поѣздъ сестры Ольги (съ нашего *пункта)* былъ сильно обстрѣлянъ, офицерскій вагонъ совсѣмъ испорченъ, и аптечное отдѣленіе очень повреждено, но, слава Богу, никто не пострадалъ. Я не была въ церкви, такъ какъ слишкомъ устала. Потомъ *Ломанъ* попросилъ меня сказать бѣдному *батюшкѣ,* что его старшій сынъ (любимецъ) убитъ и что вынуждены были оставить его тѣло. Я никогда не выполняла раньше такой задачи, — онъ принялъ это извѣстіе, какъ мужественный христіанинъ, крупныя слезы катились у него по лицу. Потомъ я была въ лазаретѣ, сдѣлала четыре *перевязки,* сидѣла за вязаньемъ и долго говорила съ *Таубе.*

Теперь мнѣ надо принимать пять офицеровъ, потомъ м-мъ Зизи, *сенатора Витте.* Вчера вечеромъ были на *панихидѣ* бѣдной графини, она тамъ лежитъ съ такимъ мирнымъ лицомъ, — окончились ея долгія страданія.

Нѣтъ, моя любовь, я чувствую свое сердце, и тѣло болитъ, и я такъ устала, — это всегда случается отъ времени до времени, когда я переутомляюсь. Ахъ, я такъ жажду тебя, мой милый мальчикъ, я такъ

одинока безъ тебя. О войнѣ ничего не слышно, только видишь по объявленіямъ о покойникахъ, какія потери въ гвардіи.

Я повидаю Апраксина по поводу моихъ маленькихъ *складовъ*, его жена ожидаетъ пятаго беби. Теперь прощай, мое все, мой единственный, мое милое сокровище, благословляю тебя, Господь съ тобой, тысячу нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ твоей родной, старой.

Сегодня недѣля, что мы разстались, кажется, гораздо больше.

№ 347.

Царское Село, 12 сентября 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Горячо благодарю за твою карточку. Хорошая солнечная погода, наконецъ, послѣ цѣлой недѣли. Мы ѣдемъ кататься. Т(атьяна) и А(настасія) поѣхали верхомъ. Я поздно пошла въ лазаретъ, такъ какъ чувствовала себя слишкомъ уставшей. Только что видѣла *Маслова,* онъ проситъ отъ всей души поблагодарить тебя за то, что ты его произвелъ въ генералы и оставилъ въ свитѣ, — это случилось такъ неожиданно, и у него не было еще возможности поблагодарить. Завтра похороны графини, — я думаю, что мнѣ придется отъ этого отдѣлаться, слишкомъ утомительно, — а все же это такъ нехорошо не быть близко къ бѣдной маленькой Настенькѣ.

Мой *Крымецъ,* сынъ *Эммануэля,* пріѣхалъ, — легкая рана, онъ ее получилъ при этой послѣдней ихъ атакѣ. Я собираюсь подарить японцу мою фотографію въ очень большой красивой рамкѣ отъ Фаберже для его жены, — надо ли прибавить нѣсколько вазъ съ нашего завода? [1]

Мнѣ сдается, что Кириллъ его привезъ завтракать на ферму въ 1900 году? Бенк(ендорфъ) сказалъ мнѣ, что Фред(ериксъ) далъ ему знать, будто Михенъ пріѣзжаетъ въ *Ливадію* 15-го на три дня (какое невѣроятное нахальство!) и что мы должны послать бѣлье, двухъ слугъ и серебро, — я сильно протестовала и попросила сперва выяснить, просила ли она твоего разрѣшенія, у насъ тамъ не гостиница, — наглая дерзость, надо ей дать по шапкѣ! — пусть живетъ въ *Ялтѣ*...

Тоскую по тебѣ, мое милое солнышко. Покрываю тебя любящими нѣжными поцѣлуями. Богъ да охранитъ тебя. Навсегда твоя старая женка.

Можетъ быть ты пошлешь *батюшкѣ* телеграмму на *Елагинъ?* Настенька тронута и благодаритъ. Прилагаю письмо отъ А(ни).

Какія извѣстія съ фронта, такъ хочется знать. Прощай, мой Агунюшка.

---

[1] Имп. фарфоровый заводъ.

№ 348.

Царское Село, 13 сентября 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Прелестное солнечное утро, — я опять отправлюсь въ лазаретъ только въ одиннадцать, такъ какъ слишкомъ устала, — Татьяна перевяжетъ за меня раны. Вчера у насъ былъ къ обѣду Н. П.,—какъ странно безъ тебя, — онъ случайно въ Москвѣ встрѣтилъ всѣхъ японцевъ.

Такъ вотъ что, — повидимому, ты далъ разрѣшеніе Михенъ, — я надѣюсь, что она лично тебя попросила, — тѣмъ не менѣе это крайне некорректно, что она мнѣ тоже не телеграфировала, — такая дерзость. Чудная погода, я отправляюсь на маленькую прогулку со старшими дѣвочками. *Штюрмеръ* просилъ меня сегодня повидать и *Шуленбургъ*, и потомъ у меня раненые. Я видѣла Бенкенд(орфа) и сказала ему, что лучше пригласить [1] тѣхъ родственниковъ, которые здѣсь, такъ какъ они обидятся, если я этого не сдѣлаю.

Павелъ и его сынъ будутъ у меня и принесутъ его стихи, которые теперь напечатаны. Я послала за *Боткинымъ* и просила его дать мнѣ пилюли, которыя обыкновенно мнѣ помогаютъ, такъ какъ я чувствую себя такъ плохо; — изъ за этого дѣвочки не хотѣли дать мнѣ поѣхать на похороны графини.

Въ одиннадцать я пошла въ лазаретъ. Очень, очень нѣжно благодарю тебя за твое дорогое письмо, моя душка. Я рада, что все такъ хорошо обошлось съ японцами.

Знаешь ли ты, что жена Миши была въ *Могилевѣ?..* Георгій сказалъ Павлу, что онъ сидѣлъ возлѣ нея въ кинематографѣ. Узнай, гдѣ она жила, можетъ быть въ вагонѣ (и какъ долго) и строго запрети, что бы это опять не повторилось.

Павелъ огорченъ потерями въ гвардіи, ихъ посылаютъ въ такія невозможныя мѣста. Милая душка, я должна кончать и отправить это письмо. Богъ да благословитъ тебя. Нѣжные поцѣлуи отъ твоей старой женки.

Привѣтъ Дмитрію.

№ 349.

Царское Село, 14 сентября 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Чудное солнечное свѣжее утро. Я не была въ церкви, такъ какъ слишкомъ устала, была вчера вечеромъ на три четверти часа. Аля

[1] На парадный обѣдъ съ японскимъ принцемъ.

завтракаетъ, а потомъ я по обыкновенію принимаю офицеровъ, а вечеромъ увижу нашего Друга въ маленькомъ домѣ.

Вчера я видѣла *Штюрмера* и говорила съ нимъ, какъ слѣдуетъ, — я просила его поскорѣе смѣнить Оболенскаго, иначе у насъ могутъ произойти большіе уличные безпорядки (изъ за *продовольствія),* и онъ сразу потеряетъ голову, и всѣ противъ него. Да благословитъ Господь твой новый выборъ — *Протопопова*[1], — нашъ Другъ говоритъ, что ты очень мудро поступилъ назначивъ его.

Павелъ сказалъ мнѣ насчетъ бумаги, которую онъ послалъ въ *Ставку* послѣ того, какъ послѣдовало ихъ рѣшеніе насчетъ того, откуда доставать молодыхъ офицеровъ и прапорщиковъ. Его сынъ выше ростомъ, чѣмъ онъ, красивъ и очень напоминаетъ княжну.

Дѣти отправились въ церковь, — я ихъ нагоню въ одиннадцать часовъ въ лазаретѣ. У насъ мало работы, такъ что я ее оставляю Татьянѣ, за исключеніемъ двухъ самыхъ тяжелыхъ случаевъ, такъ какъ раненые чувствуютъ себя спокойнѣе, когда я работаю.

Я кончу это письмо попозже послѣ того, какъ получу твое письмо. Слава Богу, что Михенъ все таки тебя спросила, хотя, *по моему,* большое невѣжество не попросить также позволенія и *хозяйки.*

Я прочту бумагу Мавры и потомъ скажу тебѣ, что въ ней написано.

Емельяновъ внезапно опять появился. Онъ привезъ мнѣ *доклады* отъ командира и карту и читалъ мнѣ ихъ. Увы, все небо покрывается облаками, такъ что мы поскорѣе поѣдемъ на маленькую прогулку. Драгоцѣнный мой, прощай, Богъ да благословитъ тебя. Нѣжно цѣлуетъ тебя твоя старая

«Солнышко».

Я получила эту телеграмму отъ Дези, что мнѣ съ ней дѣлать? Должна ли я ее передать, или поговорить о ней съ *Штюрмеромъ?*

№ 350.

Царское Село, 15 сентября 1916 г.

Мой любимый голубчикъ,

Холодное солнечное утро, — я полежу въ постели до пріема японцевъ, такъ какъ сердце нѣсколько расширено, и я чувствую такую усталость. Я выбрала прелестную пару большихъ фарфоровыхъ вазъ, лѣсъ зимой и лѣтомъ, и двѣ высокія хрустальныя съ орлами, — каждому изъ нихъ по парѣ.

---

[1] 16 сентября назначенъ министромъ вн. д.

Я видѣла вчера вечеромъ нашего милаго Друга въ маленькомъ домѣ. Онъ такъ счастливъ, что ты назначилъ *Покр*(овскаго)[1]. Онъ думаетъ, что это очень мудрое назначенiе. Понятно, иные будутъ не довольны, — но для слѣдующей (не для этой) *Думы* онъ можетъ повлiять на выборы. Онъ поручилъ мнѣ переговорить съ *Раевымъ* насчетъ бѣдныхъ монаховъ *Ст. Афона*, которые еще не получили права совершать богослуженiе и умираютъ, не причащаясь святыхъ тайнъ.

Я прочла вырѣзку, которую прислала Мавра, — гнусность, — германскимъ и австрiйскимъ плѣннымъ, которые должны работать у насъ до смерти, будто бы приходится жить словно въ аду, — написано сенсацiонно, но я чувствую, полно лжи. Я скажу сегодня *Игорю*, что ты благодаришь Мавру за ея письмо, тогда тебѣ не надо безпокоиться объ отвѣтѣ. Онъ шлетъ тебѣ выраженiя своей любви. Проситъ, чтобы ты поскорѣе смѣнилъ Оболенскаго[2] и, когда будетъ назначенъ новый человѣкъ, пусть онъ отдастъ распоряженiе, чтобы въ булочныхъ у нихъ все было напередъ взвѣшено, такъ что какъ только кто нибудь попроситъ, хлѣбъ былъ бы уже готовъ соотвѣтственно цѣнѣ и вѣсу, и тогда работа пойдетъ быстрѣе, и эти длинные хвосты на улицахъ скорѣе будутъ удовлетворены — надо довѣриться честности продавцовъ, что они не будутъ обманывать бѣдный народъ — и надо установить полицейскiй надзоръ за этими лавками, а *Градоначальникъ* долженъ самъ первый всюду осматривать, чтобы убѣждаться въ томъ, что все быстро и добросовѣстно выполняется.

Я отдыхаю послѣ японцевъ, болитъ голова, я очень устала, — полагаю скоро явится Беккеръ. Онъ[3] былъ разговорчивъ и прiятенъ, такъ что не было трудно. Онъ былъ въ восторгѣ повидать двухъ друзей Беби и поговорить съ ними; онъ подарилъ мнѣ отъ японскаго императора два чудесныхъ гобелена, — такая изумительная работа и красота окраски. Онъ былъ такъ тронутъ твоимъ прiемомъ и добротой твоей Мамаши, и тѣмъ, что толпа стояла вдоль улицъ до самаго Зимняго Дворца. Графиня Бенкендорфъ была ужасна, — слишкомъ ярко и плохо накрашенныя губы — кошмарное зрѣлище. У Ducky слишкомъ короткое бархатное платье и она была плохо причесана, такъ жаль.

Нѣжно благодарю тебя за твое нѣжное милое письмо. (Письмо) *Дрент*(ельна) я верну завтра. Н е о б х о д и м о спасти и щадить гвардiю. Мы говорили съ Кирилломъ, который за столомъ былъ моимъ сосѣдомъ, насчетъ батальона, — онъ тоже находитъ, что то, что ты пишешь, хорошая мысль. Я ему сказала, чтобы онъ былъ энергичнѣе съ адми-

---

[1] Н. Н. Покровскiй былъ въ то время назначенъ Министромъ Иностр. Дѣлъ.
[2] Уволенъ въ началѣ ноября.
[3] Японскiй принцъ.

ралами и министрами, чтобы получить офицеровъ, въ которыхъ онъ нуждается, такъ какъ твое приказаніе должно быть исполнено.

Григоровичъ сказалъ мнѣ, что ты отдалъ приказаніе черезъ Кирилла насчетъ Н. П., чтобы онъ былъ назначенъ командиромъ дорогого Штандарта, а *Зелен.*[1] командиромъ порта (что для послѣдняго, по его словамъ, является очень подходящимъ) — не злится ли маленькій адміралъ? Но я рада, что это сдѣлано, — какъ счастливъ былъ бы милый Джонни, что его сынъ, какъ онъ всегда называлъ Н. П., получилъ яхту. Голова болитъ, не могу больше писать сегодня. Прощай. Да благословитъ тебя Богъ. Нѣжный, нѣжный поцѣлуй отъ твоей нѣжно любящей старой

«Солнышко».

№ 351.

Царское Село, 15 сентября 1916 г.

Моя родная душка,

Пасмурно, дождливое утро. Дѣти отправились, чтобы посмотрѣть санитарный поѣздъ Ольги, потомъ, въ лазаретъ и въ двѣнадцать съ половиной на *панихиду* по сынѣ *Батюшки;* онъ просилъ насъ придти. Я остаюсь въ постели до завтрака, такъ какъ сердце расширено, и я не чувствую себя хорошо. Вчера была адская головная боль, но прошла. Н. П. съ нами обѣдалъ и потомъ мы вмѣстѣ читали письмо *Дрент*(ельна) и другое, которое онъ получилъ отъ *Родіонова,* полное отчаянія. Три раза въ теченіе одного дня они всѣ должны были атаковать (кажется 4-го сентября), и позиція была неприступна, нѣмцы были совершенно спрятаны, и ихъ тяжелыя орудія стрѣляли безъ перерыва. Плѣнный сказалъ имъ, что нѣмцы вырыли окопы на глубинѣ десяти метровъ и какимъ то образомъ по мѣрѣ надобности подымаютъ и опускаютъ свои орудія, такъ что наша артиллерія имъ не повредила, — они (нѣмцы) всѣ знаютъ, что противъ нихъ наша гвардія, — они чувствуютъ, что ими жертвуютъ безцѣльно.

Я просила нашего Друга особенно помолиться за успѣхъ твоихъ новыхъ плановъ. Онъ это дѣлаетъ и надѣется, что Богъ ихъ благословитъ. Всѣ говорятъ, что командиръ *Павловцевъ (Шевичъ)* настоящая шляпа, и этотъ полкъ не имѣетъ успѣха и рѣдко выступаетъ. Мнѣ представляется, что наши генералы страшно слабы. Ахъ, да Онъ[2] сказалъ, чтобы я тебѣ передала, что ты не долженъ смущаться, когда ты смѣщаешь генерала, отъ мысли, что онъ можетъ быть невиноватъ.

[1] Адм. Зеленый.
[2] Распутинъ.

Ты всегда впослѣдствіи можешь его простить и опять принять на службу, а ему никогда не повредитъ, что онъ пострадалъ, такъ какъ это внушаетъ ему *страхъ Божій.* Аня на два дня ѣдетъ въ Финляндію на именины матери. Я такъ надѣюсь, что у насъ будетъ хорошая солнечная погода, когда мы опять встрѣтимся.

Это хорошая мысль насчетъ батальона, — я сказала Н. П., что ты объ этомъ подумаешь, — онъ только надѣется, что они не будутъ въ *Одессѣ* или *Севастополѣ*, но въ какомъ нибудь маленькомъ мѣстѣ, чтобы лучше ихъ держать въ рукахъ, и чтобы было меньше искушеній, чѣмъ въ большомъ городѣ, и чтобы они работали все время.

Я только что получила твое милое письмо, за которое нѣжно благодарю. Скажи *Нилову*, чтобы онъ отвѣтилъ Долли[1], что она не можетъ получить имени (не давая причинъ), что она хочетъ сказать, будто ея бракъ съ *Гревеницемъ* не идетъ въ счетъ. Кажется, она рехнулась. Чѣмъ меньше съ ней имѣть дѣла, тѣмъ лучше и пусть лучше отвѣтитъ ей Ниловъ, — такъ какъ она была родней его жены, а Фредерикса тамъ нѣтъ.

Я также съ удовольствіемъ ожидаю нашу встрѣчу и съ большимъ нетерпѣніемъ, надѣюсь, что я къ тому времени буду себя лучше чувствовать, такъ какъ я въ самомъ дѣлѣ никуда не гожусь. Представь, греческій Ники до сихъ поръ въ *Павловскѣ* и нервы его въ ужасномъ состояніи. Я не могу себѣ представить, почему его не пускаютъ, наконецъ, домой, онъ здѣсь не можетъ ничѣмъ помочь, или быть можетъ, это для того, чтобы показать ихъ хорошія чувства по отношенію къ намъ.

Посылаю тебѣ бумагу насчетъ генерала *Огановскаго,* прочитай ее и сдѣлай, что хочешь съ ней.

Теперь должна кончать. Погода прояснилась, солнце свѣтитъ. Появилась Беккеръ. Чувствую себя отвратительно, благословляю и цѣлую безъ конца.

Навсегда твоя родная женка.

№ 352. *Царское Село,* 17 сентября 1916 г.

Мой дорогой голубчикъ,

Представь себѣ, только одинъ градусъ тепла, а вчера вечеромъ два градуса мороза, — солнца нѣтъ. Прилагаю бумажку отъ нашего Друга для тебя, такъ какъ я его попросила особенно о тебѣ подумать, и

[1] Дочь Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, по первому браку княгиня Кочубей.

благословляю твои новые планы. Душка, пожалуйста, скажи чтобы кто нибудь отправился и посмотрѣлъ четыре тяжелыя батареи, которыя уже нѣкоторое время стоятъ совсѣмъ готовыми здѣсь въ Ц. С. (какъ мнѣ говорятъ), никто не думаетъ о томъ, чтобы ихъ отправить. У нихъ имѣются снаряды (если недостаточно, можно будетъ дослать). Если старый *Ивановъ* еще въ *Петр*(оградѣ), дай ему приказаніе отправиться и посмотрѣть, и осмотрѣть всѣ детали (офицеры объ этомъ сказали *Боткину*, такъ какъ они видѣли ихъ совсѣмъ близко). Было бы хорошо ихъ отправить, такъ какъ люди при нихъ довольно неважные, — нѣсколько недѣль тому назадъ были исторіи, и пришлось послать стрѣлковъ для того, чтобы ихъ поймать въ лѣсу, гдѣ они были заняты пропагандными листками. Эти сорокъ орудій стоятъ безъ охраны на площади, — молодой *прапорщикъ* написалъ бумагу за бумагой, прося поставить къ нимъ охрану, такъ какъ онъ каждое утро находитъ, что какой нибудь винтъ или другая принадлежность сняты, недостаютъ, и никто на это не обращаетъ вниманія. Мнѣ кажется, что какой нибудь генералъ, котораго ты бы неожиданно сюда прислалъ для осмотра, лучше и скорѣе бы всего это выполнилъ, — намъ такъ нужны эти орудія тамъ на фронтѣ, но не предупреждай Сергѣя, — пусть все будетъ сдѣлано неожиданно, — и тогда онъ также увидитъ, что его глаза должны быть вездѣ. Онъ долженъ былъ бы больше разъѣзжать, — и зачѣмъ здѣсь торчитъ Андрей[1]? — неужели для него нѣтъ назначенія гдѣ нибудь на фронтѣ, — на дѣйствительной службѣ, а не такъ, какъ онъ былъ эти два года? Вовсе не нужно, чтобы это было въ гвардіи, такъ какъ тамъ нѣтъ вакансіи, — Миша вѣдь тоже служилъ въ другомъ мѣстѣ. Заставь Фамилію немножко больше подвигаться. *Род.*[2] написалъ, что въ батальонѣ было 50 и болѣе случаевъ дизентеріи, — осень, — здѣсь больны сынъ графини Ниродъ и также одинъ изъ нашихъ раненыхъ. Я лежу до завтрака. Вчера видѣла Бобринскаго, онъ меня тронулъ, онъ проситъ разрѣшенія быть у тебя на будущей недѣлѣ. Сейчасъ появляется яркое солнце, — но я останусь на диванѣ, надо опять себя привести въ приличный видъ. Спасибо тебѣ, мой любимый, за твое милое письмо, которое я сейчасъ получила. Душка, мнѣ *Григоровичъ*, а не Кириллъ сказалъ про З(еленаго) и Н. П. Какъ я хотѣла бы, чтобы можно было повѣсить *Родз*(янко) — это ужасный человѣкъ и такой *нахалъ*. *Кикнадзе* опять былъ раненъ и лежитъ въ нашемъ лазаретѣ, — онъ разсказалъ *Татьянѣ* очень много про нашихъ моряковъ. У насъ, кромѣ него, четыре новыхъ раненыхъ, — увы, я со среды не была въ лазаретѣ. Прощай, мое сокровище, Богъ

[1] Вел. Кн. Андрей Владиміровичъ.
[2] Родіоновъ.

да благословитъ тебя. Большой нѣжный поцѣлуй отъ твоей старой женки.

Далъ ли ты знать *Петѣ*, что онъ свободенъ?[1] Что говоритъ *Сандро* по поводу намѣренiй Ольги.

№ 353. *Царское Село*, 18 сентября 1916 г.

Мое родное сокровище,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Такъ какъ я лежу въ постели по утрамъ, я гораздо раньше могу прочесть твои письма, это большая радость. Солнце, облака, снѣгъ смѣняютъ другъ друга, настоящая осень. Можетъ быть изъ за этихъ перемѣнъ Крошка чувствуетъ себя хуже, — но эта слабость въ ногѣ, причиненная невѣрнымъ движенiемъ или переутомленiемъ, можетъ легко вызвать опухоль, — слава Богу, что нѣтъ боли.

Мы можемъ помогать тебѣ по вечерамъ наклеивать твои фотографiи, если хочешь. Я всецѣло полагаюсь на милость Божью, только скажи мнѣ, когда начнется наступленiе, чтобы Онъ могъ особенно тогда помолиться; — это имѣетъ такое огромное значенiе, и Онъ понимаетъ твои страданiя.

Милушка, я слышала, что Палена лишили придворнаго званiя за то, что прочли его частное письмо къ женѣ, въ которомъ онъ называетъ *посла — сволочью,* и я понимаю, что онъ такъ выразился. Это, навѣрное, ошибка, опять зацѣпились за нѣмецкую фамилiю, — а онъ въ самомъ дѣлѣ такъ тебѣ преданъ[2]. Ужъ гораздо скорѣе и по праву слѣдовало зимой снять съ *Хвостова* мундиръ, — онъ гнусно поступилъ, и это всѣ знаютъ. Только *Воейковъ* и *Андрон*(никовъ) (противъ котораго я опять предостерегала *Штюрмера)* заступились за *Х(*востова). Теперь идетъ переписка между *Алексѣевымъ* и этимъ негодяемъ *Гучковымъ,* онъ его питаетъ всякими гнусностями, предупреди его, тотъ такой умный негодяй, и *Ал*(ексѣевъ) навѣрное, увы, будетъ также прислушиваться къ разнымъ нападкамъ на нашего Друга, и это не принесетъ ему счастья. Теперь, мое солнышко, моя радость, прощай, Богъ да охранитъ и благословитъ тебя. Нѣжные поцѣлуи отъ твоей родной собственной.

Я должна поскорѣе встать и одѣться къ завтраку. Думаю о тебѣ непрестанно, съ нѣжной любовью и усердными молитвами, — душой и сердцемъ съ тобой, моя птичка.

---

[1] Рѣчь идетъ о разводѣ В. Кн. Ольги Александровны и предстоящаго ея брака.

[2] 7 сентября былъ уволенъ отъ придворнаго званiя, а 5 октября вновь пожалованъ въ гофмейстеры.

№ 354.

Царское Село, 19 сентября 1916 г.

Мой родной, любимый,

Холодное утро, снѣгъ на листьяхъ деревьевъ и мѣстами на травѣ, — очень ранній снѣгъ въ этомъ году. Н. П. съ нами вчера обѣдалъ, онъ сегодня уѣзжаетъ, — у него здоровенный насморкъ и кашель. Я рада сказать, что онъ былъ дважды у нашего Друга. Быть можетъ тебѣ удастся найти ему какую нибудь работу для тебя? — Одинъ изъ людей только что прибылъ изъ батальона, — онъ говоритъ, что ихъ очень много пускаютъ въ дѣло. Утромъ ихъ отсылаютъ обратно, а вечеромъ опять высылаютъ. Мнѣ страшно мучительна мысль, что они теперь примутъ участіе въ большихъ бояхъ, — каждый изъ нихъ въ отдѣльности совершенство, — это единственная частица всей арміи, въ которой служатъ люди, имѣющіе за собой столько лѣтъ дѣйствительной службы. Богъ да пощадитъ ихъ для дальнѣйшей работы и также на «югѣ». У меня сегодня два доклада: *Силаевъ* и *Штюрмеръ; Трина* и *Иза* по дѣламъ. Завтра *Раевъ* и т. д., такъ оно все время и идетъ. Сердце еще расширено и утомлено, но для меня отдыхъ — побольше лежать, спина и ноги меньше болятъ. Я такъ хочу скорѣе поправиться, у меня еще больше работы, и все лежитъ на плечахъ Татьяны. Теперь оказывается очень интересный молодой американскій врачъ съ тремя сестрами посланъ сюда богачемъ Гульдомъ, мы хотимъ ими воспользоваться и устроить ихъ въ Большомъ Дворцѣ. Онъ тамъ будетъ оперировать и въ любомъ другомъ лазаретѣ. Завтра онъ будетъ оперировать въ нашей солдатской палатѣ. Онъ выпиливаетъ и вставляетъ кости при помощи электрической машины, какъ тонкій puzzle, — рукой никогда нельзя будетъ достигнуть такой точности. Я просмотрѣла очень интересную книгу объ этомъ съ рисунками и объясненіями. Одинъ докторъ поѣхалъ съ такимъ аппаратомъ въ Англію, два во Францію (самъ изобрѣтатель) и вотъ этотъ сюда. Красный Крестъ имъ не воспользовался, а мы его приняли съ восторгомъ, — всегда хорошо изучить и увидѣть новые методы. Я забыла его фамилію. Онъ годъ работалъ въ Сербіи въ время войны и потому можетъ немного говорить по сербски. Навѣрное княгиня Шаховская въ него влюбится. У насъ случайно есть французскій врачъ въ качествѣ паціента въ Большомъ Дворцѣ, но онъ не очень боленъ и также помогаетъ *Вл. Ник.* (Владиміру Николаевичу).

Какъ теперь воздухъ въ столовой? Я объ этомъ сказала *Валѣ* уже давно и повторила Бенк(ендорфу), но они все съ этимъ тянули, а между тѣмъ это вовсе не сложно устроить, чтобы верхнія окна открывались кверху. Но когда мы пріѣзжаемъ, нельзя ли сохранить уют-

ную привычку обѣдать въ поѣздѣ? — это гораздо менѣе утомительно, а для тебя, я думаю, это развлеченіе и *уютно*.

Теперь ты долженъ себя чувствовать уныло, я увѣрена, такъ какъ прогулки менѣе заманчивы и скоро, я боюсь, на рѣкѣ будетъ слишкомъ холодно, въ прошломъ году мы въ первый разъ туда пріѣхали въ началѣ октября, и я помню, что было холодно. Мы поѣхали въ закрытыхъ моторахъ, а потомъ ты вышелъ и прошелся, — что за радость будетъ вновь встрѣтиться.

Нѣжно благодарю тебя, моя родная душка, за твое милое письмо.

Эти снимки были отъ меня для твоего альбома, милая душка. Другіе для Беби и для мальчиковъ. — Я все таки думаю, что ты долженъ былъ бы сообщить *Петѣ*[1]. *Сандро* можетъ написать ему письмо, — или ты короткую телеграмму. Да, выясни насчетъ этихъ пушекъ, пожалуйста.

Отвратительная погода. Въ среду день рожденія Павла, — они просили насъ на шоколадъ, — я сомнѣваюсь, чтобы къ этому времени я могла встать и выѣзжать.

Теперь прощай, мой единственный, мое все. Нѣжно и горячо цѣлую тебя и благословляю тебя безъ конца. Твоя собственная.

№ 355.

Царское Село, 20 сентября 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Сѣро, холодно, собирается снѣгъ. Пріѣхала маленькая Мари и будетъ у насъ завтракать. Дочери Ингеборгъ послали Татьянѣ очаровательный снимокъ на открыткѣ, — портретъ маленькаго Леннарда[2] — такой крѣпкій чудесный, красивый мальчикъ съ большими грустными глазами, — никакого семейнаго сходства. Какъ она можетъ такъ спокойно жить безъ него всѣ эти годы, для меня совсѣмъ непонятно и крайне ненормально! У меня вчера отъ пяти до семи были *доклады*. *Штюрмеръ* еще не нашелъ Градоначальн. для Петербурга. Тѣ, которыхъ онъ предложилъ, совсѣмъ бы не годились, — и я ему сказала, чтобы онъ поторопился и еще подумалъ. *Гучковъ* старается обойти *Алексѣева*, его подстрекаетъ *Поливановъ*, — жалуется ему на всѣхъ министровъ, — *Шт* (юрмера), *Трепова*, Шаховского, и это объясняетъ, почему Алексѣевъ такъ настроенъ противъ министровъ, тогда какъ они въ самомъ дѣлѣ лучше работаютъ и болѣе объединены, и все идетъ лучше, и мы чув-

[1] Про Ольгу Александровну.
[2] Сына Маріи Павловны отъ ея брака съ шведскимъ кронпринцемъ.

ствуемъ, что не будетъ никакого настоящаго кризиса, если они такъ будутъ продолжать.

Пожалуйста, душка, не давай доброму *Алекс*(ѣеву) начать играть роль съ *Гучковымъ*, какъ это дѣлалось въ старой *Ставкѣ. Родз*(янко) и тотъ теперь образуютъ одно и стараются обойти *Ал*(ексѣева), притворяясь будто никто, кромѣ нихъ, не можетъ работать. Онъ долженъ заниматься исключительно войной, — остальные отвѣчаютъ за то, что происходитъ въ тылу. *Протопоповъ* будетъ у меня завтра, и у меня къ нему масса вопросовъ и надо предложить нѣсколько идей, которыя появились въ моей старой головѣ, чтобы сдѣлать контръ-пропаганду противъ Союзовъ гор. на фронтѣ, чтобы за ними наблюдали и чтобы тѣ, которые попадутся, сейчасъ же были выгнаны. М. внутреннихъ дѣлъ долженъ достать хорошихъ, честныхъ людей, которые будутъ тамъ его «глазами», съ помощью военныхъ они посмотрятъ, что тамъ можно сдѣлать, — мы не имѣемъ права позволить имъ дольше наполнять уши (солдатъ) вредными идеями, — ихъ доктора (жиды) и сестры ужасны; *Шавельскій* можетъ тебѣ про нихъ разсказать. Я передала *Штюрмеру*, чтобы онъ объ этомъ сказалъ *Протопо*(пову), и онъ до завтрашняго дня это обдумаетъ и посмотритъ, можно ли сдѣлать что нибудь практическое. Я не вижу, почему дурные люди могутъ всегда бороться за свое дѣло, а хорошіе только жалуются и сидятъ спокойно со сложенными руками и ждутъ событій. Ты ничего не имѣешь противъ, что я являюсь съ моими идеями, неправда ли моя душка? — но я увѣряю тебя, что хотя я больна, и у меня плохое сердце, но у меня больше энергіи, чѣмъ у всей компаніи, вмѣстѣ взятой, и я не могу спокойно сидѣть и смотрѣть на происходящее. Бобринскій былъ радъ меня увидѣть и говорить, что меня потому ненавидятъ, что чувствуютъ (лѣвая клика), что я стою за твое дѣло, за Беби и за Россію. Да, я болѣе русская, чѣмъ многіе другіе и я не останусь спокойной. Я просила ихъ устроить, какъ говорилъ *Гр*(игорій), чтобы товары, мука, масло, хлѣбъ, сахаръ всѣ были заранѣе свѣшены въ лавкахъ и тогда каждый покупатель получитъ свой свертокъ гораздо скорѣе и не будетъ этихъ безконечныхъ хвостовъ, — всѣ согласились, что это отличная мысль, — такъ почему же они раньше объ этомъ не подумали?

Сегодня будетъ *Шаховской,* такъ какъ я хочу разспросить его насчетъ водяныхъ сообщеній, — я думаю, онъ совсѣмъ спокоенъ насчетъ дровъ, ихъ будетъ достаточно, но я хочу спросить его, нельзя ли раньше, чѣмъ замерзнутъ рѣки, привезти другіе припасы, не относящіеся къ его вѣдомству, водой, — они всѣ должны другъ другу помогать, — а онъ тебя обожаетъ. Вчера онъ былъ у Ани. Потомъ я увижу епископа *Антонія Гурійскаго съ Кавказа* — ты видишь, у меня каждый день народъ, — по крайней мѣрѣ хоть утромъ я имѣю время писать въ

постели. Но я жажду вернуться къ лазаретному дѣлу, — я такъ его люблю. Сейчасъ мнѣ принесли твое милое письмо, за которое нѣжно благодарю. Я рада, что у тебя былъ случай поговорить объ артиллеріи, которая здѣсь готова. Про *Гучкова* и *Алек*(сѣева) я тебѣ разскажу завтра, *Шт*(юрмеръ) сказалъ мнѣ, а *Шаховской* видѣлъ копіи писемъ, — я разскажу тебѣ завтра послѣ того, какъ лично переговорю съ *Шаховскимъ*.

Понятно, если тайно наблюдаютъ за письмами отъ мужа къ женѣ — гораздо больше основаній наблюдать за другими. Прости меня, но *Фред*(ериксъ) поступилъ очень нехорошо, — нельзя такъ строго осудить человѣка за его частныя письма (вскрытыя) къ его женѣ [1] — это низко, по моему. Я бы разъяснила Фред(ериксу), что онъ безусловно поступилъ неправильно. Съ *Хвостова* слѣдовало немедленно снять мундиръ, достаточно доказательствъ, и дѣло это скандальное и грязное, — а здѣсь совсѣмъ частное. Я такъ хотѣла бы, чтобы это можно было поправить, по случаю Бебиныхъ именинъ, — къ счастью онъ еще сенаторъ, шпіонство по временамъ заходитъ слишкомъ далеко, — и я совершенно убѣждена, что гораздо больше народу такъ пишетъ, и открыто такъ говорятъ, — *Коковцову*, *Кривошеину* и многимъ другимъ прошло совершенно даромъ, что они прямо дѣйствовали противъ своего Государя и родины, а у Палена это совсѣмъ частное дѣло, — со стороны Фред(ерикса) это страшная гаффа, и навѣрное, изъ за того, что у того нѣмецкая фамилія. Ты не можешь думать о всѣхъ этихъ вещахъ, у тебя слишкомъ много дѣла, — и другіе виновны въ томъ, что тебя «подводятъ», и это меня сердитъ, такъ какъ они заставляютъ тебя быть несправедливымъ.

Ты говоришь, что я невѣрно нумеровала свои письма, очень извиняюсь. Не можешь ли ты исправить нумерацію и прибавить номеръ къ письму, которое я оставила безъ номера прошлый разъ?

Сегодня сердцу лучше, отдыхъ приноситъ мнѣ пользу. Но погода въ самомъ дѣлѣ унылая.

Какъ странно, что вы опять играли въ стараго Nain Jaune [2]! Какъ я хотѣла бы, чтобы намъ можно было всѣмъ вмѣстѣ уѣхать на нѣсколько дней въ *Севастополь* въ ноябрѣ, какъ бы это было очаровательно.

Ужасная вещь сидѣть въ *Ставкѣ*, въ городѣ въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ подрядъ; а теперь долгая зима, такъ рано начинается. *Силаевъ* мнѣ все сказалъ, бѣдняга. Теперь онъ отправился въ СПБ. и спроситъ у проф., что ему дѣлать и куда ѣхать и, если возможно, возьметъ съ собой семью, — климатъ имъ не подходитъ, имъ нужно солнце на нѣсколько мѣсяцевъ и тепло.

---

[1] Гр. Палена, см. выше.

[2] Дѣтская игра.

Теперь, мое родное солнышко, жизнь моя, дорогой мой, прощай, Богъ да благословитъ тебя. Крѣпко держу тебя въ своихъ объятіяхъ и покрываю пламенными поцѣлуями. Навсегда твоя старая

«Солнышко».

Читаетъ ли первымъ англійскія газеты м-ръ Гиббсъ?

№ 356.

Царское Село, 21 сентября 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Здравствуй, мое сокровище. Наконецъ, опять солнце, — какая радость; но вечеромъ у моего окна было три градуса мороза. Увы, листья такъ скоро осыпаются, я уже могу видѣть церковь Большого Дворца изъ моихъ оконъ. Мы все еще обѣдаемъ и завтракаемъ въ моей большой гостиной.

Я посылаю Павлу вазы и записку, такъ какъ я не могу поѣхать къ нему, сердце расширено. Сегодня недѣля, что я не выѣзжаю изъ дома. Я еще не могу принимать лѣкарства, это очень скучно. Вчера я опять принимала въ теченіе двухъ часовъ, а до этого у меня три четверти часа былъ Апраксинъ и дядя *Меккъ* насчетъ Кавказа. *Раевъ* (хорошій разговоръ) — *Шаховской* (длинный разговоръ). Говорятъ, *Поливановъ* и *Гучковъ* опять работаютъ рука объ руку. Я читала копію двухъ писемъ *Гучкова* къ *Алексѣеву* и попросила начисто переписать одно изъ нихъ, чтобы послать тебѣ, ты увидишь, какой онъ негодяй. Теперь я понимаю, почему А(лексѣевъ) злобствуетъ противъ всѣхъ министровъ послѣ каждаго письма (видно, что ихъ было много): онъ разстраиваетъ бѣднаго *Ал*(ексѣева), и потомъ тѣ факты, которые онъ приводитъ, очень часто умышленно извращены для А. Всѣ министры чувствуютъ его[1] антагонизмъ въ *Ставкѣ* и теперь они понимаютъ, откуда это. Когда я пошлю тебѣ письмо, ты долженъ имѣть серьезный разговоръ съ *Ал.*, такъ какъ этотъ негодяй подрываетъ все правительство въ глазахъ А., — это въ самомъ дѣлѣ низость и въ 10.000.000 разъ хуже, чѣмъ все то, что могъ написать Паленъ своей женѣ. Нужно вырвать *Алексѣева* у *Гучкова*, съ его сквернымъ коварнымъ вліяніемъ. Потомъ я видѣла епископа *Анатолія Гурійскаго*, очаровательное впечатлѣніе, у него въ голосѣ уютныя *Грузинскія* интонаціи, — онъ знаетъ нашего Друга дольше, чѣмъ мы, — много лѣтъ назадъ былъ ректоромъ въ *Казани*. Онъ хоронилъ *Багратіона*, — я просила его помочь мнѣ собирать вещи, бѣлье и т. д. на Кавказѣ и помочь Апраксину, когда я его туда пошлю въ будущемъ мѣсяцѣ. Онъ рѣшительно нападалъ

[1] **Алексѣева.**

на *Ник*(олашу) и всѣхъ ихъ (Анѣ [1]) — онъ слишкомъ суровъ и грубъ съ *грузинами*. Теперь я выяснила, кто экзархъ, — ты помнишь, *Платонъ* изъ Америки, — котораго мы видѣли въ *Ливадіи*, онъ говорилъ по русски съ американскимъ акцентомъ, былъ несимпатиченъ и страшно самоувѣренъ. Это прекрасно для американцевъ, но не для Кавказа, — и теперь я понимаю, почему Н. (Николаша) хочетъ, чтобы онъ сталъ митрополитомъ!!! Этотъ человѣкъ былъ всегда честолюбивъ и хитеръ, и уменъ, и уже обошелъ Н., — можетъ быть придется его услать, если будутъ продолжать такъ его не любить. *Питирима* они до сихъ поръ просто обожаютъ. Онъ пріѣхалъ для рукоположенія во епископы священника Мельхиседека [2] (нашъ Другъ говоритъ, что въ будущемъ онъ будетъ чудеснымъ митрополитомъ), но понятно, теперь не зачѣмъ имѣть митрополита въ *Тифлисѣ*, — они только хотятъ имѣть кругомъ себя дворъ и величіе, скоро они потребуютъ также спеціальныхъ министровъ. Н. (Николаша) говоритъ, что это нужно для страны, которую мы покорили, — глупости, — у Польши, вѣдь, тоже ихъ не было. Представь себѣ, *Синодъ* хочетъ мнѣ преподнести *Грамоту* и икону (изъ за моей работы для раненыхъ, кажется), ты можешь себѣ представить меня, бѣдненькую, принимающую ихъ всѣхъ? Со времени Екатерины ни одна Императрица ихъ не принимала лично и одна. *Гр*(игорій) въ восторгѣ (я менѣе), — но странно, развѣ не я та, которой боялся и всегда не одобряетъ *Синодъ?* Ну, довольно дѣловыхъ разговоровъ.

Намъ привезли еще нѣсколькихъ офицеровъ, — *Варш. Гв.* и т. д. Это отчаяніе, что я не могу работать и видѣть ихъ. Три большія дѣвочки были въ поѣздѣ сестры Ольги, раздавали медали и видѣли очень многихъ. Сегодня О. и Т. ѣдутъ въ городъ для Татьянинскаго комитета. Нашъ Другъ хочетъ видѣть меня сегодня вечеромъ въ маленькомъ домѣ (будетъ и жена его). Онъ говоритъ, что это мнѣ не повредитъ. Говоритъ, что не надо *слишкомъ заботиться*, Богъ поможетъ на фронтѣ.

Сегодня я принимаю *Протопопова* и *Ильина*, каждый день кого нибудь, и моей головѣ приходится такъ много работать, столько надо спрашивать и столько для тебя разъяснять.

Я также жалѣю, что Ольга хочетъ теперь выходить замужъ, — и какъ будетъ тогда съ ея лазаретомъ, и *вообще* я не могу не жалѣть глубоко объ этомъ бракѣ, хотя желала бы, чтобы она, наконецъ, была счастлива. Маленькая Мари съ нами завтракала, — выглядитъ хорошо, дѣла у нея мало, т. е. она не ходитъ за ранеными, а только присматриваетъ за *хозяйствомъ*, что доставляетъ ей не много работы, и затѣмъ она взя-

[1] Т. е. въ разговорахъ съ Аней.
[2] См. выше.

ла на себя комитетъ Эллы въ *Псковѣ*. Лѣтомъ она жила въ маленькомъ домѣ возлѣ монастыря, гдѣ живетъ старецъ, который ей нравится. Она произвела на меня хорошее спокойное впечатлѣніе[1]. Дмитрій насмѣхается надъ ней, и это ее огорчаетъ, и другіе также говорятъ, что она очень некрасива въ формѣ сестры и выглядитъ гораздо лучше въ городскомъ платьѣ и т. д. — все это такъ глупо, — вмѣсто того, чтобы радоваться, что дѣвочка, наконецъ, нашла занятіе, которое ее удовлетворяетъ, — что будетъ послѣ войны, она не можетъ себѣ представить. Прилагаю письмо, которое Аня получила отъ *Бреслера*, скажи мнѣ, что ему отвѣтить, — можетъ ли онъ представиться или прислать тебѣ прошеніе черезъ меня?

Мадленъ только что принесла мнѣ твое милое письмо, — нѣжно благодарю тебя, мое сокровище. Я понимаю, какъ ты озабоченъ, — сегодня я буду говорить съ *Протоп*(оповымъ) и съ нашимъ Другомъ; *Шах*(овской) мнѣ сказалъ, что по рѣкамъ привезли достаточно топлива на всю зиму, — дровъ и угля, — понятно, цѣны высокія, увы. Онъ получилъ впередъ много денегъ, чтобы уже подготовить топливо на осень 17—18 года. Я спрашивала насчетъ хлѣба. Онъ говоритъ, что крестьяне всегда быстро продавали свой хлѣбъ въ мирное время, боясь, что цѣны упадутъ, — теперь они знаютъ, что, чѣмъ дольше ждать, тѣмъ выше будутъ цѣны, и они не торопятся, тѣмъ болѣе, что у нихъ достаточно денегъ. Я ему сказала, что по моему слѣдовало бы разослать чиновниковъ разныхъ заинтересованныхъ въ этомъ министерствъ въ наиболѣе важные пункты за мукой и хлѣбомъ, и чтобы они говорили съ крестьянами и все бы имъ отчетливо объяснили. Когда дурные люди хотятъ имѣть успѣхъ, они всегда говорятъ, и къ нимъ прислушиваются. Если теперь хорошіе люди также постараются, понятно, крестьяне ихъ послушаютъ. Губернаторы, вице-губернаторы и всѣ ихъ служащіе должны принять участіе. Я объ этомъ поговорю съ *Протопоп.* и увижу, что онъ мнѣ скажетъ. Причину, почему у насъ нѣтъ достаточно сахара, ты знаешь. Теперь посылаютъ такія огромныя количества масла въ армію (ей нужно больше жировъ, такъ какъ у нея меньше мяса), что здѣсь уже не хватаетъ. Рыбы довольно, но не хватаетъ мяса. Меня интересуетъ поговорить съ новымъ человѣкомъ, и мы увидимъ, какія у него идеи. Охъ, *Кривошеинъ*, у него все на его гнилой совѣсти! Но все же это все не такъ страшно, мы должны найти и найдемъ выходъ. А эти мерзавцы *Родз*(янко), *Гучк*(овъ), *Пол*(ивановъ) и компанія интригуютъ гораздо больше, чѣмъ это наружу видно (я чувствую), для того, чтобы вырвать разные вопросы изъ рукъ министровъ. Но ты скоро все увидишь и переговоришь обо всемъ,

[1] Въ подлинникѣ «мнѣніе».

и я спрошу совѣта нашего Друга. У Него такъ часто бываютъ здравыя идеи, которыхъ не замѣчаютъ другіе, — Богъ Его вдохновляетъ, — и завтра я напишу, что Онъ сказалъ. Мнѣ спокойнѣе, что Онъ здѣсь, Онъ говоритъ, что все пойдетъ лучше, — Его меньше преслѣдуютъ: — какъ только начинаютъ больше нападать на Него, все идетъ хуже.

Я надѣюсь, что такое безконечное письмо не сведетъ тебя съ ума, солнце моего сердца. Какъ я хотѣла бы быть съ тобой и около тебя все время и помочь тебѣ нести все. Возвращаю тебѣ нѣсколько кусочковъ картона, такъ какъ я увѣрена, что тебѣ они очень нужны. Цѣлый часъ говорила съ *Протоп*(оповымъ) — въ самомъ дѣлѣ хорошее впечатлѣніе. Я ему сказала, чтобы онъ тебѣ послалъ телеграмму, которую онъ и *Бобр.* послали всѣмъ губернаторамъ [1].

Я должна кончать, тысячу поцѣлуевъ и нѣжныхъ благословеній отъ старой женки.

Воистину я думаю, что Богъ послалъ тебѣ настоящаго человѣка въ лицѣ *Протопопова,* и онъ будетъ работать и уже началъ.

Я думаю, что теперь можно оставить *продов.* въ рукахъ губернаторовъ, военныхъ не нужно.

№ 357.

Царское Село, 22 сентября 1916 г.

Мой любимый, родной голубчикъ,

У меня очень много о чемъ съ тобой переговорить, но такъ какъ я всю эту ночь почти не спала и видѣла каждый часъ, каждые полчаса, исключая пяти часовъ, на циферблатѣ (и я не знаю почему, такъ какъ я провела прелестный успокоительный вечеръ), то я не знаю, найду ли достаточно словъ.

Нелегко передавать разговоры. Всегда боишься, что скажешь не то слово и, такимъ образомъ, смыслъ измѣнится. Для начала посылаю тебѣ копію одного изъ писемъ *Гучкова* къ *Алексѣеву* — прочитай его, пожалуйста, и ты поймешь, что бѣдный генералъ выходитъ изъ себя — а *Гучковъ* говоритъ неправду, подстрекаемый *Поливановымъ,* съ которымъ онъ неразлученъ. Предостереги серьезно старика противъ этой переписки, ея цѣль энервировать его — и все это его не касается, потому что для арміи все будетъ сдѣлано и ни въ чемъ не будетъ недо-

[1] Упр. мин. внутр. дѣлъ Протопоповъ и мин. земледѣлія гр. Бобринскій разослали губернаторамъ телеграфный циркуляръ, въ которомъ предупреждали о необходимости особой осторожности въ примѣненіи при осуществленіи снабженія арміи и населенія принудительныхъ мѣръ, включая сюда реквизицію и особенно тяжелую мѣру — запретъ вывоза.

статка. Нашъ Другъ проситъ тебя не безпокоиться насчетъ *продовольствія*. Вотъ почему я вчера вечеромъ опять телеграфировала — онъ говорилъ, что все наладится и новый министръ уже сразу принялся за работу. Бобринскій, навѣрное, тебѣ разсказалъ про ихъ общую телеграмму губернаторамъ, это была умная вещь. Надо, чтобы они отдавали себѣ отчетъ въ своей власти и сдѣлали изъ нея большее употребленіе.

Я сказала *Протопопову*, чтобы онъ это тебѣ написалъ — онъ сказалъ, что это было бы противъ этикета, такъ какъ онъ еще не представился и не хочетъ тебѣ надоѣдать. Я сказала, что это совершенно все равно, что ты и я держимся этикета въ оффиціальныхъ случаяхъ, но внѣ этого предпочитаемъ всегда все знать. Другой недостатокъ, о которомъ говорилъ *Прот(*опоповъ) и въ чемъ я вполнѣ съ нимъ согласна, это, что нельзя вывозить продукты изъ одной губерніи въ другую — это нелѣпо — въ одной почти нѣтъ скота, въ другой болѣе, чѣмъ нужно — понятно надо дать имъ возможность получать его и т. д. У помѣщиковъ хотятъ конфисковать всѣ ихъ лѣса (приходится наполнить другое перо). Это несправедливо, такъ какъ иные изъ нихъ только живутъ благодаря своимъ лѣсамъ и для нихъ жизнь стала очень трудной — такъ нужно пошевелить мозгами и конфисковать немножко въ однихъ имѣніяхъ, а въ другихъ, у которыхъ имѣются другія средства для поддержки своихъ имуществъ, кромѣ лѣсной торговли, конфисковать побольше. Онъ сказалъ *Шаховскому*. Мы говорили полтора часа — раньше я никогда съ нимъ не говорила, даже не помнила его лица. У него хитрое лицо *Брусилова*, когда онъ прищуриваетъ одинъ глазъ. Очень умный, вкрадчивый, великолѣпныя манеры, говоритъ также очень хорошо по французски и по англійски, видно, что онъ привыкъ говорить — онъ не будетъ спать, такъ онъ мнѣ обѣщалъ (но его необходимо держать въ рукахъ, по словамъ нашего Друга, чтобы онъ не возгордился, это бы все испортило) — я съ нимъ говорила очень откровенно о томъ, какъ постоянно не исполняются твои приказанія, не говоря о томъ, какъ трудно вѣрить людямъ, которые обѣщаютъ и не держатъ своихъ обѣщаній; — я уже болѣе ни капли не стѣсняюсь и не боюсь министровъ, и говорю по русски какъ водопадъ... И они изъ любезности не смѣются надъ моими ошибками. Они видятъ, что я энергична и говорю тебѣ все, что я слышу и вижу, и что я для тебя настоящая стѣна въ твоемъ тылу и при томъ очень крѣпкая, и съ Божьей помощью я надѣюсь, что немного буду тебѣ полезной. *Шах.* просилъ разрѣшенія бывать, когда у него будутъ важные вопросы, *Бобр.* также и этотъ тоже, и *Шт*(юрмеръ) приходитъ каждую недѣлю, такъ что можетъ быть мнѣ удастся заставить ихъ работать дружно. Я упряма и постоянно повторяю то же самое, и нашъ Другъ помо-

гаетъ своими совѣтами (только бы они продолжали прислушиваться къ Нему). Дѣло должно пойти и пойдетъ, моя душка.

Протоп(оповъ) ищетъ преемника Оболенскому, это болѣе чѣмъ необходимо — онъ думалъ о *Спиридовичѣ*, но я сказала нѣтъ, — что мы съ тобой объ этомъ уже говорили и считаемъ, что онъ лучше подходитъ для *Ялты*[1], чѣмъ для столицы. Онъ сказалъ *Об*(оленскому) приходить къ нему каждое утро, сдѣлалъ распоряженіе насчетъ *хвостовъ* въ городѣ, чтобы продукты впередъ взвѣшивались, чтобы устроить для населенія навѣсы въ дворахъ, чтобы не приходилось оставаться на улицахъ — до сихъ поръ онъ ничего не сдѣлалъ, совершенно не годится для своего мѣста — слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія, чтобы принять постъ губернатора. Ну, я больше не хочу повторять, это тебѣ скучно. Но онъ человѣкъ, который будетъ работать, обѣщалъ быть правдивымъ, пусть онъ это докажетъ (я совсѣмъ замазалась перомъ) — но не передавай продовольствія въ военныя руки — я вполнѣ вѣрю, что П(ротоповъ) можетъ справиться съ этимъ вопросомъ и сдѣлаетъ все, что въ его власти для успѣха. *Бобр.* очень преданъ, но довольно старъ, вмѣстѣ они справятся, *Шах.* (глупенькій, онъ надѣялся стать министромъ внутреннихъ дѣлъ, нашъ Другъ мнѣ объ этомъ сказалъ, потому онъ немного противъ *Прот.*, хотя онъ старый его другъ) я заставлю его работать съ другими, нашъ другъ меня просилъ это сдѣлать (я уже это сдѣлала во вторникъ). Любовь моя, что въ моей власти, то я сдѣлаю, чтобы помочь тебѣ — иногда женщина можетъ помочь, если мужчины хоть немножко къ ней прислушиваются — эти знаютъ, что имъ приходится считаться со мною, какъ съ твоей охраной, съ твоимъ глазомъ и ухомъ въ тылу. Лучше чтобы *продов(*ольствіе) осталось въ рукахъ гражданской власти, — а военная была бы цѣликомъ для *дѣйст. арміи.* Все изъято изъ рукъ м. внутрен. дѣлъ и теперь передано *Бобр.* Поэтому они будутъ работать вмѣстѣ, начиная съ этой телеграммы. Ихъ помощники были крайне недовольны, но приказаніе отправить телеграмму было отдано. Не надо раздражать — а невольно военныя мѣры могли бы оказаться слишкомъ суровыми тамъ, гдѣ это не нужно — и нельзя же, чтобы они давали приказанія губернаторамъ, вице-губернаторамъ и т. д. Нѣтъ, я думаю, что теперь ты можешь на этотъ счетъ быть спокойнымъ, и нашъ дорогой Другъ также это говоритъ.

Вчера я провела прелестный вечеръ, и мы были очень, очень огорчены, что ты не съ нами. Ты бы отдохнулъ, и это такъ приподымаетъ. Тамъ, кромѣ того, былъ епископъ, старый человѣкъ и другъ Его «очень высокій», а потому его преслѣдовали *(Вятка)* и обвиняли въ томъ, что онъ цѣловалъ женщинъ и т. д., а онъ, какъ нашъ Другъ и какъ всѣ въ ста-

---

[1] Въ августѣ назначенъ градоначальникомъ Ялты.

рину дѣлали, одинаково цѣловалъ всѣхъ: Почитай апостоловъ — они всѣхъ цѣловали въ видѣ привѣтствія. Такъ вотъ *Питиримъ* послалъ за нимъ, и онъ его совершенно очистилъ. Онъ гораздо выше митрополита и въ разговорѣ съ *Гр*(игоріемъ) одинъ продолжаетъ то, что началъ другой, и все же епископъ смотритъ на *Гр*(игорія) снизу вверхъ. Была такая мирная атмосфера, и мнѣ такъ хотѣлось твоего милаго присутствія — это былъ бы такой отдыхъ послѣ твоихъ безконечныхъ работъ и заботъ, — такіе чудесные разговоры. Они говорили о святой Дѣвѣ — что она никогда ничего не написала, хотя была такой умницей — что ея существованіе и бытіе сами по себѣ были достаточнымъ чудомъ — что больше ей ничего не было нужно, она не хотѣла никогда говорить о себѣ; *(а жизнь ея извѣстна Духу Нашему).* Только что получила твое милое письмо, ахъ, я такъ рада, что ты чувствуешь себя менѣе грустнымъ. Я ненавижу разлуку съ тобой. Ты все несешь одинъ, нѣтъ ни одной души, чтобы раздѣлять твои заботы — поговори съ Н. П., пусть онъ будетъ тебѣ полезенъ. Онъ знаетъ нашего Друга, и это даетъ ему возможность легче все понимать — и онъ развился въ эти послѣдніе мѣсяцы, съ этой тяжелой отвѣтственностью на плечахъ. Ну, я полагаю, что ты правъ, остановивъ наступленіе и начиная работу съ юга, мы должны подвигаться черезъ Карпаты до зимы, тамъ уже теперь очень холодно. Командиръ моихъ *Сибиряковъ* раненъ и среди другихъ одинъ прелестный офицеръ, который уѣхалъ отъ насъ всего два мѣсяца назадъ, — я надѣюсь, что его привезутъ сюда. Если мы двинемся на югъ, они будутъ вынуждены перекинуть туда свои силы, и мы будемъ здѣсь къ сѣверу свободнѣе. Богъ поможетъ — только бы терпѣніе, но врагъ все еще очень могущественъ.

Прилагаю для тебя нѣсколько снимковъ, сдѣланныхъ Настенькой или Изой. Настенька будетъ у меня сегодня днемъ. Былъ *докладъ Ростовцева* вчера, и еще *Ильинъ*, и я говорила о неприличномъ поведеніи многихъ сестеръ (не настоящихъ изъ *общины)* и т. д. Мы говорили съ *Протоп*(оповымъ) насчетъ призыва методистовъ[1] (всего ихъ кажется 10.000), мы оба нашли, что это неразумно, такъ какъ противорѣчитъ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ и число ихъ невелико. Такъ я предложила ему просить военнаго министра дать ихъ какъ санитаровъ и потомъ взять всѣхъ санитаровъ (которыхъ они всегда стараются отобрать) на войну. Это было бы хорошо, и они бы служили. Или, какъ говоритъ нашъ Другъ, воспользоваться ими, чтобы рыть *окопы* и подбирать раненыхъ и убитыхъ, какъ дѣлаютъ санитары на войнѣ. Нашъ Другъ находитъ, что ты долженъ былъ бы теперь приз-

[1] Приказъ опубликованъ 20 сентября, 19 октября состоялся указъ о назначеніи менонитовъ въ санитарныя учрежденія.

вать *татаръ* — ихъ такое множество въ *Сибири* вездѣ, но имъ надо хорошенько объяснить и не повторять той преступной ошибки какая была сдѣлана въ Туркестанѣ. Потомъ нашъ Другъ сказалъ: *ген. Сухомлинова надо выпустить чтобы онъ не умеръ въ темницѣ а то неладно будетъ — никогда не боятся выпустить узника, возрождать грѣшниковъ къ праведной жизни — узники черезъ ихъ страданія пока доходятъ до темницы — выше насъ становятся передъ лицомъ божьимъ* — это болѣе или менѣе Его слова. Каждый даже худшій грѣшникъ переживаетъ минуты, когда душа его поднимается и очищается страшными страданіями — тогда надо протянуть руку и спасти ихъ, прежде чѣмъ они опять погибнутъ отъ горечи и отчаянія. У меня есть для тебя прошеніе отъ м-мъ *Сухомлиновой*. Хочешь ли ты, чтобы я тебѣ его послала, онъ уже шесть мѣсяцевъ сидитъ въ тюрьмѣ, это достаточне наказаніе — (такъ какъ онъ не шпіонъ) за все то злое, что онъ сдѣлалъ — онъ старъ, разрушенъ и долго не проживетъ. Было бы ужасно, если бы онъ умеръ въ тюрьмѣ. Прикажи его взять и тщательно сторожить въ его собственномъ домѣ безъ всякаго шума, пожалуйста, моя птичка[1]. *День это вѣкъ теперь — надо мудрыхъ правителей, — скорѣе убрать градоначальника,* такъ какъ онъ дѣлаетъ безконечно много вреда, ищутъ ему преемника. Они великолѣпно говорили о Богѣ, это мнѣ напомнило персидскую книгу, которую я люблю, Богоутшита. *«Бога надо вездѣ видѣть — во всѣхъ вещахъ — во всемъ, что окружаетъ насъ, тогда спасемся»; «будьте святы, какъ я святъ», будьте Богомъ по благодати.* Трудно передать, то что Онъ говоритъ, слова безсильны — нужно сопровождающее ихъ душевное настроеніе, чтобы освѣщать ихъ.

Пасмурно, дождливо и темно. Я лежу въ постели и пишу при лампѣ. Это утреннее лежаніе мнѣ полезно, я выгляжу гораздо хуже, чѣмъ когда Н. П. меня въ послѣдній разъ видѣлъ. Я дѣлаю все, что могу, чтобы стать крѣпче, надѣюсь завтра начать опять свое лѣкарство. Я лежу весь день, кромѣ только того времени, когда принимаю.

Очень хочу поправиться къ тому времени, когда мы встрѣтимся. Милый мой, вы мнѣ оба страшно недостаете. Мои мысли всегда съ тобой. Покрываю тебя нѣжнѣйшими поцѣлуями. Богъ да защититъ тебя теперь и всегда.

Навсегда, мой Ники, твоя глубоко любящая старая

«Солнышко».

Не могу понять, что происходитъ въ Греціи — похоже на то, что тамъ собирается революція, не дай Богъ, увы, это будетъ ошибкой союзниковъ.

---

[1] Желаніе это было исполнено.

№ 358.

Царское Село, 23 сентября 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Чудное солнечное утро — я немного полежу на солнцѣ. Вчера я четверть часа сидѣла на воздухѣ, такъ какъ я задыхалась даже при открытой всю ночь форточкѣ. Греческій Ники будетъ къ чаю — онъ, наконецъ, въ воскресенье уѣзжаетъ, бѣдняжка. Я рада сказать, что Мари поѣхала кататься верхомъ.

Нашъ Другъ говоритъ по поводу новыхъ приказаній, которыя ты далъ Брус. и т. д.: *«Очень доволенъ распоряженіемъ Папы, видетъ хорошо».* Онъ объ этомъ никому не скажетъ, но мнѣ пришлось испросить Его благословенія для твоего рѣшенія.

Нѣжно благодарю тебя за твое нѣжное письмо, которое я только что получила. Я такъ надѣюсь, что на *Брусилова* можно положиться и что онъ не сдѣлаетъ глупости и не пожертвуетъ опять гвардіей для взятія неприступныхъ позицій.

Я рада, что тебѣ было пріятно говорить съ *Бобринскимъ.*

Беби написалъ мнѣ такое милое письмо, дорогой ребенокъ.

Очень, очень тоскую по тебѣ, мой единственный, мое все; я стараюсь поправиться, — можетъ помочь воздухъ и теперь лѣкарство. Прости это короткое письмо. Нѣжно благодарю и цѣлую.

Навсегда твоя старая женка.

№ 359.

Царское Село, 24 сентября 1916 г.

Милый мой, любимый,

Сѣрое, туманное, дождливое утро, — я спала и чувствую себя средне. Дочь *Шевичъ* (эксъ-*стрѣлка)* придетъ, чтобы Павелъ и я ее благословили — она завтра выходитъ замужъ за Делингсгаузена изъ 4-го полка. Потомъ я увижу бѣднаго *Кутайсова,* сестра котораго *(Ребиндеръ)* умерла такъ внезапно. Душка, нашъ Другъ очень недоволенъ тѣмъ, что *Брусиловъ* не послушался твоего приказанія остановить наступленіе — Онъ говоритъ, что ты вдохновленъ свыше отдать это приказаніе, и насчетъ перехода черезъ Карпаты до зимы, и Богъ это благословитъ — теперь, Онъ говоритъ, опять будутъ безполезныя потери.

Онъ надѣется, что ты все таки настоишь, такъ какъ теперь *неладно.* Одинъ изъ моихъ раненыхъ написалъ мнѣ, такъ чтобы я одна могла понять, что теперь все совершенно безполезно, сами начальники не очень увѣ-

ены и потери ни къ чему. Такъ что ты видишь, что то такое ведется неправильно. Многіе повторяютъ тоже самое. Это совпадаетъ съ тѣмъ что Павелъ говорилъ насчетъ *Каледина*, что онъ совсѣмъ не увѣренъ въ успѣхѣ. Зачѣмъ упрямо лѣзть на стѣну, только разобьешь себѣ голову безъ нужды — и жертвовать жизнями словно мухами! Вотъ, принесли твое письмо. Какъ чудесно, такъ рано, еще только десять съ половиной. Еще и еще благодарю тебя, моя птичка. Я такъ тронута тѣмъ, что ты пишешь, и это мнѣ позволитъ быть тебѣ помощницей — раньше я пробовала, но чувствовала, что министры меня не любятъ.

Я только бы хотѣла поскорѣе стать немного крѣпче — такъ какъ тогда лазаретъ мнѣ помогаетъ въ промежуткахъ для души и даетъ отдыхъ головѣ.

Вчера у меня полтора часа была м-мъ *Оржевская*, а потомъ греческій Ники. Онъ уѣзжаетъ завтра — онъ надѣется, что ты получилъ его послѣднее письмо, ты не телеграфировалъ. Онъ опять напишетъ сегодня — я должна сказать, что наши дипломаты поступаютъ постыдно и, если Тино выбросятъ вонъ, это будетъ наша вина — это ужасно и несправедливо — какъ мы смѣемъ вмѣшиваться въ частную политику страны и заставлять выгонять правительство и интриговать, чтобы революціонеръ вернулся на его мѣсто. Мнѣ кажется, что еслибы ты могъ добиться, чтобы французское правительство отозвало Серайля (это мое частное мнѣніе), все бы сразу тамъ успокоилось. Это страшная интрига франкъ-массоновъ, къ которымъ принадлежатъ французскій генералъ и Венизелосъ, и много богатыхъ грековъ изъ Египта и т. д., которые собрали деньги и даже заплатили *Новому Времени* и другимъ газетамъ, чтобы писать дурныя и запрещать хорошія статьи, касающіяся Тино и Греціи. Гнусный позоръ!

(Сегодня больше не могу писать — въ Красномъ Крестѣ всѣ говорятъ по поводу бумаги Михенъ, ея желаніе имѣть *вѣдомство* — совсѣмъ неправильно, нельзя отдѣляться отъ Краснаго Креста.) Богъ да благословитъ тебя. Нѣжно цѣлуетъ тебя

твоя старая женка.

Вотъ строго конфиденціальное письмо Палена къ *Танѣеву*, и въ качествѣ таковаго я все таки должна тебѣ его переслать — тебя заставили совершить несправедливость. Говоря по совѣсти, я бы вернула ему его придворное званіе, которое онъ незаслуженно потерялъ. *Гучковъ* дѣлаетъ гораздо худшія вещи, его не трогаютъ и не дѣлаютъ никакихъ репримандовъ, а Паленъ пострадалъ невинно. Верни ему теперь званіе, прежде чѣмъ я пріѣду, чтобы показать, что ты одинъ это сдѣлалъ, или если ты ищешь повода, то 5-го октября[1] — но пожалуйста,

[1] Именины Наслѣдника.

сдѣлай это. Скажи *Максимовичу*, чтобы онъ все написалъ Фредериксу, чтобы это было быстро исполнено. Такъ пріятно исправить несправедливость — иначе Танѣевъ никогда бы мнѣ не послалъ этого конфиденціальнаго письма. Онъ даже не знаетъ, что я его тебѣ посылаю.

№ 360.

Царское Село, 25 сентября 1916 г.

Дорогой мой голубчикъ,

Пасмурная, унылая погода — еще больше листьевъ осыпалось, такъ мрачно.

Душка, я вчера видѣла *Кутайсова*, и у насъ былъ длинный разговоръ — потомъ Павелъ сказалъ мнѣ объ интересныхъ письмахъ отъ *Рауха* и *Рыльскаго*, и отъ другихъ я слышала — и всѣ говорятъ тоже самое, что это второй Верденъ, что мы жертвуемъ тысячами жизней не для чего, изъ чистаго упрямства. Ахъ, отдай опять приказаніе *Брусилову* — остановить эту безполезную бойню. Младшіе чувствуютъ, что у вождей ихъ также нѣтъ никакой вѣры въ успѣхъ тамъ, зачѣмъ повторять безумія германцевъ подъ Верденомъ. Твои планы были такъ мудры, ихъ одобрилъ нашъ Другъ — *Галичъ, Карпаты*, Dorna-Watra *Румыны*. Держись за это. Ты вѣдь главный «директоръ», всѣ тебя поблагодарятъ на колѣняхъ и наша славная гвардія. Эти болота неприступны — открытыя пространства, невозможно скрываться, мало лѣсовъ, скоро листья осыпятся и уже для наступленія не будетъ спасительнаго прикрытія. Пришлось посылать людей далеко въ обходъ болотъ, запахъ такъ ужасенъ — ихъ товарищи остались безъ погребенія!! Наши генералы не считаютъ «жизней» — они закалены и привыкли къ потерямъ — а это грѣхъ — когда увѣренъ въ успѣхѣ, то другое дѣло. Богъ благословилъ твою мысль, пусть она будетъ выполнена, — пощади эти жизни. Душка, я ничего не знаю, но развѣ *Калединъ* настоящій человѣкъ, на настоящемъ мѣстѣ, когда такъ трудно дѣйствовать?

Теперь вотъ еще что. Я выискиваю подходящее лицо на мѣсто Оболенскаго (кстати, онъ просилъ свиданія со мной — это очень непріятно, не мое дѣло съ нимъ разговаривать), — не подошелъ ли бы *Адріановъ*[1], по прежнему ли онъ въ свитѣ? Онъ былъ совершенно оправданъ — имѣетъ ли значеніе, что онъ былъ подъ судомъ? Вѣдь онъ вышелъ изъ него чистымъ. Если у тебя нѣтъ ничего противъ этой идеи, тотчасъ пошли телеграмму, что ты согласенъ № 1; тогда я предложу его *Штюрмеру*, который можетъ поговорить съ министромъ

[1] Б. московскій градоначальникъ, уволенный послѣ нѣмецкаго погрома въ Москвѣ.

внутреннихъ дѣлъ — не въ качествѣ твоего приказанія, но что ты ничего не будешь имѣть противъ. Онъ былъ очень хорошъ въ Москвѣ. *Джунковскій* старался сломать ему и *Юсупову* шеи — и изъ всѣхъ *Адр.* былъ наименѣе виновенъ, но тебѣ лучше судить. Затѣмъ, чтобы закончить насчетъ Оболенскаго, нельзя ли было бы дать ему мѣсто *Комарова*[1] — я сомнѣваюсь, чтобы онъ долго пробылъ, даже если жизнь его будетъ спасена, онъ останется инвалидомъ. Это чудное мѣсто, онъ — *преображ.*, и я думаю совсѣмъ годится для такого мѣста. Если ты согласенъ на это, телеграфируй № 2 да. Ты видишь, я это выписала на бумажкѣ, я вѣроятно его увижу во вторникъ и тогда, если онъ будетъ дѣлать исторіи, я могла бы ему сказать, что ты думаешь о немъ въ будущемъ для Зимняго Дворца — онъ въ свитѣ — а *Зейме* не въ свитѣ, и тотъ болѣе подходитъ.

Дѣти всѣ отправились въ церковь, я все еще не могу, такъ скучно. Павелъ будетъ у тебя въ четвергъ, у него большой *докладъ*, и онъ хотѣлъ бы поступить въ гвардію (это было бы очень хорошо) и вернуться въ *Ставку*, если успѣетъ къ пятому. Что ты сдѣлалъ по поводу письма *Гучкова?* Наконецъ, нашъ *Боткинъ* вполнѣ понялъ, что это за человѣкъ — они родственники — но онъ только теперь вполнѣ понялъ то великое зло, которое въ немъ заключается — онъ вмѣстѣ съ *Поливановымъ* пытался повредить его брату — моряку. Ты его теперь спасъ, пославъ телеграмму *Рузскому*, который раньше не желалъ исполнить твоего приказанія насчетъ *Боткина*. Но его тамъ приняли «какъ собаку».

Павелъ и я благословили маленькую Шевичъ — хорошенькая дѣвочка — сегодня ея свадьба, — ея мать старая, толстая, почти безъ зубовъ — а она моихъ лѣтъ. У нея былъ ребенокъ три года тому назадъ, счастливая женщина. Къ сожалѣнію, я ничего интереснаго тебѣ не могу сказать. Это письмо скучное.

Нѣжно благодарю тебя за дорогое письмо, оно такъ рано получено. Я не могу себѣ представить, почему мои такъ часто запаздываютъ. Ну, я рада, что *Брусиловъ* послалъ *Каледина* на югъ и передалъ все *Гурко*, это самое умное, что онъ могъ сдѣлать — пусть онъ будетъ благоразуменъ и не упрямится, объясни ему это какъ слѣдуетъ. Ахъ, я также тоскую по тебѣ страшно, — скоро, скоро, дастъ Богъ, мы опять проведемъ вмѣстѣ нѣсколько счастливыхъ часовъ. Держи Бебичку въ рукахъ, смотри, чтобы онъ не игралъ за столомъ, пожалуйста, и не клалъ бы рукъ и локтей на столъ — и не давай ему бросать хлѣбными шариками. Уже пять мѣсяцевъ, что ты въ отсутствіи — ахъ, когда

---

[1] Завѣдующаго Зимнимъ Дворцомъ.

же ты будешь имѣть возможность уѣхать изъ этого стараго мѣста и опять что нибудь увидѣть другое.

Прощай, мой милый, солнце моей жизни. Нѣжно тебя цѣлую. Богъ да благословитъ и защититъ тебя.

Твоя родная старая женка.

Пожалуйста, обрати вниманіе на то, что А. (Аня) написала по поводу *повышенія жалованія* всѣмъ бѣднымъ *чиновникамъ* по всей странѣ[1]. Это должно исходить непосредственно отъ тебя — всегда можно имѣть деньги отъ какихъ нибудь капиталовъ — это ударъ по всѣмъ революціоннымъ идеямъ. Нашъ Другъ говоритъ, что если ты согласенъ *Адріанова,* то какъ *временно исполн. должн. градонач.* Тогда никто ничего не можетъ сказать противъ него.

№ 361.

Царское Село, 26 сентября 1916 г.

Мое родное сокровище,

Вотъ — ты скажешь — большой листъ, это значитъ, что она опять будетъ много болтать. Ну, *Прот*(опоповъ) обѣдалъ съ А(ней) — она съ нимъ знакома годъ или два — и онъ предложилъ моего друга *Конст. Ник. Хагандокова* вмѣсто Оболенскаго, т. е. *В. Волконскій* его предложилъ. У меня вся *Справка* насчетъ него — хотя мы его знаемъ — и это въ самомъ дѣлѣ было бы очень хорошо. Теперь онъ *воен. губ.* и *наказ. ат. Амурск. Каз. войскъ,* продѣлалъ китайскую кампанію, японскую и эту войну, *участвовалъ* въ *усмиреніи возстанія въ Манджуріи* въ 1900, — вѣроятно, моихъ лѣтъ или даже моложе, — *въ службѣ офиц. десятаго августа 1890,* имѣетъ всѣ военныя награды по своему чину; нашъ Другъ говоритъ, что, если онъ насъ любитъ, почему не взять его — я была совсѣмъ взята врасплохъ, такъ какъ никогда о немъ не думала. *Чинъ — ген.-майоръ.* Быть можетъ все это лучше, чѣмъ *Адр.,* у котораго, конечно, есть враги. Мнѣ кажется, *Хаган.* сказалъ мнѣ, что онъ ушелъ изъ за почекъ, и эта служба не утомительна, нуженъ энергическій человѣкъ — и его бѣлый крестъ уже самъ по себѣ произведетъ эффектъ.

Вчера въ Москвѣ было неблагополучно, такъ что *Протоп*(оповъ) тотчасъ послалъ туда *Волконскаго* и сказалъ *Бобр*(инскому), чтобы онъ послалъ своего товарища также посмотрѣть, что дѣлается. Онъ не теряетъ времени, — я рада это удостовѣрить, — и они и военныя власти, надѣюсь, сейчасъ же все успокоятъ. Но, навѣрное, это начнется и здѣсь,

[1] 30 сентября газеты сообщили, что вопросъ этотъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ.

и Оболенскій окажется совершенно непригоднымъ — мы видѣли, чѣмъ онъ былъ въ полку, гдѣ онъ могъ остановить эту исторію[1].

Посылаю тебѣ прошеніе *медиц. фельдш.*, который убилъ человѣка — только прочти его — онъ проситъ, чтобы его послали *фельдш.* на фронтъ. Только ты можешь измѣнить приговоръ, милостиво разрѣшивъ. Нашъ Другъ далъ мнѣ это прошеніе, и *Рост*(овцевъ) говоритъ, что только ты можешь помочь. Моя канцелярія нанесла красныя отмѣтки.

Потомъ посылаю тебѣ сдѣланные мною снимки — также для *Алексѣева*, одинъ для *Максимовича*, одинъ для *Мордв*(инова), одинъ для *Граббе* и два *Казакамъ*, — отдай Беби, чтобы онъ ихъ передалъ, если ты не можешь, милый.

Протоп(оповъ) просилъ разрѣшенія повидать тебя — не скажешь ли ты ему, чтобы онъ выпустилъ *Сухомл*(инова). Онъ говоритъ, что, понятно, это можно сейчасъ же сдѣлать, онъ скажетъ министру юстиціи записать это, чтобы напомнить тебѣ, когда онъ тебя увидитъ, и также поговори съ нимъ насчетъ Рубинштейна[2], чтобы его потихоньку услали въ Сибирь и не оставляли бы здѣсь для раздраженія евреевъ. *Прот*(опоповъ) совсѣмъ согласенъ съ точкой зрѣнія нашего Друга на этотъ вопросъ. *Прот*(опоповъ) думаетъ, что это *Гучковъ* подстрекнулъ военныя власти схватить его[3], въ надеждѣ найти доказательства противъ нашего Друга. Конечно, у него были некрасивыя денежныя дѣла, но не только у него одного.

Позволь ему откровенно тебѣ высказаться, я сказала, что ты всегда этого желаешь такъ-же, какъ и я.

Онъ очень умно предполагаетъ использовать *Курлова*[4] въ нѣкоторыхъ *продовольственныхъ* вопросахъ, это правильно, не надо оставлять того безъ дѣла. Онъ тотчасъ же распорядился напечатать эти свѣдѣнія о тѣхъ милліонахъ, которые получилъ *союзъ*, пока другіе мѣшкали[5]. Но только это не то, что я хотѣла — я не хотѣла только голыхъ фактовъ — они достаточно плохи — но надо было умно написать — это на мой вкусъ слишкомъ «обнаженно». Плакать хочется при мысли о томъ, что

---

[1] Рѣчь идетъ объ извѣстномъ бунтѣ въ Преображенскомъ полку въ 1905—6 гг.

[2] Арестованнаго комиссіей ген. Батюшина. Въ началѣ декабря былъ освобожденъ изъ подъ стражи.

[3] Рубинштейна.

[4] Уволеннаго послѣ убійства П. А. Столыпина въ Кіевѣ. 19 ноября членами Государственной Думы предъявленъ запросъ о назначеніи генерала Курлова товарищемъ министра внутр. дѣлъ, причемъ приказъ о его назначеніи, вопреки закону, не былъ опубликованъ.

[5] 25 сентября цифры полученныхъ союзами изъ гос. казначейства суммъ были опубликованы въ Нов. Времени.

союзомъ было выброшено полмилліарда — тогда, когда существующія организаціи могли бы сдѣлать чудеса на четверть этой суммы.

Прилагаю тебѣ это сообщеніе для прочтенія.

Очень, очень нѣжно благодарю за твое милое писмо, которое я только что получила. Я **такъ** счастлива, что ты отдалъ это приказаніе по поводу Палена[1], благодарю тебя за твою справедливость. Какъ хорошо, что у тебя было такъ тепло. Сегодня утромъ одинъ градусъ мороза, но солнце, а это для меня все, что нужно, такъ что я полежу на балконѣ передъ завтракомъ — у меня сердце опять расширено, и трудно дышать. Я боюсь, что на этотъ разъ, къ сожалѣнію, я не буду годна для большихъ поѣздокъ на автомобилѣ. И мнѣ такъ хочется попасть въ лазаретъ, и я не могу — страшная досада.

Какъ странно, что сынъ Росетти съ тобой, — что̀ за типъ!

Какъ очаровательно будетъ опять скоро быть съ тобой. Солнышко и солнечный лучъ, и старая мать солнышка. Вы оба мнѣ страшно недостаете. Этотъ упадокъ силъ регулярно повторяется три или четыре раза въ году — пичкаю себя лѣкарствами.

Теперь, мой ангелъ, прощай, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, цѣлую безъ конца каждое дорогое мѣстечко.

Синодъ далъ мнѣ прелестную старинную икону, а *Питиримъ* прочелъ хорошую *грамоту* — я пробормотала отвѣтъ[2]. Я была въ восторгѣ увидѣть милаго *Шавельскаго*. Нашъ Другъ волнуется по поводу того, что тебя не послушались *(Брусиловъ)*, такъ какъ твоя первая мысль была правильная, и жалко, что ты уступилъ, ты въ «духѣ» своемъ былъ правъ, желая перемѣны. Онъ поднялъ икону св. Дѣвы и благословилъ тебя издалека и сказалъ: «*Да возсіяетъ солнце тамъ*». Аня сейчасъ привезла изъ города этотъ его привѣтъ, она тебя цѣлуетъ. Жена Оболенскаго все время въ слезахъ, пристаетъ къ нашему Другу по поводу увольненія ея мужа, она проситъ для него хорошаго мѣста.

№ 362.

Царское Село, 27 сентября 1916 г.

Мой родной ангелъ,

Когда я легла въ постель, было уже пять градусовъ мороза, сегодня утромъ все еще одинъ градусъ и пасмурно. Такъ какъ сердце мое все еще расширено, я устроюсь такъ, чтобы никого не видѣть завтра, и

---

[1] См. выше.

[2] 25 сентября члены Св. Синода во главѣ съ митроп. Питиримомъ и оберъ-прокуроромъ Раевымъ были приняты Государыней и поднесли ей благословенную грамоту вмѣстѣ съ Владимірской иконой Божьей матери за дѣятельность ея по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ и вообще страдающимъ отъ войны.

останусь весь день въ постели. *Можетъ* быть, это больше поможетъ. Осталось такъ мало дней — я уѣзжаю уже черезъ пять дней.

Душка, ты завтра примешь новаго министра внутреннихъ дѣлъ — онъ волнуется — дай ему понять т в о ю силу воли и рѣшительность, это ему поможетъ и подниметъ его энергію. Заставь его поговорить съ *Алексѣевымъ*, чтобы этотъ послѣдній почувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ умнымъ человѣкомъ, который не теряетъ времени — это будетъ противоядіемъ къ письмамъ *Гучкова*. Поговори съ нимъ насчетъ *Сухомлинова*, онъ найдетъ способъ это сдѣлать — иначе старикъ умретъ въ тюрьмѣ, и мы никогда этого себѣ не простимъ. Въ сущности онъ тамъ сидитъ также для того, чтобы спасти *Кшес*(инскую) и *С. М.* (Сергѣя Михайловича) и именно изъ за этихъ двухъ не смѣютъ поставить этотъ предметъ на судъ — даже *Андр*(ей) *Влад*(иміровичъ) такъ выразился *Редигеру* и *Бѣляеву*, хотя онъ[1] любовникъ *Кш*(есинской): Потомъ поговори насчетъ Рубинштейна, онъ будетъ знать, что дѣлать. Я такъ счастлива насчетъ графа Палена — я думаю, ты правъ насчетъ *Адріанова*, я только что имѣла бумагу отъ *Прот*(опопова), доказывающую, что онъ не годится — я его только назвала между прочимъ, такъ какъ онъ пришелъ мнѣ въ голову. Если можно, обойдись безъ *Хагандокова*, онъ можетъ оказаться подходящимъ, по крайней мѣрѣ, всѣ его военныя награды позволяютъ на это надѣяться — но все же, можетъ быть, ты найдешь другого. *Шт*(юрмеръ) предложилъ нѣкоего *Мейера*[2], который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ въ *Варшавѣ*, но его имя слишкомъ вызывающе германское для теперешнихъ дикихъ звѣринныхъ ушей.

Десять съ половиной, только что мнѣ дали твое милое письмо — безконечно благодарю и цѣлую тебя за него, милое сокровище. Я также привезу Аню, нашъ Другъ просилъ объ этомъ, такъ какъ она хорошая дѣвушка и такъ честно помогаетъ, когда и какъ она можетъ, и нѣсколько «насъ» вмѣстѣ — это дастъ больше мира и силы. Она можетъ завтракать въ поѣздѣ, такъ какъ будетъ стѣсняться въ комнатѣ, гдѣ столько народа — ей будетъ пріятенъ отдыхъ, хорошій воздухъ, прогулки, чаепитіе и т. д. — и все же мы будемъ между собой. Она больше не суетится теперь. Благословляю и цѣлую тебя безъ конца и страстно люблю.

Навсегда, мой муженекъ, твоя родная старая женка

Аликсъ

---

[1] В. Кн. Андрей Владиміровичъ.
[2] См. выше прим. къ стр. 168.

Возвращаю тебѣ письмо Ники — точно то самое онъ мнѣ говорилъ — пожалуйста, поговори строго объ этомъ со *Штюрмеромъ* — мы ихъ [1] загоняемъ въ республику, мы православные, — это прямо постыдно.

Почему ты не можешь попросить Пуанкаре (президента) отозвать Сераля и заставить Францію и Англію также настоять (это моя идея) — и заставить ихъ отстоять Тино, короля, а не брать сторону Венизелоса, революціонера и франкъ-массона. Вызови *Штюрмера*, такъ какъ трудно объ этомъ писать. Дай ему строгія инструкціи, мы поступаемъ очень нехорошо, я понимаю, что бѣдный Тино чуть съ ума не сходитъ. Держи передъ собой мой маленькій списокъ — нашъ Другъ просилъ, чтобы ты обо всемъ этомъ переговорилъ съ *Протопоповымъ*, и будетъ очень хорошо, если ты упомянешь о нашемъ Другѣ, чтобы онъ Его слушался и вѣрилъ Его совѣтамъ; — дай ему почувствовать, что ты не брезгаешь его именемъ. Я говорила о Немъ очень спокойно — Онъ [2] былъ у него [3], когда онъ былъ очень боленъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Бадмаевъ его позвалъ.

Скажи ему, чтобы онъ остерегался *Андроникова* и его визитовъ и чтобы держалъ его подальше.

Прости меня, что я тебѣ надоѣдаю, душка, но я всегда боюсь, ты такъ страшно занятъ, что можешь что нибудь забыть и потому я являюсь какъ бы твоей живой *записной книжкой*.

Солнышко.

Переговори съ *Протопоповымъ* насчетъ:

1. *Сух*(омлиновъ) — приказать найти способъ освободить его.
2. Рубинштейнъ — выслать.
3. *Градоначальникъ*.
4. Увеличить *жалованіе* чиновникамъ, какъ милость для нихъ отъ тебя, а не отъ министровъ.
5. Насчетъ *продовольств.* строго ему сказать, что все должно быть сдѣлано, чтобы привести его въ порядокъ, ты такъ приказываешь.
6. Скажи ему, чтобы онъ слушался совѣтовъ нашего Друга, это дастъ ему Божье благословеніе и поможетъ его и твоей работѣ — пожалуйста, скажи это, дай ему увидѣть твое довѣріе къ Нему — онъ знаетъ его уже нѣсколько лѣтъ. Держи эту бумажку передъ собой.

---

[1] Грековъ.
[2] Распутинъ.
[3] Протопопова.

№ 363. *Царское Село,* 28 сентября 1916 г.

Мой родной, любимый,

Ну, вотъ я сказала, что буду лежать цѣлый день въ постели, и Апраксинъ, которому очень не понравился мой видъ, также меня объ этомъ просилъ. А между тѣмъ, *Штюрмеръ* только что телефонировалъ и проситъ непремѣнно повидать меня — такъ что я, конечно, должна встать въ шесть. Потомъ *Шведовъ* и Оболенскій опять просятъ, ну, ихъ я могу отложить на нѣсколько дней — и такъ всегда. Вѣроятно, они догадались, что мы уѣзжаемъ, и въ этихъ случаяхъ каждый разъ всѣ слетаются. Сегодня теплѣе, льетъ, на минуту было солнце.

Душка, представь себѣ только, Оболенскій просилъ нашего Друга о свиданіи и послалъ за нимъ великолѣпный автомобиль (онъ[1] уже нѣсколько лѣтъ знакомъ съ Міей, женой Оболенскаго). Онъ принялъ его вначалѣ очень нервно и потомъ все больше и больше говорилъ, а по истеченіи часа даже расплакался — тогда *Гр*(игорій) ушелъ, такъ какъ онъ увидѣлъ, что наступила минута, когда Душа его совсѣмъ растрогана. Онъ обо всемъ говорилъ открыто, разсказывалъ, какъ онъ усердно старался, хотя ему и не удалось, говорилъ, что слышалъ будто хотятъ, чтобы онъ *красилъ крыши дворцовъ* (вѣроятно, кто нибудь представилъ себѣ тоже самое, что мы[2]) — но что онъ не хотѣлъ бы такого мѣста — онъ хочетъ работы, къ которой онъ привыкъ. И его мечта быть генералъ-губернаторомъ Финляндіи — и что онъ всегда обо всемъ будетъ спрашивать совѣта нашего Друга. Высказался противъ Ани и былъ удивленъ, когда нашъ Другъ сказалъ, что она *отъ Бога* и что она такъ страдала. Потомъ показалъ всѣ двадцать писемъ, которыя нашъ Другъ въ эти годы послалъ съ прошеніями, всѣ въ связкахъ въ полномъ порядкѣ — сказалъ, что онъ исполнилъ то, что могъ — когда *Гр*(игорій) спросилъ его насчетъ *взятокъ* — онъ сказалъ: нѣтъ, но что его помощникъ много бралъ. Я не могла переварить мысль, что онъ, этотъ гордый человѣкъ, смирился такъ какъ въ своемъ несчастьѣ онъ почувствовалъ, что только въ Немъ онъ найдетъ силу. Навѣрное, его усердно обрабатывала его жена — подумать только, что онъ могъ заплакать! Потомъ нашъ Другъ говоритъ, что дѣло не пойдетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ выполненъ твой планъ.

Только что получила твое милое письмо — цѣлую и благодарю тебя еще и еще разъ. А. (Аня) только что здѣсь была, благодаритъ и нѣжно цѣлуетъ.

Я рада, что ничего не происходило на фронтѣ, я такъ тревожилась; это лѣвое движеніе самое умное — возлѣ *Броды* такія сильныя укрѣпле-

---

[1] Распутинъ.

[2] Т. е. назначеніе его завѣдующимъ Зимнимъ Дворцомъ.

приходится идти противъ такой тяжелой артиллерiи — настоящая

Спасибо, дорогой, за объясненiя насчетъ *Брусилова* — раньше я не вполнѣ понимала въ чемъ дѣло. Во всякомъ случаѣ нашъ Другъ говоритъ, что слѣдуетъ поступать по твоимъ идеямъ, первая твоя мысль всегда наиболѣе правильная. Эти обѣды и завтраки на воздухѣ очень хороши для Беби — я привезу два походныхъ стула и складной столъ, чтобы онъ также могъ ихъ съ собой брать — и я тогда могу этимъ пользоваться и сидѣть на воздухѣ. Есть удивительный молодой только что посвященный епископъ Мельхиседекъ, котораго *Питиримъ* привезъ съ Кавказа — теперь онъ епископомъ въ *Кронштадтѣ* и т. д. Церковь полна, когда онъ служитъ, онъ «очень высокъ» — (въ будущемъ онъ будетъ митрополитомъ); представь себѣ, онъ нѣсколько лѣтъ былъ *настоятелемъ братскаго* монастыря въ *Могилевѣ* и обожаетъ, и безконечно чтитъ тамошнюю чудотворную икону св. Дѣвы, къ которой мы всегда ходимъ. Пожалуйста, душка, пойди туда со мной или съ Беби — я везу также *лампадку*, чтобы поставить ее передъ иконой, я это обѣщала *настоятелю* нѣсколько времени тому назадъ. Я собираюсь познакомиться съ Мельх. въ пятницу у нея[1] въ домѣ, и будетъ нашъ Другъ — говорятъ его *бесѣда* изумительна; — мнѣ это страшно помогаетъ, чудные разговоры, и даетъ душѣ силу на время подняться выше нашихъ земныхъ тревогъ — но я хочу, чтобы ты здѣсь былъ, чтобы всегда вмѣстѣ со мной этимъ пользовался. Мы предполагаемъ уѣхать въ воскресенье въ три часа — чтобы прiѣхать въ М(огилевъ) къ чаю въ шесть часовъ въ понедѣльникъ — это удобно?

Послѣ твоей прогулки, и потомъ я могу подольше полежать.

Какая радость скоро свидѣться, черезъ пять дней. Это кажется невѣроятнымъ. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, и защититъ отъ всякаго зла.

Твоя маленькая женка.

Нашъ Другъ говоритъ, что это очень много значитъ въ *духовномъ* смыслѣ, что человѣкъ съ такой душой, какъ Оболенскiй, совсѣмъ къ нему перешелъ.

№ 364.

Царское Село, 29 сентября 1916 г.

Мой любимый,

Пасмурно, бурная погода, барометръ эти два дня стоитъ очень низко — и всѣ мы, у которыхъ нездоровое сердце, это больше чувствуемъ. Вчера я лежала на постели до шести, — *Шт*(юрмеръ) сидѣлъ

[1] Ани.

три четверти часа — у него не было ничего особеннаго — переговорили о многихъ вопросахъ, — я ему очень рѣзко высказала свое мнѣніе насчетъ Греціи, — *Сухомлинова* — министровъ, — *дороговизны — плѣнныхъ — Гучкова*, — всѣ и также *Думскіе* знаютъ, что онъ переписывается съ *Алекс*(ѣевымъ), и это въ глазахъ порядочныхъ людей набрасываетъ глубокую тѣнь на *Ал.* Видно, какъ пауки Г(учковъ) и *Полив*(ановъ) окутываютъ *Ал*(ексѣева) паутиной, и хотѣлось бы раскрыть ему глаза и освободить его. Ты можешь его спасти — я очень надѣюсь, что ты говорилъ съ нимъ по поводу писемъ.

У меня нѣтъ ничего интереснаго разсказать тебѣ — лампа моя горитъ, вчера также, такъ страшно темно и мрачно; дождь льетъ.

Нѣжно благодарю тебя, мой милый, за твое доброе письмо. Да, *Алекс*(ѣевъ) мнѣ тоже самое сказалъ по поводу румынъ. Въ какомъ качествѣ ѣдетъ туда *Бѣляевъ?* Съ письмомъ, или въ качествѣ совѣтника? Чортъ бы ихъ побралъ, почему они такіе трусы! А теперь, конечно, нашъ фронтъ опять гораздо длиннѣе. По моему, это полное отчаяніе. Ты забылъ насчетъ мобилизаціи татаръ въ Россіи и Сибири?

Какъ ты долженъ былъ устать послѣ твоего двухчасового *доклада* — но онъ [1] дѣйствительно говоритъ какъ водопадъ. Я рада, что у тебя было хорошее впечатлѣніе — надѣюсь, что онъ говорилъ съ *Алекс.*, я просила его объ этомъ.

Сандро по телефону говорилъ съ дѣтьми, онъ здѣсь только на нѣсколько дней, нѣкоторыя изъ его дѣтей нездоровы, онъ говоритъ, что не можетъ быть у меня (онъ никогда не бываетъ) и что онъ насъ увидитъ пятаго, такъ какъ онъ тогда привезетъ тебѣ Андрюшу, произведеннаго въ офицеры.

Сердце не расширено, но болитъ.

Шлю тебѣ нѣжные, мягкіе поцѣлуи, моя птичка. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, тысяча ласкъ отъ твоей старой

Аликсъ.

№ 365.

Царское Село, 30 сентября 1916 г.

Моя родная птичка,

Горячо благодарю тебя за только что полученное письмо, — какъ насчетъ Оболенскаго и Финляндіи? Я такъ рада, что твой разговоръ съ *Протоп*(оповымъ) тебѣ понравился — пусть онъ будетъ достоенъ того поста, который ты ему довѣрилъ, и пусть работаетъ какъ слѣдуетъ для нашей измученной родины. Ты можешь все таки написать въ суб-

---

[1] Протопоповъ.

боту, такъ какъ мы уѣзжаемъ въ восресенье только въ три. Какая радость скоро опять свидѣться съ моими двумя драгоцѣнными сокровищами... Усердно стараюсь поправиться. Сердце не расширено, полно капель, но очень болитъ. Все-таки сегодня вечеромъ я выѣду, чтобы повидать нашего дорогого Друга и получить Его благословеніе на дорогу. Такая буря, послѣдніе листья сорваны — въ промежутки въ теченіе пяти минутъ свѣтило солнце — мы не избалованы солнцемъ въ этомъ году — надѣюсь найти его въ *Могилевѣ* во всѣхъ смыслахъ слова.

Я просила *Варавку* осмотрѣть А. (Аню) — онъ совсѣмъ недоволенъ ея сердцемъ (также, какъ и нашъ Другъ), Онъ радъ, что она ѣдетъ съ нами, и надѣется, что для нея это будетъ отдыхомъ. Здѣсь она бѣгаетъ съ утра до вечера, и у нея такія глубокія тѣни подъ глазами, и она плохо дышитъ и чувствуетъ головокруженіе. Мы всѣ ѣдемъ къ тебѣ, чтобы освѣжиться морально (послѣ нашей великой тоски по тебѣ) и физически — хорошій воздухъ и нѣтъ работы. Грустно, что мы не можемъ уѣхать на нѣсколько дней на югъ. Эмма *Фр*(едериксъ) пишетъ, что ея отецъ медленно поправляется — когда онъ лежитъ, у него нѣтъ angoisse[1], но, когда онъ встаетъ, опять начинается. *Воейковъ* просилъ насъ его повезти въ *Ставку*. Теперь, мое сокровище, душка моя, прощай. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Безконечные поцѣлуи, люблю тебя, твоя старая женка.

Конечно, опять бумага — это насчетъ твоихъ *Эриванцевъ*, прочти ее серьезно.

Душка, прости меня, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, но это крикъ *Эриванскаго* сердца (я нарочно не пишу именъ), который до насъ дошелъ. Они слышали *«допускается полк. Груз. полка Магабели»* и они ожидаютъ съ волненіемъ, въ самомъ дѣлѣ онъ ли получитъ полкъ. Маг. было обѣщано получить первый освободившійся полкъ дивизіи, онъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенство, милый человѣкъ, уважаемъ и любимъ въ теченіе 37 лѣтъ (но въ этомъ случаѣ неподходящій). Нѣсколько разъ онъ былъ *вр. команд.* различныхъ полковъ, когда командиры были больны, такъ, напримѣръ, онъ командовалъ долгое время Мингрельскимъ полкомъ пока командиръ былъ боленъ. Теперь этотъ командиръ произведенъ въ генералъ-майоры, уже пять мѣсяцевъ онъ продолжаетъ командовать полкомъ, что кажется неправильно относительно армейскаго полка. Дай ему теперь какое нибудь *назначеніе*, а туда назначь *Маг.*, такъ какъ онъ теперь такъ хорошо знаетъ *Мингр.* полкъ и все будетъ отлично. Увы, *Эриванскій* полкъ теперь освободился первый.

---

[1] Предсердечной тоски.

Именно теперь полку нуженъ настоящій хозяинъ — ком. полка который бы все ввелъ обратно въ старое русло и который бы могъ лично самъ во всемъ разобраться и все поставить по своимъ мѣстамъ справедливо и здраво, какъ это должно быть по закону и какъ раньше было въ полку. Командиръ нуженъ совершенно незнакомый полку человѣкъ, совершенно самостоятельный, изъ другой совершенно среды — ему сразу все будетъ ясно, какъ свѣжему человѣку и тогда только при томъ условіи полкъ слова станетъ такимъ, какимъ онъ былъ раньше,— до м-мъ Ани. Богъ знаетъ что грозитъ нашему полку, какой расколъ, если именно теперь не будетъ настоящаго главы полка. Полковникъ Магабели добрѣйшей души человѣкъ, мягкій, покладистый, общій любимецъ всей дивизіи, скромный и т. д., все время находящійся рядомъ съ полкомъ, свой же человѣкъ въ полку; — но всѣ рѣшительно, кромѣ него, будутъ въ полку командовать. Да, къ тому же онъ больше другъ по своей фамиліи, роду, происхожденію «тѣхъ». Чтобы.. Эриванскій полкъ именно теперь получилъ бы команд. кот. бы всякая «они и мы» въ корнѣ вырвалъ бы и командовалъ бы нашимъ древнимъ полкомъ для настоящей славы его, а не для окончательнаго раскола».

Не говори никому про это письмо, но оно совпадаетъ съ тѣмъ фактомъ, что *Силаевъ* просилъ теперь человѣка со стороны (можетъ быть изъ гвардіи), который положилъ бы конецъ разрушенію твоего прекраснаго, дорогого нашему сердцу, полка. *Маг.* ангелъ, но онъ слишкомъ мягокъ и *Груз*(инъ) и это теперь какъ разъ не то, что нужно полку, въ которомъ имѣются партіи.

№ 366. *Царское Село,* 1 октября 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Твои письма опаздываютъ. Бушуетъ такая буря. Спасибо за то, что ты примешь *митроп.* и *Раева.* Они просили поскорѣе, прежде чѣмъ *митр. Владиміръ* вернется[1] только для того, чтобы привезти святую икону отъ *Синода,* больше ничего. Ты долженъ быть утомленъ, по газетамъ я вижу, что министры одинъ за другимъ ѣздили въ *Ставку.* У меня былъ Оболенскій въ теченіе часа съ четвертью, пока я до смерти не устала. Онъ говоритъ, какъ заведенная машина, — только насчетъ *продов.* въ Петроградѣ — не касался ничего другого, не было времени, такъ какъ *Вильч*(ковскій)дожидался съ *докладомъ.* Я попрежнему чувствую себя отвратительно. Надѣюсь, что перемѣна воздуха опять меня поправитъ. Провела тихій спокойный вечеръ отъ восьми съ половиной до десяти съ половиной съ нашимъ Другомъ, епи-

[1] Вернулся 3 октября.

скопомъ *Исидоромъ,* епископомъ Мельхиседекомъ — такъ хорошо и спокойно бесѣдовали — такое мирное согласное *настроенiе.* Оттуда я послала тебѣ телеграмму насчетъ *Пит*(ирима) и *Раева;* мнѣ хотѣлось, чтобы ты почувствовалъ, что мы думали о тебѣ.

Бѣдный *Сыробоярскiй* опять раненъ — третiй разъ, въ плечо, но я не знаю тяжело ли, или легко. Онъ телеграфировалъ *Вильч*(ковскому) изъ *Тарнополя.* Онъ не получилъ отъ тебя *капит.*[1], только твою благодарность, словно въ мирное время — странно, какъ недобросовѣстно все исполняется — истинныя великiя дѣла не получаютъ большихъ наградъ — а малыя дѣла въ тылу, получаютъ большiя награды — какъ много народу страдаетъ отъ несправедливости. Такъ темно! Милый ангелъ, это мое послѣднее письмо къ тебѣ — завтра утромъ мы уѣзжаемъ въ три часа. Сегодня вечеромъ иду въ лазаретъ. Я буду конфузиться, послѣ двухъ съ половиной недѣль, и тамъ много новыхъ, но я не могла уѣхать, не повидавъ ихъ.

Нѣжно благодарю и цѣлую за твое милое письмо. Я рада, что *Бѣляевъ* по крайней мѣрѣ тамъ пригодился.

Мое послѣднее письмо. Прощай, Богъ да благословитъ тебя, мой ангелъ, безконечно радуюсь, что встрѣчу тебя и почувствую твои горячiе поцѣлуи. Твоя любящая, собственная.

№ 367. *Могилевъ,* 12 октября 1916 г.[2]

Мой родной голубчикъ,

Съ тяжелымъ сердцемъ я опять тебя покидаю — какъ я ненавижу эти прощанiя, они разрываютъ меня на части. Слава Богу, что у Беби носъ въ порядкѣ[3], это хоть утѣшенiе. Любовь моя, я люблю тебя выше всякихъ словъ; за истекшiе двадцать два года упорно на-

[1] Т. е. не произведенъ въ капитаны.

[2] За время пребыванiя Государыни въ Ставкѣ съ 1 по 12 октября: въ Царской Ставкѣ митрополитъ Питиримъ и протопресвитеръ Шавельскiй въ присутствiи оберъ-прокурора Раева поднесли Государю грамоту вмѣстѣ съ иконой Спасителя; епископъ Варнава возведенъ въ санъ архiепископа. Сенаторъ гр. Паленъ вновь пожалованъ въ гофмейстеры (см. выше); уволенъ отъ должности тов. м. вн. д. Степановъ. Послѣдовало распоряженiе, чтобы на всѣхъ засѣданiяхъ и съѣздахъ организацiй, входящихъ въ союзъ городовъ, присутствовалъ делегатъ мѣстной администрацiи. 11 октября Распутинъ послалъ Государю слѣдующую телеграмму: «46 сл. 11 X 10 час. 46 мин. попол. Ставка государю императору. Очень кротко и ласково бесѣдовали съ Калининымъ, умоляетъ, чтобы ему никто не мѣшалъ, также контръ-развѣдка, пусть ведетъ свое дѣло. Ласково бесѣдовалъ объ узникѣ (т. е. Д. Л. Рубинштейнѣ) по христiански. Напиши имъ всѣмъ, чтобы чаще бесѣдовали, они послушаютъ тебя, все таки дай власть одному, чтобы работалъ разумомъ Новый.»

[3] Послѣ всегда опаснаго для наслѣдника приступа кровотеченiя.

ростало это чувство, и мнѣ просто страданіе уѣзжать. Ты такъ одинокъ въ этой толпѣ — такъ мало теплоты кругомъ. Какъ я хотѣла бы, чтобы ты могъ пріѣхать хотя бы только на два дня, только для того, чтобы получить благословеніе нашего Друга, это бы дало тебѣ новыя силы, — я знаю, что ты храбръ и терпѣливъ — но ты человѣкъ — и Его прикосновеніе къ твоей груди утишило бы твою боль и дало бы тебѣ новую мудрость и энергію свыше — это не праздныя слова — но мое самое твердое убѣжденіе. *Алекс*(ѣевъ) можетъ безъ тебя обойтись на нѣсколько дней. Ахъ, мой муженекъ, останови это безполезное кровопролитіе — почему они лѣзутъ словно на стѣну, надо выждать удачный моментъ и не идти слѣпо впередъ и впередъ. Прости меня, что я такъ говорю, но всѣ это чувствуютъ. Тебѣ не нужно будетъ никого принимать другого, кромѣ *Протоп*(опова), это было бы хорошо, или опять пошли за нимъ, пусть онъ чаще говоритъ съ тобой, спрашиваетъ твоего совѣта, говоритъ тебѣ свои намѣренія, это ему страшно поможетъ. Для твоего блага и для блага нашей дорогой родины я говорю тебѣ все это, а не изъ жадности свиданія съ тобой (это желаніе, ты знаешь, будетъ всегда существовать), но я слишкомъ хорошо знаю и вѣрю въ тотъ миръ, который можетъ дать нашъ Другъ, а ты усталъ морально, ты не можешь обмануть свою старую женку. А дома хорошо, чтобы они почувствовали, что ты иногда близокъ также ко всей внутренней работѣ — въ настоящую минуту можно здѣсь безъ тебя обойтись на нѣсколько дней — у тебя вѣдь есть телефонограммы по каждому вопросу черезъ пять минутъ.

Благодарю и благословляю тебя за всю твою безконечную любовь, я ношу ее въ моей горящей душѣ, которая живетъ для тебя. Прощай, мое Солнышко, моя радость и мое благословеніе. Богъ всемогущій пусть охраняетъ, блюдетъ, направляетъ и благословитъ тебя. Покрываю тебя страстно нѣжными поцѣлуями и крѣпко держу тебя въ моихъ объятіяхъ. Я знаю, что есть люди, которымъ не нравится мое присутствіе въ М(огилевѣ) и которые боятся моего вліянія, а другіе только тогда спокойны, когда я около тебя. Таковъ свѣтъ.

Прощай, мой маленькій, отецъ моихъ дѣтей.

Я надѣюсь 21-го быть у святого причастія — какъ было бы хорошо, если бы ты могъ быть со мной тогда въ церкви, это было бы такъ хорошо, чудесно. Навсегда твоя собственная.

№ 368. *Царское Село,* 14 октября 1916 г.

Мой любимый ангелъ,

Благодарю, благодарю тебя, за твое милое письмецо съ чудными извѣстіями — я не могу сказать, какую радость оно мнѣ дало и сколько

жизни и солнца принесло моему печальному сердцу. Прости это совсѣмъ короткое письмо — у меня былъ *Протоп(*оповъ) на полтора часа, теперь ждетъ Бенк., потомъ Настенька. Сегодня утромъ лазаретъ. Я сдѣлала только три *перевязки* и потомъ сидѣла съ разными ранеными, была въ *Знам.*, ставила свѣчи за тебя, любовь моя. Чудная яркая солнечная погода. Голова одурѣла — кромѣ того Беккеръ. *Прот*(опоповъ) увидѣлъ *Сух*(омлинова), онъ (С.) такъ счастливъ.

Очень интересный разговоръ, онъ [1] былъ сегодня въ *Думѣ* въ теченіе 40 минутъ. Я ѣхала хорошо, весь день лежала, такъ что ночь спала плохо — сердце въ порядкѣ, особенно со времени твоего письма. Всѣ мы безконечно благословляемъ и цѣлуемъ. Навсегда твоя собственная.

Скажи *Прот*(опопову), что ты радъ, что онъ бываетъ у *Гр*(игорія) и говоритъ съ нимъ и что ты надѣешься, что такъ будетъ и дальше.

№ 369. *Царское Село,* 15 октября 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Нѣжно благодарю тебя за твое милѣйшее письмо. Надѣюсь, что Бебичка опять совсѣмъ въ порядкѣ. Не позволяй давать ему устрицъ, которыя не свѣжи.

Я чувствую себя совершенно по другому съ тѣхъ поръ, что я знаю, что ты пріѣзжаешь на нѣсколько дней — это такая очаровательная перспектива — послѣ шести мѣсяцевъ опять тебя здѣсь увидѣть. И мы можемъ всѣ опять быть у святого причастія, если тебѣ захочется — и вмѣстѣ набраться силы и милости Божьей. Тебѣ не нужно долго говѣть. Потомъ я предполагаю, что ты поѣдешь въ ноябрѣ въ Рени и т. д. Тебѣ будетъ полезно опять проѣхаться и хорошо, если войска тебя примутъ.

Я рада, что ты сказалъ П. [2], чтобы онъ поговорилъ съ Г. и Б. Сегодня вечеромъ я иду повидаться съ нашимъ Другомъ. Онъ говоритъ, что «*Марія*» была не *наказаніе,* но *ошибка.*

Я сохраню письмо Эллы, чтобы подумать о немъ, когда ты пріѣдешь. Пасмурно, все покрыто инеемъ. Было пять градусовъ мороза. Я выѣду на маленькую прогулку съ А(ней).

Я была осторожна — сдѣлала только одну *перевязку* и потомъ сидѣла за вязаніемъ и слушала *докладъ Вильчковскаго.*

Веселовскій пріѣхалъ, я его завтра увижу, онъ былъ трижды контуженъ — нервы расшатаны, его зять умеръ (или убитъ), и онъ хочетъ поѣхать отдохнуть въ Крымъ.

---

[1] Протопоповъ.
[2] Протопопову.

Любимый мой, благословляю тебя, покрываю тебя безконечно нѣжными поцѣлуями и остаюсь твоей любящей старой

«Солнышко».

№ 370. *Царское Село,* 16 октября 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать тебя въ среду днемъ; надѣюсь, что Бебичка къ тому времени совсѣмъ поправится.

Вчера я провела пріятный вечеръ у Ани — нашъ Другъ, Его сынъ и епископъ *Исидоръ.* Такъ какъ Обол(енскій) хорошо себя ведетъ теперь и слушается Его, Онъ думаетъ, что было бы хорошо, если бы *Прот*(опоповъ) взялъ его однимъ изъ своихъ товарищей. Тамъ онъ работалъ бы хорошо и такимъ образомъ онъ не былъ бы выгнанъ со службы. Нашъ Другъ также не очень хочетъ *Курлова,* но тотъ близкій другъ *Бадмаева,* а *Протопоповъ* былъ вылѣченъ *Бадмаевымъ,* а потому признателенъ ему. *Гр*(игорій) думаетъ, что было бы лучше призвать болѣе молодыхъ людей, вмѣсто тѣхъ, которымъ за 40 и которые нужны дома, чтобы вести работы и смотрѣть за хозяйствомъ.

Сегодня теплѣе, но пасмурно. Мы были въ нашей нижней церкви на половину службы, а потомъ были въ лазаретѣ. Я видѣла *Веселовскаго* — онъ разсказываетъ много грустныхъ вещей и другіе молодые также — о томъ, что происходитъ на фронтѣ. Боже мой, я понимаю, что ихъ нервы сдаютъ, — никакого единства, никакого довѣрія къ распоряженіямъ, приказанія офицерамъ даются и отмѣняются, они не вѣрятъ въ то, что они слышатъ — право, очень все это печально. Ахъ, этотъ недостатокъ воспитанія, такое бѣдствіе — каждый за себя, и никогда не дѣйствуютъ сообща.

Мерика и ея мать сейчасъ будутъ — она уѣзжаетъ черезъ недѣлю, чтобы выйти замужъ. Маленькій *Иванъ Орловъ* объявленъ женихомъ княжны Волконской, оба такія дѣти.

Цѣлую тебя безъ конца и благословляю тебя. Онъ[1] такъ счастливъ, что ты пріѣзжаешь.

Навсегда твоя собственная.

№ 371. *Царское Село,* 17 октября 1916 г.

Мой любимый,

Нѣжно благодарю тебя, мой ангелъ, за твое милое письмо. Я работала въ лазаретѣ, а потомъ былъ молебенъ въ коридорѣ по слу-

---

[1] Распутинъ.

чаю сегодняшняго дня — было такъ просто и хорошо. Пять градусовъ мороза, ясно и солнечно, я иду съ Аней посмотрѣть ея клочокъ земли, гдѣ собираются начать постройку. Вчера я провела вечеръ въ лазаретѣ спокойно и *уютно.* Сегодня я принимаю обоихъ Мотоно, которые уѣзжаютъ въ Японію; опять Оболенскаго — повидимому, нашъ Другъ очень доволенъ, этотъ человѣкъ такъ измѣнился къ лучшему, и потому онъ думаетъ, что было бы хорошо, если бы *Прот*(опоповъ) взялъ его товарищемъ.

Какъ чудно будетъ всѣмъ вмѣстѣ быть у святого причастія, я не могу сказать, до какой степени я радостно жду этого благословенія; — имѣть тебя опять дома.

Пожалуйста, скажи, чтобы никто изъ семьи не былъ въ эти дни на дежурствѣ.

Я такъ рада, что ты телеграфировалъ Тино, это ему принесетъ пользу и дастъ ему мужество.

Ты будешь даже радъ опять помѣститься уютно въ поѣздѣ послѣ такого долгаго срока. (Одно перо приходится наполнять, а въ этомъ слишкомъ много чернилъ, — и я себѣ запачкала пальцы).

Какъ идетъ дѣло у румынъ? Въ *Оршѣ* ты увидишь на станціи множество сестеръ. Онѣ всегда прибѣгали, чтобы смотрѣть, какъ мы проѣзжали.

Теперь, мое Солнышко, прощай, Богъ да благословитъ тебя.

Скоро, скоро я буду тебя держать крѣпко, прижимать къ моей груди, — какъ будетъ хорошо.

Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями и остаюсь твоей собственной.

№ 372.

Царское Село, 25 октября 1916 г.[1]

Мой родной ангелъ,

Еще разъ мы разстаемся. Я не могу тебѣ сказать, какая радость и какое утѣшеніе было для меня, что ты опять былъ дома послѣ шести долгихъ мѣсяцевъ. Это напомнило прежнія времена — спасибо за эту тихую радость, мой дорогой. Я ненавижу отпускать тебя ко всѣмъ твоимъ заботамъ, тревогамъ и огорченіямъ — здѣсь мы по крайней мѣ-

[1] 20 октября Распутинъ послалъ Государю телеграмму: 40 сл. Подана 18-го 10 час. 20 мин. попол. Царское Село государю императору. Сердечно бесѣдуемъ съ Калининымъ и со всѣми вмѣстѣ ему заявляютъ подать въ отставку надо думать, какъ бы не запретилъ отвѣтъ въ думѣ Калинину онъ не въ себѣ что Калининъ у дѣлъ твердость это стопа Божія Григорій Новый.

рѣ дѣлимъ ихъ съ тобой. Каждая ласка была подаркомъ, и я долго буду ихъ алкать.

Для тебя, увы, нѣтъ покоя, столько тяжелой работы. И теперь эта исторія съ Польшей[1] — но Богъ все устраиваетъ къ лучшему, такъ что я хочу вѣрить, что оно все таки будетъ къ лучшему такъ или иначе. Ихъ войска не будутъ драться противъ насъ, будетъ бунтъ, революція, все что ты хочешь, это мое частное мнѣніе. Я выясню, что думаетъ нашъ Другъ.

Душка, прощай, Богъ да поможетъ тебѣ. Мнѣ не нравится, что *Никол*(аша) ѣдетъ въ *Ставку*[2] — дай Богъ, чтобы онъ не замышлялъ какого нибудь зла вмѣстѣ со своими близкими. Не позволяй ему куда бы то ни было теперь разъѣзжать, но пусть прямо ѣдетъ обратно на Кавказъ — иначе револ. партія его опять будетъ привѣтствовать — а уже о немъ начинали забывать; его и *Сазонова* намъ приходится благодарить за польскій вопросъ — запрети ему объ этомъ разговаривать; ушли куда нибудь *Замойскаго*, когда онъ (Николаша) пріѣдетъ. Богъ да благословитъ твое путешествіе. У меня большая тяжесть на сердцѣ. Покрываю тебя безконечными страстными поцѣлуями. Мнѣ невыносимо сознавать, что у тебя постоянныя огорченія и заботы и что ты такъ далекъ — но сердцемъ и душой я всегда возлѣ тебя — сгорая отъ любви. Навсегда, голубчикъ, мое солнышко, твоя родная старая женка.

№ 373.

Царское Село, 26 октября 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Всѣ мои нѣжнѣйшія мысли тебя окружаютъ — очень пустынно, скучно и уныло безъ солнышка и безъ солнечнаго луча. Долгая одинокая ночь — было радостью получить твои двѣ телеграммы.

Вчера вечеромъ я видѣла нашего Друга съ его двумя дочерьми въ маленькомъ домѣ, Онъ говорилъ такъ прекрасно — былъ такъ счастливъ, что видѣлъ тебя. Проситъ тебя отвѣтить всѣмъ, которые говорятъ или надоѣдаютъ тебѣ насчетъ Польши[3]: *«я для сына все дѣлаю, передъ сыномъ буду чистъ»*, и это сразу всѣхъ заставитъ замолчать

---

[1] Рѣчь идетъ объ извѣстной декларацій Германскаго Императора.

[2] 14 ноября вел. кн. Николай Николаевичъ возвратился изъ Царской Ставки въ Тифлисъ, причемъ по пути слѣдованія заѣзжалъ въ Кіевъ, гдѣ посѣтилъ Государыню Марію Федоровну.

[3] 23 октября германскій ген.-губ. въ Варшавѣ Безелеръ и австрійскій въ Люблинѣ Кукъ опубликовали воззванія къ польскому народу объ образованіи польскаго государства съ наслѣдственнымъ монархическимъ управленіемъ. Одновременно объявленъ наборъ войскъ въ русской Польшѣ.

— странно, я сказала тоже самое тогда *Листопаду.* Только не давай никому приставать къ тебѣ и останови эти разговоры — ты хозяинъ.

Свадьба въ нашемъ лазаретѣ сошла хорошо — красивая чета, я была «посаженной матерью», а *Боткинъ* «посаженнымъ отцомъ» жениха. Потомъ четыре дѣвочки со мною полчаса катались на автомбилѣ, чтобы освѣжиться, такъ какъ теперь мнѣ придется принимать *Изу, Кусова (ком. Пск. полка), Хагандокова, Бронъ-Бруевича, Васильева* (полиція [1]) и трехъ офицеровъ. Вечеръ я уютно проведу въ лазаретѣ, пока Аня въ городѣ — она завтракала съ нами. Пасмурная погода, которую освѣщаютъ воспоминанія о твоемъ миломъ присутствіи.

Поцѣлуй всѣхъ въ *Кіевѣ.* Богъ да благословитъ твою дорогу. Безконечно нѣжно цѣлую тебя. Всегда твоя любящая старая «Солнышко».

Скажи Павлу, чтобы онъ вернулся къ тому времени, когда пріѣзжаетъ *Николаша* — это лучше.

Сказалъ ли ты насчетъ Оболенскаго?

№ 374.

Царское Село, 27 октября 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Сѣрый, вѣтреный, теплый день — тебѣ въ самомъ дѣлѣ должно показаться страннымъ на платформѣ безъ дѣвочекъ и *Мордвинова.* Хотѣла бы знать, имѣешь ли ты, по крайней мѣрѣ, солнечную погоду. Лили Денъ съ нами завтракала, она выглядитъ очень больной, позеленѣла и похудѣла, сегодня уѣзжаетъ въ Крымъ — я рада, за бѣдную Ксенію, которая, повидимому, скучаетъ и неважно себя чувствуетъ. Попозже будетъ Рейнъ [2], я недоумѣваю, о чемъ онъ хочетъ со мной говорить. Попрошу его лучше и деликатнѣе обходиться съ Алекомъ, какъ ты мнѣ сказалъ. *Хагандоковъ* болѣе похожъ былъ на тебя въ прежнее время, онъ похудѣлъ и у него хитрое лицо — я конфузилась, такъ какъ онъ предоставилъ мнѣ вести разговоръ. Я только говорила про Сибирь. Въ моей комнатѣ такъ темно, свѣта едва хватаетъ, чтобы писать на диванѣ. Дѣти отправились въ большой дворецъ.

Хотѣла бы знать, какъ все обойдется въ *Кіевѣ,* — какъ скучно, что Михенъ будетъ тамъ, а не ты одинъ. Было хорошо въ лазаретѣ вчера вечеромъ, я сидѣла во всѣхъ палаткахъ — дома такъ печально и одиноко безъ тебя, голубчикъ. Прошелъ ли совсѣмъ твой насморкъ? Прощай, моя любовь. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Много нѣжныхъ поцѣлуевъ отъ твоей старой «Солнышко».

---

[1] Новаго директора департамента полиціи.

[2] Чл. Гос. Думы, «Главноуправляющій» по Здравоохраненію.

№ 375.

Царское Село, 29 октября 1916 г.

Мое любимое сокровище,

Всѣ мои нѣжныя мысли съ тобой. Я читала то, что говорятъ нѣмецкія газеты по польскому вопросу и какъ онѣ недовольны, что Уильямъ это сдѣлалъ [1], не спрашивая мнѣнія страны, и они чувствуютъ, что это будетъ навсегда поводомъ для вражды между нашими двумя государствами и т. д., другіе смотрятъ на это, какъ на нѣчто совсѣмъ несерьезное и очень туманное — и я думаю, что W. (Вильгельмъ) сдѣлалъ громадную гаффу и очень за это пострадаетъ. Поляки не станутъ повиноваться германскому принцу и желѣзному режиму подъ маской свободы. Сколько благоразумныхъ русскихъ, entre autre [2] *Шаховской,* благословляетъ тебя за то, что ты не послушался тѣхъ, которые просили тебя дать Польшѣ свободу, когда она больше намъ не принадлежала, такъ что это было бы просто смѣшно — и они совершенно правы.

Я сегодня видѣла Рейна и сазала ему, то, что ты говорилъ, и онъ будетъ соотвѣтственно поступать. Ты знаешь, этотъ человѣкъ мнѣ несимпатиченъ — въ немъ есть что то насмѣшливое — но онъ умный, очень честолюбивый человѣкъ, и его надо держать въ рукахъ.

Ты знаешь, *Бр.* (Бруевичъ) произвелъ на меня въ общемъ хорошее впечатлѣніе, а я не была къ нему благопріятно расположена послѣ всего того, что мнѣ говорили, и я ему это сказала совершенно откровенно. У насъ былъ интересный разговоръ, продолжавшійся почти часъ. Теперь я упомяну о нѣкоторыхъ вещахъ, и ты ими воспользуешься и постарайся поправить дѣло и произвести измѣненія и только не говори *Алекс*(ѣеву), что ты объ этомъ слышалъ отъ меня — онъ уже достаточно навредилъ, сказавъ *Иванову* эту ложь — и я чувствую, что онъ меня не любитъ. Мы говорили о черномъ *Даниловѣ* — онъ говоритъ, что это человѣкъ способный только на канцелярскую работу, а не для живого дѣла, всегда бумаги, и онъ зловредный элементъ, такъ какъ старый *Рузскій* довольно слабаго здоровья (дурная привычка кокаина въ носу) и лѣнивъ, нуждается въ строгой энергической правой рукѣ, чтобы заставить дѣло идти — хорошихъ людей уволили, а другіе сами ушли, такъ какъ они не хотѣли продолжать работать съ *Даниловымъ.*

Онъ сказалъ мнѣ, почему *Рузскій* настаивалъ на томъ, чтобы Дан(иловъ) былъ при немъ — протекція, родство съ его женой, или что то въ этомъ родѣ (я уже забыла, что онъ мнѣ сказалъ), но онъ взялъ его не изъ за его умственныхъ способностей. При *Куроп*(аткинѣ)

---

[1] См. выше.

[2] Между прочимъ.

развѣдка непріятеля глубокая была почти совсѣмъ упразднена и очень слаба — прежде они знали все то, что происходитъ въ Финляндіи, Швеціи, Балтійскихъ провинціяхъ — теперь они почти ничего не знаютъ. *почти нѣтъ контръ развѣдки — одна только переписка* — бумаги, бумаги; по каждому поводу подыскиваютъ законы — никакой жизни. Эти трое отъ *контръ раз.* въ *Петр.* были прежде подчинены *Бн. Бр.* съ многими другими и были очень хороши, когда ими руководили и наблюдали за ними, но когда его смѣнили, все прекратилось, и эти три назначены *Алексѣевымъ* и дѣйствуютъ, какъ его личный штабъ *контръ раз.*, и сообразно съ его приказаніями хватаютъ и сажаютъ людей, и потомъ дѣлаютъ свои доклады въ *Могилевѣ.* Это нехорошо, и я теперь понимаю, почему произошло много злоупотребленій.

Представь себѣ, *Рузск(*ій) и его штабъ не имѣютъ *активныхъ оперативныхъ плановъ.* Я спросила, почему они не наступаютъ, разъ ты отдалъ приказаніе *Куроп(*аткину) и *Р(*узскому) начать наступленіе — онъ сказалъ, что это вполнѣ возможно, у насъ гораздо больше войскъ, чѣмъ у нѣмцевъ. Они обучаютъ своихъ молодыхъ солдатъ по близости отъ *окоповъ,* чтобы наши думали, что ихъ очень много. Р(узскій) доволенъ на своемъ мѣстѣ, его честолюбивая жена ни за что на свѣтѣ не хочетъ, чтобы онъ его потерялъ, и потому онъ предпочитаетъ спокойно сидѣть — работаетъ только два часа въ день — онъ хорошій и честный человѣкъ, но нуженъ сильный настоящій человѣкъ, чтобы заставить его работать.

Совершенно пренебрегаетъ вопросомъ обезпеченія продовольствія, говоритъ, что гражданское министерство должно имъ давать его — это совсѣмъ неправильно. *Въ полномъ пренебреженіи вопросъ управленія райономъ фронта (гражданскимъ);* можешь ли ты разобраться въ томъ, что я тебѣ пишу? Такъ трудно передавать разговоры. Эти пункты онъ для меня записалъ, такъ какъ я боялась ихъ забыть. Могу только сказать, что я рада, что познакомилась съ нимъ и отъ всего сердца хочу, чтобы ты его повидалъ. Онъ бы тебѣ сказалъ многое, что я не могу повторить, такъ какъ это слишкомъ длинно и сложно. Онъ ни о чемъ не проситъ и ему ничего не нужно, только ради тебя и ради пользы дѣла онъ просилъ позволенія повидаться со мной, чтобы высказаться. Онъ очень уменъ, и съ нимъ легко говорить — но онъ сказалъ много грустныхъ вещей, которыя приходится слышать и отъ другихъ.

Такая безчестность повсюду. Но онъ говоритъ, что въ той арміи все наиболѣе слабое и дезорганизованное, но онъ думаетъ, что если бы дать старику сильнаго помощника, многое можно было бы измѣнить къ лучшему. И держать войска въ теченіе мѣсяца безъ движенія, когда

бы они могли наступать съ успѣхомъ, это, по его словамъ, ихъ деморализуетъ.

Всегда контрасты — крайности.

Теперь довольно о дѣлахъ.

Сѣрая, скучная погода, ѣдемъ въ городъ, О. и Т. въ Комитетъ, а я поѣду съ М. и А. въ лазаретъ въ Зимнемъ Дворцѣ — сейчасъ тамъ 358 человѣкъ. Если я вообще въ эту ночь спала, то не болѣе получаса — это невыносимо и совершенно безъ всякихъ причинъ — ничего меня не тревожило и не огорчало. Не было никакой «животной теплоты», чтобы мнѣ помочь.

Теперь прощай. Богъ да благословитъ тебя мой милый. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями, люблю. Навсегда твоя старая женка.

Нѣжно благодарю за дорогое длинное письмо.

№ 376.

Царское Село, 29 октября 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Было огромной радостью получить твое длинное письмо вчера — благодарю тебя за него отъ всего сердца. Какъ я рада видѣть, по твоей телеграммѣ, что ты могъ уютно завтракать втроемъ. Какъ то тебѣ удалось отдѣлаться отъ Михенъ. И видѣлъ ли ты Ольгу, она еще была больна?

Тепло, пасмурно, идетъ дождь и туманъ — настоящая «dirty weather»[1], какъ говорятъ моряки.

Я спала полчаса прошлой ночью, а въ эту ночь съ половины шестого до послѣ семи — это невыносимо утомительно. Я пойду часомъ позже въ лазаретъ, чтобы еще часокъ дать отдохнуть ногамъ и спинѣ, которыя ноютъ послѣ посѣщенія лазарета Зимняго Дворца. Это заняло часъ — на обратномъ пути они меня провезли въ креслѣ черезъ пустые залы. Въ городѣ я приняла *Протопопова*, потомъ мы были у *скоропослушницы* и ставили свѣчи — ты носишь тотъ образокъ, который я когда то оттуда тебѣ привезла. Завтракали и пили чай въ поѣздѣ. Дома я приняла бѣднаго *Редигера*, жена котораго недавно умерла, а потомъ м-мъ Зизи отъ половины девятаго до девяти.

Сегодня принимаю *Волкова*, *Федорова*, *Штюрмера*, *Шебеко* изъ Москвы; голова такъ утомляется — во время разговоровъ я свѣжа и энергична, — но попозже я начинаю дурѣть.

Теперь мнѣ еще надо прочесть цѣлую кучу *докладовъ* — окончу это письмо послѣ завтрака.

[1] «Грязная» погода.

Выѣзжаю на маленькую прогулку, чтобы освѣжить усталую голову, такъ какъ у меня четыре *доклада* сегодня днемъ.

Цѣлую тебя, мой ангелъ, такъ нѣжно и любовно, какъ только могу. Богъ да благословитъ и защититъ мою птичку.

Твоя родная.

№ 377.

Царское Село, 30 октября 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Прости меня за то, что я сдѣлала — но мнѣ пришлось такъ сдѣлать[1]. Нашъ Другъ сказалъ, что это безусловно необходимо. *Протопоповъ* въ отчаянiи, что онъ далъ тебѣ эту бумагу при свиданiи, онъ думалъ что дѣйствуетъ правильно, пока *Гр*(игорiй) не сказалъ ему, что это было совершенно неправильно. Такъ вотъ, я вчера говорила съ *Штюрмеромъ,* и оба они вполнѣ вѣрятъ въ чудесную Богомъ посланную мудрость нашего Друга. *Шт*(юрмеръ) посылаетъ тебѣ съ этимъ курьеромъ на подпись новую бумагу, передающую сразу все *продовольствiе* министру внутреннихъ дѣлъ[2]. *Шт*(юрмеръ) проситъ тебя подписать ее и сразу вернуть поѣздомъ въ четыре съ половиной. Тогда она придетъ во время, прежде чѣмъ *Дума* соберется во вторникъ. Мнѣ пришлось принять этотъ шагъ на себя, такъ какъ *Гр*(игорiй) говоритъ, что у *Протоп*(опова) будетъ все въ рукахъ и онъ покончитъ со всѣми *союзами* и такимъ образомъ спасетъ Россiю. Вотъ почему это должно быть въ его рукахъ; *хотя будетъ очень трудно, надо исполнить.* Въ рукахъ *Бобр*(инскаго) дѣло бы не пошло. Если довѣрять нашему Другу, Онъ поможетъ. *Протоп*(оповъ) и *Шт*(юрмеръ) со всѣмъ согласны.

Прости меня, но мнѣ пришлось взять эту отвѣтственность на себя ради тебя, дорогого. *Дума* бы настаивала на томъ, чтобы оно было въ однѣхъ рукахъ, а не въ рукахъ трехъ. Такъ лучше заранѣе прямо отдать дѣло *Протопопову,* Богъ благословитъ этотъ выборъ.

Шт(юрмеръ) очень безпокоится насчетъ Думы, ихъ бумага[3] отвратительна, революцiонна — они (министры) надѣются повлiять такъ, что число[4] измѣнится — нѣкоторыя изъ вещей, которыя они хотятъ

[1] См. ниже, письмо отъ 1 ноября.

[2] Въ газетахъ отъ 29 октября напечатано было сообщенiе «изъ вполнѣ освѣдомленныхъ источниковъ» что продовольственный вопросъ не будетъ переданъ въ м-во вн. дѣлъ.

[3] Рѣчь идетъ объ ожидавшейся декларацiи прогрессивнаго блока.

[4] Очевидно, «членовъ Думы, подписывающихъ бумагу».

сказать[1]. Напримѣръ, что они не могутъ работать съ такими министрами — что за колоссальная наглость!

Это будетъ гнилая *Дума* — но не слѣдуетъ бояться — если она слишкомъ будетъ гнусна, ее закроютъ. Мы съ ними въ войнѣ и мы должны быть тверды. Скажи мнѣ, ты не сердишься? — но эти люди слушаются меня и, когда ихъ направляетъ нашъ Другъ, Онъ долженъ быть правъ — они *Пр*(отопоповъ) и *Шт*(юрмеръ) переклоняются передъ Его *мудростью*.

У меня болитъ голова, и я чувствую себя одурѣвшей, такъ что, кажется, пишу неясно. Только что получила твое милое письмо изъ Кіева. 1000000 нѣжныхъ благодарностей. Я такъ рада, что все пошло хорошо. Цѣлую тебя безъ конца, съ нѣжной безграничной любовью. Богъ да благословитъ и поможетъ тебѣ.

Твоя старая женка.

№ 378.

Царское Село, 31 октября 1916 г.

Мой любимый голубчикъ,

Пасмурно и дождливо, угнетающая погода, опять почти не спала — чувствуешь потребность въ солнцѣ, всѣ мои мысли окружаютъ тебя.

Вчера былъ пріятный концертъ — у Кузнецовой[2] прелестный голосъ, и она отлично танцовала испанскіе танцы. *Лерскаго* я слышала въ первый разъ, — и подумала о тебѣ. *Протопоповъ* просилъ меня принять его *по очень нужному дѣлу* (послѣ того я докончу мое письмо). Потомъ у меня нѣсколько дамъ — а попозже *Шаховской* и *В. П. Шнейдеръ* — опять каждая минута занята.

Душка дорогая, нашъ Другъ проситъ тебя непремѣнно прекратить исторію *Сухомлинова,* иначе *Гучковъ* и другіе приготовились говорить разныя гадости — поэтому сразу телеграфируй *Штюрмеру,* я думаю это его прежде всего касается? Телеграфируй такъ: «*Ознакомившись съ данными предварительнаго слѣдствія по дѣлу бывшаго военнаго министра ген. Сухомлинова нахожу, что нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для обвиненія, а посему дѣло прекратить*».

Надо это сдѣлать прежде чѣмъ *Дума* завтра соберется.

Я чувствую, что поступаю жестоко, приставая къ тебѣ, мой милый, терпѣливый ангелъ, но вся моя вѣра лежитъ въ нашемъ Другѣ, который только думаетъ о тебѣ, Беби и Россіи. И подъ Его руководствомъ мы пройдемъ черезъ это тяжелое время. Это будетъ

[1] Повидимому, писавшая, отъ волненія, пропустила слово.
[2] М. Н. Кузнецова и Лерскій, артисты Импер. театровъ.

ный бой, но Божій человѣкъ близокъ къ тебѣ, чтобы охранять тебя и безопасно провести твою ладью мимо рифовъ — и маленькое Солнышко стоитъ за тобой, какъ скала, твердо и непоколебимо, съ рѣшимостью, вѣрой, любовью, чтобы бороться за своихъ милыхъ и за нашу родину. Я быстро проѣдусь въ автомобилѣ на полчаса, чтобы освѣжить голову для *Протопоп*(ова). Богъ поможетъ ради тебя.

Посылаю тебѣ бумагу насчетъ *контръ развѣдки Алекс*(ѣева) — такъ какъ эти люди вмѣшиваются въ предметы, которые ихъ не касаются, и это слѣдовало бы измѣнить — я забыла тебѣ послать ее раньше.

Потомъ, насчетъ Рубинштейна, онъ умираетъ. Телеграфируй или дай *Алекс*(ѣеву) приказаніе немедленно телеграфировать *Рузскому* передать Рубинштейна изъ *Пскова министру внутреннихъ дѣлъ* (лучше телеграфируй самъ, тогда онъ исполнитъ сейчасъ же[1]). У меня нѣтъ времени написать о нашемъ разговорѣ, нужно отправлять письмо. Имъ удалось помѣшать *Думѣ* провозгласить свою гнусную *декларацію*[2].

Безконечно цѣлую и благодарю за неожиданное милое письмо. Благословляю и цѣлую безъ конца,

№ 379.

Царское Село, 1 ноября 1916 г.

Мое любимое Сокровище,

Нѣжно благодарю тебя за твое милое длинное письмо съ деталями о твоемъ пребываніи въ *Кіевѣ*. Я рада, что у тебя были уютные вечера съ Мамашей и что тебѣ удалось такъ много сдѣлать. Очень возмущаюсь холодностью Михенъ — я надѣюсь, что ты тоже былъ съ ней сухъ, хотя я сомнѣваюсь, чтобы тебѣ удалось не быть милымъ и вѣжливымъ.

Итакъ, Ольга выходитъ замужъ въ субботу — гдѣ это будетъ и куда она хочетъ ѣхать въ деревню? Гораздо лучше, что Мамаша остается въ *Кіевѣ*, гдѣ климатъ мягче, и она можетъ жить по своему желанію и меньше слышать сплетенъ. Мнѣ такъ непріятно, что пришлось послать тебѣ эту телеграмму, шифрованную *Протопоповымъ* — но всѣ министры такъ нервничаютъ по поводу *Думы* и боялись, что, если бы его назначеніе[3] появилось сегодня, они бы въ *Думѣ* подняли страшный скандалъ и не приняли бы его, — и тогда *Штюрмеръ* былъ бы принужденъ за-

[1] Дѣло было передано министру юстиціи, и 6 декабря Рубинштейнъ былъ освобожденъ изъ подъ стражи.

[2] 1 ноября декларація была провозглашена.

[3] 1 ноября декларація была провозглашена.

крыть *Думу*. Между тѣмъ, если немного отложить, тогда не будетъ трудно закрыть *Думу*. Я была несогласна съ бумагой и знала, что и Другъ нашъ будетъ несогласенъ, потому я послала *Пр*(отопопова) прямо къ нему, чтобы объ этомъ вдвоемъ переговорить. Нашъ Другъ говоритъ, что это вина министровъ, потому что они все это время совсѣмъ не работали. Представь себѣ, *Бобр*(инскій) и не думалъ смѣнить своего товарища, между тѣмъ какъ въ бумагѣ, которую тебѣ показалъ *Прот*(опоповъ), было написано, что онъ долженъ это сдѣлать. Теперь я просила *Штюрмера* отъ его имени, чтобы онъ приказалъ ему это сдѣлать. Они плохи, эти лица, служащія у *Бобр.*, и они примыкаютъ къ лѣвымъ партіямъ. Вчера я чувствовала себя совсѣмъ сумасшедшей послѣ того, какъ столькихъ принимала. Я не соглашалась съ *Шаховскимъ*, онъ противъ *Протоп.* (jalousie de métier), потомъ еще *В. П. Шнейдеръ* и полтора часа трехъ дамъ.

Опять я заснула только послѣ половины шестого и не надолго. Аня придетъ въ три, такъ что я не заклею письма до того — можетъ быть у нея будетъ, что передать.

Какія у тебя извѣстія о томъ, что случилось съ Балтійскимъ портомъ? *Шаховской* сказалъ мнѣ, что въ совѣтѣ министровъ *Треповъ* былъ необычайно грубъ съ *Григоровичемъ* по поводу этого несчастья въ *Архангельскѣ*[1] и употреблялъ очень рѣзкія, неподобающія слова. Въ самомъ дѣлѣ нужно имъ дать по шапкѣ и поставить ихъ на мѣсто.

Получила милое письмо отъ Викторіи. Джорджи сегодня туда пріѣзжаетъ, завтра свадьба и потомъ они уѣзжаютъ сразу въ маленькій домъ, который они взяли на сѣверѣ, и онъ отправляется на свой корабль. Теперь нѣтъ отпусковъ, но онъ надѣется каждый день видѣть Наду на нѣсколько часовъ въ ихъ домѣ. Это трудное начало для такихъ молодыхъ существъ. Викторія ѣздила во Францію, чтобы привезти Луизу и дать ей подольше отдохнуть — она много работала въ лазаретѣ и нуждается въ покоѣ. Сегодня принимаю стараго *Шведова* и *Мрозовскаго* изъ Москвы. Постоянно приходится видѣть людей. Въ четвергъ нашей Ольгѣ будетъ 21 годъ. Совсѣмъ почтенный возрастъ. Я всегда себя спрашиваю, за кого наши дѣвочки выйдутъ замужъ, и не могу себѣ представить, какая будетъ ихъ судьба. Если бы только онѣ могли найти ту великую любовь и то счастье, которое ты, мой ангелъ, мнѣ давалъ эти 22 года. По теперешнимъ временамъ это такая рѣдкая вещь. Какъ идутъ дѣла въ Румыніи? Теперь такъ мало слышно. Я уже хлопочу о рождественскихъ подаркахъ для моего «*пункта*» — какое огромное количество народа и такъ трудно найти что нибудь подходящее и не чрезмѣрно дорогое.

[1] Рѣчь идетъ о взрывѣ.

Какъ мрачно, никогда нѣтъ солнца — я надѣялась, что съ наступленіемъ болѣе холодной погоды станетъ свѣтлѣе. Ты мнѣ такъ недостаешь, мой дорогой, милый, и я жажду твоихъ нѣжныхъ, любовныхъ ласкъ.

Нашъ Другъ былъ страшно сердитъ на *Протопопова*, который изъ трусости не хочетъ, чтобы было объявлено о переходѣ *продов.* въ его руки — изъ за *Думы;* и Другъ нашъ сказалъ ему, что онъ могъ бы объяснить, что онъ его взялъ и что надѣется приблизительно въ недѣлю все устроить, какъ слѣдуетъ. *Прот.* проситъ взять его только черезъ двѣ недѣли, а это глупо.

Гр(игорій) не такъ ужъ безпокоится по поводу *Думы,* такъ какъ они всегда кричатъ *что-бы ни было.* Я съ этимъ согласна. Аня шлетъ нѣжные поцѣлуи, она была очень рада побывать въ деревнѣ и у всѣхъ святыхъ въ Москвѣ, — особенно у *Скопина Шуйскаго.* Она была у митрополита, который проситъ не назначать ему епископа помощникомъ, и нашъ Другъ тоже такъ думаетъ. Нѣжно тебя цѣлуемъ. Богъ да благословитъ, защититъ и поможетъ тебѣ.

Навсегда твоя родная женка.

Надѣюсь, ты телеграфировалъ насчетъ умирающаго Рубинштейна.

№ 380.

Царское Село, 2 ноября 1916 г.

Дорогое Сокровище,

Сердечно благодарю за твое милое письмо. Сегодня утромъ я получила твою вчерашнюю вечернюю телеграмму — я чувствовала себя встревоженной и печальной, такъ какъ я знала, что я тебя разстроила своей русской телеграммой. Мнѣ тяжело разстраивать тебя и просить тебя перемѣнить то, что ты уже рѣшилъ, и въ особенности тогда, когда я не согласна съ тѣмъ, что говорятъ министры.

Наконецъ, великолѣпное солнце — это такъ пріятно послѣ долгихъ мрачныхъ недѣль — всѣ наши раненые чувствуютъ себя гораздо бодрѣе и многіе выѣзжаютъ на прогулку — мы также, хотя сегодня утромъ было семь градусовъ мороза. Я опять спала только два часа — это такъ скучно, можетъ быть съ перемѣной погоды я буду лучше спать. Все въ лазаретѣ въ порядкѣ, хотя даже тамъ я принимаю архитектора, генераловъ, чтобы разговаривать насчетъ сахара, масла и т. д....

У одного офицера внезапно произошелъ разрывъ небольшой артеріи, такъ что намъ пришлось сразу сдѣлать операцію и зашить ее — но обошлось благополучно. Татьяна въ первый разъ давала хлороформъ. Жаль, что васъ обоихъ здѣсь не будетъ въ 21-ый день рожденія Ольги.

Въ моей комнатѣ будетъ *молебенъ* въ половинѣ второго. Я рада, что дѣла идутъ лучше въ Румыніи. *Веселкинъ* тебѣ, навѣрное, разсказалъ интересныя вещи — это хорошо, что у васъ тамъ есть энергическій человѣкъ.

Теперь, моя птичка, радость моего сердца, прощай. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Нѣжно тебя цѣлуетъ

твоя старая женка.

Такъ жажду тебя.

Ольга написала, что она выходитъ замужъ въ четыре часа дня 4-го въ маленькой церкви *надъ Днѣпромъ, на мѣстѣ идола Перуна.* Да благословитъ Богъ ее, милую, и пусть Н. А.[1] въ самомъ дѣлѣ окажется достойнымъ ея любви и жертвъ.

№ 381.

Царское Село, 3 ноября 1916 г.

Голубчикъ, любимый мой,

Нѣжно поздравляю тебя съ праздникомъ нашей большой дочери. У насъ былъ молебенъ въ лазаретѣ и теперь — въ моей большой комнатѣ. Твои письма еще не дошли. Было радостью услышать милый голосъ Бебички, но слышно очень плохо — черезъ нѣсколько дней будетъ лучше, и я надѣюсь, что ты также поговоришь хотя бы одну минуточку, только чтобы я могла услышать милый голосъ.

Викторія телеграфировала, что свадьба вчера была прелестна — Нада носила наше ожерелье.

Я провела очаровательный вечеръ съ нашимъ Другомъ и *Исидоромъ: «Успокой папу, напиши, что все такъ будетъ еще* (что *Прот.* получитъ *продов.* цѣликомъ въ свои руки) *что все впереди».* Они слишкомъ долго мѣшкали и потому не могли его такъ поздно назначить — это все ихъ ошибка, оно бы могло пойти совсѣмъ хорошо. Тебѣ не зачѣмъ тревожиться, твое р ѣ ш е н і е было правильно, и оно будетъ выполнено немного позже.

Онъ очень огорченъ тѣмъ, что *Николаша* будетъ въ *Ставкѣ.* Онъ говорилъ великолѣпно, спокойно и очень возвышенно — тебѣ бы понравилось.

Шесть съ половиной градусовъ мороза и яркое солнце. Выѣзжаю на короткую прогулку, — трудно дышать при такомъ холодѣ. Дмитрій будетъ къ чаю. Всѣ мои мысли и молитвы съ тобой.

Душка, не пошлешь ли ты кого нибудь въ Ораніенбаумъ въ Офицерскую школу — старый генералъ *Филатовъ* во главѣ ея — около

---

[1] **Куликовскій.**

300 офицеровъ учатся обращенію съ *пулеметомъ,* и это очень плохо организовано, большой безпорядокъ, плохо обучаютъ, такъ что многіе оттуда уходятъ. Я объ этомъ слышала отъ офицеровъ, которые туда были посланы своими полками, и они говорятъ, что эта школа въ самомъ дѣлѣ въ плохомъ состояніи — устроена не практично, и ихъ тамъ держатъ безъ конца и все плохо организовано (*Карангозовъ* и т. д. говорилъ мнѣ серьезно объ ней и сказалъ, что было бы истиннымъ благословеніемъ, если бы ее переустроили и ввели настоящій порядокъ). *Филатовъ* старый профессоръ и держится своихъ старомодныхъ идей. Я думаю, что тебѣ бы слѣдовало поручить компетентному генералу произвести серьезный осмотръ. У нихъ гораздо меньше *пулеметовъ,* чѣмъ нужно, чтобы практиковаться, ихъ 300 офицеровъ — и каждый долженъ знать все обращеніе и входить въ каждую деталь. Внѣ своихъ учебныхъ часовъ они частнымъ образомъ изучаютъ дѣло, иначе они ничего бы не знали. Имъ приходится слушать лекціи о подводныхъ лодкахъ и т. д., которыя никакого отношенія къ нимъ не имѣютъ.

Душка, распорядился ли ты, чтобы Рубинштейнъ былъ переданъ министру внутреннихъ дѣлъ? иначе онъ помретъ, оставаясь въ *Псковѣ* — пожалуйста, милый!

Я вернулась съ прогулки, нашла твое драгоцѣнное письмо, за которое горячо благодарю. Я рада, что Н П. оставался только одинъ день.

Теперь, моя птичка, я должна кончать. Посланный долженъ ѣхать. Благословляю и цѣлую тебя безъ конца.

Твоя собственная.

Аня тутъ же сидитъ и цѣлуетъ тебя.

№ 382.

Царское Село, 4 ноября 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Горячо благодарю за твое милое письмо, которое я только что получила. Я прочла письмо Николая[1] съ полнымъ отвращеніемъ. Если бы ты его остановилъ въ серединѣ его разговора и сказалъ ему, что, если онъ хотя бы разъ еще коснется этого предмета или меня, ты его сошлешь въ Сибирь — такъ какъ это выходитъ почти государственная измѣна[2]. Онъ всегда меня ненавидѣлъ и дурно обо мнѣ отзывался

[1] В. Кн. Николая Михайловича. Послѣ революціи это письмо появилось въ печати.

[2] Фраза не докончена, какъ нерѣдко случается, когда тема очень волнуетъ пишущую.

уже 22 года, и въ клубѣ также (этотъ самый разговоръ у меня съ нимъ былъ въ этомъ году) — но во время войны и въ такую пору ползти за твоей Мамашей и твоими сестрами и не встать отважно на защиту Жены своего Императора (все равно согласенъ онъ со мной или нѣтъ) — это отвратительно, — это измѣна. Онъ чувствуетъ, что со мною считаются, начинаютъ меня понимать и интересоваться моимъ мнѣніемъ, и этого онъ не можетъ вынести. Онъ воплощеніе всего, что есть дурного, всѣ преданные люди его презираютъ, даже тѣ, которые не очень насъ любятъ, чувствуютъ отвращеніе къ нему и къ его разговорамъ — а Фред(ериксъ) старъ и не годится, и не смѣетъ его заставить замолчать и намылить ему голову, а ты, моя любовь, слишкомъ добръ и милъ, и мягокъ — такого человѣка надо держать въ страхѣ передъ тобой — онъ и *Николаша* мои величайшіе враги въ семьѣ, не считая черныхъ женщинъ и Сергѣя. Онъ просто не могъ переносить Аню и меня — дѣло не въ холодныхъ комнатахъ, увѣряю тебя. Я равнодушна къ личнымъ гадостямъ, но такъ какъ я твоя избранная жена, они не смѣютъ. Душка моя, ты долженъ заступиться за меня ради тебя и Беби. Если бы у насъ не было Его[1], все бы уже давно было кончено, я въ этомъ совершенно убѣждена. Я Его опять повидаю на минуту передъ *Штюрмеромъ*. Бѣдный старикъ можетъ умереть въ результатѣ тѣхъ гнусныхъ разговоровъ о немъ, которые были въ *Думѣ* — вчерашняя рѣчь *Мелюкова*[2], когда онъ привелъ слова Бьюкенена о томъ, что *Штюрмеръ* предатель, а Бьюк. бывшій въ ложѣ, къ которому онъ повернулся, промолчалъ — гнусное поведеніе. Мы переживаемъ тяжелыя времена, но Богъ намъ поможетъ, я не боюсь. *Пускай* они кричатъ — мы должны показать, что у насъ нѣтъ страха и что мы тверды. Твоя женка постоитъ за тебя, она за тобой какъ скала. Я спрошу нашего Друга, считаетъ ли онъ полезнымъ, чтобы я поѣхала черезъ недѣлю, или такъ какъ ты не можешь пріѣхать — не слѣдовало ли бы лучше мнѣ остаться здѣсь, чтобы помочь «слабому» министру. Они опять выбрали *Родзянко*, и его рѣчи совсѣмъ плохи и также то, что онъ говоритъ министрамъ.

Я надѣюсь, что ножка душки скоро поправится. А тутъ еще *Алексѣевъ* боленъ — всѣ заботы одновременно — но Богъ не покинетъ тебя и нашу дорогую родину молитвами и помощью нашего Друга. Я рада, что ты устроилъ мѣсто для Оболенскаго.

Опять пасмурная погода, четыре съ половиной градуса мороза — только два дня было солнце. Я устала и печальна.

---

[1] Распутина.

[2] Извѣстная рѣчь П. Н. Милюкова въ засѣданіи Гос. Думы 1-го ноября.

№ 383.

Царское Село, 5 ноября 1916 г.

Моя родная душка,

Нѣжно благодарю тебя за твое нѣжное письмо. Какъ непріятно, что Бебичкѣ надо лежать, но, понятно, это для него самое лучшее — только бы у него не было болей. Это хорошо, что ты отсылаешь Георгія. Чѣмъ больше ты заставишь ихъ разъѣзжать, тѣмъ лучше, — нехорошо долго торчать въ одномъ мѣстѣ безъ всякаго дѣла. *Алексѣеву* слѣдовало бы уѣхать на двухмѣсячный отпускъ и ты могъ бы взять кого нибудь себѣ въ помощники — напримѣръ, *Головина*, котораго всѣ очень хвалятъ — только никого изъ командующихъ арміями — оставь ихъ спокойно на ихъ мѣстахъ, разъ они тамъ годятся. Слишкомъ много работы для *Пустов*(ойтенко) и тебя одного и тогда ты не можешь двигаться и, можетъ быть, свѣжая голова съ новыми идеями была бы очень хороша. Работа человѣка, который такъ страшно настроенъ противъ нашего Друга, какъ бѣдный *Алекс*(ѣевъ), не можетъ быть благословенной.

Говорятъ, что его нервы совсѣмъ сдали, и это понятно — постоянное напряженіе для человѣка, привыкшаго къ бумагамъ (и увы, въ немъ нѣтъ достаточно души, чтобы помогать ему).

Закладка церкви Ани прошла хорошо, нашъ Другъ былъ тамъ и милый епископъ *Исидоръ*, епископъ Мельхиседекъ и нашъ *Батюшка* и т. д. были тамъ. Сегодня я увижу на минуту *Гр*(игорія). *Штюрмеръ* очень опечаленъ и чувствуетъ себя несчастнымъ, что тебя такъ безпокоятъ и еще изъ за него. Я его утѣшала, и онъ успокоился и полонъ добрыхъ намѣреній. Онъ находитъ, что съ *Родзянко* слѣдовало бы снять придворный мундиръ за то, что онъ не остановилъ этихъ гадкихъ людей, когда они говорили такія рѣзкія вещи въ *Думѣ* и дурныя инсинуаціи — онъ сказалъ Фред(ериксу) сдѣлать ему выговоръ, но старикъ не понялъ и написалъ *Родз*(янкѣ), что въ будущемъ онъ не долженъ разрѣшать такія вещи. Не скажешь ли ты, чтобы его лишили придворнаго званія, или хотя бы пригрозили, если онъ еще разъ разрѣшитъ говорить о томъ, что тебя затрагиваетъ — отвратительный человѣкъ! Что хотѣлъ сказать «Миша дуракъ»[1], говоря, что онъ и Джорджи получили награды отъ Джорджа «*за мое изобрѣтеніе, что меня очень* обрадовало?» Нашъ Другъ т а к ъ недоволенъ, что Ольга вышла замужъ — такъ какъ она по отношенію къ т е б ѣ поступила неправильно и это не можетъ принести ей счастья. Ахъ, Боже мой — я тоже болѣе, чѣмъ сожалѣю объ этомъ ея поступкѣ (хотя понимаю по человѣчеству

[1] Повидимому, такъ называли въ семьѣ В. Кн. Михаила Михайловича, жившаго въ Англіи.

ея жажду счастья). Душка, постарайся быть осторожнымъ и не дай *Николашѣ* поймать тебя на какихъ нибудь обѣщанiяхъ или на чемъ нибудь другомъ — помни, что *Гр*(игорiй) спасъ тебя отъ него и его злыхъ людей. Не давай ему ѣхать въ деревню, но пусть онъ прямо возвращается на Кавказъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть. Прости меня, что я это пишу, но я чувствую, что такъ должно быть. Будь хладнокровенъ, но не слишкомъ добръ къ нему и *Орлову,* и *Янушкевичу* — вспомни во имя Россiи, что они хотѣли сдѣлать — выгнать тебя (это не сплетня, у Орлова уже всѣ бумаги были готовы) — а меня въ монастырь — не касайся этихъ вопросовъ — такъ какъ все это дѣло прошлое, — но дай имъ почувствовать — что ты не забылъ и что они должны бояться тебя. Нужно, чтобы они дрожали передъ своимъ Государемъ, — будь увѣреннѣе въ себѣ — Богъ тебя поставилъ (это не гордость), и ты помазанникъ, они не смѣютъ это забывать. Надо, чтобы чувствовали твою власть, уже пора ради спасенiя твоей страны и престола твоего сына. Любимый мой, прощай, Богъ да благословитъ тебя. Покрываю тебя безконечными нѣжными поцѣлуями.

Навсегда твоя старая
«Солнышко».

Я рамоли.

5-ое ноября. Только что видѣла нашего Друга — *скажи ему по хорошому привѣтъ*[1]. — Онъ былъ очень веселъ послѣ обѣда въ *Трапезѣ* — но не пьянъ — мнѣ некогда писать — Онъ говоритъ, что все будетъ хорошо.

Цѣлую и благословляю безъ конца.

№ 384.

Царское Село, 6 ноября 1916 г.

Дорогая душка,

Нѣжно благодарю за твое милое письмо. Слава Богу, что ножкѣ лучше. Сегодня солнце любезно старается опять посвѣтить. Мы были въ нашей нижней церкви, потомъ работали въ лазаретѣ, теперь идемъ въ солдатскiй лазаретъ, и я наиболѣе тяжело раненымъ дамъ отъ твоего имени медали. Потомъ будетъ *Меккъ,* а потомъ *Протопоповъ.* Я скажу ему, что надо принять строгiя мѣры противъ пропаганды, о которой ты писалъ — я заставлю ихъ работать, душка, и я скажу Калинину[2] не суетиться такъ и быть потверже.

---

[1] Распутинъ проситъ передать эти слова Государю.
[2] Псевдонимъ Протопопова.

Глупая голова болитъ — навѣрное, приближается Беккеръ.

Я рада, что Н. М.[2] не говорилъ такъ, какъ онъ писалъ — хотя это дало бы тебѣ поводъ намылить ему голову и сказать ему, чтобы онъ не вмѣшивался въ чужія дѣла. Я буду безпокоиться пока Н. (Николаша) въ *Ставкѣ* — надѣюсь, что все пойдетъ хорошо, и что ты покажешь, что ты хозяинъ.

Не могу не сожалѣть глубоко, что онъ будетъ съ тобой — помни, будь холоденъ со скверной кликой — я надѣюсь, что Н. (Николаша) будетъ имѣть достаточно такта не привозить толстаго *Орлова*. Представь себѣ, *Погуляевъ* мнѣ писалъ, что онъ собирается развестись — если она дастъ ему разводъ, онъ женится на «предметѣ» своей юности. Она Анѣ писала очень несчастное письмо — что она понимала бы, если бы онъ женился на молоденькой, но не на женщинѣ, которая на два года моложе ея и которая не хотѣла за него раньше выйти, такъ какъ онъ для нея былъ недостаточно хорошъ — а теперь онъ адмиралъ, это ей подходитъ. Я не знаю ея фамиліи, ни онъ, ни Аня о ней не упомянули. И зачѣмъ только онъ женился на женщинѣ старше его — ему нужна была молодая и дѣти, такъ какъ онъ ихъ любитъ. Теперь должна кончать. Мои мысли всегда съ тобой и усердныя молитвы, поцѣлуи и благословенія безъ конца, мой милый.

Навсегда твоя старая

«Солнышко».

№ 385.

Царское Село, 7 ноября 1916 г.

Мой любимый дорогой Ники,

Отъ всего сердца благодарю тебя за твое дорогое письмо. Разумѣется, тебѣ трудно писать, когда у тебя столько работы.

Опять дѣла:

Я имѣла продолжительное свиданіе съ *Протопоповымъ*, а вечеромъ короткое съ нашимъ Другомъ, и оба находятъ, что для успокоенія *Думы Шт*(юрмеръ) долженъ былъ бы сказаться больнымъ и уѣхать на отдыхъ на три недѣли. Правда, (я сейчасъ запачкала чернилами весь свой рукавъ) — онъ въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ нездоровъ и подорванъ этими гнусными нападками — и, такъ какъ онъ для этого сумасшедшаго дома красный флагъ — лучше, чтобы онъ на время исчезъ и потомъ въ декабрѣ когда ихъ распустятъ, онъ можетъ опять вернуться. *Треповъ* (къ которому я не могу заставить себя имѣть симпатію) въ данную минуту по закону его замѣняетъ въ совѣтѣ

---

[2] Николай Михайловичъ.

министровъ, и онъ будетъ вести дѣла. Это только на время. *Дума* опять собирается въ пятницу. Если ты телеграфируешь, что ты согласенъ, я могу это для тебя сдѣлать, и сдѣлаю ласково, чтобы не огорчить старика — ради него самого и чтобы было спокойно, такъ какъ я знаю, что тебѣ было бы непріятно писать ему, и я хочу избавить мою душку отъ всего, что только возможно — онъ тогда можетъ попросить у тебя отпускъ по состоянію здоровья. Они сейчасъ же успокоятся и многіе знаютъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ нездоровъ.

Я такъ счастлива, что Беби лучше. Было ли бы тебѣ удобно, если бы мы пріѣхали 13-го и когда, въ пять, четыре или въ половинѣ пятаго? Я надѣюсь, что я найду тамъ тотъ сонъ, котораго здѣсь у меня нѣтъ. Страшно много принимаю и еще буду принимать всѣ эти дни. Всѣ мои мысли съ тобой. Благословляю и безконечно цѣлую тебя,

твоя старая женка.

№ 386.

Царское Село, 8 ноября 1916 г.

Душка, милый мой ангелъ,

Горячо благодарю за твое дорогое письмо.

Слава Богу, что Н. (Николаша) привезъ приличныхъ людей. Это совершенно правильно, что *Ал*(ексѣева) посылаютъ для хорошаго отдыха въ Крымъ, это для него абсолютно необходимо — спокойствіе, воздухъ, и настоящій отдыхъ. Я надѣюсь, что *Гурко*[1] окажется настоящимъ человѣкомъ — лично я не судья, такъ какъ не помню, чтобы съ нимъ когда либо разговаривала. Умъ у него есть — Богъ да дастъ ему душу. Я рада буду увидѣть его теперь, когда мы пріѣдемъ. *Ресинъ* въ карантинѣ, Апраксинъ въ деревнѣ, *Бенк*(ендорфъ) боленъ, кого же мнѣ привезти? Я беру Аню и Настеньку, не *Боткина,* если нужно *Вл. Ник.,* но слава Богу ножкѣ, кажется, гораздо лучше. *Штюрмеръ* далъ мнѣ знать, что онъ ѣдетъ въ *Ставку* и хочетъ сперва меня повидать — такъ я ему осторожно скажу то, что я тебѣ написала (нашъ Другъ проситъ меня это сдѣлать) и, если возможно, сдѣлаю, чтобы стало извѣстнымъ раньше пятницы, что онъ ѣдетъ въ отпускъ изъ за здоровья, такъ какъ въ этотъ день собирается Д. (Дума), и они готовятъ ему въ этотъ день демонстрацію, — и то, что онъ уѣзжаетъ въ отпускъ, успокоитъ ихъ кипучее настроеніе.

Я нахожу, что *Григоровичъ* и *Шуваевъ* не нашли въ своихъ рѣчахъ настоящихъ нотъ, но *Шуваевъ* сдѣлалъ то, что хуже всего, — онъ пожалъ руку *Мелюкову,* который только что выступилъ противъ насъ.

---

[1] Замѣститель Алексѣева.

Какъ бы я хотѣла, чтобы у насъ былъ *Бѣляевъ* (настоящій джентльменъ) на его мѣстѣ. Гучковъ ушелъ со своего мѣста, потому что онъ хочетъ идти вмѣстѣ съ *Поливановымъ;* пожалуйста, не соглашайся на эту бумагу, которая къ тебѣ придетъ изъ Государственнаго Совѣта. *Поливановъ* стремится опять стать военнымъ министромъ и обѣщаетъ свободу евреямъ и т. д., онъ опасенъ и не долженъ былъ бы участвовать ни въ какомъ комитетѣ, а *Гучкова* слѣдовало бы помѣстить на высокомъ деревѣ. *Андронниковъ* также на дняхъ будетъ отправленъ въ Сибирь.

Теперь должна кончать. Вчерашній вечеръ мы провели у Ани съ *Юзикомъ, В. Эраст., Громатинымъ,* и *Ритой;* сегодня вечеромъ иду въ лазаретъ.

Благословляю и цѣлую безъ конца — безконечно радуюсь воскресенью.

Навсегда твоя собственная.

Какъ скучно, что Н. П. не будетъ въ *Стхвкѣ* — неужели у насъ будетъ этотъ противный *Свѣчинъ* — хоть бы по крайней мѣрѣ милый *Кутайсовъ.*

Ахъ, дорогой, как ъ я живу съ вами все это время — душа горитъ —голова устала — утомлена — но духъ бодръ, и я борюсь за тебя и за Беби.

№ 387.

Царское Село, 9 ноября 1916 г.

Родная моя птичка,

Горячо благодарю за твое милое письмо. Нашъ Другъ говоритъ, что *Шт*(юрмеръ) можетъ еще нѣкоторое время оставаться *пред. С*(овѣта) *М*(инистровъ), такъ какъ за это его не такъ много упрекаютъ, но весь шумъ начался съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. *Гр*(игорій) это понялъ лѣтомъ и уже тогда ему сказалъ — *съ этимъ тебѣ конецъ будетъ.* Вотъ почему Онъ умоляетъ, или чтобы Штюрмеръ уѣхалъ въ отпускъ на мѣсяцъ, или же сейчасъ же былъ назначенъ кто либо другой на его мѣсто *м. ин. дѣлъ,* напримѣръ *Щегловитовъ,* такъ какъ онъ очень уменъ (хотя непріятенъ) и у него русская фамилія, или Гирсъ (константинопольскій), въ этомъ министерствѣ онъ[1] красный флагъ, и сразу все станетъ спокойнѣе, если его смѣнятъ. Но оставь его *пред. сов. мин.* (если онъ ѣдетъ въ отпускъ, Треповъ по закону его замѣняетъ) — всѣ хотятъ это мѣсто, но они для него не годятся. *Григоровичъ* вполнѣ хорошъ на своемъ

[1] Штюрмеръ.

мѣстѣ, другіе и *Игнатьевъ*[1] подстрекаютъ его взять это мѣсто, для котораго онъ не подходитъ. *Игнат.* уговорилъ его и *Шуваева* взять эту невѣрную ноту въ ихъ рѣчахъ, которыя уже были какъ слѣдуетъ подготовлены министрами.

Теперь вызываютъ г-жу Сухомлинову къ суду въ пятницу и потому я телеграфировала, прося тебя сразу остановить *Сухомл. слѣдствіе* черезъ *сенатора Кузьмин*(скаго); это месть за то, что бѣднаго старика выпустили изъ тюрьмы. Такъ отвратительно несправедливо!

Я только что вернулась съ молебна въ лазаретѣ моихъ Уланъ (въ полковомъ собраніи перваго Стрѣлковаго полка) по случаю его двухлѣтняго существованія. Тамъ были старый Бекманъ и 26 уланъ, которые были больны или ранены и теперь возвращаются въ полкъ. Я такъ рада, что не было разговоровъ съ Н. (Николашей). Письмо Беби очень забавно. Твои письма опоздали на три часа. Погода — три градуса мороза, пасмурно. Что ты думаешь насчетъ Георгіевскаго праздника, будетъ ли онъ здѣсь, такъ чтобы поднять *духъ* твоимъ присутствіемъ въ этой гнилой части свѣта.

Теперь я должна кончать, дорогой муженекъ. *Гр*(игорій) надѣется, что ты скоро сюда пріѣдешь; твое присутствіе очень нужно, чтобы всѣхъ ихъ держать въ порядкѣ.

Сандро Л.[2] сказалъ, что *Ник*(олай) *Мих*(айловичъ)[3] говоритъ ужасныя вещи, всѣ въ ярости отъ того, что онъ разсказываетъ въ клубѣ, и онъ постоянно видится съ *Родз.* и компаніей. Извини, что пишу только непріятныя письма, но голова устала отъ дѣлъ.

Должна ли я привезти *Мордв.* или *Кутайсова* для дороги, такъ какъ у меня нѣтъ ни одного мужчины? Тысячу нѣжныхъ поцѣлуевъ и благословеній отъ твоей родной собственной.

№ 388.

Царское Село, 10 ноября 1916 г.

Мой милый дорогой ангелъ,

Котенокъ ползаетъ по всему письменному столу, къ счастью еще почти ничего не написано, онъ ползаетъ по пальмамъ и всюду, куда только можно попасть. Я каталась, шелъ снѣгъ, и было мокро.

Я принимала старика[4], и онъ мнѣ сказалъ о твоихъ рѣшеніяхъ — дай Богъ, чтобы все оказалось къ лучшему, хотя для меня было горест-

[1] Министръ нар. просвѣщенія.
[2] Лейхтенбергскій.
[3] Вел. Князь.
[4] Штюрмера.

нымъ ударомъ, что ты его также удаляешь изъ совѣта министровъ.

Онъ такой преданный, честный, вѣрный человѣкъ. Твоя доброта и твое довѣріе такъ его тронули, и также великолѣпное назначеніе[1] Я жалѣю, такъ какъ онъ любитъ нашего Друга и въ этомъ отношеніи поступалъ такъ правильно — *Трепова* я лично не люблю и не могу имѣть къ нему того чувства, которое было у меня къ *Горемыкину*, *Штюрмеру*, они принадлежали къ прежнему хорошему сорту людей. Этотъ другой, я вѣрю, будетъ твердъ (боюсь, что сердцемъ онъ жесткій человѣкъ), но съ нимъ гораздо труднѣе разговаривать — тѣ двое меня любили и приходили ко мнѣ по всякому вопросу, который ихъ безпокоилъ, для того, чтобы тебя не тревожить — а этотъ, увы, я сомнѣваюсь, чтобы онъ меня любилъ и, если онъ не вѣритъ мнѣ или нашему Другу, трудно будетъ работать. Я сказала *Штюрмеру*, чтобы онъ передалъ ему, какъ нужно вести себя по отношенію къ *Гр*(игорію) и всегда Его оберегать. Ахъ, дай Богъ, чтобы это было къ лучшему и чтобы у тебя былъ честный человѣкъ въ его лицѣ, чтобы помогать тебѣ. Ты, душка, скажешь ему, чтобы онъ приходилъ иногда и ко мнѣ — я такъ мало его знаю и хотѣла бы «понять» его.

Спасибо, милый, за присылку *Воейкова*. Вчера я видѣла *Гр*(игорія), и потомъ онъ телеграфировалъ, когда я сказала ему о смерти стараго Императора[2] — онъ думаетъ, что это, навѣрное, намъ на благо во всѣхъ отношеніяхъ (я также), и Онъ надѣется, что теперь война скорѣе окончится, такъ какъ могутъ быть раздоры между германцами и австрійцами. Спасибо за *Сухомл*(инова), прилагаю письмо отъ С. къ тебѣ.

Какая радость, что мы скоро свидимся — столько есть, о чемъ переговорить. Пожалуйста, прикажи *Ник. Мих.* уѣхать[3], онъ опасный элементъ здѣсь въ городѣ. Должна кончать, 10000000 поцѣлуевъ и благословеній

отъ твоей собственной.

№ 389.

Царское Село, 10 ноября 1916 г.

Дорогая душка,

Часъ ночи, и все же я начинаю тебѣ писать, такъ какъ завтра у меня будетъ цѣлый день народъ. Даже въ лазаретѣ я буду принимать французскаго доктора, такъ какъ онъ хочетъ со мной переговорить по

[1] Штюрмеръ 10 ноября уволенъ отъ должности предсѣдателя сов. м. и министра ин. дѣлъ и никакого назначенія не получилъ. Мѣсто предсѣдателя сов. м. занялъ А. Ф. Треповъ, — министра ин. дѣлъ Н. Н. Покровскій.

[2] Франца-Іосифа.

[3] 1 января 1917 г. оставилъ Петербургъ, выѣхавъ въ свое имѣніе Грушевку, Херс. губ.

поводу замѣчательныхъ столовъ, которые онъ и другіе французскіе доктора везутъ въ Румынію. Подъ столомъ электрическая батарея и рентгеновскій аппаратъ, такъ что во время операціи можно все время видѣть, гдѣ находится пуля, и это, конечно, въ огромной степени облегчаетъ экстракцію пули или осколковъ. Потомъ англійскій консулъ, кажется изъ *Риги*, принесетъ мнѣ десять тысячъ фунтовъ. Потомъ въ два мы ѣдемъ къ нашему поѣзду на *молебенъ*, который будетъ отслуженъ митрополитомъ, такъ какъ они перестроили церковь. Потомъ я принимаю кого то въ домѣ Ани. Потомъ Фредериксы къ раннему чаю, потомъ Н. П. къ настоящему чаю. Послѣ этого (въ этомъ перѣ больше нѣтъ чернила) — *Мелюхина*, помощника *Николаши*. Потомъ *Протопопова*, *Трепова*, — и нашего Друга на одинъ часъ вечеромъ, чтобы проститься. Онъ очень огорченъ, что *Шт*(юрмеръ) не понимаетъ, что ему слѣдовало уѣхать въ отпускъ. Не зная *Трепова*, онъ понятно тревожится за тебя. Но онъ думаетъ, что тебѣ бы слѣдовало имѣть другого министра путей сообщенія, по его мнѣнію нехорошо, когда у человѣка два дѣла заразъ, такъ какъ тогда онъ не будетъ въ состояніи хорошо исполнять каждую свою обязанность — а кромѣ того, въ настоящее время онъ долженъ разъѣзжать и лично за всѣмъ смотрѣть — не подошелъ ли бы *Валуевъ*[1] — безусловно преданный, хорошій человѣкъ (такъ находилъ нашъ Другъ уже давно). Выберемъ министра иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ. Я видѣла сегодня княгиню Юлію Браницкую, она все еще такъ красива, хотя покрыта морщинами, — мы ее въ послѣдній разъ видѣли въ *Кіевѣ*. Ея мужъ умеръ до войны. Она племянница старухи, живущей въ Бѣлой церкви, и тамъ видѣла Мамашу. Я провела уютный вечеръ въ лазаретѣ за вязаніемъ и болтовней. *Елена*[2] съ нами завтракала — она насладилась Крымомъ. Говоритъ, что Петръ Черногорскій дерется вмѣстѣ съ нашими войсками во Франціи. У меня голова идетъ кругомъ отъ всѣхъ людей, которыхъ мнѣ приходится видѣть — и всѣ должны быть точно распредѣлены и для каждаго должно быть достаточно времени. Я жду съ огромнымъ удовольствіемъ воскресенья пять часовъ... Теперь, наконецъ, (благодаря нашему *Др*(угу) уже три ночи я сплю почти совсѣмъ хорошо — это такъ пріятно, голова тогда свѣжѣе. Прощай и спи хорошо. Я это написала въ двѣнадцать минутъ.

Ноября 11-го.

Я такъ благодарна тебѣ за твое письмо, моя душка. Старикъ былъ не правъ, не сказавъ мнѣ про другія твои намѣренія — они меня с т р а ш н о разстроили. Прости меня, душка, повѣрь мнѣ, умоляю тебя — н е

---

[1] **Управлявшій сѣверными дорогами, убитый впослѣдствіи въ первые дни революціи.**

[2] **Елена Петровна, жена Іоанна Константиновича.**

мѣняй *Протопопова* теперь — онъ будетъ вполнѣ хорошъ. Дай ему только возможность получить *продов.* въ свои руки, и я тебя увѣряю, что все пойдетъ какъ слѣдуетъ. *Штюрмеръ* находитъ, что онъ суетливъ — потому что *Шт*(юрмеръ) мѣшкалъ и не отвѣчалъ достаточно быстро, и не держалъ ихъ всѣхъ достаточно въ рукахъ. Я нахожу, что, если ты перемѣнишь *Бобр.*, это все равно, только не *Протопоп*(ова), теперь это было бы нехорошо. Понятно, я более, чѣмъ жалѣю, что *Игнат*(ьевъ) тамъ сидитъ (очень лѣвый) и что *Треп(*овъ) во главѣ — но выбери новаго министра путей сообщенiй — онъ не можетъ дѣлать двѣ вещи заразъ, теперь, когда все такъ серьезно — хотя онъ, конечно, скажетъ, что можетъ. *Макарова* можно было отлично смѣнить — онъ не за насъ — но *Протопоп*(овъ) честно за насъ. Ахъ, душка, ты можешь мнѣ повѣрить. Возможно, что я не достаточно умна, но у меня есть сильное чувство, и это часто болѣе помогаетъ, чѣмъ мозгъ. Не мѣняй никого, пока мы не встрѣтимся, давай поговоримъ объ этомъ спокойно вмѣстѣ. Пусть *Треп(*овъ) прiѣдетъ днемъ позже, или задержи бумаги о назначенiи и фамилiи, сдѣлай это, дорогая моя душка, ради твоей женки. Ты не знаешь, какъ теперь тяжело — столько приходится переживать и такая ненависть со стороны «прогнившаго высшаго общества». *Продов.* должно быть въ рукахъ *Протопо*п(ова). Другiе интригуютъ противъ него. Онъ слышалъ объ этомъ изъ *Ставки* нѣсколько дней тому назадъ. Настали трудныя времена — не ломай все сразу — увольненiе *Штюрмера* уже было крупнымъ дѣломъ — теперь выбери преемника *Трепову* въ качествѣ министра и кого нибудь помоложе вмѣсто *Бобринскаго* — но сохрани *Протоп*(опова), не сердись на меня, это я все говорю ради тебя, я знаю что это[1] было бы нехорошо. Сердцемъ и душой я устала отъ страданiй, но я должна тебѣ сказать правду. Прощай, мой ангелъ, еще разъ вспомни, что для твоего царствованiя, для Беби и для насъ тебѣ нужны сила, молитвы и совѣты нашего Друга. Вспомни, какъ въ прошломъ году всѣ были противъ тебя и за Н. (Николашу), а нашъ Другъ далъ тебѣ помощь и силу, ты все на себя взялъ и спасъ Россiю, мы болѣе уже не отступали. Онъ сказалъ *Штюрмеру*, что онъ не долженъ былъ принять назначенiя министромъ иностранныхъ дѣлъ, что это его погубитъ — нѣмецкое имя, и станутъ говорить, что это все я дѣлаю. *Протоп(*оповъ) благоговѣетъ передъ нашимъ Другомъ и будетъ благословенъ — *Шт*(юрмеръ) испугался и цѣлый мѣсяцъ Его не видѣлъ — это такъ дурно, и онъ потерялъ точку опоры. Ахъ, душка, я такъ усердно молюсь Богу, чтобы ты могъ почувствовать и сознать, что Онъ наша забота, если бы Его тутъ не было, я не знаю, что бы могло случиться. Онъ спасаетъ насъ

[1] Т. е. смѣна Протопопова.

своими молитвами и мудрыми совѣтами и Онъ для насъ скала вѣры и помощи. М-мъ *Танѣева* громко сказала, что *Игнат*(ьевъ), *Кривош*(еинъ) и т. д. собираются сломать *Протопоп(*ову) шею и сдѣлаютъ все, чтобы имѣть успѣхъ. Не давай имъ. Онъ не сумасшедшій, жена его бываетъ у *Бехтерева* только ради его нервовъ. Ради меня не дѣлай никакихъ перемѣнъ пока я не пріѣду. Скажи *Трепову*, что ты хочешь объ этомъ подумать день-другой, скажи ему, что ты не намѣренъ теперь уволить *Прот*(опопова) и, пожалуйста, дай ему *продов.*, какъ было рѣшено, повѣрь мнѣ, онъ съ этимъ справится. Въ деревнѣ уже это чувствуется (только подлые *Петр.* и *М.*[1] говорятъ противъ него), успокой меня, обѣщай, прости, но это для тебя и для Беби я борюсь. Цѣлую, твоя женка.

№ 390. *Царское Село*, 12 ноября 1916 г.

Мой родной любимый,

Пишу тебѣ въ нашемъ лазаретѣ въ одной изъ палатъ. Я слишкомъ устала прошлую ночь, чтобы о чемъ либо думать, и мнѣ пришлось собрать мои вещи и привести въ порядокъ твои письма. У меня голова идетъ кругомъ, такъ что прости меня, если я пишу неясно — такъ темно и такъ мрачно. Вѣроятно, ты получилъ бумагу насчетъ производства *Вильчковскаго* въ генералы, пожалуйста, душка, сдѣлай это, это поможетъ ему во всѣхъ его *отношеніяхъ* съ другими генералами и *уполномоченными*, съ которыми такъ непріятно имѣть дѣло. Душка, мой ангелъ — теперь о главной вещи — не мѣняй *Прот.* У меня съ нимъ вчера былъ длинный разговоръ — онъ совершенно здоровъ — понятно *Треп.* (я въ этомъ была увѣрена) сказалъ мнѣ тоже самое[2] — это совершенно невѣрно. Онъ спокоенъ и хладнокровенъ, и безусловно преданъ, что, увы, можно сказать лишь о немногихъ, и онъ будетъ имѣть успѣхъ — уже дѣла идутъ лучше и было бы безуміемъ въ такой серьезный моментъ смѣнять его. Я разскажу тебѣ детали и интриги, когда я пріѣду къ тебѣ, ты все ясно увидишь. Поэтому я просила тебя отложить пріѣздъ *Треп(*ова) до тѣхъ поръ, пока мы увидимся. Это та же исторія, какъ въ прошломъ году — опять противъ твоей женки — они знаютъ, что онъ вполнѣ мнѣ преданъ и приходитъ ко мнѣ также, какъ *Шаховской* (его также хотятъ перемѣнить). Не мѣняй никого, иначе *Дума* вообразитъ, что это она сдѣлала и что имъ удалось всѣхъ выгнать. И это дурно, начинать съ того, чтобы всѣхъ разогнать — другіе не будутъ имѣть времени, чтобы сѣсть за

[1] Петроградъ и Москва.
[2] Т. е., что Протоповъ ненормаленъ. См. ниже.

работу на новыхъ мѣстахъ, пока *Дума* засѣдаетъ. Ты знаешь, я не очень хорошаго мнѣнія о *Треп*(овѣ) и я вижу проявленіе его игры, его желаніе избавиться отъ людей, которые мнѣ преданы. Тогда, это будутъ все министры, какъ тѣ, которыхъ избрала послѣдняя *Ставка*, — всѣ противъ меня. Они чувствуютъ, что я твоя стѣна (опора), и это ихъ раздражаетъ—ахъ душка, не давай имъ это сдѣлать, это б о л ѣ е серьезно, чѣмъ ты думаешь. Въ прошломъ году тебѣ понадобилось много времени, чтобы это понять — а теперь за *Треповымъ* стоитъ скверная партія. *Воейковъ* также играетъ некрасивую роль съ *Андронниковымъ* въ этомъ дѣлѣ — онъ цѣпляется за этого дурного человѣка. Трудно писать и просить для себя, увѣряю тебя, но это ради т е б я и ради Беби, повѣрь мнѣ. Мнѣ все равно, что обо мнѣ будутъ говорить дурное, но когда стараются оторвать отъ насъ людей преданныхъ и честныхъ, и любящихъ меня, это страшно несправедливо. Я только женщина, которая борется за своего Господина и за Ребенка, за два драгоцѣннѣйшія существа на свѣтѣ — и Богъ поможетъ мнѣ быть твоимъ ангеломъ хранителемъ, только не вытаскивай тѣхъ палокъ, на которыя я нашла возможнымъ опереться. *Треп(*овъ) его будетъ рекомендовать на мѣсто *Шах*(овского) — но какъ-же, когда онъ говоритъ, что тотъ ненормамъ?

Держись твердо и пошли сейчасъ же за *Прот.*, и переговори съ нимъ, какъ слѣдуетъ, если хочешь я буду вмѣстѣ съ тобой. Но, когда ты скажешь *Треп(*ову), что ты не хочешь смѣнить *Прот*((опопова) или *Шаховского*, ради Бога не у п о м и н а й моего имени — это должно быть твоимъ м у д р ы м ъ желаніемъ. Если онъ скажетъ, что онъ не можетъ съ ними работать, скажи ему, что ты на время его сохранишь, а потомъ возьмешь другого. Будь хозяиномъ. *У Треп*(ова) непріятный характеръ. Я не люблю людей, которые говорятъ массу словъ, чтобы объяснить свою преданность, я люблю усматривать ее въ ихъ поступкахъ — *Прот*(опоповъ) это все время доказываетъ (опять какой то раненый идіотъ стоитъ и все время на меня глазѣетъ и страшно меня раздражаетъ — другіе такъ шумятъ въ коридорѣ, это мнѣ не облегчаетъ писанія).

Я хотѣла, чтобы ты это прочелъ, прежде чѣмъ мы свидимся — ты будешь имѣть время подумать на случай, если *Тр*(еповъ) пріѣдетъ раньше меня. Я очень обижена, что *Шт*(юрмеръ) меня раньше не предупредилъ. Душка, это не шутка, это болѣе серьезно, такъ какъ это охота на твою женку. Категорически отвѣть, что ты это спокойно обдумалъ и не желаешь въ настоящее время мѣнять кого бы то ни было изъ своихъ министровъ. Оставь даже стараго *Бобринскаго*[1]. По-

[1] 14 ноября гр. Бобринскій былъ уволенъ.

жалуйста, обрати вниманіе на все, что я пишу (теперь еще три раненыхъ пришло, чтобы меня раздражать). Это ложь, когда *Треп*(овъ) говоритъ, что *Прот*(опоповъ) ничего не понимаетъ въ своемъ министерствѣ, — онъ хорошо освѣдомленъ, въ деревнѣ чувствуютъ его твердую руку — продукты поступаютъ, и все медленно, но вѣрно, улучшается. Его бумаги въ теченіе десяти дней не были прочтены министрами — такой срамъ. Какая радость завтра отдохнуть въ твоихъ объятіяхъ, поцѣловать и благословить тебя. Женка.

Душка, вспомни, что дѣло не въ человѣкѣ *Протоп*(оповѣ) или X. Y. Z., но вопросъ идетъ о монархіи и о твоемъ престижѣ, который не долженъ быть подорванъ при существованіи *Думы*. Не думай, что они на немъ остановятся, они заставятъ и другихъ уйти, которые тебѣ преданы, одного за другимъ — а потомъ насъ самихъ. Вспомни прошлый годъ, твой отъѣздъ на фронтъ — когда ты также былъ одинокъ съ нами двумя противъ всѣхъ, кто обѣщалъ, что будетъ революція, если ты поѣдешь. Ты всталъ противъ всѣхъ, и Богъ благословилъ твое рѣшеніе. Я опять повторяю — дѣло не въ имени *Протоп*(опова), но въ томъ, чтобы ты оставался твердъ и не уступалъ — *Царь правитъ, а не Дума.* Прости меня, что я опять пишу, но я боюсь за твое царствованіе и за будущее Беби. Богъ поможетъ, будь твердъ, не слушайся людей, которые не отъ Бога, а трусы.

Твоя женка, для которой ты все во всемъ. Вѣрная до смерти.

№ 391.

Царское Село, 4 декабря 1916 г.[1]

Мой драгоцѣнный,

Прощай, моя милая душка,

Очень больно отпускать тебя — хуже всего послѣ пережитаго нами тяжелаго времени и нашей борьбы. Но Богъ, который весь лю-

[1] 13 ноября Государыня съ дочерьми выѣхала въ ставку. 14 ноября туда отбылъ упр. мин. внутр. дѣлъ. 15 ноября М. В. Родзянко выѣхалъ въ ставку. 19 ноября въ Гос. Думѣ предъявленъ запросъ о назначеніи генерала Курлова товарищемъ министра внутр. дѣлъ, причемъ приказъ о его назначеніи, вопреки закону, не былъ опубликованъ. 25 ноября Государь со всей семьей прибылъ въ Царское Село. 29 ноября въ Госуд. Думѣ предъявленъ запросъ объ учрежденіи второй должности товарища оберъ-прокурора Св. Синода. Того же числа Риттихъ назначенъ управляющимъ минист. земледѣлія. 30 ноября Государственный контролеръ Покровскій назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Товарищъ министра финансовъ Федосьевъ назначенъ Государственнымъ контролеромъ. 1 декабря съѣздъ объединеннаго дворянства вынесъ резолюцію о современномъ положеніи въ странѣ, однозначную съ формулой законодательныхъ палатъ. Правительства Германіи, Австро-Венгріи, Турціи и Болгаріи поручили Америкѣ,

бовь и милосердіе, пожелалъ, чтобы дѣла измѣнились къ лучшему — только немножко больше терпѣнія и глубочайшей вѣры, молитвы и помощь нашего Друга, тогда все пойдетъ хорошо. Я вполнѣ увѣрена, что великія и прекрасныя времена наступаютъ для твоего царствованія и для Россіи. Только поддерживай свой духъ, не давай никакимъ разговорамъ или письмамъ обезкураживать тебя — пусть они приходятъ, какъ нѣчто нечистое и что скоро должно быть забыто. Покажи всѣмъ, что ты хозяинъ, и твоей волѣ должны будутъ повиноваться — время большой снисходительности и мягкости прошло — теперь наступаетъ царствованіе воли и власти, и мы ихъ заставимъ преклониться передъ тобой и повиноваться твоимъ приказаніямъ, и работать такъ и съ тѣми, съ кѣмъ ты желаешь — ихъ

Испаніи и Швейцаріи передать ноту воюющимъ съ ними государствамъ съ предложеніемъ мира.

Во время пребыванія государыни въ ставкѣ Распутинъ отправилъ слѣдущія телеграммы:

20 XI 1916 г. Государынѣ императрицѣ ставка главнокомандующаго. Всѣ страхи ничто время крѣпости Воля человѣка должна быть камнемъ Божья милость всегда на васъ Вся слава и терпѣніе только крѣпость своихъ поддержите. Григорій Новый.

17 сл. 21 XI 2 час. Ставка. Поѣздъ государынии мператрицы ея величеству. О письмѣ Калининъ пріѣдетъ самъ разскажетъ и многова разскажетъ. Григорій Новый.

23 сл. 21 XI 11 час. 31 мин. пополудни Ставка государынѣ императрицѣ Александрѣ Θедоровнѣ Письмо да здѣсь что то выбрано для меня скорби чертогъ Божій прославитъ Васъ Господь своимъ чудомъ Григорій Новый.

Вырубовой. Поѣздъ ея величества. Ставка главнокомандующаго. Калининъ пускай пробудетъ только сутки болѣе зависть будетъ хуже. Пошлите куданибудь на недѣлю побыть. Такъ долго въ однихъ гостяхъ долго никакъ нельзя а тѣ пока успокоятся. Не задерживайте его никакъ дольше.

52 сл. Подана 19 XI 22 час. 30 мин. попол. Вырубовой. Поѣздъ ея Величества. Ставка главнокомандующаго. Пуришкевичъ ругался дерзко, но не больно, мой покой остался не нарушенъ. Богъ укрѣпитъ васъ, не возбраняйте и несмотря на злые языцы. Ваша побѣда и вашъ корабль и никто не имѣетъ власти на него сѣсти; чтобы ни было рѣшайте вмѣстѣ, совѣтъ благихъ разумъ святыхъ.

66 сл. Подана 19 XI 22 час. 30 мин. попол. Вырубовой. Поѣздъ ея величества. Ставка главнокомандующаго. Моего птенца изъ гнѣзда трепещущей пташки жалостливой мамы гостью опять на испытаніе понедѣльникъ; я вѣрю вамъ — это ширма и для чего намъ такая ширма, они еще скажутъ загородить весь свѣтъ огородомъ, что намъ въ пользу, то дайте; какъ волки овецъ, ой, не нужно; твердыня — это Богъ, а узники дѣти его — довольно, пусть мой духъ будетъ на небѣ, не на землѣ.

Ставка изъ Петрограда № 345340. 16 XI 57 Вручить старшему. Вырубовой. Поѣздъ ея величества. Ставка главнокомандующаго. Сейчасъ былъ румынскій и заботится о письмѣ, что назначено, а другой не спалъ что обѣщалъ теперь мятется во всю гостья пришла отъ испытанія, что ими вѣдь одинъ Богъ въ славѣ и онъ судья и страданія его и она чуть жива, когда обвиняли Евдокію

надо научить послушанію, они не знаютъ значенія этого слова, ты ихъ испортилъ твоей добротой и всепрощеніемъ. Почему меня ненавидятъ? Потому что знаютъ, что у меня сильная воля, и когда я увѣрена въ правотѣ какого либо рѣшенія, (когда) оно кромѣ того получило благословеніе Гр(игорія), я не мѣняю своего мнѣнія, и это для нихъ невыносимо. Но это дурные люди. Вспомни слова м-ье Филиппа, когда онъ мнѣ далъ образъ съ колокольчикомъ. Такъ какъ ты былъ такъ добръ, довѣрчивъ и мягокъ, я должна была быть твоимъ колокольчикомъ, тѣ, кто приходили съ дурными намѣреніями, не могли бы къ тебѣ подойти, такъ какъ я должна была тебя предостерегать. Тѣ, кто меня боятся, кто никогда не смотрятъ мнѣ въ глаза, или замышляютъ что нибудь дурное, — тѣ никогда меня не любятъ. Посмотри

она говоритъ не отъ земли и не здѣсь родилась а клевета эта сто начальниковъ она вѣдь устояла а мы съ нея примѣръ.

238 сл. Подана 20 XI 5 час. попол. Ставка поѣздъ Вырубовой. Древность событія нашего правда Калинина языкъ за языкъ отвѣтъ готовъ. Любовь его къ вамъ выразилась не такъ какъ онъ хотѣлъ что то сказалъ ко графу Бобринскому члену думы а почему. Потому что любовь къ родинѣ; онъ завистникъ а вы знаете сердце Калинина простое. Да онъ ошибку сдѣлалъ, но не внѣ царства. А вы скажете когда онъ будетъ не призванъ тогда властью пускай пользуется; пока не время. Дорогая, ты сказала на Гороховой т. е. на квартирѣ Распутина живетъ, да вѣдь онъ пришелъ какъ Папа сказалъ я вино люблю я даже виномъ не могъ его упоить. Люблю васъ удержите моего сейчасъ со мной даже на Гороховой Простяковъ Богъ прославитъ, а вы знаете что на Гороховой нѣтъ тренья. Мой Калининъ лица даже нѣтъ вѣрно надѣюсь что вы хоть маленько его поддержите. Вы знаете рѣпа хороша когда зубы есть; ужасно мнѣ больно, что я безъ зубовъ, Калининъ-то Калининъ, а сегодня онъ что то помертвѣлъ даже; будто какъ Треповъ надъ нимъ власть имѣлъ. Вы сказали что моихъ никто не обидитъ, а для чего это все. Еще разъ скажи къ гла онъ будетъ не у дѣлъ тогда онъ съ вами пойдетъ на дуэль. Ежели она будетъ кричать насъ не пойметъ покой насъ не понимаетъ и Богъ глаза закрылъ. Въ темнотѣ никто другъ друга не видитъ. Что скажетъ Калининъ то будетъ, а вы его еще разъ кашей покормите. Моя порука этотъ самый Калининъ а вашъ разумъ пусть пойметъ. Ваше солнце а моя радость. Григорій Новый. Срочно.

Вырубовой. 22 XI. Поѣздъ ея величества Ставка главнокомандующаго. О Кіевской Лаврѣ ничего писано не было и смыслъ должны знать что не мой Калининъ скоро у васъ. Записка слово вѣрныя послѣднія. Вѣрьте, не убойтесь страха, слово злыхъ языцъ, сдайте все свое маленькому въ цѣлости, какъ отъ отца получилъ, такъ и его сынъ получитъ. А гостью все мучаютъ.

Распутинъ — дворцовому коменданту Воейкову.

Ставку Петрограда 23 П Вручить старшему Срочно Ставка Генералу Воейкову. Вотъ, дорогой, безъ привычки даже каша и та не сладка, а не только Пуришкевичъ съ бранными устами. Теперь осъ расплодилось милліоны. Такъ вотъ и повѣрь, какъ касается души, а надо быть сплоченными друзьями. Хоть маленькій кружокъ, да единомышленники, а ихъ много, да разбросаны силы. Не возьметъ въ нихъ злоба, а въ насъ духъ правды. Посмотри на Аннушкино (т. е. Вырубовой) лицо: для тебя она лучшее успокоеніе. Григорій Новый.

на черныхъ[1] — потомъ Орловъ и Дрентельнъ — Витте — *Коковцевъ* — *Треповъ* (я также чувствую) — *Макаровъ* — *Кауфманнъ*[2] — *Соф. Ивановна*[3] — *Мери*[4] — *Сандра* Оболенская и т. д., но тѣ, кто добръ и преданъ тебѣ добросовѣстно и съ чистымъ сердцемъ, тѣ меня любятъ — посмотри на простой народъ и на военныхъ. Есть хорошее и плохое духовенство — это все такъ ясно, и потому это меня больше не обижаетъ, какъ когда я была помоложе. Только когда позволяютъ себѣ писать тебѣ или мнѣ гадкія, мерзкія письма, ты долженъ карать.

Аня разсказала мнѣ, про *Болошова*[5] (человѣкъ, котораго я всегда терпѣть не могла), я поняла почему ты такъ ужасно поздно пришелъ спать и почему я ждала съ такой болью и тревогой. Пожалуйста, душка, скажи Фред(ериксу), чтобы онъ написалъ ему строгій *выговоръ* (онъ и *Ник. Мих.*, и *Вас.*[6] въ клубѣ заодно) — у него такое высокое придворное званіе и онъ осмѣливается писать, не спросясь. И это не въ первый разъ, въ прежнія времена, я помню, онъ дѣлалъ то-же самое. Разорви письмо, но прикажи ему сдѣлать строгій выговоръ. Скажи *Воейк*(ову), чтобы онъ напомнилъ старику — будетъ очень полезно хорошенько дать по шапкѣ этому надутому члену Государственнаго Совѣта. Мы не можемъ позволять, чтобы насъ теперь попирали ногами. Твердость выше всего. Теперь ты назначилъ сына *Тр*(епова) адъютантомъ, ты можешь настаивать еще болѣе на томъ, чтобы онъ работалъ съ *Прот*(опоповымъ) — онъ долженъ показать свою признательность. Не забудь запретить *Гурко* разговаривать или вмѣшиваться въ политику — это погубило *Никол*(ашу) и *Алекс*(ѣева), послѣднему Богъ послалъ эту болѣзнь, очевидно, для того, чтобы спасти тебя отъ человѣка, который потерялъ свою дорогу и вредилъ тѣмъ, что прислушивался къ дурнымъ письмамъ и людямъ, вмѣсто того, чтобы слушаться твоихъ приказаній насчетъ войны и не быть упрямымъ. И его натравили противъ меня — доказательствомъ этого то, что онъ сказалъ старику *Иванову;* скоро все это разсѣется, становится яснѣе и погода также, а это, не забудь, хорошій знакъ.

И нашъ дорогой Другъ усердно молится за тебя — человѣкъ отъ Бога поставленный возлѣ тебя — и даетъ силу, вѣру и надежду, въ которой такъ нуждаешься. И другіе не могутъ понять это твое великое спокойствіе и думаютъ поэтому, что ты не понимаешь, и стара-

---

[1] Черногорокъ.

[2] П. М. Кауфманъ, б. Министръ Нар. Просвѣщенія.

[3] Тютчева.

[4] М. А. Васильчикова.

[5] Оберъ-егермейстеръ Балашовъ, членъ Гос. Совѣта. Впослѣдствіи уволенъ, согласно прошенію отъ должности члена Гос. Совѣта.

[6] Кн. Б. А. Васильчиковъ.

ются энервировать, пугать и уколоть тебя, но это имъ скоро надоѣстъ. Въ случаѣ, если бы Мамаша написала, не забудь, что за ней стоятъ Михайловичи. Не обращай вниманія и не принимай къ сердцу — слава Богу, ея здѣсь нѣтъ, но добрые люди находятъ способы писать и вредить. Все поворачивается къ лучшему — сны нашего Друга такъ много значатъ! Душка, пойди къ Могилевской св. Дѣвѣ и найди тамъ миръ и силу — загляни туда послѣ чая, до пріема, возьми съ собой Беби потихоньку — тамъ такое спокойствіе, и ты можешь поставить свою свѣчу. Пусть народъ видитъ, что ты христіанскій государь, и не слушайся — даже такой примѣръ поможетъ другимъ.

Какія будутъ одинокія ночи, я не могу себѣ этого представить. Было утѣшеніемъ крѣпко держать тебя въ моихъ объятіяхъ — это успокаивало страданія души и сердца, и я пыталась вложить въ свои ласки всю мою безконечную любовь, молитвы, вѣру и силы. Ты мнѣ такъ невыразимо дорогъ, мужъ моего сердца. Богъ да благословитъ тебя и мое сокровище Беби. Покрываю тебя поцѣлуями. Когда тебѣ грустно, пойди въ комнату Беби и посиди тамъ минутку спокойно съ его милыми людьми. Поцѣлуй дорогого ребенка и ты почувствуешь себя согрѣтымъ и спокойнымъ. Изливаю тебѣ всю мою любовь, солнце моей жизни. Спи хорошо, сердцемъ и душой съ тобой, мои молитвы тебя окружаютъ. Богъ и святая Дѣва тебя никогда не оставятъ. Навсегда твоя собственная.

№ 392.

Царское Село, 5 декабря 1916 г.

Мой родной голубчикъ,

Отъ всей глубины любящаго сердца шлю тебѣ горячія сердечныя благопожеланія и нѣжныя благословенія по случаю дорогого дня твоихъ мменинъ. Пусть твой святой покровитель особенно близокъ будетъ къ тебѣ и возьметъ тебя подъ святую свою защиту. Все, что можетъ пожелать тебѣ преданное, безгранично любящее сердце — все это желаетъ тебѣ твое Солнышко. Силу, твердость, непоколюбимую рѣшительность, миръ, тишину, успѣхъ, яркое солнце — отдыхъ и счастье, наконецъ, послѣ твоей тяжелой, очень тяжелой борьбы. Мысленно крѣпко прижимаю тебя къ моему сердцу, хочу успокоить твою милую усталую голову на моей груди. Вмѣстѣ съ пламенемъ свѣчей мои молитвы подымаются за тебя, горя яркимъ свѣтомъ. Сегодня вечеромъ я пойду въ церковь, а завтра нашъ скучный народъ, придворные будутъ тамъ, чтобы поздравить послѣ службы. Какъ мнѣ поблагодарить тебя за неожиданную огромную радость, доставленную твоимъ дорогимъ письмомъ, — оно

было лучемъ согрѣвающаго солнца для моего одинокаго сердца. Послѣ того, какъ вы оба уѣхали, я вышла къ *Знаменью.* Попозже я принимала *Ильина, Всевол.* отъ моего п(оѣзда)-склада — *Баграт. М.*[1] изъ *Дик. Див.*[2] — онъ постарается увидѣть тебя въ *Ставкѣ* — страшно интересно все, что онъ разсказываетъ о племенахъ, которыя ему подчинены — и *Абрекахъ,* которые очень хорошо себя ведутъ.

Послѣ обѣда я была въ лазаретѣ — чтобы позабыться. Благодарю Бога, что я могла тебѣ немного помочь — ты тоже, мой милый, будь твердымъ и непоколебимымъ, покажи твою властную руку и духъ. Не сгибайся передъ такимъ человѣкомъ, какъ *Треповъ* (къ которому ты не можешь имѣть ни довѣрія, ни уваженія). Ты сказалъ свое слово и выдержалъ борьбу за *Протоп*(опова), и не напрасно же мы страдали — держись за него, будь твердъ, не сдавайся — иначе никогда больше не будетъ мира, они начнутъ опять въ будущемъ смущать тебя еще больше, когда ты будешь согласенъ, такъ какъ они видятъ, что упорнымъ упрямствомъ, они принуждаютъ тебя къ уступкамъ — будь также твердъ, какъ они, я хочу сказать *Тр*(еповъ) и *Родз*(янко) (съ дурными) на той сторонѣ. Я буду стоять противъ нихъ (съ святымъ Божьимъ человѣкомъ), ты не держись за нихъ, но за насъ, живущихъ только для тебя, для Беби и для Россіи. Душка моя, увѣряю тебя, ты поступишь правильно, слѣдуя совѣтамъ нашего Друга — Онъ т а к ъ усердно молится днемъ и ночью за тебя — и Онъ тебя удержалъ тамъ, гдѣ ты находишься — только будь также убѣжденъ, какъ я, и какъ я доказала Эллѣ[3], и всегда буду доказывать — тогда все пойдетъ хорошо. Въ «Les Amis de Dieu» одинъ изъ божьихъ старцевъ сказалъ, что страна, въ которой Божій человѣкъ помогаетъ государю, никогда не погибнетъ, и это правда, — только надо слушаться, вѣрить и просить совѣта — не думать, что Онъ не знаетъ. Богъ ему все открываетъ, вотъ почему люди, которые не могутъ понять Его душу, такъ безгранично восхищаются Его чудеснымъ умомъ — готовымъ все понять; и когда Онъ благословляетъ какое либо предпріятіе, оно удается — и если Онъ рекомендуетъ кого либо, можно быть спокойнымъ, что эти люди хороши — если они потомъ мѣняются, это уже не Его вина — но Онъ будетъ меньше ошибаться въ людяхъ, чѣмъ мы — у Него *жизн. опытъ,* благословенный Богомъ. Онъ умоляетъ, чтобы *Макаровъ*[4] былъ скорѣе смѣненъ — и я вполнѣ согласна. Я сказала *Штюрмеру,* что было дурно,

[1] Багратіона-Мухранскаго.
[2] Дикой дивизіи.
[3] Къ этому времени относится эпизодъ, разсказанный въ книгѣ Жильяра. Елизавета Өедоровна имѣла длинный и очень тяжелый разговоръ съ Императрицей по поводу Распутина.
[4] Въ то время министръ юстиціи, уволенъ 20 декабря.

что онъ его рекомендовалъ, и это я ему сказала, что тотъ далеко не преданный человѣкъ, а теперь главное дѣло найти настоящихъ преданныхъ людей — на дѣлѣ, а не только на словахъ, и за нихъ мы должны крѣпко держаться. Не давай *Треп*(ову) обмануть тебя насчетъ тѣхъ или другихъ людей. *Прот*(опоповъ) и *Шахов*(ской) только за насъ, я хочу сказать, что они прежде всего преданы и любятъ честно и открыто. И *Добров*(ольскій)[1] также. Если бы *Ник*(олай) *Мих*(айловичъ) появился (отъ чего Боже сохрани), будь съ нимъ суровъ и задай ему за его письмо и за то, что онъ сдѣлалъ въ городѣ. Посылаю тебѣ бумагу *Григоровича*, котoрую мнѣ прислали.

Въ одиннадцать я была въ *Знаменьѣ* (которое я теперь больше чѣмъ когда либо люблю) и въ лазаретѣ. Много сидѣла. Теперь я принимаю трехъ офицеровъ, потомъ мы всѣ поѣдемъ въ санкахъ. Павелъ будетъ къ чаю, потомъ *Погул*(яевъ), потомъ церковь, а вечеромъ я повидаю нашего Друга, который дастъ мнѣ силы. *Мой духъ* твердъ и живетъ для тебя, тебя и тебя — мое сердце и душа.

Я хотѣла бы знать, будетъ ли у тебя смотръ Георгіевскаго полка, это было бы такъ хорошо — если не 6-го, то въ другой день. Ducky уѣзжаетъ сегодня вечеромъ, чтобы повидать Missy и, можетъ быть, привезетъ всѣхъ дѣтей обратно въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Теперь должна кончать. Спи хорошо и мирно, мой любимый ангелъ. Святая Дѣва охраняетъ тебя и *Гр*(игорій) молится за тебя, и мы также всѣ такъ усердно.

Покрываю тебя нѣжнѣйшими страстно любящими поцѣлуями и ласками и хотѣла бы быть тебѣ полезной и помогать тебѣ въ несеніи твоего тяжкаго креста. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя, мой Ники. Навсегда твоя родная женка.

Надѣюсь, что тебѣ понравится книга. Подушки предназначаются для твоего дивана, который такъ пустъ. Пепельницы — для обѣденнаго стола и для поѣзда.

Я всегда возлѣ тебя, раздѣляю съ тобой все — хорошее приближается, начался поворотъ къ свѣту.

№ 393.

Царское Село, 6 декабря 1916 г.

Мой милый ангелъ,

Поздравляю тебя съ твоими именинами — шлю нѣжнѣйшія и любящія пожеланія, и выраженіе глубочайшей любви. Такъ грустно,

[1] Назначенъ на мѣсто А. Макарова.

что мы не вмѣстѣ въ этотъ день — въ первый разъ за 22 года. Но тебѣ пришлось для блага уѣхать, такъ что я, понятно, и не думаю ворчать. Все покрыто снѣгомъ и пять градусовъ мороза. Мы вчера катались въ саняхъ, но все еще были порядочные толчки. Б.[1] пришла, чортъ бы ее побралъ.

Павелъ пилъ чай и былъ милъ. Я телеграфировала тебѣ насчетъ папа *Танѣева*, который оказывается 20 лѣтъ во главѣ твоей канцеляріи — она[2] объ этомъ случайно узнала, такъ какъ они ему тамъ даютъ большой завтракъ. Вчера мы провели вечеръ уютно и тихо въ маленькомъ домѣ. Милая большая *Лили* также пришла попозже и *Муня Головина*[3]. Онъ былъ бодръ и въ духѣ, видно, какъ онъ живетъ ради тебя и думаетъ о тебѣ все время и о томъ, чтобы все было хорошо. Онъ встревоженъ тѣмъ, что *Тр*(еповъ) туда ѣдетъ. Боится, что онъ тебя опять разстроитъ, привезетъ ложныя вещи, я хочу сказать извѣстія, и постарается привезти своихъ кандидатовъ. Возьми кого нибудь вмѣсто него для желѣзныхъ дорогъ: — жалко, что ты не одобряешь *Валуева* для этого мѣста — онъ такой честный и вѣрный человѣкъ. Потомъ отдѣлайся отъ *Макарова*, не мѣшкай (прости меня), и я хотѣла бы, чтобы ты взялъ *Добровольскаго* — исторія[4], которую *Треп*(овъ) тебѣ разсказалъ, повидимому, не вѣрна (есть другой однофамилецъ, также сенаторъ) — посылаю тебѣ бумагу насчетъ исторіи, которую имѣлъ *Тр*(еповъ) и хорошій *Добр*(овольскій) — онъ думаетъ, что тутъ можетъ быть играетъ роль месть. Но *Калининъ*[5] — держи его душка. Я знаю, что я тебѣ надоѣдаю, прости меня, но я бы никогда этого не дѣлала, если бы я не боялась, что ты опять начнешь колебаться. Держись твоего рѣшенія — ни въ какомъ случаѣ не уступай: какъ можно колебаться между этимъ простымъ, честнымъ человѣкомъ, который насъ такъ глубоко любитъ, — и *Тр*(еповымъ), къ которому мы не можемъ имѣть ни довѣрія, ни уваженія, ни любви, наоборотъ. Скажи ему, что этотъ вопросъ больше не существуетъ и что ты запрещаешь ему вновь къ нему возвращаться и заигрывать съ *Родз*(янко), и что ты также хочешь, чтобы Онъ служилъ тебѣ, а не *Родз*(янко), и разъ ты сказалъ, что ты хочешь сохранить *Прот*(опопова), ты не намѣренъ перемѣнить его, и тотъ долженъ работать съ нимъ. Какъ онъ смѣетъ идти противъ тебя — хвати кулакомъ по столу, не уступай (ты говорилъ, что въ концѣ концовъ уступишь),

---

[1] «Беккеръ».

[2] Дочь — А. Вырубова.

[3] Одна изъ наиболѣе близкихъ поклонницъ Распутина.

[4] Рѣчь идетъ, повидимому, о запутанныхъ денежныхъ дѣлахъ Н. А. Добровольскаго.

[5] Начиная съ этого письма фамилія Протопопова по общему правилу замѣняется условной фамиліей «Калининъ».

будь хозяиномъ; слушайся твоей твердой женки и нашего Друга, повѣрь намъ. Посмотри на лица *Кал(*инина) и *Тр(*епова) — ясно видна разница — черный и бѣлый, пусть твоя душа правильно прочтетъ.

Идетъ снѣгъ, но все же мы хотимъ покататься въ саняхъ и немножко подышать воздухомъ. Чета Бенкендорфъ, Зизи, Иза, Настенька, *Трина,* Аня, Ресинъ и Апраксинъ завтракали съ нами, и мы пили твое драгоцѣнное здоровье. Павелъ былъ также въ церкви. Солдаты стояли потомъ кругомъ церкви и поздравляли.

№ 394. *Царское Село,* 6 декабря 1916 г.

Всѣ мои мысли съ тобой — боюсь что будетъ очень скучный день съ массой народа, но все же я надѣюсь, что ты можешь прогуляться, и что Беби поиграетъ въ лѣсу.

Поздравляю тебя со всѣми полковыми праздниками. Старшій полковникъ 4-го Стрѣлковаго принесъ намъ букеты. Онъ говоритъ, что онъ только что получилъ 4-й Стрѣлковый полкъ и скоро уѣзжаетъ. Агунюшка, большой и маленькій, я люблю тебя выше словъ. Вечеромъ мы отправились въ лазаретъ. Нашъ Другъ такъ доволенъ нашими дѣвочками. Онъ говоритъ, что онѣ прошли черезъ тяжелые *курсы* для своихъ лѣтъ и что ихъ души очень развились — онѣ въ самомъ дѣлѣ такія славныя и такъ милы теперь къ Анѣ. Онѣ дѣлили всѣ наши душевныя волненія, и это научило ихъ смотрѣть на людей открытыми глазами, такъ что это очень имъ поможетъ позднѣе въ жизни. Крошка чувствуетъ такъ много своей маленькой чуткой душой — и я никогда не буду въ состояніи поблагодарить Бога достаточно за ту чудесную милость, которую онъ мнѣ послалъ въ тебѣ и въ нихъ. Мы одно, а это, увы, такъ рѣдко въ теперешнее время — мы тѣсно связаны вмѣстѣ.

Я получила двѣ прелестныя телеграммы изъ *Архангельск.*[1] отъ *мон. братіи* и отвѣтила вмѣстѣ съ нашимъ Другомъ, и Онъ проситъ, тебя непремѣнно разрѣшить, чтобы телеграмма была напечатана. Скажи Фред(ериксу), чтобы онъ далъ имъ разрѣшеніе, — и также ихъ первую телеграмму и мою въ *Новомъ Времени* — это откроетъ людямъ глаза и будетъ противовѣсомъ письму княгини *Васильчиковой*[2] (которое страшно возмутило м-мъ Зизи) — и это будетъ пощечина для скверннаго стараго *Болашева.*

Наступаютъ хорошія времена и пусть общество и *Дума* видятъ, что Россія любитъ твою старую женку и стоитъ за нее противъ всѣхъ

[1] Ниже вмѣсто Архангельска, Астрахань.

[2] Извѣстное письмо жены кн. Б. А. Васильчикова, умолявшее Императрицу порвать съ Распутинымъ.

ихъ. Зизи очень восхищалась ихъ трогательной телеграммой, я нарочно отвѣчала лично.

Все покрыто снѣгомъ, такъ красиво, св. Николай благословляетъ моего милаго.

Прощай, мое Солнышко, мой обожаемый мужъ, люблю тебя, люблю тебя, тоскую по тебѣ, цѣлую и нѣжно ласкаю тебя, прижимаю къ моему горящему сердцу. Навсегда твоя до смерти и послѣ смерти.

№ 395. *Царское Село,* 7 декабря 1916 г.

Мой любимый,

Ты не можешь себѣ представить радость Ольги, когда она получила твою телеграмму — она совсѣмъ порозовѣла и не могла ее прочесть вслухъ. Она напишетъ тебѣ сама сегодня. Спасибо, мой голубчикъ, за то, что ты сдѣлалъ ей этотъ великолѣпный сюрпризъ — она и сестры ея чувствовали себя такъ, словно это было день ея рожденія. Она сразу послала телеграмму *Пластунамъ.*

Имѣешь ли ты извѣстія отъ Кирилла, до сихъ поръ нѣтъ отвѣта на телеграмму, которую я послала 5-го вечеромъ.

Повидимому, Ирина опять больна, такъ что Ксеніи пришлось отложить свою поѣздку въ *Кіевъ,* это такое разочарованіе для бѣдной Мамаши. Мои сибиряки поздравляютъ тебя и также *Катя* Озерова.

Пять градусовъ мороза и кажется, какъ будто опять пойдетъ снѣгъ, очень пасмурно. Увы, мы очень плохо слышали голосъ Беби по телефону, голосъ м-ье Жильяра ниже и потому слышенъ дальше. Я надѣюсь, что ты вчера не слишкомъ утомился и что тебѣ не очень надоѣли. Началъ ли ты опять принимать іодъ, я думаю, это было бы хорошо. Теперь я всегда въ одиннадцать иду въ *Знаменье* и въ лазаретъ, такъ какъ тамъ немного раненыхъ, и я могу тогда раньше кончать свои бумаги. Душка, приказалъ ли ты, чтобы *Болашеву* былъ написанъ *выговоръ?* Пожалуйста, сдѣлай это, это самое меньшее, что ты можешь сдѣлать. Покрываю тебя поцѣлуями за милое письмо, которое я получила — я никогда не думала, что ты найдешь время написать письмо. Я видѣла *Коленкина* въ лазаретѣ, онъ девять мѣсяцевъ не былъ въ отпуску. Они все время въ окопахъ!

Сегодня не могу больше писать, милый мой ангелъ. Только еще одну вещь: пожалуйста, отложи свиданіе съ *Треповымъ,* я такъ боюсь, что онъ надѣлаетъ хлопотъ и заставитъ тебя рѣшиться на вещи, на которыя ты въ спокойную минуту не согласился бы. Будь твердъ насчетъ *Калинина,* ради насъ.

Распорядился ли ты, чтобы эта милая телеграмма была напечатана, она на рѣдкость трогательная и принесетъ пользу, какъ говорятъ *Танѣевъ* и другiе.

Благословляю и безконечно цѣлую твоя родная

«Солнышко».

№ 396.

Царское Село, 8 декабря 1916 г.

Мое родное Солнышко,

Странно подумать, что у тебя такая холодная погода — здѣсь пять градусовъ мороза, а днемъ спускается до трехъ. Мы предполагаемъ поѣхать въ *Новгородъ*, какъ я тебѣ говорила. Сядемъ въ поѣздъ въ субботу на ночь, двинемся очень рано — доѣдемъ въ воскресенье утромъ, проведемъ нѣсколько часовъ, осматривая церкви и, я думаю, нѣсколько лазаретовъ и вернемся домой, проведя ночь въ поѣздѣ, и отравимся изъ нашего вагона въ понедѣльникъ утромъ въ лазаретъ, такъ что мы не пропустимъ нашей работы. Я пошлю за Ресинымъ и все ему скажу — не помню, кто губернаторъ — на этотъ разъ я не буду держать этого въ секретѣ, такъ чтобы увидѣть побольше народу. Но я всегда такъ конфужусь безъ тебя, моя дорогая душка. Мой добрый старый князь Голицынъ (комитетъ нашихъ плѣнныхъ) нашелъ телеграмму изъ *Астрахани* очаровательной и просилъ, чтобы она была повсюду напечатана. Другой князь Голицынъ (изъ *Харькова)* говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ и совсѣмъ нехорошо, а этого поздравляютъ за эту рѣчь, онъ былъ въ ярости — и такъ же нашелъ, что слѣдовало бы снять придворный мундиръ съ такихъ людей.

Жалко, что ты не назначаешь теперь *Щегловитова*[1] онъ бы сейчасъ тебѣ разсказалъ о такихъ вещахъ, (даже, если бы не могъ остановить рѣчи) и ты могъ бы лишить ихъ придворнаго званiя — теперь нельзя быть достаточно строгимъ, и потому *Болашевъ* нуждается въ строгомъ выговорѣ, не будь добръ и слабъ — прости меня, душка. Такъ нѣжно благодарю тебя за твое милое письмо, моя птичка, была большая радость имѣть отъ тебя извѣстiя. Мы также нѣсколько разъ думали, что «таинственная рука» это могъ быть женихъ — можно себѣ представить какъ всѣ были возбуждены[2].

Но какая радость будетъ, имѣть тебя опять здѣсь, мой родной голубчикъ — но только прикажи умнымъ способомъ закрыть *Думу* — будь твердъ, какъ желѣзо, съ *Треповымъ* и держись *Калинина*, этого

[1] Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. 1 января назначенiе состоялось.

[2] Повидимому, рѣчь идетъ о спиритическихъ сеансахъ въ Могилевѣ.

вѣрнѣйшаго друга. Я получила милыя письма отъ Викторіи и Джорджи, онъ благодаритъ отъ души за подарокъ.

Теперь прощай, мой ангелъ, нѣжная моя любовь, дорогое Сокровище. Благословляю и цѣлую тебя еще и еще разъ.

Твоя старая женка.

Будь твердъ — будь хозяиномъ.

№ 397.

Царское Село, 9 декабря 1916 г.

Мой родной ангелъ,

Горячо благодарю за твое милое письмо. Я рада, что тебѣ понравилась эта милая англійская книга — она такъ освѣжаетъ среди горя и заботъ этого міра. Сегодня вечеромъ мы увидимся съ нашимъ Другомъ, я такъ рада. У бѣдной Ани нога вчера страшно болѣла, что-то вродѣ прострѣла и ишіаса — она кричала отъ боли — теперь у нея Б.[1]. Поэтому она лежитъ цѣлый день въ кровати, я не знаю, будетъ ли она завтра въ состояніи поѣхать. Мы беремъ Настеньку, *Ресина* и *Апраксина*. Дѣвочки радуются, такъ какъ онѣ любятъ спать въ вагонѣ. Но будетъ грустно мнѣ одной. Я такъ мало сплю, когда тебя нѣтъ. Принимаю *Риттиха*, видѣла *Добровольскаго* и много говорила съ нимъ по поводу Миши, Г. общины и сената.

Бѣдный генералъ Уиллямсъ, я страшно огорчена за бѣднягу. Пожалуйста, кланяйся отъ меня бельгійцу. Какъ идутъ дѣла въ Румыніи? И *вообще* на фронтѣ? Милый мой ангелъ, прощай, Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Покрываю тебя нѣжными поцѣлуями.

Твоя родная женка.

Я получила письмо отъ Иренъ. У Мосси погибло двое сыновей и теперь старшіе двойни на фронтѣ.

Аня вчера видѣла *Калинина*, онъ ей сказалъ, что *Тр*(еповъ) устроилъ съ *Родз*(янко) комбинацію, чтобы распустить *Думу* отъ 17 декабря до 8 января[2], такъ чтобы депутаты не имѣли времени уѣхать изъ *Петрогр.* на праздники, и чтобы они оставались здѣсь наготовѣ. Нашъ Другъ и *Кал*(ининъ) умоляютъ тебя закрыть *Думу* не позже 14-го февраля, 1-го или даже 15-го января, потому что иначе не будетъ спокойствія для тебя и никакая работа не удастся. Въ *Думѣ* они только этого бояться, болѣе длиннаго перерыва, и *Треповъ* намѣренъ

---

[1] Беккеръ.

[2] Сообщеніе объ этомъ появилось и въ газетахъ; фактически занятія Гос. Думы были прерваны 16-го и газеты сообщили, что это явилось для членовъ Думы неожиданнымъ.

поймать тебя, сказавъ, что будетъ хуже, если они вернутся къ себѣ и станутъ дѣлать разглашенія — но нашъ Другъ говоритъ, что никто не вѣритъ этимъ делегатамъ, когда они *по одиночкѣ* у себя дома — они сильны только, когда они вмѣстѣ. Голубчикъ мой, будь твердъ и вѣрь совѣту нашего Друга, это только для твоего блага и всѣ кто тебя любятъ правильно мыслятъ. Не слушайся ни *Гурко*, ни *Григор*(овича), если они будутъ просить короткаго перерыва. Они не понимаютъ того, что они дѣлаютъ. Я бы этого не писала, если бы я не боялась такъ за тебя и за твою мягкую доброту, всегда готовую сдаться, если твоя бѣдная старая женка, Аня и нашъ Другъ не поддерживаютъ тебя — потому неправедные и дурные ненавидятъ наше вліяніе (а оно только на благо). *Треп.* былъ у двоюродныхъ братьевъ *Калинина* (Ламсдорфъ), не зная, что они его родственники, и сказалъ, что онъ ѣдетъ къ тебѣ одиннадцатаго и будетъ настаивать (такой негодяй), чтобы *Прот*(опоповъ) ушелъ. Милый, взгляни имъ въ лицо — *Тр.* и *Прот.* — развѣ не ясно видно, что у послѣдняго лицо чище, честнѣе и правильнѣе. Ты знаешь, что ты правъ, держи голову высоко, прикажи *Тр.* работать съ нимъ — онъ не смѣетъ сопротивляться твоимъ приказаніямъ — ударь рукой по столу. Душка, не хочешь ли ты, чтобы я пріѣхала на одинъ день, чтобы дать тебѣ храбрость и твердость? Будь хозяиномъ. На *Кал*(инина) нападаютъ за то, что онъ запрещаетъ собранія *союзовъ*[1] — онъ поступилъ совершенно правильно. Нашъ Другъ говоритъ *«что пришла смута кот. должна была быть въ Россіи во время или послѣ войны и если Онъ не взялъ бы мѣста Ник. Ник., то бы летѣлъ съ престола теперь»*.

Не бойся, крикуны смолкли бы — только поскорѣе и на болѣе долгій срокъ распусти *Думу* — повѣрь мнѣ, ты знаешь, *Тр*(еповъ) флертируетъ съ *Родз*(янко). Всѣ это знаютъ, а тебѣ онъ хитро лжетъ, что это по политическимъ соображеніямъ. Пойди къ прелестной иконѣ и тамъ наберись силы и мощи — всегда вспоминай о снѣ нашего Друга, онъ имѣетъ для тебя и для насъ всѣхъ такое, ахъ, такое большое значеніе.

№ 398.

Царское Село, 10 декабря 1916 г.

Мой любимый,

Всегда приходится писать страшно торопясь, на лету. Пришлось кончать съ кучей бумагъ Ростовцева — далѣе у Ани нога была такъ

[1] 9 декабря въ Москвѣ полиціей не были допущены съѣзды союзовъ земствъ и городовъ.

плоха, что приходилось бывать у нея трижды день, и я принимала, такъ что еле имѣла свободную минуту. Но она надѣется поѣхать съ нами сегодня вечеромъ. Утромъ въ первый разъ было семь градусовъ, изъ за снѣга свѣтлѣе, но солнца нѣтъ.

Прилагаю монету, присланную для тебя, и образъ написанный на шелкѣ; а затѣмъ нѣсколько бумагъ на прочтеніе отъ *Калинина*, на случай, что *Воейковъ* не далъ дубликаты. На бумагѣ *Мануйлова* прошу тебя написать «*прекратить дѣло*» и послать ее министру юстиціи[1]. *Батюшинъ*, который имѣлъ все это дѣло, теперь самъ пришелъ къ Анѣ, чтобы попросить, чтобы дѣло было прекращено, такъ какъ онъ въ концѣ концовъ понялъ, что это грязная исторія, задуманная другими, чтобы повредить нашему Другу, *Питириму* и т. д. — это все по винѣ толстаго *Хвостова*. Ген. Алекс(ѣевъ) узналъ объ этомъ попозже черезъ *Батюшина*. Иначе, черезъ нѣсколько дней начнется слѣдствіе и могутъ быть очень непріятные разговоры, опять все сначала, и вновь поднимутъ этотъ ужасный прошлогодній скандалъ. Передъ другими *Хвост*(овъ) на дняхъ сказалъ, что онъ жалѣетъ о томъ, что нельзя было «чикомъ» покончить съ нашимъ Другомъ[2]. А ему также, увы, оставленъ придворный мундиръ.

Ну, такъ пожалуйста, сразу, безъ задержекъ, пошли бумагу о *Ман*(уйловѣ) *Макар*(ову), иначе будетъ слишкомъ поздно. Милый, не перемѣнишь ли ты поскорѣй *Макар.* и не возьмешь ли *Добров*(ольскаго). *Мак.* въ самомъ дѣлѣ врагъ (мой врагъ безусловно и потому также и твой), и не обращай вниманія на протесты *Треп.* Онъ, понятно, будетъ говорить противъ *Добров.*, такъ какъ имѣетъ своихъ собственныхъ кандидатовъ — но тотъ преданный человѣкъ, а это много значитъ въ нынѣшнія времена. И почему ты не хочешь взять въ министры путей сообщенія честнаго *Валуева*, котораго мы такъ хорошо знаемъ, честнаго и преданнаго.

Прилагаю письмо отъ *Сухомл.* нашему Другу, пожалуйста, прочти его. Тамъ онъ даетъ полныя разъясненія о своемъ дѣлѣ, ты долженъ вытребовать это дѣло, чтобы оно не пошло цѣликомъ въ *Гос. Сов*(ѣтъ), такъ какъ въ такомъ случаѣ невозможно будетъ спасти бѣднаго *Сухомл.*, онъ такъ ясно обо всемъ пишетъ — пожалуйста, прочти и поступи соотвѣтственно — почему онъ долженъ пострадать, а не *Коковцевъ*

---

[1] Дѣло по обвиненію Манусевича Мануйлова (приближеннаго Штюрмера) въ обманномъ присвоеніи денегъ было назначено къ слушанію въ пет. окр. судѣ на 15 декабря, отложено за неявкой свидѣтелей и, какъ указывалось въ рѣчахъ членовъ Гос. Думы, затѣмъ было прекращено. 18 февраля 1917 г. Манусевичъ М. приговоренъ къ отдачѣ въ арест. роты съ лишеніемъ правъ.

[2] Хвостовъ обвинялся въ организаціи покушенія на жизнь Распутина.

(который не хотѣлъ давать денегъ) или Сергѣй, который изъ за нея[1] совершенно также виноватъ.

Получила твое письмо, отъ всего сердца благодарю тебя за него очень нѣжно. Теперь *Тр.* съ тобой, и я такъ тревожусь. Я только что видѣла *Калинина* — онъ такъ радъ, что ты получилъ всѣ бумаги черезъ *Воейк*(ова), такъ что я не буду посылать ихъ опять, чтобы не надоѣдать тебѣ. Онъ очень настаиваетъ на томъ, чтобы ты поскорѣй распустилъ *Думу* и на болѣе долгій срокъ — за десять лѣтъ у нихъ ни разу не было такого *перерыва*, такого короткаго, такъ что нѣтъ времени ничего сдѣлать[2]. *Гос. Сов.* поступилъ безумно, согласившись съ *Думой* насчетъ освобожденія отъ *цензуры*. У меня голова идетъ кругомъ, и мнѣ кажется, что я пишу чепуху. Только будь твердымъ, твердымъ. Слава Богу митинги въ Москвѣ прекращены, шесть разъ *(Калининъ)* былъ до четырехъ утра у телефона, но Львову удалось прочесть бумагу, прежде чѣмъ полиція ихъ нашла въ одномъ мѣстѣ. Ты видишь, *Кал*(ининъ) работаетъ хорошо, твердо и не флертируетъ съ Думой, а только думаетъ о насъ.

Теперь должна отправить это письмо. *Жеваховъ* сейчасъ у меня тутъ. Я передамъ завтра твое порученіе *Иславину*[3] — тамъ будетъ пріятная перемѣна, — только ты мнѣ будешь страшно недоставать. Ты поэтому получишь это письмо въ понедѣльникъ. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя. Покрываю тебя поцѣлуями и нѣжными ласками.

Навсегда твоя собственная старая женка.

№ 399.

Царское Село, 12 декабря 1916 г.

Дорогой голубчикъ,

Нѣжно благодарю тебя за драгоцѣнное письмо и карточку. Я такъ счастлива, что ты былъ у дорогой иконы — тамъ такой миръ — чувствуешь, что отрѣшаешься отъ всѣхъ заботъ въ ту минуту, когда изливаешь сердце и душу въ молитвѣ къ ней, къ которой столько народа приходитъ со своими скорбями. Ну, душка, *Новгородъ* былъ успѣхомъ — хотя страшно утомительно было, но душа была приподнята, и это всѣмъ намъ дало силы — я съ моимъ сердцемъ и Аня съ боль-

---

[1] Кшесинской.

[2] Т. е. принятъ во время перерыва мѣры, на которыя не согласилась бы Дума.

[3] М. В. Иславинъ, новгородскій губернаторъ.

ными ногами — мы были повсюду. Понятно, сегодня все болитъ, но это не даромъ.

Я прошу А. (Аню) и Ольгу написать тебѣ, а Анастасію — Беби, такъ какъ каждая описываетъ различно. А мнѣ эти описанія не удаются. Губернаторъ былъ очень хорошъ, онъ насъ все время держалъ «на ходу», такъ что мы всюду поспѣвали во время и потомъ народу дали подойти къ намъ поближе. Что за восхитительный старый городъ, но только слишкомъ рано стемнѣло, поѣдемъ туда вмѣстѣ весной, когда будетъ разливъ рѣки, говорятъ, что тогда еще лучше и можно въ моторныхъ лодкахъ ѣхать въ монастырь. Проѣзжая мимо большого памятника тысячелѣтія Россіи, я вспомнила о большой картинѣ въ здѣшнемъ Большомъ Дворцѣ. Какъ прекрасенъ *Соф.* соборъ, но только, стоя передъ нимъ, нельзя хорошенько его разглядѣть. Служба продолжалась два часа (вмѣсто четырехъ) — они пѣли необыкновенно хорошо, и я была счастлива начать все съ обѣдни и помолиться за моихъ дорогихъ. *Іоанчикъ* и *Андрюша* повсюду ходили съ нами. Мы прикл(адывались) ко всѣмъ святымъ. Жаль только, что приходится все дѣлать наспѣхъ и нельзя достаточно отдаться молитвѣ передъ каждымъ — а также нельзя всматриваться въ детали. Посылаю Беби икону, передъ которой мы стояли (и сидѣли). Епископъ Арсеній произнесъ слово, когда мы пріѣхали, очень трогательно; молодой епископъ Алексѣй считаетъ себя очень красивымъ *(лицеистъ)* — они слѣдовали за нами повсюду цѣлый день. Потомъ послѣ обѣдни съ десяти до двѣнадцати мы посѣтили лазаретъ, находящійся рядомъ, Епарх., черезъ комнату епископа и музей старинныхъ церковныхъ драгоцѣнностей, устроенный здѣсь три года тому назадъ. Прелестныя старыя иконы, которыя лежали въ церквахъ и монастыряхъ запрятанныя, покрытыя пылью. Они начали ихъ чистить, и появляются восхитительныя свѣжія краски — очень интересно, и я хотѣла бы все осмотрѣть въ другой разъ, все подробнѣе, тебѣ бы это тоже понравилось. Вернулись къ поѣзду, солдаты уже разошлись (къ счастью). Я завтракала сидя на кровати, а Аня въ своемъ отдѣленіи. У дѣтей были *Іоаннчикъ* и *Андрюша* и *Иславинъ*. Мы были встрѣчены его женой и дочерью съ цвѣтами — хлѣбомъ и солью отъ города. Въ два мы опять отправились въ *Земскій лазаретъ*, маленькій. Вездѣ раздавали иконы. Потомъ въ *Десятинный* монастырь — тамъ хранятся мощи св. Варвары. Я посидѣла минутку въ комнатѣ настоятельницы и потомъ попросила, чтобы меня провели къ *старицѣ Маріи Михайловнѣ*[1] (*Жеваховъ* мнѣ про нее разсказалъ), и мы пошли къ ней пѣшкомъ черезъ мокрый снѣгъ. Она лежала въ постели въ маленькой темной комнатѣ, такъ что при-

[1] **Скончалась 10 января 1917 года.**

шлось принести свѣчку, чтобы мы могли другъ друга увидѣть. Ей 107 лѣтъ, она носитъ *вериги* (теперь онѣ лежатъ возлѣ нея) — обыкновенно она всегда работаетъ, бываетъ повсюду, шьетъ для арестантовъ и солдатъ безъ очковъ — никогда не моется. И, разумѣется, никакого запаха, или ощущенія грязи, копна курчавыхъ сѣдыхъ волосъ и милое, тонкое овальное лицо съ прелестными молодыми, сіяющими глазами и милой улыбкой. Она благословила насъ и поцѣловала насъ. Тебѣ она посылаетъ яблоко (пожалуйста, съѣшь его) — сказала, что война скоро кончится — *скажи ему, что мы сыты.* Мнѣ она сказала: *а ты красавица — тяжелый крестъ — не страшись* (нѣсколько разъ) — *за то что ты къ намъ пріѣзжала будутъ въ Россіи двѣ церкви строить* (дважды это повторила) — *не забывай насъ, пріѣзжай опять.* Беби она послала *Просфору* (было слишкомъ мало времени и кругомъ суета, а то бы очень хотѣлось поговорить съ ней), всѣмъ намъ дала образки. Сказала, чтобы мы не безпокоились о дѣтяхъ, что они выйдутъ замужъ, другого не могла разслышать. Я забыла, что она сказала дѣвочкамъ — я просила *Іоаннчика* и *Андрюшу* также подойти къ ней, и Аню послала въ комнату. Она, навѣрное, объ этомъ напишетъ. Благодарю Бога за то, что онъ далъ намъ увидѣть ее. Это она нѣсколько лѣтъ тому назадъ сказала, чтобы съ большой иконы св. Дѣвы изъ «*Старая Русь*» была снята копія и послана тебѣ — не хотѣли это сдѣлать, говорили, что она слишкомъ велика — потомъ началась война, и она настаивала, и они исполнили это, и она сказала, что мы всѣ будемъ на *крестномъ ходѣ,* и такъ и было, когда ее привезли въ прошломъ году 5-го(?) передъ *Фед. Соб*(оромъ) — ты помнишь, и ты распорядился, чтобы эта огромная икона хранилась въ 4-омъ Стрѣлковомъ полку. У меня есть маленькая книжка объ ея жизни, которую вчера далъ мнѣ старый слуга *Маріинскаго Дворца* (ея *духовный сынъ).* Она на меня произвела гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ старая *Паша* изъ *Дивѣева.* Оттуда — въ *Юрьевскій* монастырь *(пять верстъ отъ города);* твой старый *Никодимъ* тамъ находится — онъ обожаетъ тебя и молится за тебя и шлетъ свой привѣтъ.

Кажется, Ольга пишетъ тебѣ всѣ эти подробности. Столько любви и теплоты вездѣ, ощущеніе Бога и твоего народа, чистота, единство чувствъ — это мнѣ принесло огромную пользу, и мы уже строимъ планы насчетъ *Тихвинскаго* монастыря съ очень почитаемой св. Дѣвой (образомъ), четыре часа отсюда и *Вятка* и *Вологда. Арханг.* собирается все разузнать. Надо сочетать лазареты со святыми мѣстами, это даетъ силу. Все такъ старо и говоритъ о прошломъ въ *Новгородѣ,* чувствуешь, что переживаешь опять старинныя времена. *Старица* встрѣ-

чаетъ каждаго словами *радуйся невѣста неневѣстная.* Мы были въ маленькомъ *пріютѣ* для дѣтей *Татьянинскаго* комитета — они туда привели маленькихъ дѣвочекъ изъ другого пріюта. Потомъ мы отправились въ *Двор. Собр*(аніе), гдѣ *дамскій комитетъ* далъ мнѣ пять тысячъ рублей, и видѣли ихъ лазаретъ — великолѣпная большая зала для солдатъ, офицеры рядомъ, пили чай, возлѣ меня сидѣли жена губернатора и архіепископъ. Мало дамъ, все уроды, — его дочь тамъ работаетъ въ качествѣ сестры. Потомъ въ *Знам.* церковь — посылаю тебѣ икону, которую я у нея купила, она такъ прелестна, пожалуйста повѣсь ее надъ твоей кроватью — у нея такое прелестное лицо; и *Невѣста Христова* (которую они отъ насъ спрятали, я ее видѣла тогда въ т о т ъ с а м ы й день, она тебѣ поможетъ), потомъ принесли чудотворную икону св. Николая, чтобы мы приложились — какъ очаровательна церковь и *Своды* (такія крутыя лѣстницы) — не было времени взглянуть на *страшный судъ*, на которомъ Петръ Великій приказалъ написать портреты свой и *Меньшикова.* Нашъ моторъ застрялъ и толпа его подтолкнула. Оттуда въ крошечную *часовню,* въ саду, гдѣ на *печкѣ Просфирни* появилась (много лѣтъ назадъ) Богоматерь — она не тронута и только покрыта стекломъ и обдѣлана драгоцѣнными камнями. Такое необыкновенно сильное «благоуханіе», дѣвочки и я это замѣтили. Въ душѣ и сердцѣ мы васъ всюду носили и все съ вами дѣлили.

(Напиши записочку Анѣ въ видѣ благодарности, это ей будетъ пріятно, такъ какъ она во всемъ принимаетъ такое теплое участіе — губерн. такъ былъ милъ къ ней и *Никодимъ* также). Оттуда — еще въ *Земскій* лазаретъ, куда привезли раненыхъ изъ окружающихъ мѣстностей, и *Городской* лазаретъ. На станціи получила икону и яблоки отъ *купечества. Трубачи* изъ тамошняго *запаснаго полка* играли уланскій маршъ. Мы уѣхали до шести — вернулись сюда въ десять двадцать. Спали ночь въ вагонѣ, утромъ отправились въ лазаретъ, теперь я отдыхаю — вечеромъ нашъ Другъ. Такъ восхитительно и такой отдыхъ и теплота для души. Благословляю и цѣлую безъ конца, твоя

«Солнышко».

Какъ отвратительно насчетъ Румыніи.

№ 400.

Царское Село, 13 декабря 1916 г.

Мой дорогой ангелъ,

Нѣжно благодарю за твою милую карточку. Мнѣ такъ хочется (такъ какъ у тебя нѣтъ времени написать) узнать про твой разговоръ

съ этимъ ужаснымъ *Треповымъ.* Я читала въ газетѣ, что онъ сказалъ *Родз*(янкѣ) теперь, будто *Дума* будетъ закрыта 17-го до первой половины января. Имѣлъ ли онъ право это сказать, прежде чѣмъ будетъ сдѣлано оффиціальное сообщеніе черезъ *Сенатъ?* Я нахожу, что безусловно не имѣлъ, и ему бы слѣдовало такъ и сказать, а *Родз*(янко) слѣдуетъ сдѣлать выговоръ, что онъ разрѣшилъ напечатать это въ газетахъ. А я такъ усердно просила, чтобы это было сдѣлано раньше и на болѣе долгій срокъ. Слава Богу, что ты по крайней мѣрѣ не назначилъ никакой даты въ январѣ и можешь ихъ созвать въ февралѣ или совсѣмъ не сзывать. Они не работаютъ, а *Треповъ* флертируетъ съ *Родз*(янко), всѣ это знаютъ, они встрѣчаются два раза въ день — это не *достойно* — почему онъ притворяется и пытается съ нимъ работать (съ этимъ фальшивымъ человѣкомъ), а не съ *Прот*(опоповымъ) (который вѣренъ) — это рисуетъ человѣка! Старый *Бобринскій* не выноситъ *Треповыхъ* и знаетъ ихъ недостатки — и онъ такъ безгранично преданъ тебѣ, и за это *Треповъ* его выгналъ. Мой ангелъ, мы вчера обѣдали у Ани съ нашимъ Другомъ. Было такъ пріятно, мы все ему разсказали про нашу поѣздку, и Онъ сказалъ, что мы должны были бы прямо поѣхать къ тебѣ, такъ какъ мы бы принесли тебѣ огромную радость и *благодать,* но я боюсь помѣшать тебѣ. Онъ умоляетъ тебя быть твердымъ, быть хозяиномъ и не уступать всегда *Тр*(епову) — ты гораздо лучше все знаешь, чѣмъ этотъ человѣкъ (и все таки даешь ему руководить собой), — а почему не нашему Другу, который ведетъ черезъ Бога. Вспомни, за что меня ненавидятъ — это показываетъ, что правильно быть твердымъ и внушать страхъ, и ты будь такимъ же, ты вѣдь мужчина, — только больше довѣряйся нашему Другу (вмѣсто *Тр*(епова); Онъ живетъ для тебя и для Россіи. И мы должны передать Беби крѣпкое государство и ради него не смѣемъ быть слабыми, иначе у него будетъ еще болѣе трудное царствованіе, такъ какъ придется исправлять наши ошибки и крѣпче натягивать вожжи, которыя ты распустилъ. Тебѣ приходится страдать за ошибки, сдѣланныя въ царствованіе твоихъ предшественниковъ, и Богъ знаетъ, какъ велики твои тягости. Пусть наше наслѣдство будетъ для Алексѣя легче. У него своя собственная сильная воля и умъ, не давай всему ускользать изъ твоихъ рукъ, чтобы ему потомъ не приходилось все строить вновь. Будь твердъ, я твоя стѣна, стою за тобой и не уступлю, — я знаю, что Онъ насъ правильно ведетъ, — а ты покорно слушаешься такого фальшиваго человѣка, какъ *Треповъ.* Хотя бы изъ любви ко мнѣ и къ Беби — не предпринимай крупныхъ шаговъ, не предупредивъ меня и не переговоривъ обо всемъ спокойно. Развѣ я бы такъ писала, если бы я не знала, что ты такъ легко колеблешься

и мѣняешь свой образъ мыслей, и чего стоитъ заставить тебя держаться твоего мнѣнія! Я знаю, что я могу тебѣ сдѣлать больно тѣмъ, что я пишу, и это мнѣ самой больно и грустно — но ты, Беби и Россія мнѣ слишкомъ дороги. Какъ насчетъ *Сухомл*(инова) и *Мануйл*(ова)? я все для тебя подготовила. И *Добров.* — вѣрный человѣкъ — и поскорѣе отдѣлайся отъ *Макарова,* повѣрь мнѣ, наконецъ, онъ дурной человѣкъ. Богъ пусть мнѣ дастъ силу убѣдить тебя — труднѣе заставить тебя быть твердымъ, чѣмъ переносить ненависть другихъ, которая оставляетъ меня холодной. Я возмущаюсь упрямствомъ *Тр*(епова). Въ *Думѣ* очень многіе держали пари, что *Питиримъ* будетъ уволенъ — теперь, что онъ получилъ крестъ [1], они раздавлены и совсѣмъ сбавили тонъ (ты видишь, такъ бываетъ, когда ты показываешь, что ты хозяинъ), и все болѣе и болѣе находятъ правильнымъ, что княгиня В(асильчикова) была выслана [2]. Ты мнѣ ничего не отвѣтилъ насчетъ *Болошова,* я боюсь, что ты ничего не сдѣлалъ, и Фредериксъ старъ и никуда не годится, если я не говорю твердо съ нимъ. Это такая ошибка, что Думу не закрыли 14-го, и тогда *Кал*(ининъ) могъ бы вернуться къ своей работѣ [3], и ты бы съ нимъ повидался и говорилъ бы съ нимъ. Только не *отв. мин.* (отвѣтственное министерство), на которомъ всѣ помѣшались. Все становится спокойнѣе и лучше, но хотятъ почувствовать твою руку. Какъ давно, уже цѣлые годы, мнѣ говорятъ тоже самое — «Россія любитъ почувствовать хлыстъ» — это ихъ природа — нѣжная любовь, а потомъ желѣзная рука, чтобы карать и направлять. Какъ мнѣ хотѣлось бы влить въ твои жилы мою волю! Святая Дѣва надъ тобой, для тебя, съ тобой, вспомни чудо — видѣніе нашего Друга.

Скоро наши войска усилятся въ Румыніи. Тепло и густой снѣгъ. Прости мнѣ это письмо, но я не могла спать эту ночь, все тревожилась за тебя — не скрывай ничего отъ меня — я крѣпка, но послушайся меня, т. е. это значитъ, нашего Друга, и довѣрься намъ во всемъ — и остерегайся Тр(епова) — ты не можешь любить или уважать его. Я страдаю за тебя, какъ за нѣжнаго, мягкосердечнаго ребенка, — который нуждается въ руководствѣ, но слушается дурныхъ совѣтчиковъ, между тѣмъ какъ человѣкъ, посланный Богомъ, говоритъ ему, что надо дѣлать. Милый мой ангелъ, поскорѣй поѣзжай домой — ахъ, нѣтъ, у тебя будутъ ген. [4], почему не раньше, я не могу понять;

---

[1] 6 декабря митрополиту Питириму пожалованъ крестъ для предношенія въ священнослуженіи при милостивомъ рескриптѣ.

[2] За письмо къ государынѣ. См. выше.

[3] По сообщенію газетъ Протопоповъ, возвратившись изъ Ц. Ставки 23/XI заболѣлъ.

[4] Генералы: — военный совѣтъ.

почему въ тотъ же день, какъ *Дума*, — опять странная комбинація. И *Воейк.*, это развѣ тоже провалилось? Ахъ, Боже мой, мнѣ надо вставать. Я писала рождественскія открытки все утро. Сердце и душа горятъ безграничной любовью къ тебѣ, потому мнѣ кажется жестокимъ все, что я пишу — прости, повѣрь и пойми. Я слишкомъ, слишкомъ глубоко тебя люблю и оплакиваю твои ошибки, и радуюсь каждому правильному шагу.

Богъ да благословитъ и охранитъ, защититъ и направитъ тебя. Цѣлую безъ конца,

Твоя вѣрная женка.

Пожалуйста, прочти эти бумаги и также Анины. Если это ложь, прикажи снять мундиръ съ *Родз*(янко) [1].

№ 401.

Царское Село, 14 декабря 1916 г.

Мой любимый голубчикъ,

Семь градусовъ мороза и густой снѣгъ. Я опять едва спала эту ночь, оставалась до завтрака въ постели, такъ какъ все еще болитъ, и у меня легкая простуда. Съ любовью благодарю тебя за твое милое письмо. *Тр(*еповъ) поступилъ очень неправильно, распустивъ теперь *Думу* и намѣреваясь вновь созвать въ началѣ января, въ результатѣ получается (на что и разсчитывали *Родз.* и всѣ), что никто не уѣзжаетъ домой и всѣ останутся въ Петроградѣ, конспирируя и варясь въ собственномъ котлѣ. Онъ къ тебѣ явился съ очень кроткимъ видомъ, въ увѣренности, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ у тебя имѣть успѣхъ, если бы онъ началъ кричать по своему обыкновенію, ты бы разсердился и не согласился бы. Милый мой, нашъ Другъ просилъ тебя закрыть ее [2] 14-го, Аня и я тебѣ объ этомъ писали, — и ты видишь, у нихъ теперь есть время, чтобы дѣлать *гадости* по поводу запрещенія *Союзамъ* соединяться [3] — ты получилъ бумагу *Калинина* вчера до *Воейк*(ова). Онъ также писалъ *Треп*(ову), прося, чтобы было закрытое засѣданіе, *Тр*(еповъ) даже не удостоилъ отвѣтомъ — тогда онъ написалъ *Родз*(янко), который исполнилъ желаніе К. (Калинина), но, конечно, сослался на это желаніе — трусъ *Тр*(еповъ) не хотѣлъ взять это на себя; какъ хочешь, но *Тр*(еповъ) теперь поступаетъ, какъ измѣнникъ, и онъ фальшивъ, какъ кошка — не вѣрь ему — онъ все интригуетъ вмѣстѣ съ *Родз*(янко), это слишкомъ хорошо знаютъ.

---

[1] По рукамъ ходило изложеніе разговора Государя съ Родзянко.
[2] Думу.
[3] Въ Госуд. Думу внесенъ былъ запросъ о запрещеніи съѣздовъ.

Эту бумагу, которую я послала тебѣ вчера, написалъ самъ *Родз*(янко)[1] — у него никакого нѣтъ права печатать и распространять твой разговоръ съ нимъ, и я сомнѣваюсь, чтобы это было буквально точно, такъ какъ онъ всегда лжетъ — если это не точно, то будь Имп(ераторомъ) и с р а з у прикажи снять съ него придворный мундиръ, не спрашивай совѣта Фред(орикса) или *Треп*(ова), оба боятся, хотя старикъ въ прежнее время понялъ бы эту необходимость, теперь ужъ онъ старъ. Уже въ городѣ распространили слухъ (*Дума*), что дворянство въ *Новгородѣ* меня не приняло и когда прочли, что мы даже вмѣстѣ пили чай, они были уничтожены. По поводу *Кауфмана*, всѣ очень довольны — ты видишь, твоя твердость оцѣнивается хорошими людьми — такъ легко продолжать, разъ начавъ — прости меня, что я мучаю тебя этими письмами — но прочти только обѣ телеграммы, которыя я тебѣ послала и ты опять увидишь, что говорятъ тѣ, кто правы — и они обращаются ко м н ѣ, чтобы просить тебя. Если къ тебѣ опять обратится *Калининъ* и будетъ просить тебя закрыть *Думу*, сдѣлай это, не настаивай на 17-мъ, время деньги, каждая минута оцѣнивается на вѣсъ золота и если промѣшкать, то трудно, невозможно будетъ нагнать упущенное и опять все исправить. Я такъ надѣюсь, что это неправда, что *Никол*(аша) пріѣзжаетъ къ 17-му — прежде отлично обходились безъ *Воронц*(ова) — нашъ фронтъ здѣсь не имѣетъ никакого отношенія въ Кавказу — не пускай его, это злой геній, и онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла и говорить о Васильчиковѣ. Будь Петромъ Великимъ, Іоаннымъ Грознымъ, императоромъ Павломъ — раздави ихъ всѣхъ подъ собой — нѣтъ, не смѣйся, нехорошій, — но я такъ хотѣла бы видѣть тебя т а к и м ъ со всѣми, которые стараются управлять тобой — а должно быть наоборотъ. Графиня Бенкендорфъ была такъ возмущена письмомъ княгини В.[2], что она объѣздила всѣхъ дамъ постарше въ городѣ, княгиню Лоло[3], графиню Воронцову и т. д., чтобы сказать имъ свое мнѣніе и что она находитъ, что прямо позоръ для общества, что оно такъ низко пало, забывъ всѣ принципы, и прося ихъ начать съ того, чтобы построже поговорить съ ихъ дочерьми, которыя ведутъ себя и разговариваютъ возмутительно. Повидимому, это имѣло надлежащій эффектъ, такъ какъ теперь объ этомъ говорятъ и понимаютъ, что письмо въ самомъ дѣлѣ было неслыханное, а не такое очаровательное, какъ нѣкоторые хотятъ представить. Катуся В.[4] также мнѣ написала, но по прочтеніи я разорвала письмо. А тутъ такой контрастъ, телеграмма

---

[1] См. выше.

[2] Васильчиковой.

[3] Долгорукую.

[4] Екат. Петр. Васильчикова, личная фрейлина Императрицы въ 90-хъ годахъ.

отъ *Союза Р(усскаго) народа* съ просьбой, чтобы я сообщала тебѣ разныя вещи. На одной сторонѣ прогнившее слабое развратное общество, на другой — здоровые, здравомыслящіе преданные подданные — и къ нимъ надо прислушиваться, ихъ голосъ, а не голосъ общества или *Думы*, есть голосъ Россіи. Такъ ясно видишь, гдѣ правда, и они знаютъ, что *Думу* слѣдовало бы закрыть, но ихъ *Треповъ* не хочетъ слушаться. Если къ нимъ не прислушиваться, они возьмутъ дѣло въ свои собственныя руки, чтобы спасти тебя, и невольно сдѣлаютъ больше вреда, чѣмъ если будетъ сказано тобой простое слово — закрыть *Думу*, но до февраля, если раньше, то они всѣ будутъ здѣсь торчать. Я готова была бы повѣсить *Тр*(епова) за его дурные совѣты — и теперь послѣ бумагъ, которыя *Кал*(ининъ) послалъ *Воейк.* съ этими гнусными, насквозь революціонными *представл*(еніями) Московскаго *дворянства* и *Союза*[1], которые обсуждались въ *Думѣ*, какъ можно ихъ оставить, хотя бы на одинъ день — я ненавижу вѣроломнаго *Тр(*епова), который дѣлаетъ все, чтобы повредить тебѣ, поддерживаемый *Макаровымъ.* Если бы только мнѣ удалось тебя здѣсь имѣть, все бы сразу успокоилось, и если бы ты вернулся, какъ просилъ *Гр*(игорій), черезъ пять дней, ты бы навелъ порядокъ и успокоилъ бы свою усталую голову на груди своей женки и Солнышко дала бы тебѣ силъ. Ты бы послушался меня, а не *Трепова.* Богъ поможетъ, я знаю, но ты долженъ быть твердъ. Разгони Д. (Думу) сразу, — когда ты назвалъ *Тр(*епову) 17-ое, ты не зналъ, что они замышляютъ. Я бы спокойно и съ чистой совѣстью передъ всей Россіей отправила бы *Львова*[2] въ Сибирь (это дѣлалось за гораздо менѣе серьезные поступки), отняла бы у *Самарина* его *чинъ* (онъ подписалъ эту бумагу въ Москвѣ), *Мелюк*(ова), *Гучк*(ова) и *Поливанова* также — въ Сибирь. Идетъ война, и въ такое время внутренняя война есть государственная измѣна, почему ты на это такъ не смотришь, я право не могу понять. Я только женщина, но моя душа и мой умъ говорятъ мнѣ, что это было бы спасеніемъ Россіи — ихъ грѣхъ гораздо хуже, чѣмъ все, что только могли сдѣлать *Сухомлиновы.* Запрети *Брусилову* и т. д., когда они пріѣдутъ, касаться какихъ нибудь политическихъ вопросовъ, онъ дуракъ, желающій *отв. министр.*, какъ пишетъ Георгій. Вспомни, что даже м-ье Филиппъ говорилъ, что нельзя давать конституцію, такъ какъ это было бы гибелью твоей и Россіи, и всѣ истинно русскіе говорятъ тоже самое. Цѣлые мѣсяцы тому назадъ я говорила *Штюр-*

---

[1] 1-го декабря съѣздъ объединеннаго дворянства вынесъ резолюцію о современномъ положеніи въ странѣ, однозначную съ формулой законодательныхъ палатъ.

[2] Кн. Г. Е. Львова.

меру насчетъ *Шведова,* чтобы онъ былъ назначенъ членомъ *Гос. Сов.*[1], чтобы они вмѣстѣ съ хорошимъ Маклаковымъ были тамъ, они будутъ за насъ храбро стоять. Я знаю, что я тебя безпокою, — ахъ, развѣ бы я не писала гораздо, гораздо охотнѣе про любовь свою, про нѣжность и ласки, которыми полно мое сердце — но мой долгъ, какъ жены и матери, и матери Россіи, заставляетъ меня сказать тебѣ все это — меня на это благословилъ нашъ Другъ. Голубчикъ мой, солнце жизни моей, если бы въ бою ты долженъ былъ встрѣтиться съ врагомъ, ты бы никогда не сталъ колебаться и пошелъ бы впередъ, какъ левъ — будь такимъ теперь въ бою противъ малой *кучки* негодяевъ республиканцевъ — будь Властелиномъ, и всѣ преклонятся передъ тобой. Ты думаешь, я бы испугалась, ахъ нѣтъ — сегодня я приказала убрать офицера изъ лазарета М(аріи) и А(настасіи) потому, что онъ позволилъ себѣ глумиться надъ нашей поѣздкой, увѣряя будто *Прот*(опоповъ) подкупилъ населеніе, чтобы оно насъ такъ хорошо приняло, — доктора, которые это услышали, были въ ярости — ты видишь, Солнышко въ малыхъ дѣлахъ энергична и будетъ энергичной и въ большихъ дѣлахъ, сколько хочешь — мы Богомъ возведены на престолъ, и мы должны твердо охранять его и передать его неприкосновеннымъ нашему Сыну — если ты будешь держать это въ памяти, ты не забудешь быть государемъ — и насколько это легче для *Самодерж. Государя,* чѣмъ для того, который присягнулъ конституціи.

Мой любимый, послушайся меня, да, ты знаешь твою старую, вѣрную дѣвочку: «*не страшись*», сказала тогда *старица,* и потому я пишу *безъ страха* моему Агунюшкѣ. Теперь дѣвочки хотятъ чаю, онѣ верavailable вернулись замерзшими со своей прогулки. Цѣлую тебя и крѣпко прижимаю къ моей груди, ласкаю тебя, люблю тебя, хочу тебя, не могу спать безъ тебя, — благословляю тебя, навсегда твоя собственная женка.

№ 402.

Царское Село, 15 декабря 1916 г.

Мой любимый,

Пожалуйста, прости мнѣ мои дерзкія письма — твоя дѣвочка не хотѣла тебя огорчить, мой ангелъ, она писала изъ чувства глубочайшей любви — и иногда я дохожу до бѣшенства, зная что тебя обманываютъ и предлагаютъ разныя дурныя вещи. Какъ могу я чувствовать себя спокойной, когда *Треповъ* приходитъ къ тебѣ? И все же ему удается убѣждать тебя дѣлать не то, что слѣдуетъ — только бы найти ему преемника!

[1] Впослѣдствіи назначенъ.

Но многіе говорятъ, что разъ *Мак*(аровъ) будетъ смѣненъ, онъ въ общемъ станетъ лучше. Ты видишь, какъ онъ льнетъ къ *Мак*. (котораго я продолжаю считать вѣроломнымъ по отношенію къ намъ) и хочетъ, чтобы тотъ былъ во главѣ Государственнаго Совѣта — это слишкомъ скверно. Но рѣшительный (жесткій) *Щегл*(овитовъ) на этомъ мѣстѣ будетъ подходящимъ человѣкомъ и не позволитъ, чтобы продолжались безпорядки и все дурное. Я завтра верну тебѣ бумаги, когда ихъ изучу: Я такъ тебѣ благодарна (и Аня также) за *Мануйлова*, представь себѣ, милый, *Малама* вчера въ пять часовъ сказалъ, что отъ тебя нѣтъ бумаги (курьеръ пріѣхалъ утромъ), такъ что мнѣ пришлось телеграфировать. Собирались поднять цѣлую исторію, примѣшивая въ нее цѣлый рядъ именъ — (просто изъ гнусныхъ соображеній) и очень многіе предполагали быть на судѣ. Еще разъ спасибо, мой дорогой. Нашъ Другъ пришелъ къ ней, я не выходила изъ дому. Онъ никуда не выходитъ [1], уже очень давно, только бываетъ здѣсь, но вчера Онъ гулялъ по улицамъ съ *Мучей* [2] въ *Каз. Соб*(орѣ) и *Исаак*(іевскомъ), и не было ни одного непріятнаго взгляда, всѣ совершенно спокойны. Онъ говоритъ, что черезъ три четыре дня дѣла въ Румыніи пойдутъ лучше и все будетъ къ лучшему. Какъ хорошъ твой *приказъ* — я только что прочла его съ глубочайшимъ волненіемъ; Богъ да поможетъ и благословитъ тебя, мой милый. *Не надо* говорить: «у бѣднаго стараго муженька нѣтъ воли» — это меня убиваетъ — прости меня — ты меня понимаешь и знаешь мою всепоглощающую любовь — неправда ли, моя душка? Я такъ тебя люблю страшно, страшно. Маленькій *Кожевниковъ* (изъ *Мурмана)* приходитъ къ завтраку, а Н. П. къ чаю, такъ что намъ двойное удовольствіе. Пожалуйста, сдѣлай, чтобы Н. П. получилъ яхту къ Рождеству, пожалуйста, милый.

Нашъ Другъ говоритъ, что *Калининъ* теперь должно быть поправился. Почему ты не назначаешь его М. В. Д. а — Исп. Д. (моя мысль) — этотъ молодой *Риттихъ*, который только что началъ, уже получилъ утвержденіе (къ его собственному удивленію). Я заснула только послѣ четырехъ до шести прошлой ночью. Я совсѣмъ опять потеряла свой сонъ, — ты мнѣ нуженъ.

Солнце пытается выглянуть, очень густой снѣгъ, десять градусовъ мороза. Аня и я хотимъ пойти въ воскресенье къ святому причастію, такъ какъ теперь *Рожд. постъ* — чтобы получить силу и помощь. Я была рада, что тебѣ понравилась икона — неправда ли, ея лицо прелестно, хотя грустно? Я посылаю три *лампадки* отъ имени дѣтей и отъ себя въ *нов. Знам., Влад. Б. М. на печкѣ* и одну *старицѣ* вмѣстѣ съ

---

[1] Распутинъ изъ опасеній инцидентовъ перестал показываться на улицѣ.
[2] Головиной.

иконой. Съѣлъ ли ты ея яблоко? Я такъ рада, что ты сказалъ Фредериксу отвѣтить на эти милыя телеграммы отъ насъ обоихъ. Я не понимаю, почему генералы не позволяютъ, чтобы *Р. Знамя*[1] (маленькая патріотическая газета) разсылалось въ армію. *Дубровинъ* находитъ, что это срамъ (я согласна), они могутъ читать всякія прокламаціи. Наши начальники въ самомъ дѣлѣ идіоты. Этотъ новый клубъ, который устроилъ Треповъ для офицеровъ и т. д., неважный — я собираюсь разузнать все о немъ, тамъ бываютъ офицеры нашего *сводн.* полка — и они всѣ тамъ встрѣчаютъ *Родз*(янко) манифестаціями и рѣчами — въ высшей степени безтактно. Милый мой, *Дубровинъ* проситъ разрѣшенія повидаться со мной, — можно или нельзя? Пожалуйста, скажи *Трепову*, что *Дума* распущена до начала февраля, такъ какъ они должны имѣть время, чтобы съѣздить домой (здѣсь они надѣлаютъ больше вреда, если они останутся). *Родзянко* и *Треповъ* это вмѣстѣ устроили — повѣрь совѣту нашего Друга. Даже дѣти замѣчаютъ, какъ все не удается, если мы не слушаемся Его и наоборотъ — все хорошо, когда мы слушаемся. *Узкая дорога но надо прямо по ней идти по Божьему и не по человѣческому* — нужно только на все смотрѣть съ мужествомъ и съ большей вѣрой.

Теперь вотъ какое чудо (такъ всѣ говорятъ) — *«Варягъ»* прибылъ раньше всѣхъ другихъ — *Штормъ* 40 *Бал.* отъ Гибралтара до Глазго. Волны не только просто переливались, но, увы, все залили, машины неважныя, придется скоро ремонтировать въ Англіи. Нашъ Другъ безпокоился, когда они вышли изъ *Владив.* но они имѣли Божье благословеніе и были спасены, потому что *Лили*[2] вѣруя поѣхала въ *Верхот*(урье) и въ *Тобольскъ* съ *Гр(*игоріемъ) и Аней лѣтомъ.

Благословляю, люблю, цѣлую и ласкаю безъ конца, мой милый муженекъ. Твоя собственная.

Такъ хотѣлось бы, чтобы телефонъ былъ не такъ плохъ. *Кож.* былъ очень милъ и очень много разсказывалъ, надѣюсь, что ты его увидишь до его возвращенія, онъ пріѣхалъ съ *Адм.* У нихъ было три *круш.* по новой дорогѣ. Вѣроятно, въ февралѣ *Варягу* придется отправиться на пять-шесть мѣсяцевъ въ Англію для починки, такъ какъ опасно такъ его оставить, это старое судно и небезопасное. Англичане вездѣ, во всѣхъ портахъ, были очаровательны, помогали, гдѣ и какъ могли. Бѣдняжка долженъ былъ въ Англіи произносить спичи. Онъ говоритъ, что *Денъ* отличный капитанъ, всегда спокоенъ, никогда не теряетъ головы.

---

[1] «Русское Знамя» — извѣстный погромный листокъ д-ра Дубровина.

[2] Денъ, жена капитана.

Страшная жара лѣтомъ, они шли пять мѣсяцевъ. Такъ пріятно его повидать. Онъ не могъ переварить, что *Анаст*(асія) такъ потолстѣла и стала большой дамой.

№ 403.

Царское Село, 16 декабря 1916 г.

Мое милое сокровище,

Сегодня утромъ десять градусовъ мороза и маленькія розовыя облака — все покрыто толстымъ слоемъ снѣга. Сегодня ночью я спала пять часовъ, настоящее угощеніе. Появился Боткинъ — я его не видѣла по крайней мѣрѣ два мѣсяца, потому что я наизусть знала, какія принимать лѣкарства, когда сердцу хуже. Ну, онъ далъ мнѣ болѣе сильныя капли, такъ какъ оно такъ расширено, и, понятно, сказалъ мнѣ, чтобы я лежала, что я и дѣлаю. У меня сегодня только *Шведовъ*, все остальное время я лежу на диванѣ, но все же я хочу быть у святого причастія въ воскресенье, если только будетъ возможно, и вотъ я теперь прошу твоего прощенія, мой любимый, за каждое слово, которымъ я могла тебя огорчить — я боюсь, что временами была рѣзка — но только съ отчаянія и безконечной любви, и желанія помочь тебѣ. Прости меня, душка. Мнѣ очень хочется пойти — я устала — но духъ мой бодръ. Дѣла въ самомъ дѣлѣ идутъ лучше, и *Калининъ* велъ себя великолѣпно. Я сказала ему, чтобы онъ открыто тебѣ обо всемъ написалъ — онъ стѣснялся это сдѣлать — я сказала ему, что это его долгъ, разъ ты показываешь ему довѣріе. Только благодаря ему не удалось въ *Думѣ* устроить скандалы. *Тр*(еповъ) былъ трусомъ, *Шуваевъ* еще хуже (такъ хотѣла бы, чтобы *Бѣляевъ* былъ на его мѣстѣ, это джентльменъ и не человѣкъ, который бы преклонился передъ *Думой* и искалъ бы популярности) — и *Родзянко* послушался письма *Калинина* и стушевался. Дай Богъ ему здоровья — пусть онъ продолжаетъ быть такимъ твердымъ, храбрымъ, какимъ онъ былъ до сихъ поръ. Пошли ему слово признательности, ободренія, неправда ли? и утверди его министромъ внутреннихъ дѣлъ[1] (это мысль твоей женки, и я думаю она правильна). Публика говорила, что ты никогда не заступишься за него и за *Питирима* противъ всѣхъ, а ты это сдѣлалъ. Молодецъ, муженекъ мой! Только одна вещь меня мучаетъ, а также *Гр*(игорія) и *Прот*(опопова) — чтобы *Дума* не была вновь созвана раньше февраля, чтобы дать имъ время разъѣхаться, это б о л ѣ е чѣмъ необходимо. Въ группѣ, они въ городѣ образуютъ ядовитый элементъ, между тѣмъ какъ разъѣхавшиеся по странѣ, они не пользуются ни съ

[1] Утвержденъ 20 декабря.

чьей стороны вниманіемъ и никто ихъ не уважаетъ. Вчера вечеромъ у Ольги былъ комитетъ, но онъ не продолжался долго. *Володя Волк.*[1], который всегда имѣетъ для нея одну-двѣ улыбки, избѣгалъ ея взгляда и ни разу не улыбнулся — ты видишь — наши дѣвочки научились наблюдать людей и ихъ лица, — онѣ очень сильно развились духовно черезъ все это страданіе — онѣ знаютъ все, черезъ что мы проходимъ — это необходимо и дѣлаетъ ихъ зрѣлыми. Къ счастью, онѣ по временамъ большія беби — но у нихъ есть вдумчивость и душевное чувство гораздо болѣе мудрыхъ существъ. Какъ говоритъ нашъ Другъ, онѣ прошли черезъ тяжелые «курсы». Н. П. пилъ чай, массу разсказывалъ про *Одессу* и батальонъ, *Ольгу Евгеніевну* и т. д. Онъ полонъ *Петр*(оградскихъ) гадостей и въ ярости, что никто меня не защищаетъ, что всѣ могутъ говорить, писать, намекать на скверныя вещи относительно своей императрицы и никто не подымается на защиту, не выговариваетъ, не наказываетъ, не ссылаетъ, не штрафуетъ этихъ типовъ. Только княгиня В. пострадала, всѣ другіе, *Мелюковъ* и т. д. остаются на свободѣ. Да, этими людьми нельзя восхищаться, они трусы. Но многіе будутъ вычеркнуты изъ будущихъ придворныхъ списковъ, они поплатятся въ мирныя времена за то, что не встали во время войны на защиту своего государя. Почему у насъ рамольная тряпка въ должности министра двора? Онъ долженъ былъ бы составить списокъ всѣхъ именъ и предложить наказаніе для нихъ за клевету на твою жену. Даже частный человѣкъ ни одного часа не сталъ бы переносить этихъ нападокъ на свою жену. Лично это для меня трынъ-трава — когда я была молода, я страшно страдала изъ за этихъ несправедливыхъ нападокъ на меня (ахъ, какъ часто) — но теперь эти мірскія вещи меня глубоко не трогаютъ, я хочу сказать, эти мелкія гадости, — когда нибудь они опомнятся, но только мой мужененкъ въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ бы немножко за меня заступиться, такъ какъ многіе думаютъ, что тебѣ все равно и что ты за мною прячешься. Ты не хочетъ отвѣчать мнѣ насчетъ *Балаш*(ова) — ну, почему ты не приказалъ, чтобы Фредериксъ ему написалъ строгое письмо? Я не намѣрена подать ему руку, когда мы встрѣтимся, предупреждаю тебя, и мнѣ очень хотѣлось бы бросить ему въ лицо мое негодованіе; змѣенышъ этакой — я его не выносила съ тѣхъ поръ, какъ онъ мнѣ первый разъ попался на глаза, я тебѣ это сказала. Онъ думетъ, что его высокое придворное званіе даетъ ему право писать гнусности, наоборотъ онъ абсолютно недостоинъ этого званія. Сказалъ ли ты, чтобы съ князя Голицына сняли придворное званіе? — не мѣшкай, милый, сдѣлай все поскорѣе, это выходитъ настоящій датскій Bummelzug — дѣйствуй

[1] Кн. В. М. Волконскій.

скорѣе, вычеркивай этихъ людей изъ придворныхъ списковъ и не слушайся протестовъ Фредерикса, онъ напуганъ и не понимаетъ, какъ надо дѣйствовать въ настоящую минуту.

Теперь прости меня, если я поступила неправильно, спросивъ мнѣніе *Калинина* насчетъ списка [1], который ты мнѣ послалъ. Такъ какъ мы ему довѣряемъ (онъ вчера пришелъ къ ней на полчаса), я просила ее выяснить, что онъ знаетъ объ этихъ людяхъ. Онъ обѣщаетъ не проговориться, что онъ видѣлъ имена кандидатовъ. Но прежде всего онъ проситъ, чтобы Макаровъ былъ поскорѣе уволенъ безъ назначенія въ Государственный Совѣтъ, другихъ также туда не назначаютъ, и не нужно письма *Трепова*, повѣрь совѣту нашего Друга и *Калинина* — онъ опасенъ и всецѣло держитъ *Тр*(епова) въ рукахъ, другіе, напримѣръ *Жеваховъ*, это также знаютъ. Онъ нѣкоторое время тому назадъ говорилъ съ *Щегл.*, который находитъ что *Добр*(овольскій), котораго онъ знаетъ, былъ бы прекрасенъ на этомъ мѣстѣ. Мнѣ кажется, что ты поступилъ бы вполнѣ правильно назначивъ его. Я знаю, что *Добров.* очень противъ реорганизаціи сената, которая проектируется (кажется эта реформа принята Государственнымъ Совѣтомъ) и теперь представлена *Думѣ* — онъ говоритъ, что сенатъ будетъ такимъ же плохимъ и лѣвымъ, какъ *Дума*, и что на него нельзя будетъ положиться — онъ мнѣ это сказалъ, когда я съ нимъ видѣлась. Я только говорила тогда про сенатъ и Георгіевскій комитетъ.

Пошли за *Калининымъ*, какъ только ты сюда пріѣдешь, а потомъ за *Добров.*, чтобы переговорить съ ними и поскорѣе назначить *Щегл.* [2] Онъ настоящій человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ, и онъ за насъ будетъ стоять и не позволитъ никакихъ скандаловъ. Твой *приказъ* произвелъ на всѣхъ великолѣпный эффектъ, онъ появился въ такой подходящій моментъ и такъ ясно выразилъ всѣ твои мысли насчетъ продолженія войны [3]. Представь себѣ, бѣдная Зизи была такъ разстроена, *Мелюк.* въ

---

[1] Списка членовъ Гос. Совѣта на 1917 г. Въ газетахъ появилось сообщеніе, что ожидаются существенныя перемѣны состава для усиленія праваго крыла.

[2] Предсѣдателемъ Гос. Совѣта.

[3] 12 декабря изданъ отъ имени Государя приказъ по арміи и флоту, въ которомъ указано, что война началась вслѣдствіе внезапнаго нападенія Германіи на Францію и Россію, и теперь, чувствуя ослабленіе своихъ силъ, Германія желаетъ прекратить войну такимъ же внезапнымъ заявленіемъ, предлагая вступить въ переговоры о мирѣ. Но союзныя державы приступятъ къ этимъ переговорамъ тогда, когда сочтутъ это для себя благопріятнымъ, и въ частности тогда, когда будутъ достигнуты Россіей поставленныя ей войною задачи: возстановленіе этнографическихъ границъ, обладаніе Царьградомъ и проливами, созданіе свободной Польши изъ всѣхъ трехъ ея нынѣ разрозненныхъ областей и изгнаніе изъ предѣловъ Россіи проникшаго туда непріятеля.

своей рѣчи говорилъ про *Лили Нарышкину*[1] *(Лихтенштейнъ)*, шпіоновъ и т. д. и сказалъ, что эта дама занимаетъ высокое придворное положеніе, смѣшавъ ее съ M-me Зизи. Бѣдная старушка слышала, что это попало въ разныя провинціальныя газетки, прилетѣли всѣ *Куракины*, и ей пришлось имъ разъяснять — ея *надзирательницы* всѣ въ ужасѣ, генералъ арміи выразился такъ: «какъ можемъ мы держать такихъ предателей возлѣ себя?» (всегда норовятъ укусить меня и моихъ друзей). Такъ она послала за *Сазоновымъ* (интимнымъ другомъ *Мел*(юкова) и сказала ему, чтобы онъ все объяснилъ и настоялъ, чтобы тотъ написалъ въ газетахъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе. Это появится въ *Рѣчи*, и теперь она совсѣмъ успокоилась. Они затрагиваютъ всѣхъ, кто мнѣ близокъ. *Лили Нарышкина* живетъ въ Асторіи, и полиція за ней наблюдаетъ. Бѣдный старый *Щегловъ*[2] сегодня ночью скончался — тѣмъ лучше для него, онъ былъ такъ боленъ. Я собираюсь на этихъ дняхъ взяться за *Ресина* и сказать ему, чтобы онъ обратилъ вниманіе на своихъ офицеровъ — *Комар*. всегда былъ съ ними, а онъ никогда, и ихъ тонъ сталъ очень сквернымъ и даже лѣвымъ — это самый трудный полкъ, онъ такого смѣшаннаго состава и потому ему нужно начальство, чтобы крѣпко держать ихъ въ рукахъ и руководить ими, и о нихъ совсѣмъ нехорошо говорятъ. Солдаты его не любятъ, потому что онъ суровъ, — но офицерами онъ ни капельки не занимается. Только что у меня былъ старый *Шведовъ*, представь, когда онъ сказалъ *Тр*(епову), что онъ по твоему и моему желанію долженъ быть назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, тотъ отвѣтилъ, что ему нѣтъ дѣла до тѣхъ приказаній, которыя были даны *Штюрмеру*, а самъ онъ отъ тебя этого не слыхалъ. Онъ принесъ мнѣ списокъ всѣхъ членовъ на одномъ листѣ и мы могли вмѣстѣ его просмотрѣть и вычеркивать и прибавлять новыхъ. Онъ ненавидитъ Кауфмана. Говоритъ, что тотъ разсказывалъ очень скверныя вещи, вычеркни его[3]. Теперь надо придти съ метлой и вымести весь соръ и всю грязь и достать для работы новыя чистыя метлы. . . . .

Горячо благодарю за твое милое письмо. Бѣдняжка, ты завтра устанешь — Богъ да поможетъ тебѣ. Только военные и никакихъ политическихъ вопросовъ. Всѣ въ большомъ волненіи по поводу твоего *приказа*, особенно, разумѣется, поляки. . . . .

Котенокъ влѣзъ въ каминъ и теперь тамъ чихаетъ.

---

[1] Г-жа Нарышкина, рожд. Толь, свѣтская дама, не имѣвшая никакого отношенія къ Двору. Въ своей извѣстной рѣчи П. Н. Милюковъ дѣйствительно смѣшалъ ее съ гофмейстериной Е. А. Нарышкиной.

[2] Фельдфебель лейбъ-гвардіи преобр. полка.

[3] Былъ вычеркнутъ.

Я рада, что ты видѣлъ Багратіона, такъ интересно все, что онъ разсказываетъ про своихъ дикарей.

«*Не надо говорить*» «у меня крошечная воля» — ты просто чуть-чуть слабъ и не довѣряешь себѣ и немножко склоненъ вѣрить дурнымъ совѣтамъ. Теперь благословляю, обнимаю и цѣлую тебя, мой единственный, мое все. Богъ да благословитъ и охранитъ тебя.

Навсегда твоя собственная, надоѣдливая

«Солнышко».

№ 404.

Царское Село, 17 декабря 1916 г.

Мой родной, любимый,

Опять очень холодно и слегка идетъ снѣгъ. Я спала пять часовъ сегодня ночью, для меня это совсѣмъ хорошо. Сердце неважно, и я не чувствую себя хорошо. Видишь ли, мое сердце съ нѣкоторыхъ поръ опять ухудшилось, но я не оставалась покойной, какъ бы слѣдовало по настоящему — я не могла — мнѣ пришлось ходить въ лазаретъ, чтобы мѣнять теченіе мыслей, пришлось видѣть много народа, нравственное напряженіе этихъ послѣднихъ тяжелыхъ мѣсяцевъ должно было сказаться на слабомъ сердцѣ. Эта прелестная поѣздка въ *Новгородъ* была физически также очень утомительна. Ну, и вотъ, старая машина сломалась. Я надѣюсь, что по крайней мѣрѣ къ Рождеству этого года я стану приличной. Со времени войны я не была ни на одной елкѣ въ лазаретѣ или въ манежѣ. Буду думать о тебѣ болѣе, чѣмъ когда либо, сегодня. Да благословитъ Господь Богъ всѣ твои помыслы и начинанія.

Надѣюсь, что до того ты побываешь у иконы — я заказала всенощную въ домѣ — (и хотя это очень глупо) завтра утромъ обѣдня въ девять часовъ въ *Пещерномъ Храмѣ.* Аня также будетъ, и мы исповѣдуемся въ десять. Еще разъ прости меня за всякую боль и огорченіе, мой любимый — завтра понесу тебя въ своемъ сердцѣ и душѣ.

Какъ ты находишь новаго генерала, назначеннаго на мѣсто *Пустов*(ойтенко)? Этотъ послѣдній долженъ былъ быть огорченъ, разставаясь съ тобой — что за милый, честный, преданный человѣкъ.

Посылаю тебѣ бумагу съ нѣкоторыми мыслями *Сухомлинова* насчетъ *Думы,* прочти ее въ поѣздѣ.

Не могу понять, почему дѣло *Воейкова* не было исполнено двѣ недѣли тому назадъ, какъ предполагалось. Нѣсколько сплетенъ: мать

Ани сказала ей, что *Кривош*(еинъ) и *Игнатьевъ* благословляютъ меня за то, что я тебѣ телеграфировала оставить все *продов.* въ рукахъ *Риттиха,* а во всемъ нѣтъ ни слова правды. Какъ могутъ люди такъ хладнокровно лгать и не видѣть въ этомъ грѣха!!

Ты кончишь милый англійскій романъ въ поѣздѣ?

Ахъ, какая радость, какое утѣшеніе имѣть тебя дома.

Въ такое время быть въ разлукѣ, увѣряю тебя, по временамъ совершенно невыносимо и можетъ сума свести, насколько было бы легче все раздѣлить другъ съ другомъ и обо всемъ говорить вмѣсто писемъ, которыя имѣютъ меньше силы, увы, и должно быть часто тебя раздражаютъ, мой бѣдный терпѣливый ангелъ. Но мнѣ приходится стараться быть противоядіемъ противъ яда другихъ.

Удалось ли совсѣмъ отдѣлаться Беби отъ глиста? Онъ бы тогда потолстѣлъ и сталъ бы менѣе прозраченъ, милый мальчикъ[1]...

Мы сидимъ всѣ вмѣстѣ — ты можешь представить себѣ наши чувства, мысли — нашъ Другъ исчезъ. Вчера Аня видѣла Его, и Онъ сказалъ, что Феликсъ просилъ Его пріѣхать ночью, что за Нимъ поѣдетъ моторъ и привезетъ Его, чтобы повидаться съ *Ириной* — моторъ дѣйствительно за Нимъ пріѣхалъ (военный) съ двумя штатскими, и Онъ уѣхалъ.

Сегодня ночью былъ большой скандалъ въ домѣ *Юсупова* — большое сборище, Дмитрій, *Пуришкевичъ* и т. д. — всѣ пьяны. Полиція слышала выстрѣлы. *Пуришкевичъ* выбѣжалъ, крича *полицейскимъ,* что нашъ Другъ убитъ.

Полиція и судебные чины теперь вошли въ домъ *Юс*(упова) — раньше они не смѣли, такъ какъ тамъ былъ Дмитрій.

Градоначальникъ послалъ за Дмитріемъ. Феликсъ хотѣлъ сегодня вечеромъ уѣхать въ Крымъ, я просила *Калинина* его задержать.

Нашъ Другъ былъ въ духѣ, но нервничалъ эти дни, также изъ за Ани. *Батюшинъ* хочетъ выловить что нибудь противъ Ани. Феликсъ увѣряетъ, будто Онъ вовсе не былъ у него въ домѣ и что онъ Его никогда не звалъ. Кажется, что была западня. Я все еще вѣрю въ Божью милость, можетъ быть Его только куда нибудь увезли. *Калининъ* дѣлаетъ все, что можно. Поэтому я прошу прислать *Воейкова:* мы женщины однѣ съ нашими слабыми головами. Я ее[2] оставлю здѣсь — такъ какъ теперь они примутся за нее.

---

[1] На этомъ мѣстѣ письмо было, очевидно, прервано, и заключительная часть дописана послѣ того, какъ пришло извѣстіе объ исчезновеніи Распутина.
[2] Аню.

Я не могу и не хочу вѣрить, что Онъ убитъ. Богъ да смилостивится надъ нами. Такая невыносимая мука (я спокойна, я вѣдь, не могу повѣрить).

Спасибо за твое дорогое письмо, пріѣзжай поскорѣе — никто не посмѣетъ тронуть ее или сдѣлать чтобы то ни было, когда ты тутъ.

Феликсъ часто у Него бывалъ послѣднее время.

( ) и поцѣлуи

«Солнышко».

Поправки: I. Изъ письма № 290 выпалъ слѣдущій абзацъ:

Да, тебя просятъ не допустить образованія митрополичьихъ округовъ, которые Волжинъ хочетъ теперь создать съ Владиміромъ. Для этого теперь не время и Гр. говорить, что это можетъ имѣть роковыя послѣдствія. Она (Аня) пойдетъ къ нему (Распутину) сегодня утромъ.

Прости, что я тебя затрудняю приложеннымъ при семъ письмомъ, но Онъ (Распутинъ) хочетъ, чтобы ты зналъ о немъ.

Крѣпко держу тебя въ моихъ объятіяхъ и шепчу слова безконечной нѣжности и любви.

Сердечное спасибо, мое сокровище, за твое милое письмо. Никто не явился отъ Беби или Жиллика. Спасибо за телеграмму Алексѣя, я покажу ее Ритѣ и затѣмъ возвращу на храненіе Деревенко. — Повѣсь Михенъ на 60 яблонь!

Такъ неудобно писать съ завязаннымъ пальцемъ, я его себѣ разрѣзала операціоннымъ ножемъ.

Ахъ, мой большой малютка, безконечно тебя цѣлую, — балконъ такъ пустъ безъ тебя и крошки.

Да благословитъ и защититъ Господь тебя, моего цѣликомъ, мое солнышко, радость моей жизни.

Навсегда твоя, совсѣмъ твоя женушка.

II. Въ примѣчаніи къ стр. 311 перваго тома напечатано: Сарат. губернаторъ Наумовъ, — слѣдуетъ читать: Самарскій губерн. предводитель дворянства А. Наумовъ...

242

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТЪ

No. 200.

Tsarskoje-Selo, Jan. 28-th 1916

My very own beloved Sweetheart,

Once more the train is carrying my Treasure away, but I hope not for long — I know I ought not to say this, & for an old married woman it may seem ridiculous — but I cannot help it. — With the years love increases & the time without your sweet presence is hard to bear. When I could be about & nurse the wounded it was more bearable. For you its worse, my Own. I am glad you see troops already to-morrow, that will be refreshing & to all a joy, I hope you will have the same sunshine as there is here to-day. — It was so nice you read to us & I hear your dear voice now always! And your tender caresses, oh how deeply I thank you for them — they warmed me up & were such a consolation; when the heart is heavy with care & anxieties, every tenderness gives one force and intense happiness. Oh, could but our children be equally blessed in their married lives — the idea of Boris is too unsympathetic & the child would, I feel convinced, never agree to marry him & I should perfectly well understand her. Only never let Miechen guess other thoughts have filled the child's head & heart — those are a young girls holy secrets wh. other must not know of, it would terribly hurt Olga, who is so susceptible. That conversation has made me feel far from cheery, & as it is I feel very low at yr. going & my old heart cramps itself in pain — cannot get accustomed to our separations. — Here, Baby's note will amuse you.

The lilies of the valley are to brighten up yr. writing table. You will talk seriously to Kedrov, wont you — because the joy & honour of this journey comes almost like a recompense & so as to cover the reprimand he so rightly deserved.

Why you saved him being judged again &, tho' a nice man, needs to be held in hand, the Admiral ought never to be so familiar with him — he is terribly ambitious. But you take him for short, I suppose. — What rejoicings there will be, when you get rid of *Bontch-Bruievitch* (can't spell his name) — but he ought to be made to understand first the wrong he has done & wh. falls upon you — you are too kind, my sunny Angel, be firmer & when you punish, don't forgive at once & give good places — one does not fear you enough — show yr. power, one profits of yr. marvelous kindness & gentleness. — Sad I cannot take you to the station, but I am not up to it, the heart being enlarged — & the »*engineer-mechanic*« came.

My Own, my light, my love, sleep well & peacefully, feel my tender arms encircling you, & your dear sweet head rest it in thoughts upon my breast, (not upon the high cushion you dislike). —

Goodbye, my Treasure, my Husband, Sunshine beloved, God bless & keep you, holy Angels guard you & the force of my intense love. Oh my Boy, how I love you! Words cannot express it, but you can read it in my eyes.

Ever yr. very own old

yr. Own. Wify.

Oh, the lonely night!

No. 201.

Tsarskoje-Selo, Jan. 29-th 1916

My own Treasure love,

I thank you very, very fondly for yr. sweetest letter you left me as a consolation — over & over again I have reread it, & in the night when I could not sleep & my eyes ached fr. crying. — We went to bed at 10½ — bad night & head aches this morning.

Have just finished heaps of papers from Rostovtzev.

It is gently snowing — 2° of frost. Ania peeped in a second on her way to town & she begged me yet again to thank you fr. the depths of her heart for the money. She telephoned it to our Friend, & He said it would bring you blessings — & that she is to put it aside in the bank to be a fund she must collect for building the home for the cripples. — I shall see whether we cannot give her a bit of ground — it would be good if it were not far from the Invalid House, as then they could profit of our *bathhouse* & *shops.*

I wonder whether you will begin the French book, you will see how exciting it is. —

How did my Lovebird sleep? H o w I miss my Sunshine!!

Do think about *Ivanov,* it would indeed be a splendid change — & clean beginning for 1916 — *Polivanov* needs no place to bother you about, *Stcherbatchev* can replace *Ivanov* & then somebody energetic in his place. What a bore old *Ruzsky* is not yet well enough. —

How glad I am that you have got *Sturmer* now to rest upon; one who you know will try & hold all the ministers together.

Now I must be getting up for luncheon. Later *Benkendorf* wishes to see me & Mme *Volzhaninova* from the Crimea.

The Children want to see *Rodionov* to-morrow evening, as he wishes to go to our Church for service. —

Sweetest of Sweets, then now goodbye & God bless and protect you. I cover your beloved face with very tenderest kisses, & remain

Ever yr. own wify

Alix.

Fedorov slept well, coughs less, 37.

Mme Zizi feels better, 36.4, tell this to Kira, who does not think enough about his mother. — Have a quiet talk with *Mordvinov* about Misha's story & then about Olga & ask what sort of a man her *N. A.* is.

No. 202.

Tsarskoje-Selo, Jan. 30-th 1916

My own Sweetheart,

We were so happy to get yr. telegram during tea, and to know that all went off so well — how nice that you had a guard of honour of your »*Cabardintzy*« at the station. — There must have been heavy fighting as Baby's

train brings 15 wounded officers and over 300 men from *Kalkuny — Drissa,* that is where *Tatiana's* regiment is and where you will be, it seems to me. —

All looks so white to-day, a good deal of snow fell yesterday — 3°. of frost — Had a bad, restless night, went early to bed — head ached and continues to, heart the same. — I saw Mme *Volzhaninova* fr. the Crimea — *(wine-makers)* you remember her I am sure, she met me on the pier with flowers, lunched at *Livadia* and sold at the bazaars. You made acquaintance with her old mother (over 90) at the opening of a childrens' sanatorium beyond *Massandra* — Mme *Zheltukhin* born *Ilovaiskaya,* daugther of the hero of *Borodino.* Her property near *Bielovezh* was completely destroyed and she had no time to save anything and she possessed many historical things. You are the 5 Emperor she has seen.

Our Friend is very happy that you see the troops now again, he is quiet about everything, only anxious *Ivanov* should be named, as his presence in the *Duma* can be of much help. —

I have again several officers waiting to be received — that continues the whole time — and I do feel so tired. Wish I could at last get to Church again — not once in the month of Jan: — and I long to go and place my candles there. —

Old *Professor Pavlov* died — he got poisoning of the blood, after an operation he had performed, I think. —

Lovy sweet, I miss you awfully. The evenings are dull — A. is aggravated we all lay patiences, but it rests the eyes after much working and to sit with folded hands is awful. She likes reading aloud, but gabbles awfully — but one cannot sit and talk all day, and I have nothing to speak of — I am weary. Dear Sweetheart, I am not boasting, but n o b o d y loves you s o intensely as old sunny — you are her life, h e r O w n!

God bless you Precious one, I cover you with tender, passionate kisses and long to have you back into my arms again.

Ever, Nicky mine yr. very own old girly

Wify.

No. 203.

Tsarskoje-Selo, Jan. 31-st 1916

My own sweet Treasure,

Tatiana was delighted that you saw her regiment and found it in good order. I had always hoped to go about more, in sanitary trains too, and to have the chance of seeing at least one of my regiments. — *Rodionov* was in Church yesterday evening, dined with Ania and then came to us. He leaves to-morrow. Again they stand in a new village, he said, only 8 *versts* fr. *Volotchisk* and all the officers together in a *landlord's estate* — they have changed already four or five times. He showed us some groups he had made and of some of them on horseback — *Méassoyedov's* horse looks quite antidiluvian. —

A grey morning, 5 degrees. Got to sleep late, but then slept alright, head scarcely aches, but heart and eyes do, and I am writing in specks, so as to tire them less. — I saw one of my *Crimeans* yesterday — now they all deeply regret that *Drobiazgin* leaves them — all stories had finished, and now they appreciated him and much regret the change. — We receive *military cadets* to-day who will be promoted to-morrow I believe, and then leave. Then *Varnava, Archbishop Seraphim, — Kuptsov (Erivanets)* who was here on leave and wants to see me before returning to the regiment, then *Alek!!* what can he want? probably to talk about *Gagri,* but then I shall have to tell him about *Skalon.*

At 6 comes *Captain of the 1-st rank Schultz* (such a purely German name, alas), who leaves for England — suppose its the one with the long beard who commanded the »*Africa*«, if I don't invent, occupies himself with hypnotism, and his sister was nurse in my hospital during the Japanese war and died later at *Kronstadt.*

One of the wounded I received yesterday, gave me a charming collection of photos, he had taken at *Eupatoria* — some lie out taking sunbaths, others covered in mud, others in baths, having douches, being electrified — quite amusing. —

Yesterday was the silver Wedding of the *Putiatins.*

I am trying to give you all the news I can, tho' its not interesting. alas. —

Sweetheart, I wonder whether you get my letters on the way, probably they will await you at some big station — I wish I were in their place and could feel your sweet lips upon mine and could gaze into your beloved eyes Sorely do I miss my own Sweetheart and his tender kisses, wh. mean so much to me. — Well, Lovy, I will end now. Goodbye and God bless you now and evermore.

Endless kisses fr. yr. very own old

Sunny.

No. 204.

Tsarskoje-Selo, Feb. 1-st 1916

My very Own,

Colder this morning, 7 degrees & snowing. Scarcely slept this night & heart aches more this morning, head alright. I send you a little snowdrop from *Livadia.*

Miechen wrote again yesterday begging for Baron Dellingshausen to be let free. He is kept in the prison *Kresti* at *Petrograd, Viborg side.* His son, the dragoon may visit him. But its such a hideous shame that can only be helped by having him quickly let out by telegraph. One wont know how to look him in the face later on. —

Alek did not say anything particular to me — only it seems is not contented with the wounded officers — then those that have to be sent to the south

(fr. Moscou by the commission), stick there for 2 months without leaving — disorder wh. he is going to try and set to rights; — then he spoke about the prisoners he visited — indeed one must think of having some moved as they die from illnesses, the climate being unbearable fore them. — Many people find it wld. be good if you had, for a time only, given over the *food supply* question to Alek, as really it is scandalous in town & the prices are impossible; he would poke his nose into everything, fly at the merchants who cheat & ask impossible prices & would help getting rid of Obolensky who is really no good whatsoever and does not help one bit. Our Friend is anxious if it continues still for 2 months that we may have disagreable rows and stories in town — & I understand it, as its shameful making the poor people suffer so — & the humiliation before our allies!! We have got everything in quantities, only they wont bring it, & when they do, the prices for all become unattainable. Why not ask him for 2 months to take all in hand, or one month even, & he wont allow cheating to go on. He is excellent in any place to set order, shake up people — but not for long. I write this to you, as you will be seeing him I believe on Tuesday. — *Schultz* was charming, we talked for half an hour upon every sort of subject — he is the brother of the black one who still commands the »*Africa*» & all the *divers*.

To-day I have *Shvedov* with a *report,* & M-lle *Schneider* & that will be endless as we have much to talk over about the artschool, & reorganisation of my patriotic schools — & the *Home Manufactures Committee* wh. it seems to me *Krivoshein* has forgotten all about. — Then the Commander of the »*Erivantsi*« asked to see us, he was here on leave & returns to the regiment. —

How you will miss Baby sweet again at the *Headquarters,* — your lonely life begins once more again, poor precious Angel mine! —

The Children enjoyed themselves at Anias yesterday & the soldiers too — I suppose *Tatiana* will have discribed all. Anias namesday is on the 3-st in case you care to send her a telegram. —

Tatiana is bidding *Rodionov* goodbye by telephone & I shall too.

How awfully difficult the fighting in such terrible cold in the Caucasus, Alek says less men have frozen feet, 1 per cent, & officers — 8, — to lightly dressed, going south they no doubt thought it would be warmer. —

Now Sweetheart I must end my letter. God bless & protect you, precious One & keep you from all harm. I cover you with tender kisses & clasp you to my breast. —

Ever yr. very own loving old

Wify.

Has »everything« passed with you & do you no longer need the things. I gave you? I do wish you could take more exercise, it would be the best thing for you. Tell boyxy that lady sends him her tenderest love & gentlest kisses & often thinks of him in lonely, sleepless nights. —

Loman drinks again heaps & is most crazy, Ania simply dreads him — he ought absolutely to be sent to Finland to a sanatorium for 2 months complete

rest — otherwise I assure you he will shoot himself or others. The Drs also find he needs a change & rest, he had a nervous stroke already. —

This green ink smells abominably, hope the scent will take the odour away. —

No. 205.

Tsarskoje Selo, Feb. 2-d 1916

Sweet Angel,

Excuse a short letter to-day, but I am cretinised, did not sleep all night from pain in my cheek wh. is swollen and looks hideous. *Vladimir Nikolaievitch* thinks its from the tooth and has wired to our dentist to come. I had a compress on all night, changed it too — sat smoking in the sitting room, wandered about. Good you were not there for me to disturb. It is not as bad as those madning pains I used to have, but hurts quite enough and incessantly. I made all dark from 11—1 but without any result and the head begins to ache and the heart is more enlarged. I have begun my medicines again to-day. —

4^0 of frost, tiny bit snowing. *Gorodinsky* of Xenia's reg. said you saw the reg. thanked them and they were awfully happy. In to-day's papers there is a description of yr. inspections, but am not up to reading it, so shall keep that number.

Yesterday I had *Shvedov's report* for 3/4 of an hour and Mlle Schneider 1½ hour till I was quite done for.

Beloved Sweetheart, I thing and long for you and cover you with very tenderest kisses. God bless and keep you.

Ever yr. very own old

Wify.

The Children kiss you; they were in church and hospital. —
Shall keep in bed till teatime and see then how I feel. —
Beloved One, think incessantly of you.

No. 206.

Tsarskoje Selo, Feb. 3-d 1916

My own Sweetheart,

I got to sleep after 4 — the cheek is less swollen — yesterday evening I looked too ridiculous one had to laugh at this croocked face. Olga and Ania read to us *Avertchenko* stories about children and I laid patiences, tho' head ached and felt cretinised. — Baby was sweet, when I told him yesterday that there wld. be blinis for him for luncheon as he loves them — »how, when you have got pain you order me blinis, I wont eat them on purpose — it is not necessary« but I said it would just please me and it seems he ate a lot. — We played douratscki before he went to bed. —

5^0 of frost and snowing. —

Our Standart officers and *the priest* wired her their good wishes, so touching, and *Rodionov* from the way too. —

N. P. writes: *I am happy that I have enough work even for 24 hours a day; I don't know whether it is good or bad, but I push myself everywhere, yesterday I even picked horses for every carriage — this I was taught to do by the senior officers, but indeed I thus learned everything. My brother visited me, spent with me a whole day — it is unimaginably easy in his regiment, he has been a month here and leave is given him again — this is because in his regiment instead of 29 officers there are almost 89 — cannot understand it — what is happening in our army regarding officers is not right — this is my deep conviction.* Your 3 *Sharpsbooters* dined with them and they had music and singing and my »*giant*« *Petrov* is the *choir-leader* and splendid . . . . . .

There, my letter became quite long, as personally I have nothing interesting to tell you, only that love you intensely and long for your tender, soothing caresses.

How was *Alek?* What answer about *Shumilov's* paper? Can the young man be sent to the army? What about Dellingshausen?

God bless and protect you. I cover you with tenderest kisses.

Ever yr. very own old

Wify.

You wld. laugh at my face! — Glad you took a longer walk. How good we have taken so many of the forts around Erzerum. —

Are you reading the French book? Will you be here by next Monday? Oh that will be too beautiful my own sweetest Treasure, my shining One! Just received yr. precious letter for wh. endless thanks Sweetheart — such a joyful surprise. And all you saw — so good. Yes, get quickly rid of *Bontch-Bruievitch* only dont give him a division if he is so hated. And what about *Ivanov?* Try and take a glass of quite cold water after yr. breakfast it may help yr. tommy working.

No. 207.

Tsarskoje Selo, Feb. 4-th 1916

Beloved One,

With all my heart I congratulate you that Erzerum has fallen. Splendid fighting it must have been, & how quick it went. Such a comfort — & to the others a good moral crush. May it only remain in our hands now. —

Now a perfectly private question of my own — as one reads always that the germans continue sending & artillery & troops to Bulgaria, if, when we advance at last, they come from behind through Roumania — who covers the back of our army? Or does the guard get sent down to the left of Keller & to protect towards Odessa? These are my own thoughts, because the enemy always finds our weak points — they prepare everywhere & for all emergencies always & we very superficially as a rule, therefore lost in the Carpathians etc. as had not sufficiantly fortified our positions. Now, if they force their

way through Roumania upon our left flank — what has remained to protect our frontier. Excuse my bothering you — but involuntarily all such thoughts come. — What are our plans now that Erzerum has been taken, how far off from us are the English troops? Wonder whether Aleks antigas is of any good. — Thanks deeply for having saved that poor fellow's life — out at the front he can prove his thanks — poor civilian tho' he is. — 4 »*Plastuni*« officers have been brought to our hospital & some to the big palace. I have not been to our wounded since Dec. 23 & ages not to the big palace. I miss them all so much, & the work I love.

Baby's right arm is swollen, but does not hurt, so its difficult for him to write. —

Got to sleep late, but then the night was alright — face less swollen, but not yet normal & feels still stiff. —

Fedorov is getting on well, tho' temp. not quite normal — in a few days he hopes to leave the house. Mme Zizi feels still weak. —

Here is a fat letter of love for you fr. the cow!!

2⁰ of frost, gently snowing. To-day its a week we parted, my Sunshine, & to me it seems such ages already. My life has been very monotonous & dreary this week — & still the days flew & the nights dragged. —

O., Love, I do so terribly miss you — the light seems gone out of everything when you are not here. Oh, my Own, my one & all, I long to clasp you to my heart, I am sad and weary & want yr. caresses.

Goodbye Lovebird, m y o w n & not hers, as she dares to call you, God bless you little One and keep you from all harm, guide you to success & ultimate glorious, yearned for peace. Girly covers you with kisses, Huzy Sweet.

Ever yr. very own old Wify.

Whom have you named instead of *Pleve?* What is longnosed Ferdinand doing in Vienna?

Now I must dress for luncheon, have invited Ania as she found she scarcely saw me yesterday, as had masses of people. —

No. 208.

Tsarskoje Selo, Feb. 5-th 1916

My own Sweetheart,

Zero this morning, windy, — snowing hard. Thank God Baby's night was on the whole good — woke up several times, but not for long and did no complain. His both arms are bandaged and the right ached rather yesterday — but our Friend says it will pass in two days. The last nights his sleep was restless, tho' painless and he did not complain about his arm, tho' could not bend it. Probably hurt himself holding on to the cord of the sledge when several are tied together. But *Derevenko* says he is quite cheery, so don't worry, Lovebird. We dined upstairs, so as that he should be in bed and move less. The quieter he keeps, the better. — Olga and Tatania go to town for T's committee. —

I got to sleep after 4 — scarcely swollen, but felt it still and the head whole time strange and jaw too — more like a chill in the head, without a cold and difficult to open the mouth again in the jaw. — Heart aches all these days and don't feel nice — do hope that Alexei and I shall be decent for your return. —

It may interest you to know, that the sums my *store* and chancelry received since June 21. 1914 — Jan. 31. 1916 — 6. 675. 136 80. Given out 5. 862. 151 46. — Remains 812.985 34. Immense sums of it goes to my Moscow, *Kharkov, Vinnitsa, Tiflis stores,* to my 6 *supply* trains, sanitary trains etc., regiments etc. But the big *stores* collect sums and things too. *Supreme Council* gave me big sums — then yours all along you get and from English flag days. —

Why have our troops again evacuated Galicia? It seems to me so from *Rebinder's* account as so many officers of the reg., wh. have gone back fr. *Galicia,* come to *Kharkov* to my *store* and ask for linnen and »*individual parcels*«. I cannot understand, what happened down there or they are being more concentrated together and these are the troops ready to defend one rear to the south? —

Ania makes her excuses for bad writing yesterday, but was in an awful hurry — and she forgot to tell you that she had a dear card of congratulations fr. Olga. — She lunched with us yesterday and stayed till 5 — read aloud and even played cards with me. — Shall go up to Baby in the afternoon — remain lying till luncheon, as feel still rotten. — Eagerly awaiting yr. letter yr. telegram announced. — Do hope you are really coming and wont put off this joy of a few days happiness. —

Are you quite content with Alexeiev, energetic enough? How is Ruzsky? Some here say that he is quite well again, but I dont know whether its true or not, wish it were, as Germans fear him. —

Fancy only, I saw Miss Eady yesterday, Dona and Loos nurse. — She had to leave Darmstadt to *Ernie's* and Onor's deep sorrow, last Nov., the ministers found it necessary she shld. leave — they all were wretched. Poor woman cld. get no situation in England, as she had been at Darmstadt — even in England they are quite unnormal — so she came over here, as must earn her living, keep up her old mother (4 brothers and many nephews at the war). She is at the Osten-Sackens *(Voloshev)* here and the change fr. Darmstadt is very great. I told her to come often to Madelaine and us, so as to feel less lonely. — She told Madelaine how sad many were, Ludwig had to leave and that they greatly venerate him and go after his plans. The first ideas of his at the outset of the war, they did not follow, and now have seen how wrong they were and deeply regret it. It was so nice seeing her — reminded me of old home and all and of Friedberg and Livadia especially. She hears from them sometimes. But in Engl. one got angry with her because she wld. not speak against the Germans but she had only received greatest kindness in Germany.

This war seems to have acted on all the brains. — Just read in the »*Novoye Vremya*« the *heroic deed* of the *senior under-officer* of Baby's Siberian reg., his portrait is there too — yes, we have many a hero in the army and

were but our Generals as perfect, we might do marvels! — I see Misha has not yet left, do get him to the army, I assure you its better he should be in his place there, than here with her bad set. —

Sweetest of Sweets, just this minute, 12 o'clock, your precious letter was brought to me and I thank you for it with all my tenderly loving heart. Oh Lovy, what joy to have you even for two days. — God bless all yr. undertakings, yr. appearance will do wonders I feel sure, and God will inspire you, with the right words — and to see you — is already immense — you yourself do not half realise the power of yr. personality wh. touches every heart, the worst even.

I am glad you will have the council of war, to thoroughly go into all questions — you wld. not have sent for *Ruzsky* for that day, as he commanded nearly the whole time and is such a capable man, and tho' often disagrees with *Alexeiev,* it wld. just be advisable to have one who perhaps sees things differently and then you can choose the right way easier — and as God grant you can have *Ruzsky* back when he is well again, he ought to know and share all the plans, I shld. say.. —

How splendid what you write about Erzerum; — marvelous troops indeed! —

Yes, I too admire those men who go on working at these vile gases and risking their lives. Oh, to think that humanity should have stopped so low. They find it splendid technics — but the »Soul« where is it in all this? One can cry aloud at the misery and inhumanity this ghastly war has provoked. —

You will get this letter somewhere on the way. I wonder at what hour you arrive on the 8-th? This letter, no doubt, is then the before last.

Goodbye, my Own — I bless and kiss you with unending love and tenderness, and remain, sweet Nicky yr. very own old wife

Alix.

No. 209.

Tsarskoje Selo, Feb. 6-th 1916

My Treasure,

The men are cleaning the roof, making a great noise as they clear the snow away — 2° of frost. —

Baby woke up several times, but did not have pain, so I hope will be quite alright for yr. return.

Oh how lovely it will be to see you again, my Sweetheart, I do miss you so terribly! They will be tiring, those 2 days here.

Xenia writes that *Sandro* arrives on Wednesday for a few days — I am so glad for her. She walks a tiny bit in her garden & Motherdear goes to her daily. —

What did you do about poor Dellingshausen? —

I read yr. telegram & answer to the Moscou nobility & to the widow of the former governor of Erzerum — strange feelings for her, who saw the last fall of the fortress 38 years ago. —

Have nothing interesting to tell you, my Sunshine. —

I am glad you took a good walk at last, it is sure to have done you good — as going round & round in the little garden must have been distracting. — *The Karangozov* wrote to Ania that in Odessa the weather was lovely, 12 in the shade, the ladies walk in light dresses — from there he went to Kiev — into snow.

His regiment got only leave to the south, not to *Tsarskoje Selo* so his mother & sister arranged to meet him at Odessa. —

I wonder when & where you see the first Siberian corps. — Goodbye Lovebird, God bless yr. journey & bring you safely to us.

I cover you with tender kisses & remain yr. fondly loving old

Wify.

All the children kiss you warmly.

No. 210.

Tsarskoje Selo, Feb. 10-th 1916

My own precious Sweetheart,

It has been such a gift this flying visit of yours, beloved one — & tho' we saw little of each other — yet I felt you were here. And your tender caresses have warmed me up again. — I can imagine the deep impression your presence at the *Duma & Council of the Empire* must have made on everybody — God grant that it will be a stimulant & make all work hard & in unity for the blessing & grandeur of our beloved country. — To see you, means so much! — You just found the right words. —

We, Ania & I, had gone through very trying days because of this story against our Friend — & no man near to advise — but she was brave & good about it all — even stood a hideously rude talk with *Vojeikov* on Monday. I really feel rather anxious about her now — as she saw through an ugly story one was trying to drag in *Khvostov* with — the jews — & just to make a mess before the *Duma,* so tendencious all. —

Seeing you — has given one again courage & strength as humanity is so low especially around us & the »*rear*« minds are ill still. — All my prayers & thoughts will surround you to-morrow — a great thing you are doing & such a wise one — & all the chiefs can speak out their thoughts honestly & give you a clear picture of everything — God bless their work under yr. guidance. Sleep well, my Treasure — I shall miss you again most awfully — you brought such sunshine to me & I shall live in remembrance of yr. sweet presence. Soon again, lets hope, I shall have you home again. — God bless & protect you, my own Lovy dear, my husband, my Own — a thousand tender kisses fr. yr. very own little

Wify.

No. 211.

Tsarskoje Selo, Feb. 11-th 1916

My very own precious One,

Bright & sunny, 12° of frost. All my tenderest thoughts are with you, beloved Sweetheart, & I hope, the great military council will go off well & according to yr. wishes. — I can imagine how refreshed you will feel to be amongst military people, as these days here have not been of the pleasantest & you must have been delighted to get away again. You generally have some painful impressions here — Tuesday brought splendid good — & then that wretched story about our Friend. She will try her best with him — tho' in his present humour he screams at her & is so awfully nervous. But its sunny wheater & so, I hope, he will have changed again into what he always was. He is frightened to leave, says one will kill him — well, we shall see how God turns all! —

All this gave you pain & worry & you could not get any joy out of yr. visit, beloved Sunshine — but you warmed up old Sunny & she feels your last kiss still upon her lips! Yr. visit was like a dream — so empty now again! — I have nothing to tell you yet to-day.

Yesterday evening we worked, laid patiences & Tatiana or Anastasia read aloud — but my thoughts were with you & not in the book. —

Precious Sweetheart, I must get up now as Prince Golitzin comes at 12½ with his *report* about our prisoners, & after luncheon *Viltchkovsky.*

Goodbye & God bless you my own Love.

I cover you with kisses & remain, Ever yr. very own

Wify.

No. 212.

Tsarskoje Selo, Feb. 12-th 1916

My own Sweetheart,

A bright, sunny morning, 7 degrees of frost, last night 12. I wonder how the generals all spoke — nice they met you. So refreshing such talks, however serious & difficult they may be. But I hope that they are contented on the whole with the amunition, or is there still a great scarcity of rifles?

I had a nice long letter from Victoria, she is now in London — Ludwig & Louise are going north to see Georgie & she will go later. They have been having great gales & very cold weather & when the New Zealand was out cruising last month, the sea washed right over her & one wave came into Georgie' turret through the gun openings & washed one of his men down a liftshaft & Georgie had to crawl in after him & found him wedged in at the bottom halfdrowned & with his legs broken.

Some of the sailors have been allowed to go & see the fighting in France & a ship's corporal of the N. Z., who was of the lot, was in a trench, when a German mine exploded under it & killed the men of the machinegun — whereupon the bluejackets promptly manned it under their corporal

& did such good work, that he has been decorated & the ship is very proud of him. — Dickie & the cadets of his term are not to go straight to sea after easter, but to the engineering college at Kegham (Plymouth) first. The best 26 or 30 of them will go to sea in June, & as his place in the term is about 15-th always, he hopes to be one of the lot. Of course he is disappointed at the delay, but I feel selfishly grateful for it. —

Alice writes that the english are liked at Salonica, the officers are courteous, the men well behaved; with the french, I am sorry to say, she says it is the other way round, & in one small town they have behaved as horribly to the women, as the Germans in Belgium, whilst the officers at Salonica, from the general downwards, are insolent & rude even to Andrea. —

Louise is enjoying her holiday at home, she will probably go back to Nevers at the end of this month. —

Sandro is at the *Headquarters?*

Little Marie lunches with us to-day & before & after I have receive.

Precious Treasure, Goodbye & Good bless you, many a tender, longing kiss fr. yr. deeply loving old wife Alix.

No. 213.

Tsarskoje Selo, Feb. 13-th 1916

My own Sweetheart,

2^0 of frost & gently snowing. I happily sleep well now, wh. is a rare treat — also cough a little like Baby. — Saw *Nekliudov* yesterday — he speaks alright, only from time to time becomes an affected diplomate, wh. is distractingly aggravating. Then I saw Dr. Brunner who gave me an account of how the German & Austrian are kept in Siberia — satisfactorily!

Then a Psse Françoise Woroniecka (born Krassinsky) who organised many hospitals at Varsovie & got the medal there. Her husband & 2 sons remained at Varsovie & she rarely has any news of them.

She seems most energetic, tho' looks rosy, plump & comfortable in highest narrowest heals & funny little cap to her sister's dress. —

To-day I have Pss. Gedroitz — probably to grumble. —

Lili Den & husband came for an hour & evening tea — she is a real dear & so amusing always — but his foolish laugh rather trying. — Is he going to receive the »*Variag*«?

I am so glad that you are contented with the result of the military council — it is a beautiful thing that you called them all & gave them the chance to speak together in your presence. — Little Marie lunched with us, looks quite well, only covered in pimples — she says Dmitri arrives to-morrow — pitty, as he will get into a bad set again & ways.

How I wish somebody wld. speak to him seriously — I know *N. P.* did many a time & kept him several times fr. evening escapades — the boy behaves according to the person whom he for the moment cares for. —

The oftener I think about Boris, the more I realise what an awful set his wife wld. be dragged into. His & Miechen's friends, rich french people, russian bankers, »the society«, Olga Orlov & the *Bielos.* & all such types — intrigues without end — fast manners & conversations & Ducky not a suitable sister in-law at all — & then Boris' mad past. Miechen gave into H. Wladimir's ways so as to share all together, but she found pleasure in that life — with her nature that was easy. — Well, why do I write about this, when you know it as well as I do. So give over a well used half worn out, blase young man, to a pure, fresh young girl 18 years his junior & to live in a house in wh. many a woman has »shared« his life. Only a »woman« who knows the world & can judge & choose with eyes open, ought to be his wife & she wld. know how to hold him & make a good husband of him. But an inexperienced young girl would suffer terribly, to have her husband 4,5-th hand or more — a woman could put up with this of course easier if she loved. —

Therefore Dmitri ought to be held light in hand by you too & explained what married life means.

Now I must end. — Goodbye my Angel, my Lovebird. Holy Angels guard you — God bless you. Endlessly tender, yearning kisses fr. yr. very loving old

Wify.

In the *Duma* one makes horrid speeches — but they fall flat, nobody picks them up. *Purishkevitch* made an awful one — why to be so mad always. But you brought great good there, as the speeches have **no** effect.

No. 214.

Tsarskoje Selo, Feb. 14-th 1916

My very Own,

Your sweet letter made me intensely happy & I read it over many a time & tenderly kissed each page wh. yr. dear hand had touched. I am a foolish old woman, yes? But a deeply loving one who sorely misses her Sweetheart.

Poor Pleve, fancy his having become such a wretched little being — before the war he was already pityful to behold.

I am glad that they all spoke themselves well out & even squabbled — its the very best thing & clears up all misunderstandings & pictures the caracters far better. —

The big girls go to a concert in our hospital, & the 3 youngest to Ania's *refuge* this afternoon for a concert & old *Davidov* wanted to come too, so as to see Baby. Her Parents will also be there, so as to cheer them up, after a vile letter her mother got fr. Mme *Rodzianko* full of vilest abuse of Ania. And *Nicolai Dmitrovitch D.* & *Irina Tolstoy, Vladimir Nikolaievitch* & Mr. Gibbs. I cannot go, am not famous, cough rather & 37.3 this morning — to catch things without going out is really too bad. — Greyish morning calm, $3\frac{1}{2}^0$ of frost. —

I receive then people.

Poor Isa is very depressed as one wrote nasty things about her Father in the papers — my ex Stern they also accuse of being a spy — & altogether I find people somewhat unbalanced, to say it gently. — Mme Zizi is still not yet fit to come out here. —

I got the french book alright — when you finish the English one, I can send another. Such innocent lecture is a rest to the tired brain & gives one other thoughts. —

I hope you will get some good walks again.

Have you arranged about yr. aide-de-camp doing two weeks service at the Headquarters? Now whilst things are calmer you could get commanders of regiments even, tho' there are scarcely any more. But it would be a great gain to you, they could tell you many truths wh. the generals even don't know, & I am sure be of help to you .

And all will try their best & work harder, if they know that one of their officers will be at the *Headquarters* & have to answer frankly to all yr. questions. They notice more things than others do — & then it is a constant living link with the army. —

Alexei got a wire fr. *Eristov* fr. yr. lancers. —

Now, my Sweetheart, I must end my letter.

God Almighty bless & protect you. I cover my Huzy love with fond kisses.

Ever yr. old

Sunny.

The Children kiss you very tenderly.

No. 215.

Tsarskoje Selo, Feb. 15-th 1916

My very own Beloved,

Ever such tender thanks for yr. sweet letter, I received yesterday. You have indeed had busy days & I am glad you at last got a good walk yesterday to freshen you up. —

Fancy only, Esi lunches with us to-day! I have not seen him since he left for the war, & he asked to present himself as G. a. d. c., so I thought better to invite him to luncheon. It will be rather stiff work making him talk, & without you to help me. —

A glorious sunny morning, 8° of frost. A. begs me to go out every day, but I know it wld. be folly with my cough. Did not sleep very well as it disturbed me. Sometimes don't cough for long & then it goes off again, just like Baby. Marie has a cold. — To-day they all go to the big palace to see small theatricals for the wounded — »*Krivoye Zerkalo*«.

Old *Goremykin* was with me yesterday. I gave him all the news I have of you, & was happy to hear of yr. military Council. His wife had just been taking leave of her »hospital« when she got an access at the heart from emotion, & they had to leave her the night there — poor old people, I am

so sorry for them. He looks alright, but the first days he had suddenly no work to do, he was in a constant half sleep — after the great strain of these heavy months.

When he says goodbye, it always seems to me that he thinks it may be the last time that he sees one — at least the kind old eyes have that look. The French are having a hard time round Verdun, God grant them luck, how one longs for them & the English at last to advance. —

What was Fillimore's impression of *Archangelsk?* Does he now realise our difficult position there & does he find one is working hard? A foreign critical eye can always be of use. — *Zuiev* comes to-day, as he leaves on Wednesday for England — France. — Emma Fr. was at *Sashka's* marriage, says the bride's profile is pretty, en face the nose too aquashed, fine eyes, very black hair — not tall & plump. —

Irina (Drina) came to me in despair that *O. Lamkert* has been told to leave after all these years. The money affairs he put into splendid order, after having received his place wh. was deeply indebted. *Sturmer* comes with his own candidate *(Gurlin* I think or *Gurland),* who has already much work to do, so wont be able even personally to lead this. If I see *Shakhovskoy (?)* whom I expect to ask to be received because of the *supreme Council,* I shall ask him about it. —

I am glad you like my nicely scented letters — I want them to remind you of your old girly who longs for you so much, so much! —

In thoughts I tenderly press you to my heart, hold you tightly in my embrace & cover your sweet face with loving kisses & caresses. —

Now goodbye my Lovebird. Ever so many blessings & kisses fr. yr. own old

Alix.

Been reading through some of my letters to Sonia & tearing them up — quite like diaries & bring back the past so vividly.

To-morrow would have been her birthday.

No. 216.

Feb. 16-th 1916

My own Sweetheart,

A bright, sunny morning again, there were 6° of frost. I dont venture on to the balkony yet, because of my cough. — At 12½ I have Witte with his *report,* then after luncheon still people & at 6 — *Sturmer.* To-day would have been Sonia's birthday — so sad, I have not once been to her grave. —

Yesterday evening we had *A. P. Sablin,* he was not in the least bit shy & quite natural. He returns to-morrow again to the terrible mud of *Proskurovo* — he talked away cheerily. — Olga made nonsence, sitting on a tiny table, until she happily smashed it. Its so funny, he has some of his brother's movements; a refreshing change to see him, as one dries up in sorrows & worries. —

I am eagerly awaiting yr. letter, wh. you wired about — does it bring news of your return, that would indeed be lovely; me wants Sweetheart badly. —

Mme Zizi is still not famous, went out in town in a close carriage, & felt worse after.

I must stop a little, my eyes ache, as I have written a long letter to Victoria for *Zuiev* to take to-morrow. —

Excuse my dull letters, Lovy, but life is very monotonous & I myself am not of the gayest — & what I hear is nothing to cheer one up. —

It will be interesting to hear fr. you, your opinion upon the Generals & what was spoken of & settled. I long to hear about military things, of wh. I of course cannot, except from you. — Just got yr. sweetest letter, a big kiss for it. So this is my last. Oh what joy! Thursday home again, this is indeed splendid news — to-morrow just a week you left us. How good to have you back, & the Children are free the last 3 days so will be wild of joy you are home & I hope Baby can go out by then again. Wish you heartily a good journey. God bless & protect you. Cover you with kisses,

Ever yr. own old

Wify.

No. 217.

Tsarskoje Selo, March 2-d 1916

My own Sweetheart,

I cannot tell you what joy it has been to have you here, tho' to you it brought again worry without end and was tiring. Its hard you cant come home to feel quiet, but on the contrary — therefore I have even to be glad for you when you leave. Such a blessing we could go to Holy Communion together. — These last days my horrid pains cretinised me, so that I was good for nothing — and many a question before parting I should have liked to touch, and could not remember them. —

Am so wretched that we, through *Gregory* recommended *Khvostov* to you — it leaves me not peace — you were against it and I let myself be imposed upon by them, tho' fr. the very first told Ania that I like his great energy but that too selflove and something not pleasing to me; and the devil got hold of him, one cannot call it otherwise. I wld. not write to you about it last time not to bother you — but we passed through trying times, and therefore wld. have been calmer if, now that you go, something could be settled. As long as *Khvostov* is in power and has money and police in hands — I honestly am not quiet for *Gregory* and Ania.

Dear me, how weary one is! Your beloved presence and tender caresses soothe me and I dread your departure. Do remember to keep our Friend's Image near you as a blessing for the coming »move forwards« — oh how I wish we were always together, to share all, see all! Such an anxious time is ahead! And when we shall meet again — is a vague thing. All my

prayers will incessantly follow you, sweetest love. God bless you and yr. work and every undertaking and crown it with success.

The good will come and you are patient and will be blessed, I feel so sure, only much to be gone through still. When I know what the »losses« of lives mean to yr. heart — I can imagine Ernie's suffering now. Oh this hideously bloody war! —

Excuse bad writing, but head and eyes ache and heart feels weak after all this pain. —

Oh Lovy mine, beloved, precious Sunshine — its so depressing when you go — you are yet far more lonely, so I ought not to complain — but to feel yr. sweet being near me is such a consolation and calm. —

Goodbye Sweetheart, love of my soul — God Almighty bless and protect you and keep you fr. all harm, guard and guide you on all yr. ways and bless all yr. undertakings.

May He help you find a good successor to *Khvostov* too, so that you should have one worry less. —

Farewell Sunshine. I hold you tightly clasped in my arms and cover you with tender kisses. Beloved, and remain yr. very own girly,

Wify.

Am glad *S. Petr.* is with you — prefer him to all the rest who accompany you and good *Mordvinov* too. *N. P.* also became good friends with *Feodorov* just because he is so devoted to you — *Voyeikov* is selfsure and gets blown about by the wind sometimes, is better for him personally.

Thank you over and over again for all yr. love, wh. is my life.

No. 218.

Tsarskoje Selo, March 3-d. 1916

My very own Sweetheart,

Oh its lonely without you and I miss you awfully. So sad to wake up and find an empty place beside me. Thanks tenderly for yr. evenings telegram. Such sorrow without you, every moment one expects you to be looking in. — I slept well, the effect of the medicine still acts, — and I feel my heart not nice in consequence. *Vladimir Nikolaievitch* continues electrifying the face. The pains only come from time to time, but I feel rather gidy and nasty and have to eat carefully, not to bring on the pains in my jaw. — Olga and Anastasia have Becker. — Ania coughs worse, so remains home and will only come in the afternoon, wh. is much wiser. —

Here is a petition fr. the *Athos* monks living at Moscou. I send it you, hoping you will forward it to *Volzhin* with a strong resolution upon it, that you insist (once more) that all are to be allowed to take Holy Communion and that the priest may personally serve. *Volzhin* is somewhat a coward, so you personally write your order, not a wish, upon the petition. Its shameful to get on as one does with them. You remember *Metropolitan Makari* allowed it them and you too, — and the *Synod* of course protested. —

N. P. just telephoned to Ania that he arrived this morning and leaves again this evening, — so will come to us this afternoon; is in despair you have left, as come for affairs with the 6 officers for the »*Variag*«. Seems in a wretched state, that had to give up good officers and 400 men, — things all must better be finished off, that cannot continue command the battalion with again less officers and men. He goes to talk to Kiryll. I shall have a good talk with him, as I think all can be managed, tho' I understand its more than depressing when you have well organised a thing, to have to break it up again. I personally find they ought to talk to *Grigorovitch* and both go straight off to you and explain matters and ask yr. wishes. I shall do my best to quieten him. I felt it wld. be so, when you told me of it a few weeks ago. Already then they lacked officers and how they have to give up their best, — but as they are in the reserve they wld. have time to get and prepare men fr. here, only where to get the officers from. A sort of bad luck and preventing them going with the guard. —

I shall tell you all to-morrow after have seen him. —

The Children are alright. *Sturmer* has asked to see me on Saturday, — he asked through Ania and told her that all is now in his hands, — nothing is of course as yet in the papers. —

How are you getting on with the book, is it not exciting, — it was so sad and dull without your reading yesterday. —

I see your beloved, sad eyes still before me, when you left, — its an awful wrench each time. O Lovy, thanks again and again for all yr. tender caresses wh. warmed me up and were s u c h a consolation.

The heart is so heavy and sad and when phisically run down, one gets yet more depressed. I try not to show it to others. —

Very mild to-day again.

Sweetheart, I must say Goodbye now and God bless you. I cover you with tender kisses and remain your fondly loving, endlessly devoted, own old

Sunny.

Ania is sad she never had an occasion to see you alone, — personally I think she gets calmer and more normal, less aggressive when she has less chance, — because the more one has, the more one wants, — if you need talks, then of course its another thing. But she gets over those things much better now, — you have trained her and in consequence her temper is calmer and we have no stories. She was killing about telephones and visits and stories about our Friend, flinging her stick about the room and laughing — Oh h o w I long for you!!!

No. 219.

Tsarkoje Selo, March 4-th 1916

My very own Sweetheart,

I can imagine how lonely you must feel again at *Moghilev,* poor Sweetums, — wify too misses you t e r r i b l y. — I am glad you also found mild

weather there. Is the book not palpitatingly interesting; when you return again you must finish reading it aloud. —

Well, *N. P.* came in the evening. They had a long & serious talk & now go to you to ask for the decision. Over 400 men have been taken — the lists sent fr. here, so that the best men who are accustomed to the *Machine-guns* are taken, — to form new ones takes a long time. But with the men things could be arranged, if it were not, that in a month one will again take 400 away for the «*Svetlana*«, then the work is bitterly hard — to form all well & then have it picked all to pieces. You gave the order 6 officers were to be given to the battalion — they never were, & 6 have instead now been taken, so that now Babys *midshipmen* command the *companies* — they know nothing & the sailors of many years service know better than them & can find fault & judge all their actions. *Voronov* is to replace *Popov* here — *Koshevnikov, senior officer* »*Variag*« — *Kublitzky, Taube, Lukin.* I forget the other two. Like that the battalion cannot remain, as it will not be what it was, & not what you could expect it to be. So you will have to decide (don't ask the ramoli Admiral's advice as he councils badly) — better now give away the men already for the »*Svetlana*« & then have two small battalions, wh. anybody can command & wh. won't have much significance. Its a sad thing after puting one's soul into a work to have it picked to pieces. *N. P.* of course brought the officers, & men all as ordered. The men of course are enchanted to go, a comfortable ship, no marching & much better pay. For them its harder serving now in the army with smaller rations after what they were accustomed to for years — in the army most men are new & young. Therefore they need also older officers to keep them in hand & explain things. — I only tell you this as I see how terribly it has worried *N. P.* He is quiet & sad & awaits yr. decision when they come & what will become of him too.

I asked about *Lialin.* Kirill is also in despair the Admiral recommended him. When *Miassojed.-Ivanov* wrote & asked *Lialin* to join the battalion, as they needed him, he declined as got more pay & prefered the ship in the black sea or living without work in town. They were horrified with him. And he, who was in no war before, now did nothing, received such a splendid nomination. *N. P.* you remember one said was too young to receive the Standart, tho' had been in the war & had commanded the »*Oleg*« during some time & was yr. aide-de-camp — *Saltanov* or *Den* were far more worthy of it. Now she does not go to sea. Kirill & all hoped *Schir. Schachmatov* wld. be named as such an excellent man, but the Admiral hates him. Alas, more than ever one feels the admiral takes no interest in the *crew* how much he could have helped, — & he does the contrary & presents the things to you as he chooses. I wish you had another in his place; and he dislikes *Grigorovitch* as much as *Kedrov* hates him too. Very interesting all he told about where they stand — they followed the »*Preobrozhentsi*«. — he left Wednesday evening & arrived Thursday morning here. — I felt all this would come when you told me about the »*Variag*«. — He returns this evening to *Rezhitsa* & probably fr. there to you & meets K. Tuesday.

Css. Kleinmichel who married the Dr. came to Ania looking young & handsome. I am really anxious about Ania; once a man was capable to try & buy others to kill our Fr. he is capable of revenging himself upon her. She had an awful row by telephone with *Gregory* for not having gone to-day, — but I entreated her not to — besides she has a terrible cough & Mme B. Then the woman came & made a scene to her for not going to town & he sort of predicts something is going to happen to her wh. certainly makes her yet more nervous.

This war has made everthing topsy turvy & turned all minds. — I saw by the papers you have said *Sukhomlinov* is to be judged, — thats right, — have his aiguillettes been taken fr. him. One says there will come out bad things against him, — that he took bribes, — thats her for sure, — its so sad. Dear me, what bad luck one has, no »gentlemen«, thats what it is — no decent bringing up & inner development & princips wh. one can rely upon. — One gets so bitterly disappointed in Russian people, — they are so far behind still we know such masses & yet when one has to choose a minister, — none is capable to hold such a post. — Remember about *Polivanov*.

Have you talked with *Feodorov*, wld. be interesting for you — he is so devoted & he has nothing to gain, has received all & can have no higher position to aim after. —

A mild day again. — Have been reading through heap of papers from *Rostovtzev* & feel cretinised. My head & eyes became weaker since these pains, the jaw is so heavy & pains still continue, tho' at times almost pass, — but it makes me feel good for nothing.

How does Po (Pau) look upon the state of affairs in France?

Oh, my precious One, all my thoughts are with you & tenderest prayers. Lonely without sweet Huzy dear's caresses. — I hope you can take good walks. *N. P.* enjoyed riding a good deal. They stand in the different villages all about, he is lodged in a splendid house of a millionaire — friend of M. *Ivanov* — beautiful rooms, hothouse, garden, stables, carriages — watched fishing with the nets under the ice. —

I said goodbye to a young wounded officer who returns to his regiment. Now I have no more news to give you. I wrote out our conversation for you to have an idea in yr. head when they come to you next week for yr. decision — one thing well done better than many bits unsatisfactorily — well, they will tell you all their ideas & you will know what is best. —

Goodbye my Sweet One, God bless & protect & help you in all your decisions & undertakings.

Fondest, tenderest kisses fr. yr. very own old

Bow to *Feodorov* & *Mordvinov* if you have an occasion.

Wify.

Mr. Dodd's book is an example of how history is made?

No. 220.

Tsarskoje-Sello, March 5-th 1916

My Sweetheart,

Very tenderly do I press you to my loving old heart wh. is ever full of deepest love and yearning. Thats good you took a nice walk, it will make you feel much fresher, and the time will pass quicker. Are you reading now the french book »La Dame au parfum«? I had a collection of English ones brought me to-day, but I fear there is nothing very interesting amongst them. No great authors already since a long time & in no other country either, nor celebrated artist, or composer — a strange lack.

One lives too quickly, impressions follow in rapid succession — machinery & money rule the world & crush all art; & those who think themselves gifted, have ill minds. —

I do wonder what will be after this great war is over! Will there be a reawakening & new birth in all — shall once more ideals exist, will people become more pure & poetic, or will they continue being dry materialists? So many things one longs to know. But such terrible misery as the whole world has suffered must clean hearts & minds & purify the stagnant brain & sleeping souls; — oh, only to guide all wisely into the right & fruitfull channel.

Our Friend came to Ania yesterday, he finds it a good thing that the *Putilov Plant* has been taken by the warministry & doubts that there will be any more troubles — others set the workmen on to strike. He thinks you will return here still before our attacks begin, as there is still such deep snow. When *N. P.* left beginning of Jan. he said that he would be back in less than three months, & so it turned out too. —

Lovy, have an eye on *Nilov.* Nini finds his influence upon her husband not good — says they are inseparable & that he sets *Voyeikov* up against Ania. I know the little Admiral gets himself under bad influences. — I had a vile anon. letter yesterday — happily only read the 4 first lines & at once tore it up. Fancy *Andronnikov* & *Khvostov* used to occupy themselves writing anon. letters sometimes. — our Friend got one a month ago & is convinced *Andronnikov* wrote it. What a vile thing it is — Ania continues getting them & with black crosses on them & telling her what dates she must fear, — so cowardly!

Its again mild & grey. I receive *Mekk* & *Apraxin* as they are off to inspect my *supply trains. G. M. Gurko* of the 5-th Army wired fr. *Dvinsk* thanking me for my *supply train,* wh. stands there & is such a help to the regiments, — its a comfort to know that small organisation of Mekks works so well. — I had to name *Apraxin* now my *chief manager* of the 5 trains, — over Mekk as people were so unkind & jealous of the young man (in Moscou). I tell you all this in case you hear of him travelling about. —

Eagerly I am awaiting your promised letter to-day — beloved Huzy mine, sweet Treasure! Already a week to-day that we went to Holy Communion — how the time flies. — *Molostvov* comes to present himself — he has one of my waggons (Mme *Sukhomlinov's),* wh. takes linen & presents to the front & brings back wounded or sick. —

Such a bore I have nothing interesting or amusing to tell you, — »me wants oo«. Are you going to find some work for Igor to do, as Mavra hoped you would use him so that he should not dawdle about, — & to keep him from drinking — he got into a rather too wild life, it seems, when he lived in town. Its sad she has so many worries with her children, — one sees the father never occupied himself with them & Mitia was not the man to bring them up & Mavra was not permitted to say a word, — hard lines on a mother. — Sweetheart, your precious letter has just been brought to me, & I thank you for it with all my heart. Such happiness to hear from you. That was nice you saw some of the »*Lithuanians*« passing.

So nearly all is ready for to advance, must just get the snow to melt a bit first.

I daily have my face electrified for 1/4 of an hour — the pains are rare, only such a stiff feeling in the jaw — am sure its gouty.

Now Beloved, I must end. Many a fond kiss & blessing fr. yr. very own old wife

Alix.

How is *Feodorov* feeling?

No. 221.

Tsarskoje-Selo, March 6-th 1916.

My own Sweetheart,

I reread your precious letter with such happiness & feel warmed up by it. — You say you felt so tired in the train — I am sure it was the result of 3 hours daily standing in Church the first week, & moral worries wh. pulled you down. Now being amongst military people, it will set you up again. — Dull, grey weather continues — 2^0 of frost this morning, Baby has just gone out before Church. He & some of his sisters go for an hour to A's hospital to see a conjurer in the afternoon.

The face continues improving. — The heart still a little enlarged, saw *Sirotinin* as he came to *Tsarskoje-Selo* for Ania. —

Well *Sturmer* sat with me nigh upon an hour. We talked about the strikes — he finds the fabrics ought to be militarised during the war, & that paper is a long time at the *Duma,* but does not get looked through as they are against it. He is rather adverse to Pr. *Tumanov's* wish of very strong measures & would prefer *Kuropatkin* naming some cleverer man in his place. — Of course that *food committee* makes his despair & they had a strong talk about sending representatives fr. the committee to London, as *Russin* brought the invitation. Judging by the example ob the behaviour of those delegates in America, its clear one cannot permit them to go as they act against the Government. *Polivanov* & *Grigorovitch* & *Ignatiev* (the liberal!) are for it — but *Grigorovitch* only because *Russin* brought the invitation.

Polivanov is his despair — and longs you would change him, but understands you cannot do so without having a good successor. He says his one aid is such a bad man & does such harm — have forgotten his name, a very

firm man but not good. *Polivanov* simply treacherous, the way he repeats at once all that is spoken over in secret at the Council of Ministers — its too hideous. — Spoke of the *responsible* government wh. all scream for, even good ones who do not realise we are not at all fit for it. (As our Friend says it wld. be the utter ruin of everything.) —

Then, how weak Obolensky is. (Fancy, his wife, born *Princess Mingrelskaya* went to *Gregory* to beg her husband shld. not be changed — think of that, Lili's sister-in-law!) *Volkonsky* he finds no good in his place, also disapproves of his running about behind the scenes at the *Duma.*

Well we went through all the ministers, & his aids.

God help him in his great task to serve you & his country well — makes him also sad that such a capable man as *Khvostov* should have gone so utterly wrong. —

It seems there was a horrible article in the »*Retch*« against Ania — how vile people are to drag a young woman in like that! —

I am glad you find the new governor a nice man — where was he before? — Oh you dear one to have written to me again, thanks ever so tenderly & with many a kiss.

I saw the nomination & changed came out this morning in the papers, — yesterday at 6 *Sturmer* did not know yet when he would get yr. paper back. — Yes, *Khvostov* told *Sturmer* he did not understand why he left, if on account of that story — the other did not answer anything particular. In any case he did not come up to what you expected of him, did not work properly, — was most promising at the beginning & then all changed. Now he does certainly not behave as a gentleman. He showed about Ania's letter to members of the *Duma,* in wh. she asks to see that one shld. make no *search* in *Gregory's* rooms a certain night »if its not again a chantage story«, she wrote. No harm in the letter, but ugly to give others to read — he was to return the letter to *Sturmer,* as the parents heard of it — but *Khvostov* did not, — now a friend of his said it was untrue, he was shocked one sh. say such a thing & that he had just n o w found the torn fragments in his basket!! (he got it m o r e than a week ago) & that he wld. glue them together & return them her tomorrow. Can only be a big lie this answer of the basket — hang that dirty story & I am glad you are put of it. — The Children have gone to the big palace to see the wounded.

Now I must end.

God bless you, Sweetheart. Many a tender kiss, precious One, fr. yr. deeply loving old wify

Alix.

No. 222.

Tsarskoje Selo, March 7-th 1916

My own Love,

Its gently snowing, grey, 2 of frost. Feel my heart still and face — not pain, but heavy, stiff. — I am going to see *Grigorovitch* today with

photos. of the naval Sanatorium at *Massandra* — I asked that he should bring them, as have not seen him for more than a year. Then I see Mme *Ridiger* (widow of a *Georgian* Reg. officer), who will look after my Sanatorium at Massandragates, below the naval one. Its a very big building and we can send wounded there in a week, I am so glad. We collected the money for it with bazars, then as there was not enough, you allowed the *estate* to finish building, as we had not enough money (later I hope we can by degrees pay it back). It was to be for usual sick who come to *Yalta* and have no place to live, below richer ones and at the top poor, tired out school-mistresses, dressmakers who can't pay much. Now of course it goes only for the military and I gave it over to the »*Zdravnitsa*« to keep up. — *Nikolai Dmitrovitch Dem.* comes to say goodbye. Then *Yakovlev* about Marie's train; one of our wounded returning to the army and Kaulbars. —

Always people to see. —

You have much to do and so could not write yesterday, poor Darling, but I hope you are contented with the way things are going and the preparations, wh. are being made for the great advance.

Had a letter fr. Irene, (in german) asking about some prisoner officers. Bobbie will be promoted officer in summer (he is Tatianas age, Toddie was yesterday 27, Louise will be the same already in July) — she says the boy has seen already many trying things — was he out on a ship, I do not know. She sends love to all. —

Then Daisy kindly wrote and asks for prayerbooks for our Priests in Germany for lent and easter services and she will forward them, so as that it should go quicker. —

I read a most exciting english book yesterday, wh. we must read aloud with you later on.

I end in haste.

Every blessing and kiss, Treasure, fr. yr. very own old

Sunny.

No. 223.

Tsarskoje Selo, March 8-th 1916

My Beloved,

Quite cold, 10 of frost, but in consequence lighter. I had the woman for the first time to masse round my heart, — gently stroking to make the muscles stronger (did not like it) and then she did my face because of the continual aching, and the back of my nape of the neck and shoulders wh. was agreable — felt tired after it all. — Sweet Lovy mine, I do s o miss you, no sun without you, tho' I have a Sunbeam in the house and bright girlies, but my Own, my one and all is ever missing and I yearn for yr. consoling, tender caresses! —

Yesterday evening, after they had dined at Anias, *Lili Den* and husband — *Kozhevnikov* and *Taube* spent from 9—11 with us. Sad saying goodbye to

them, — so far away, endless voyage they and we without news. Awful to be away from home at such a time. All our Friends spread away, all over the place. *Den* has managed to get 20 officers and is enchanted. He and *Lili* and the most of the officers leave to-day — the kitchen follows a few days later with the men. For *Lili* it will be awfully hard — she has already grown thinner and the eyes all the time swim in tears. — Oh this hideous war!! —

I had the American Harte for 2 hours yesterday — he is off to Germany now. He told several things wh. decidedly can be done here and I begged him to speak again with G. Rüdiger.

To-day I have *Viltchkovsky* with a long *report* and other people.

My Lovebird, to-morrow its a week you left us! How lonely you must feel. I am glad you will see *N. P.* to-morrow, it will remind you of the time when he lived with you at the *Headquarters*. Wonder what you will settle? —

A. just brought me in a big letter for you, so have to use a large envelope to stick it in. She is quite well and the cough has passed and walked even — strong health, recovers so quickly.

Georgi at *Pavlovsk* has got the mumps, poor boy! —

Yakovlev with Marie's train was ordered to Riga yesterday. Look here, do a clever thing and tell Kirill you strongly disapprove of Boris having that beast Plen. His reputation — vile, — kicked out of the navy, sent away by Kirill, received into Baby's »*Atamantzi*« — honour far too great to wear that uniform and covered with war decorations and high rank — for no military bravery and service — but some private dirty service. Speak to Kirill and *N. P.* about him, all are horrified, and *Petrograd* talks enough about it, — (also Miechen's ambition to get him nearest to the throne is well known.) Much dirt everywhere. — So sad the lowness of humanity — Sodom and Gomorrah verily, — many must still personally suffer through the war and only then will they be loitered and change. Its all very painful and one can have so little veneration or respect of anyone. —

Has *Kuropatkin* at last cleared out *Bontch-Bruievitch?* — if not, do have it done quiker. Be firmer and more authoritative, Sweetheart, show yr. fist when necessary — as old *Goremykin* said still the last time he came to me: »the Emp. must be firmer one needs to feel his power« and its true. Your angelic kindness, forgiveness and patience are known and one profits of it — show you alone are the master and have a strong will. —

Oh, my Angel love, I long to be near you, to hear yr. beloved voice and gaze into yr. lovely, deep eyes! God's holy Angels guard and protect you and bless your life and works and send success. Thousand tender kisses do I press upon yr. lips and press you fondly to my heart. —

Ever yr. very

Own.

Just got yr. sweetest letter for wh. fondest thanks. How good you saw those Engl. and nice *Yudenitch* gets a decoration from Georgi. Wonder for what occasion *Alexeiev* will be made General a. d. c.? — So one has probably

talked to *Piltz* already against our Friend, pity. — Glad you had a conversation with *Feodorov.* She will be happy with yr. kiss. — God bless you. Endless tender kisses. —

No. 224.

Tsarskoje Selo, March 9-th 1916

My Love,

15⁰ in the night, now 12⁰, snowing finely & one sees too, sun wishes to appear. Once again winter seems to have set in, but not for long. —

How strange it is what one reads in the Naval Minister's paper fr. foreign news, that every little success we have, they call theirs, really it would be interesting to print the announcements next to each other, to see the difference. I am sorry I did not heed the story of the Moewe & so missed what they did. —

I slept alright, only had rather strong pains in my face till I smeared it with a new mixture & wrapped my whole head in a thick shawl. —

Lili Den's boy comes to Ania for two days & 2 nights, I am so glad for the lovely child, & I shall get him to come to me too & the children can take him into the garden.

The big ones go to town for a committee, *donations* & tea at *Anitchkov.* Xenia again is feverish & does not go out — a wretched winter for her — she & Motherdear ought to go to *Kiev* for 2 weeks to get a change & have their rooms, wh. are full of microbes, throughly aired. —

I have people to see again & reports. Sturmer again too, don't know why. — He had a long talk with *Viltchkovsky* — one sent our »station« at *Luga,* two hospitals fr. *Rezhitza* & yet another comes, military ones, as of course the greater mass will come straight to us. There is much to do to prepare things before hand. — What a wind & snow! Now you will be having yr. talk with Kirill & *N. P.,* — always I try to live my life with you & wonder how you are getting on. I send you again fresh flowers, as yours have for sure already faded — a week that you left — I lie in the corner of my big room in the afternoon, as its lighter & we took tea there too. —

Sweetest of Treasure, heart of my heart, Goodbye & God bless & protect you. Endless tender kisses my Own, fr. yr. deeply

loving old wife

Sunny.

In case *N. P.* is still at the *Headquarters* when you get this, give him our love. —

No. 225.

Tsarskoje Selo, March 10-th 1916

My own Sweetheart,

Snowings, blowings of frost. Little Titi came to me yesterday afternoon for an hour — we looked at books together, took tea with us and played with

Alexei. Now he has begun speaking English quite nicely, a tall, clever boy for $7^1/_2$; writes alone to his mother in Russian. He spent the night at Anias and we hope he will come again on Saturday. Had *reports* and received. *Sturmer* came to speak about that story as things must be seriously cleared up and I had to give him over letters fr. Iliodor relating everything and he will have investigations made still as to the truth of what he wrote, — alas, it seems truthful. — Then he told me to warn you that *Nikolasha* wants to have Uncle *Krivoshein* as a help. During *Vorontzov's* time there was a *Nikolsky*. He has to represent *Nikolasha's* interests when necessary in the *Duma* and *Council of the Empire* and it wld. be impossible *Krivoshein* filling such a place. It would be the ruin of the Caucasus, he cleverer than anybody and unscrupulous now — friend to *Nikolasha* and fat *Orlov* and *Yanushkevitch* — would be awful. As it must come to you for yr. approval, I warn you. —

Its madness of *Nikolasha* to take a man you sent away and who did all the harm then. — *Sturmer* was much less shy and quite open this time — one sees what a real love and veneration he has for you. — Is worried about the *Convention* in Moscow wh. will be soon, is sending for the General fr. there to speak over matters, personaly I fear that *neurasthenic Shebeko* will be a useless rag there, if there should be any stories. Of course he also finds a General Governor must be there, without having any man in view. — He wishes I could show myself often in town and go about and to *Kazan* Church — but my stupid heart and now face prevent and I know it would be good. Motherdear neither can and Miechen is playing a popular part in town and going about a lot and to musical evenings and acting her part as charmeuse. The Benkendorfs are also in despair about this, the Css. told Ania. They came back quite sick after a few days spent in town.

Everyone horrified by *Khvostov*. — She took tea at Pauls (after ages again) — good humour. The boy goes about quite green as returns to the regiment to-day. The terrible, forced drinking in the Hussars made him ill and acted on his heart. They and the Garde à cheval continue drinking colossaly at the war, its loathsome and d e g r a d i n g before the soldiers who know that you prohibited it. — If you have an occasion, tell *Bezobrasov* to have an eye on the regiments and make them understand how hideously unmoral it is at such a time.

The Css. Benkendorf is shocked with Dmitris goings on in town during the war and finds one ought to insist upon him returning to the regiment — I fully agree, town and women are p o i s o n for him. —

Just read in the papers about our advancing — thank God its going quietly, steadily well — God grant this may change the rotten minds of the »rear«. —

To-day Css. Carlov comes to me, as she leaves for Tiflis for 3 months. as her daughter is expecting — then Mme *Nikitina* (ex Odessa) and a lady of my *store*. —

Tatiana is at an operation of one of our officers this morning. —

Poor old *Zaltza* died yesterday — a remembrance of our young married days here. Dear me, how much we have seen and lived through in these

21½ years of married life — but all is so distinct and clear in my memory — oh how lovely the times were, Sweetheart, Sunny's love ever increases, fuller, richer and deeper and she dreams of our youthful happy love in the bygone, how mad we were! — Precious one, I bless and kiss you without end and yearn for yr. tender, consoling caresses more than ever. —

One just brought me your beloved letter for wh. very tenderest thanks. So, my Angel also kisses my letters as I always do yours, every page and more than once. To-day it smells of cigarets. —

I see now why we advance, it being again winter here, I did not think it wld. be thawing yet there.

In the papers to-day the news is so good about our advance, 17 officers and 1000 men taken etc. oh, God bless our troops, I am sure he will and its good we waste no time, before they profit attacking us. All are so happy and full of it here.

I am glad the cinema was amusing as well as interesting. Did Kiryll and *N. P.* not turn up yesterday as I thought they intended to?

No, those English books have not yet come. Motherdear finished the 2-nd, so I sent her the French book you read.

Now I must end and get up, as the oculist comes to see to my aching eyes. —

Sweetheart, goodbye and God bless you over and over again and all yr. undertakings and our beloved troops. Ah how full the heart is and our prayers must be redoubled.

I cover you with kisses, my Huzy, and remain yr. very own

Wify.

Belarminov says I need stronger specks to read with, eyes overtired and the aching comes also from gout — the same as my face nerve pains too — but he is contented with the eyes themselves and says they are very good, only I overtask them. I am glad to have seen him, as the pain is often very strong and that acts on my head, and I see worse for reading. (I personally know they get bad fr. much crying) and fr. many unshed tears too, wh. fill the eyes and that must drink themselves up again — this all I did not tell him.) Then he gives me an ointment to rub in exteriorly if they ache much. —

No. 226.

Tsarskoje Selo, March 11-th 1916

My very own Sweetheart,

At last glorious, bright sunshine — what a difference it makes. I have ordered service in the house as its Friday & I have such a longing to go to church. All ones thoughts & prayers are with our troops & one flies to read the news every morning. Should there ever be anything quite particularly good, perhaps you wld. send me a short wire? one feels so anxious — but God will bless the troops & send success, if we only all pray enough. All our sanitary trains have been called out & heaps of *units* & 15 hospitals have gone to *Dvinsk*

I got yr. wire that you settled that question once for all with Kirill & *N. P.* & am anxiously awaiting what conclusion you came to. — Have again ladies to receive. Excuse my having wired about M-me *Nikitina's* husband, but she entreated me to, — of course you will do as you think right. She thought he was the oldest general with the St. George's cross who could fill that vacancy! —

The children say the tower in the garden has become quite magnificent — I long to go & look at it — hope to soon, if can risk with my face. — Beloved One precious Darling, you feel wify holding you tightly in her arms, caressing you tenderly & gently? Oh, hard not to be together at such times. —

There are rumours that some guard reg. have already had great losses, — but have they already been used?

Oh, the beautiful sunshine! Beloved, I must end. Heart & soul with you. God bless & proctect you & help you, give strenghts & energy & success. More than ever I pray for you. I want to see you blessed, happy, successful, I want to see the recompense for all your endless heartache, sorrow, anxiety, work, & that the prayers of all those who fell for their Sovereign & Country shd. be heard.

My Own, endless kisses from your own old

Sunny.

No. 227.

Tsarskoje Selo, March 12-th 1916

My own Lovebird,

I scarcely slept this night from pains in my face again. It began in the evening, just after I had told *Vladimir Nikolaievitch* that I thought I was quite rid of it & might go this evening to Church, — *the Cross-Worshipping Sabbath,* so disappointing. Had massage again this morning, smeared the face with all sorts of things. It is a little better now, but aches & the eye is half shut. Have again sent for the poor dentist — have seen so many other Drs. now, that I think he better come & have a look & perhaps change a filling there may be a new cavity. Of course feel cretinised & have to receive *Mrasovsky* & our three Sisters who returned fr. Austria & have a lot to tell. — Two of our sanitary trains are returning with heavy wounded. Is it true our losses are very heavy? Of course attacking, it cannot be otherwise — still we made many prisoners & took a lot (whilst the Germans said they did not let us advance one step, that we have immense losses & that they took 17 officers & 800 men prisoners).

Sweety, remember you have that special telegrapho-telephon, or however you call it & if anything particular let *Vojeikov* speak to *Ressin* or you to me. One feels so anxious & longs for more news than waiting 24 hours for the papers. — *N. P.* came yesterday fr. 7½-9 (such a pleasant surprise). A joy to get direct news. He was sad for you that very dull atmosphere around you, no young, fresh a. d. c. & you seemed so lonely. Its that wh. worries me too. He told me about all yr. decisions, & hurried off last night back to *Rezhitza.* — It is provoking that lack of officers. —

He says the Admiral spoke again very much against *Grigorovitch*, wh. always hurtes him, as he venerates him very much & sees N. wants to fight him out. —

He said he had a good talk with *Feodorov.* & about *Polivanov* too. *Maklakov* was at Ania's & entreats to see me also b e s e e c h i n g that I shld. i m p l o r e y o u quickly to get rid of *Polivanov*, that he his simply a revolutionist under the wing of *Gutchkov* — *Sturmer* begged the same. They say that in that odious *war-industries committee* they are intending to say horrid things, they come together in a few days, & *Maklakov* says therefore quickly clear out *Polivanov*, any honest man better than him. If you cant *Ivanov*, why not honest, devoted *Beliaiev* & give him a good help. *Sturmer* much dislikes the other help of *Polivanov*, says such a very bad man, I did not catch the name.

Lovy mine, dont dawdle, make up yr. mind, its f a r too serious, & changing him at once, you cut the wings of that revolutionary party; only be quicker about it — you k n o w, y o u yourself long ago wanted to change him — h u r r y u p Sweetheart, you need Wify to be behind pushing you. You above all need an h o n e s t l y d e v o t e d man, and that *Beliaiev* is, if *Ivanov* is too obstinate. Please, do the change at once, then propaganda & all can at once be stopped energetically. *Maklakov* adores you & spoke to her with tears in his eyes about you & so I shall see him soon. Promise me you will at once change the M. of War, for your sake, your Sons & Russias, — & it is high time — otherwise I shld. not have written again so soon about this question. You told me you wld. be soon doing it & who knows if God won't sooner bless our troops if this »choice of the old *Headquarters*« is at once cleared out. *Rodzianko* & *Gutchkov* knew well why they & *Janushkevitch* made *Nikolasha* propose him to you & fat Orlov behind all. *Maklakov* loathes Orlov says he is a man to stoop before nothing, the same as *Khvostov*. —

Saw *Shebeko* yesterday & had a good talk; & my ex lancer *Vinberg*. —

Our Friend leaves to-morrow, cld. not get any tickets for last Wednesday. — I wish my face did not ache so, long to write a lot more & can't, & want to ask heaps about the troops. —

Heart & soul with you longing to be together. —

There, your sweet letter has just come, thanks ever so tenderly, Sweetheart. — So you think *Shuvaiev* the right man (tho' less of a gentleman than *Beliaiev*) & is he really the right type? I only once spoke to him when found him most obstinate, so cannot judge. But who to succeed him? In any case — hurry up, Lovebird.

Excellent that you intend attaching *Ivanov* to yr. person, as all down there complain of the dear man being so tired & »getting old«. — Cannot understand why Keller & *Brussilov* always have hated each other & when he can *Brussilov* is not just — & the other in return abuses him (privately). Wont the ministers be happy when *Polivanov* leaves? Oh, the relief.

Alas, *Ignatiev* is neither a man in his place, tries to play the popular man & is left, alas, as too *Boris Vas.*, his brother-in-law, — the smart set.

Can imagine how palpitatingly interesting the work now is, & long I were near you to follow all together on the map & share anxiety & joy with

you. From far we all do, heart & soul. — Yes, that frost is despairing for the troops. *There is nothing to be done, — God will help.* God bless, & protect you my Angel, my Own, my Love, my Huzy Sweet — guard & guide you. Endless tender, passionably loving kisses fr. yr. own old

Sunny.

No. 228.

Tsarskoje Selo, March 13-th 1916.

My very Own,

Warm & lovely sunshine, so God grant our troops have the same weather. Our train is just beeing emptied out & Maries comes later in the day with very heavy wounded. Despairing not to be able to go and meet them and work in the hospital — every hand is needed at such a time. Slept alright, but the strong pain in my eye continues, the cheek gets better when *Vladimir Nikolaievitch* electrifies it, so I do it now twice a day. Baby went out already early before Church. Ania goes for the whole day to town, as *Gregory* leaves, then she sees her parents & dines at the Css. Fredericks. —

My poor Rostoftsev's twice-sister has just died from cancer & one says he is quite wretched — is ill himself the whole time but goes on working. — Little *Titi* played on the snowtower with the children yesterday & enjoyed it, today he returns again to town. —

I am thinking so much about *Shuvaiev* & do greatly wonder whether he can fill such a place, know how to speak in the *Duma,* as one time one abused him & the *ordnance department* — but is that alright now? My eye aches so writing — I could not use it all day yesterday, & whilst I was receiving it was distracting — as if one stuck pencil into the centre & then the whole eye aches too, so better stop now & finish later on. —

So anxious for news. The children were all in Church & are now going out, hot sun, wind, frost in the shade, last night rain. — You cannot imagine how terribly I miss you — such utter loneliness — the children with all their love still have quite other ideas & rarely understand my way of looking at things the smallest even — they are always right & when I say how I was brought up & how one must be, they cant understand, find it dull. — Only when quietly speak with T. she grasps it. Olga is always most unamiable about every proposition, tho' may end by doing what I wish. And when I am severe — sulks me. Am so weary & yearn for you. — There are also many things wh. A., with her bringing up & being out of another set, does not understand & many a worry I would never share with her — I used to with *N. P.* because he, as a man with inborn tact, understood me. — We all have our ways & thoughts & I feel so horribly old at times & low spirited — pain pulls one down & perpetual anxiety & worry since the war goes on. Your precious calming presence gives me strength & consolation — I take things too deeply to heart — try to master it — but, I suppose, God gave me such a heart wh. fills up my whole being. Forgive my writing all this & pay no

attention to it, I am only a bit down. Oh, I must be off to *Vladimir Nikolaievitch* to electrify myself. —

I bless you, kiss you over & over again & press you to my yearning heart, Sweet Angel, Treasure,

Beloved!

Ever yr. very own weary old

Sunny.

No. 229.

Tsarskoje Selo, March 14-th 1916.

My own sweet Treasure,

I send you an apple and flower from our Friend — we all had fruit as a goodbye gift. He left this evening — quietly, saying better times are coming and that he leaves spring-time with us. — He told her He finds *Ivanov* wld. be good as Minister of War on account of his great popularity not only in the army, but all over the country. — In that He is certainly right — but you will do what you think best. I only asked He should pray for success in yr. choice, and He gave this answer. —

I spent the whole long afternoon from 1-4 alone, reading with an aching eye. It seems Neidhardt is ill with the same pains and high fever. The dentist has left the Crimea yesterday evening. — The girls went to see Marie's sanitary train whilst half full still — it left to the front in the evening again. Three trains came.

Forgive my having seemed to grumble in my last letter, its a shame — only I was feeling so low and wrongly forgot to hide it. Such constant pains pull one down a bit. Oh yes, yet another thing he said to tell you that the Metropolitan told him, the Synod wants to present you a wish of theirs that s e v e n metropolitans should be in Russia. *Vladimir* very much for it — but our Friend begs you not to agree as its certainly not the moment and we cant even find scarcely 3 decent ones fit to occupy such a place. How utterly absurd of them. *Nikon* is still here, too bad. —

One says Uncle *Khvostov,* hopes to whitewash his nephew, tho' all are against him and wants to drag *Beletzky* in, who really seems quite innocent concerning the *Conspiracy* and wishes him no longer to be Senator, but then you must be just and have *Khvostov's* courtrank taken away — I deeply regret it was left him — as in the *Duma* they say — if he wished to get rid of *Gregory* because he did not suit him, he can do the same with any of us who may displease him. I don't like *Beletzky* but it wld. be very unfair if he suffered more than *Khvostov.* He has forfeited *Irkutsk* through his imprudence, but thats enough. The other tried to instigate a murder. — Enough of this story.

Excuse this ink, but my other pen is empty and needs refilling. —

What a pitty you cannot get out more, I know how wildly you long for the sun and air towards spring — so was I in the bygone, could not live without air and then through being ill everything changed and I learned to be weeks without air and never any walks. — And you do so need it with all the work

you have to do. How vile that they shoot again with explosive bullets. But God will punish them. —

Sweetheart, if you only knew how yr. little wify longs for you and now we shall for sure long not meet again. There is nothing to be done but you are so lonely, Lovebird and I long to caress you and feel yr. sweet tenderness. Precious one, you feel wify's love enveloping you with fathomless tenderness? You feel my arms round you and my lips pressed to your warm ones with such utter love? God keep you, my one and all, my own Sunshine. —

Got to sleep late, because of the aching — its not any longer madning pain, but aches and these last day's especially my right eye.

4 of warmth this morning — the sun did not shine long. — Its the feast of the *Feodorovska Holy Mother* and consequently of our Church. *Igor* comes to present himself as yr. a. d. c. and lunches with us. I also receive the commander of my *Crimeans* — I wonder what he is like.

Alia has asked to see me as she drives here to-day, so will come to tea. All that with these pains is not gay, but difficult to refuse.

Now Lovebird, Goodbye and God bless you. I cover you, sweet Nicky, with very tenderest kisses,

Ever yr. very

Own.

The Children are alright — Tatiana busy at the hospital — Olga has gone there on foot with *Shura,* Anastasia after her lesson is off for a run with *Trina* as *the priest* officiates in Church this morning. Marie is writing to you. Baby is out. I must get up for my electricity. —

It does not concern me, but whilst I could not sleep, I was thinking over what you said about *Kedrov;* — wld. not *M. P. Sablin* be better instead of *Planson,* — such a serious, quiet man and not an ambitious »Streber«. Tho' *Kedrov* is clever and talented, yet he is somewhat an *insolent fellow,* judging by his letters to the Admiral — and the other so discreet and an older man for such a place. This is my very own opinion, not prompted by any talk with *N. P.* as you might think. We never mentioned his brother last time, there was no time even. —

Poguliaiev such a young admiral and in yr. suite — colossal honour, the couple wild of joy and he is going to fly off to the old Father to present himself — he is also ambition itself and *insolent* and therefore has luck and both these men turn the Admiral round their little finger. Eberhardt needs a serious help and I find a man fr. the black sea is the one just to occupy such a place. Pardon my interference, Sweety, but in the long, lonely night I thought of this and felt I must write it honestly to you, — tell me whether you don't agree. —

Paul told Ania he takes over the command in April, can it be true? I personally strongly doubt his succeeding and honestly find it not right his insisting, as after all he is quite out of everything since ever so long and one cannot be sure of his health. —

Now I really must get up. Farewell my Angel. — A bow to *Feodorov* and Gen. *Alexeiev.*

No. 230.

Tsarskoje Selo, March, 15-th 1916

My own Sweetheart,

There, glorious sunshine with 10 of warmth, but windy — and yesterday afternoon and evening it snowed hard.

My head and eyes go on aching, the woman has been masseing my face and head, neck and shoulders and soon I go up to my electricity. I dare not risk going out until have seen the dentist and to be sure my cheek wont swell up. — Lovy, I send you here a letter I got from *Rostchakovsky* when read through and if you agree, wire to me »all right« and I shall have it wired on to him. He is a strange chap, not like others — but certainly devoted and energetic and as he so funnily writes, must be used. — I wish you could shut up that rotten *war industries committee* as they prepare simply anti-dynastic questions for their meeting. —

I have *V. P. Schneider* with a long *report* — I like her as she is so energetic and understands half words already — only my head is not fresh at all. Later *Emelianov* comes to bid goodbye before returning to my regiment. — Last night Baby's train came. It seems of the 20-th Sib. reg. only 5 officers have remained — fearful losses. But are you on the whole contented? of course in attacking heavy losses are inevitable.

Mme Zizi has at last returned here and I shall see her this afternoon. —

So tiresome I cant take medicines now, something came on 8 days too early.

Am eagerly awaiting yr. promised letter.

Excuse bad writing. —

One says Dmitri is still scandalling about in town such a pitty! He wont become a better husband for that. —

Did you see the Sultan received the fieldmarshal's staff from William, such mockery. —

Missy has sent another pretty fairytale book of hers to Olga. —

Beloved One, I kiss you, oh so tenderly and wish I could share yr. loneliness; you have not a soul to talk to, to feel near you, who understands you and with whom you can talk about anything wh. comes into yr. head; — sad *N. P.* is no longer with you — he had shared our life so much and knew and understood so many little things, wh. the other a. d. c. dont.

Wont you have them on duty change about with you? Would be good for them and interesting for you.

Thanks tenderly, my beloved One, for yr. sweetest letter, am glad you have settled all about *Polivanov,* God grant *Shuvaiev* may be the right man in the right place, in any case a b l e s s i n g you are rid of him.

I shall read through *Gregory's* telegr. with Ania when she returns from town and then explain it to you. —

Hang those Generals, why are they so weak and good for nothing, be severe to them. You have indeed been busy, Sweetheart.

But I must end now. God bless and protect you.
Warmest, tenderest kisses, Huzy mine fr. yr. very own old

Wify.

No. 231.

Tsarskoje Selo, March 15-th 1916

My own Lovebird,

I begin my letter to you this evening. It was such happiness hearing from you & I can imagine how comforted you feel to have at last settled the question of the minister of war. God bless your choice with success, & may he prove himself worthy of your trust.

Is it true that things are going very bad with *Sukhomlinov* — *Igor* had heard as tho' he wld. have to be shot — but I don't know where he got the news from. Certainly he had his great faults — but his successor is yet a greater traitor to my mind. I return *Gregory's* telegram to you. He means *Beletzky,* because he does not find just that he, who has scarcely been to blame, should so severely suffer & the other got off better, who committed the greatest sin. —

My eye has been hurting me madly all day (& head too) — its from the *triplex nerve* in the face. One branch to the eye, the one took the upper row of teeth, the other the lower, & the knot before the ear. I have heard of more people suffering now fr. these pains — Neidhardt had it so bad, that the Drs. send him to the south for a rest. Its fr. a chill in the facial nerves, the cheek & teeth are much better, the left jaw goes popping in & out this evening, but the eyes ache very much — therefore I wont write anymore now. —

Here is a letter fr. *Poguliaiev* for you to read through, & copy of a telegr. fr. the »*Tvertzi*« Baby got to-day. —

»On March 7-th the 3-d squadron of the Tver Regiment named after your Imperial Majesty penetrated into the ranks of kurdish cavalry body more than three times as large as ours and sabered many, thereby extricating our infantry from a dangerous situation — I am happy to felicitate with this our Worshipped August Chief.

Colonel von Harten.

(Field Telegraph branch 116.)

One says *Khvostov* is at Moscou talking away & saying he was sent off because wished to get rid of the German spies near our Fr. — so low. Ah, indeed he ought to be judged or his embroidered coat be taken fr. him. He said you ought to punish those that talk in the clubs. — Ania continues getting anon. letters, her Father & poor *Zhuk* too, telling him not to go with her, otherwise he will die a violent death with Ania. She spoke to *Spiridov.* & he will have her guarded, knows one is after her. Begs her only to walk in our

garden, not go on foot to Church nor in the street, to get quicker into her carriage — certainly this makes her nervous. *Sturmer* told the Father he has her safely guarded in town. —

I wish one cld. stop *Ignatiev's* popular (left) speeches in the *Duma* about universities wh. one needs all over Russia etc. — he will break his own neck seeking for popularity. —

March 16-th. Again splendid sunshine, 13 in the sun & thawing hard — strange you had such a thick fogg. Slept alright, but the pains gently continue tiring me. I have the dentist after luncheon. Titi will walk with the children & before tea I shall have his hair cut — *Lili* could never make up her mind because his standing out ears were hidden by his long hair — so she let me do it, it wld. be less painful to her & I am sure he will look much nicer, being such a big boy. To-morrow he leaves for Reval to live with her relations. —

I am sorry, as he is a nice boy for Alexei to play with.

The big girls go to town as Olga has a committee & then they take tea at *Anitchkov.* Sweetest Love, its two weeks to-day, that you left us and I miss you quite terribly. Its good you have much to do, so that you cannot feel the loneliness so much. Only the evenings must indeed be sad & dull, poor Sweetheart. I send you again some lilies of the valley & the little sweet-smelling blue flowers you like — I have kissed them & they bring you my love, wh. is deep and tender. —

I don't read at all now, so as to rest my eyes wh. ache so & in the evening lay patiences with Marie, in the daytime Ania reads sometimes aloud to me. I shall send Motherdear an exciting book again. My »*Buian*« has come back again to the big palace & this time wounded. — I got telegrams fr. *Yalta,* my Sanatorium is quite ready — such luck as it gives us from 50—60 officers' places, than we can turn »*Kutchuk Lambat*« into a hospital only for soldiers, as the officers bored themselves to distraction there & always tried to go off to *Yalta* & there was no place for their wives to live, as its only a fishermens' village. —

I do so wonder how *Shuvaiev* will manage, is he energetic? What a blessing if he is the right man. — Yes, alas, our generals have never been very famous — what can it be? Clear them out then & bring forward young energetic men, as for instance Arseniev — during a war one chooses the capable men & does not go by the age & rank, I find, — its for the whole armie's sake & one cannot suffer men's lives to be shed in vain by blustering generals. —

I wonder what Admiral Filimore will tell you about the north? —

I had a letter fr. Malcolm expressing the wild enthusiasm all over England, about Erzerum — in the streets & clubs it was the reigning talk. — Unfortunately he did not succeed with the English red cross to get them to send their 3 sisters over to Germany as we did, & he is muchly disappointed.

Then Daisy arranged him a meeting with Max in Switzerland — when he got there, Max had fallen ill & cld. not meet him. He went over our organisation at Bern for the help of our prisoners & found it excellent.

I shall finish this after luncheon, as now must be getting up. I cover you with kisses, every sweet place & hold you tightly clasped to my heart — Treasure, sweetest of Huzys! —

We had Nastinka to luncheon & before that *Maklakov* sat with me for $^3/_4$ of an hour talking hard. True, devoted soul. Intensely relieved you have changed *Polivanov* but he wld. have cleared out some others too. When we meet again I can talk over many things he said & I shall speak with *Sturmer* when see him, as some things are really true & need thinking over. — He entreats you not to agree with all the Moscou *demands.* Of course one c a n n o t sanction the *Unions of the Cities* etc. becoming legalized & stable institutions. Their money is governemental & they can use as many millions as they like & the »people« don't even know its crown money' — that must be made known officially.

Should they exist on later they wld. inevitably be the nest of propaganda & the workers of the *Duma* in the country. He was minister when you allowed it, as they came straight to you before *Maklakov* cld. make his *report* & then he begged you after o n l y to sanction it d u r i n g the war. Please, Lovy, remember this. You have now sent them a wire thanking for their work — but that must not mean that they should continue. If ever such sort of organisations are needed, it must be in the hands of Governors. — He is over disgusted with *Khvostov's* behaviour. He spoke like an honest, well-meaning, deeply loving & devoted loyal friend & servant of yours. —

Now for to-day I must end, the man leaves.

Goodbye & God bless & keep you, my Angel.

Tenderest kisses fr. all. Ever yr. very, very

Own.

No. 232.

Tsarskoje Selo, March, 17-th 1916

My Beloved,

A grey morning, 3 of warmth. How annoying that the fogg continues at *Moghilev* and such mud, swamps, inundated rivers all along the front. Really its bitterly hard all the difficulties our poor troops have to fight with; but God wont forsake them. Only Lovy, punish those that make faults, you cannot be severe enough — some firm exemples will frighten all the rest. —

Thats good yr. clearing away *Ronzhin* — he is the despair of all — and red *Danilov?*

Css. Carlov is furious her friend *Polivanov* has been changed and has at once offered him to live in her house — that pictures to you the state of many in society now. Formerly they would never have dreamed of doing such a thing — she with aplomb shows the opposition — her son in law is at *Tiflis, Nikolasha* chose *Polivanov,* thats all one and her unamiability when she came to me.

She is *Volzhin's* great friend and therefore sits upon the week man and crushes him. I know this all fr. Ania's Mother as the Css. and Sisters are

her Father's relations and they have changed in their behaviour towards them too. —

Cannot one be more careful as to who gets put into the *Council of the Empire? Maklakov* says it makes all the good ones say, that many one does not approve of, find a home there, as for instance *Dumitrashko* whom *Trepov* wishes to get rid of and therefore begs him to be put there. One needs good men and not any body (else it becomes like the *retired officers).* It must be the loyal right. —

I never knew that nice *Pokrovsky* is a known left (their nicest luckily), a follower of *Kokovtzev* and of the »*Block*«. Wish you could think of a good successor to *Sazonov,* — need not be a diplomat! So as now already to get into the work and to see we are not sat upon later by England and that when the questions of ultimate peace comes we should be firm. Old *Goremykin* and *Sturmer* always disapprouved of him as he is such a coward towards Europe and a parlamentarist — and that wld. be Russia's ruin.

For Baby's sake we must be firm as otherwise his inheritance will be awful, as with his caracter he wont bow down to others but be his own master, as one must in Russia whilst people are still so uneducated — Mr. Philippe and *Gregory* said so too. —

And another thing Lovy, forgive my bothering you, but its for yr. sweet sake they speak to me. Wont you give *Sturmer* the order he is to send for *Rodzianko* (the rotten) and very firmly tell him you insist upon the budget being finished before Easter; as then you need not call them together till, God grant, when everything is better — autumn — after war. They want to dawdle on so as to come back in summer with all their horrible liberal propositions.

Many say the same thing and beg of you to insist they shld. finish now. And you cannot make concessions, an answerable ministery etc.: and all the rest they wish. It must be your war and your peace and your and our Country's honour and as no means the *Duma's* they have not to say a word in those questions. — Ah, how I wish we were together, I cant write all, I should like to, tho' my pen flies like mad over the paper and the thoughts tear through my head — its difficult to put all plainly on paper — and besides I have to get up and be off to the dentist. —

He is killing a nerve in my last tooth to the right, thinks that may calm the other nerves, because the tooth does not require the nerve being killed at all. He is quite put out about my pains. Head and eye go on aching to-day, but I slept well. —

My little *Malama* came for an hour yesterday evening, after dinner at Anias. We had not seen him for 1½ years. Looks flourishing more of a man now, an adorable boy still. I must say, a perfect son in law he wld. have been — why are foreign Pces. not as nice! — Ortipo had to be shown to his »Father« of course. —

Quite nice what they wrote about *Shuvaiev*. Must make Ania read what *Menshikov* says about *Polivanov* — am so relieved he has gone — the

»socie« of course will grieve, it interests me what Paul will say at tea to-day. — I must be off, shall finish after luncheon. —

Oh thank you s o, so much my beloved Sweetheart for your precious letter wh. was joy to receive and every loving word warmed me up. —

Yes, thats Albert Grancy's son who told that — at least one told that — at least one who honestly said that the Germans began. —

Its most despairing thaw having set in at the front and that one cant advance and are deep in water. Such bad luck, but perhaps will pass quickly. Good, you have sent for the 3 chiefs to speak over with them. —

Sister Olga arrives on Sunday, to everybody's great surprise. I fear she comes to speak about her wishes for the future — what am I to say about yr. thoughts on that subject. The moment when all minds are so unpatriotic and against the family its hard she should think of such things and his part is unpardonable, and personally I fear *Sandro* has been egging her on — I may be wrong — but that story worries me very much and I don't find she ought to have brought up this theme now. Perhaps she wants to follow him to the Caucasus as one says his regiment goes off there — that would be more than unwise and give occasion for much talk and ugly talk.

I am so glad to hear that people are contented at *Shuvaiev's* nomination — God grant him success. —

Now my Darling I must close my letter. All the children fondly kiss you and I cover you with tender, gentle kisses and deep love, sweet Huzy mine.

Ever yr. old

Wify.

No. 233.

Tsarskoje Selo, March, 26-th 1916

My very own precious Love,

Once more the train will be carrying you off from us, when you read my letter. This week has flown; it was an unexpected joy you came & you can tell *Alexeiev,* with kind messages, that I think of him with a grateful heart. I am glad Dmitri accompanies you now, it will make the journey brighter & less lonely. The idea of your going off all alone again, is great pain. If I feel this terrible loneliness everytime, tho' have the dear children, what must yr. sensations be all alone at the *Headquarters!* And Passion-week & Easter approaching, those lovely services, you will be sad standing all by yourself in Church. God help you, my own Lovebird. —

You never can come here without there being some story to pain you or make you anxious & give worry, now poor Olga's intentions & plans for the future have assailed us & I cannot tell you the bitter pain it causes me for you. Your own sweet sister doing such a thing!

I understand all & don't & cant grudge her longing first for liberty & then happiness, but she forces you to go against the family laws, when it touches ones own nearest, its far worse.

She, an Emperor's daughter & sister! Before the country, at such a time when the dynasty is going through heavy trials & many countercurrants are at work, — is sad. The society's morals are falling to pieces & our family, Paul, Misha & Olga show the example, not speaking of the yet worse behaviour of Boris, Andrei & Sergei.

How shall we ever stop the rest from similar marriages? Its wrong she puts you into this false position & it hurts me its through her this new sorrow has been inflicted upon you. What would yr. Father have said to all this? We have been far to weak & kind to the family & ought many a time to have thundered at the young ones. — Do, if only possible, find an occasion of speaking to Dmitri about his goings on in town, & at such a time. — I, wickedly perhaps, did hope *Petia* would not give the divorce. It may seem cruel & I don't mean to be so, because I tenderly love Olga, but I think of you first & that she makes you act wrongly. Nice sunshine, I hope it will shine upon yr. way too. Please give many messages to Count Keller fr. me, ask after his boy (second marriage) he had him with him a time, I know. —

I hope to go to Church to-night when you have left, it will be a comfort to pray for you with all the rest. I hate goodbyes & the awful separations. You have warmed me up again with your tender, loving caresses, they soothe the constant aching heart. All my deepest, warmest, unceasing love surounds you, all fervent, burning prayers, heart & soul undying together through all eternity. My Own, my Life, my Treasure!

God bless & protect you & give you success in all undertakings, guide & guard you fr. all harm. Passionately I press you to my heart & kiss you with infinite tenderness, eyes, lips, forehead, chest, hands, every tenderly loved place wh. belongs to me.

Goodbye, Sunshine, my happiness, God grant the separation may not be too long. The chief thing is missing when you are not here & the evenings are sad & we try to get early to bed. Ever, Nicky mine, yr. own true wify

Alix.

Your Own. —

No. 234.

Tsarskoje Selo, March, 27-th 1916

My very own Lovebird,

Glorious warm sunshine, do hope you have the same weather. Such a sad feeling when I awoke this morning & turned to kiss you & found the dear place empty »Me don't like dat« at all. And the evening was melancholy, laid patiences & talked.

Went to evening service & prayed hard for my lonely One whom I had just parted with in great pain. *The priest* preached about *Maria of Egypt*.

Baby wrote his diary with grumbling.

They all go to Ania's hospital this afternoon to hear singing & see conjurers, she wants me to go, but do not feel up to it. After Church must finish this, then must look at some of *Stredlov's* pictures, change & go to the big palace hospital, where I have not been since about 4 months, & then for a drive, as they say the roads are better. — Isa lunches with us. Now I must quickly get up. — Always in a hurry, so my letter will be short.

Have you got on with the book? Oh, my Sweetheart, how I miss you & long for you. I cover you with tender kisses. God bless & protect you. The Children kiss you over & over again.

Ever, my Angel love, yr. very own old

Wify.

No. 235.

Tsarskoje Selo, March 28-th 1916

My own Sweetheart,

Another glorious morning with splendid sunshine, I am glad, then the snow will sooner melt & the roads become better. We drove yesterday at *Pavlovsk* I am so disaccustomed to the movement in a big carriage & driving quickly, that it makes my back ache & gives me a not very pleasant sensation (the moveable heart & kidneys), but after a while that is sure to pass. I so very rarely drive these last years. —

At Ania's hospital it was quite nice, fancy my having gone for an hour, I watched everything with a sort of interest, heart & soul being far away from all that. 2 tiny children played remarcably well on the gicelyra, that wooden instrument with wooden hammers. Then Mme Beling sang, very pretty voice indeed. The soldiers were enchanted. Nini sat next to me and was a goose. —

I saw *Kotchubei* about presents for the »*Plastuni*« from Baby, he will give the money & then our *store* can make the things for the 6-th of May, as they cannot possibly be got ready for Easter.

To-day I see the Priest of the Standart. He came here for the men's devotions on board & now goes back to *Rezhitsa.* Then *Shagubatov* presents himself. — I found 4 »*Alexandrovtsi*« & 2 *Crimeans* in the big palace yesterday, also one of yr. 1-st Siberian regiment, I had seen him wounded after the last war; he said the losses a week or 2 ago were terrible in yr. regiment nearly all the officers again killed or wounded, — such a cauchemar.

In the afternoon we went into *Znamenia* & placing candles & praying there reminded me of the last day we knelt there side by side, as one. Oh, my Lovy sweet, if you knew the solitude without your precious presence! Such a yearning besides in my arms to close them around you & press you to my heart & feel peaceful & calm in yr. great unfailing love.

I must stop now because of the masseuse & then I go to our hospital. —

Ania spends the day in town till 5, so I shall be free to visit another hospital & take Isa for a turn perhaps.

Three new officers arrived fr. *Tarnopol* & I made their *dressings*. One old one had served many years in Baby's »*Lithuanians*« & remembered seeing me when I arrived 22 years ago at *Simferopol*.

We are going to the *Maternity Hospital* after luncheon.

One brought me quite charming Images painted by wounded soldiers, who had never drawn before, & the *setting* made by them too. I am writing during luncheon, as have to receive after. Just got yr. wire from *Zhmerinka*, glad you have spring weather, hope you can take a little walk upon yr. arrival this evening.

Now goodbye my Nicky sweet, my own Huzy. Endless kisses & blessings
Ever yr. very own old

Sunny.

No. 236.

Tsarskoje Selo, March, 29-th 1916

My Beloved,

I have no idea when and where you will receive my letters. Just now one brought me yr. wire from *Kamenetz-Podolsk*, wh. came in half an hour only. Here too its grey this morning & dull.

Do so wonder whether you will see my *Crimeans* anywhere, they are at 20 versts about from where you spent the night. —

Poor little *Nikita* had *an operation* done yesterday, but I don't know the details, — the ear, — anyhow the Drs. seem satisfied. —

The Children worked in the ice & I sat in the sun for 3/4 of an hour looking on. — Dr. *Zuiev* has returned & I hope to see him, he went to Victoria to Darmouth to bring her my letter. Dicky walks on crutches, he broke his leg some time ago toboggaining. He spends easter with his parents at Kent House. Easter falls together this year. Louise is in France in the hospital again. —

Ania read to us yesterday evening, poor girl, she does not read well & makes endless faults in English. —

Lovy, do have that question stopped about the lot of new metropolitans, it is again being discussed in the Synod believe me, its n o t right, we have not the men & it will only do harm to the Church.

First our Bishops must be better men before we can think of making them metropolitans, its too early & will do much mischief & bring yet more frictions in the Church. — Have been to Ania's hospital & dressed the wounds of three of the worst. Now I am going to my lancer hospital, & before that, must receive. —

Tatiana Andreievna comes to tea; alas, Olga says she cannot come to us, so sad, as I had hoped to have a talk with her. — Goodbye, my Angel, God bless & protect you.

I cover you, my own sweet One, with very tender kisses & such craving
Ever yr. very own old

Wify.

No. 237.

Tsarskoje Selo, March 30-th 1916.

My own Sweetheart,

I am writing, to you during luncheon, as had no time in the morning. Read through my prayers, had the masseuse, went to our *Pestcherny* Church for service (thought so much of you) and then to our hospital, where I made 10 *dressings,* — now am tired. Have to receive. At 4 go to the red cross and I give the *graduates of the courses* their papers and they get the cross. Then A. Olga, Mavra and Helene dine with us, as I have not yet seen them this year. — A grey day, wanted to snow but not cold, so shall dine with the girls to freshen up my brain. A. has gone for the day to town, saw her in Church .—

I was awfully grateful to get 2 telegr. from you yesterday, Lovebird. We are enchanted that you saw our *Company.* —

3 people of »Paté« come to bring *Alexei* an apparatus and some films. — Baby improves playing on the *balalaika, Tatiana* also had a lesson yesterday, — I want them all to learn to play together, it wld. be charming.

Sweetheart, I must end now. God bless and protect you and keep you fr. all harm. I cover you with fond, longing kisses. —

Ever, Huzy love,

Wify.

No. 238.

Tsarskoje Selo, March 31-st 1916.

My own sweet One,

I hope you will find this letter upon yr. arrival to-morrow. How glad I am that all went off so successfully and that the weather got warmer. —

Mavra and Hélène dined, A. Olgas chill prevented her coming, — Christophor arrives to-day. Hélène read to us a most interesting letter she received fr. Vera, all about the last terrible days they went through in Montenegro and their marvellous escape. She writes so cleverly and full of life, — a regular nightmare, poor thing. — Mavra wanted you to send for *Igor* so as to get him away from a bad, fast set here, Ella Benkendorf etc: she will speak again to *Varavka* about the boy's health. — A lonely homecoming to the *Headquarters* again, poor agoo wee one, I long to hold you tightly in my arms and to cover you with kisses, — and you? —

Now I know *Vladimir Nikolaievitch* and *Danini* are working out plans for this institute of *Feodorov* and the plans will be sent to him and *Voyeikov* to choose, — but please, tell *Feodorov* that I must see them, as may have ideas to propose, — and I beg of you to insist upon Ania being permitted to buy that bit of ground she chose (10 to 12,000) and wh. *Voyeikov* knows about. Only he wont stand up for Ania, he is not a real friend of hers when it does not suit him. You give him and *Feodorov* your and my order that

she i s to be allowed to buy that bit of ground n o w they need not have it, only have ample place next to it. Its opposite the photographers, where the Baron fell into the water, a little higher up and she could have some green there. *Voyeikov* arranged the buying and selling of those grounds with a man and is obstinate and very angry that A. and *Putiatin* spoke about it and looked at the ground and arranged with the man that they (she) would like to buy it for her invalid hospital - house. Before she has the money for building, she can already plant vegetables, wh. will be a profit to her *refuge.* I dont want *Vladimir Nikolaievitch Der(evenko)* and *Feodorov* to be greedy. So you give that order — *Feodorov* will remember it. Both things are under my protection, — so *Voyeikov* can give *Kharlamov* (I think thats the man's name) t h e o r d e r t o s e l l the bit Ania c h o s e a l r e a d y before we had thoughts of that ground for the medical Institute (and there is ample place still), so as that she can buy it now and he can write to her, we both wish her to have that ground to buy (or we can give for Easter it to her, 10 to 12,000, as you think) — only please have it done at once, and don't let them cheet her. —

Excuse my bothering you, but I know she is in all states about this ground and its good she has that work to think about and the plans and the planting etc. —

We leave the house before 10, as at 10½ is the consecration in town of the little church in my school *Popular Artcraft.* Then 12½ lunch at *Anitchkov.* At 2 Olga has a committee and receives offerings. I shall probably go to the *store* with *Tatiana* or hospital in the palace, or to *Nikita.* He is getting on alright. —

A bright morning, — I wish had not to go to town, its always so tiring such an expedition. —

You will feel dull when Dmitri leaves again. Css. *Palei* wrote me a long letter, begging you to keep him away fr. the regiment, because his health is so bad and he so sad to go.

If one could find him work of some sort to do, or send him to a sanatorium for 2 months complete rest in good air, — only not town, or dawdling about. —

Now must get up and dress, Goodbye, my very own Treasure, my joy and sunshine, my very own Precious One.

God bless and keep you. I kiss you with unending true devotion and remain, yr. own old Sunny.

No. 239.

Tsarskoje Selo, April 1-st 1916.

My own sweet One,

Now you are back again at the *Headquarter* & I fear, will feel awfully lonely. And to stand all alone during those lovely Church services will be sad, — have you at least got Georgi with you? —

I have the window a little open & hear a little birdie chirruping away, at *Gatchino* the first little blue flowers are out; its beautiful this sunshine & so calm to-day.

Olga wrote to you all about our doings in town, — I must only add where Tatiana & I were, whilst Olga was in the Winter Palace. We drove to the new little *Bari* Church of the »*Skoroposlushnitsa*« & saw the lovely Image there, — such an ideally sweet face & one has such a nice feeling when praying before it, — I placed a candle for you there & at the *Kazan* Virgin too, where we went. I send you a tiny Image I brought back from there, — you have already many, but when you read the inscription behind, it may help you in your heavy tasks. — Then to the *store,* went right through it, — alas, not very many people. — Sat then at Xenias, — for years I had not been to her & so found changes in her room. Nikita is getting on alright.

Have not slept very well, that happens when I am overtired & everything aches, therefore shall remain lying this morning. —

Had news from *N. P.,* says its spring there, lots of birds, 25 storks even arrived. Kirill spent a week with them & seemed sorry to leave. In the mornings they rode to the different *Companies,* wh. are several versts away, — watched the shooting. They have not yet been excercising as the roads are impossible & everything under water. After luncheon they walked in the garden & then went off again, — & in the evening bridge. The *Companies* make their devotions by turn, — my little Church is in a *barn* & so quite cosy & not cold & can stand without caps. *The priest* is happy to have more services, as *Polushkin* did not much care about it, — & on board ours are accustomed to it. I am going to get a small *holy winding sheet* for them & my lancers to send out. —

He is awfully happy that old *Ivanov* will be with you. — I remember him always hinting to me how good it would be. — If all is quiet, hopes to come about the 16-th for 5 days. — *Groten* turned up for a few days here & *Kussov* too it seems. —

Passed *Linevitch* in town, — *Dobriazgin* in a vile, small *fur-cap.* Oh Lovy, how sad the »*willows*« all alone! I hate to think of you without any of us, — those at the war have all their men & comrades around them, — you carry all the weight & have such dull people with you. I yearn after you, miss you more than I can say, my One & all, my Life, my Sunshine, — my Own, very, very Own. —

Shall sit in the garden this afternoon whilst the children work & before that go in to *Znamenia,* — feel quieter when have carried my prayers there to her, for you, my Angel.

Lovy, why dont you get a. d. c. from different regiments to come & do their duty with you for 2-3 weeks, it would be an honour to them, times are still quiet & they could tell you interesting things during your walks, — gayer than *Valia, Kira* & even *blissful Mordvinov* & selfsure *Voyeikov,* — please squash the latter sometimes, he needs it, is too awfully contented with himself, it puts me out every time I talk to him. Dont let him again speak against our Metropolitan, & pay less attention to what he says, — there, I meddle again, but he is a man

I always found needs holding in hand, & being watched. He is not amiable enough to others & thinks of his personal safety, position I mean, first.

Goodbye my Manny dear, my Boysy sweet, Huzy love. Feel my loving warm presence & prayers near you when you kneel with your candle & »*willows*« in yr. hand. I cannot imagine our not spending these great days together.

May yr. life & reign also turn from anguish and misery to glorious sunshine & joy & holy Easter bring its fathomless blessings. —

Farewell, Sweetheart. We shall make our devotions as usual, — but it will be awfully sad without you.

I gather you to my breast & hold you in tender embrace kissing every loved place, with fondest, most complete devotion. God bless you

yr. Own.

No. 240.

Tsarskoje Selo, April 2-nd 1916

My own beloved Sweetheart,

Oh, what an unexpected joy it was when Madelaine brought me yr. precious letter, I never thought you would find time to write. — How deadtired you must have been yesterday after that endless war-council. I hope you were contented with all the plans. — As you liked that sweet English book, I am sending you another by the same author, wh. we also like. It is also charming & interesting; tho' not as sweet as the Boy. Yes Lovy, it reminds one of 22 years ago, & I would give much to be alone with you in such a garden, its so true; every woman has in her the feeling of a mother too towards the man she loves, its her nature, when its real deep love! —

I love those pretty words & how he sits at her feet under the tree & he has such a lovely, sunny soul, »my little boy blue«.

We all of us read the story with wet eyes. —

Paul comes to us to tea to-day, I suppose Dmitri will turn up to-morrow, if it does not bore him.

I lay out on the balkony yesterday & Ania read to me, — to-day I'll sit near the children whilst they work.

Marie is in a grumpy mood & grumbles all the time & bellows at one, she & Olga have B. — Olga has become better humoured I find, it shows she is feeling stronger. —

I feel still awfully tired after town & ache all over. Must be back at 4 for a *report* with *Lili Ob(olensky);* amongst others, I saw *Baron Kussov* for 10 m. yesterday, full of questions, looking brown & well. —

Shall read over your letter lots more still.

Through *Groten* am sending to-day 3 small *winding-sheets* for his regiment fr. Baby, for the lancers & *Guard Crew* fr. me. — Shall think of you quite particulary this evening when we get our »*Willows*«, oh sweet One, God bless & protect you, all my tenderest, passionate love fondly surrounds you & I long

to hold you tightly in my arms & let your head rest upon my breast like in bed & feel your sweet loving presence, & to cover you with kisses. Ever Huzy mine, yr. very own old

Wify.

No. 241.

Tsarskoje Selo, April 3-d 1916

My own Sweetheart,

Several times I have again reread and kissed your dear letter, I received yesterday, yes, — its like talking and a whole week without a word in your own handwriting was sad (tho' most comprehensible). —

How one would sometimes like to relive happy, peaceful moments as those when we were alone, together with our beautiful love, wh. every day brought new revelations. These constant partings wear out the heart, because one suffers so, but the sweet words in letters, wh. you, silly old Boy, are shy to use except in the dark, fill my heart with silent bliss and make me feel younger and the few nights we spend together now are so quiet and full of loving tenderness. Always being inseperable for years, one loose the habit of showing ones tenderness and feelings, whereas now one cannot keep them back they bring such untold consolation and joy. —

Marie wrote to you all about the nonsense on the ice. I went into *Znamenia* and placed candles and brought some flowers to the Virgine. — Paul took tea with us, to-day Dmitri and we have A. Olga and Christo for Church and luncheon. D. came with that rotten Marianna and A. in the train, in despair to go back to the regiment and all the more before the holidays, finds it no use being in the regiment, no work and constant drinking. Longs to go to the Caucasus, to be sent down there to see something else in a warm climate and with some order to fulfil. And disappointed not to have been left at the *Headquarters* with you. Oh these young men of the family with bad health and love of pleasure instead of duty! Felt so sad without you in Church, I was not last year either. The boys will only be out of quarantine for Easter I fear, — such a bore. But the men sang very well, masses of soldiers and people were in church, when we left there were still heaps waiting to approach the Image and receive their »*willows*«.

How was *Brussilov?* Did he speak out his opinions and did they seem good. I do wonder whether he is capable to fill such a responsible place, God grant it! —

How grateful we must be, that those aeroplanes were got to move off, you were in a precarious place, — hang them, they prevent you going further to the front and *trenches.* — The papers say William was wounded at Verdun by *shell-fragments,* is it true, I of course dont know. — Here I send you a petition (through Paul) fr. Mme Speier, perhaps one can help her a little? Paul begs you to remember General *Novoss.* — He longs for a place, hoped for Tougaku's place, but that is to great a one for him, I think, but as ex Garde à cheval, Paul asks for him some place.

You will be in despair when you see this big envelope, but its the *report* of Ella's *home for young volunteers* and she asks whether you would allow Alexei to be the *protector.* Therefore I send you the paper, only just to look through it, let *Mordvinov* read it and tell you if he finds all correct and then let me know, whether Baby may be named the protector and I shall send a wire to Ella for Easter announcing yr. sanction. The paper kindly return.

Aunt Olga was very sweet, Christo looks the same as ever, a big fat Boy. Came over London, Paris, Switzerland, Berlin, Sassnitz. — Says untrue all one said about Sophie, she kept herself very quietly and did not scream out her feelings, never left the country. Tino's wound has never healed up and every day the Drs. have to clean it and change the *tube.* A. Alix he found as well as ever, Minny very busy with her hospitals at Harrogate. — They were delighted with our Churches, showed them also the little one.

Glorious, warm sunshine, so we shall go for a drive. Dmitri comes to tea. Sweetest Love, precious Darling, Goodbye and God bless and protect you. Will you be going to Church twice daily? Do you make yr. devotions, or is it difficult at the *Headquarters?*

All my thoughts surround you in endless love, Treasure. Fondest kisses fr. yr. ever deeply loving and devoted old

Sunny.

No. 242.

Tsarskoje Selo, April 4-th 1916

My own Beloved,

I was so glad to get news of you through Dmitri, only we saw him quite short; he came at 10 minutes past 5 & left at 10 m. to 8. Hartmann is in town & he hopes he will allow him to remain on for the holidays. He wont ask, but he will make him understand his wish. Sad, how he dislikes going to the regiment & does not like the commander & the officers I think neither — all his comrades were killed. He looks better than when you left, & was in good humour. — We drove through *Tiarlevo,* the road already perfect — very little snow in the woods & one feels spring in the air — but there was rather a sharp wind. I fetched A. at her house, slipped on her balkony & came down with a great bang. Jumped up at once, but am bruised & achy — my hands were in my muff — too idiotic — & some wounding were standing opposite & saw the sight. But my hat, a very big one, did not move luckily — so absurd. — Mme Zizi sat with me for an hour. She does not feel famous, such *flow* of blood to her head, wh. make the back of her head ache, the whole left side of her face & arm, & she fears a stroke like A. Eugenie — it does begin so. So one gives her strong purgatives & she eats no meat — poor dear, it makes her so nervous & every worry makes her feel worse. — A. read to us in the evening whilst we laid patiences. D. said that the people on the railway said you would be coming for 3 days

— if true it wld. be too beautiful for words. — I know *Voyeikov* told Ania he could not understand why you wld. not do it.

Well, all lies in yr. hands & how you think right, & I will not meddle in any way.

Its grey this morning, & only 1 of warmth — I shall remain at home or lie on the balkony, don't want to be shaken about, as feel a bit achy fr. my fall, (a bump besides on the knee, wh. is most uncomfortable when I kneel) & the left arm feels heavy & uncomfy. — I am glad I have not... — there, I was disturbed, had to choose eggs & don't know what I wanted to write. —

Old Kundiger's brother, Heinrich died. — We have Church at 2 & 6½ as usual — the girls go before to the hospital. —

Will you make *Alexeiev* G. A. d. c. for Easter? — How is old Fredericks, not too gaga? How I wish we had somebody in view for his place. —

Do get yr. a. d. c.'s to do duty with you, now they have nothing to do, later it will be more difficult for the commanders of regiments to get free. I hate your loneliness at the *Headquarters* & yr. dull people. —

I cannot say how intensely happy I was to receive yr. precious letter, upon our return from Church. The sweet little blue flowers I put into my gospel. I do so love to get little flowers fr. you, they are a token of such sweet love. Not every husband wld. think of sending his old wife flowers. The first blue ones this year. I hope you get good walks & that one wont bore you too much this week. — Can imagine how lonely you feel with none of your own near you — if *N. P.* were near you I shld. feel quieter, as he is a man you are so accustomed to, can bang when you want, understands any joke — have lived so much together all these years — & your people are really such bores. — Am so happy & awfully touched that you wear my image, may it bring you blessings & helps & consolation & let you feel my presence always quite close to you. — Ah, I too have such a deep great love filling my heart for you & such a yearning to be together. Baby was in my *prayer-house* with me, the girls in Church. Ania outside at the door. Goodbye Lovebird, Sunshine — me is so sad & feel your absence intensely, & hate your loneliness. God Almighty bless & protect you. Endless kisses, Darling, fr. yr. very own old

Wify.

No. 243.

Tsarskoje Selo, April 5-th 1916.

My own sweet Treasure,

To think of you sitting all alone over a small puzzle, — its quite »*not necessary*«. Ah my poor wee One, it shows your loneliness. I understand after this heaps of work & reading you have to get through & people to see, — such a harmless occupation is a rest.

We don't either lay patiences now, & to-day I began drawing on wooden eggs, — with specks on. Cannot knit or hold my work comfortably because the

left hand shakes & arm aches. Myself I smeared it for the night with white jodine & then put a hot compress on & bandaged it beautifully & tidily with my right hand, — I was quite proud of it.

All through the service I had to think of you, all the prayers & yr. favorite lovely passion-week singing, — I cant understand your not being near me, — & somehow I have the feeling that I carry you in my soul & bring you to God with all my love. — How Christ must suffer now, seeing all that misery and bloodshed around. He gave up His life for us, was tortured and calumniated, bore all & shed His precious blood for the remittance of our sins. And how do we all pay it Him back, how do we prove our love & gratitude? The wickedness of the world ever increases. During the evening Bible I thought so much of our Friend, how the *bookworms* & pharisees persecute Christ, pretending to be such perfections, (& how far they are from it now). Yes, indeed, a prophet is never acknowledged in his own country. And how much we have to be grateful for, how many prayers of His were heard. And where there is such a Servant of Gods, — the evil crops up around Him to try & do harm & drag him away. If they but knew the harm they do, — why He lives for His Sovereign & Russia & bears all slanders for our sakes. How glad I am that we went all with Him to Holy Communion the first week in lent. — You don't want a book so as to follow the service in? I can send you mine if you would care to have it, as I use the one wh. belongs to the *prayer-house* now. — I have had the foot-stool placed again next to my chair for Alexei to sit upon, — but on my right side the corner is, oh, so empty!

Our Friend writes so sadly, that as He was driven away fr. *Petrograd* there will be many hungry ones there this Easter. He gives such a lot to the poor, every penny he receives goes to them & it brings blessings too to those who brought Him the money.

A grey morning & slightly snowing.

I send you a petition fr. the wife of a *colonel Svetchin,* who asks her son to be placed as candidate for the pages corps. The boy's grandfather was promoted to general after he had left the service as a reward; the father commands the *6-th Finnish Rifle Regiment.* Your chancelry answered her it cld. not be done, so through Ania she sent this, as a last trial to see whether you wld. not allow it. Her husband has the gold sword & *Vladimir* 3-rd class.

Am sorry to bother you with these petitions, but perhaps you could write a word on them & send them to yr. chancelry. — The other is fr. a widow asking for help.

Here Lovy, I send you 8 Eastercards for the Children, Olga & A.; perhaps you would send them on Friday already.

I have sent still to *Uralsky* for eggs & shall make a small choice for you to-morrow, as it will give more pleasure if you send the eggs, and they will know they come fr. & were chosen by you.

For yr. precious letter my very tenderest kisses and thanks. Lovy mine, you can go to another Confessor when are in another place & *Father Alexander* wld. perfectly well understand it — if you do, wire it directly to me, & I shall tell it the Priest at Confession & yr. scruples, & I feel convinced he will only

rejoice with you, as he knows how much you need that strength & blessing now, — & to go with *Alexeiev* & yr. people would be a special blessing to them & yr. work. If *Shav(elsky)* speaks about our Friend or the Metropolitan, be firm & show that you appreciate them, & that when he hears stories against our Friend, he is to stand up with energy against all & forbid their talks & they dare not say he has anything to do with the Germans — & he is generous & kind to all, as Christ was, no matter what religion, as a real Christian should be. And once you find His prayers help one bear one trials, & we have had enough examples — they dare not speak against him, you be firm & stand up for our Friend.

Do go to Holy Communion, we shall feel quite together then. — Thank God, things are going so well in the Caucasus.

What you tell about Misha is strange — I know Dmitri & he had some conversation & correspondence & they probably settled this together. One suffers in one's relations & their lack of feeling of duty — as poor Olga too.

Petia lunched with us & talked after & cried, poor Boy. He begs me to tell you, that he goes to-morrow straight to *Ai-Todor,* as wld. be to painful at *Ramon.*

Must end. Blessings & kisses without end. Tenderly do I beg yr. pardon for word or deed, wh. may have displeased or caused you pain & believe it was not done willingly. Ever Sweetheart, Treasure, yr. own old

Wify.

No. 244.

Tsarskoje Selo, April 6-th 1916.

My own sweet Darling,

I send you a book and collection of eggs wh. I think would please the children and Ania. — Several times I have reread your dear letter and kissed it over and over again.

Yes, it must be a fine sight, the inundated country before you and the immense river now. —

How splendid Trebizond has been taken by our splendid troops — I congratulate you with all my loving heart. It makes me sad that all the luck is down there — but the good will come here too in time. —

My arm is better, but aches still a bit — but its really nothing at all, and nobody notices it. Kneeling on the bruise has made it every colour of the rainbow.

Baby was awfully cheery and gay all day and till he went to bed — in the night he woke up from pain in his left arm and from 2 on scarcely got a moments sleep, the girls sat with him a good while. Its too despairing for words and he is already worrying about Easter — standing with candles to-morrow in Church, and holy Communion, poor little man. It seems he worked with a *dirk* and must have done too much — he is so strong, that its difficult, for him always to remember and think that he must not do strong movements. But as the pain came with such force in the night and the arm wont bend,

I think it will pass quicker — generally 3 nights pain, but perhaps God will mercyfully make it pass quicker — its too hard about Baby Holy Communion. I hope he will sleep now — she wires to *Gregory*. — I shall finish my letter after luncheon, by then can say more about him. Perhaps one can bring him Holy Communion upstairs.

Ania probably cant go before Saturday as B. came. *N. P.* telegraphed to her that they go to-morrow too; *Rodionov* is coming to town. — Grey morning. — The big ones are in the hospital and the little ones have gone to the big Palace hosp: so as to have the afternoon free to sit with Baby and we can paint up there our eggs.

Oh such thanks, Lovebird, for yr. sweet letter, tender words. Yes, indeed I shall think of you q u i t e e s p e c i a l l y during confession and Holy Communion. Its more than sad we shall not be together this great moment but our souls will be. Once more Darling, forgive me for everything, everything. — Feel awfully sad and lowspirited to-day and cried like a Baby in Church. Cannot bear when the sweet Child suffers and know what it costs you. But Mr. Gillard said it came as sudden and terribly strong as on board — and then it passes quicker. — He is sleeping. — We had a bit of the Metrop. choir in Church (*The Priest* and A's doing, I did not want, as knew they wld. sing differently, and so they did). But our boys are ill all the time — really they might separate ours for *Tsarskoje Selo* fr. the others, when there are such a lot of them. —

How nice going up the river must have been — always nice beeing on the water — I hope *Grabbe* photographed. I have not been out these days, so as to keep quieter on account of Church. —

Now my own beloved Treasure, Goodbye and God bless you, I kiss you without end — and shall feel you so, so near me. Oh how I love you, long for you, beloved One. — Think of Coburg and all we went through these days.

Ever yr. very own old

Sunny.

No. 245.

Tsarskoje Selo, April 6-th 1916

My own beloved One,

I begin my letter still to-night, after once more having reread your sweet letter. The afternoon I spent in Baby's room painting, whilst Mr. G. read to him or held Foen. He suffered almost the whole time, then would half doze for a few minutes & then again strong pains. Eat next to nothing. Reading is the best thing, as for a time it distracts the thoughts when the suffering is less great. I hope he will have a pretty calm night. He confessed with the two youngest & *the priest* will bring him Holy Communion like last year. A. dined with us & remained till ten — she had been all day in town & motored back. — Sat with Tiny after dinner, poor wee one. The swelling is not much & less than in the night, so I hope it will soon pass. Seeing

him suffer makes me utterly wretched. — Mr. G. is so gentle & kind with him & knows exactly how to be with him. — We had confession at 10 — sad without my Angel & I miss you quite horribly — do wish you had gone to Holy Communion & *the priest* agreed. — After, I read through *the reports* & arranged some Easterpackets. There was a colossally thick fogg this evening. —

Now its very late, so I better bid you goodnight. I know yr. prayers will be with us & I carry you with me. God bless and protect you. I cover you with tender, yearning kisses — in thought clasp you tenderly to my loving old heart, stroke and caress you & whisper of deep love. —

April 7-th. Ever so many fond thanks, my own sweetest Darling, for your beloved letter and telegram. Missed you awfully in Church this morning. Service was lovely & such a blessing & I prayed & longed for you quite unspeakably. The sun was shining splendidly & drove the fogg away. — Then *the priest* brought Baby the Holy Communion. Thank God, he slept much better, woke up only once, or twice for a short time. He would not touch anything even no water before Communion, wh. he partake only towards 11½.

He is far brighter to-day — we took tea with him & are going to lunch there too. I lay upstairs painting, whilst Mr. Gibbs read to him & then came down to finish my letter & change. After lunch shall go for a short drive as the air is so divine & go into *Znamenia* to place candles for you, sweetheart, & our Sunbeam.

Fancy, *Silaiev* receiving the »*Erivantsi*«*!* Yesterday I asked *Vishinsky* & he said he did not know who his successor would be. — They had hoped for a guard officer, as for one fr. there its difficult generally, as they either side with the Russian or *Georgians*. But I am glad for *Silaiev* & as his health is now better on the whole; at least if he can have the honour to command for a time. — Precious One, more than ever shall I think of you to-morrow, the 22-nd anniversary of our engagement — dear me, how the time flies & yet how vividly one remembers every detail. Unforgettable days & the love you gave me then & ever since. Its sad not to spend that day together & feel your warm kisses & live through all again. God bless my One & all & thank you over & over again for yr. endless, tender love wh. is my life. —

Goodbye now Lovy, Huzy mine, the letter must go.

I cover you with kisses & remain yr. very, very own

Bridy.

All the children kiss you awfully tenderly.

No. 246.

Tsarskoje-Selo, April 8-th 1916

Christ has risen!

My own sweet Nicky love,

On this our engagement day all my tenderest thoughts are with you, filling my heart with boundless gratitude for the intense love & happiness you

have given me ever since that memorable day, 22 years ago. May God help me to repay you hundredfold for all your sweetness.

Yes, verily, I doubt there being such happy wives as I am — such love, trust & devotion as you have shown me these long years with happiness & sorrow. All the anguish, suffering & indecision have been well worth what I received from you, my precious bridegroom & husband. Now-a-days one rarely sees such marriages. Your wonderful patience & forgiveness are untold — I can only ask God Almighty on my knees to bless & repay you for everything — He alone can. Thank you, Sweetheart & feel my longing to be held in your arms tightly clasped & to relive our beautiful bridal days, wh. daily brought new tokens of love & sweetness. That dear brooch will be worn to-day. I feel still your grey suite, the smell of it by the window in the Coburg Schloss. How vivid I remember everthing; those sweet kisses wh. I had dreamed of & yearned after so many years & wh. I thought, I should never get. You see, as even then, faith & religion play such a strong part in my life. I cannot take this simply — & when make up for sure mind, then its already for always — the same in my love & affections. A far too big heart wh. eats me up. And the love for Christ too — & it has always been so closely linked with our lives these 22 years. First the question of taking the orthodox faith & then our two Friends sent to us by God. Last night gospels made one think so vividly of *Gregory* & His persecution for Christ & our sakes — everything had a double meaning & I was so sad not to have you standing by me.

Last year I was in the afternoon near Ania's bed in her house (our Friend too), listening to the 12 *Gospels* — a part of them.

To-day at 2 *the carrying out of the winding-sheet* & at 6 *the burial. Loman* begged upstairs instead of the night, as then none of the soldiers can go.

And you alone at the *Headquarters* — ah Sweet One, I cry over yr. solitude!

Baby slept well, woke up only 3 times &, I hope, will be up to-day, as he badly wishes to come to the *morning*-mass but without you I cannot imagine that great and holy feast. Think its Wify kissing you 3 times in Church, I shall feel yr. kisses too & blessings. —

I send you the petition of one of Aunt Olga's wounded men. He is a Jew, has lived since 10 years in America. He was wounded & lost his left arm on the Carpathians. The wound had healed well, but he suffers fearfully morally as in August he must leave, & looses the right of living in either of the capitals or other big towns. He is living in town only on the strength of a special permit, wh. a previous minister of the Interior gave him for one year. And he could find work in a big town. His English is wonderfully good, I read a letter of his to little Vera's English governess & Aunt Olga says he is a man with good education, so to speak. 10 years ago he left for the United States to find the opportunity to become a useful member of human society to the fullest extent of his capabilities, as here it is difficult for a Jew who is always hampered by legislative restrictions. Tho' in America, he never forgot Russia & suffered much from homesickness & the moment war broke out he flew here to enlist as soldier to defend his country. Now that he lost his arm

serving in our army, got the St. George's medal, he longs to remain here & have the right to live wherever he pleases in Russia, a right the Jews don't possess. As soon as discharged fr. the army, as a cripple, he finds things have remained the same as before, & his headlong rush home to fight, & loss of his arm has brought him no gain. One sees the bitterness, & I fully grasp it — surely such a man ought to be treated the same as any other soldier who received such a wound. He was not obliged to fly over here at once. Tho' he is a Jew, one would like him to be justly treated & not different to the others with similar losses of a limb. With his knowledge of English & learning he could easier gain his bread in a big town of course; & one ought not to let him become more bitter & feel the cruelty of his old country. To me it seems one ought always to choose between the good & bad jews & not be equally hard upon all — its so cruel to my mind. The bad ones can be severely punished. — Can you tell me what decision you write on the petition; as Aunt Olga wanted to know. —

4 big eggs are for:

1. *Father Shavelsky,* 2. *General Ivanov,* 3. *General Alexeiev,* 4. *Admiral Nilov (Fredericks* already has one).

12 small eggs:

1. *Voyeikov,* 2. *Grabbe,* 3. *Dolgorukov,* 4. *D. Sheremetiev,* 5. Silaiev, 6. *Mordvinov,* 7. *Kira,* 8. *Feodorov,* 9. *Zamoi,* 10. *Pustov.,* as he works with you always.

Our Friend wired to me »*Christ has risen, is a holiday and a day of joy, in trials joy is brighter, I am convinced the church is invincible and we, its children, are joyous with the resurrection of Christ.*«

My head goes round, & during my writing one interrupts me & I have to choose eggs & write cards, so as to send off most things to-day — after all lots have to get things — & now must get up for luncheon at 12½, & after that shall finish my letter. — I send you my little Eastergifts — the bookmarker for the novels you read. — We lunched near Baby's bed in the big room, he feels rather giddy fr. his medicines — but will get up later. — The Image I thought you would perhaps all kiss in Church & then it will be a double remembrance. The egg is *hand-made,* can hang with yr. war Images in Church if you don't know where to put it. Its grey & now raining. — Your sweet blue flowers are too nice, thanks a w f u l l y for them, the Children & I love them & I gave some bunches to the ladies, who were quite delighted. — Baby fears he cant go to-morrow night & that worries him.

1000 thanks, Lovebird, for yr. sweet letter — I shall at once let Aunt Olga know about the Jew. *Sturmer* comes to me this evening. —

Yes, me loves oo, my little Boy Blue & already 31 years & belong to you 22. —

Now I must end.

3 Easter-kisses, blessings without end, my own lonely Angel, whom I love so endlessly — oh, your sad Easternight — shall miss you more than words. —

Ever yr. very own old Wify.

I send you a »Sketch« of Baby for you to keep at the *Headquarters* — later can have it a wee bit arranged — & I send you *Stredlov's* photos he made, lovy.

I shall tell Ella you find the work very well done, only please, wire to me at once, may Baby be Protector, then shall telegraph it to her to-morrow, or will you, — please. —

Must be off. These flowers bring all my love. —

No. 247.

Tsarskoje-Selo, April 9-th 1916

Christ has Risen!

Sweetest Darling,

Three very tender Easter-kisses & blessings. I do so wonder how you will spend these feast-days — all alone amongst heaps of people. All my thoughts incessantly surround you, & I do wish we were together to meet this great holiday, but the joy of your precious letters must be my consolation.

I send you a matchbox fr. Mme. *Khitrovo.* The big egg is from the *Stroganov* school — they sent me an ideal one too — perhaps Fredericks might wire Globa thanks from us both. The picture Ella ordered a little painter to do for you & she hopes you will have it always with you when you travel. — The verses on the card I send you are written again by Mme *Gordeieva.*

My brain goes spinning round fr. all there has been to do again — sorting out things, the services, tho' I sat or knelt were also very tiring, tho' lovely — & I have a slight cold. —

The sun peeps in and out to-day — I want it to remain out & let Baby get some air. I fear this night will be too tiring for him & yet he longs to go. —

Rodionov came for four days & leaves to-morrow — so we asked him today to tea. *N. P.* lets them all off for a few days now.

Tchistiakov sent a postcard fr. where they live — & his staff, in a lovely property wh. originally belonged to *Koublitzky's* wife's family; now very rich people have it. Big lake, terraces & steps down to it. — Now they have put my little Church on the terrace & there they took holy Communion on Thursday whilst aeroplanes were flying over their heads & our artillery & the *Crew's machine-guns* were firing at them, but the shells burst far away. Every day they fly & they threw bombs onto the town, not far from the bridge. During service masses of storkes promenade about close by & marry before all eyes — *the priest* forbids the sailors looking about during service (wh. is most tempting there), so they tease him, that he at least looks through a chink of the little Church. —

They say its so warm & *N. P.* says you wld. enjoy ideal walks in the woods & along the roads & rowing on the lake. They heard & my lancers too that you are going to inspect the guard now. — Does *Silaiev's* nomination come out to-morrow? —

Babykins is going out & then intends colouring eggs, is very cheery — hope, the little sketch will have pleased you.

For the 6-th I intend another picture being made, & you must choose fr. the photos more or less wh. pose pleased you best — tell me the No. only. Of course one must never do completely en face, as no face is completely regular & one eye is bigger than the other. —

Ania goes to holy Communion this morning. *Sturmer* in town too. —

I must end now as shall be having to get up for Church — I shall go half an hour later, as service is very long to-day. — Excuse dull letter, but am cretinised.

I bless & kiss you without end, my own sweet Sunshine, my Joy & Life, dearest of husbands. —

Ever yr. very own old

Wify.

General-M. Fok who died from wounds, was he not the hero at Port-Arthur on the railway engine?

When was he wounded?

The relief & joy was great yesterday, when I read that our dear troops had arrived safely at Marseilles & just for Easter.

God bless them & may they do great deeds & have immense success on French soil. —

Do wire to our Friend for Easter, *Novy, Pokrovskoye, the government of Tobolsk.* 1000 tender, touched thanks for yr. awfully sweet words on the card — I shall wear it in my dress against my heart in Church to-night to feel your love, blessing & kisses with me. —

No. 248.

Tsarskoje-Selo, April 10-th 1916

Christ has risen!

My own sweet One,

A blessed Easter to you, peace in heart & soul — strength for all your work & success & rich blessings.

I kissed your photo three times last night & this morning — the big Image, on wh. you are three times. — Your card lay on my breast during the whole service — cannot tell you how unutterably sad I felt the whole night, such pain in the heart & with difficulty kept back my tears — your loneliness is too hard — God bless & richly recompense you for all your sacrifices.

Just got yr. beloved letter & dear flowers. — Fancy that sinner *Rostchakovsky* having turned up — yes, I also found him calmer & much older — his wife is an angel of goodness & patience, A. Olga says — as his character is trying. —

You sweet ramoli, you forgot what I wrote out to you on an extra paper, that Ella asks whether Baby can take over the protectorship of that school of little hero boys of the war. —

How did you like the picture of *Alexei,* the sketch of *Stredlov?* How nice that you 4 carried the *winding-sheet.* —

Oh Pussy, *M. B.* is sure to come to-morrow! —

The 5 Children walked round last night & I sat on the top of the stairs (in a chair, not on the Churchsteps) — a lovely sight, only I dont like fireworks & crackers whilst the Priest is singing & saying prayers before the entry. Baby had lovely pink cheeks as he had slept before. He went home after the Easter service & broke fast with *Derevenko* & *Nag.* — we did with Ania after mass, 10 m. to 2. — One had to wake him at 10½ he was sleeping so fast this morning. The *Easter congratulations* was fr. 11—12.

Now Maria & Anastasia go to their hospital, & then I go with the 4 girls to our hospital — Olga is the whole time grumpy, sleepy, angry to put on a tidy dress & not nurses for the hospital & to go there officially — she makes everything more difficult by her humour. *Tatiana* helped me with the eggs & yr. men — so unnatural all without you. — Can you kindly give over the eggs I sent you.

Ania wore yr. egg & was enchanted with it & yr. card. — Must end.

Goodbye & God bless you. 1000 tender kisses fr. yr. very tired old

Wify.

No. 249.

Tsarskoje Selo, April 11-th 1916

My very Own,

Sweetheart mine, I wonder whether it is true that you are arriving on Wednesday at 3? *Voyeikov's* officer Rostovtzev told it privately to Nini that her husband is returning then. Nini told me the guard had been warned you were going to inspect them one of these days, so Sophie F.'s boy was recalled to the regiment yesterday evening. These are all the »*rumors*« wh. buzz around, but fr. the chief person, you Lovebird, I know yet nothing, so wait quite patiently & send this letter. — . . . .

Three days I am fighting with a cold — beastly nuisance, as it may make my face ache again.

Again grey weather, the second day already. Am tired & head rather aches, so have not gone to Church — this afternoon at 2 *Easter kissing* in the big palace, over 500 people & then below in the hospital. — It went off alright in our hospital yesterday, we remained there an hour.

To-morrow I must go to the red cross & *Matthew Hospital.* — So tiring when not well & cannot keep the heart up with medicines.

Sweet Angel, fancy what joy if you really do come now, the best treat of all my heart, my Sunshine, my radiant Love!

Easternight Baby kissed all the clergy in Church — & will his 101 officers (I hope) to-day. — I am dreading saying goodmorning & congratulating the

men to-day. Probably in a smaller hall, as I said. — The blue flowers look charming in a big flat bowl. — You remember the primroses we picked these days at Rosenau? Oh, yes I remember *U.* Alfred dropping granny's stick & being rather »tired«. —

I live in the past & the poetry of it all — & long for the hero of those days to return, to clasp him tightly to my bosom & cover him with kisses. *Olga Evgenjevna* wrote & begged me to give you over her best Easter-wishes. — Thats good you get your rows on the river, good exercise at least. — Georgi met Easter with my lancers — such a nice idea! *Taube & Shesterikov* said, that your 1-st rifles were full of hopes that you would see them on their feast day. Everybody wants to see my Treasure, & I understand them & share that wish. — Morning & evening & when I rest in the afternoon I kiss the words on yr. Easter-card — your hand lay on it & you wrote all those dear words to your little woman & they must warm me up. Cant' bear your being alone, such pain. —

There is that lovely little French song I have, wh. Emma F. gave me. »Partir, c'est mourir un peu, c'est mourir à tout ce qu'on aime« etc. — so true — one feels an inner death when bidding goodbye! —

Baby slept splendidly again — woke only at 9 & continued till 10. — He has grown paler fr. the pain & no sun, feels very sad without you! —

Now sweetest of Husbands, my very own Treasure, Lovebird mine — my bridegroom that was — goodbye & God bless you. Ever yr. very own wife

Alix.

1000 burning kisses. —

Yr. card & telegram rejoiced her heart colossally & she loves the egg — I enclose her thanks. —

Endless thanks for yr. sweet letter & heavenly news that you are really coming, oh what bliss indeed, joy untold. — Excuse vile writing, I am eating, they are making an unearthly row & teazing the wolf atrociously. —

Fancy our beloved Standart's being there. Yes, for the soldiers the monogram eggs are best — tho' they love the flowers too. — Hope you can without hurrying see the guard in different places, more interesting & less stiff.

Goodbye my Manny — my Angel love, I kiss you without end, every tenderly beloved sweet place & the beautiful big eyes — write it I may, you cant stop me. —

No. 250.

Tsarskoje Selo, April 24-th 1916

My very own Beloved,

Sweetheart, I cannot tell you what your dear presence has been to me, the light & calm you brought to my heart, as without you everything is harder to bear & I miss you always beyond words. Your tender caresses & kisses are such balm & such a treat — I always yearn for them — we women long

for tenderness (tho' I do not ask for it nor show it often) — but now that we are so often separated I cannot help showing it. I live afterwards upon the sweet remembrances. — God grant we shall soon be together again — you tell it privately to *Voyeikov.*

Please, see the guard before as they are so impatient to present themselves — & then to go together to the south would be splendid.

Now you will get a certain sort of rest, as these days here are really a torment to you — people fr. morn. to night with you, fidgeting & bothering. I am so glad our Friend came to bless you before leaving. I think He will return home as soon as A. has left. — What weather! O my Love, my Own, my Soul, my Life, my One & all — fare well. I hold you tightly clasped to my heart & cover you with kisses. God bless & keep you & guard you fr. all harm.

Ever yr. very own

Wify.

No. 251.

Tsarskoje Selo, April 25-th 1916

My own Boy Blue,

How do you like that, my sweet One? Yes, I love the book & shall bring it with me & read the tender passages when sad & heartsick. — I do miss you so, so much, Lovy mine — yr. lonely journey is yet worse. — Marvelous weather again they are putting up the marguin outside — it will be darker in the rooms, but the sun spoils the furniture. —

We went all over Baby's train, you had seen it already & there is a little commemorative plate on the wall. Schmidt was there & persisted in speaking French, *Trepov* too — we had to wait till 3 as the train had been sent to the *Alexander* station to wait. Very clean — a sweet little Church with bells too — 299 wounded soldiers & 6 officers — I gave medals to the worst. — Then I lay on the balkony till 6. — A. came for an hour — her humour is rather aggressive, aggravated to see me little these days, that has much to do, people to see, that did not scarcely see you; so that in some respects it will be a relief when she goes. —

We dined out & then I motored with the Children to *Pavlovsk* — heard the first nightingale.

She came back from town in the evening. — I am writing with another pen, as am in my mauveroom. Was ever so happy to get yr. dear wire fr. *Smolensk.* — Our Friend told Ania about one having shut up *Sukhomlinov that »it is a bit not well«.* — Such marvelous weather, our wounded all lay & sat out on the balkony & in the garden, even the worst, the sun being the best cure, & then morally it does them good. — Sweety, you won't forget to speak to *Voyeikov* about *Bressler* (Ania gave you her private letter fr. him about his brother). —

We are going to the hospital of the *Alex. community station* in the barracks of the *convoy* & I shall give medals to the worst. Visiting hospitals in the heat is somewhat fatiguing & the heart beats hard. —

Must end, my Sunshine, my joy. — We all kiss & bless you. I cover you with kisses & miss you horriblly, my Angel — you did take the fortress, you sweet Boy Blue & she was like yr. very own

Wify.

No. 252.

Tsarskoje Selo, April 26-th 1916

My very Own,

Another splendid day, such a blessing; but the night was cooler & there is a breeze this morning. —

We had *N. P.* & *N. N.* to dinner & sat out on the balkony till 10½ — at 11 they left to catch their train at the *Alexander* station. Missed you so much, reminded one of the bygone. — In conversation *N. P.* told me of an idea one had proposed (probably banker, but to my mind excellent) — that one should a little *later* on make a loan in the country for a milliard to build railways of wh. we are in sore need. It would be covered almost at once, as the bankers & merchants, who are colossaly rich now, would give big sums — as they understand the gain.

Then by this one would find work for our *reserves* when they return fr. the war, so as not to let them at once return to their villages, where discontent would soon begin — & all must try to avoid histories & disturbances by thinking out means of occupying them beforehand & for money they will be glad to work. The prisoners can begin all. — And thus one can find heaps of places for wounded officers along the line, at the stations etc. Don't you agree with the idea — you & I once had it, do you remember?

May I speak of it to *Sturmer* when next I see him, so as to work out a plan how it might be done & he can speak to *Bark* about it? — We had an operation — appendicitis to-day. — This afternoon I shall remain, on the balcony, as my heart is tired. — As you finished the Rosary, I send you the continuation, you will find the same people again in this book. — When do you go to the guard? Have you thought about our journey?

Is it not beastly the Breslau shot at *Eupatoria* — our wounded must have got a good fright. — Sweetheart, I must end now. I miss you more than words can say & yearn for your kisses. God bless you.

Ever yr. very Own.

Noo. 253.

Tsarskoje Selo, April 27-th 1916

My own beloved Sweetheart,

My heart leaped with joy when Tudels gave me your precious letter upon my return from the hospital.

The air was terribly heavy, my heart ached & made me cough so, & left arm ached; felt the thunderstrom wh., thank God, came, and passed by, heard it twice in the distance & it poured, all has become much greener. It will lay the dust for A's journey & all our wounded, — when the train leaves is still not yet settled, they change every minute on account of the movement of the other trains — probably at 7. —

Great excitement in the hospital & Ania full of fidgets. —

Placed my candle for you at *Znamenia.*

Petrovsky came to the hospital to say goodbye. —

Yesterday *Tolia B.* came & did not know what to do, whether he would find yout at *Moghilev* or not.

So glad, you can row again on the river — that one arranges a tent in the garden. — When do you go to the guard? Heart & soul l o n g for you. —

You cannot imagine how wildly my face ached again yesterday, whole afternoon & evening ever, — since the motor drives it has been preparing. To-day its better. —

Goodbye, Sweetheart, I bless you & cover you with passionate kisses. What joy to meet soon, I hope! —

Blessings & thousands of kisses, Huzy mine.

Ever yr. very, very

Own.

No. 254.

Tsarskoje Selo, April 28-th 1916

My own precious Darling,

There we are into winter again — everything white and snowing hard, I am so sorry for trees and bushes, wh. after yesterday's rain had become so green. — It will be less tiring for going to town, that is true. I take the four girls with me to see the English hospital in Ella's house — in the evening their *unit* leaves for the guard. — Then we take tea at *Anitchkov.* I cant take Baby as his left leg is bent all these days and one must carry him — he has no pain at all and its getting better and he is careful on account of the journey. —

I wonder, why you have not left yet for seeing the guard, they are all so impatient — and now the weather has suddenly changed. —

I send you the report about the little Dr. *Matushkin* of my 21 Siberian regiment — last winter he was in our hospital. Cannot he present the papers again to the *St. George Cross,* as it seems to me most unjust he did not get the cross — tho' he is a doctor, he did the work of an officer. —

Well, that was a *trial* for Ania yesterday — never could one settle when my sanitary train wld. get to *Tsarskoje Selo* from town to pick her up — after endless changes, we at last took her off there after 6 and went all over the train, found lots of our and big palace hosp. officers, and from town, Gebel's son too — and soldiers — 5 of Ania's poor wretches too and 5 sisters going to *Livadia* to rest, and some wives accompanying their husbands. — *Viltchkovsky* went too so as to look at all the sanatoriums of the Crimea

belonging to our *Tsarskoje Selo station* and *Duvan* went. Ania had a whole court to accompany her, *Zhuk, Feodor Stepanovitch, Korenev, Loman* takes the train. She is placed in his charming compartiment with her maid in the sisters waggon — her wounded are right at the other end. At 7½ at last they left (she was utterly wretched) — and when going to bed I got a letter from her fr. town, saving that they would stick there till 10½ — God knows when they will reach *Eupatoria.* She sends you many loving kisses, but had no time to write these last days of fidgeting.

No, what a snow. — I did not sleep well, something went wrong with my minister of the interior. —

We spent our evening working, and Olga and I read aloud change about an English story we had begun long ago and forgotten all about it.

What do you say to *Nikolasha* having presided the opening committee *»on the question of Zemstvos in Trans-Caucasia?«*

I see by the papers that *Grevenitz* has died — what will become of Dolly, I wonder. —

Just got your beloved letter, my Treasure, and I thank you for it with all my heart. Yes, Lovy certainly we shall take the marcheroute reaching *Moghilev* at 2, otherwise we should have no quiet time before Church. What joy to meet in a week!

That is good *Feodorov* watches your pulses, as all hearts are not equally strong and too much rowing against the current may harm them — they need gentle training.— You say, Motherdear probably leaves Saturday — here nothing is known, so for safety sake Ressin sends the soldiers and cossacks off to-day — *Zina* neither knows and all are in trances, as its difficult to arrange quickly, especially now. —

Ah my Boy Blue, me's coming soon to gather him to my breast and to cover his sweet face, eyes and lips with tender kisses!!! —

Oh, those 2 poor dogs! Do you remember *Iman* and *Shilka* at *Peterhof,* when we saved them?

Its after 12 and still snowing and blowing, the sun tries to break through, but has not yet succeeded. —

How is it you dont go to see the guards yet? Will one arrange to stop at *Vinnitsa* on the way south, so as that I can see my *store* there?

If I know the date beforehand, I can let *Apraxin and Mekk* know to be there then. — If you have any rough plan, let me know please, as we must calculate for our linen and clothes; and then can we go to Eupatoria by train, not all the waggons fr. *Simferopol,* one wld. be less tiring and we could lunch in the train, see the Sanatorium and Ania.

Have you thought about giving the order that the *Vladimir* Virgin fr. the *Uspensky Cathedral* should be brought to the *Headquarters?* Now I must get up and dress. — Goodbye and God bless you Sweetheart, little wify misses you terribly. I cover you with burning kisses and rest yr. head upon my breast.

Ever yr. very own old

Sunny.

No. 255.

Tsarskoje Selo, April 29-th 1916

My own Boy Blue!

Warmest thanks my treasure for yr. dear letter just received & for poor little Olga's. I fully understand & deeply feel for her — but had to put all before her, for your sake. Of course one can only long for her happiness at last — but will she gain it thus.

May I ask our Friend, of my accord, whether he would think it better for all reasons it should be now or after the war? I shall see him to bid goodbye a second in Ania's house, as he wants to bless me before the journey; & then you can answer her. I saw Xenia at tea yesterday, — she also leaves south on Saturday & wont probably see me before the talk. *Volodia Volkonsky* told her now & to *Petia* he said better after the war — he is such a man, tries to please all parties, the same as he does in the corridors of the Tauride. Been snowing hard all morning & very damp indeed, the wounded & my cheek feel it. I went to our hospital this morning, now must receive. Then shall go to Ania's hospital & then *reports* — always busy. Baby's arm is also swollen (does not hurt) fr. the damp & the leg is not yet quite right. Pitty about the guards, but you have your reasons no doubt. — Excuse short letter but must receive. —

Precious Boy Blue, me loves oo, oh, so much & so endlessly. — God bless & protect you. I cover you with very, very tenderest kisses.

Ever yr. very

Own.

Motherdear looks well, but thin & longs to get off, as perpetual receptions tire & bother her. She leaves on Sunday — so we all now disperse. —

No. 256.

Tsarskoje Selo, April 30-th 1916

My own precious One,

Very tenderest thanks for dear letter & the progr. of our journey, it seems quite good, shall I only have time to see any hospitals & *store* at Odessa? What a nice journey together — hang Becker for wishing to accompany me then. You better find out whether that rotten Plen has nothing to do with Boris' behaviour — do get that man away. —

To-day at last finer, warmer, the sun peeps in & out. — Baby looks thin & pale, left arm also wont bend well, but no pains & as soon as its warmer, its sure to pass. — Sat in the hospital, worked & continued teaching my little *Crimean* English & *Taube* talked like a waterfall. —

Christo comes to tea & *Tatiana's* Children, as I have not seen them since last summer.

The children are eating & talking bosh & laughing. —

Went all over Ania's hospital from top to cellar, kitchen & stables.

In the evening we work & read. — *Nikolai* has asked to see me — alone. — Cant imagine why, so shall see him to-morrow & *Sturmer* too.

We go to the big palace — (so dull). Sweetest Treasure, beloved Darling, I do so long for you & your tender caresses. —

Awfully busy, tho' heart tired — strange enough, don't miss her a bit, can't understand how that is. — Pss. *Odoevsky* comes to me now & two wounded officers who return to the front. What real news from the front?

Goodbye my Treasure — sorry dull letter. —

Metropolitan was very nice yesterday, shall tell you our conversation, nothing particular. —

Fondest kisses, Huzy mine.

Ever yr. very, very own old woman

Alix.

No. 257.

Tsarskoje Selo, May 1-st 1916

My beloved precious One,

From all my loving heart do I send you these lines again. Yesterday, no, to-day a week that you left us — it seems ever so much longer & I am counting the days when we shall meet — 4 have remained.

I again did not sleep famously & my left *»ternary« nerve* of the face began aching, an awful nuisance — now its better. — Were in church yesterday evening, its so empty without you, but I feel our prayers are together & all our thoughts.

Fresh, windy, sun & rain change about — for Baby sunny weather is so essential, he is quite pale again — you both need the sunny south. —

Excuse my bothering you with petitions, but our Friend sent them me. —

Ania arrived last night at her destination. —

I have nothing interesting to tell you, perhaps after *Nikalai M.* has been — he asked to see me alone, cannot simply imagine why. — Then I have *Yoantchik* & *Putiatin* with the plans for the Church.

The last days there is always so much to do & see to & finish off before leaving.

»Do you love his mouth, his eyes, his hair«. Yes, my little Boy Blue, I do, & I long to press my kisses tenderly & passionately upon them. — Sweet Boy Blue, with that deep true love! —

Tenderest thanks Sweetheart, for yr. precious letter. What a nuisance you have so much to do, my Treasure, & I too am disappointed for you, the guard & *N. P.* who were longing for you to come.

Snow, rain, hail & sunshine, strong wind, nuisance & my face aches. — Find it a shame about Souchoml. as if he wld. dream of running away. — Thanks for sweet forgetmenot. —

Well I had Nikolai for an hour — very interesting about the letters he wrote you etc. & he wants me to talk all over with you. I am very tired after it, but he meant & spoke well (tho' I don't like him). Now I must send this. Its snowing hard & we are going to Maria & Anastasia's hospital.

Goodbye, Sweetheart, Boy Blue — ah, could I but help you more & be an adviser & of real, real use to you.

I bless & kiss you without end, my one & all.

Ever yr. very own old Wify.

No. 258.

Tsarskoje Selo, May 2-nd 1916

My own beloved Treasure,

Grey and windy, despairing weather as my cheek continues aching — the left one now, and I slept badly notwithstanding a compress & it is a little swollen. In my sisters *kerchief* it hides it. —

Last evening we were for two hours in our hospital to cheer them up, as our departure grieves them. —

Well, *Sturmer* found the idea about the *loan* for railways ingenious & just the right moment, as all grumble now about the railways & will sooner give money. He will send me *Bark* at 5. — Then I spoke of *Sukhomlinov* — he said Frederiks got a letter (like mine probably) fr. the wife, but he said it did not concern him to speak to you of it & gave it to *Sturmer,* who showed it to the Minister of Justice. The latter wrote a whole answer why it had to be, & *Sturmer* thought of bringing it to you now but I said you wld. have no time to receive him these days & he will ask for an audience after yr. return, he has never been at the Headquarters. He did not wish to grieve you about *Sukhomlinov* as he knows you liked him. So I asked him to speak again to *Khvostov* whether one could not keep *Sukhomlinov* in another place at least, not there & *Khvostov* comes to me at 4½. Look at me with all the ministers suddenly. —

Sturmer has nothing in particular — only if you receive *Rodzianko* (one sees he goes to you) do tell him you wish insist the *Duma* to finish her work in a month & that its the place for him & all the rest to be in the country & see to their fields. — He does not approve of the question of *Zemstvo* for the Caucasus as is sure they will always fight — the different nationalities — I thougt you did not agree, but according to yr. answering telegram to *Nikolasha,* you wish them luck. — Paul took tea with us yesterday, — is waiting for news, so I said you have sent for *Bezobrazov* to talk over things concerning the guard. — Ania writes she lies on the beach in the sun, that its like a dream, like paradise, people bathing all round. Am going to our hospital — hang the cheek! —

1000 thanks lovely card, sweet words — so you too have cold weather, disappointing. I am bringing *Vladimir Nik.* till the 7-th (except Mr. Gillard of course) — for safety sake as we travel for 27 hours its safer, tho' his right arm is again alright, the left leg also much better. — Fondest blessings & warmest, tenderest kisses, Lovebird.

Ever yr. very Own.

Soon, soon together.

No. 259.

In the train, May 17-th 1916

My own Beloved,

In a few hours we shall part — our lovely journey together at an end! Oh, I hate saying goodbye to you my both treasures, sunshine & sunbeam & feel already a heavy, sore heart. But its a comfort to know that you are together & so you will feel less lonely & Baby will bring life into yr. so dull life. —

The lovely south did him good — you get him to play in the sand without making too strong movements.

Wonder, when we shall meet again?

Sweetest One, it has been a dream these 10 days & so cosy being next to each other — & s u c h sweet remembrances of all your love & tender caresses wh. shall sorely miss at *Tsarskoje.* — Our hospital will be my consolation; if only the weather is nice. —

Goodbye, my Angel, my own Sweetest of sweets, little Boy Blue with his great big heart.

God bless & protect you & Babykins — kiss him very tenderly & think of me when you say prayers together.

I hold you tightly & yearningly in my arms & cover you with kisses.

Ever yr. very, very own little

Sunny.

A kiss.

No. 260.

In the train, May 18-th 1916

My very own Sweetheart,

All my heart's thoughts are with you my both treasures; miss you sorely — had my lonely luncheon wh. was very quiet & sad without Sunbeam's lively prattle. — Its nice the book, is it not? I am glad you know so many of them now, they do one really good, so healthy, simple & warm up the lonely heart. — When I got up yr. dear telegram was brought me. It was horrid saying goodbye!! — Spent the whole afternoon & evening till 10¼ with Ella, who then went to try & get some sleep till Moscou — 2. 15. — I took tea with all, so as to be able to speak with her people. At *Kursk* I received the handsome new governor. —

I have finished my third piece of embroidery since this 2 weeks' journey & feel quite proud. — The 2 youngest & Olga are grumbling over the weather, only 4^0 & they said one saw one's breath out of doors, — so they play ball, to get warm or play on the piano — Tatiana sows quietly. But the sun shines at least brightly. —

Yesterday, whilst still warm & Tudels was arranging my compartment, we sat in the saloon — the girls sprawling on the floor with the sun shining full upon them so as to get brown. From whom have they got that craze? Now

you like the heat, but not when you were their age; & I run away fr. the sun — tho' the air in the south did me good I think, as there was always a breeze. —

Our last stoppage now & *Valuiev* has come — the platform close & the exact hight for all to look in, so I quickly had to draw the curtain.

I am not yet dressed & quite in bed till 2, so as to thoroughly rest. — Babykins I am sure keeps you all gay & now 2 sweet campbeds stand cosily together. —

I shall give this to the Feldjäger who goes on to town, then it will reach the other in good time. — I slept well, thank God & got throught this journey much better than I ever expected. —

To-morrow Tatiana & I have our regimental feasts. — Lovy, tell *Sturmer* to come now, speak about the railway loan; & let him know to bring *Sukhomlinov's* journal & letters to his wife, wh. are compromising, better you should see for yourself & judge rightly & not only go by their words — they can have read in another sense than you will. — Then, remember please, both the Metropolitans with *Volzhin,* upon yr. return here. Tatiana's birthday May 29, Anast. June 5, Marie 14-th — now Heart of my heart, my Own, my Sunshine sweet, whose caresses I yearn for — Goodbye & God bless & keep you. 1000 of endless, tender kisses.

Ever yr. very, very

Own.

The 4 girls kiss you very much. —

No. 261.

Tsarskoje Selo, May 19-th 1916

My own Beloved

Ever such tender thanks for yr. dear sweet words on the card. Bless you, my Treasure. I miss you 2 quite awfully, therefore am glad to be in our hospital instead of at home. Well, yesterday *Vespers* in the hospital itself ½ an hour, & then sat & talked with all. Spent the evening quietly working. This morning 9½ to the hospital Church & then to our wounded. *Karangozov* turned up, *Anushevitch, Yedigarov* — last moment, so have invited him to dinner — leaves to-morrow & came only so as to see us, such a dear — we were all shy & silent, meeting after 15 months, — here it will be better. — After luncheon went to *Te Deum* & cup of chocolate to my lancers' hospital. All the ladies were there, *Baranov, Trubnikov* & one or 2 old ones, but not one active one, all are in the regiment. Then to *Lianosov* hospital to see *Silaiev;* have told him by your order to go to *Sebastopol* for a cure at the *Rom. Institute,* 2—3 weeks; he wanted to return to the regiment, wh. I told him, was absolute folly — so by yr. order he will go in a few days. Its quite essential I find. —

1° of frost in the night — sunny & cold — small oakleaves, lilacs not thinking of coming out. Must quickly send this off, else the man wont catch the train.

Blessings & tenderest kisses, sweet Angel, fr. yr. very own little

Wify.

Tenderly I clasp you to my breast with endless love. —

No. 262.

Tsarskoje Selo, May 20 1916

My own Beloved,

Ever such tender thanks for yr. dear card I received upon my return from the hospital. I do wish it wld. get really warm at the *Headquarters* — to-day its better.

I have a long *report* with *Rostovtzev* & then *Shvedov,* so fear I shall again not have time to go out. I placed a candle for you my Sweetheart at *Znamenia, Yedigarov* was very dear, kept him for 2 hours & he told us a lot of interesting things. Dear me, how difficult & hard it is for them in that terrible heat, & the wretched horses suffer awfully & never any rest.

We bid him goodbye this morning at the hospital, *Raftopolo* & *Shah Bagov* also were there; — I photographed them all. — I send you 3 photos. I took in April when you were here. Its so nice being with them all & I feel the loneliness less than here in my rooms. —

Botkin was an hour with me & has still not yet finished all about *Livadia* & *Yalta* hospitals, to-morrow morning he will continue his *report.*

Irina lunched with us. —

How do you spend your evenings? Always reading, poor wee One? But Tiny must be a consolation & bring life into your solitude, I am sure.

Happily I keep alright, so can get about more, this fresh weather keeps me up. — Sweetest of Sweets, dearly beloved One, I cover you with tender, burning kisses. God bless & protect you & help you in all your undertakings.

Ever yr. very

Own.

The girlies all kiss you very fondly; — they have gone out driving with *Irina.* Bow to *Igor* fr. me; — speak to him about his sister Tatiana. —

No. 263.

Tsarskoje Selo, May 21-st 1916

Sweetheart beloved,

I cover you with kisses & thank endlessly for precious letter. Yes, Lovy, its true what you say — when apart one doubly realises that one has not sufficiently appreciated the many marks of love, wh. one has taken as natural & usual. Now every caress is a double treat & terribly longed for when not to be had. —

I send you & Baby each a pansy. Dear, can you give the enclosed paper over to Frederiksy — poor M-lle Petersen has really nothing to live upon — her old Aunt left her 50.000 — that means 2000 a year for lodging, food & clothes — if she could have got 2000 yearly fr. you, *Katia Ozerov* says it would be a Godsend.

Can you have it done as an exception — they did behave too badly sending her off without a penny & nowhere to live — life so expensive now. — What is the news about the English naval battle — awfully anxious to know whether Georgi was out too on the New Zealand & wh. English ships were sunk. —

Maries & Babys trains have been sent for to *Pskov*. Olga says she has much work now, many wounded again.

Sorry, you have again such a lot to do. —

Were in hospital — operation.

Zizi lunched, now *Mekk* comes with *report;* — so must end. —

Blessings & very tenderest kisses, sweet Angel, fr. yr. very, very.

Own.

No. 264.

Tsarskoje Selo, May 22-d. 1916

My own Sweetheart,

From all my loving heart I send you thanks for yr. beloved letter — h o w I love all you write! Me too longs for Huzy's fond caresses and soft, warm kisses! —

Its warm, grey and trying to rain. We were in Church, then Isa and Nastinka lunched. After my letter we go to the big palace and at 2 to the *Cross Procession* i. e. to the *Te Deum;* one has brought the miraculous Image of St. Nicolas fr. *Kolpino.* — Yesterday we spent the evening cosily in the hospital. The big girls cleaned instruments with the help of *Shah Bagov* and *Raftopolo,* the little ones chattered till 10. — I sat working and later made puzzles — alltogether forgot the time and sat till 12, the Pss. G. also busy with puzzle. — Its more cosy than at home now. — I am sorry to bother you again with a letter fr. Mme *Sukhomlinova.* — The other paper is fr. one of the wounded who returns to the war, but is anxious to know about his decoration. —

Silaiev leaves to-day. We took chocolate with them yesterday — his brother and wife (hideous) too, *Shah Bagov* and *Raftopolo* too. —

Shuvaiev comes after — Betsy *Sh.* —

Always heaps to do. —

Heart bleeds to think of all the losses at sea — all those lives done for — oh such a tragedy! —

Now must end. Goodbye, my one and all.

Blessing and kisses without end, Nicky mine fr. yr. very, very own

Sunny.

One says Kitchener comes the 28-th here or to the *Headquarters.*

No. 265.

Tsarskoje Selo, May 23-rd 1916

My sweetest Treasure,

Over and over I thank you for yr. precious letter. I always get them when I return fr. the hospital and read them at once, and then still later on several times and kiss them with fond love.

We at last lunched on the balkony — ideal weather — everything now quite green at last. —

I drove with the big girls to *Pavlovsk* yesterday and the smell of the birches was divine — now I am going again with 3 of them, whilst *Tatiana* rides (I envy her this joy). — I just saw Misha Grabbe. — Yesterday Betsy sat with me for an hour. One says you wished her to be one of the sisters to go to Germany and this disturbs her as she cannot speak German and is tired and does not find herself capable for such an undertaking. I told her I was convinced you never chose her, but that one proposed her and you said yes, and that you wld. perfectly well understand her not going — and that I wld. write you all this. She was much consoled. —

Our Friend begs very much that you should n o t name *Makarov* as minister of Interior — a party wants it, and you remember how he behaved during the stories of Iliodor and Germogen and never stood up for me — it would indeed be a great mistake to name him. —

I spent yesterday evening in the hospital. — Have Mlle *Schneider* with a *report.*

Must end now, Lovy dear. God bless you, my One and all — I cover you with kisses,

Ever yr. own old

Sunny.

To-morrow I shall be 44!!!

No. 266.

Tsarskoje Selo, May 24-th 1916

My own precious Huzy,

Tender thanks for your sweet letter. — I think Fred. is mistaken about Mlle Peterson. Her sister is married to a Bavarian (Monjelas, I believe) and this is her son who is our prisoner here, to whom she therefore sent presents (very natural) and no brother at all. They behaved very badly to her, thanks, Darling, for saving her. —

Very hot indeed, I am roasting on the balkony and ramoli — had 2 reports fr. 1¾—3½ and am cretinised.

The operation was rather long but went off well, I gave the instruments.

Thats nice Sweety, that you told *Shavelsky* about the Image to be brought now, — thank God the news was good — such a comfort! Wonder, whether my *Crimeans* have been fighting?? —

Touching *Shipov* sent me a soldier with flowers he picked on the 14-th under fire, had blessed them and sent for my birthday. —

Of course you cannot move now, I felt sure it would be so — well, we had our treat together and my old birthday does not matter — its really to-day.

Very sad I am, you wont probably see the guard, why did they keep you fr. seeing them before they were moved off! —

What about Paul I wonder? He comes to tea. —

Beloved, I need no present yr. love is m o r e to me than anything you might have given me — yr. letters are such a joy to me. — Yesterday afternoon we drove to *Pavlovsk,* to-day I prefer keeping quiet. — Now I must end, heart and soul are with you in endless love and prayers.

God bless and protect you, give you strenght and success.

Ever, my One and all, yr. very own old

Wify.

I cover you with burning kisses. —

No. 267.

Tsarskoje Selo, May 25-th 1916

My own beloved Angel,

Quite grey, colossal downpour — will refresh the air. Lunched on the balkony. Ever such tender thanks for your dearest letter, Sweetheart.

All your loving words warm me up, I miss you sorely — such lonely nights! — How awful about Kitchener! A real cauchemar, & what a loss for the English. Were in Church — to tea come Miechen & Mavra.

Paul took tea yesterday, is full of hopes to get his nomination.

Going to Church met Misha, stopped, talked a minute & than he went back to *Gatchina,* — not a hair on his head, completely shaved off. —

Excuse dull letter, am cretinised. —

Mary congratulates you many times. Children are driving, I must answer telegrams. At 7 see our Friend in little house.

Believe *Kolenkin* has new nomination; all hope very much, that the *Horse-Grenadier* (of course have forgotten his name), who has been a year in the regiment, will receive it — you know him. —

Ania has sent you photos. Let me know if you got them safely, as she was anxious about them. —

Must end now — blessings without end.

S o happy good news — God grant will continue.

Kiss you fervently with ever increasing love, my Boy Blue, yr. very

Own.

No. 268.

Tsarskoje Selo, May 26-th 1916

My very own Sweetheart,

I send you my tenderest thanks for yr. dearest letter. We saw our Friend yesterday & he is so happy over the good news. Was delighted that we had fine weather & several showers yesterday, says its a particular blessing of Gods on ones birthday — repeated it several times.

He had just returned fr. Moscou — saw *Shebeko* & had a good impression of him, thinks he will be good in his place. —

Begs very much if you receive *Volzhin* & *Vladimir,* also to send for *Pitirim* with them. Says the peasants, cannot choose a suitable priest, that one cannot allow. — Says for Ania wld. have been good to have remained on still a bit at E. only if she continues fretting, it will do her more harm, than good. I fear she returns in a week. Its noughty to say so, but its been a holiday without her as I cld. do what I liked without having to combine & arrange things & hours to suit here. She dislikes our hospital & disapproves that I go often so how I shall do when she returns & will want her afternoons & evenings above all with me — I don't know. The Children make grimmaces already. — Miechen was in a vile humour she left last night for Minsk with her train & then to inspect her organisations in other towns. — for ever jealous with Ellas organisations, & tries to do the same things wh. don't concern her & make too many alike. — Fine days but clouds. Going to big palace & for a drive. — Blessings & endless, longing kisses fr. old

Wify.

Sending you flowers & for the table & Williams.

No. 269.

Tsarskoje Selo, May 27-th 1916

My own Beloved,

The good news makes my heart rejoice for you quite especially, such a comfort and recompense for all yr. hard work and patience. To me its like a second war we are beginning again and may God bless it and all act with wisdom and forethought. —

In the hospital one says after they have read the papers they scream hurrah with joy — they only all long quickly to get back to the war to help their comrades. —

Yesterday afternoon went to the big palace and then for a drive. At 6 I went for ½ hour to Ania's hospital to see them all and give hen news. Keep the photos till we meet, they were for your album, Deary. —

Mine succeeded too and I have ordered duplicates. — Dined in as cooler and damp and I was afraid for my cheek. Spent the evening in the hospital. — Fancy yr. having made Baby *corporal* on the 25-th, its too sweet! — Botkin left for *Livadia* via *Eupatoria* fetch his daughter for his son's marriage at Abaza's estate. — Why do all your people fly off at once?

Benkendorf is delighted to have been called to the *Headquarters* and to be nearer the news — one longs for more details wh. of course cannot be given. I am glad Baby lives through these days with you — such great moments for his whole life. — I am, oh, so, so happy for you, Angel beloved. Endless love and tenderness surrounds you and in thoughts I cover you with kisses and press you to my heart wh. burns for love of you. —

A grey morning, the weather cannot make up its mind to rain or to let the sun break through the clouds.

With greed one throws oneself every morning upon the papers and with heartbeating — too much at times for the human — the joy and anxiety. —

It is true new regiments are being formed to send to France? —

How does Baby like *P. V. P's* letters, does he quite understand them? Yr. enemy, the crows, are making a vile noise opposite to my window. I must be getting up and dressing for the hospital — shall place my daily candle at *Znamenia* with tenderest love for you my one and all, my joy of joys, my Huzy dear!

The weather became quite divine. Sat in the hospital garden working whilst some played croquet. Now Tatiana rides, Maria and Anastasia are going to dig out weeds in the little garden, as they are spoiling the lilies of the valley; — Olga and I are going to a hospital and then to drive. —

Endless, tender kisses and fervent blessings Sweetheart, fr. yr. own old

Sunny.

Sturmer comes at 6.

No. 270.

Tsarskoje Selo, May 28-th 1916

My own Beloved,

I don't know how it happened, that I did not discover yr. letter till the afternoon when I opened all the big envelopes with *reports.*

My joy was all the greater when I read yr. sweet words. — No time for much to-day. For an hour having been reading *reports* & writing & now must be getting up & go to the hospital — have two heavy *dressings* to do. — Fred. & wife lunch, then must go to opening of a hospital for *refugees* children — & then look over the *Drozhdin lying in hospital* etc. to settle what hospital to build. — Ella wired the *Cross procession* with the *Vladimir »Holy Mother« (icon)* was most touching, great crowds. —

What good news again, ones heart rejoices & to-day interesting fine facts are mentioned, wh. is a good thing.

Glorions weather. Yr. group at the *Khadji Liman* succeeded very well, M-me *Sosnovsky* sent it me. — Drove yesterday afternoon with Olga — whilst picking daisys, Pss. *Palei* turned up — she, has a birthday present just come for me fr. Worth (dressmaker in Paris) & wants to bring it me — what next? Wish she wld. leave me in peace. —

Now beloved I congratulate you with *Tatiana* who will be 19 to-morrow! How the time flies! — I kiss & hug you, press you to my yearning heart & whisper words of deepest love & devotion, Treasure Dear.

God bless you & yr. undertakings.

Yr. own old

Wify.

Tenderest thanks for beloved letter. —

No. 271.

Tsarskoje Selo, May 29-th 1916

My own dearly Beloved,

I congratulate you with our sweet *Tatiana's* 19-th birthday — how the time flies! Well do I remember this day at the farm. — The heat is quite tremendous — the rooms are far cooler, but I am lying on the balkony. My heart feels the heat & protests. Church-bells are ringing — service lasts so long to-day. —

Many thanks, Lovebird, for your dear card. Thank God, all continues well — where on earth are we to put these masses of prisoners — in Siberia there is ample place, only give orders that all should be quickly & decently, hygienically arranged for them, so as to be safe from epidimies. —

Such a surprise when *N. P.* telephoned that he had come for the day for affairs — so we got him to tea for a short hour, looks well & much thinner. They are standing in front of all the rest, told lots of interesting things, asked much after you; — wont return probably for very long now — was here 5 weeks ago with *Rodionov* who will also be coming soon for a few days. Says Kirill intends going out to see them soon. —

Zizi comes to tea as she leaves to-morrow for the country. —

I feel quite cretinised — have, alas, to go & look at a »*home*« & future hospital to give my orders. — Spent the evening in the hospital, but I lay back in a comfortable chair in one of the wards as was very tired. —

Excuse the unutterably dull letter. I bless & kiss you without end, my Own, my very Own. God be with you. —

Ever yr. old

Sunny.

Have you been able to bathe in the river? — Do you know how great our losses are? —

My tommy becomes impossible in this heat as every summer & gives me no peace. —

No. 272.

Tsarskoje Selo, May 30-th 1916

My own Sweetheart,

Very tenderest thanks for yr. precious letter. Really the good news fill ones heart with endless gratitude. How good you send the Image out

to the front, may the holy Virgin give strength & wisdom to all to bless the final successes. What are our losses? Two of my *Crimeans* are wounded & they told a lot. — The heat yesterday was quite unbearable, so I took a refreshing bath at 6½ before resting. Early this morning there was rain, so that to-day it is quite ideal. We went to service in the hospital Church; as early & could do our *dressings* afterwards. — Shall go for a drive with the big girls now. Ania leaves *Simferopol* this evening at 8 o'clock — am sure she will miss the lovely sea, peaceful calm & all *Duvan's* kindnesses but she is mad to get home. Her Father leaves with the grandchildren to-day to the country. —

Mme Zizi took tea with us yesterday & has now gone off to her country-place for the whole summer. — Just now *Nikolaiev* (former *Crimean)* bid me goodbye, he is off to his 4-th *Ulans* again (near Segewoldt). He was so happy to have seen you at *Eupatoria.* — I suppose you have not yet begun the «Wall of partition» — I don't read a bit now, only work. —

Beloved Angel, heart & soul never leaves you. God bless & protect you & give you success — I cover you with tenderest caresses & warmest kisses. —

Ever Huzy mine, sweet Boy Blue,

yr. very own old

Wify.

No. 273.

Tsarskoje Selo, May 31-st 1916

My own Beloved,

From all my heart I thank for sweetest letter & tender words. I too have such a yearning after yr. caresses & love! —

Really the news is beautiful! Idiotical *Petrograd* does not nearly enough appreciate it. God bless you & our heroes — so glad the Image was gone to bless them all. The *mass* must have been very touching before the house — she brings them yr. love & prayers too & they will feel how near you are to them. A glorious day & cooler, wh. is a great boon after the colossal heat. — Placed my candles, worked in the hospital, now am going to drive with 3 girls whilst Tatiana rides. — Was *Purishkevitch's* train alright, please, tell me which Number, 1 or 2, as my *Crimean Sedov* has a sister in Number 2, & it interests him so much to know wh. you visited. — I have nothing of interest to tell you. —

When about will the guard be advancing? —

Beloved Treasure, prayers & thoughts ever surround you. I miss you, oh, so much. To-day its 2 weeks we parted at *Kursk!* How horrid it was. — God bless & protect you. I cover you with tender kisses, Huzy my Love, & remain yr. very

Own.

No. 274.

Tarskoje Selo, June 1-st 1916

My own beloved Treasure,

Ever such fond thanks for yr. sweet letter. Its a comfort to know our losses have not been so very great in comparison with what we have gained in every sense. That we have the weak point in the centre is comprehensible, but with care & reinforcements it will, with God's help be alright. — All think of you in the joy of victory, first thought of all the wounded is, — how happy you must be. Such a recompense for your intense suffering, patient endurance & hard work.

Its much cooler to-day, rained a bit. The big girls have gone to town, as Olga receives *offerings,* & then they go to Tatiana.

The little ones are in their hospital & as soon as I have finished writing I shall fetch them for a drive. Ania comes to tea, she arrived to town alright. —

We worked in the hospital & then I went with Marie to the cemetry as there was a funeral *service* for little Sonia — already six months since her death. The birds were singing so gaily, the sun lit up her grave covered with forgetmenots — it made a cheery impression & not sad. — Pss. *Palei* came yesterday & brought me a very pretty chiffon thing to wear. She says Paul is full of excitement & quite well & the Drs. are perfectly quiet about his health. —

I too have had no time for reading, as were so much in the hospital, then received, drove, work & wrote. — I congratulate you with sister Olga. Two weeks that we returned & five that Ania left fr. here — the time simply flies. —

To-morrow shall have to be going for service to town, anniversary of Costia's death! — Think of my Huzy with great longing & intensest love. I cover you with tender kisses & press you to my heart.

God bless you my Angel. Keep well — am always near you.

Ever yr. very own old

Sunny.

No. 275.

Tsarskoje Selo, June 2-nd 1916

My own precious One,

A very tender kiss and thanks for yr sweet letter; how I love hearing fr. you, it warms me up to read yr loving words and I try to imagine I hear you saying all those dear words to lonely wify. —

Little sun to-day, but it was better for town. In the morning went for ½ hour to bid all good morning in the hospital. Like Babies they all stared at us in «dresses and hats» and looked at our rings and bracelets (the ladies too) and we felt shy and «guests». — Then with Olga and Tatiana to the

fortress to mass. Oh, how cold that *family vault* is, difficult to pray too, one does not feel its a church at all. — Now are going for a drive with A. too. —

Yesterday afternoon M. A. and I got into a colossal downpour, so were out quite a little. In the evening I went to Ania for 3/4 of an hour and then joined the Children in the hospital. They were wild of joy as did not expect us at all.

The good news is such a boon and helps one to live. — Really Miechen! She can drive one wild — I have to see Witte to-day to speak over all, on her account, as she really is very pretencious — only one does not wish needlessly to offend her, as she means well, only spoils all by her jealous ambition. — Don't let her come bothering you and above all give her no promises. —

Sweetest Angel, I clasp you to my breast and hold you long and calmly there, whispering tender words of deepest love. — God bless and protect you. Holy Angels guard and guide you.

Ever, Nicky mine yr. very, very own old girlie

Alix.

Saw *Leo* the other day — looks very thin, but not so bad — wanted to begin his service, but I told him to wait still and pick up more strength. *Kondratiev* serves again, also very thin — I don't let him help at table so as that he should walk about less. — your Own. —

Ania was very happy over telegrams.

No. 276.

Tsarskoje Selo, June 3-rd 1916

My Sweetheart,

Please, change the N. in my yesterday's letter, I made a mistake, it ought to have been 507 only. — Fine & sunny & then suddenly clouds. — Spent the evening quietly. Ania sat with me, showed photos, & read to me, the children were in the hospital. She proposed to me to go, but I said I was tired from town & wld. remain quietly with her. — Had a long letter fr. Irene, Gretchen, Anna Rantzau. My poor Friend Toni's boy has been killed at the war (only 19, my godchild, went in 1914 already as freiwilliger) — was an excellent officer it seems already & received the iron cross — too sad for words, she adored the boy. — Aunt Beatrice also wrote & sends you her love — she imagines I am at Livadia, resting. —

Now I must get up & dress for the hospital.

I send you & Baby my photos, I took. The water is fr. the black sea, Ania had it filled for you & Baby & sends it with much love — the goodies are also for you from her. —

Please if you settle any thing about Miechen, have it written to *Senator Witte* or *Sturmer,* as it concerns the *supreme Council* & I feel she intends making a mess in going to you behind my back — a revenge wh. is ugly. —

I had just *Professor Rein* & a long talk — I have told him to ask *Sturmer* to receive him, to explain all, because really his work ought to be begun as you said, & Alek said you said all was to be put off. — Would you let him come to you some day, as when you are here you have yet less time. — Pouring cats & dogs. — Such warm thanks for sweetest letter. How charming the photos are, I have kept one. Goodbye, my Angel Love, God bless you. I love & kiss you without end. Yr. very, very

Own.

No. 277.

Tsarskoje Selo, June 4-th 1916

My own Lovebird,

From all my heart I send you tender thanks for yr. precious letter. Ania forgot to tell you, that our Friend sends *his blessing to the whole orthodox army*. He begs we should not yet strongly advance in the n o r t h because he says, if our successes continue being good in the south, they will themselves retreat from the north, or advance & then their losses will be very great — if we begin there, our losses will be very heavy — He says this is an advise. —

Becker has just come. I too throw myself upon yr. letters & devower them up & the children stand by, waiting for me to read aloud what is for them of interest — & then later I reread & kiss the dear pages.

Thats good the music passes through the streets it brightens up the spirits. — Am trying to get hold of *Zborovsky* (wounded through the chest, not too bad), *Shvedov* typhoid, *Skvortsov* wounded — with my sanitary train, *Yuzik* will help through *Kiev,* I told all to *Grabbe.* — How glad I am at what you write about the trains at last moving quicker with the troops — I assure you «where there's a will there's a way» — only not too many cooks to spoil the broth. — Just had long wire fr. Apraxin — my little trains are working hard at *Lutzk, Rovno, Rezhitsa, Tarnopol, Trembol., a branch of the Vinnitsa store at Tschertkov* all grateful, the military say they could not get on without us, thank God for helping us succeed. — Yes, Angel, we can fly to you some day to cheer you up with joy. — Pouring. — Emma, her Father & Ania lunched. — Spent evening in hospital, today at home. Endless kisses, burning love.

God bless you. Yr. very Own.

No. 278.

Tsarskoje Selo, June 5-th 1916

Darling beloved One,

I congratulate you with our little girlie's birthday — fancy her being already 15, its quite sad — no babys any more. — Such cold, rainy weather only 7,8 degrees — we drove in thick coats and Olga is freezing. — From all my heart I thank you for your sweet letter. Shall send you still more photos,

as soon as get them. — Really one cannot let Miechen mix up in things wh. do not concern her — she has become so grasping — military things are not her business. — Am sorry about Rein — he is right and Alek quite wrong, I see it clearly. — Ania has just left for Terioki to see her family and will be back by Tuesday afternoon. She forgot to tell you, that our Friend says its good for us that Kitchener died — as later on he might have done Russia harm and that no harm papers were lost with him. You see he always fears about England at the end of the war when the peace-negociations begin. —

He said that *Tumanov* is excellent in this place and has no wish to leave and is better than *Engalitchev* — I did not know he was to be changed. —

I asked *the priest* to have thanksgiving prayers, wh. he did after a short good sermon about our successes and the *Potchaiev* monastery being again ours, and how God harkened unto all prayers and so forth. —

Yesterday evening Ania read to me, whilst they were in the hospital. *Anna Alexeievna Korovtchuk* had a daughter 3 days ago, and I am going to christen it to-morrow. — Must send this off now. All thoughts, longing love, kisses, blessings, great yearning, Sweetheart.

Ever yr. very own

Wify.

Sweet Boy Blue!

Just got enclosed wire fr. my 21 Siberians — poor (?) am awfully sorry — such a nice man had St. G's.

No. 279.

Tsarskoje Selo, June 6-th 1916

My own Sweetheart,

I congratulate you with all my heart for our successes and the taking of *Czernovitzy* — thanks be to God Almighty. Only that we don't rush too wildly foreward — are we laying small railway lines to bring provisions and amunitions nearer to the front? I made *Tatiana* at once telephone the news to the hospital — the joy was immense. We spent the evening there. The little ones play games, the big ones with *Raftopolo* and *Shah-Bagov* prepare material for the *dressing-station*, I sometimes play a little and wander fr. ward to ward, sitting with those that lie — then rest in a comfortable armchair in little *Sedov («Crimean»)* room and work and talk, and then *V. Viltchkovskaja* brings a stool and sits at my feet and its very cosy à 3. Now another youngster who suffers awfully, lies next door and wants me also to bring my work and sit there, so that I shall be torn to pieces now. — Have little Mme *Kotzebu* (ex-lancer) after lunch, then the christening *Korovtchuk* and to see Olga's (Caucasian nobility) train. — Shall give medals to the worst and go through the whole train. *Princess Tzeretelli* (ex *»nizhegorodetz«)* is at the head of it. — Such loving thanks, Lovebird, for your very sweet letter and the delicious white acacia. I am glad my rifles also wired to you, brave fellows! —

Oh what weather! cold, grey, rainy — autumn simply. Excuse short letter but must receive. All my thoughts are with you and love of the deepest, deepest, Sweetheart. God bless and protect you. Cover you with tenderest kisses.

Ever, Nicky mine, yr. very own

Sunny.

No. 280.

Tsarskoje Selo, June 7-th 1916

My own sweet Angel,

Very fondest thanks for yr. dear letter. I think so, oh so much of you, my Pet, in yr. loneliness, tho' Sunbeam is with you. I miss you both more than you can guess and live over all your sweet tenderness. — The good news keep one up. Thank God the dear Siberians have been so brave again. —

At last sunshine and warmer so we could lunch on the balkony. Mavra, *Vera* and *Georgi* too as they leave for *Ostashevo*. She asked whether *Igor* was going to be sent out somewhere to the war in the warmer parts as you had once thought. — Worked in the hospital. The Commander of the *Tekintzi* my ex *Alexandrovetz* is with us. He was wounded in the foot during their splendid cavalry attack. He always wears their tiny cap. Interesting all he tells, he is very deaf fr. contusion and the heart enlarged. —

To-day at 4 we have the cinema you saw of *Sarokomisch* and *Trapezund* in the manege for all the wounded. —

Ania returns at 5 fr. *Terioki.*

Sweetheart, I press you to my heart and cover you with very tender kisses, God bless you — I love you b e y o n d words.

Ever yr. very own little

Sunny.

Zelenetzky brought me 96 r. from our sailors again, too touching. —

No. 281.

Tsarskoje Selo, June 8-th 1916

My own Beloved,

Many a tender kiss & warmest thanks for your sweet letter. I understand perfectly well that you wont be coming now for some time, your presence is too much needed. Thanks for the news about the plans, of course I wont repeat them. —

Sashka lunched with us — he has 3 week's leave & lives at *Tsarskoje Selo* with wife & mother — he has remained the same & teased Olga as usual. — Were in the hospital, now are going for a little drive. Yesterday evening I spent at home & Ania read aloud to me whilst I worked. The weather is so changeable, & my cheek in consequence is rather swollen. In my sister's

dress its not seen & I can drive with a black shawl over my headdress — but to-morrow at the *supreme Council* I wont be very pretty. — The roses I send you come from dear *Peterhof,* the sweetpees fr. here, they smell so deliciously that I must send you some. — I think of you so much, my joy & happiness & cover you with passionate, tender kisses. — The cinema of *Erzerum* & *Trapezund* was interesting, some pictures very pretty, others so dark that one scarcely saw anything; — must have an amusing one once for all, so as that the men can laugh; — heaps looked on. —

Now my Huzy dear, my Own, Goodbye & God bless you. Excuse my dull letters, but, alas, have nothing interesting to tell you. —

I send you all that is tender & fond — clasp you in thoughts to my breast & let you rest yr. sweet head upon my heart.

Ever yr. very Own.

No. 282.

Tsarskoje Selo, June 9-th 1916

My own Lovebird,

Tender thanks for yr. dear card Benkendorf just now brought me; I am glad he found you both looking so well, tho' the weather also bad & even out at the war. — We are off to town directly to the *Supreme Council* & back to tea, as Paul comes to bid us goodbye, he leaves to-morrow. — Were in the hospital, yesterday evening too, so I sat an hour with her before as she seemed rather hurt I went — tho' understood it, — this evening she will spend with me. —

I see by the papers Motherdear goes about, has been to the old Branitzkaia at *Belaya-Tserkov,* I think. — To-morrow our prayers will meet at *Tobolsk.* Lovy, I told *Zaiontchkovsky* to tell *Volzhin* to go, they got no answer fr. you (he wrote too, I find) & I said I was sure you wld. wish it, as it is *customary* for the *Over-Procrator* to go & not the *assistant* — I hope it was right I said so; — he ought to have known that, but as its far, he thought you might need him etc. Ella, alas, has not gone, I was sure she would not. — Lunched on the balkony, but rather cold — weather not inviting. Such a strange summer.

Yes, dear Walton! What lovely, sweet, tender & passionate remembrances — ah, dear, how intensely deeply I love you, more far than I can ever say — you are my life, my sunshine, my one & all. —

God bless & protect you. I cover you with tenderest kisses, ever Huzy mine,

yr. very own old girly Alix.

No. 283.

Tsarskoje Selo, June 9-th 1916

Beloved sweet Angel,

Before going to sleep I begin my letter to you. I have told A. to write to you, as she was told to give over 5 questions to you, & its easier

for her to write them, who must remember. Do you wish me to send for *Sturmer* & speak to him about these subjects to prepare them, if so wire at once to me: «agree to yr. question», then shall see him on Sunday, speak over all & tell him to ask when you can receive him. Our Friend hoped you could have come now for 2 days to settle these different questions, wh. he finds most essential should be thought of quicker, especially about 1 — the *Duma* — I remember I told you He begged you should say, that they were to finish quickly & go to the country & watch the fieldworks. —

Only send for *Sturmer* soon, as things do dawdle so. You can show him Miechen's paper just to look through. —

2. Obolensky to be changed — why not name him governor somewhere — only who is the right man to replace him? He has never gone against *Gregory* so he is sorry to ask for him to be changed, only he says he really does nothing — & one must seriously begin the collecting of provisions quicker — people file along again in the streets before the shops. —

3. That wld. it not be wiser to give over all that question about food & fuel to the minister of Interior, whom it concerns more than the minister of Agriculture. The Minister of Interior has his people everywhere, can give orders & direct instructions to all the Governors — all are under him after all & *Bobrinsky* took it out of greed into his hands & — I don't want to insinuate worse things. I remember young *Khvostov* also thought it wld. have been better in the Ministry of the Interior. This is one of the most serious questions, otherwise fuel will be too awfully expensive. —

4. About the *Union of Cities*, that you should not thank them any more personally. That means should be found for now publishing all about what they do and saying especially that you, the Government, give all the money & that they spend it largely — its yours & not theirs. The public must know this. I spoke it over several times with *Sturmer* how it cld. be made known — by an order of yours to *Sturmer* or a paper fr. him to you — shall talk it over with him as they try to play too great a part & it becomes a political danger, wh. now must already be taken into account, otherwise too many things will come at a time to settle. — No. 5 — she could not remember what He told her. —

The *Supreme Council* lasted fr. 3—4½ — *Rodzianko* & *Tchelnokov* talked a good deal, & Miechen's Neidhardt aggravated me — *Stichinsky* spoke well, not famously Boris Wassiltchikov. *Trepov* gave me over yr. messages, thanks Lovebird. Am sorry had no time to see Mitja Den before he left — heard of it too late. — Dear old *Goremykin* was too at *supreme council* so tiny, very thin with big eyes — said the heat at *Gagry* had disagreed with him, whilst his wife, on the contrary, has greatly improved & her eyes are better. —

Paul & Marie came to tea (she covered with pimples again) — he leaves to-morrow. Seems Dmitri is here several weeks & up & down to Moscou — has not shown himself once — cannot understand the way he serves! — Olga & I drove in my *droshki* & as service was going on at *Tiarlevo* we got out & went there till we kissed the Bible & then returned home. A nice, cosy

Church. The other 3 & Isa went for a walk. The evening A. spent with me. — Yr. first acacia lies in my gospel, this one will go into another prayerbook. Now I must put out my lamp, shall finish to-morrow. We have Church at 9 *(St. John Maximovitch* now) & then go to the hospital for an operation. Saturday shall see our Fr. in her house to say goodbye — he leaves next week home. — Sleep well my Treasure, I always, morn. & evening bless & kiss your cushion — its all I have! Why on earth this ultimatum to Greece, for sure England & France are at the bottom of it — to my simple mind, it seems unjust & hard — cannot imagine how Tino will get out of it & it may harm his popularity. One more thing I was to tell you, that *Gen. Selivanov* is the judge of *Sukhomlinov* & one says he cannot be *unbiased as he had formerly been discharged by Sukhomlinov from Siberia and that it would be better to appoint the member of the Council of the Empire, General Shumilov.* I only tell you this as He wished me too, but I told Ania I doubt yr. mixing in this affair.

10-th. Warmest thanks sweetest letter, so happy to receive it, my Angel. Were in Church, then an operation, 7 new officers were brought to us, *Ingermanlandians, Hussars of the Belomorsky, Beloozersky regiments etc.* Now saw *Malevsky-Malevitch* — glad to be back fr. Japan as has both sons serving in the *Preobrazhentzi.*

He longs to be presented to you, but knows you have no time. — Thanks for wiring to *Silaiev.*

Endless, burning kisses & many blessings fr. yr. old

Wify.

St. John Maximovitch may He send you both & our Country His blessings. —

No. 284.

Tsarskoje Selo, June 11-th. 1916

My own beloved Angel,

Tenderest thanks for yr. dear card. — Its pouring as usual. Were at the hospital, then *funeral service* for poor *Zhukov* — what can have induced him to commit suicide? —

Then I saw my *column of ambulances* wh. are going off to army where he needs them!

Now saw *von Harten* Com. of the *Tvertzi* and he begs to be allowed to be presented to *Alexei,* so I told him to go to the *Headquarters* and ask *Voyeikov.* — Had a wire fr. my Siberian rifles — again many losses amongst the officers, heaps heavily wounded — one of ours again, now 2 wounds in the head. »*Killed as a result of extraordinary heroism the senior under-officer of the unit of reconnoitring infantry, B. P. Jakimov, formerly a naval lieutenant.*«

Zborovsky has already arrived (my train hunts for him) and comes to the Children hospital — they have gone off there in great excitement. I sent

Viltchkovsky the names of the Cosacks we must get here. To-morrow I think my train arrives, it has been picking up in different towns. — Has Georgi arranged himself cosily? — Despairing this perpetual damp — for Baby too. The dentist has arrived and will soon be worrying me. —

We see our Friend a moment this evening in her house to say goodbye, as he leaves. *Suslik's* telegram is really killing. —

Beloved of beloveds, I bless and kiss you without end and yearn for you.

Ever yr. very

Own.

Where has the *Marine of the Guard* gone off to again? Dmitri in good spirits and funny as usual.

No. 285.

Tsarskoje Selo, June 12-th 1916

My own dearly Beloved,

For yr. sweet letter my very tenderest thanks. How tired and weary you must be of all those people bothering you, and I with my tiresome letter the other day too. — Yesterday I had the joy of seeing our Friend in the evening in the little house before going to the hospital. He was in excellent spirits and so affectionate and kind — happy over the good news, asked much after you. It did me good to see him and I was glad to go to our wounded straight from him. The poor old Colonel is so bad, but I hope, with God's help that we can pull him through. He took Holy Communion this morning as I proposed it to him — I always put all my hope into that blessing. — The hospital is very full, we have 23 officers. — Olga and Tatiana are working and abusing each other that they »skull«, absurd girls. We came back from a drive after having been at the little ones hospital. *Victor Erastovitch* looks brown and alright, pretends he has no pains, but one sees his face twitch. He is wounded through the chest, but feels the arm. — A. has gone for the night to Finland. Our exhibition opens to-day at the big palace, like last year — the works of all our wounded of here — and our own things we do. —

Were in Church. — Have *Sturmer* and then Rostovtzev with a long *report,* as he leaves for 6 weeks rest to Finland.

The weather is finer, warmer, but scarcely any sun.

Beloved Angel, I long to press you to my heart and to whisper words of endless l o v e and tenderness, Sweethearty mine!

I cover yr. dear face and eyes and lips with burning kisses. God bless and keep you.

Ever yr. very, very

Own.

Thanks, my Pet, for the wadding!!! —

Excuse such a dull letter. —

No. 286.

Tsarskoje Selo, June 13-th 1916

My own sweet Angel,

Such a lovely day, and the birds are singing away so merrily enjoying the sun — but there is a strange light, a sort of haze in the sky — can it not be from all the shooting? Beloved, I thank you very very fondly for your sweet letter. Thank God the news is good and that Keller behaves so splendidly. — More wounded are being brought. We had to operate the old Colonel — it was serious, thank God his heart so far bore it alright, but its still very grave. I feel tired, it lasted 50 m. and I stood all the time so as to give the instruments quickly and be ready for anything. Css. *Vorontzova* sat a long time with me — begs to be remembered to you. Lives here, has grown very old indeed, friendly and kind. Now the dentist is going to worry me (just when its fine) then a long *report* with *V. P. Shneider.* The evening remain at home, Ania returns fr. *Terioki. Gardinsky* turned up for 2 days — always feels still the results of the railway accident. —

Lovy, excuse my bothering you, but can you ask Alexeiev, is it absolutely necessary to give up Baby's splendid hospital of mine (ex *Sukhomlinov's)* at the Military Accademy — it's such a splendid one, you remember, and beautifully arranged, one of the very best in town. *Alexeiev* says he wishes to *renew his studies,* as needs more off. for the *General Staff.* — Are they so much needed n o w, don't the *line* officers do yet better and understand all more during the war. They even ask us to have 50 beds for these officers who are to learn there. Its more than a pitty as I doubt our ever finding an equally suitable big house anywhere. Be an angel and ask *Alexeiev* quite sure again, must we clear out — can he not have us there? Kindly answer me as all are very anxious about it. Thank *Gillard* for his letter, he finds Baby not quite so well and therefore the lessons are not quite so good — I think it is owing to the weather being so damp and unsettled. — Must end and fly off now. Saw *Sturmer* told him all, he wrote down the questions all, will prepare everything for when you send for him. Hopes the *Duma* will finish 20-th. —

I bless you, kiss you without end in yearning love and adoration. —

Ever, Huzy mine, yr. very own old

Wify.

As the Pss. has left with a wagon to the front to fetch wounded, I feel responsable for the hospital and they turn to me as their head. —

No. 287.

Tsarskoje Selo, June 14-th 1916

My own beloved Darling,

Warmest, tenderest thanks for yr. sweet card. Such lovely weather, a real treat. All our wounded lie out on the balkony and enjoy the beautiful air. *Taube* lay in the sun under a parasole, so as to have a sunbath for

his poor stump. — Now we are directly off to *Maria's* and *Anastasia's* new hospital, next to their old one, and there will be a Te Deum. I warmly congratulate you with our big Marie — she is overjoyed with yr. dear letter. — Our Friend hopes there will be a good victory (perhaps *Kovel)* and if so, he begs on that account you should have «*release on bail Sukhomlinov*». Give the order privately, without much ado, to *Khvostov,* or the *Senator* who looks after him — and let him live at home under the trust of 2 others. He is old — of course the judgement remains, but it will make the heavy load easier for the old man to bear — He begs you to do it, if we have a big victory. —

The cigarets came to an end, so *Tatiana* fished out a little box as you had told her to. — I am glad you can lunch out again, we also with gratitude take our meals on the balkony. *Titeriat* will bring you flowers again. — A. came to the hospital in her little pony-carriage to see all our wounded — such a sunny friendly smile must cheer them up. — After my *dressings* were over, I embroidered (always for our exhibition-bazar — and the things sell splendidly) and *Gardinsky* and *Sedov* helped me sowing. — I fear the Colonel is dying, so sad! —

To-day 4 weeks we parted — ah, my Love, I love you so intensely, my own my very own Boy Blue and cover you with kisses. God bless and protect you now and ever

yr. very

Own.

No. 288.

Tsarskoje Selo, June 15-th 1916

My own Beloved,

Ever such grateful thanks for yr. sweet letter. —

I send you a paper fr. *Duvan* wh. Ania told me to give you with her love, and a petition fr. Ania's future sister-in-laws Mother, *Princess Dzhordzhadze.* Olga and Tatiana have gone to town, as *Tatiana* has a committee — I shall drive with the little ones. Every day the dentist worries me and my cheek aches in consequence rather. — Our poor old Colonel died peacefully this night — we shall bury him on our *fraternal cemetry,* the wife agrees to this; she and the daughter seem to feel it less than his touching soldier who never left him. —

What a downpour! Will refresh the air. —

A. has gone for the night to Finland to see her brother, (after 8 months) who has come for 3 days. —

Miechen lives now here!!

Thanks dear for the paper about the ex Naval officer. —

Heart and Soul ever near you with burning love and yearning.

How the Ministers must bore you, my Angel. I kiss you as only wify knows how to, true? God bless you.

Endless kisses fr. yr. own

Sunny.

No. 289.

Tsarskoje Selo, June 16-th 1916

My own beloved Sweetheart,

Warmly do I thank and kiss you for your sweet letter. Excuse my bad writing, but I have a compress and bandage on my first finger. When we operated the poor colonel, I pricked my finger and now have a gathering. — Its splendid weather, but I think a thunderstorm is in the air, my heart felt so bad in the hospital. — I receive to-day our sisters who are leaving to-morrow for Germany and Austria — Mme Orjevsky does not seem to be of the number. — Then *Sister Kartzeva* (Mme Hartwig's sister) I send to *Eupatoria* as *inspectress* and *senior sister,* so as to put all in order there and to better look after everything. Olga is working here on the balkony — the 3 others have gone riding. —

Ania returns fr. *Terioki* where she spent the night with her whole family. —

I forgot to tell you that our Friend begs you should give the order that one should not augment the prices of going in town in trains — instead of *5 kopeeks* now one must pay *10 kopeeks* and thats not fair upon the poor people — let the rich be taxed but not the others who daily have often more than once, to go by train. — Write it on one of yr. papers to *Sturmer* to tell Obolensky, who I suppose gave this foolish order. — It will be nice to go and see you afterwards. If we do, *Gregory* begged me to take Ania — I said its not convenient as there are always guests and foreigners — then he said she need not come to the meals and remain in the train, but he said it would be kinder to give her that joy; — I should bring Nastinka this time and then the 4 Girlies. —

Beloved Angel, I must stop now. My heart is full of very deep, great love for my Angel love and I cover you with kisses. — God bless and protect you, Nicky mine.

Ever yr. very own old

Sunny.

I use Baby's envelope again, it will amuse him to see it. —

No. 290.

Tsarskoje Selo, June 17-th 1916

My own beloved One,

Still a bad writing, because the finger disturbs me. From all my heart I congratulate you with the good news again, over 10,000 prisoners. — This morning I got a telegr. fr. Keller fr. *Kimpolung «Fulfilled the given task, cleared southern Bukovina of the enemy. Was wounded to-day in the other leg by a bullet the bone has not been shattered but splintered. With the help of God I hope soon to return into the ranks for further service to Your Imperial Majesty.»* — Ania's brother told her much about him, how the soldiers adore him and when he goes to the wounded, how each tries

to sit up to see him better. He rides, followed by an immense *banner with the image of the Saviour,* and 40 cossacks, of wh. each has 4 St. George's crosses, otherwise they dont guard him — they say its an imposing and emotioning picture. How glad I am for him — he always yearned for this great chance to prove to you his intense love, loyalty and gratitude. So prettily he told Sergei *Tan.* that he (Keller) and Ania serve us alike, each in our place and therefore he is so fond of her. — So I told Ania to ask our Fr. to pray for him, I told her last night to give it over to-day (he leaves for *Tobolsk* and home) — and this morning I already had a wire he is wounded — but thank God seems not serious. —

Splendid weather. Spent the evening with Ania, sent for the dentist in the evening (3-rd time in one day) to take out the filling, because of the pain, you see the *inflammation of the periosteam* makes the treatment so difficult.

I must get up now so shall finish this after luncheon. We have a French *cinema* at 4 in the manège, a Count shows it — our troops arrival in France — Verdun, fabrics where they make cartridges and amusing pictures. —

Sweetest Angel, my thoughts forever suround you with yearning love. —

Yes, One begs you should not allow the *districts (Metropolitan)* wh. *Volzhin* wishes to bring in now with *Vladimir* its not the time and *Gregory* says would have fatal results. She goes to see him of this morning. —

Forgive my bothering you with the enclosed paper, but He wished you to know it. —

I hold you tightly in my arms and whisper words of infinite tenderness and love. —

Heartfelt thanks my treasure for yr. dear letter; none came fr. Baby or *Zhilik* thanks for Alexei's telegram, shall show it to *Rita* and then return it for *Derevenko* to keep. — Hang Miechen on 60 apple trees!

So uncomfy writing with this bandaged finger. I cut the thing open with an operations-knife. —

Ah my big wee one, I kiss you endlessly — the balkony is so empty without you and *Tiny.* —

God bless and protect you my Own, my Sunshine, my life's joy.

Ever yr. very own

Wify.

No. 291.

Tsarskoje Selo, June 18-th 1916

My ever beloved One,

Ever such tender thanks for your precious letter, my Treasure. Such heavy air, in the distance a thunderstorm happily. Finger is a little better, and I nevertheless work, but my writing is ugly. — Again good news, they say such a necessary place has been taken for the railways. — I wired to you about *Shakhovskoy,* because *Gregory* begs you to see him, they have been thinking over things together, and he has got propositions to make, where

to get things one needs, wh. you wrote about. — When you see all the ministers he begs you to be very firm with them. *Sturmer* is honest and excellent, *Trepov* seems rather against him. — *Petrovsky* is awfully happy you have sent for him — I saw him to-day. Get *Sashka* another time too. — The dentist bothers me daily, it goes so slowly on account of the inflamation of the periosteam. — Drove with Ania yesterday evening to *Pavlovsk,* — no, what ugly ladies one sees, its extraordinary — dresses! — Miechen asked to take tea, I said I could not (have *Kostritsky* and later Church). — *Gregory* says Keller will soon be well again. —

I feel my letter is beastly dull, so sorry, my Angel. — Thats nice you bathe, so refreshing. — Am quite ramolie — *Valia* waits to see me and another officer. — The cinema was interesting, only too long. — Have said Witte *(Supreme Council)* is to tell *Iljin* to look through Miechen's paper. —

Beloved, I long for you and yr. caresses. Keep well and of good cheer. I kiss you with endless, tender love. Holy Angels guard and God bless you.

Ever yr. very, very

Own.

No. 292.

Tsarskoje Selo, June 19-th 1916

My own beloved One,

Such fond thanks for yr. sweetest letter I found after church. Shall think of you when Fr. will give me over yr. kiss, that will make it bearable. Ah, Sweetheart, — how long this separation is! Both of you far away — but we are doing it for our country and when the news is good, one stands it better. All my very most fervent prayers will be with our beloved troops on Tuesday — God Almighty help and send them strength, courage and wisdom to have success! — We are on the balkony, working, *Ania* and Anastasia glueing photos — one thunderstorm after the other, but not heavy air! Were in Church. — I wired to *Konzarovsky,* to ask about *freight trains Mekk* needs. You see, my tiny *supply* trains fetch the wounded far in front and take them to *Novoseltzy* etc., were real sanitary trains await them — our motors are not enough — and we shall arrange barracks to bind up their wounds before sending them on. *Brussilov* agrees, as he needs our help. In 1 *day* we can 4 times transport the wounded, thats good is it not? — Brinken wired my *ambulance column* (of my train *Loman's)* arrived alright, he needed it — the first year we helped the guards and now *Stcherbatchov* wanted us. — Such a comfort to know that thanks to *Mekk* I can help our troops so much.

How its pouring! —

A. goes for the night to Finland — Now, beloved Huzy, Goodbye and God bless you. I cover you with yearning kisses and love you beyond words.

Ever yr. very, very own

Sunny.

No. 293.

Tsarskoje Selo, June 20-th 1916

My own sweet Angel dear,

Warmest thanks for your precious letter. Again a thunderstorm and raining, the air was so heavy this morning. Frederiks lunched and gave «the kiss» on my «*grain de beauté*». He begs to be remembered to you. Found him fresh and looking well; will live here and go every day to town for *reports*. *Rita* just heard that her brother has now been wounded and already operated at *Voronezh* — she and her Father leave at once this evening, anxious as don't know what operation has been, I have wired to the Governor. — I saw *Sturmer,* who begs to come a little later, as the *Duma* finishes to-day, the *Council of the Empire* closes the 22-nd and then he has to see lots of people — but wld. like to see you before all the Ministers as has several questions and things to say beforehand. Says n o w he will be energetic, that it was difficult until he had quite got into the work and the *Duma* only hampered him in everything — he has got answers to all those questions I put to him and told you about. — One thing I this time forgot to remind him about, was what Nikolai mentioned and wh. is m o s t essential — n o w already to choose people to study and work out ideas for the future congress, when the war will be ended — they must already now thoroughly prepare and think over all — speak over that please, its so urgent. — I am glad my poor Siberians can rest now. — The regiment has just sent for *Korovtchuk* to come, probably after their heavy losses, so he comes to say Goodbye. Have the amusement of Miechen to tea! — and twice the dentist — such a nuisance. — Congratulate you for to-morrow feast of yr. yellow Curassiers. — Beloved, I must end now. God bless and protect you. I cover you with burning kisses.

Ever yr. very, very

Own.

Do speak with *Vladimir Nikolaievitch* as he fidgets so much about mud for Baby, cld. one not have arranged the mud compresses at the *Headquarters,* because it seems cruel to take him fr. you now.

No. 294.

Tsarskoje Selo, June 21-st 1916

My own Sweetheart,

We just received *Lavrinovsky,* who came to congratulate in the name of yr. curassiers — he reminds one very much of the poor brother who died, only that he is fair. —

All my thoughts are out at the war — God help them.

The news fr. near *Baranovitchi* was good yesterday. If there is anything particular, do let it be given over to me by the straight telegraph-telephone, wh. comes in 5 m. — Two of my *Alexander* officers are wounded

at *Novoseltzy,* — shows, they have been sent down there now. Does the guard take part yet, or not? Forgive these questions, but I am interested for my lancers and the *Crew.*

Strange sky, looks as tho' there wld. be a thunderstorm again. — Ania had a slight heartattack yesterday, wh. frightened her and she of course thought the end was coming. I spent the evening near her bed. She will lie out in the garden and we shall take tea with her, *Victor Erastovitch* and *Yuzik.* — Fancy, poor little Lady Sybil being wounded in the face — it does seem horrid. — Miechen was most amiable and did not say a word. — Remember to wire to Toria on Thursday for her birthday. — Baby writes sweetly. »*I have no more money, beg you to send the allowance — I entreat (its me).*« His notes are often too dear, precious Child. — *Zhilik* finds he develops very well and that the life with many people does him much good — I too am sure of it — yet miss you both, sorely. — I suppose we better come a little later, as you wont be seeing the ministers so soon? Pss. Gedroitz has not yet returned.

Blessings and very tenderest kisses, my longed for Angel, fr. yr. very own old

Wify.

Thats good you send Georgi about again. —

No. 295.

Tsarskoje Selo, June 22-d 1916

My own beloved One,

Such tender thanks for yr. dear letter. I am glad *Petrovsky* is with you, a nice cheery young fellow wh. must brighten up yr. walks. — Get *Eristov* and others too change about. —

I find you ought to send for *Boris* and wash his head — how dare he say such things — can think what he likes, but to have the impertinence of speaking to an Englishman before others, is rather strong — you must have him reprimanded, he dare not behave so, *the insolent fellow.* —

I just saw the *Mufti* of Orenburg and he said all sort of nice things, prayers and wishes for you. — Such heavy air to-day, rained a tiny bit too. —

My little trains and transports are working hard at *Vinnitza,* only the distances are great, they brought in 6 days 839 wounded 90 versts awful roads, so the horses are in a sad state and the *changing of carts* acted on the horses, 4 fell ill, one died, thats why I asked for light *freight wagons* and *Konzarovsky* promised them. — *Shuvaiev* comes to-day to speak about the Academy. I want him to try and get us a decent big house for our hospital. — *Derevenko's* photos of Baby were sweet, please ask him to send me 12 of each still, with his gun, running, learning in the tent, and you in the boat, as I have to glue albums for our exhibition and have mostly old photos. — He might send me some other nice ones he did before of Alexei and you, please. —

I shall give her yr. letter, she will be wild of joy. Am just going to drive with her and Olga, — Tatiana is riding and the others are in their hospital.

Lady Sibyl feels alright one says. —

Most uncomfortable writing with such a swollen, stiff finger. —

So anxious for news. —

Goodbye my Sunshine, my joy, my life. God bless and protect you. 1000 of tender kisses fr. yr. own old

Sunny.

No. 296.

Tsarskoje Selo, June 23-d 1916

My own Sweetheart,

Ever such tender thanks for yr. precious letter. I understand that our Generals make you wild when they act stupidly and make faults. — It was a mistake of *Mekk's* — its 2 «*Crimeans*» and not «*Alexandrovtzy*», who were wounded. — Nastinka lunched with us as its her birthday, then I receive *Belosselsky* — the dentist for an hour, perhaps Ania brings her brother and sister to me. — At 5½ *Sturmer* and the dentist again for 1½ hour. — There is a *rumor* that Sergei M. is to be at the head of the question for provisions in the country — such rot. — *Sturmer* has a good idea about all that if you give it over to his ministery where it has been for hundreds of years and only sly *Krivoshein* took it to himself. In the Ministery of Interior its all easier as he has all the necessary people and influence and can put a good, energetic man at the head of a special commission. Now I hear as tho' *Naumov* keeps it, that wld. be a real pitty, as he is not energetic enough and thinks too much of the *Duma's* opinion and *the Zemstvo Union. Sturmer* thought of a Pr. Obolensky (Gov. of *Kharkov),* who could head the commission and travel about and see all and go energetically into all the details. I don't know, why he comes to-day — he begged so much you should send for him before the other Ministers so as to talk over quietly with you all the questions you allowed me to tell him. —

Very warm again. Must end now Deary. I long for you and cover you with burning kisses. God bless and keep you. —

Ever yr. very, very

Own.

I cover yr. letters with kisses and try to think, I hear you talk, ah, me misses you madly!

No. 297.

Tsarskoje Selo, June 23-d 1916

My own beloved Angel,

It is 12½ already and I am just in bed, but I want to begin my letter whilst I still remember my conversation with *Sturmer.* The poor man

was much disturbed by rumors, wh. had been brought him fr. people who had been at *Moghilev,* but as *Rodzianko* pounced upon him, he began to get quite surprised. As tho' there was to be a military dictatorship with Sergei *Michailovitch* at the head, that the Ministers wld. be changed etc. and *Rodzianko* the fool came flying to ask him his opinion on the subject etc. etc. He answered that he knew nothing whatsoever and therefore could not form any opinion. I consoled him, saying that you had written nothing to me upon this subject and that I was convinced, that you wld. never put a Grand Duke at such a place and least of all *Sergei Michailovitch,* who has enough to do to try and put his business in order. We discussed it being possible that Generals think it advisable a military man being at the head of such a commission *(food)* so as to unite everything for the army and to be able to take military measures for punishments — tho' certainly the Ministers wld. be placed in an awkward position. — Then we spoke of *Naumov,* who again said to him, that he was tired of his work and did not feel well and wld. like to leave. (He does not agree with the Government, looks at things quite fr. another point of view. Tho' being a loyal and charming man, he is obstinate and sticks to the ideas of *Duma, Zemstvo* etc. and trusts their work better than the Governments; this is not famous for a minister and makes work with him very difficult.) He wished *Sturmer* to tell you he wants to ask to be dismissed, but *Sturmer* protested and said he must ask himself, tho' he finds he has no right to ask for his dismission during the war — but for *Sturmer* it would be easier without him. Yesterday was the last sitting of the Conseil de L'Empire, *Golubev* presided. Nearly all the right were missing, had left some time ago as had enough of it — *Kokovtsev* lead the other party and is altogether an abominable element. — This party intended as bonne bouche to draw *Trepov, Shakhovskoy* and *Naumov* to account for things not being as they ought to and to insist upon their answering to all questions. *Trepov* and *Shakhovskoy* said they were ready with all documents, but agreed with *Sturmer* that questions might be touched, wh. they were not yet ready to answer — *Naumov* delighted said he would with joy answer everything and that there wld. not be one question he wld. not find his explanation to — it was very unpleasant but *Sturmer* insisted upon *Golubev* not allowing these questions to be touched at all — so when all came together it ended decently. —

Then another thing, *Sergei Michailovitch* twice already asked *Sturmer* that all the fabrics should be militarised — but *Sturmer* said during the *Duma* it cld. not be done — and now he has found a much better way out of the thing. One fabric (of course have forgotten in wh. town) is just an example, there were strikes, so one ordered at once all the people and work-men to be called in, and instead of sending them out to the war, make them work in the fabric as before, only being now soldiers, if they dare do anything wrong, they are judged by military judgement. This can be done smoother and with less noise than all the fabrics together — its the best example and all will tremble that their turn may come. — He is becoming far more energetic now and feels a heavy load off his shoulders now that the *Duma* has left. — What will

that odious *Rodzianko* have spoken about — there is much chance he wont be reelected, because his party is furious he did the thing clumsily and asked you should shut up the *Duma* as they were tired — and *Sturmer* said no, that they of their own accord must go. — I beg your pardon for bothering you with all these questions, but I wanted to warn you beforehand about *Naumov* and what was worrying the good old man. —

I saw dear *Lili Den* at Ania's this evening — just back — and our ships gone off — God guard them. She spent 2 weeks in Japan as her husband was sent there. At Kioto she lived in the house and very room you did. She is full of Japan and managed to see a great deal. She created much surprise in the streets and little japanese women took a fancy to her and hung on either side of this giantess. She brought me an ivory elephant and each of the girls and Baby too, wh. I send him. Elephants are for luck and especially the number 7, so our elephants make 7, as Baby has two. — *Seriozha Taneyev* told lots about the war and Keller. — I had awfully much to do to-day and heaps of *reports* to read. I had a wire fr. the Commander of my 21 S. R. about the losses of the 13-th. — really terrible the mass of the old officers killed and lots severely wounded. Pss. Gedroitz saw them now. — Then I got at last a map and *report* fr. my *Crimeans* of 3 weeks ago. And this evening's paper mentioned my dear regiment in the announcement fr. yr. staff — am so proud — my 2 wounded are in despair not to be there now when work is going on hard. — Now its 1 o'clock, I must put out the lights and get to sleep and rest my weary old head. I would give much to have another precious and dearly beloved one lying next to me and to feel Sunshine's caresses. —

June 24-th.

Sashka V. lunches with us and says goodbye, as he returns to the front. His wife is expecting it seems. Then I have *Naumov, Prince Golitzin* and *Shvedov.* Just finished *Taneyev's* papers and must be getting up and dress for the hospital. *Sashka* lunched with us, he leaves on Sunday. — Thank you very tenderly, my Lovebird, for yr. sweetest letter. Certainly with joy shall see our dear Cossacks, was just thinking how to do it (rather shy work without my own Huzy and Baby).

I am glad that the *Home Manufactures Committee* has now understood what they must do, *Naumov* talked just now long with me — Witte helps him much — that man is a real pearl and is my right hand in everything, and *V. P. Shneider* gives useful advice and they want to unite it with the *Supreme Council.* Excuse my finishing in pencil, no more ink in the pen and I must quickly finish (and am on the balkony.) We shall interest the governors and spread it all over the country and for the wounded and then have art and taste in it like in my *School of Popular Artcraft.*

Oh Sweety, what a lot one can do, and we women can help so much, at last all have woken up and are ready to help and work — like that we shall get to know the country, peasants, governments always better and be in real union with all. May God help me in that way to be of some use to you, Sweetheart. And they are glad to work with me, you helped and set

all going through giving me the *supreme Council and the «Infants' and Mothers Home»*, all goes together, all for the «people» wh. are our strength and the devoted souls of Russia. —

Must end now. Cover you with yearning, endless kisses and blessings.

Ever, Nicky mine, yr. very own old

Wify.

No. 298.

Tsarskoje Selo, June 25-th 1916

My own beloved One,

Thank you ever so tenderly for yr. precious letter. What colossal thunderstorm you must have had, *Zhilik* also wrote about it. —

How glad I am *Martinov* will be able to continue his military service. I enclose a wire I had yesterday fr. Count Keller. —

Thank God the news is good and you are contented. All that lie here are craving to get back. In the «*Novoye Vremya*» of June 24-th there is an article «*Armor-clad*» wh. describes the heroes who lies in our hospital — only he did not like how it was written, found one spoke too much of him and little of his officers and men who were splendid. *Siro-Boyarsky,* — he has got all the decorations one can have and one asked for him to get the 2 cross now for entering *Lutsk* first and how he continued firing, fallen under the bridge, lying on his dead comrade etc. — but they say its against the rules, he being too young (I don't understand there being rules for heroes.) — Were at the *Te Deum* and then saw the splendid *Sotnia* — said good morning, congratulated them for their safe return and gave all my hand and spoke to some with 3 crosses. — Colossal heat. Just had a long *report* with *Witte,* my head quite goes round. Fred. lunched and I send you the enclosed paper, about a feast *Miechen's* committee arranges. Why so colossally official — and before whom do our troops pass, before the German trophies or Miechen? Please, say what you wish, am I to assist or not, perhaps I must, else Miechen will play too great a part, only she has the medal. Tell me what you wish, as soon as possible please wire, because they await an answer and I don't know what to say. having no idea how you look upon the whole question. All the *St. George* knights will be invited one says. — And then later on, off into my Angel sweet's loving arms. —

Ever blessing and endless kisses, my Nicky sweet, fr. yr. very

Own.

No. 299.

Tsarskoje Selo, June 25-th 1916

My own sweet One,

I want to begin my letter this evening. Its still uncomfortable holding the pen — the skin of my finger is all pealing fr. the spirit-compresses I wore and there are blisters, so I cant well bend my finger. — Lovy, I forgot to tell you, that I saw the Metropolitan yesterday and we spoke over the

question of *Hermogen,* who is in town since some days and receives reporters etc. He has no right to be here, as you never gave the permission, he received it fr. *Volzhin* and Metropolitan *Vladimir* in whose *Kiev house* he is living. Several papers speak about him, the «*Novoye Vremja*» writes that the *disgraced* bishop will probably soon be named to *Astrakhan* and in the same place they say the *Synod* allowed him to come. *Sturmer* also by chance heard of it and was displeased, so I asked the Metr. to go to *Sturmer* fr. me and beg him in his own name to tell *Volzhin,* that he cannot trouble you upon this subject, but that he finds it not at all proper, nor the moment for *Hermogen* to be here as one cannot forget, why you had him sent away and that stories may arise again; especially now all such things must be avoided — they chose the moment *Gregory* is away. That he lived already some days here and it was kept a secret even fr. *Sturmer,* to whom the police ought to have told it at once — is strange. I only write all this, in case you hear about it — he must be sent back to his place and I hope *Sturmer* told *Volzhin,* — you ask *Sturmer*. As long as *Volzhin* remains, things wont ever work, he is quite unfit for this place, is a handsome man of the world and works exclusively with *Vladimir*. On Monday I receive *Raiev* (brother of the Dr., son of old Metr: *Paladi)* — a professor I believe — an excellent man, knowing the Church by heart since his childhood. Write down to ask *Sturmer* about him, he found him very good indeed (his looks certainly not like *Volzhin* and wears a wig) — you probably know him — has the *ladies high* school under him, and when there were rows in all the schools and universities, his girls behaved beautifully. It interests me to see him as he is so well versed in everything concerning our Church. Please, remember to speak about him to *Sturmer*. —

26-th.

No, what a heat! Thank you my Angel over and over again for yr. sweet letter. I am so glad my long letter did not bore you and that you agree with all. — *Sandro L.* lunched — he leaves to-morrow to take over his regiment near Riga. — He has much improved, become so quiet and eyes too less nervous. — Poor *Olga* and *Tatiana* have gone off to town, Ania off to *Terioki* with Becker probably on the way. The little ones are in the hospital and I shall meet them and take them for a drive. — Well Lovy, if we go on the 3-rd to town, wh. I think wld. be right as its such a big military thing — who takes the review — who says good-morning, who thanks — without you I cannot imagine how things are done. —

Paul has wired for his wife not to come to him for his names day, wh. means the guard will probably move then. —

Had the dentist fr. 5—7 and to-day again, odious in the heat. —

Must end now — what joy if we soon meet — tell me about A. Can I bring her extra with me, as our Friend wanted it so much, she too wld. bring blessing for the troops as, He says, Wify does when goes there. —

God bless and protect you. Kisses without end fr. yr. own old roasting

Sunny.

Thanks, my Angel, for the sweet pansy.

No. 300.

Tsarskoje Selo, June 27-th 1916

My own sweet Angel,

I thank you very tenderly for yr. precious letter — such an intense joy to hear from you, its my recompense after working in the hospital. Pss. Gedr. returned with her wounded. She worked three days in a *front unit,* where there was no surgeon (just left) — made 30 operations, lots of *trepanning;* saw my poor dear Siberians. —

Apraxin lunched with us, told many interesting things, been with my *supply* trains, was at *Lutsk, Czernowitzy,* returns there soon again. Then saw Senator *Krivtsov* — oh, what a rottenly affected man he is with sweet phrases — makes me sick every time. *Raiev* made me an excellent impression. — Then *Col. Domashevsky,* my ex page, happy to have seen you. Now my brain is utterly gaga. Going to hear the artillery *balalaiki (guitars)* in our hospital — they leave Wednesday for *Lutsk* — then dentist. No brains for writing — and so awfully hot — quite ramolie. — Once more I ask about this tiresome trophy exhibition ceremony — why is it so official — ask Fred. and Minister of war about it. If we dont go, does it matter that Miechen does all? Only wire — don't go — or — better go to it, so as to be quite sure, please answer at once. — Shall think of you much to-morrow. Be energetic, lovy mine. —

Cannot write any more. Kisses without end.

Ever, Sunshine mine, yr. very own old

Girly.

God bless and protect you. — Hope, Baby's arm not too bad. —

No. 301.

Tsarskoje Selo, June 28-th 1916

My own beloved Angel,

Such tender thanks for yr. very dear letter. Poor one, so sad you have to see all those Ministers in this great heat. — In the distance there is a thunderstorm. We had awfully much to do in the hospital, I did the 11 new ones, who are very heavily wounded. The dentist every day is madning — I hope to finish to-morrow. *Emma* and *Nini* came to tea and then they leave for the country. Ania sends you both radishes, wh. her wounded planted. *Hermogen* has left. — Certainly *Zhilik* must have a rest — does he think Mr. Gibbs ought to go in his stead not for lessons, but to read more to Baby and to give him the chance of speaking more English. Please, ask him, and if he thinks it good, he can tell, write it to *Peter Vassilievitch,* or should *Peter Vassilievitch* come for a time, please, speak it over with *Zhilik.*

It will be lovely to come there — Becker will be about the 3-rd, so as to be the 11-th with you.

I must end now. Goodbye my love, my Sweetheart, whom I yearn after. God bless and protect you.

Endless kisses and passionately loving ones fr. yr. very

Own.

No. 302.

Tsarskoje Selo, June 29-th 1916

My own Sweetheart,

Warmest thanks for yr. dear letter. Glad, all went off well at the sitting, judging by yr. wire — it was dear of you still having written.

We went to the hospital Church for service and then did our work. Isa lunched — now a Colonel comes to her about this odious *holiday* — we take tea at Miechens and she is sure to speak about it too — I wont answer till yr. wired answer comes. I have told I. to ask details — because, if Miechen intends playing a part, its better we 5 go — because of the *St. George knights* who will all be there. Think it over again with Fred. Will you? Its only because of Miechen. Am as usual in a beastly hurry, as people are waiting to be received.

I send you a paper about *Zhuk; Ania* and *Loman* very much beg for him and he deserves this — write a resolution on it, and I can send it then to be done quicker. Excuse bothering, but they wanted Ania to ask for him. —

Becker came to *Tatiana* and me to-day, so kind before time, will be all the better for journey. — Ania will remain more in the train, not appear at meals — so we shall have time to be more to ourselves — she for nothing wishes to disturb, and never asked — our Fr's. wanted. — Lovely weather. Must end.

I hold you tightly in my loving arms and cover you with kisses. God bless and protect you yr. very own old

Sunny.

No. 303.

Tsarskoje Selo, July 1-st. 1916

My own Angel dear,

We had Georgi to lunch — he will be with you on Saturday. Aunt Olga goes for 10 days to *Kiev,* — Motherdear invited her — soon Nicky and Andrea arrive. — Had much work this morning, operated upon poor *Taube's* leg again. — Said goodbye to our 5 Cossack officers. Shall be to-morrow at 4 at the *Te Deum* before the *Feodor. Cathedral* — the men on horseback, as they go straight fr. there to the train. —

Excuse my always bothering you about that beastly feast on Sunday, but I fear one may think I don't want to come because of German trophies — Miechen you see goes — and one has gathered over 1000 St. George's cavaliers to be present. — Nice weather. — I finish with the dentist at last this evening. — Took tea at Miechens yesterday — most amiable, and touched absolutely no subjects. —

God grant soon, next week we shall be together — too lovely — not leave here before the 5-th — for how many days can we remain. I cover you with yearning kisses and boundless love. Beg yr. pardon for the smudges, the wind blew the page too — God bless and protect you — yr. very own old

Wify.

No. 304.

Tsarskoje Selo, July Ist. 1916

My own Darling,

Such endless thanks for yr. dear letter. *Zhilik* will dine with us and then shall get news of you all. — Can well imagine how tired yr. poor head must be fr. all the hard work — so difficult to remember always everything. I have told Marie to speak with *Zborovsky* and then we can arrange all — he had wanted to go to the Caucasus, I know. — I am glad you take iodine again, its so good for you from time to time. — Are going to bid our *Company* goodbye — there is the *Te Deum* before the big palace (so frightening all that without you). Am glad that need not go on Sunday, and that you have ordered off the military part of the feast. —

Now we have a little boy of 8 in the hospital, a nephew of *Jedigarov,* he lies with the officers, as they begged to have him with them and one big young hero was laying puzzles with him. «*You need'nt!!*» —

Taube is getting on nicely, tho' the leg hurts very much. —

Weather changeable to-day. — Ania sends you both radishes again. — Am sure Baby must feel sad without *Zhilik,* — that man is a pearl. —

How nice I shall see then *Daragan.* —

I also had a wire fr. *Gregory.*

Had letters fr. Victoria and Louise. — The red cross forbids the Germ. and Austr. sisters fr. inspecting the prisoners on account of the loss of the second red cross ship — I find it foolish and wont help a bit. — Sweetheart, goodbye now. I cover you with endless, burning kisses.

God bless and protect you. Ever yr. own old

Sunny.

Old Lolo D. will lunch with us to-morrow. —

No. 305.

Tsarskoje Selo, July 2-nd. 1916

My own Lovebird,

I am writing in my room by lamplight, as there is a colossal thunderstorm and rain — terrible loud claps as tho' it had struck near by. Pss. Lolo and *Valia* lunched — he will bring you this letter. —

Very tenderest thanks to you, my Angel dear, for your beloved letter. The photos *Derevenko* did are perfectly delightful, especially of you both my sweet Darlings. How big Alexei has grown, no more babies! Ah, h o w I miss you both!! The hospital is my real saving and consolation. We have many heavy wounded, daily operations and much work we want to get through before leaving. The «*Kakham*» has come and spent the evening at Ania's yesterday — to-day she has asked me to spend the evening with her and him and to hear him tell pretty stories. —

There, its clearing up. — One begged me to ask for *Bezobrazov (chevalier garde)* as the boy is still ill, but his term is up and he wld. have to leave the regiment unless I get yr. order that he may remain still 2 months, then they keep him in the regiment. —

Now my Sunshine, Goodbye and God bless and protect you. —

I cover you with very tenderest and warmest kisses.

Ever, Nicky mine, yr. very

Own.

No. 306.

Tsarskoje Selo, July 3-rd 1916

My own beloved Angel,

Ever such tender thanks for yr. sweetest letter. — God grant we shall be together by Thursday after luncheon. Wont that be too lovely, at last again together after 7 long, long, weeks? — We bring *P. V. Petrov* with us. —

So the guard moves! *N. P.* wrote that they were just going off, probably to *Lutsk.* So we shall be with you those great days — God almighty help our troops. *Gregory* said if I went to you, God wld. again send His blessing to the army — may it be so. — *Staff-Captain Liubimov,* com. of Baby's *Company* of the *Belomorsky Regiment* soon leaves our hospital, has never seen Alexei, so we told him to pass by the *Headquarters* ask to see Baby through *Valia* — he is such a nice little man. There is another I wish you could see — our hero, I wrote to you already once about him of the *armored machine-gun cars* — he has never seen you — thats why came to our hospital to see us at least — wld. be nice if he cld. also have passed the *Headquarters* (26 years old. *staff-captain,* father was in the Jap. war; commanded at *Poltava* the artillery and died there just before this war began) — *Siro-Boyarsky,* St. George's sword, cross all one can have, three times already wounded. May they pass like that, can I tell him anything (they never asked) — he leaves now for a week to his mother at *Poltava* and then returns to *St. Petersburg* for business; — if they come to *Moghilev,* whom must he ask, so as to be presented? One wants to give pleasure to such brave fellows, and you will listen with interest to all he tells. —

Glorious weather. Ania has gone to Finland for the night. Miechen is in town feasting with her medal. — I spent yesterday evening at Ania's with the »*Hakham*«*!!* Very clever, pleasant man — she has quite melted. —

Now must go to the big palace (such a bore)! —

S. N. Feodorov will be at the *Headquarters* about July 15.

Every blessing and 1000 kisses fr. yr. own old

Wify.

Shall come to you and leave Becker behind!

No. 307.

Tsarskoje Selo, July 4-th. 1916

My own Sweetheart,

Fondest thanks for yr. precious letter. *Petia* lunched and send his very tenderest love and good wishes for success. —

There was a thunderstorm. — Now we are bringing *Silaiev* with us — you will think me crazy, but I thought it best he should present himself to you and tell you all the details about the Dr's opinion, as it needs a long treatment still and he does not know what to do about the regiment, poor man. Writing up and down takes so long, and like this it is simplest you talk it over together and give him yr. orders. — The operation *hernial rupture of Yedigarov's* 8 year old nephew went off well — now I am going to the hospital to see the men, as many of my 21-st reg. have been brought. — Ania's *Raduta (refugee, nurse)* marries her sanitary and they have a feast in the hospital. —

There is nothing you wish me to bring you?

Shurik and *Victor Erastovitch* take tea with us. —

Now must end. Cover you with tender kisses and blessings

Ever yr. very, very

Own.

To you and Baby each a cornflower. Saw *Vera Volkova* who came for a few weeks and now returns to England.

No. 308.

Tsarskoje Selo, July 5-th. 1916

My very Own,

Such loving thanks for yr. last dear letter. To-day 7 weeks that we separated — it was a Tuesday. The heat is tremendous, I am perspiring and broiling. — Thanks so much about the officers, they will be wild with joy, all the more so, because they did not dare ask; — they will come whilst we are there so as to feel less shy. —

Groups were taken in the hospital to-day. — *Nastinka* has fallen ill, so we bring Isa, who is overjoyed. —

Sturmer comes to-day, and still others to receive. — What joy to feel I shall soon have you in my loving old arms again. —

Excuse rotten letter, but am ramolie and in a haste. —

God bless and protect you. I cover you with kisses.

Ever yr. very own old

Sunny.

Dediulin came to say goodbye, the regiment has sent for him. —

No. 309.

Imperial Headquarter, 12-th July 1916

My own Beloved,

Again goodbye, but thank God not for long — but nevertheless I hate leaving you and Sunbeam. Its s o lonely without you and knowing yr. hard work and dreary life, makes it very sad. Thanks my Angel, for having let me be with you, for having sent for us, it w a s a joy and gives strength again to continue. We have enjoyed our holiday and go now back to our work. Thursday morning straight to *dressings* and then to receive the German and Austrian Sisters (I don't look forward to that). — She has wired to Our Friend about the weather and I hope God will bless the front with Sunshine. Please, wire this evening how Tiny's temp. is and to-morrow morning. We reach *Tsarskoje Selo* to-morrow evening at 8. —

Farewell, my Sunshine, my Love. I fear our visit was too fidgeting for you, so much running about and still yr. work to be done. I shall remember every caress with yearned longing.

God bless and protect you, give you strength, courage, success.

I cover you with endless, burning kisses,

Ever yr. very, very

Own.

No. 310.

Moghilev, July 12-th 1916

Lovy my Angel,

I have asked Ania to drop these papers for you to give *Alexeiev* to read and then to return me the *Report,* the telegram I dont need as have another.

What rain!

Do hope my Baby is alright, they let know he woke up and went to sleep again, hope the night was good — do say they are to let me know as soon as he wakes up, the temp. etc. then I can come up earlier to sit with him. I hope its nothing and a good sleep will set the sweet child to rights again. —

I cover you both with kisses yr. own old

Wify.

No. 311.

Tsarskoje Selo, July 14th 1916

My own beloved, precious One,

S u c h endless joy to receive yr. dear letter and I thank you for it with all my fondly loving old heart. Sweetums, every tender word of yours is my greatest, deepest joy and I carry it deep in my heart and live by it. Seems a dream, our journey. Had to relate heaps in the hospital, all full of interest and wanting to know everything. — The weather is very warm and a divine

breeze, so that we are going for a drive. Just receive 6 German and 5 Austrian sisters — real ladies, nothing like our bad selection, wh. was sent. — They brought me letters fr. home and Irène and all send you their love. You must excuse a stupid letter, but am slightly cretinised. —

Went early to bed and enjoyed a bath. — Lovy, do say about *Sukhomlinov* being let home, the Drs. fear he will go mad if kept shut up any longer — do this act of kindness of your own sweet self. — My Siberians were so happy over *Sergeiev's* telegr. that they had succeeded again. —

I am so glad you took us everywhere, now we know how and where you spend your afternoons. —

Beloved Angel, now Goodbye and God bless and keep you. —

I cover you whit endless burning kisses and live in the past.

Ever yr. very, very

Own.

No. 312.

Tsarskoje Selo, July 15-th 1916

My own beloved Darling,

Very fondest thanks for yr. dear letter. — All my thoughts & prayers are with you and our dear troops — God help & send success — it will be very hard for them I fear, if you get news — let me know, feel so anxious. —

Weather fine, not too hot & now even grey, in the evening there were only 9 degrees. — To-morrow is Ania's birthday, please wire to her, if in the evening then to *Terioki, Estate of Mikhailov.* She leaves for there at 4 to-morrow & spends the night with her parents.

I saw *Maximovitch* this morning — I am glad the old man goes on leave again, it will freshen him up, as I found him pale, thin & not looking well. —

How is *Grigoriev's* health? *Derevenko* sends you photos, he took on the river. —

The bedroom is so empty & big after the train!! — Sweet Angel, soon we shall be back again with you & I long for your caresses & kisses. —

I have got to receive three officers now, who are returning to the front. Have nothing interesting to tell you. —

Goodbye Sweetheart, God Almighty bless and protect you; I cover you with fond kisses & remain,

yr. very own old

Wify.

My compliments to *Alexeiev.* All were wonderfully kind & amiable to Ania. —

No. 313.

Tsarskoje Selo, July 16-th 1916

My very own Treasure,

Warmest thanks for yr. sweet letter. Let me congratulate you with all my heart for the good news — what a surprise it was when *Rita* announced it to us this morning in the hospital — I had not had time to read the papers. *Brodi* taken — how lucky — the straight line for *Lemberg* & the *break-through* begun — the good is coming, as our Friend had said. I am so happy for you — a great consolation & recompense after all yr. anxiety & hard preparatory work! And how are the losses? Heart & soul are with you out there! —

Thats right you let Nicky speak himself out, it will have quietened him & I really think the other powers do not act fairly towards Greece, tho' its a rotten country. —

Heavy air, the rain did good, a tiny shower — good luck for Ania — she is 32 to-day. She begs yr. excuse for blotching her letter — now she is off to Finland till to-morrow evening. —

I have Witte's *report* at 5½ & to-morrow *Sturmer,* whom I must speak seriously to about the new ministers — alas, that *Makarov* has been chosen (again a man against yr. poor old wify & that brings no luck) & I must have our Friend guaranteed against them & *Pitirim* too. *Volzhin* does act so wrongly — *Pitirim* chooses the man to be at the head of his *Church* & *Volzhin* forbids it — he has no right to do so. —

Goodbye my One & All, my Huzy Love, my precious Sunshine. I bless & kiss you without end in fond & deep devotion. Yr. very

Own.

No. 314.

Tsarskoje Selo, July 17-th 1916

My very own Lovebird,

A kiss for yr. dear card I received to-day. So the guard has already taken part — *Taube* was very much interested to know about it. The amount of prisoners taken again is indeed splendid. — Darling, can you please let me know where my Siberians are just now, as one of my officers returns to them in a few days & does not know where to go & one looses so much time looking for one's regiment & I thought you might know — can you? —

We have just christened *Loman's* grandson, a splendid baby — old *Sirotinin* & I were the godparents. — Its pouring cats & dogs, so we shall be good & go to some hospital. In the morning we went to the lower hospital Church & then worked. Yesterday to the *Feodor. Cathedral* & evening in the hospital. —

I wonder how the weather is along the front. The glass has fallen a good bit. — Had a long letter fr. Olga, says Motherdear is well, in good spirits & enjoys herself at *Kiev* & does not speak about leaving; she sees her but rarely & works very hard since 3 months. In 3 or 4 days her friend goes back to the front & she thinks of it already with despair. He came for her

Namesday — he was somewhere with the horses the last 2 months. — How the papers are down upon *Sazonov,* it must be very unpleasant for him, after imagining he was worth so much, poor long nose. —

Now, my Sunshine, goodbye & God bless & protect you & keep you from all harm.

Ever yr. very own old

Sunny.

No. 315.

Tsarskoje Selo, July 18-th 1916

My own Angel dear,

Every tender thanks for yr. sweet letter. To-morrow already 2 years of the war — terrible to think. As its St. Seraphim's day too, we shall have service in the little Church below. — Yesterday evening Kirill came with the 2 telegr. I copied out for you — because *N. P.* told him I always wished to know all about them. —

We read them with great emotion. — Wonder, who the 16 men are who were killed — thank God no great losses. — *Generally* kindly let me know whenever you get lists of deaths & wounded — because the families all telephone for news fr. me. Several of our trains are down there — lots of 4-th rifle officers are wounded. One waits with such anxiety! —

Just had Apraxin — I told him he might pass by the *Headquarters* soon, to see the different Generals with whom he, *Mekk* & I have to do! —

Many showers to-day. Sorry cant write any more. We went to A. Olga yesterday, she was very dear — asked after you. —

God bless & project you. Ever such fondest kisses, my own Sunshine — yr. very

Own.

No. 316.

Tsarskoje Selo, July 19-th 1916

My own Beloved,

All my thoughts and v e r y tenderest prayers were with you this morning in our *Pestcherny chapel.* We ordered a service below for ourselves & afterwards there was in the big Church & *Cross Procession* & feasting & lunch in the Childrens' hospital. We had fewer *dressings* to-day. Your messenger came late — fondest thanks for yr. dear card, my Sweetheart.

Again quite cold, only 8 degrees & showers from time to time. — *Sturmer* spoke with me about the Polish question — one must inded be very prudent — you know, I like *Zamoisky,* but know he is an intriguer, so one must well weigh over this serious question. —

I deeply regret one made you rename Metrop. Wladimir for the summer session of the *Synod* — it ought to have been *Pitirim. Wladimir* belongs to *Kiev* & has only been a week there in all these months. He harms ours in

everything, — n o t o n e thing can *Pitirim* do in his own town, for everything Wlad. must be asked, so that the clergy don't know who is the master, & its very unfair towards him. The other metrop. had the tact of remaining at *Kiev* more — one ought to do something for this poor one. — Now I must end. Heart & soul with you. — 2 years this awful war! God bless & help you. 1000 fond kisses fr. yr. own old

Wify.

No. 317.

Tsarskoje Selo, July 20-th 1916

Sweetheart mine,

Fondest thanks for yr. dear letter. I saw *Vladimir Nikolaievitch* yesterday & was glad to get news of you all. He thinks of quietly remaining here, as there is much work in the hospitals & we are daily expecting new trains.

Cold & grey weather, tho' the glass is rising — reminds me of autumn, we dine in coats — because its dull indoors. — Olga & Tatiana have gone to town for *donations*. Nicky has asked to see me, so shall probably to-morrow, if he is not with *Sturmer* — Saw *Voyeikov* who stank of cigars & is full of his millions & constructions & selfsure as always — absolutely positive the war will be over by Nov. & in Aug. now the begin of the end — he aggravates me & I told him God alone knows when the end will be & many have said it wld. be Nov. but I doubt it — in any case its unwise to be always so cocksure as he is.

Nektliudov of Stockholm's son has fallen *(Preobrajenetz)* & the son of Uncle *Mekk* — too sad! — Excuse a dull letter, but my head rather aches. Remember to wire to Miechen on the 22.

Goodbye, my Angel sweet, my Sunshine & joy. God bless & protect you. I cover you with tender kisses. Ever yr. very own old

Sunny.

No. 318.

Tsarskoje Selo, July 21-st 1916

My own Treasure

Again grey & cool & the glass is falling — really, where is summer flown to, we have seen so little of it. — Last night at 10 Anastasia's train arrived & I went all over it with her. Heaps of very heavy wounded — they had been endlessly long on the way.

There were several of her »*Caspian*« officers. — *Arapov's* grandson — the cousin of one we had 2 months before. Soldiers fr. Finland regiments etc. »*Belomortzy*« a few with many crosses — all fr. the Austrian front. I gave medals to the worst of wh. many were going to *Pavlovsk* to Aunt Olga's hospital. — We want to enlarge our little hospital, so as to be able to always have 35 officers — now 6 of them lie in the room we had for the men (where Ania lay).

We want to build out a wing with a room for 20 men, add a bathroom for them & rooms for sanitaries — they can do it quickly — last autumn we added on the large sittingroom. — The men love coming down to us, & its a pitty not to look after them.

Formerly we worked also in the big house — & this is more comfy.

Viltchkovsky & *Danini* come this morning with the plans & all are already deeply interested in it; it has become such a home to all & all the more so, since we spend the evenings with them. I shall finish this after luncheon, now must be off to *Znamenje* & our work. Thank God, that He has given me the strength to be of use again; — such consolation in one's work. —

Ever such tender thanks for yr. sweet letter. Our Friend's wire is comforting, as this constant rain & cold are sad for July & will make the movement again impossible. — Nevertheless I am going for a drive as my head is heavy. I think you better answer Olga's first question, that she ought to write a nice kind letter to the Pss. as she is so fond of her, & it will hurt less coming straight fr. her, thanking her for all these year's service, but that now she will no longer be in need of a lady in waiting & therefore must part with her. Tho' she remains a Grand Duchess, she may at times need a lady — she wont wish to appear at official occasions, but still there may be moments after the war, & when our Children marry & so forth — then Motherdear must lend her one — I suppose she of course speaks to her about this question — she ought first of course to ask her advice.

Nicky will come to-morrow to tea, as he is now with *Sturmer*. We had news of *Yedigarov*, poor boy — fancy, the commander did not wish him to come to Russia even to find an occupation, but now he is coming. He wld. not give him yr. squadron, & this has been the great blow, as he ought by right to have got it.

What can I propose him to do? Go over to my *Crimeans* or what on earth. What can you council? —

Now must end. Congratulate you with Motherdear & our big Marie. Remember Minny and little Marie P.

God bless you. 1000 burning kisses fr. yr. own, very

Own.

No. 319.

Tsarskoje Selo, July 22-nd 1916

My own precious One,

There, a downpour again. Such tender thanks, Lovy mine, for your sweet letter I was so happy to receive. — We had service in the *Feodor. Cathedral,* Css. *Vorontzova,* Css. *Benkendorf, Princess Dolgurokova,* Mme *Nilova, Dediulina* & our ladies were there. —

Now I have Velepolsky — I rather dread it, because I feel sure I shan't quite agree with him — & think wiser one shld. wait a bit, but in any case not give too great liberties, otherwise when Baby's turn comes he will have very hard times to go through. —

Then to M. & A. hospital for a concert — a visit to Miechen — Nicky to tea, then *Sturmer* — between that Ania — & the Hospital begging me to come in the evening & I shld. like to — its the only thing wh. helps me now you are away. Yet I know, A. is sad — tho' she has Alia lying not well in her house & might naturally sit more with her, I find. Forgive therefore a short letter, as am in a great hurry & fidgeted (wh. I don't like). —

I cover you with kisses & count the moments till we shall be together.

God bless & protect you & keep you fr. all harm. Always miss & yearn for you —

Ever yr. very, very

Own.

Shall do my very, very best about the old man. —

No. 320.

Tsarskoje Selo, July 23-st 1916

My own Lovebird,

From all my heart I thank you for yr. dear letter — yes, I too am eagerly looking forward to our meeting on Wednesday.

What a nice wire from Tino — I also wrote to him, Nicky begged me to. He was very contented with his talk with *Sturmer.* It was a tiring day yesterday. Church, *Velepolsky,* — to the Childrens' hospital — to Miechen — Nicky — *Sturmer* — till 7½. A. dined & remained with me till 10 — then to our hospital. —

Cold, grey & windy. — We have to go to the big palace for a concert & before want to drive a bit. Are awaiting trains. —

We used to work in the big house & have heaps of men — & this will be much better near us. — Frederiksy cld. not come to lunch, not being well. Benkendorf is also still not well. — I am glad you like old, nice *Maximovitch.* — Now, sweetest Angel, wify's lovebird, I cover you with burning kisses & remain yr. own old

Sunny.

Ania's goodies will only be ready to-morrow, she begs pardon.

No. 321.

Tsarskoje Selo, July 24-th 1916

My own beloved Sweetheart,

From all my tender heart I thank you for your sweetest letter. — The train (I am ramolie) bringing mostly guard officers & men arrived to-day & we went over it — 2 sailors were there too — some remained here, others went on to town. The poor couple *Verevkin* (ex. gov. of *Kovno* — «*Preobrajenetz*») came to meet their son's body. We had service in the hospital & then did *dressings* — without any doctors, as they were all occupied at an operation of a lady up-

stairs. — At last! divine weather — our Friend has brought it, He arrived to town this morning, & I am eagerly looking forward to see Him before we leave. —

A., I think, is more than grieved I don't take her this time, tho' she does not say it in words — but He has come & Alia is ill in her house & its unnecessary this time. I think my going so often to the hospital in the evening puts her out, but really her sister is there & ill to sit by — & there I forget the solitude & misery & they warm us all up. —

Grabbe is coming with us, I am delighted, as Nastinka & *Ressin* are dull. —

Sweet Angel, goodbye & God bless & protect you. Ever yr. very own endlessly loving old

Wify.

Thousands of kisses. Am awaiting Becker for the journey — hideous nuisance! —

No. 322.

Tsarskoje Selo, July 25-th 1916

My own beloved Huzy dear,

Changeable weather — at moments lovely sunshine & then such dark clouds again. I am in bed this morning as my heart is a good deal enlarged, I felt it all these days — I overtired myself — so remain quiet today & only go to A. this evening to see our Friend. — He finds better one shld. not advance to obstinately as the losses will be too great — one can be patient without forcing things, as ultimately it will be ours; one can go on madly & finish the war in 2 months, but then thousands of lives will be sacrificed — & by patience the end will also be gained & one will spare much blood.

I bring *Botkin,* as he was anxious to let me go now alone — before B. its often worse — & then I worried rather much latterly over the nomination of *Makarov* & the Polish story — etc. — Endless thanks for yr. precious letter — this too is my last to you. — Ania wanders about with a long face & is aggressive — the hospital aggravates her because I so often spend the evenings there (my rest fr. talks & one needs other faces when the heart is heavy with anxiety & loneliness — very, very sad without you both & she, poor soul, does not brighten me up always — I prefer not speaking of the absent & remembering the past & cry over what cant be — our interests are different generally — when her sweetheart the *Caraim* was here and caressed her — she was splendid. But we get on calmly; & now I don't take her of course she is, I see, very hurt — forgets her sister is ill in her house & *Gregory* is here. —

Now its raining. Got grant in 2 days we shall be together!! 1000 kisses & blessings fr. yr. longing old

Wify.

We shall lunch in the train? & if heart bad I can dine home too, yes? —

No. 323.

Tsar's Headquarter, train Aug. 3-rd 1916

My very own beloved Angel,

Alas, the day of departure has arrived again, but I thank God for this happy, restful week. Now I can return with new strength to my work and live upon sweet remembrances of your tender love. Its very hard leaving you alone to yr. heavy responsability & masses of tiring work — wish I cld. be of more use to you.

I long to guard you fr. all useless worries & vexations, but often have myself to come with tiresome papers — but nothing is to be done. — Beloved One, God Almighty give you wisdom & success — patience for the others not to hurry obstinately forward & spoil all by useless losses — steadily forward, every step firm & no dashes with retracing again one's steps backwards — thats far worse. — If only *Alexeiev* has taken our Friend's Image in the right spirit, then God is sure to bless his work with you. Don't fear to mention *Gregory's* name to him — thanks to Him that you remained firm & took over the commandment a year ago, when all were against you, tell him that & he will understand the wisdom then — & many wonderful escapes to those he prays for at the war who know Him — not to speak of Baby & Ania. —

Sweetest One, heart & soul remain with you & all my passionate love. God bless you & precious Baby hundertfold — shall miss you both horribly — & you will feel yr. loneliness, alas, again. I cover you with burning, tender kisses, Sunshine of my life — & remain yr. very own old

Wify.

Sleep well, hold you both tightly in my arms. —

No. 324.

Tsarskoje Selo, Aug. 4-th 1916

My own sweet Angel,

It is already 10 o'clock, but I want nevertheless to begin my letter to you to-morrow I shall be so busy. — We travelled alright & my heart behaved itself; I only took tea with the others, lunch & dinner I had in my compartment — lay the whole time & embroidered, whilst my thoughts were with you both treasures & I lived over that happy, peaceful week. Alone in my big empty bedroom, only your cushion to bless & kiss! Lovely moon & so quiet — the weather splendid to-day & not too hot. —

A. spent the evening with us — grown thinner this week, looks tired & one sees has cried much. Scarcely spoke — only after the children went to bed. She leaves on Monday with our Fr. & dear Lili for *Tobolsk* to pray before the relics of the new Saint. In despair to leave without yr. blessing for so far, & just when I returned, but He wishes her to go now, finds it the best moment. —

He asks whether its true what the papers write that the *Slavic war prisoners will be set free,* hopes not true, as wld. be a great fault (do answer this question). — Is grieved one says *Gutchkov* & *Rodzianko* have gone to give the order to collect copper — if true, says one ought to take the initiative from them, its not their business. Begs you to be very severe with the generals, that are at fault. You see, from all sides terrible cries against *Bezobrazov* arise, that he let the guard be slaughtered — that *Lesh* 5 days running gave *Bezobrazov* the order to advance & he always put it off & then lost all through his obstinacy. The wounded rifles & others don't hide their anger.

Ania got a most interesting, but sad letter fr. *N. P.* — writes about what they did too — but with despair about the Generals — *Bezobrazov* — now they know nothing, ordered the guard to advance where the bogs were known to be impregnable — & told to avoid other bogs where one cld. quite well pass — says, the worst impression — grieves to make me sad, but begs her to tell me this. — All here hope you will change *Bezobrazov.* — I hoped it fr. the beginning, surely not difficult to find a successor & at least one who is not as obstinate as a mule. The guard will never forgive him & wont be pleased you stick up for him, & that he profits as an old comrade. — Forgive me, but the more I quietly thought all over in the train what Paul wrote, Dmitri & others said, I honestly find he aught to leave, & it will be a glorious example of your wisdom. Its yr. special guard he has thrown sinfully away — & he will again disagree with *Lesh* & *Brussilov* — you kindly saved him after the story last year & gave him a glorious chance wh. he shamefully misused — one cannot act thus unpunished. Let him suffer & others be saved by this example. Regret, I did not speak more vehemently at the *Headquarters* & not to Alexeiev — yr. prestige will be saved — one will say you are weak & don't stand up for yr. guard wh. you always loved — & one can't risk another calamity. The generals know we have men in Russia still, & don't care about the lives — but these were so beautifully prepared & all — for nothing. I know how it has made you suffer — but be reasonable, Lovebird — listen to old wify who only thinks of yr. good & knows this step is the right one. — *Let Alexeiev* think otherwise — only better quite put him away, as you said a strong reprimand wld. make him nervous — do it for yr. brave guard's sake & all will thank you for it, they are too deeply hurt by his rashness in letting all their men be killed.

Ania told our Friend what I said about *Sandro's* despair & he was very much put out about it. He had a long talk with *Sekretev* on the subject & he says that he has heaps of things one cld. perfectly well use for the machenery of the aeroplanes. Don't you want to send for him & have a talk on the subject, or send him to *Sandro* to talk the question over — it wld. be in deed lucky if they cld. find a way of making the machenery here. —

Forgive me, if my first letter is already about affairs — but all concerning the army is so vital to us all & we live for it. —

By the watch I live through all you are doing all day, my own Lovebird. Only yesterday we were still together & it seems already much longer ago. Did you remember about putting off the calling in of the young soldiers till

Sept. 15 if possible, so that they can finish their fieldworks everywhere. — Isa came to the station but still looks ailing — *Trina* keeps to her room yet with a cold. Mme Zizi was there & asked where we came from!!! The Pss. *Palei* was there too — without a veil, but I did not kiss her. — I congratulate you with the *Preobrajensky* feast, my one & all. —

5-th. Ever such loving thanks for yr. precious letter, Sweetheart. Yes, the joy of being together is inconceivable & I live on remembrances now. For you its yet worse, poor Angel dear! —

Again lovely weather — got to sleep after 3. Worked in the hospital, lots of new faces. Pss. Gedroitz, *Taube* & *Emelianov* send touched thanks for messages. —

I enclose a paper about good *Manukhin,* — *Botkin* begs for him again & *Makarov* acts not fairly. —

Ania got a wire fr. *N. P.,* — he will be at the *Headquarters about the 12-th.* Sweety, I want to go to holy Communion this lent, so think Monday morning, as this evening is Church, to-morrow morning & evening, Sunday morning & then I'll order twice more — it will be a great consolation. Ania leaves Monday for — she does not know how long the journey will be. Wont you send her a card with wishes & blessing for the journey, only then write in time. — Lovely weather, are lunching on the balkony. —

I receive a lady now & then *Mekk* & Apraxin who goes to the front at 4 o'clock. — Lovy, you wont forget about the *decorations* for the wounded by bombs fr. aeroplanes. A. thanks for the teaglass. — Goodbye now, my Sunshine, my joy. In thoughts press you tenderly to my heart, cover you with burning kisses. God bless & protect you & help you in all yr. undertakings. — Think about *Bezobrazov.*

Ever, Angel mine, yr. very own

Sunny.

No. 325.

Tsarskoje Selo, Aug. 6-th 1916

My very own Sweetheart,

Fondest thanks my Angel for yr. precious letter. Yes, the blessing to be together is intense, & one feels the longing & missing quite awfully. Ah, your tender caresses, big sad eyes when we parted haunt me always. It is good to have a nice time to look forward to again, poor Ania hopes to be back by then, or the girl can catch us up at the *Headquarters,* it will refresh her & then *N. P.* will be there & we all once more together. Remember to give him the yacht, that makes a good reason for his not being out there & he ought to have it. — Lovely weather again, so shall remain the afternoon on the balkony. Have 4 officers. Mr. Gibbs & Pr. Golitzin with a *report* & then Nicky to see — there cld. not finish, they come one after the other & now the Feldjäger must leave. Nikolasha begs to thank you again ever so much for everything. —

Beloved, we had evening service in the *Feodor Cathedral* & to-night again, this morning in our *Pestcherny Chapel* & to-morrow morning in the lower hospital Church. Hope to go on Monday morning to Holy Communion — heart & soul I beg yr. pardon my one & all for word or deed by wh. I may have unwillingly hurt you; — I am so glad to go, long for this moral strength — one goes through so much & has to give out such a lot. Confession Sunday evening at 10 — perhaps Ania may come too — otherwise I shall be alone, the girls don't care about going now. — Goodbye, Angel Sweet. I see our Friend in her house to-day, you speak about him to Mr. Gibbs. — I cover you with fondest kisses & bless you over & over again.

Ever yr. very own, deeply loving & longing old

Wify.

As interesting, I told Ania to write out about her Brother for you. —

No. 326.

Tsarskoje Selo, Aug. 7-th 1916

My own beloved Angel,

I thank you fr. all my heart for yr. sweet letter — understand its difficult for you to write when you have so much to do. —

A grey day — rained a little. Saw our Friend yesterday evening in the little house — sends you these flowers and much love. They leave Tuesday evening. Ania and I go to confession at 10 and to-morrow morning service at 9 in our *Pestcherny Chapel* — quite particularly shall pray for you, my one and all and carry you in my soul. I cover you with tenderest kisses and send you endless love. —

What news fr. the war? Pretty quiet?

Excuse a dull, short letter, but have no time for more. — I send you the «candles» — what a nuisance you suffer again fr. them. —

Goodbye, my bright Sunshine.

God bless and protect you. Ever yr. very own tenderly loving old

Sunny.

No. 327.

Tsarskoje Selo, Aug. 8-th 1916

My own Beloved,

Warmest thanks, my Angel, for your dear letter. What a nuisance you have to see so many people. — Colossaly hot to-day and such heavy air — also a wee breeze— shant drive, prefer remaining quiet. —

It was a great consolation and so calming to go to Holy Communion — carried you both with me in my innermost soul. Can pray so much better in our wee Church below. From there went straight to the hospital where they gave me a glass of tea; and then I did my *dressings*. The foundation work of our new wing is getting on nicely — hope it will be ready by the end of

October. On Wednesday 10-th, will be the second anniversary of our hospital and all want it awfully to be called *His Majesty's own Hospital* No. 3. — as there are for ever confusions between *Palace Hospital* and *Hospital of the Palace.*

Wonder, what you are doing about the guard, — will they keep quiet now for some time. — Our Friend hopes we wont climb over the Carpathans and try to take them, as he repeats the losses will be too great again. —

Tchebikin comes to me to arrange about a hospital in the new barracks of the 3-rd rifle regiment. —

Must end now. Goodbye my beloved Treasure, my one and all, my sunshine dear; cover you with burning kisses.

God bless you.

Ever yr. very own old

Wify.

No. 328.

Tsarskoje Selo, Aug. 9-th. 1916

My own beloved One,

Ever such fond thanks for yr. sweet letter. Shall ask our Friend to pray quite particularly on the 14-th.—15-th. to bless the beginning. They leave fr. town at 7. — Pouring and sun shining, very damp and hot. —

She is sorry she answered yr. wire so officially, but her mother was there. — Kaufmann is coming to me, as I want them to send an *unit* out with our troops to France and *Alexeiev* agreed to the idea. —

Lovy, I have forgotten what *Zelenetzky's* place is as aid to Kirill, you speak with him and think the question over together. — *Tchebikin* was very nice yesterday and most willing to help — and so I get another wing still for Alexei's hospital (ex Academy). —

Our Friend had a good, long and nice talk with *Sturmer* — he told him to come to me every week. —

Now I must end, Zikov is waiting to see me — always somebody and have to write in a hurry.

Goodbye, my Treasure Sweet — I cover you with tender, passionate kisses and remain yr. fondly loving old

Wify.

God bless you.

No. 329.

Tsarskoje Selo, Aug. 10-th. 1916

My own sweet Angel,

Ever such tender thanks for your dear card. Grey and rather fresh. Go again to the hospital at 2½ for *the Mass* and feasting the 2 year's anniversary of our hospital. It will be shy work and we do not look forward to it. —

Got a wire fr. *Vologda,* they are traveling alright — before leaving, she begged me to send you her blessing and kisses. —

You will think about sending for *Raiev,* won't you, to have a good talk with him. — *Shvedov* and then *Bobrinsky* come — every day have people to see. —

Just had a wire from *Sergeiev* with the names of my wounded Siberian officers, Aug. 1 and 8-th, — losses of men he does not give. Now have to receive a Dr., who has to do with my «*Infants' and Mother's Home*» he went on an inspection — its spreading well over all Russia. — Am glad Mr. Gibbs gets on nicely, he was awfully happy to go. —

Don't you think it would be good if I stopped a few hours at *Smolensk* to look at some hospitals — and then reach you probably for dinner on the 23-rd? Yes, dear? —

Now I must be off. — God bless you, my Angel, long for you and yr. caresses. I cover you with tender kisses.

Ever yr. very own old

Girly.

No. 330.

Tsarskoje Selo, Aug. 11-th 1916

My own Sweetheart,

Heartiest thanks for yr. dear letter. I am grateful you are changing *Bezobrazov,* — it wld. have hurt the guard sorely hat he remained, as all knew it was his fault the losses were so great and useless, alas!

One speaks good of the one brother Dragomirov — God grant he may be fit for that place and work in harmony with the other Generals. Only they must have a better *intelligence service* than he had, he knew next to nothing.

Have not seen Dmitri, yes, I suppose his nerves are again, alas, good for nothing, its indeed a great pitty. Don't let him go to that lady so often — such society is his ruin — nothing but flattery and he likes it and then of course service becomes dull. You must keep him firmer and don't let him be too free with his tongue either. —

If Fred. is not well enough, I can send for C. Nierod and tell him to go to *Siverskaya* and explain all to the old man and find out what must be done. Only have I to say any date for it to come out, please, answer by wire. Operation went off well and yesterday's feast too. Now Olga and Tatiana count as serving in the hospital. — Weather cooler. The girls have been photographed whole afternoon by *Funk,* as they needed new ones for giving away to their committees etc. —

Tender blessings and 1000 kisses fr. yr. old

Own.

No. 331.

Tsarskoje Selo, Aug. 12-th. 1916

My own Sweetheart,

Ever such loving thanks for yr. dear letter. I am glad things go well in the Caucasus. — Yes, its quite good if you have 2 a. d. c. doing duty a fortnight & then change them — but keep *N. P.* for a bit longer so as to have a naval one with you & he has nowhere to go for sure; — & for you I am much quieter, when he is there — one of ours; & his influence upon Dmitri is good.

Got news fr. Ania, she sends you a kiss; to-morrow they arrive at *Tobolsk* to-day they are on the river. — Weather finer. —

Sorry have nothing of interest to tell you; — have much to do in the hospital as such heavy cases, & daily operations. —

Irina's Baby is much worse again, lives here with the Grandparents — *Irina* at *Krasnoye* with an «*angina*» — always ill, poor girl. —

Am sure *N. P.* must have many interesting things to tell you about the battles.

Are remaining on the balkony so as to be near in case poor *Renshakh* has suddenly to be operated. —

Am sorry my pen produces such antics — they are always capricious at the beginning. —

Got a long & interesting «*report*» fr. my *Crimeans.* It will be a joy to be together again, tho' just now we are much needed in the hospital. — Goodbye, my Sunshine. God bless & protect you & help you in all yr. difficulties. Had an interesting talk with Bobrinsky. —

Cover you with fond & tender, longing kisses —

Ever yr. very own old

Sunny.

No. 332.

Tsarskoje Selo, Aug. 13-th 1916

My very own Angel,

Ever such fond thanks for yr. dear letter. I told all about Olga's affair to Benkendorf, who was going to give it over to Nierod, who after collecting necessary papers will tell all to the old man. —

Can imagine how interesting all is that *N. P.* has to tell you! —

The weather is not very nice & it rained too, so I remain on the balkony & then go to the big palace.

Dmitri has at last asked to come to tea. —

Sturmer begged to see me to-morrow. —

Had an operation of one of my young Siberians, & heavy *dressings,* so lunched only at 1½. —

Thank goodness the Roumanians will at last move — & what are our movements for the 15-th? —

Benkendorf finds I must give a luncheon for Prince Kanin in September — a bore during the war, but I suppose necessary. —

Well, are you thinking about *Beliaiev* as Minister of War — I think it wld. be after all a wise choice. — *Bobrinsky* finds things cant work well, whilst *Sturmer* has so much to do, he cannot give himself over to one thing properly & entirely as he ought to & our Friend found the same thing too. —

Now Sweetheart, beloved One, I must end. God bless & protect you. I kiss you with unending true devotion & love you more than ever.

Yr. very, very

Own.

No. 333.

Tsarskoje Selo, Aug. 14-th 1916

My own Beloved,

Warmest thanks for yr. sweet letter. Well, one hears much good of *Gurko.* God grant him success & bless his commandment.

More than ever my thoughts are & will be with you these days, & I have asked our Friend to remember & pray much. —

I send you my Image back again, I have had a little border & safe ring made to it. — Also foggy, grey & rather cold, a September day. —

Dmitri took tea with us yesterday — his heart is not in a good state, moves like mine also therefore of course has at times pains, feels weak & gets out of breath. He ought to make a cure, as it is only beginning & then he can be quite cured. — We went to our *Pestcherny Chapel* this morning. Afterwards we go to the *store* in the big palace for me to give jetons to all the workers. —

Irina & Felix take tea. — *Shirinsky-Sakhmatov* has died — probably he had cancer — am sorry for his wife. —

Dear Sweetheart, I long for caresses & to show you all my deep, unending love & devotion — its hard, always being seperated!

Goodbye & God bless you sweet Sunshine.

I cover you with kisses & remain yr. deeply loving old

Wify.

No. 334.

Tsarskoje Selo, Aug. 14-th 1916

My beloved One,

I have remained at home this evening as am very tired and want to go to bed at 10 and drink something hot, as am fighting a cold down. The weather is quite sad, raining and cold and so dark all day. — Went to Alia this after-

noon and sat a while with her and her husband, she looks and feels very unwell, has lost 15 pounds since spring. Then I went to Ania's hospital, found all in good order. Afterwards — to give jetons to 70 people in the big palace.

Irina and Felix took tea — they were quite nice and natural, she very brown and he looking very thin, short hair and as page looks much better and holds himself properly. — Then to rest had *Sturmer* (therefore this big sheet of paper). If only I can write clearly and properly with a stupid, tired head. — Well, to begin with, it was a great blow to him that *Beliaiev* has been dismissed, as he had given him the question over about the prisoners whom one must have for coalmines, etc.: all over the country, and wished him to speak with the Commanders of armies to arrange with them how many they can spare etc: — he gave him over this necessary and urgent commission for the *food* questions. Now he is no longer in the ministery, not liked by *Shuvaiev,* will no longer be able to help him, and he really is a capable man and works far more than *Shuvaiev,* who never appears at the Council of Ministers but sends his representants. I so much hoped you wld. name him minister of war — is a real gentleman and knows all questions, and a really able man, tho' *Shuvaiev* cld. not appreciate him. — We spoke long about the *food* question and wondered, whether it wld. not be more advisable to choose a military man (for example *Shuvaiev* himself, who cld. manage for sure that question well as it resembles all he did so well for the *Quartermasters Department* — instead of being minister). *Alexeiev* does not care for *Sturmer,* has clearly let other ministers feel this, perhaps because he is a civilian, and a military man wld. be more welcome. He wld. have to have the rights of Minister, wld. remain what you named him, at the head of it all, wld. see that all work together, help the ministers — and you wld. not have to change anything. He is not tired of the work nor affraid of it, only we thought perhaps you might prefer a military man to do it. So I said I shld. find out, and in case you wish to speak it over with *Sturmer* and please send for him — he does not wish to bother you and wld. wish the initiave to come fr. you. —

Then about *Volzhin* he will give him the paper now — and wont you see *Raiev* to have a good talk with him and see whether he suits you — I believe that he, with *Zhevakhov* as aid wld. really be Godsend for the Church. If you wish to see him, wire the date to me, without mentioning the name and *Sturmer* will let him know. The other candidates I find quite unfit and knowing next to nothing about the church.

When I spoke with *Bobrinsky,* he also found a special man ought to be at the head of the *food supplies* and who wld. have no other thoughts in his head and only live and think of this. — The old *Khvostov* comes to present himself to-morrow.

So sorry to bother you with such a letter, but the old man always feels relieved, when he can pour out his heart to one and is glad, when I go to the *Headquarters.* I daily pray God to help me be of use to you and come with right advice, our Friend encourages *Sturmer* to speak with me always, as you are not here for him to talk over things with. — I am touched the old man has confidence in yr. old woman. —

Why was *Beliaiev* cleared out? Does it make it now easier for you to name him Minister? —

I got 2 wires fr. Ania with lovely impressions fr. *Tobolsk,* where she has prayed for us all. To-night they already leave again, to-morrow are on the river and 16-th reach *Pokrovskoye.* I shall finish this letter to-morrow. Sleep well Sweetheart, beloved Angel, my one and all, my dear patient sufferer. —

My prayers and thoughts are at the front — for sure they begin at 4 in the morning as usual — God help them and the holy Virgin, whose great feast it is — may she bless our troops. —

15-th. Good morning my own Treasure. Fondest thanks for yr. dear letter I found upon my return from the hospital. I am sorry you have not such a very high opinion of *Beliaiev,* he seems always so exceedingly willing and does try his best, but I think it has been more than hard for him working under these 2 last Ministers of war — and he was going to help *Sturmer* now so much and he intensely regrets he wont have his help now — Perhaps independant he might be alright? —

I had a letter fr. *Olga Evgenievna* — you know she is always so grieved her husband no longer has his »eagles«. Now she read the Commanders of Military ports (rear or vice-admirals) — order 26/5. 1916 and of course her hopes and apetite arose, she begs m e o n l y to know this — but I mention it to you feeling, I must say sure, you cant do anything and *Nilov* I know is against him and laugh at the idea of her wanting *Papa F.* to get the »eagles« back again. —

Not nice weather, raining and grey, the sun tried twice to break through the clouds, but without any success. — We were in our *Pestcherny Chapel* and then in the hospital — little work by chance, so had more time to sit and embroider and then fed some of those who cld. not eat alone. — Tho' I went early to bed, 10, only got to sleep after 2½ and woke up for good again at 7½. — Remaining on my sopha, so as to rest more. —

Now sweet Angel, Goodbye and God bless you. Endless tender kisses fr. yr. very loving old.

Sunny.

Poor Pr. *Shirinsky-Shakhmatov* died. —

No. 335.

Tsarskoje Selo, Aug. 16-th 1916

My own truly Beloved,

A big kiss for yr. dear letter. Benkendorf will bring you the papers about Olga in a few days. It continues pouring, wh. is really depressing. — Had an operation & many heavy *dressings* with tears & moanings! —

Saw *Maltzev* a moment, he says their guns help immensely & the aeroplanes keep away. They are at *Lutsk* & helped at *Rezhitsa* — he has come for a few days. — I am sending Marie's train off & have asked the *Headquarters* to say where it is to go, quite to the left or to the guards. —

Siroboyarsky has been sent south, passed the 8-th to the 11-th Armycorps for whatever place needed.

My *Crimeans* are not very far fr. *Halicz,* — *Sedov* reached them alright. —

I hear *Sandro L.* intends marrying an awful woman, Ignatiev, born Coralli, former cocote with a dreadful reputation — her sister is ruining old *Pistolkors* for 3 years. I do hope it can be prevented — will only bring the foolish boy great misery. —

Ania & *Lili Den* reached *Pokrovskoye* this night. — Miechen took tea & was alright, enjoyed her visit to *Belaja Tserkov* & to Antoinette (Josef) Pototzky.

Real summer weather, everybody bathing & in summer dresses. —

Have to go now to the big palace to be photoed with the wounded — dull. —

Spent the evening in the hospital, lay there also on a sopha so as to rest more.

Goodbye my Treasure Sweet. God bless & protect you. Very tenderest kisses fr. yr. own old Girly.

How nice the photos of Alexei with the boys. — So Germany has declared war to Roumania, I thought as much. Endless kisses lovy.

No. 336.

Tsarskoje Selo, Aug. 17-th 1916

My own Sweetheart,

Warmest thanks for yr. dear letter — can imagine how awfully tired & weary yr. poor head must be. Sunny will come & freshen her Treasure up with caresses. God grant we shall be together Monday at 5½ for tea in the train, yes? Am yearning for my 2 Beloved ones.

Rain continues, still hope to get out at last if clears up a bit. — Now La Guiche comes to me. — Am sending *Yedigarov* off with *Yakovlev* in Marie's train to-morrow to see if he can manage. If he went to another regiment he wld. sit on the head of others. — Lady Muriel Paget takes tea with us this afternoon. Always daily people to see & many *reports.*

Of course its sad for you about *Bezobrazov,* but you saved him once, gave him this beautiful chance — & he was not fit for it — whats to be done — one cannot keep one & loose thousands because of his obstinacy. —

Yes, send for *Sturmer* & speak to him about *Raiev.* — Really I think *Beliaiev* wld. be a good choice & *Shuvaiev* more capable for the *food question,* as he managed the *Quartermasters Department* well — & *Sturmer* remains at the head still, so will watch that the Ministers do what the other asks. —

Must end now. Cover yr. beloved face with tender kisses & remain yr. deeply loving old Wify.

God bless & protect you & help our troops & send success — all prayers & thoughts with them. —

No. 337.

Tsarskoje Selo, Aug. 18-th 1916

Sweetest Lovebird,

Very tenderest thanks for yr. dear letter. —

Grey weather, but warmer. Do you manage still to lunch out, do hope so. — Lady Muriel Paget goes out to the guard again, she was there during the battles and had much to tell — envy her. — Also got a wire fr. *Tiumen to-day. »A bad tree will fall whatever be the axe which cuts it. St. Nikolas is with you — by his miraculous appearance he always does wonders.«*

So glad you are contented with *Gurko* — is it the one who lay at us and whom Pss. Gedroitz saved at the Japanese war?

Worked hard this morning, now must go to the blessing of Olga's wagon, arranged by Thekla *Orlova Davidova.* Fancy, poor *Petrovsky* wrote to Ania that *Sandra* had a son in July — not his certainly and he has no idea who is the father (may be several) and it counts him so to speak as they are not divorced — poor boy, am so sorry for him, he had no idea that she was expecting — she has been for months in the country. —

Must end now. In four days, God grant!! Of course Becker will catch me up at the *Headquarters,* am furious. —

Goodbye my Sunshine, God bless and keep you!

Endless tender kisses fr. yr. very

Own.

No. 338.

Tsarskoje Selo, Aug. 19-th 1916

My own Treasure,

Always in a hurry. Fondest thanks for yr. dear letter. Glad you are over yr. conversation with *Bezobrazov.* — Just had a good talk with *Zhilik* about Baby's lessons and ideas I have and he is writing them to Mr. Gibbs. We bring Ania with us. — Then I had *Sekretev* — a long and interesting talk — so grateful to you for having saved him in *Polivanov's* time, a young general of 38, so energetic — we spoke about the aviation question — that I'll all tell you when we meet. — Frederiksy asked himself to come to-day to tea.

Now I must fly to the red cross — then Pr. Golitzin. — Great grief for many over *Beliaiev's* demission — for me and *Viltchkovsky B.* did everything so quickly and through Rostov. too and never made difficulties. —

To-morrow *Stürmer* asked to see me. — I thought you wld. send for him. Must end. Excuse untidy flying writing.

God bless you — endless kisses fr. yr. own old

Sunny.

In 3 days!!!

No. 339.

Tsarskoje Selo, Aug. 20-th 1916

My own Beloved,

This is my last letter and again written in flying haste — *the confusion* of the last day. Fondest thanks for yr. dear letter . What joy if we are going to enjoy sunshine and warmth — we only have rain, its pouring since the morning and the leaves are turning yellow. Had a lot to do in the hospital, then Mme Zizi lunched and Dmitri, has asked to come to tea. *Bezobrazov* came and talked much — I shall repeat all to you. — Poor *Masha Stenbok* has died, I regret it for the poor lovely *Orlov* boys — she managed well for them and I fear for Alexei without her to keep him fr. a foolish marriage. Now *Sturmer* comes — then must put my things together and arrange some paper, say goodbye to Alia to whom I go every second day and who also looks upon me as a second mother. My «Children» augment and so many like to pour out their hearts to old me. ÷

Thanks God for the good news, oh how lovely it is and now the 23-rd comes!

Am bringing *Botkin* as *S. P.* goes away. — Of course beastly Becker is coming — awful nuisance spoils everything. Feel rather rotten to-day and look forward to my »rest« with you, Sweetheart. —

Endless kisses and blessings

Ever yr. very, very

Own.

Poor *Liza Rebinder (Kutaissov)* died. —

No. 340.

Tsar's Headquarters, Sept. 4-th 1916

My own beloved Sweetheart,

Its h o r r i b l y hard leaving you my both treasures again, tho' we were 2 weeks together, its never enough for loving hearts. And above all at such time when you have such a terrible load to carry upon your poor, dear shoulders. Could I but help you more — I pray so hard for God to give me wisdom & understanding so as to be a real help for you in every way; & to advise you always rightly. Oh, my Angel — God will send better days, luck & success to our brave troops — may He enlighten the Chiefs that they should leed them right & wisely. — You will be having the ministers now & speak on energetically to them — they do try, are only so slow & heavy to move. —

Only my Sunshine — please, I entreat you — do n o t h u r r y with the Polish affair — dont let others push you to do it until we get over the frontier — I fully trust in our Friends wisdom endowed by God, to council what is right for you & our country — He sees far ahead & therefore His judgement can be relied upon. — Your loneliness will be great — & so dull — no real

friend near you — shall be quieter when *N. P.* returns again — he is one of ours, blessed by our Friend to be of use to you — & now he has learned & seen much in these months. —

What shall I do without yr. caresses & beautiful love! I thank you over & over again for all & for this holiday — shall live upon sweet remembrances. Keep well. God bless you. Cover you with endless, burning kisses & hold you tightly in my arms.

Ever Sweetheart, yr. very own old

Wify.

No. 341.

Tsarskoje Selo, Sept. 6-th 1916

My own beloved Angel dear,

I was intensely happy to receive your dear long letter & kiss & thank you for it over & over again. Oh, my Love, how I miss you, so empty here — but notwithstanding I slept like dead beat & did not wake up once in the night, wh. for me is a more than rare thing. A bright, sunny day — the leaves are so yellow & red — quite autumn — a great difference in these 2 weeks. Found our wounded all much better. Placed our candles at *Znamenje* & then did our work.

Taube & Pss. *Gedroitz* thank very much for yr. messages. — Paul has already asked to come to tea. *Colonel Maltzev* is coming now as wants to see me before returning to *Lutsk.* Saw *Yedigarov,* who went with Marie's train for a trial. He wants to get service now in Persia where is being formed a *cavalry unit* — against the Turkish gendarms or something like that — & I shall try & help arranging it for him. — Long talk with *Viltchkovsky* — affairs — & Isa to lunch as her birthday & now feel quite stupid in my head already.

Poor Countess *Renshakht Rit* came yesterday — holds herself very bravely, & then Ania. She showed me our Friend's wire to you. He says from to-day on the news will be better. The Image in the Monastery to wh. I several times went (He knows it, years ago prayed there when He walked all over Russia); says its a very miraculous one & will save Russia. — Do go to it once, its so close to the house — & the Virgin has such a sweet face. — He spoke with *Raiev* over an hour, — says he is a real God's send, & spoke so well about all Church questions & in such a *spiritual* way. — Is sad that heaps of people write nasty letters against him, *Gregory,* to *Alexeiev.* — We traveled well, it was so *cosy* having *N. P.* with us & reminded one of the *Headquarters* so much. — Had good long talks about all the serious questions. He is so grateful to you for all yr. great kindness to him. — Lovy dear, please dont let them present Mme *Soldatenko* to you — you remember I told you I had the conviction *Grabbe* wants to do it. And fancy that nasty man had the idiocy of telling Nini his friend, that he hoped I wld. not be going now to the *Headquarters* so as to get you acquainted with her & that she might become yr. mistress. What a vile,

low thing to say — she was furious & gave it him nicely. (Thats, no doubt, why he gives you these exciting books to read.) Don't repeat this to him, but keep her away — she tried to get Isa to come to her, but she thanked & refused. Her reputation is very bad — *N. P.* knows with whom she »lived« before — this is her second husband — & he said he wld. not set his foot in her house. She tries to catch the grd. Dukes & suite — to play a part — I saw how she looked up at their box & found it strange she stood below when we passed — I told you then I felt sure they want to get her presented. — Its a dirty, mean thing of *Grabbe*, when we are so kind to him. — I should not have allowed her to remain living there — its a bad ton at the *Headquarters* & will give rise to talks. To-day at the cynema she is sure to turn up again. — Excuse my writing all this but I want you to take care of *Grabbe*. Another thing he said to *Ressin* (know all this fr. Ania) that *Voyeikov* will be leaving & that one will propose his place to *Grabbe* who will refuse & then to Ressin & he begs him to accept, & he said he certainly wld. not, because he knows one wld. never propose it to him — this astonished *Grabbe* greatly. — Must hold him in hand — he plays the fool & is amusing with the Children, not clever but sly & not »clean minded«. — Forgive change of pen, but the other needs refilling — I have 2 such pens, only this one is thicker. — It was good having some cosy, calm talks in my compartment — only too little, on account of the boys. I live on the remembrances & thank God He lets us meet — 4 months is a very long time to be away. — Me too kisses oo sweet letters & reread them with a yearning heart. — Its cosy living in the train, I like it. But with joy I took my bath last night. — You know *Pustov.* is one of the men of yr. staff I like best — such kind, honest straightforward eyes. — Thank God, news better. Our-Friend wld. have liked if we had taken the Roumanian troops in hand to be surer of them. — We are going to drive.

Sad, already autumn before we scarcely had any summer here. — Must end. I send you some photos I did. — Love to Dmitri & *Igor.* — I bless & kiss you without end, long to feel yr. tender arms around me & kiss yr. sweet lips.

God be with you, Nicky mine. Ever yr. very own old

Sunny.

No. 342.

Tsarskoje Selo, Sept. 7-th 1916

My own sweet Angel,

Thank you from the depths of my heart for yr. beloved letter. I cover you with kisses for it, Lovy. —

Here one is always in a hurry. From the hospital to the *funeral hymns* of poor little *Zolotarev.* — His sisters remind one of him. His horse followed in the procession — & the men of his *squad* stood watching on crutches — so pathetic. — Then *Silaiev* & *Raftopulo* to lunch. The Prof. is very much against his returning to the front & spoiling his health completely — he

agrees its unwise — but he wants to try & put order in the regiment & clear away bad elements. If you wld. let him try that & then say you will keep him in the suite, that wld. be best of course. His heart is in a bad state & he is so weak & unfit. He leaves to-morrow for the *Headquarters*. To my mind he wont stand it above a few days at the front. He can be of use to you always & such a perfect pure man, as one rarely finds — but no health, alas, any more; & so worried. —

Then I received officers — *Kazakevitch* too, who needs still treatment & hopes later to get service in the south. — Ania has just come & sends much love. — *Sturmer* comes at 5½ & I see our Fr. in the evening. — *Tatiana* worked for me & I sat & looked on, as must take care of my heart. — *N. P.* was with our Friend & He was contented with him & that through suffering had quite come back to Him & God. — Baby wrote a sweet French letter all alone, too nice; — I send him his money. —

I send you a petition of the widow of Sauvage — he died at the war — she is a nice woman, very poor, has two big daughters & asks for a bigger pension. —

The other 2 petitions are fr. a poor *official* who asks his son to be put into a cadetcorps.

Your dear letters are my joy — miss you oh, so, so much Sweetheart! — Now must end, beloved Angel. — Ah yes, I had Paul for tea & a long talk. Well, I think he will really be of use & has quite sound ideas. —

Seems again losses amongst our sailors, & a young officer (we dont know) wounded through the mouth. Do wish they wld. take them back, they are much to good to be wasted like that. —

Olga has a committee this evening. —

God bless & protect you. Remember wify to-morrow, Sept. 8-th — my day. —

If not too tired shall try & go to Church this evening. Very, very fondest endless kisses & boundless love, my Own,

Fr. yr. little

Sunny.

My love to Dmitri & *Igor*. —

No. 343.

Tsarskoje Selo, Sept. 7-th 1916

My own Sweetheart,

Tho' I am very tired I must begin my letter this evening, so as not to forget what our Friend told me. I gave yr. message & He sends His love & says not to worry, all will be right. — I told Him my conversation with *Sturmer*, who says *Klimovitch* must absolutely be sent away (he becomes senator) & then old *Khvostov* will go, as he cannot get along without him. *Khvostov* is nervous & feels ill (I know he dislikes *Sturmer* & so does *Klimovitch*, who is a bad man, hates our Friend & yet comes to

him pretending & cringing before him). Now *Sturmer* wants to propose this Pr. Obolensky fr. *Kursk—Kharkov* (before that at the old *Headquarters* with *Nikolasha!!)*, now works at the *food-question*, to become minister of the Interior, but *Gregory* begs you earnestly to name *Protopopov* there. You know him & had such a good impression of him — happens to be of the *Duma* (is not left) & so will know how to be with them. Those rotten people came together & want *Rodzianko* to go to you and ask you to change all the ministers & take their candidates — impertinent brutes.

I think you could not do better than name him. Poor Orlov was a great friend of his — I think *Maximovitch* knows him well. He likes our Friend since at least 4 years & that says much for a man — & this Obolensky is sure to be again of the other clan. — I don't know him, but I believe in our Friend's wisdom & guidance. He is sad you never come here — yr. presence is also needed here, even if only for 2 days, unexpectedly, they will all feel the *Master* has come to have a look. It would have been lovely, & not difficult for a flying visit & make people happy. — I told Him that *Sturmer* spoke to me about announcing officially about Constantin: — you know what you said to Georgi. He also thinks it wld. be good as it binds France & England before the whole of Russia & then they must keep their word after. — About Poland He begs you to wait, *Sturmer* too; only not before we cross the frontier — do listen to Him who only wants yr. good & whom God has given more insight, wisdom & enlightenment than all the military put together. His love for you & Russia is so intense & God has sent Him to be yr. help & guide & prays so hard for you. —

I told *Sturmer* again about having the paper about the money given to the *Union* to be printed — you told it him long ago — he said the ministers were looking it through — you remind him again. So as not to forget write out — or no, here I shall write out for you to remember, when you have him on Saturday. —

Our Friend finds it excellent to send out *units* with priests or monks fr. all the different monasteries — to be in the *front* hospitals & go out & burry our poor dead, where the regimental priests have no time — I shall speak to *Raiev* to-morrow. —

I must go to sleep now, its after 12 & I am very tired. Rested fr. 6—7 & then went to Church. — Goodnight & sleep well, my Pet — think of you so constantly — so empty & quiet here. 4 months we have not slept together — even more. —

Bless you, Lovebird, God give me strength to be yr. help & find the right words to give over everything rightly & to persuade you as our Friend & God would wish.

8-th My day. — Thank you my Huzy sweet for your precious letter. Such joy to hear fr. you. — That new Admiral, is he not the one Fillimore appreciates so much? God grant him success — one does need energetic ones & poor Kanin's ill health no doubt made him less capable latterly. —

Just saw Benkendorf about the Japanese. — The girls have gone driving with *Irina* & I take the others & Ania. —

Now must end. God bless you my Life & joy. —

I cover you with kisses & remain yr. own old

Wify.

No. 344.

Tsarskoje Selo, Sept. 9-th 1916

My very Own,

Warmest thanks my own Sweetheart for your so sweet letter. — Went to *Znamenje* for half an hour to the hospital & then to town with Isa & (Ania) to see poor Css. Hendrikov, who is quite dying — utterly unconscious, but I remembered she had asked me to come when she wld. die. *Inotchka* also just arrived fr. the country looking awfully ill; Nastinka very brave only cried when I went away. Then I placed candles in the *Kazan Cathedral* & prayed for you, my Angel. Back at 1¾. Lovely, sunny day. Too tired to go out.

Despairing that the losses of the guard again are so great — but have they advanced at least. — Paul has not a good impression of *Kaledin,* says he never seems sure of success — & that is not a good thing, as then he is less wise & energetic — wish they wld. spare the guard more. — Dear Sweetheart, all my tender, tender love & thoughts surround you with great longing & love — hate yr. loneliness.

You know deary, I shld. not have Dmitri & *Igor* on duty at the same time, am sure *Igor* feels he is at a disadvantage then — & notices the difference of ones treatment with Dmitri & then he comes more silly & his amour propre suffers. We had *N. P.* for tea yesterday — he left for 2 days to Moscou to see (only) his 2 sisters who had just come there — the widow with her boys & the youngest sister. — Miechen has gone off for 10 days to Odessa etc.!

Since Aug. 10-th my Siberians have 43 men killed, 281 wounded, 2 *lieutenants* killed, 2 wounded & 2 contusioned. — Had *Raiev* for nearly an hour — interesting & understanding so well all the necessary questions. *Zhilik's* letters about the »hand« are most interesting — can imagine how excited Babykins was. — A triumphal arch for the Japanese is being erected in town near the station — seems strange in war-time. —

Ania has begun reading an interesting English novel to me. I spend the evenings at home, too tired to go to the hospital. — Greek Nicky seems still to be at *Pavlovsk.*

Now sweetest of Loves, whom I miss so greatly & long to clasp to my burning old heart — goodbye. God bless & protect you & help you in all. A tender kiss fr. yr. old

Sunny.

Please, take *Protopopov* as minister of the Interior, as he is one of the *Duma,* it will make a great effect amongst them & shut their mouths. —

No. 345.

Tsarskoje Selo, Sept. 10-th 1916

My own beloved One,

Warmest thanks for yr. dear letter. So sorry I had to bother you about all those questions, only I wanted to prepare you. *Shakhovskoy* too good to be changed, & as *Khvostov* wants to leave & *Protopopov* is a suitable man, *Gregory* says — had to tell you — & that Pr. Obolensky would be again of the opposite clan & not a «friend». —

Such a busy day & feel so tired. — Two of my *Crimeans* came en passant, & told me about the regiment. — See old *Ivanov* — then an (American) *unit* under Tatiana's protection presents itself — then *Gussiev* (the younger one) who returns to the regiment. — Then go to a *Refuge* for Children (Olga's) in the hussar barracks or manege.

Then Pr. *Golitzin* — & at 8,20 off to town to a *funeral service* for Css. Hendrikov, who died this night at 4. —

I enclose a touching wire from old Frederiks — tear it when read.

Thanks for the English papers — don't you and Mr. Gibbs read them?

Baby wrote me his first English letter to-day. — Glorious, sunny day, orange & yellow leaves glitter beautifully, 15 in the sun, but I think, there was frost this night. — Sweet Angel mine, always in thoughts with you & so tenderly. — Cant understand why the guards loose so many & have such little luck — always worries for you. —

Ania has gone for the night to Terioki. — Must receive now. —

Goodbye & God bless you, my very precious Treasure, Sun of my life & love. Cover you with fond, burning kisses. — Ever yr. very, very

Own.

No. 346.

Tsarskoje Selo, Sept. 11-th 1916

My own beloved Angel,

Raining & grey. —

Very tender thanks for your precious letter, Lovebird & wire. Shall arrange then for my 7-th *supply train* to be sent to the Caucasus as soon as ready. — Sister Olga's sanitary train (off our *section)* has been much bombarded, the officers' wagon quite spoiled & the Apothecary Compartment much damaged, but nobody, thank God, hurt. — Did not go to Church as too tired. Then *Loman* begged me to tell poor *priest* that his eldest son (the favorite) had been killed & one had been obliged to leave his body. I had never had such a task before — he took it as a brave Christian with big tears rolling down his face! — Then I went to the hospital, made 4 *dressings* & sat knitting & talking long to *Taube*. —

Now have 5 officers to receive, then Mme Zizi, *Senator Witte*. Were yesterday evening at the poor *Countess funeral service* — she lies there with such a peaceful face — at last her long martyrdom has ceased. —

No, lovy, its my heart I feel & the whole body aches, so, so tired — It always comes fr. time to when I have been tiring myself. — Oh, I do so long for you, my Boysy sweet — so lonely without you!

One hears nothing about the war, only sees by the death announcements the losses in the guard. —

Shall see Apraxin about my little *stores* — his wife is expecting her 5-th baby. — Goodbye now, my one & all, my Treasure dear. I bless you, God be with you. A thousand tender kisses fr. yr. very own old

Girly.

To-day a week we parted, seems much longer! —

No. 347.

Tsarskoje Selo, Sept. 12-th 1916

My own Sweetheart,

Warmest thanks for yr. card. Nice, sunny weather, so after a week am at last going for a drive. *Tatiana* & *Anastasia* have gone riding. — Went late to the hospital as felt too tired. — Just saw *Maslov,* begs to thank you ever so much for having made him general & kept him in the Suite — it came then so unexpectedly & he had no occasion to thank. — To-morrow is the funeral of the Countess — I think I must get out of it, too tiring — & yet its unkind not being near poor little Nastinka. —

My *Crimeans,* son of *Emanuel* arrived — slight wound, gained at that last attack of theirs. — I thought of giving the Japanese my photo in a very big fine frame of Faberge's for his wife — shall I add some Vases of the fabric *(factory)* too?

I think Kirill brought him to lunch to the farm in 1900? — Benkendorf tells me Frederiks let him know that Miechen arrives at *Livadia* 15-th for 3 days, (what confounded cheek) & we are to send linen, 2 servants & silver — I strongly protested & said first to find out whether she asked you — we have no Hôtel there — beastly impertinence, needs sitting upon — can live at *Yalta.*

Long for you my Sweet Sunshine — cover you with longing, tender kisses. God bless & protect you.

Ever yr. very own old

Wify.

Perhaps you will send *the priest* a wire to *Elagin.* — Nastinka sends touched thanks. Enclose a letter fr. A. —

What news fr. the front? So anxious to know. — Goodbye, agoo wee one. —

No. 348.

Tsarskoje Selo, Sept. 13-th 1916

My own Sweetheart,

A lovely sunny morning — am only going to the hospital again at 11, as too tired — Tatiana will dress the wounds for me. — We had *N. P.*

to dinner yesterday — so strange without you — he met all the Japs in Moscow by chance. —

So it seems you gave the permission to Miechen — hope she asked you personally — nevertheless, most incorrect she did not wire to me too — so impertinent. —

Such beautiful weather, that shall go for a little drive with the big girls. *Sturmer* has asked to see me to-day & *Schulenburg* & then I had wounded. Saw *Benkendorf* & then I told him better to invite the relations who are here, as they be offended if I dont. —

Paul & his boy come to bring me his poetry, wh. now been printed. — Sent for *Botkin* & made him give me pills, wh. generally did me good, as feel so rotten; — therefore the girls wld. not let me go to the Css. funeral. —

Went to the hospital at 11. — Very, very fondest thanks for yr. precious letter, Sweetheart. — Glad, all went off well with the Japanese.

You know Misha's wife was at *Moghilev!! Georgi* told Paul he sat near her at the cynema. Find out where she lived (perhaps wagon) & how long, & forbid strictly it happening again. —

Paul is sad about the guard's losses — one places them in such impossible places. Beloved Sweetheart, must end & send this off. —

God bless you — very tenderest kisses fr. yr. old

Wify.

Love to Dmitri. —

No. 349.

Tsarskoje Selo, Sept. 14-th 1916

My own beloved Angel,

A lovely sunny, fresh morning. I have not gone to Church, as too tired — was last night for 3/4 of an hour. Alia lunches & then I receive officers as usual & in the evening I see our Friend in the little house.

Yesterday had *Sturmer* & spoke alright — I begged him quickly to change Obolensky, otherwise we may have great disorders in the streets (on account of food) & he will at once loose his head & all are against him. God bless yr. new choice of *Protopopov* — our Friend says you have done a very wise act in naming him. —

Paul told me of the paper he has sent to the *Headquarters* after their decision where to get young officers, *lieutenants,* from. His boy is taller than he, goodlooking, reminds one very much of the Princess. —

The Children have gone to Church — I shall join them at 11 in the hospital — we have little work, so I leave it to Tatiana, except the 2 heaviest who feel quieter if I do it. —

I shall finish this later, after getting your letter. — Beloved Angel, fond thanks for yr. dear letter. Thank goodness, Miechen asked you still, tho' its very rude not to ask the *lady of the house* too, *in my opinion.*

Shall read through Mavra's paper & then tell you what is in it — *Emelianov* suddenly turned up again. — He brought me reports fr. the commander, with the map & read them to me. The sky is clouding over, alas, so we shall quickly go for a little drive. — Precious One, goodbye & God bless you. Very tenderest kisses fr. yr. own old

Sunny.

I got this wire fr. Daisy, what am I to do with it? To give it, or speak of it to *Sturmer?*

No. 350.

Tsarskoje Selo, Sept. 15-th 1916

My own beloved Darling,

Cold, sunny morning — am going to lie in bed till I receive the Japanese, as the heart is a little enlarged & I feel so tired. — I have chosen a lovely big pair of China Vases, wood in winter & summer & 2 high crystal ones with eagles — so a pair for each of them. —

Saw our dear Fr. yesterday evening in the little house. So happy that you named *Pokrovsky* — thinks it a most wise nomination, of course some may be discontented, — but for the next (not this) *Duma* he can influence for the elections. — He told me to speak to *Raiev* about the poor monks fr. *St. Athon* who may not yet officiate & die without receiving Holy Communion. —

I read the cutting Mavra sent — vile — the hell for Germ. & Austr. prisoners, who have to work to death with us — sensationally written & I feel full of lies. I shall tell *Igor* today, that you thank Mavra for her letter, then you need not bother to write. — He sends you much love. Begs quickly to change Obolensky & when the new man is named to tell him to give the order that in the breadshops they should already have everything weighed out beforehand, so that as soon as one asks, that piece already is ready according to price & weight & then the work will go quicker & those long tails in the street be sooner appeased — one must trust to the honesty of the men not to cheat the poor people & see that the police has an eye upon those shops & the *chief of police* must himself begin by looking himself to see all is honestly & quickly done. — Resting after the Japanese — headache, very tired — suppose B. soon coming too. He was talkative & nice, so no trouble. Was delighted to see Baby's 2 friends & talk to them. He gave me fr. the E. of J. two marvelous gobelins — such exquisite work & beauty of colouring. He was so touched by yr. reception & kindness, & Motherdears, & the crowd all along the streets to the Winter Palace. —

Countess Benkendorf was awful — much too badly died red lips — ghastly sight. —

Ducky too short velvet dress & badly coiffed, such a pitty. —

Very fondest thanks for yr. sweet letter. *Drenteln* — I shall return to-morrow. One must save & spare the guard. — We spoke with Kirill who was my neighbour at table, about the battalion — also finds it a good idea what you

write. I told him to be more energetic with Admirals & Ministers to get the officers he needs as yr. order must be obeyed. —

Grigorovitch told me you gave him the order through Kirill about *N. P.* to be made Commander of the beloved »*standard*« & *Zelen.* — Commander of the port (which suits the latter very well he says) — does the little Admiral not rage? But I am glad its done — how happy dear Johnny wld. be that his son, as he always called *N. P.* shld. receive the yacht. — Head aches — can't write any more to-day. — Goodbye & God bless you. — A fond, fond kiss fr. yr. very own deeply loving old

Sunny.

No. 351.

Tsarskoje Selo, Sept. 16-th 1916

My own Sweetheart,

Grey, windy, rainy morning. The Children have gone off to see Olga's sanitary train — then to the hospital & at 12½ to a *funeral service* for *the priest's* son — he begged us to come. I remain in bed till luncheon as heart enlarged & dont feel well. Had hideous headache yesterday, but passed. *N. P.* dined with us & then we read *Drenteln's* letter together; & one he had from *Rodionov* — full of despair. 3 times in one day they were all obliged to attack (I think Sept. 4) & the place impregnable, the Germans were completely hidden & their maximguns fired without ceasing. A prisoner told them they have dug themselves down 10 meters, & somehow push the guns up & down as needed, so our artillery did them no harm — they (Germans) all know our guard is against them — they feel one sacrifices them for nothing. —

I begged our Friend to particularly pray for the success of your new plans, & he does so & hopes God will bless them. — All say the Comm. of the »*Pavlovtzy*« *(Schevitch)* is a real pancake & that regiment has no success & rarely advances. It seems to me our Generals are fearfully weak. Ah yes, He said I was to tell you, not to worry when you send a General away, if he has been innocent. You can always forgive him afterwards & recall him to service & him it will never do harm, to have suffered, as it makes him realise the *fear of God.* — Ania goes for 2 days to Finland as her Mama's namesday. — Do hope we shall have nice sunny weather when we meet again! —

Thats a good idea about the battalion — told *N. P.* you thought about it — only hopes they will not be in Odessa or *Sebastopol* but in some smaller place, to keep them better in hand & less temptations, than in a big town & to keep them up to work all the while. —

Just got yr. sweet letter, for wh. very tenderest thanks. — Tell Nilov to answer Dolly that she cannot receive the name (without any reason). What does she mean, that her marriage with *Grevenitz* did not count? She is cracked, I believe. The less one has to do with her the better — & Nilov can answer best — as she was a relation of his wifes & as Frederiks is not there. —

»Me« too is looking forward to our meeting with great longing — hope to feel better by then, now am really rotten. — Fancy, Greek Nicky is still at

Pavlovsk in an awful state of nerves they say. Cannot imagine why they dont let him home at last he cant help here, or perhaps its to show their good feelings towards us. —

I send you a paper about a general *Oganovsky*, read it through & do what you like with it. —

Now must end. Its cleared up, sun shining. Becker has come. — Feel rotten, blessings & kisses without end.

Ever yr. very own

Wify.

No. 352.

Tsarskoje Selo, Sept. 17-th 1916

My own dear Sweetheart,

Fancy, only 1⁰ of warmth & yesterday evening 2⁰ of frost — no sunshine. — I enclose a paper fr. our Friend for you, as I asked Him to think particularly of you to bless your new combinations. — Lovy, do tell somebody to go & see to the 4 heavy batteries, wh. stand since some time quite ready h e r e a t *Tsarskoye Selo* (one tells me) & nobody thinks of sending them off. They have munition (if not sufficient, can be sent after). If old *Ivanov* is still at *Petrograd*, give him the order to go & see & look at all in detail (officers told this to *Botkin* as they have seen them quite close). It wld. be good to get them off, because the men are not quite famous — several weeks ago there were stories & rifles were sent to catch them in a wood where they were occupied with propaganda papers. — These 40 guns stand w i t h o u t guard on the place — a young *lieutenant* has written paper after paper begging for men to watch them as every morning he finds some screw or little thing taken off, missing & nobody takes heed to this. I think a general u n e x p e c t e d l y being sent here by you to make an inspection wld. be best & quickest — we so sorely need them out at the war, but dont warn Sergei — let all be done unexpectedly — & then he will also see that ones eyes must be e v e r y w h e r e. He ought to move about more — & why does André stick here — is there no nomination for him anywhere out at the war — active, not as all these 2 years? — need not be in the guard as there are no vacancies — Misha also served elsewhere. — Make the family move about more. — In the battalion *Rodionov* wrote there have been 50 cases & more of dissentry — autumn — here Css. Nierod's child & one of our wounded too. — Lying till luncheon. Saw Bobrinsky yesterday — touched me. Asks to see you next week. — Now the sun is coming out brightly — but I shall remain on the sopha, must get decent again. — Fondest thanks, Beloved, for yr. dear letter just given to me. Lovy, it was *Grigorovitch* told me, not Kirill about *Z.* & *N. P.* Now I wish one cld. hang *Rodzianko*, awful man, & such a *insolent fellow*. *Kiknadze* has again been wounded & lies in our hospital — told *Tatiana* lots about our sailors. We have 4 new wounded besides him —

have not been to the hospital since Wednesday, alas. — Goodbye my Treasure, & God bless you. A big & tender kiss fr. yr. very own old

Wify.

Did you let *Petia* know he is free? What does *Sandro* say about Olga's intentions?

No. 353.

Tsarskoje Selo, Sept. 18-th 1916

My very own Treasure,

Fondest thanks for yr. sweetest letter. As I lie in bed in the mornings I get yr. letters much earlier to read, wh. is a very great joy. — Sun, clouds, snow change about — real autumn. This change may make Tiny feel less well; — but that weakness in the foot by a false movement or over exertion can easily swell up — thank God, that no pain. —

We can help glueing yr. photos in the evenings, if you like. — Put all my trust in God's mercy, only tell me when the attack is to begin, so as that He can particularly pray then; — it means too much & He realises your suffering. —

Lovy, I hear Pahlen's court rank has been taken fr. him because one read a private letter of his to his wife, where he calls the *ambassadors scoundrels* & I understand him saying so. But that surely is a mistake, one has hooked onto a German name again — & he really is so devoted to you. — Much sooner & with right one ought at once in winter to have taken off *Khvostov's* uniform — he behaved vilely & everybody knows it, only *Voyeikov* & *Andronnikov* (whom I again warned *Sturmer* against) stuck up for *Khvostov*. — Now a correspondance between *Alexeiev* & that brute *Gutchkov* is going on & he fills him with vile things — warn him, he is such a clever brute & *Alexeiev* will certainly, alas, listen to things against our Friend too — & that wont bring him luck. — Now my Sunshine & Joy — Goodbye & God bless & keep you.

Very tenderest kisses fr. yr. very. very

Own.

Must quickly get up & dress for luncheon.

Think of you incessantly with longing love & earnest prayers — soul & heart with you, Lovebird.

No. 354.

Tsarskoje Selo, Sept. 19-th 1916

My very own beloved One,

A cold morning, snow on some leaves & patches on the grass — its very early this year. — *N. P.* dined with us yesterday — he leaves to-day — had a blooming cold & cough. Was twice at our Friend's, I am pleased

to say. Perhaps you will be able to find him some work to do for you? — One of the men just came from the battalion — says they are used very much. In the morning they are sent back & in the evening out again — I find it horribly anguishing they will take part in the big battles now — each man is in himself a perfection — the only bit of the whole army who has got men of so many years service — God spare them for work hereafter & in the «South». — Have got two *reports, Silaiev* & *Sturmer* to-day. *Trina* and Isa for affairs. — To-morrow *Raiev* etc. & so it goes on. — Heart still enlarged & tired, but lying much is resting me, the back & legs ache less. — I do so want to get quicker well again, have more work to do & all lies upon Tatiana's shoulders. Now it seems a most interesting young American Dr. with 3 sisters has been sent here by the rich Guld — we want to use them & put them up in the big palace. He will operate there & in any other hospital. To-morrow he does in our soldiers' ward. He cuts out & fits in bones with electric machine like a fine puzzle — one can never be so exact with the hand. I looked through a most interesting book with drawings & explanations. One Dr. went with such an apparatus to England, 2 to France (the inventor himself) & this one here. The red Cross did not need him & we accept him with delight — always good to learn & see new methods. Have forgotten his name. Worked in Servia a year during the war & so can speak a little Servian. For sure, Pss. *Shakhovskoy* will fall in love with him. We have by chance a French Dr. as patient in the big palace, but as not very ill, also helps *Vladimir Nikolaievitch.* How is the air now in the diningroom — I told it *Valia* a good while ago & repeated it to Benkendorf — but they dawdled over it, & its not so complicated to have the upper windows made to open upwards. — But when we come, cant we keep to the cosy habit of dining in the train — its so much less tiring & for you I think more refreshing too & *comfortable.* —

You must be feeling dull now, I am sure, as the walks are less inviting & soon I fear too cold on the river — we came in Oct. for the first time last year, & I remember it was very cold already, we went in closed motors & then you got out and walked — what joy to meet again!

Ever such tender thanks, my own Darling for yr. very sweet letter. —

Those photos were fr. me for yr. album[1], lovy dear. — I think still you ought to let *Petia* know. *Sandro* can write him letter — or you a short wire. —

Yes, find out about those guns, do. —

Horrid weather. Paul's birthday is on Wednesday — they have asked us to chocolate — doubt I shall be up & about by then. —

Now goodbye my one & all. — Fondest, burning kisses — & blessings without end

yr. very, very,

Own.

---

[1] Others were for Baby & the boys. —

No. 355.

Tsarskoje Selo, Sept. 20-th 1916

My own sweet Angel,

Grey, cold, trying to snow. Little Marie has arrived & comes to us to luncheon. Ingeborg's girls sent Tatiana an adorable postcard of little Lennard — such a sturdy, splendid, goodlooking boy with big, sad eyes — nothing of their family. How can she live so calmly without him all these years is to me quite uncomprehensible & most unnormal. — Had *reports* from 5—7 yesterday. *Sturmer* has not yet found a *Chief of police* for town — those he proposed wld. never do — have told him to hurry up & think again. — *Gutchkov* is trying to get round *Alexeiev,* — complains to him against all the ministers (egged on by *Polivanov) Sturmer, Trepov, Shakhovskoy* — & that makes things clear, why is so against the ministers, who are really working better & more together & things are getting better & we fear no real crisis if they continue thus. —

Please, Darling, don't let kind *Alexeiev* begin to play a part with *Gutchkov* as one did at the old *Headquarters, Rodziansko* & he make now one & are trying to get round *Alexeiev,* pretending nobody can work but they. He must only occupy himself with the war — the others answer for what goes on behind. — *Protopopov* comes to me to-morrow & I have heaps to ask him & some ideas wh. propped up in my own old mind to make a counter propaganda against the *Union of Cities* out in the army — to have them watched & those that one catches at cleared out; the *Ministry* of the Interior must get nice, honest people to be «his eyes» out there & with the military help, see what they can do — we have no right allowing them to continue filling their ears (the soldiers) with bad ideas — their Drs. (Jews) & sisters are awful — *Shavelsky* can tell you about them. — I told *Sturmer* to tell this to *Protopopov* & he will think it over till to-morrow & see whether anything practical can be done. I dont see why the bad shld. always fight for their cause, & the good complain, but sit calmly with folded hands & wait for events. — You dont mind my coming with ideas, do you deary, but I assure you, tho' ill & with bad heart, I have more energy than the whole lot put together & I cant sit calmly by. Bobrinsky was glad to see me so & says I am therefore disliked, because one feels (the left set) I stand up for yr. cause, Baby's & Russia's. Yes, I am more Russian than many another, & I wont keep quiet. I begged them to arrange (what *Gregory* said) that good, flower, butter, bread, sugar shld. all be weighed out beforehand in the shops & then each buyer can get his parcel much quicker & there won't be such endless tails — all agreed its an excellent idea — now why did not they think of it before. —

Shakhovskoy comes today, as I want to hear how about the watertraffic — I think he is quite calm about the wood, there will be enough — but I want to ask whether, before the rivers freeze, whether one cannot bring other provisions wh. are not of his ministery, down by water — as they must all help each other — & he adores you. He was with Ania yesterday. Then I see Bishop *Antony Guirysky* from the Caucasus. — You see, all day people —

at least have time to write the morning in bed. But I long to get back to the hospital work — love it so. — Just brought me yr. sweet letter for wh. fondest, fondest thanks, I am glad you had an occasion to speak about the artillery ready here. — About *Gutchkov* & *Alexeiev* I'll tell you to-morrow, *Sturmer* told me & *Shakhovskoy* has seen the copies of the letters — I'll tell you to-morrow after having personally spoken to *Shakhovskoy*. —

Certainly if one heeds privately letters between husband & wife — far more reason to watch others. Forgive me, but Fred. acted very wrongly — one dare not judge a man so severely because of private letters (opened) to his wife — thats mean, I find. I should have made Fred. understand this utterly wrong thing. *Khvostov* ought to have had his dress at once taken off — enough proofs & scandalous, dirty affair — & here quite private. I wish one cld. set it to rights for Baby's namesday — he is still happily Senator — & the punishment has lasted enough — spying at times goes too far — & I am utterly convinced that far more write like that & openly speak so — *Kokovtzev, Krivoshein* & many others got through scotfree — & they went in action, against Sovereign & country & the Pahlens quite privately — an awful gaffe of Frederiks & certainly because the man has a German name. You have not got the head for all such things, you are far too much occupied — & others are responsable for «putting you in» & that vexes me as they oblige you being unjust. —

You say I have numbered yr. letters wrongly, so sorry, cant you change them & add a No: to the letter I left you unnumbered last time?

Heart is better to-day the rest is doing me good. — But the weather is sad indeed. —

Fancy yr. having played old Nain Jaune again! — How I wish we could have gone off all together for a few days again to Sebastopol in October, how lovely it wld. have been.

An awful thing, sticking at the *Headquarters*, in town for so many months running; and now the long winter is setting in early. — *Silaiev* told me all, poor man. — Now he will go to *Sebastopol* & ask the Professor what he is to do & where to go & take his family if possible with him — the climate does not agree with them, they need sunshine for a few months & warmth. —

Now my very own Sunshine, life of my life, sweetest of dears, goodbye & God bless you. I hold you clasped tightly in my arms & cover you with burning kisses

Ever yr. own old Sunny.

Does Mr. Gibbs read the English papers first?

No. 356.

Tsarskoje Selo, Sept. 21-st 1916

My own Sweetheart,

Goodmorning, my treasure! At last again sunshine — such a joy; but in the evening there were at my window already 3 degrees of frost. The

leaves are falling, alas, so fast, I can well see the big palace Church fr. my windows. We still take our meals in my big sitting-room. —

Am sending Paul Vases and a note, as I cannot go to him, the heart being enlarged. A week I have not left the house to-day. I cannot yet take medicins, wh. is the bore. — Again received for 2 hours yesterday & before that 3/4 of an hour Apraxin & Uncle *Mekk* about the Caucasus. — *Raiev* (good talk) — *Shakhovskoy* (long conversation). It seems *Polivanov* & *Gutchkov* are working hand in hand again. I read the copy of 2 of *Gutchkov's* letters to *Alexeiev* have asked for one to be written out cleanly to send you, to see the brute he is. Now I understand why *Alexeiev* rages against all the ministers — after every letter (there have been many one sees) he upsets poor *Alexeiev* & then his facts are often quite intentionally falsely put to *Alexeiev*. — The ministers all feel his antagonism at the *Headquarters* & now they see why. When I send you the letter, then have a serious talk with *Alexeiev* as that brute undermines the whole government in *Alexeiev's* eyes — really vile, & 10,000,000 times worse than anything Pahlen can have written to his Wife — one must pull away *Alexeiev* fr. *Gutchkov* fr. that bad, sly influence. Then I saw Bishop *Antony Guriysky* — charming impression, cosy *Georgian* intonation in his voice — knows our Friend longer than we do — was rector years ago at *Kazan*. He buried *Bagration* — have asked him to help me collect things, linen etc. in the Caucasus & to help Apraxin when I send him there next month. Speaks strongly against *Nikolasha* & them all (to Ania) — he is too harsh & rude against the *Georgians*. — Now I have found out who the Exarch is — you remember *Platon* fr. America — whom we saw at *Livadia*, & who spoke Russian with an American accent, was unsympathetic & terribly sure of himself, perfect for the Americans but not for the Caucasus — & now I grasp why *Nikolasha* wants him, to become Metropolitain!!! why the man was always ambitious & sly & clever & has already got round *Nikolasha* — one may have to send him away, if he continues being disliked so *Pitirim* they till now simply worship. — He came for the ordination of their priest as bishop Melchizedek (our Friend says he will be a marvelous Metropolitain in the future). But of course one must not have a Metropolitain now at *Tiflis* — they only want a court round them & everything grand, will soon ask for special ministers too. *Nikolasha* says because of the country we have vanquished — nonsense — Poland had none either. — Fancy, the *Synod* wants to present me with a *Testimonial* & Image (because of my work for the wounnded, I think) — you see poor me receiving them all? Since Catherine no Empress has personally received them alone, *Gregory* is delighted (I less so) — but strange, is it not, I, whom they feared & disapproved of always. Well enough about business talks. —

Yet more officers have been brought us — the *Varshavs Guard* etc. — despairing not to be able to work & see them. — The 3 big girls went to sister Olga's train & gave medals & saw lots. — To-day O. & T. go to town for Tatiana's Committee. — Our Fr. wishes to see me this evening in the little house (with his wife too), says I won't be any the worse for it. Says not to *worry too much*, God will help out at the war. —

To-day I see *Protopopov* & *Ilyin* — every day people & ones head has to work so hard, so many questions to ask & get clear into ones head. —

I also regret Olga wants to marry now — & how about her hospital then? And *generally* I cannot help deeply regretting this marriage, tho' want her to be happy at last. —

Little Marie lunched with us — looks well — has little to do, i. e. she does not nurse the wounded, but looks after the *economical managment*, wh. gives her not much work — & then she has taken over Ella's committee at *Pskov*. The summer she lived in a wee house near a monasters where a *recluse* lives she likes. — She made me a good, quiet opinion. Dmitri mocks at her & that grieves her & the rest too, that she is so hideous as sister, much better in her town dresses etc. — thats all so foolish — instead of being grateful, that the Child has found an occupation wh. satisfies her — what will be after the war, she cannot imagine. — I enclose a letter Ania received fr. *Bresler*, do tell me what one is to answer him — can he present himself or send you a petition through me? —

Madelaine just brought me yr. sweet letter — thanks fondly, my treasure. — I understand how worried you are, shall talk with *Protopopov* today & to our Friend. *Shakhovskoy* told me that they have brought ample fuel by the rivers for the whole winter — wood & coal — of course prices high — alas. He has received much money ahead, so as to already prepare the wood for 17—18 autumn too. — I asked about the bread. Says the peasants always sold their quickly, in time of peace, for fear the prices wld. fall — now they know that by waiting the prices rise, & they have no hurry for money as are well off. I said to my mind one ought to send people of the different interested ministeries to the most essential places for flour & bread & make them speak to the peasants & explain clearly to them. When bad people wish to succeed they always speak & are listened to, now if the good give themselves the same trouble, of course the peasants will listen to them. The Governor, vicegovernor & all their people must take part, shall speak to *Protopopov* & see what he finds to say. — The reason we have not enough sugar — you know. — Now butter gets sent in such colossal quantities to the army (need much fat as less meat) that one has not enough here. — Fish there is enough, not so meat. — It interests me speaking to a new man & we'll see what his ideas are. Oh, *Krivoshein* he has e v e r y t h i n g on his rotten conscience. But still, its not as awful as all that, we s h a l l find a way out; & these brutes *Rodzianko, Gutchkov, Polivanov* & Co. are at the bottom of far more t h a n o n e sees (I feel it) so as to force things out of the hands of the ministers. But you will see all soon & speak it over, & I'll ask our Fr.'s advice. — So often He has sound ideas others go by — God inspires Him — & to-morrow I'll write what He said. His being here makes me quieter, says things will go better — people less persecute Him, whenever they are more after Him everything goes worse. —

I hope such an endless letter does not make you wild, Sun of my heart? Wish I were with & near you the whole, whole time to help carrying all together. — I send some bits of cardboard back as am sure you need still

lots. — Talked for an hour with *Protopopov,* — really good impression, I have told him to send you a wire he & *Bobrinsky* sent to all the governors.

Must end, 1000 kisses, fond blessings, old

Wify.

Verily think, God has sent you the right man in *Protopopov* & he will work & has already begun.

I think now can have *food supply* in Governments hands, not need military.

No. 357.

Tsarskoje Selo, Sept. 22-nd 1916

My own beloved precious Darling,

I have a lot I want to speak about, but as I scarcely slept at all this night, saw every hour, ½ hour, except 5 o'clock, on the watch, (don't know why, as had spent a lovely, soothing evening) I don't know whether I shall find words enough. —

Its not easy giving over conversations, one always is affraid of using wrong words & thus making the sense different. To begin with I send you the copy of one *Gutchkov's* letters to *Alexeiev* — read it through, please & then you will understand the poor general gets beside himself — & *Gutchkov* is untruthful, egged on by *Polivanov,* with whom they are inseparable. Warn the old man seriously against this correspondance, it is made to enervate him — & they don't concern him, i. e. because for the army everything will be done & nothing missing. — Our Friend begs you not to too much worry over this question of *food supply,* thats why I wired last night again — says things will arrange themselves & the new Minister has already set to work at once. *Bobrinsky* will have told you about their united telegram to the governors which was a clever thing. One must make them realise their power & that they should make more use of it. —

I told *Protopopov* to write this to you — he said its against etiquette as he has not yet presented himself & did not wish to bother you. — I said that was quite the same, that you & I stick to etiquette for official things, but elsewise prefer knowing always everything. — Another fault is, *Protopopov* said & which I fully agree to, that from one government to the other things may not be exported — this is absurd — in one there is scarcely any cattle, in the other more than they need — of course one must let them get it & so on. — The landlords are to have all their woods confiscated, (other pen is being refilled) not fair, as some only live by their woods & life has become very hard for them — so must use one's brain & confiscate little in some properties — & others — more, who have other means beside wood for keeping up their properties — he told this to *Shakhovskoy.* —

We spoke for 1½ hour — never before, & I did not even remember his face — *Brussilov's* sly face, when he puckers up one eye. Very clever, coaxing, beautiful manners, speaks also very good French & English, one sees accustomed to speak — wont sleep, he promised me (but needs being kept in hand our

Friend says, so as that pride should not spoil all) — I spoke very frankly to him, how yr. orders are constantly not fulfilled, put aside, how difficult to believe people, promises made & not kept; —. I am no longer the slightest bit shy or affraid of the ministers & speak like a waterfall in Russia!!! And they kindly don't laugh at my faults. They see I am energetic & tell all to you I hear & see & that I am yr. wall in the rear wh. is a very firm one & with God's mercy I hope I may be of some wee use to you. *Shakhovskoy* has begged to come whenever he has important questions, *Bobrinsky* too & this one will also, & *Sturmer*, comes every week, so perhaps I can get them to stick together. I am obstinate & over & over repeat the same things & our Friend help with advice (may they continue listening to Him). — Things will & shall go, Lovy.

Protopopov is looking for a successor to Obolensky as its more than necessary — he thought of *Spiridovitch*, I said no, that you & I had spoken that over before, & find him better suited for *Yalta* than the capital. He has told Obolensky to come every morning to him, has given him orders about the *quebles* in town, to have the food measured out beforehand — to put the people under shelter, in courtyards, not out in the streets — till now he has done nothing — utterly unfit for his place — too grand to accept the place of governor.

Well, I wont repeat any more, its dull for you. But its a man who will work, has promised to be truthful, may he prove it (pen made me quite filthy). — But don't give it over into military hands — I fully believe *Protopopov* can cope with this question & will do all in his power to succeed. *Bobrinsky* is very devoted, but rather old — together they will manage, *Shakhovskoy* (goose, hoped to become min. of Int., our Friend told me & therefore is a bit against *Protopopov*, tho' an old friend of his) I shall keep him up to work with the others, begged me to do it (I had already on Tuesday). Lovy, all thats in my power I shall do to help you — sometimes a woman can, when men a wee bit look up to her — these know they have me to comit with as yr. guard, eye & ear in the rear. — Its better the *food supply* remains in the hand of the governm. civil — & the military all for the *active army*. All has been taken out of the *Minister* of *Interior's* hands & *Bobrinsky* has it now, therefore they will do things together, beginning by that telegram. Their aids were most displeased but the order was given to despatch the wire. One must not provoke — & unwillingly military measures might be too hard in the wrong place — & they could not give orders to Gov. vicegov. etc. — No, I believe you can be quiet now on that subject, & our dear Friend says so too. —

Had a lovely evening yesterday & we were very, very sad you were not with us, wld. have rested you, so uplifting! There was besides a bishop, an old man, a friend of his & »very high« therefore persecuted *(Viatka)* & accused that he kissed women etc. He, like our Friend & all people in the bygone, kissed everybody alike. Read the Apostles — they kiss all as welcome. Well, now *Pitirim* sent for him & he cleared him completely. He is much higher than the Metropolitan & with *Gregory* one continues what the other begins, & still the Bishop looks up to *Gregory*. There was such peace in the atmosphere &

I longed so for your sweet presence — such a rest after all yr. endless worries & work — such beautiful talks! —

They spoke of the Virgin — that she never wrote anything tho' so very clever — her very existence & being was enough of a miracle in itself — & needed no more, she wld. never speak of herself; *(and her life is known to our spirit).* — Just got yr. precious letter — s o, o h, s o glad you feel less sad. I h a t e not being with you, you carry all alone, not a soul to share yr. worries — speak to *N. P.*, let him be of use to you, knowing our Friend makes him understand things easier — & he has much developed these last months with that grave responsability upon his shoulders. — Well, I suppose you are right to stop the attack & go at work fr. the south, we must push on over the Carpathians before winter now its already very cold up there. — The Commander of my Siberians is wounded & amongst others, a charming officer, who left us only two months ago — hope he will be brought here. — If we advance to the south then they will be obliged to take their forces down there — & we shall be free'r up here. God will help — just patience, but the enemy is a still very powerful one.

I enclose some photos for you — *Nastinka* or Isa did. — Nastinka comes to me this afternoon. — *A report* of *Rostovtzev* — yesterday had still Ilyin & I spoke about the shocking behaviour of many sisters (not real *community* ones) etc. We spoke with *Protopopov* about the methodists being called in (10.000 they are on the whole I believe) — we both found it unwise as against their religious convictions (& their number small) — so I proposed he shld. ask the Minister of war to give them as sanitaries & then take all sanitaries (whom they always are trying to take away) to the war; that wld. be good & they wld. be serving. — Or, our Friend says, use them for making *trenches* & picking up wounded & dead as sanitaries at the war. — Our Friend finds you ought to call in the *Tartars* now — such masses in Siberia everywhere — but explain it properly to them & not repeat that w i c k e d mistake as in Turkestan. —

Then our Friend said: *General Sukhomlinov should be set free, so that he should not die in jail, otherwise things will not be smooth, one should never fear to release prisoners, to restore sinners to a life of righteousness — prisoners until they reach jail become through their sufferings in the eyes of God — nobler than we* — more or less His words. Every, even vilest sinner, has moments where the soul rises & is purified through their fearful suffering — then the hand must be reached out to save them before they are relost by bitterness & despair. — I have a petition fr. Mme *Sukhomlinov* for you — do you wish me to send it to you? 6 months he is imprisoned, enough punishment — (as n o spy) for all the wrong he did — is old, brokendown & wont live long, wld. be awful if died in prison. Order him to be taken & kept closely watched in his own house, without much fuss — please, Lovebird. — *A day is an age now — there is need of wise administrators — the chief of police should be quickly removed* as does endless harm — one is looking for a successor. — Beautifully they spoke of God, reminded me deeply of the Persian book I love — Bogoutshita. *One must see God every where, in all things,*

in everything about us — then shall we be saved. »Be as holy as I am«, be like God in virtue. — Its difficult to give over what He says — words are weak — it needs the accompanying spirit to enlighten them. —

Grey, rainy day & so dark, lie in bed with a lamp writing. — These mornings lying — do me good, look rather rottener than when *N. P.* last saw me — doing everything I can to get stronger, hope by to-morrow to begin my medicins again. Except when receiving — lie all day. —

Want badly to be decent by the time we meet. Sweet one, I miss you both quite awfully. Thoughts always with you. Cover you with tender, tenderest kisses.

God bless & protect you now & evermore

Ever, Nicky my Own, yr. deeply loving old

Sunny.

What on earth is going on in Greece — looks like a revolution impending, God forbid — the allies fault then, alas! —

No. 358.

Tsarskoje Selo, Sept. 23-rd 1916

My own beloved Angel,

A glorious, sunny morning — shall lie out a little in the sun. Sat out yesterday for 1/4 of an hour — as could not get any air, even kept the *ventilator* open all night. — Greek Nicky comes to tea — leaves on Sunday at last, poor boy. — Marie has gone out riding I am glad to say. —

Our Friend says about the new orders you gave to *Brussilov* etc.: *»Very satisfied with father's orders, all will be well.«* He won't mention it to a soul, but I had to ask His blessing for yr. decision. —

Very tenderest thanks for yr. dear letter, just received. Do hope *Brussilov* is sure & doing no folly & wont again sacrifice the guard in an impregnable place. —

Am glad you liked yr. talk with Bobrinsky. —

Baby wrote me such a nice letter, sweet Child. —

Have great, great longing for you, my one & all — am trying to get better — the air may help & now medicins. —

Excuse a short letter.

Fondest kisses & blessings fr. yr. very own old

Wify.

No. 359.

Tsarskoje Selo, Sept. 24-th 1916

Sweet beloved One,

A grey, foggy, pouring morning — slept & feel midling. *Schevitch* daughter (ex *rifles)* comes to be blessed by Paul & me — she marries Dellings-

hausen of the 4-th reg. to-morrow. Then I see poor *Kutaissov* whose sister *(Rebinder)* died so suddenly. — Lovy, our Friend is much put out that *Brussilov* has not listened to yr. order to stop the advance — says you were inspired from above to give that order & the crossing of the Carpathians before winter & God wld. bless it. — Now he says again useless losses. —

Hopes you will still insist, as now *all is not right.* — One of my wounded wrote to me in a way for me to understand, that its utterly in vain just now, the chiefs themselves not too sure & useless losses. So you see, something is not rightly managed; more than one tells the same story. It coincides with what Paul said about *Kaledin* not being sure at all of success; — why obstinately go against a wall, break yr. heart for nothing — & throw away lives like flies. — There is your letter! how beautifully early 10½. Thanks over & over again, Lovebird. So touched by all you write that will let me be a help to you — tried before, but the ministers I felt did not like me. —

Wish—I were only quicker a bit stronger again — as then the hospital does one good in between for the soul & rests the head. —

Had Mme Orjewsky 1½ hour yesterday & then Greek Nicky. He leaves to-morrow — hopes you got his last letter, as you never wired. Will write again to-day — I must say our diplomates behave shamefully & if Tino is kicked out, it will be our fault — horrid & unjust — how dare we mix into a country's private politics & force one government to be sent flying & intrigue to get a revolutionist back to his post. I believe if you cld. get the French Government to recall Seraille (this is my private opinion) things wld. at once calm down there. Its an awful intrigue of freemasons, of wh. the Fr. General & Venizelos are members — & many Egyptians, rich Greeks etc. who have collected money, & have even payed the »*Novoye Vremya*« & other papers to write bad & forbid good articles concerning Tino & Greece. Vile shame! —

(Cant write any more to-day. — Red cross all say Miechen's papers, wishes of a *special department* — quite wrong, cannot be apart fr. red cross.)

Godbless you. Very tender kissis fr. yr. very own old

Wify.

This a strictly private letter of Pahlens to *Taneyev* & as such I must still forward it to you — one has made you do an unjust thing. I honestly should give him back his rank, he undeservedly lost — *Gutchkov* does far worse things & is in no way touched or reprimended — & Pahlen has suffered innocently. Give it him back now, before I come, so as to show its you alone who have done it — or if you seek an occasion, then Oct. 5 — but please, do it, Tell *Maximov* to write all to Fred. & have it quickly donc — so pleasant to set an injustice to rights — else *Taneyev* wld. never have sent me this private letter. He does not know I even send it you. —

No. 360.

Tsarskoje Selo, Sept. 25-th 1916

My own beloved Darling,

Grey, dull weather — yet more leaves have fallen, so dreary. —

Sweetheart, I saw *Kutaissov* yesterday & we had a long talk — then Paul told me about interesting letters fr. *Rauch* & *Rilsky;* — & fr. others I have heard — & all say the same thing, that its a second Verdun, we are sacrificing 1000 of lives for nothing, pure obstinacy. Oh, give your order again to *Brussilov* — stop this useless sloughter — the younger ones feel their chiefs have neither any faith of success there — why repeat the madness of the Germans at Verdun. Yr. plane so wise, approved by our Friend — *Galitsch,* Carpathians, Roumanians. Stick to it, you are head master & all will thank you on their knees — & our glorious guard! — Those boggs, impregnable — open spaces, impossible to hide, few woods, soon leaves will fall & no saving shelter for advance. One has to send the men far round the boggs, the smell is so awful — the unburied comrades!! Our generals don't count the »lives« any — hardened to losses — & that is sin — when you are convinced of success, its another thing. God blesses yr. idea — have it executed — spare those lives — Sweety, I know nothing — but is *Kaledin* the right man in the right place, when things are difficult? —

Now other things. — Am hunting for a man in Obolensky's place (by the by, has asked to see me — very unpleasant, does not concern me to speak about with him) — would *Adrianov* not do? Is he still in the Suite? Was completely aquitted — does it matter he was under judgement? But he came out clean. If you have nothing against this idea — wire at once that you agree No. I; then shall propose him to *St.,* who can talk to the M. of Int. — not your order, but that you would have nothing against him. He was very good in Moscou, *Dzunkovsky* tried to break his neck & *Jussupov's* — of all, *Adr.* was the least at fault. But you can judge best. — Then to finish Obolensky, how wld. it be to give him *Komarov's* place — long, I doubt his living — even if life spared, will be an invalid. A splendid place, *Preobrazhenetz* & I think quite fit for such a place. If you agree to this — wire No. 2 yes. I have it written out on a paper you see, I shall probably see him on Tuesday, then if he makes a fuss, I cld. tell him that you think of him in future for the W. P. — he is in the Suite — & *Zeime* is not & he is more suited. —

The Children have all gone to Church — I am still unable to go — such a nuisance. —

Paul will be with you on Thursday, has a big *report* & wld. like to go to the guard (very good thing) & return to the *Headquarter,* if time, for the 5-th. — What have you done about *Gutchkov's* letter? At last our *Botkin* has fully understood what a man he is — they are relations — but only now he has fully understood the great evil in him — he & *Polivanov* tried to harm his naval brother. — You saved him now, by wiring to *Russky,* who did not wish to obey yr. order about *Botkin* before — but he was received like »a dog there«. —

Paul & I blessed the little *Schevitch* — pretty girl — to-day is her wedding — the mother, old, fat, with no teeth scarcely — & she is my age! — had a baby 3 years ago, happy woman. — Sorry, nothing interesting to tell you, dull letter. — Fondest thanks precious letter come so nice & early, can't imagine why miné are so often late. — Well, I am glad that *Br.* has sent *Kal.* south & given over all to *Gurko,* thats f a r the wisest thing to do — may he be reasonable & not obstinate, make him understand that clearly. Oh, I too yearn for you fearfully — soon, soon God grant again some happy days together. Babykins, you keep him in hand, see he does not play at table or put his arms & elbows on the table, please — & dont let him shy breadballs. 5 months from here — ah when shall you be able to get away fr. that old place & see something else again! —

Goodbye, sweet One, sun of my life. Kiss you e v e r so tenderly. God bless & protect you — yr. very own old

Wify.

Please pay attention to what A. has written about *rising the wages* to all poor *officials* all over the country. It must come s t r a i g h t f r o m y o u — there is always money had fr. some capitals — a check to all revolutionary ideas. — Our Friend says if you agree to *Adrianov,* then as *temporary prefect (hold. office).* — then nobody will have anything to say against him. —

No. 361.

Tsarskoje Selo, Sept. 26-th 1916

My very own Treasure,

There — you will say — a big sheet, means she is going to chatter a lot again! — Well, *Prot.* dined with A. — she knows him already a year or two — & he proposed my friend *K. N. Hagandokov* instead of Obolensky, i. e. *V. Volkonsky* proposes him. I have the whole *account* about him — tho' we know him — & that looks really so good. Now he is *Military Governor and Ataman (Hetman) of the Amur cosacks;* has been through Chinese campagne, Jap. & this war; *participated in the repression of the sedition in Manchuria* 1900 — probably my age or younger — *in service (officer)* 10 *aug.* 1890 has all military war decorations for his rank. Our Fr. says if the likes us — why not take him — I was much taken aback, never wld. have dreamed of him. Rank *major-general.* Perhaps this all is better than *Andr.,* who of course has enemies. — I think *Hagand.* told me he left because of his kidneys — & this service is not tiring, needs an energetic man — & his white cross will already make effect. —

Things were not very nice in Moscou yesterday, so *Prot.* sent off *Volkonsky* at once & made *Bobr.* sent off his aid there too to see into the affairs. He does not waste time — I am glad to say — & they & the military will let's hope at once quieten down all. But its sure to begin here, & Obol. will be absolutely no good — we saw what he was in the reg., where he might have stopped that story. —

I send you the petition of a *medical field surgeon*, who killed a man — just read it through — he begs to be a *field surgeon* out at the war — only you can change the judgement by mercifully letting him go — our Fr. gave it to me & Rost. says only you can help. My chancellry made the red marks. — Then I send you photos I did — also 1 for *Alexeiev*, 1 for *Maximovitch*, 1 for *Mordv.*, 1 for *Grabbe* & 2 for cosacks — give Baby to give them over if you cant, dear.

Protop. has asked to see you — wont you tell him to let *Sukhoml.* out, he says it can of course at once be done, he will tell M. of Justice, write this down to remember when you see him & also speak to him about Rubinstein to have him quietly sent to Siberia, not left here to aggravate the Jews — *Prot.* quite agrees with the way our Fr. looks upon this question. *Prot.* thinks it was *Gutchkov*, who must have egged on the military to catch the man, hoping to find evidences against our Friend. Certainly he had ugly money affairs — but not he alone. —

Let the man speak out frankly to you, I said you always wish it, the same as I do. —

He quite cleverly thinks of using *Kurlov* in some things of *food supplies*, wh. is right — not to waste the man. — He got the thing at once to be printed about the millions the *Union* got & wh. the others were dawdling over — only its not what I wanted — I did not want bare facts — they are bad enough — but it was to be cleverly written — this is too naked for my taste. One can cry to think of half a milliard has been thrown to the *Union* — when existing organisations could have done marvels with a quarter of the sum. —

I enclose it for you to read. —

Very, very tenderest thanks for your dear letter just received. So happy you have given that order about Pahlen, thank you for yr. justice. — How nice you had such warmth. This morning 1° of frost, but sunshine thats everything, so shall lie out on the balkony before luncheon — my heart is more enlarged again & its difficult breathing. Fear, I shant be good at much this time, I am sorry to say, for much motoring. And I do so want to get to the hospital — & cant — great nuisance. —

Fancy, Rosetti's son being with you — what a type! —

How lovely it will be to be with you again soon, sunshine & Sunbeam & old mother sunny! Miss you both horribly. These break downs come regularly 3 or 4 times a year — I fill myself with medicins. —

Now my Angel, goodbye & God bless & protect you. Kisses without end on every dearly beloved, very own place — yr.

Own.

The *Synod* gave me a lovely old Image & *Pitirim* read a nice *paper* — I mumbled an answer. Was rejoiced to see dear *Shavelsky*. Our Fr. worries that one did not listen to you *(Brussilov)* as your first thought was the right one & a pitty you gave in, yr. spirit was right wishing the change. He took up the Virgin's Image & blessed you fr. far & said »*May the Sun rise there*«. A. just brought these messages fr. town & kisses you. — Obolensky's wife whole time bothers our Fr. in tears that husband leaves, begs for a good place. —

No. 362.

Tsarskoje Selo, Sept. 27-th 1916

My own Angel,

When I went to bed there were already 5^0 of frost, this morning still 1 and grey. — As heart still enlarged, shall arrange to see nobody to-morrow & remain all day in bed — perhaps that will help more — so few days have remained — leave already in 5! —

Sweetheart, you are receiving the new M. o. t. Int. to-morrow — he is emotioned. — let him realise yr. power of will & decisiveness that will help & stimulate his energy. Let him talk with *Alex.* so as that the latter may feel he has to do with a clever man who wastes no time — it will be an antedate to *Gutchkov's* letters. — Speak to him about *Sukhomlinov* he will find means of doing it — the old man will die else in prison & we shall never be at peace about it. Au fond, to save *Kshess.* & *S. M.* he also sits there, & one dare not bring up that subject before law on account of those 2 — even *Adr. Vlad.* said as much to the *Rüdiger-Beliaiev* tho' he is *Kschess.* love Then speak about *Rubinstein,* he will know what to do. — Am so happy about Count Pahlen. — Your are right about *Adrianov* I suppose, just had a paper fr. *Prot.* showing he wont do — I only mentioned him like that as he came into my head. — If *Hagandokov* can be spared — may be good, at least all his military decorations let one hope it — still you may find another. *St.* proposed a *Meyer* who was years at *Varshaw,* but the name is to appallingly German for the wild anim. ears nowadays. — 10½ yr. sweet letter has just been given to me — endless thanks & kisses for it, Treasure sweet. — Shall bring A. too, our Fr. begged it, as the girl is good & so honestly helps when & how she can, & several of «us» together will bring more peace & strength. She can lunch in the train, as shy work in the room with many people — will enjoy the rest, nice air, drives, tea etc. — & we shall still be to ourselves — she does not fidget now. — I bless & kiss you without end in passionate love.

Ever Huzy mine, yr. very own old wify

Alix.

I return Nicky's letter to you — exactly as he spoke to me — please talk to *St.* severely about it — we are driving them into a republic, we, orthodox — its really shameful. —

Why cant you beg *Poincaré* (president) to recall Seraille & make Fr. & Engl. insist too (thats my idea) — & make them stand up for Tino, the King & not side with Venesuelos the revolutionist & free mason. Call out *St.* as its difficult to write — give him severe instructions, we are behaving most unfairly & understand poor Tino going half wild. —

Keep my little list before you — our Friend begged for you to speak of all these things to *Protopopov* & its very good if you mention our Friend that he should listen to him & trust to his advice; — let him feel you dont shun his name. I very calmly spoke of him — he came to him when he was very ill, some years ago. — Badmaev called him. —

Tell him to be warned against *Andronnikov* coming to him *(Prot.)* & keep him away.

Forgive my bothering you, Deary — but am always affraid as you are so terribly hard worked — that you may forget something — & so act as your living notebook. —

Sunny.

Speak to *Pr.* about:

1. *Sukh.*, order to find a way to get him out.
2. Rubinstein to send away.
3. *Prefect.*
4. Augment *wages* of the *officials* as your kindness to them, not fr. the ministers.
5. About *food supplies* tell him strictly, severely that all must be done to set it to rights — you order it.
6. Tell him to listen to our Friend's councils, it will bring him blessings & help his work & Yours — please say this, let him see yr. trust in him — he knows him several years already.

Keep this paper before you.

No. 363.

Tsarskoje Selo, Sept. 28-th 1916

My own Beloved,

Now, I said I wld. lie all day in bed & Apraxin, who was disgusted with my looks, also begged me to. Of course *St.* has just telephoned, begs absolutely to see me — so must of course at 6. *Schwedov* & Obolensky ask again — well I put them off to the next days — its always so, probably they have got wind that we are leaving & then each time all come flying. — Today warmer, poured, was a moment's sun.

Sweety, fancy only, Obolensky asked to see our Friend & sent a splendid motor for him (knows Mia, Obolensky's wife several years). Received him very nervously at first & then spoke more & more till at the end of the hour began to cry — then *Gr.* went away as He saw it was the moment the Soul was completely touched. — Spoke about all, openly, how had tried his best tho' it had not succeeded, that he heard as tho' one wanted him to *paint the roofs of the palaces* (probably somebody also imagined the same as we) — but that such a place he wld. not like — he wants work to wh. he is accustomed — & his great dream is to be General Governor of Finland — that he will always ask our Friend's advice about everything. Spoke all out against Ania, & was astonished when our Fr. said she was *from God* — & that she suffered so. — Then showed all the 20 letters our Friend had these years sent with petitions all tidily tied up — & said he had fulfilled when he could — when *Gr.* asked him about *bribes* — he said no, but his aid had taken much.

— I old. not get over the idea that he, that proud man, had come round, because in his misery he felt only with Him wld. he find strength. The wife must have worked hard at him — & he to have cried! — Then our Friend says things wont go until yr. plan is obeyed. —

Just got yr. precious letter — kiss & thank over & over again for it. A. was just here, thanks & kisses tenderly. —

Am glad nothing has being going on at the front — was so anxious; that left move is the cleverest — near *Brody* even its so colossaly fortified & such heavy artillery to go against — a real wall.

Thanks, dear, for explaining about *Brussilov* — had not quite grasped before. — In any case our Friend says to go by y o u r i d e a s, your f i r s t are always the most correct. — Those meals outside are excellent for Baby — am bringing two camp chairs & pliable table for him too to take out with him — & I can profit to sit out then too. — There is a wonderful young, just ordained Bishop Melchizedek — whom *Pitirim* brought fr. the Caucasus — Bishop now of *Cronstadt* etc. Churches full were he serves — very high — (will in the future be a metropolitain) — fancy, he was several years *superior* of the *Bratsky* monastery at *Moghilef* & adores & intensely venerates the miraculous Image there of the Virgin to wh. we always go — please Love, go there with me & Baby — am bringing a *lamp* too to place before the Image, I promised it to the *superior* some time ago. — I am to make Melch.' acquaintance on Friday at her house, with our Friend — they say his *conversation* is marvelous; — it does one no end of good, lovely talks & helps the soul to rise up over the wordly worries for a time — but I want y o u here too always to profit with me. — We think of leaving Sunday at 3 — reaching M. for tea 5 on Monday — alright?

After yr. walk & then I can lie longer. —

What a joy to meet soon — in 5 days!! Seems incredible. — Cover you with tenderest kisses. God bless & protect you & keep you fr. all harm.

Ever yr. very own little

Wify.

Our Fr. says its v e r y much in the *spiritual sense* that a man, soul like shld. have quite come to him.

No. 364.

Tsarskoje Selo, Sept. 29-th 1916

My own beloved One,

Grey & stormy, barometer very low since two days — & all of us who have bad hearts feel it more. Lay on bed till 6 yesterday. — *St.* sat 3/4 of an hour — nothing very particular — spoke over many questions — told him strongly about my opinion of Greece — *Suchomlinov* — ministers — *dearth* — prisoners — *Gutchkov* — all & the *Duma* people know he corresponds

with *Alex.* & it throws amongst good people a deep shade upon *Al.* — one sees the spider *G.* & *Poliv.* spreading a net round *Al.* & one longs to open his eyes & pull him out — you can save him — hope very sincerely, that you spoke to him about the letters. — Have nothing interesting to tell you — have my lamp burning, yesterday too, so fearfully dark dreary; — pouring. —

Such fond thanks, dear One, for yr. nice letter. Yes, *Alex.* told me the same thing about the Roumanians. As what does *Beliaiev* go there? With a letter or as counsillor? Hang them, why be such cowards! — And now of course our line is much longer again — quite despairing I find. Did you remember about mobilising the Tartars in Russia & Siberia?

How tired you must have been after yr. 2 hours *report* — but he does talk like a waterfall. Glad, had good impression — hope he spoke with Alex. — begged he should.

Sandro spoke by telephone to the Children, only few days here, some children not well, says cant come to me (he never does) & will see us on the 5-th as he brings *Andriusha* then as officer to you. —

Heart not enlarged, but aches.

Send you my very tenderest, softest kisses, Lovebird!

God bless & protect you. 1000 of caresses fr. yr. own old

Alix.

No. 365.

Tsarskoje Selo, Sept. 30-th 1916

My own Lovebird,

Warmest thanks for yr. dear letter just received. What about Obolensky & Finland? So glad your talk with *Protop.* pleased you — may he be worthy of the place you have confided him & work well for our poor, tormented country. You can write still on Saturday, because we leave on Sunday only at 3. — What a joy to meet soon again, my two dearest Treasures!! Am trying hard to get better. Heart not enlarged, filled with drops — but hurts very much. Still this evening go out to see our dear Friend & get His blessings for the journey. — Such a storm blowing, last leaves being shed — in between there were 5 m. rays of sun — not spoiled by sun this year — hope to find it at *Moghilev* — in every sense of the word. —

Made *Varavka* see A. — not at all contented with her heart (our Fr. neither), is glad she goes with us & hopes it will be a rest — here she runs about fr. morn. to night & has such deep shades under her eyes & breathes badly & feels giddy. — We all come to you to freshen ourselves up morally (after great yearning) & phisically — good air & no work.

Sad, we cant get off for a few days to the south. — Emma Fr.'s writes that her Father slowly gets better — when lies — no angoisse — but when up — begins again. *Voyeikov* has asked us to bring him to the *Stavka.*

Now Treasure, Sweetheart, goodbye & God bless & keep you. Endless kisses & love fr. yr. very own old

Wify.

Of course an affair again — its about yr. *Erivantzi,* read it through seriously.

Lovy, forgive my meddling in what does not concern me — but its the cry of an *Eriwanski* heart (on purpose don't write names) wh. has reached us. — They have heard »*admitted col. Georgian reg. Magabeli*« & they with anguish await, whether he is really to receive the reg. Mag. was promised to receive the first free regiment of the division, in every way a perfection dear men, respected, beloved by all these 37 years (but not in this case suitable). Several times he *temp. Commander* different of the reg. when the Commanders were ill, as for instance commanded a long time the *Mingrelian* regiment, whilst the Comm. was ill. Now that Comm. has been promoted General major — already 5 months & continues commanding the reg. wh. I believe is not correct in an army regiment; now give him a *nomination* & put Mag. there, as he knows the *Mingr. regiment* now so well — & all will be perfect. Alas, the *Eriv. r.* became free now first.

»Just now the regiment wants a real master — a commander, who could bring everything back to old conditions and who would be able to understand all personally, by himself, and put everything right, justly and sanely, as it ought to be by the law and it was formerly in the regiment. The commander must be quite unknown to the regiment, independent, from quite another milieu — everything will be quite clear to him, as a fresh man, and only then, only with that condition the regiment will again be like it was formerly — before Mdivani. God knows, what menaces our regiment, what dissensions, if just now the regiment will not have real glory. Col. Magabeli is an excellent soul, soft, easy, a general favourite of the whole division, modest and so on, — he was unceasingly with the regiment, makes part of it; but everybody, except himself will command the regiment. Besides he is more a friend, by his name, his family, his origin of »those« . . .

The Eriv. reg. ought just now to receive a commander who would tear up with the roots all contrast between »us« and »them« and would command our ancient regiment for its real glory and not for a definitive cleft.« —

Tell nobody about this letter — but it coincides with what Silaiev begged for an outsider now (of the guard perhaps), who cld. put a stop to the ruin of yr. beautiful, dear to our heart regiment — Mag. is an angel, but too gentle & a *Grus.* wh. just now is not the thing for the reg. wh. has parties . . .

No. 366.

Tsarskoje Selo, Oct. 1-st 1916

Yr. letters are late. Such a storm blowing. — Thanks for receiving the Metrop. & *Raiev* — they begged quickly, before Metr. Wladimir returns — only to bring the holy Image fr. the *Synod,* nothing else. — You must be tired, by the papers I see the ministers have been one after the other going to the *Headquarters.* I had Obol. for 1¼ of an hour — till I was dead beat — he talks like a wound up machene — only about the food

supplies of *Petrograd* — touched nothing else, no time, as *Viltchk.* was waiting with a *report.* — Feel still rotten — hope change of air will set me to rights again. — Spent a quiet, peaceful evening 8½—10¼ with our Friend, Bishop Issidor — Bish. Melchizedek — talked so well & calmly — such a peaceful, harmonious *atmosphere.* From there I wired to you about *Pit.* & *Raiev;* — I wanted you to feel we were thinking of you. —

Poor *Sirobojarski* is again wounded — 3-rd time — shoulder, but bad or little, don't know, he wired to *Viltchk.* fr. *Tarnopol.* Never received his *Capit.* only yr. thanks (as in time of peace) — strange, how things are dishonestly done — real great deeds receive no big recompense — small things in the *rear* big ones — how many suffer fr. injustices! — Such darkness. — Sweet Angel, this is my last letter to you — leave to-morrow at 3 o'clock. Going this evening to the hospital — shy after 2½ weeks & many new ones, but cld. not leave without seeing all. —

Warmest thanks & kisses for sweet letter. Glad *Beliaiev* at least used there. —

My last letter. — Goodbye & God bless you, my Angel, intensely rejoicing to meet & feel yr. warm kisses. —

Ever yr. own very

Own.

No. 367.

Moghilef, Oct. 12-th 1916

My very own Sweetheart,

Its with a very heavy heart I leave you again — how I hate these goodbies, they tear one to pieces. Thank God, Baby's nose is alright, so that is one consolation. Lovy mine, I do love you so beyond all words; 22 years have steadily increased this feeling & its simply pain to go away. You are so lonely amongst this crowd — so little warmth around. How I wish you cld. have come for 2 days only, just to have got our Friend's blessing, it would have given you new strength — I know you a brave & patient — but human — & a touch of His on your chest would have soothed much pain & given you new wisdom & energy from Above — these are no idle words — but my firmest conviction. Alex. can do without you for a few days. Oh Manny man — stop that useless bloodshed — why do they go against a wall, one must wait for the good moment & not go on & on blindly. Forgive my saying so, but all feel it. — You need not receive anybody else, except *Protop.* wh. wld. be a good thing, or send for him again, let him oftener speak to you, ask yr. council, tell you his intentions, it will help the man immensely. — Its for yr. good & our dear countries I say all this, not from greed to see you (that wish you know will ever exist) but I too well know & believe in the peace our Friend can give & you are tired, morally, you cant deceive old wify! —

And at home its good they shld. feel you are sometimes near to all the interior work too — at this present moment you can be spared here a few days — you have the telephonogram for any question in 5 min. —

For all yr. endless Love I thank & bless you, I carry it all in my burning soul, wh. lives for you. Goodbye, my Sunshine, my joy & blessing.

God Almighty watch, guard, guide & bless you. I cover you passionately with tender kisses & hold you tightly in my arms. — I know there are people who don't like my presence at M. & fear my influence — & others who are only quiet when I am near you — such is the world.

Goodbye wee one, Father of my Children. —

I hope to go to holy Communion on the 21-st — how nice if you cld. have been with me in Church then, too good & lovely it wld. have been!!

Ever yr. very, very

Own.

No. 368.

Tsarskoje Selo, Oct. 14-th 1916

My beloved Angel,

Thank you, thank you for yr. sweet little letter with l o v e l y news — cannot tell you what joy it is & what life & sunshine it brought to my sad heart. — Excuse also quite short letter — had *Protop.* for ½ hour, now Benk. waits, then Nastinka. This morning hospital. Only made 3 *dressings* & then sat with different ones — were at *Znam.* placed candles for you, Lovy. Glorious, bright, sunny weather. — Head stupid — Becker besides. — *Prot.* saw *Sukh.* — so happy. —

Very interesting talk was at the *Duma* this morning for 48 m. — Traveled alright, lay all day — this night slept badly — heart alright, especially since yr. letter. —

Endless blessings & kisses fr. us all. — Ever yr. very

Own.

Tell *Prot.* you are glad he goes & speaks with *Gr.* & hope he will continue. —

No. 369.

Tsarskoje Selo, Oct. 15-th 1916

My own Sweetheart,

Such fond thanks for yr. dearest letter. Hope Babykins is alright again — dont let them give him oisters wh. are not fresh. —

I feel quite different since I know you are coming for a few days — such a lovely prospect — after 6 months to see you here again. Then we can again all go to Holy Communion, if you feel inclined — & gain

strength together & blessings. You don't need long preparations. — Then I suppose you wld. be going later to Reni etc. in Nov. — It will be good for you to get about again, & for the troops to see you. —

I am glad you told P. to speak to *G.* & *B.* — This evening I go to see our Friend. — He says the «*Maria*» was no *punishment* but an »*error*«. —

I shall keep Ella's letter to think about when you came. — Grey, hoarfrost covers everything, were 5 of frost. Shall go for tiny turn with A. —

Am prudent — did only one *dressing* & then sat knitting & had *Viltchkovsky's report.*

Vesselovsky has come, shall see him to morrow, has been 3 times contused — nerves shaken, Son in law died (or killed) & he wants to go for a rest to the Crimea. —

Beloved One, I bless & cover you with endlessly tender kisses & remain

yr. fondly loving old

Sunny.

No. 370.

Tsarskoje Selo, Oct. 16-th 1916

My own sweet Angel,

Very tender thanks for yr. sweet letter. Shall eagerly await you Wednesday afternoon; hope Babykins will be quite alright by that time. —

Had a nice evening at A.'s yesterday — our Friend, his son & the Bish. *Issidor.* As Obol. behaves well now & listens to him, he thinks it wld. be only good if *Prot.* had taken him as one of his aids — there he wld. have worked alright & so as not to kick him out of service. — Our Friend neither cares for *Kurlov,* but he is *Badmaiev's* bosom friend, & *Prot.* was cured by *Badm.* & so is grateful to him. — *Gr.* thinks it wld. be better to call in the younger men instead of those over 40, who are needed at home to keep all work going & to look after the houses. —

Warmer to-day but grey. Were in our lower Church for half the service & then went to the hospital. Saw *Vesselovsky* — sad many things he tells & other young ones — what goes on at the war — dear me, I understand their nerves give way, — no union, no confidence in the officers, orders, counterorders, disbelief in what they hear — very sad indeed. Ah this want of education is a misery — each for himself — never together. —

Merica & her Mother come directly — she leaves in a week to be married. —

Little *Ivan Orlov* is engaged to a Pss. Volkonsky — both such Children. —

Kiss you without end & bless you. He is so happy you are coming. —

Ever yr. very, very

Own.

No. 371.

Tsarskoje Selo, Oct. 17-th 19

My Beloved,

Very heartiest thanks to you, my Angel, for your dear letter. — Worked in the hospital & then had a *Te Deum* in the corridor there for this day — was so simple & nice. — 5^0 of frost, bright & sunny, am going with Ania to see her bit of land & where one is going to begin to build. Yesterday I spent the evening at the hospital, calm & cosy. — To-day receive the Motonos who leave for Japan; Obolensky again — seems our Fr. is most contented, the man has so much changed for the better, & therefore he thinks it wld. be nice if *Prot.* took him as an aid. —

How lovely it will be to take Holy Communion all together, cannot say how greatly am looking forward to this blessing & joy; — & to have you once more home again!!

Do say that none of the family are to be on service these days.

Am so glad you wired to Tino, will help & give him courage. —

You will be glad even to get into the train again cosily after such a long time. One pen has to be refilled & this one — too much ink, — & my fingers are filthy. —

How are the Roumanians getting on? At *Orsha* you will see heaps of sisters at the station. They always came running to see one pass. —

Now, my Sunshine, goodbye & God bless you.

Soon, soon I shall have you tightly clasped to my breast again, — wont it be lovely!

I cover you with tender kisses, & remain yr. very, very

Own.

No. 372.

Tsarskoje Selo, Oct. 25-th 1916

My very own Angel,

Once more we part again! I cannot tell you the joy & comfort it was to have you once more home again after 6 long months. Like old times it was — thanks for that calm joy, dear One. — I hate letting you go away to all your worries, anxieties & sorrows — here we at least share them together. — Every caress was a gift & I shall long hunger again.

For you, alas, no rest, so much hard work! And now this story about Poland, but God sends things for the best, so I will believe it will be for the best in some way or other. Their troops wont fight against us, there will be a mutiny, revolution, anything you like — thats my private opinion — shall find out what our Friend has to say. —

Sweetheart, goodbye & God help you. — I d o n t ' t like *Nikol.* going to the *H.-Q.* — may he brood no evil with his people. Don't allow him to go anywhere now, but streight back to the Caucasus — the revol.

party else will hail him again — & one was beginning to forget him; him & *Sazonov* we have to thank for the Polish question — forbid him to speak about it — get *Zamoisky* away when he comes. —

God bless yr. journey. My heart is very heavy. I cover you with endless, passionate kisses. Cannot bear yr. having perpetual sorrows & anxieties & being far away — but heart & soul are ever near you, burning with love. — Ever, Sweetheart, Sunshine mine yr. very own old

Wify.

No. 373.

Tsarskoje Selo, Oct. 26-th 1916

My own Sweetheart,

All my tenderest thoughts surround you — very empty, grey & lonely without sunshine & sunbeam. Long, lonely night — joy to get yr. two wires. —

Yesterday evening saw our Fr. with his 2 daughters in the little house, spoke so beautifully — was s o happy to have seen you. Begs you to answer a l l who speak or worry you about Poland. *»I do all for my son, will be pure before my son«* & that will at once shut their mouths — strange, I said the very same to *Listopad* then too, only let none worry you & stop them talking — you are the master. — The Wedding in our hospital went off well — a handsome couple, I was his »Mother« & *Botkin* the »Father« of the bridegroom. Then the 4 girls & I motored half an hour to fresh one up, as I receive now Isa, *Kussov* (com. *Psk.* reg.) *Hagandokov, Bontch-Bruievitch, Vassiliev* (police) & three officers. Shall spend the evening cosily in the hosp. whilst A. is in town — she lunched with us. — Grey weather, lit up by the remembrance of yr. sweet presence. —

Kiss all at *Kiev.* God bless your journey. Endless tenderest kisses fr. yr. ever loving old

Sunny.

Tell Paul to be back when *Nikolasha* comes — better. —

Did you say about Obolensky? —

No. 374.

Tsarskoje Selo, Oct. 27-th 1916

My own Sweetheart,

A grey windy, warm day. — It must indeed seem strange to you at the platform without the girlies & *Mordvinov.* Wonder if you have sunny weather at least. —

Sonia Den lunched with us, looks awfully ill, green & thin, leaves to-day for Crimea — am glad for poor Xenia who seems to be sad & poorly. —

Rein comes later, wonder what he will have to say, shall beg him to get on better & more delicately with Alek, as you told me. — *Hagandokov* looked more like in old days, thinner & with a sly face — made me feel shy as left the talking to me. I only spoke about Siberia. — Its so dark in my room, I scarcely see to write on my sopha. — The Children have gone to the big palace.

Wonder, how all will be at *Kiev* — a bore Miechen will be there & you not alone. — Was nice in the hospital yesterday evening, sat in all the wards — at home its so sad & lonely without you, Sweetheart. Have your colds quite passed? Goodbye, my Love, & God bless & keep you. Many a tender kisses fr. yr. old

Sunny.

No. 375.

Tsarskoje Selo, Oct. 29-th 1916

My beloved Treasure,

All my tender thoughts are with you. — I have been reading what the German papers say about the Polish question, & how displeased they are William did it without asking the country 's advice & feeling it will be for ever a question of animosity between our 2 countries — etc. others look at it as not at all serious & most vague — & I think W. has made a formidable gaffe & will greatly suffer for it. The Poles will not bow down to a German prince & regime of iron under pretended freedom. — How many reasonable Russians, entre autre *Shakhovskoy* bless you for not having listened to those who begged you to give Poland freedom, when she no longer belonged to us, as it would have been absolutely ridiculous — & they are perfectly right. —

I saw Rein to-day & told him what you said & he will act accordingly. You know, the man is not sympathetic to me — something mocking in his way — but a clever, very ambitious man & must be held in hand. —

You know *Bontch Bruievitch* made a good impression on the whole upon me, & I was not favorably disposed to him after all one had said — & I told it him quite frankly. We had an interesting talk for nearly an hour. Now I shall mention some of the things & you profit of them & try & get things improved & changed, only don't say to *Alex.* you heard it from me — he did enough harm telling that lie to *Ivanov* — & I feel the man does not like me. — We spoke about black *Danilov* — he says he is a man only of chancelry work — not live work, always papers & not a good element, old *Ruzsky,* being rather delicate (bad habit of cocain in the nose) & lazy, needs a s t r o n g e n e r g e t i c right hand to make things work — good people have been sent away — & others have left as they wld. not continue under *Danilov.*

He told me why R. insisted upon Dan. being with him — protection, relation to his wife or something like that (have already forgotten what he said), but it was not because of his brains he took him. —

Under *Kurop.* the *enemy reconnoitring (deeply)* was almost quite abolished & very weak — they used to know all that went on in Finland, Sweden, Baltic Provinces — now know scarcely anything. *Hardly any counter-reconnoitring, only correspondence* — papers, papers, looking for laws in everything — no life. — Those 3 people, of the *counter-reconnoitring* in *Petrogr.* were formerly under *Bn.-Br.* with lots more & very good when guided & looked after, but when he was taken away that all ceased & these three are placed by *Alex.* & act as his personal staff *counter-r.* & according to his orders take people shut up etc. & then make their *reports* to *Moghilev* — thats not nice, & now I understand many things that happen not rightly. —

Fancy, *Ruzsky* & his staff have no *active operative plans.* I asked why they dont advance, as you had given *Kurop. and R.* the order to do so — he says perfectly possible, we have far more troops than the Germans. They train their young soldiers near the *trenches* to make ours imagine lots are there. *R.* is contented in his place, his ambitious wife wont let him lose it for anything in the world, & so he prefers sitting calmly — works only 2 hours a day — a good, honest man, but needs a strong right man to make him work.

They completely neglect the question of food supplies, say the Civil ministery must give it them — quite wrong. —

In complete neglect the question of civil administration in the front area. Can you make head or tail of what I write? — its so difficult to give over conversations. The points he wrote down for me as I was affraid to forget them. I can only say I am glad I made his acquaintance & h e a r t i l y w i s h y o u c o u l d s e e h i m, he wld. tell you much I can't repeat, too complicated & long. He asks & wants nothing, only for your sake & the good he asked to see me to speak all out. Very clever & one can speak easily with him — but he said many sad things as one hears elsewhere. —

Such dishonesty everywhere. — But he says its most weak & disorganised all in that army, but he believes if the old man got a strong help, much could be changed for the good. And keeping the troops for months without moving when they cld. with success — says its demoralising.

Always contrasts — extremes. —

Now enough about affairs.

Grey, dull weather. Are off to town, O. & T. have a committee, & I shall go with M. & A. to the hospital in the W. Palace — 358 men just now. — If I did sleep at all this night, it was not more than half an hour — insupportable & without reason — nothing worried or hurt me; no dear »Animal warmth« any more to help me. —

Now goodbye & God bless you, my Sweet, I cover you with kisses tender & longing ones.

Ever yr. old, very own

Wify.

Fond thanks precious long letter.

No. 376.

Tsarskoje Selo, Oct. 29-th 1916

My very own Sweetheart,

It was an intense joy receiving yr. dear long letter yesterday — thank you for it with all my heart. How glad I am to see by yr. telegram that you could cosily lunch à 3 — wonder how you got rid of Miechen. And did you see Olga, or was she still ill? —

Warm, grey & raining & a fogg — real »dirty weather« as the sailors say. —

Slept ½ an hour the night before last & this one after 5½ till after 7 — insupportably tiresome. Shall go an hour later to the hospital to rest my legs & back still wh. ache after the Winter Palace hospital. It took us an hour — back they wheeled me through the empty halls. — I received *Protopopov* in town. Then we went to *Skoroposlushnitza* & placed candles — you wear that image I brought you once from there. Lunched & took tea in the train — at home received poor *Rebinder* whose wife died not long ago. And then Mme Zizi fr. 8½—9. —

To-day I receive *Volkov, Fedorov, Sturmer, Shebeko* fr. Moscou; ones head gets so tired — during the conversations I am fresh & energetic — but later on become somewhat cretinised. —

Now I must read still through heaps of *reports* — shall finish my letter after luncheon. —

Am going for a little drive to freshen up my tired brain, as have four *reports* this afternoon. —

I kiss you, my Angel, as tenderly & fondly as only possible. God bless & protect you, Lovebird.

Every yr. very, very

Own.

No. 377.

Tsarskoje Selo, Oct. 30-th 1916

My own beloved Sweetheart,

Forgive me for what I have done — but I had to — our Friend said it was a b s o l u t e l y necessary. *Protopopov* is in despair he gave you that paper the other day, thought he was acting rightly until *Gr.* told him it was quite wrong. So I spoke to *Sturmer* yesterday & they both completely believe in our Friend's wonderful, God sent wisdom. *St.* sends you by this messenger a new paper to sign giving over the whole *food supply* now at once to the minister of Interior. *St.* begs you to sign it & at once return it with the train 4½, then it will come in time before the *Duma* assembles on Tuesday. I had to take this step upon myself as *Gr.* says *Protop.* will have all in his hands & finish up all the *Unions* & by that w i l l s a v e R u s s i a , — that is why it must be in his hands; *though it is very difficult, it must be done.* In *Bobr.'s*

hands it wld. not work. Trusting our Fr. He will help *Protop.* & *St.* quite agrees.

Forgive me, but I had to take this responsability upon myself for your sweet sake. The *Duma* wld. insist upon it being in one hand & not 3 hands, so better you give it straight beforehand to *Protopopov.* God will bless this choice. —

St. is very anxious about the *Duma,* & their paper is rotten, revolutionary — they (ministers) hope to influence so that the number will change — some of the things they intend saying. For instance that they cant work with such ministers — the colossal impudence of it.

It will be a rotten *Duma* — but one must not fear — if too vile, one closes it. Its war with them & we must be firm. — Tell me, you are not angry — but those men listen to me & when guided by our Friend — it must be right — they, *Pr.* & *St.* bow before His Wisdom.

My head aches & I feel stupid, so write unclearly, I fear. — Just get yr. precious letter fr. *Kiev* 1.000.000 fond thanks. —

So glad, all went off well. Kiss you without end with deepest, boundless devotion.

God bless & help you.

Yr. own old

Wify.

No. 378.

Tsarskoje Selo, Oct. 31-st 1916

My beloved Sweetheart,

Grey & rainy, depressing weather, scarcely slept again — one needs sunshine at last. — All thoughts surround you.

Concert nice yesterday — *Kuznetzova's* voice lovely & danced perfectly Spanish dances. *Lersky* I heard for the first time — & thought of you. — *Protopopov* has asked to be received for *very important business,* after that shall finish my letter. Then have several ladies — later *Shakhovskoy* & *V. P. Schneider* — every moment again taken up. —

Lovy dear, our Friend begs you absolutely to have *Sukhomlinov's* story stopped, otherwise *Gutchkov* & others have prepared nasty things to say — so do it at once, wire to *Sturmer,* I think it concerns him first? telegraph this:

»Having got acquainted with the data of the preliminary investigation in the case of the former Minister of War, General Sukhomlinov, I find that there are absolutely no grounds at all for the charges, and therefore the case should be discontinued.«

These things need being done before the *Duma* comes together to-morrow afternoon.

I feel cruel worrying you, my sweet, patient Angel — but all my trust lies in our Friend, who only thinks of you, Baby & Russia. — And guided by Him we shall get through this heavy time. It will be hard fighting, but a Man of God's is near to guard yr. boat safely through the reefs — & little Sunny is standing as a rock behind you, firm & unwavering with decision,

faith & love to fight for her darlings & our country. Shall quickly motor for half an hour to clear up my brain for *Protopopov.* — God will help yr. — precious sake. —

I send you a paper about *Alexeiev's secret service* — because these people mix in things wh. do not concern them & it ought to be changed — I forgot to send it you before. —

Then about Rubinstein, the man is dying. Wire, or give *Alexeiev* the order at once to wire to *Ruzsky* to give over Rubinstein from *Pskov* to the *Ministry of the Interior* (best you wire yourself) then he will do all at once. — No time to write about our conversation, letter must go. They have managed to stop the *Duma* fr. giving their rotten *declaration.*

Endless kisses & thanks unexpected sweet letter. Blessings & kisses without end.

Yr. own old

Wify.

No. 379.

Tsarskoje Selo, Nov. 1-st 1916

My own beloved Treasure,

Such very tender thanks for yr. dear long letter with details of your stay in *Kiev.* I am glad you had cosy evenings with Motherdear & that you managed to do so much. Miechen's coolness is too bad — I hope you were stiff too, tho' I doubt that you succeeded to be anything but sweet & polite. —

So Olga will marry on Saturday — & where will that be & to what country place does she intend going? — Its much better Motherdear stays on at *Kiev* where the climate is milder & she can live more as she wishes & hears less gossip. — I am so sorry I had to send you that wire, ciphered by *Protopopov* — but the Minister all got so nervous on account of the *Duma* & feared that if it came out to-day, his nomination, that they wld. make a terrible row at the *Duma,* not accept him — & then *Sturmer* be forced to close the *Duma.* Whereas if put off a bit, then less harm closing the *Duma.* I disagreed with the paper & knew our Friend wld., so I sent *Protopopov* straight to him to speak it over together. Our Friend says its the Ministers' faults because they did not work all these days. Fancy, *Bobrinsky* never changed his aid, when it was written on that paper *Protopopov* showed you — that he should do so Now I asked *Sturmer* in his name to order him to do so. They are bad, *Bobrinsky's* men & sidle with the left parties. — I felt quite crazy yesterday receiving so many people. — *Shakhovskoy,* I did not agree with, he is against *Protopopov* (jalousie de métier). Then still *V. P. Schneider* and 1½ hour 3 ladies. —

Again got to sleep only after 5½ & not for long. — A. comes at 3, so shant close my letter before — she may have something to give over. My 3 cosy Lovings in the hospital are at an end.

What news have you about what happened at *Baltic port? Shakhovskoy* told me, that in the council of Ministers *Trepov* was most awfully rude to

Grigorovitch about that misfortune at *Archangelsk* & used very strong, ungentlemanly language. Really, they need smacking & being set to rights. —

I had a nice letter fr. Victoria — Georgi comes there to-day, to-morrow is the wedding & then they leave at once for the little house they have taken in the north & he goes to his ship. No leave now, but he hopes every day to see Nada for a few hours in their house. A difficult beginning for such young creatures. Victoria went to France to fetch Louise for a longish holiday — she has been working hard at the hospital & needs a rest. — To-day I receive old Schvedov & Mrozovsky, fr. Moscou. — Continually people to be seen. — On thursday our Olga will be 21! Quite a venerable age! — I always wonder whom our girlies will marry & cannot imagine what their lot will be — could they but find the intense love & happiness you, my Angel, have given me these 22 years. Its such a rare thing now a days, alas! —

How are things going on in Roumania? One hears so little now. — Am already busy about Xmas-presents for my »*station*« — its immense what masses of people — & so difficult to find anything suitable & not to abnormally expensive. —

Such darkness, never any sunshine — I hoped the colder weather would bring bright weather. — Miss you so much, my dear precious One, & long for your tender beloved caresses of love.

Our Friend is dreadfully angry with *Protopopov,* who out of cowardice wld. not have it announced that the *food supply question* shld. be in his hands now — on account of the *Duma* & our Friend had told him he could explain he had taken it & hoped in about a week to have arranged all satisfactorily. *Protopopov* wants to take it in 2 weeks only — wh. is foolish.

Gregory is not so much disturbed about the *Duma,* as they always scream *at anything.* I agree to this. — Ania sends tender kisses & was very pleased to have been in the country & to all the Saints in Moscou — *Skopin Shuysky* too, quite specially. — She went to the Metropolite, who begs to have no bishop as help, and our Friend finds it also. —

We all kiss you ever so tenderly. God bless protect & help you. —

Ever yr. very own

Wify.

Hope, you wired about dying Rubinstein. —

No. 380.

Tsarskoje Selo, Nov. 2-nd 1916

Beloved Treasure,

Heartfelt thanks for your sweet letter. This morning I got yr. last night's wire — I was feeling anxious & sad, as I knew I must have upset you by my Russian one. I h a t e worrying you & begging you to change things you have settled, all the more so when I do not agree to what the ministers say. —

At last splendid sunshine — such a treat after long, dark weeks — our wounded feel all much brighter & several are going out driving — we too, tho' there were 7 degr. of frost this morning. I again only slept two hours — such a nuisance, perhaps with the change of weather I may manage better. Everything all in order at the hospital, tho' even there I receive architect, generals to speak about sugar & butter etc. . . .

One Officer suddenly had a small artery, wh. burst, so we had at once to perform an operation & sow it up — but it went off alright, Tatiana gave the chloroform for the first time. — Sad, you both wont be here for Olga's 21-st birthday. We shall have a *mass* in my room at 1½. — I am glad things are going better in Roumania — *Vesselkin* will have told you interesting things; — lucky we have such an energetic man there.

Now, Lovebird, joy of my heart — farewell. God bless & protect you. Ever such tender kisses fr. yr. own old

Wify.

Such longing for you!

Olga wrote she marries at 4 o'clock on the 4-th at the little Church *on the Dneper situated on the place, where the idol perun once stood.* God bless the dear & may *N. A.* really be worth of her love & sacrifice. —

No. 381.

Tsarskoje Selo, Nov. 3-rd. 1916

Sweetheart, beloved One,

Tenderly congratulate you with our big child. We had a Te Deum in the hospital & now in my big room. Your letters have not yet come. It was a joy to hear Babykins sweet voice — but one hears very badly, in a few days it will be better & I hope you will also once speak a tiny moment, just to hear the longed for sweet voice.

Victoria wired the wedding was lovely yesterday — Nada were our necklace. —

Spent a lovely evening with our Friend & *Isidor: »Calm Papa, write everything will be all right* (that *Protopopov* will get it into his hands quite — the *food supply) that all is in the future«.* They dawdled too long, & therefore cld. not name him so late — all their fault & it wld. have gone well. You are not to worry, yr. d e c i s i o n was right & it will be done a little later.

He is very sad *Nikolasha* will be at the *Headquarters.* Spoke beautifully, calmly & very heigh — you wld. have loved it. —

6½ of frost & bright sunshine — going for a short drive — difficult breathing in such cold. — Dmitri is coming to tea. — All thoughts & prayers with you. —

Lovy, wld. you not send somebody to Oranienbaum to the off. school old General *Filatov* is at the head — about 300 officers learning for *Machine-Guners* & its v e r y badly organised, great disorder, badly tought, so that many leave it. I heard this fr. officers where have been sent there by their

regiments & they say its in a real bad state — unpractical & they are kept there ages & badly organised (*Karangozov* etc. spoke seriously to me about it & said it wld. be a blessing if it were changed & real order put). *Filatov* is an old professor & keeps to his oldfashioned ideas. I thought you wld. have it seen in to seriously by a competent general. Far too few *machine-guns* for them to practice on, 300 officers — as each must know all the work & go into every detail. Out of their worktime they privately study it, otherwise wld. know nothing. They have to listen to lectures about submarines etc. wh. dont concern them. —

Lovy, have you had Rubinstein given over to the Min. of Interior — otherwise he will die still at *Pskov* — please dear. —

Back fr. our drive, found your precious letter, for wh. warmest thanks. Glad *N. P.* only remained one day. —

Now Lovebird, I must end, the man must go. Blessings & kisses without end fr. yr. very, very

Own.

A. sits near & kisses you. —

No. 382.

Tsarskoje Selo, Nov. 4-th 1916

My own sweet Angel,

Warmest thanks for yr. dear letter just received. I read Nikolai's & am utterly disgusted. Had you stopped him in the midle of his talk & told him that, if he only once more touched that subject or me, you will send him to Siberia — as it becomes next to high treason. He has always hated & spoken badly of me since 22 years & in the club too (this same conversation I had with him this year). — but during war & at such a time to crawl behind yr. Mama & Sisters & not stick up bravely (agreeing or not) for his Emperor's Wife — is loathsome & treachery. He feels people count with me, begin to understand me & acre for my opinion & that he cant bear. He is the incarnation of all that's evil, all devoted people loathe him, even those who do not much like us are disgusted with him & his talks. — And Fred. old & no good & cant shut him up & wash his head & you my Love, far too good & kind & soft — such a man needs to be held in awe of you — He & *Nikolasha* are my greatest enemies in the family, not counting the black women — & Sergei. — He simply cld. not bear Ania & me — not so much the cold rooms, I assure you. I don't care personal nastiness, but as yr. chosen wife — they dare not Sweety mine, you must back me up, for your & Baby's sake. Had we not got Him — all wld. long have been finished, of that I am utterly convinced. — I am seeing Him a moment before *Sturmer.* Poor old man may die fr. the vile way his spoken to & of at the *Duma* — *Miliukov's* speech yesterday when he quotes *Buchanan's* words that *Sturmer* is a traitor & Buch. to whom he turned in the box — held his tongue — vile behaviour. We are living through hardest times, but God will help us through, I have no fear. *Let* they scream — we

must show we have no fear & are firm. Wify is your staunch One & stands as a rock behind you. I'll ask our Friend, whether He thinks it advisable I go in a week's time, or, as you cant move — whether I shld. remain here to help the »weak« minister. They have again chosen *Rodzianko* & his speeches are quite bad & what he says to the ministers.

I hope Sweetheart's leg will soon be better. And *Alexeiev* ill — all worries at one time — but God will not forsake you & our beloved Country through the prayers & help of our Friend. — Am glad you arranged a place for Obolensky. —

Grey weather again, 4½ of frost — only two days sun. — Weary & sad.

No. 383.

Tsarskoje Selo, Nov. 5-th 1916

My own Darling,

Such fond thanks for yr. dear letter. What a nuisance for Babykins having to lie, but of course its the best thing for him to do — only that he should have no pain! — Thats good you send *Georgi* off, the more you make them move about, the better it is — no good sticking long in one place without any work. — *Alexeiev* ought to go off for 2 months rest & you get somebody to help you — *Golovin* for instance, who all praise very highly — only none of the Commanders of the armies — leave them quietly in their places where they are alright. Too much work for *Pustov.* & you alone & then you can't move & perhaps a fresh head might be very good with new ideas. A man who is so terribly against our Friend as poor *Alexeiev* is — cannot have blessed work. — his nerves, one says, are run down, & its comprehensible — the continual strain for a man of papers & not much soul to help him, alas. —

The wlaying of the foundation stone Ania's Church was nice, our Fr. was there, & nice Bishop *Isidor* — Bishop Melchisedek & our *priest* etc. were there — shall see *Gregory* a moment to-day. — *Sturmer* is very sad & unhappy they worry you so & that because of him too. I cheered him up & got calmer & full of good intentions. He finds *Rodzianko's* Court dress ought to be taken fr. him for not having those bad men stopped when they said such strong things at the *Duma* & bad insinuations — he told Fred. to give him a reprimand, but the old man misunderstood & wrote to *Rodzianko* that in the future he must allow no such things to happen. Won't you say he should have his Courtrank taken fr. him, or for the next thing he bets pass through wh. touches you again — horrid man! — What did »Misha the fool« mean, that he & Georgi got decorations fr. Georgs »*for my invention, which overjoyed me?*« — Our Fr. is so angry, Olga married — as she did wrong towards you & that can bring her no luck. Ah, dear me — I too more than regret this act of hers tho' understand her

human craving for happiness at last. — Lovy, you will be c a r e f u l not to be cought by *Nikolasha* into any promises or anything — r e m e m b e r *Gregory* saved you from him & his evel people. D o n ' t let him go to the country, but s t r a i g h t back to the Caucasus where he must be — forgive me writing this, but I feel it must be so. — Be cool, only not too kind to him & *Orlov* & *Yanushkevitch* — remember for Russia's sake what they wanted to do — to clear you out its n o t gossip, *Orlov* had all the papers ready — & me to a Couvent — you won't touch the subjects — as they are over — only make them f e e l you have n o t forgotten & that they must f e a r you. They need to tremble before their Sovereign, — be more selfsure — God has placed you there, its n o t pride & you are an anointed one & they dare not forget this. One must feel your power, its t i m e for the saving of your Country & your Child's throne. Beloved, goodbye & God bless you. I cover you with unending tender kisses.

Ever your old

Sunny.

I am ramolie.

Just seen our Friend — »*convoy to him, with kindness, a greeting.*« — He was very gay after the dinner in the *vetry* — but not tipsy — no time to write — says all will be well.

Kisses and blessings without end. —

No. 384.

Tsarskoje Selo, Nov. 6-th 1916

Sweetheart dear,

Very tenderest thanks for yr. dear letter. Thank God the little leg is better. To-day the sun is kindly trying to shine again. Were in our lower church, then worked at the hospital, now go to a soldiers hospital & to the very worst I shall give medals from you. — Later comes *Mekk* & then *Protopopov,* shall tell him one must take severe measures against the propaganda you wrote about — I s h a l l make them work Lovy, & I shall tell Kalinin not to be so fidgety, & be firmer. —

Stupid head aches — no doubt Becker is coming.

I am glad N. M. did not speak as he wrote, — tho' it wld. have given you reason to wash his head & tell him to mind his o w n business once in a way. — I shall be anxious whilst Nikolasha is at the *Headquarters* hope all will go well & y o u will show y o u are the master.

Cannot help deeply regretting he will be with you remember to be cool to the bad set — hope *Nikolasha* will have the decency not to bring fat *Orlov.* Fancy *Poguliayev* wrote to me he is going to divorce — if she gives it him, he will marry a flame of his youth. She wrote quite miserable to Ania — wld. understand if he married a young person, but not one who is only two years younger than herself, & who would not have him before, he was not good enough — now he is Admiral, it suits her — I don't know

her name, neither mentioned it. — Why did he ever marry and older woman. — he needed a young one & children as he loves them. Now must end. Thoughts always with you & earnest prayers, kisses & blessings without end, Sweet one.

Ever yr. own old

Sunny.

No. 385.

Tsarskoje Selo, Nov. 7-th 1916

My own beloved Nicky dear,

From all my heart I thank you for yr. dearest letter. Of course its difficult writing, when you have such a lot to do. —

Again affairs:

I saw *Protopopov* a long time in the evening, short our Friend, & both find for the quiet of the *Duma* — *Sturmer* ought to say he is ill & go for a rest of 3 weeks. Its true (have just spluttered ink all over my sleeve) — he is really quite unwell & broken by those vile assaults — & being the red flag for that madhause, its better he should disappear a bitt & then in Dec. when they will have been cleared out return again. *Trepov* (who I cant help not liking) for the moment is the one who by law replaces him at the Council of ministers & will keep things going. Its only for a time. The *Duma* comes together again on Friday. If you wire to me you agree, I can do it for you; & kindly without hurting the old man — for his sake & the quiet, as I know it would be unpleasant for you writing & I want to spare my Sweetheart all I can. He can then ask you for leave for his health. — They will at once cool down & many know he is really not well.

So happy, Baby is better. — Would it suit you if we came the 13-th & what hour, 5, 4 or 4½? — Hope, shall find sleep there wh. I cant here. Receive awfully much & have still too these days. — All thoughts with you.

Blessings endless kisses fr. yr. own old

Wify.

No. 386.

Tsarskoje Selo, Nov. 8-th 1916

Lovy, my Angel sweet,

Such warm thanks for yr. precious letter.

Thank goodness *Nikolasha* brought decent people. — Thats quite right one sends *Alexeiev* away for a good rest to the Crimea, its absolutely necessary for him — calm, air & real rest! — I hope *Gurko* may be the right man — personally I am no judge as don't remember ever speaking to him — the brain he has — God give him the soul. Glad to see him now, I hope, when we come. — *Ressin* is in quarantine, Apraxin in the country, *Benkendorf* ill — whom am I to bring? — I take Ania & Nastinka, no *Botkin,* if necessary — *Vladimir*

Nikolaievitch, but thank God the little leg seems much better. — *Sturmer* has let me know he is going to the *Headquarters* & wants to see me before — so I shall gently tell him what I wrote to you (our Fr. begs me to) & if possible have it known b e f o r e Friday that he is going on leave for his health, as that day the *Duma* comes together & they are preparing a row for him that day — & his going on leave will quieten their boiling spirits.

I find *Grigorovitch* & *Shuvaiev* did not find the right note in their speech, but *Shuvaiev* did the worst thing — he shook hands with *Miliukov* who only just launched forth things against us. How I wish we had *Beliayev* (real gentleman) in his place. — *Gutchkov* has left his place, because he wants to get in with *Polivanov,* please don't agree to this paper wh. will come to you fr. the Cons. de l'Empire — *Polivanov* who aims at rebecoming Minister of War & promises freedom to the Jews, etc. he is dangerous & ought to have n o place in any committee & *Gutchkov* needs to be on a high tree. — *Andronnikov* will be also one of these days sent off to Siberia.

Now I must end. Last evening we spent at Ania's with *Yuzik, V. Erastov, Gromatin & Rita;* to-night go to the hospital. —

Blessings & kisses without end — intensely rejoicing for Sunday.

Ever yr. very, very

Own.

What a bore *N. P.* wont be at the *Headquarters* — shall we have that odious *Svetchin,* or nice *Kutaissov* at least.

Oh lovy mine h o w I live with you all the time — soul burns — head tired — weary — but spirits up & fight for you & Baby. —

No. 387.

Tsarskoje Selo, Nov. 9-th 1916

My own Lovebird,

Warmest thanks for sweet letter. — Our Friend says *Sturmer* can remain still some time *as President of Council of Minister,* as that one does not reproach him so much, but all the row began since he became Minister of Foreign Affairs, which *Gregory* realised in summer & told him then already that *this will be your end.* That is why He implores either he should go on leave for a month or a t o n c e to name another man in his place as Minister of Foreign Affairs for instance *Stcheglovitov,* as very clever (tho' hard) & a Russian name, or Giers (Constantinople), in that ministery, he is the red flag & at once all will be quieter if he is changed. But leave him *as President of Council of Minister* (if he goes on leave, *Trepov* by law replaces him) — All want that place, & they are not fit for it. *Grigorovitch* perfect where he is, — others & *Ignatiev* egg him on to take that place, for which he is unsuited. *Ignatiev* made him & *Shuvaiev* take the wrong note in their speach, wh. had been prepared alright by the ministers.

Now one calls Mme. *Sukhomlinov* before judgement on Friday & therefore I wired asking you to have *the Sukhomlinov case* at once stopped through Senator

Kuzmin. — Its vengeance because one let the poor old man out of prison. So horribly unfair! —

Just returned fr. *mass* at my lancers' hospital (I-st rifle regiments mass) — 2 years existence. Old Beckmann was there. 26 lancers, who had been ill or wounded & now return to the regiment. — So glad no conversations with *Nikolasha.* Baby's letter too amusing. — yr. letters came 3 hours late. — Weather, 3 of frost, grey. — What are you thinking about the St. George's feast, will you have it here, so as to lift up the *spirits* by yr. presence in this rotten part of the world. —

Now must end, Manny dear. *Gregory* hopes you will soon come here; yr. presence is much needed to keep them all in order. —

Sandro L. said *Nikolai Mikhailovitch* speaks awfully, all are furious what he says in the club, & he sees *Rodzianko* & company continually. Excuse only disagreable letters, but head weary from affair. —

Should I bring *Mordvinov* or *Kutaissov* for the journey, as have no gentleman? — 1000 tender kisses & blessings Ever yr. very, very, very

Own.

No. 388.

Tsarskoje Selo, Nov. 10-th 1916

My own sweet Angel,

The kitten is climbing all over my writing table, luckily through scarcely anything down — she climbs on the palme & whatever she can get hold of. — Been driving — it snowed & was wet. —

I received old *Sturmer* & he told me yr. decisions — God grant, all is for the good, tho' it gave me a painful shock you also take him away fr. the *Council of Ministers.*

I had a big lump in my throat — such a devoted, honest, sure man. Yr. kindness & trust touched him so much & the beautiful nomination. I regret, because he likes our Friend & was so right in that way — *Trepov,* I personally do not like & can never have the same fealing for him as to old *Goremikin* & *Sturmer* — they were of the good old sort. The other, I trust, will be firm (I fear at heart a hard man) — but far more difficult to talk to — those two loved me & came for every question that worried them, so as not to disturb you — this one I, alas, doubt caring for me & if he does not trust me or our Friend, thinks will be difficult. I told *Sturmer* to tell him how to behave about *Gregory* & to safeguard him always. Oh, may it be for the good & you have an honest man, in him to help you. You, Lovy, will tell him to come to me too sometimes — I know him so little & would like to «understand» him. —

Thanks, dear, for sending us *Voyeikov.* — Saw *Gregory* yesterday & then he wired to you, when I told him about the old Emperor's death — (Francis Joseph) he thinks it certainly for our good in every way (I too) & hopes the war may then sooner end, as there may be stories between Germany & Austria. Thanks for *Sukhomlinov,* — here is a letter fr. *S.* to you.

What joy to meet soon — lots to talk over. Please, make *Nikolai Mikhailovitch* go away — he is a dangerous element in town. — Must end. 10,000,000 kisses & blessings fr. yr.

Own.

No. 389.

Tsarskoje Selo, Nov. 10-th 1916

Beloved Sweetheart,

Its one in the night & yet I begin my letter to you, as to-morrow have people all day long. Even in the hospital I shall receive a French Dr. as wants to speak about wonderfull tables he & other French Doctors take to Rumania. An electric battery & Röntgen apparatus under the table, so that during the operation one can the whole time see where the ball is & that colossally facilitates of course the extraction of bullets or bits of shells. Then an English consul from Riga I believe will bring me there 10,000 p. Then at 2 we go to my train to a *Mass* officiated by the Metropolitan, as they have newly arranged the church. Then receive somebody in *Ania's* house. Then Frederiks to an early tea. Then *N. P.* to real tea. Hereafter (no more ink in that pen) *Meliuhin, Nikolosha's* aid. Then *Protopopov, Trepov* & our Friend for an hour in the evening to say goodbye. He is very sad, *Sturmer* did not understand he ought to have gone for a rest. Not knowing *Trepov* of course he is anxious for you. But he thinks you ought to have another minister of roads & communication, finds it not good a man has two things to do, as then can never so well fulfil each place — & besides at the present time he must travel about & personally see to all, — would not *Valuyev* have — utterly devoted, good man (so found our Friend since a good time already). — Lets choose the Minister of foreign affairs together. I saw Princess Julie Branicka to-day, still so handsome, tho' full of rinckles — we saw her last at *Kiev.* Her husband died before the war. She is a niece of the old lady at *Belaya Tserkov* & saw Motherdear there. — Spent a cosy evening at the hospital knitting & chattering. *Elena* lunched with us — enjoyed the Crimea. She says Peter of Montenegro is fighting with our troops in France. — My head goes round from all the people I have to see — & all must fit in & enough time for each. Am greatly intensely looking forward to Sunday 5 o'clock!!! Now at last (thanks to our Fr.) since 3 nights sleep nearly perfectly well, such a comfort, as the head is then fresher. — Goodnight & sleep well — I have written this in 12 minutes.

Nov. 11-th.

Such fond thanks for Your letter, deary. Old man was wrong in not telling me about your other intention — they have put me awfully out. Forgive me, deary, believe me — I entreat you dont go and change *Protopopov* now, he will be alright, give him the chance to get the *food supply matter* into his hands & I assure you, all will go. *Sturmer* finds him fidgety, because *Sturmer* dawdled & did not answer quick enough & keep them all enough in hand.

Bobrinsky all the same if you change him, I find, only not *Protopopov,* now it is not good. Of course I more than regret *Ignat.* sits there (very left) & that *Trepov* is at the head — but choose a new minister of Railrods & Communications — he can't do 2 things at a time, now when everything is so serious. — tho' of course he will say he can. — *Makarov* cld. be beautifully changed, he is not for us, but *Protopopov* is honestly for us. Oh, Lovy, you can trust me. I may not be clever enough — but I have a strong feeling & that helps more than the brain often. Dont change anybody until we meet, I entreat you, lets speak it over quietly together. Let *Trepov* come a day later or keep the papers & names back, Lovy dear — for Wify's sake. You dont know how hard it is now — so much to live through & such hatred of the «rotten upper sets». The *food supply* must be in *Protopopov's* hands. — Others are intriguing against him, he heard the news from the *Headquarters* some days ago. — Times are serious — don't break up all at once — *Sturmer* was a big act — now choose — *Trepov's* successor as minister & a younger one instead of *Bobrinsky* — but leave *Protopopov,* don't be angry with me, its for you I say all this I know it wld. not be good. Heart & soul are weary fr. suffering, but I must tell you the truth. Goodbye, my Angel. Once more, remember that for your reign, Baby & us you *need* the strenght prayers & advice of our Friend. Remember, how last year *all* were against you & for *Nikolasha* & our Friend gave you the help & strenght you took over all & saved Russia — we no longer went back. He told *Sturmer* that he ought not to have accepted being Minister of Foreign affairs, that it would be his ruin — German name & one wld. say — all my doing. — *Protopopov* venerates our Friend & will be blessed — *Sturmer* got frightened & for months did not see him — so wrong & he lost his footing. Ah, Lovy, I pray so hard to God to make you feel & realise, that He is our caring, were He not here, I dont know what might not have happened. He saves us by His prayers & wise counsils & is our rock of faith & help. — M-me Taneyev said aloud that *Ignatiev, Krivoshein and Sazonov (?)* & c. intend breaking *Protopopov's* neck & will do everything to succeed. Dont let them. He is *not* mad, the wife sees *Bekhterev* for his nerves only. For *me* dont make any changes till I have come, tell *Trepov* you wish to think it over a day or two & tell him you do not intend sending *Protopopov* & please, give him the *food supply question* as settled, — believe me, he will manage — in the country one feels it already (only vile *Petrograd* & *Moscou* speak against him). — *Quieten* me, promise, forgive, but its for you & Baby I fight. —

Kisses yr. Wify.

No. 390.

Tsarskoje Selo, Nov. 12-th 1916

My own beloved One,

I am writing to you in our hospital in one of the wards — was too dead tired last night to think of anything & had to put my things together & arrange yr. letters. My head goes round in a ring so excuse if I write

unclearly — so dark too & deary. You probably have a paper about *Viltchkovsky* being promoted general, please deary, do it, it will help him for all his *relations* with other generals & *commissioners*, who are a nuisance. — Lovy, my Angel — now about the chief thing — don't change *Protopopov*. I had a long talk with him yesterday — the man is as sane as only can, of course *Trepov* (as I was sure) said the same thing to me — its *utterly* false, — he is quiet & calm & utterly devoted which one can, alas, say of but few & he will succeed — already things are going better, & it would be folly at such a serious moment to change him. I will tell you details & intrigues when I come & you will see all clearly. Therefore I begged you to put of *Trepov* till we have met. Its the same story as last year — again against wify — they know he is completely devoted to me & comes to me as does *Shakhovskoy* (wants to change him too). Change nobody now, otherwise the *Duma* will think its their doing & that they have succeeded in clearing everybody out. And its bad to begin by sending all flying — others wont have the time to set to work in new places whilst the *Duma* sits. You know, I have no very good opinion of *Trepov* & I see by his wishing to clear out people devoted to me — the game. They will then be ministers as the last *Headquarters* chose, were all against me. They feel I am your wall & it aggravates them — ah, lovy, dont let them do this, its more serious than you think. It took you long then to realise that last year — & now its the bad party, who have got behind *Trepov* — *Voyeikov* also plays an ugly part with *Andronnikov* in this affair — he clings to this bad man. Its difficult writing & asking for oneself, I assure you, but its for yr. & Baby's sake, believe me. I don't care what bad one says of me, only when one tries to tear devoted, honest people, who care for me — away — its horribly unfair. I am but a woman fighting for her Master & Child, her two dearest ones on earth — & God will help me being your guardian angel, only dont pull the sticks away upon wh. I have found it possible to rest. *Trepov* will recommend him in *Shakhovskoy's* place — not if he says he is unnormal. Stick firm & send for *Protopopov* at once & have a good talk with him, if you like I'll be with you. Only when you tell *Trepov* you won't change *Protopopov* nor *Shakhovskoy*, *dòn't* for goodness mention my name — it must be your wise wish. If he says he cant work with them, then tell him you will keep him for the moment & then take another. Be the master — *Trepov* has a disagreeable character. I never care about people who use lots of words to explain their devotion, I like to see it in their acts — *Protopopov* proves it the whole time (another idiotic wounded stands & stares whole time & drives me wild — others make much noise in the corridor, wh. does not make it easier for writing).

I want you to read this before we meet — it will give you time in case *Trepov* comes before me. I am very hurt *Sturmer* did not warn me before. Lovy, its no joke, more serious, as its a hunt against wify. Categorically answer you have quietly thought it over & do not for the present intend changing any of your ministers. Leave old Bobrinsky even. Please, pay attention to all I write (now 3 more have come to make me wild). Its a lie when *Trepov* says *Protopopov* understands nothing about the ministery — he knows

well, in the country one feels his firm hand — provisions are coming & its going slowly but rightly for the good. 10 days his papers were not read through by the ministers, such a shame. What joy to rest to-morrow in your arms to kiss & bless you.

Wify.

Darling, remember that it does not lie in the man *Protopopov* or x.y.z., but its the question of monarchy & yr. prestige now, which must not be shattered in the time of the *Duma*. Dont think they will stop at him, but they will make all others leave who are devoted to you one by one — & then ourselves. Remember, last year Yr. leaving to the Army — when also you were alone with us two against everybody, who promised revolution if you went. You stood up against all & God blessed your decision. I repeat again — it does not lie in the name of *Protopopov* but in your remaining firm & not giving in — *The Czar rules and not the Duma.* — Forgive my again writing, but I am fighting for your reign & Baby's future. God will help, be firm don't listen to men, who are not from God but cowards. Yr. Wify, to whom you are ***ALL in ALL.***

True unto death.

No. 391.

Tsarskoje Selo, Dec. 4-th 1916

My very precious One,

Goodbye, sweet Lovy!

Its great pain to let you go — worse than ever after the hard times we have been living & fighting through. But God who is all love & mercy has let the things take a change for the better, — just a little more patience & deepest faith in the prayers & help of our Friend — then all will go well. I am fully convinced that great & beautiful times are coming for yr. reign & Russia. Only keep up your spirits, let no talks or letters pull you down — let them pass by as something unclean & quickly to be forgotten. Show to all, that you are the Master & your will shall be obeyed — the time of great indulgence & gentleness is over — now comes your reign of will & power, & they shall be made to bow down before you & listen your orders & to work how & with whom you wish — obedience they must be taught, they do not know the meaning of that word, you have spoilt them by yr. kindness & all forgivingness. Why do people hate me? Because they know I have a strong will & when am convinced of a thing being right (when besides blessed by *Gregory),* do not change my mind & that they can't bear. But its the bad ones. Remember Mr. Philipps words when he gave me the image with the bell. As you were so kind, trusting & gentle, I was to be yr. bell, those that came with wrong intentions wld. not be able to approach me & I wld. warn you. Those who are affraid of me, dont look me in the eyes or are up to some wrong, never like me. — Look at the black ones — then Orlov & Drenteln — Witte — *Kokovtzev* — *Trepov,* I feel it too — *Makarov* —

Kaufmann — *Sofia Ivanovna* — *Mary* — *Sandra* Obolensky etc., but those who are good & devoted to you honestly & purely — love me, — look at the simple people & military. The good & bad clergy its all so clear & therefore no more hurts me as when I was younger. Only when one allows oneself to write you or me nasty impertinent letters — you must punish. Ania told me about *Balaschov* (the man I always disliked). I understood why you came so awfully late to bed & why I had such pain & anxiety waiting. Please, Lovy, tell Frederiks to write him a s t r o n g *reprimand* (he & *Nicolai Mikhailovitch* & Vass make one in the club) — he has such a high court-rank & dares to write, unasked. And its not the first time — in bygone days I remember he did so too. Tear up the letter, but have him firmly reprimanded — tell *Voyeikov* to remind the old man — such a smack to a conceited member of the Council of the Empire will be very useful. We cannot now be trampled upon. Firmness above all! — Now you have made *Trepov's* son A. D. C. you can insist yet more on his working with *Protopopov*, he must prove his gratitude. — Remember to forbid *Gurko* speaking & mixing himself into politics — it ruined *Nikolasha* & Alexeiev, — the latter God sent this illness clearly to save you fr. a man who was lossing his way & doing harm by listening to bad letters & people, instead of listening to yr. orders about the war & being obstinate. And one has set him against me — proof — what he said to old *Ivanov*. —

But soon all this things will blow over, its getting clearer & the weather too, which is a good sign, remember.

And our dear Friend is praying so hard for you — a man of God's near one gives the strenght, faith & hope one needs so sorely. And others cannot understand this great calm of yours & therefore think you dont understand & try to ennervate, frighten & prick at you. But they will soon tire of it. Should Motherdear write, remember the Michels are behind her. — Don't heed & take to heart — thank God, she is not here, but kind people find means of writing & doing harm. — All is turning to the good — our Friends dreams means so much. Sweety, go to the *Moghilev* Virgin & find peace & strenght there — look in after tea, before you receive, take Baby with you, quietly — its so calm there — & you can place yr. candels. Let the people see you are a christian Sovereign & dont be shy — even such an example will help others. —

How will the lonely nights be? I cannot imagine it. The consolation to hold you tightly clasped in my arms — it lulled the pain of soul & heart & I tried to put all my endless love, prayers & faith & strenght into my caresses. So inexpressibly dear you are to me, husband of my heart. God bless you & my Baby treasure — I cover you with kisses; when sad, go to Baby's room & sit a bit quietly there with his nice people. Kiss the beloved child & you will feel warmed & calm. All my love I pour out to you, Sun of my life. —

Sleep well, heart & soul with you, my prayers around you — God & the holy Virgin will never forsake you —.

Ever your very, very

Own.

No. 392.

Tsarskoje Selo, Dec. 5-th 1916

My own Sweetheart,

From the depths of my loving heart I send you warmest, heartiest good-wishes & many tender blessings for yr. dear Namesday. May yr. patronsaint quite particularly be near you & keep you in safe guard. Everything that a devoted, unutterably loving heart can only wish you — Sunny wishes you. Strength, firmness, unwaving decision, calm, peace, success, brightest sunshine — rest & happiness at last after yr. hard, hard fighting. In thoughts I clasp you tightly to my heart, let your sweet, weary head rest upon my breast. With the candles my prayers rise in burning fervour & brightness for you — to-night shall go to Church, & to-morrow our fogies, court ones, will be there to congratulate after mass. — How can I thank you enough for the unexpected, intense joy of yr. precious letter — it was a ray of warming sunshine in my lonely heart. After you both left, I went to *Znamenia*. Later received *Ilyin, Vsevol.* of my *supply trains* — *Bagration-M.* of the »*Savage Division*« — will try & see you at the *Headquarters* — awfully interesting all he tells about the tribes under him — & the *Abreki*, who behave very well. —

After dinner went to the hospital — to forget oneself. — I thank God I could help you a little — you too, Sweet one, become firm & unwavering, show the masterhand & mind. Do not bend down to a man like *Trepov* (whom you cannot either trust or respect). You have said yr. say & had yr. fight about Protopopov & it shall not be in vain we suffered — stick to him, be firm, don't give in — as then never more any peace, they will begin worrying you in the future yet worse when you don't agree, as they see that by persistent obstinacy they force you to give in — as hard as they, I mean *Trepov* & *Rodzianko* (with the evil) on one side — I shall stand against them, (with God's holy man) don't you stick to them, but to us, who live only for you Baby & Russia. To follow our Friend's councils, lovy — I assure is right — He prays so hard day & night for you — & He has kept you where you are — only be as convinced as I am & as I proved it to Ella & shall for ever — then all will go well. In les »Amis de Dieux« one of the old men of God said, that a country, where a man of God helps the Sovereign, will never be lost & its true — only one must listen trust & ask advice — not think He does not know. God opens everything to Him, that is why people, who do not grasp His soul, so immensely admire His wonderful brain — ready to understand anything; & when He blesses an undertaking — it succeeds & if He advises people — one can be quiet that they are good — if they later on change that is already not His fault — but He will be less mistaken in people than we are — *experience in life* blessed by God. He entreats for *Makarov* to be quicker changed — & I fully agree. I told *Sturmer* that it was wrong he recomended him, that I told him that he is far from a devoted man, & now the chief thing is to find really devoted men — in deed & not only in words, & to them we must cling. Don't let *Trepov* deceive you about people. *Protopopov* & *Shakhovskoy* are only for us, I mean are above all things devoted & love honestly & openly. And *Dobrovolsky* too. — Should *Nikolai Mikhailovitch* turn (wh. God forbid), be

hard & give it him for his letter & goings on in town. — I send you *Grigorovitch's* paper one sent me. —

Went at 11 to *Znamenia* (which I more than ever love) & to the hospital — sat much — Now receive 4 officers, then we all sledge. Paul comes to tea then *Poguliayev* then Church & in the evening see our Friend, who will give strength. My *spirit* is firm & live for you, you & you — my heart & soul. — I wonder, whether you will have a review of the St. George's regiment, wld. be so nice — if not the 6-th, then another day, — Ducky leaves to-night to see Missy & perhaps bring all the Children back, according to circumstances. —

Now I must end. Sleep well & peacefully, beloved Angel. The Holy Virgin guards you & *Gr.* prays for you & we do all so hard.

I cover you with tenderest, passionately loving kisses & caresses & long to be of use & help in carrying yr. heavy Cross. God bless & protect you, my Nicky. Ever yr. very own

Wify.

I hope you will like the book. The cushions are for yr. sopha, wh. is so empty. The ashtrays for the dinnertable or train. —

Always near you sharing all — the good is coming, the turn has begun.

No. 393.

Tsarskoje Selo, Dec. 6-th 1916

My own sweet Angel,

Many happy returns of the day — tenderest blessings & fondest good-wishes & deepest love. So sad not to be together for your Namesday — the first time in 22 years. But it was for the good you had to leave, so of course I don't dream of grumbling. — Nice snow covers all & 5^0 of frost. We sledged yesterday, but it humped still rather. B. came, hang him. —

Paul took tea & was nice. I wired to you about Papa *Taneyev* being 20 years at the head of yr. chancelry — she found it out by chance as they give him a big luncheon there. — Yesterday we spent the evening cosily, calmly in the little house. Dear big *Lili* came too later & *Munia Golovina.*

He was in good, cheery spirits — one sees how lives & thinks for you the whole time & that all shld. be well. Is anxious, *Trepov* come there, fears he will upset you again, bring false things, news I mean & try to come with his candidats. — Take one instead of him for the railways — pitty you don't approve of *Valuyev* for that place — as such a honest & true man. Then get quicker rid of *Makarov,* don't dawdle (forgive me) & I wish you wld. take *Dobrovolsky* — the story *Trepov* told you seems untrue (there is another of the same name also Senator) — I send you a paper she copied about a story *Trepov* & good *Dobrovolsky* had — he thinks it may be a story of revenge. — But *Kalinin* — keep — keep him, my Love. I know I bore you, forgive me, but I would

never do so, if I did not fear yr. wavering again. Stick to yr. decision — d o n o t give in, how can one hesitate between this simple, honest man who loves us so deeply — & *Trepov* whom we cannot trust, nor respect or love, on the contrary. — Tell him that question exists no more & you f o r b i d his touching it again & playing with *Rodzianko*, who wants *Protopopov* also to leave. He serves y o u & not *Rodzianko* & once you have said you keep *Protopopov* you d o n o t intend changing & he i s to work with him. How dare he go against you — thunder on the table; don't give in (as you said, you wld. at the end) — be the m a s t e r; listen to your staunch Wify & our Friend, believe us. Look at *Kalinin* & *Trepov's* face — clearly one sees the difference — black & white, let your s o u l read rightly. —

Its snowing away, but still we want to sledge & get a little air. The couple Benkendorf, Zizi, Isa, Nastinka, *Trina, Ania, Ressin* and *Apraxin* lunched with us & we drank to yr. dear heath. Paul was also in Church. The soldiers stood outside afterwards & congratulated.

No. 394.

Tsarskoje Selo, Dec. 6-th 1916

All my thoughts are with you — I fear a very dull day with heaps of people, but I hope you still can get a walk & Baby his game in the woods.

Congratulate you with all the regimental feasts. The eldest Colonel for the 4 rifles brought us bouquets. He says he has just received the 4-th rifle reg. & leaves soon. — Agoo wee one, big and small, he loves you b e y o n d words. In the evening we shall go to the hospital. — Our Friend is so contented with our girlies, says they have gone through heavy »*courses*« for their age & their souls have much developed — they are really great dears & so nice now with Ania. They have shared all our emotions & it has taught them to see people with open eyes, so that it will be a great help to them later in life. Tiny feels so much in its little wide awake soul too — & I cannot ever thank God enough for the m a r v e l o u s blessing He has sent me in you & them — we are o n e, which is, alas, so, so rare now a days — closely knit together. —

I received 2 lovely teleg. fr. *Archangelsk* from the *Monastery Patmi* & I answered with our Friend, & He begs you absolutely to allow the telegr. to be printed. Tell Fred. to give them the permission — & also their first & mine in the »*Novoye Vremya*« — it will open people's eyes & be a counteract against the Pss. *Vassiltchikov* letter (wh. M-me Zizi is quite disgusted & shocked with) — & a smack to old nasty *Balashov*. — The good is coming, & let »society & *Duma*« see that Russia loves yr. old Wify & stands up for her against them all. — Zizi admired their touching wire very much; I o n p u r p o s e answered personally.

The snow is such a blessing too, St. Nicolas blesses my Sweetheart. —

Goodbye, my, Sunshine, my adored husband, I love you, love you, yearn over you, kiss & gently caress you, press you to my burning heart.

Ever yr. very Own unto death and beyond.

No. 395.

Tsarskoje Selo, Dec. 7-th 1916

My own Beloved,

You cannot imagine Olga's joy when she received yr. telegram — she got quite pink & could not read it aloud. She will write to you herself to-day. Thanks tenderly Darling, for having given her this beautiful surprise — she felt & her sisters as tho' it were her birthday.

At once she sent off a wire to the »*Plastuni*«.

Did you get news fr. Kirill? Till now no answer to my telegram I sent the 5-th evening.

It seems Irina is ill again & so Xenia had to put off going now to *Kiev,* so disappointig to poor Motherdear. My Siberians congratulate you & *Katia* Ozerov.

5 of frost & looks as tho' it wld. snow more, very grey. — Alas, we heard Baby's voice very badly by telephone. Mr. Gillard's is lower & so carries further. Hope you were not too tired & bored yesterday. — Have you begun iodine again, it wld. be good, think. — I go now always at 11 to *Znamenia* & hospital, as not many wounded & then I can finish my papers before. — Lovy, did you have a *reprimand* written to *Balashov?* Please, do its the very least you can do. — I cover you with kisses for yr. sweet letter I received, I never thought you would find time for a letter. — I saw *Kolenkin* in the hospital, had not been on leave for 9 months. They are off & on in their trenches. —

Cannot write any more to-day, Lovy my Angel. Only one thing, do put off seeing *Trepov,* am so affraid he will worry & make you decide things wh. in a quiet moment you wld. not agree to. Be firm about *Kalinin,* for our sake. —

Have you said about that nice telegr. to be printed, its a rarely touching one & will do good as *Taneyev* & others also say. —

Blessings & endless kisses fr. yr. very, very own

Sunny.

No. 396.

Tsarskoje Selo, Dec. 8-th 1916

My own beloved Sunshine,

Fancy, yr. having such cold weather — here are 5⁰ of frost wh. fall to 3 in the day time. We think of going to Novgorod then, as I told you. Get into the train Saturday for the night, leaving very early — reaching then Sunday morning, spending a few hours, looking at Churches & I believe a few hospitals & home again, spending the night in the train & going fr. our wagon Monday morning to the hospital, then we miss no work. — I shall send for *Ressin* & tell him all — don't remember who the governor is — shall not keep it a secret this time, so as to see more people. But always so shy without you,

my Lovy dear. — My nice old Princess Golitzin (committee for our prisoners) found the telegr. fr. *Astrakhan* lovely & begged they should be printed everywhere. Another Prince Golitzin (from *Kharkov)* spoke in the *Council of the Empire* & not at all well, & one congratulate this one for the speech, he was furious — also found that one ought to take off court dresses of such people. Pity you don't put *Stcheglovitov* now, he wld. tell you such things at once (if cld. not stop speeches even) & you cld. deprive them of their court rank — one cannot be severe enough now, therefore *Balashov* needs a strong rebuke — don't be kind & weak — forgive me Lovy. — Such very fond thanks for yr. sweet letter, Lovebird, such joy to hear fr. you. — We also several times thought it might be the bridegroom the »mysterious hand« — can imagine how excited all were.

But to have you back, what joy it will be, my own Sweetheart — only have the *Duma* cleverly shut — be firm as iron with Trepov & stick to *Kalinin* the truest friend. — Got dear letters fr. Victoria & Georgi, who thanks awfully for the present. —

Now goodbye, my Angel, sweetest of loves, treasure dear. I bless & kiss you over & over again, yr. own, very own

Wify.

Be firm — be the master. —

No. 397.

Tsarskoje Selo, Dec. 9-th 1916

My own Angel,

Ever such warm, burning thanks for your dear letter. I am glad you like that nice English book — its so refreshing amongst the sorrow & worries of this world. We see our Friend this evening, am very glad. Poor Ania's leg ached awfully yesterday, sort of Drachenschuss & ischias — screamed from pain — now has *B.* so lies to day in bed, dont know whether she can go to morrow. We take Nastinka *Ressin* & *Apraxin.* The girls rejoice, as they love sleeping in the train — but it will be sad alone. — Sleep so little when you are not there. — Am receiving *Rittich,* saw *Dobrovolsky* & spoke much about Misha's *Community station* & the senate. —

Poor General Williams, am awfully sorry for the poor man. — Please, bow to the Belgian fr. me. — How are things going in Roumania? & *generally* at the war ? Lovy my Angel, goodbye & God bless & keep you, cover you with very tenderest kisses. Y. own Wify.

Got a letter fr. Irène. Mossy lost two sons, & now the eldest couple of twins are out at the war. —

Ania saw *Kalinin* yesterday, who said that *Trepov* has combined with *Rodzianko* to let go the *Duma* from Dec. 17 — Jan. 8. so as that the deputies should have no time to leave *Petrograd* for the holidays & to keep them here in hand. Our Friend & *Kalinin* entreat you to close the *Duma* not later

than the 14-th Feb., 1-st or 15-th even, otherwise there will be no peace for you & no works got through. In the *Duma* they only fear this, a longer *intermission* & *Trepov* intends to catch you, saying that it will be worse if the people return home & spreas their news — but our Friend says, nobody believes these delegates when *they are alone* in their homestead, only have strenght when together. Lovy mine, be firm & trust our Friends advice — its only for your good & all who love you think aright. Dont harken, neither to *Gurko* nor *Grigorovitch*, if they ask for a short *intermission* they don't understand what they do. I wld. not write all this, were I not so affraid for you & yr. gentle kindness always read to give in, when not backed up by poor old wify, Ania & our Friend — therefore the untrue & bad hate our influence (which is but for the good). — *Trepov* was at *Kalinin's* cousins *(Lamsdorf)*, not knowing they were his relations, & said he was going on the 11-th to you & wld. insist before you (brute he is!) that *Protopopov* should leave. Lovy, look at their faces — *Trepov* & *Protopopov* — can't one clearly see the latter's is cleaner, honester & more true. — You know you are right, keep up yr. head, order *Trepov* to work with him — he dare not be against your order — bang on the table.

Lovy, do you want me to come for a day to give you courage & firmness? Be the Master. One is against *Kalinin* for stopping assemblies of »Unions« he did quite rightly. Our Friend says *»that the confusion which was due in Russia during or after the war has arrived and if he* (you) *had not taken the place of Nikolai Nikolaievitch, he would now be thrown off the throne«*. Be of good cheer, the screamers will quieten down — only send off the *Duma* quicker & for longer — trust me — you know *Trepov* flirts with *Rodzianko* — all know it, & to you he slyly fibs its out of politics. — Go to the lovely Image & get strenght & power there — remember always our Friends dream, it meens so, oh so much for you & us all. —

No. 398.

Tsarskoje Selo, Dec. 10th 1916

My own beloved One,

Always have to write in a flying hurry, heaps of *Rostovtzev's* papers I had to finish, then Ania's leg being bad went to her 3 times a day, & received, so that scarcely a free moment. But she hopes to go with us this evening. This morning first time 7 degrees, its brighter because of the snow, but we have no sun. —

I enclose a coin sent for you & an Image on silk; — & then some papers to read through from *Kalinin*, in case *Voyeikov* did not give you the duplicates. On *Manuilov's* paper I beg you to write *»discontinue the case«* & send it to Minister of Justice. *Batiushin* who had to do with the whole thing, now himself came to Ania to beg one shld. stop it, as he at last understood it was an ugly story, got up by others to harm our Friend, *Pitirim* etc. all that fat *Khvostov's* fault. General Alexeiev knew about it through *Batiushin* again later. Otherwise

in a few days one begins the instruction & there can be very disagreeable talks all over again, & bring up that horrible scandle fr. last year. Before others *Khvostov* said the other day that he regrets that »*Tchik*« did not succeed to finish off our Friend. And his courtdress was left him alas, alas!

Well, please at once without delay send *Manuilov's* paper to *Makarov* otherwise too late. — Lovy, wont you quicker change *Makarov* & take *Dobrovolsky* — *Makarov* really is an enemy (of me absolutely, therefore of you too), & don't listen to *Trepov's* protests. He, of course, will speak against *Dobrovolsky* as has his own candidates — but is a devoted man which is much nowadays. — And why won't you have honest *Valuyev*, whom we know so well, honest & devoted as Minister of railways & *Communications?*

I enclose a letter from *Sukhomlinov* to our Friend, please read it through, as there he explains all clearly about his affair, wh. you must send for & not all to go to the *Council of the Empire* as then there will be no saving of poor *Sukhomlinov*. — He writes so clearly everything — do read it through & act according — why shld. he suffer & not *Kokovtzev* (who wld. not give the money) nor Sergei who on account of her has just as much fault. —

Just received your letter.

From all my heart I thank you for it very tenderly. Now *Trepov* is with you, & I feel so anxious. I just saw *Kalinin* — is so glad you got all the papers through *Voyeikov*, so I won't send them again to bother you. He is most anxious you shld. sooner send away the *Duma* & for longer — in 10 years they have never had a *recess* like this, so short & then one has no time to do things. The *Council of the Empire* is mad agreeing with the *Duma* about freedom of *censorship*. My head goes round & I seem to write bosh. — Only be firm, firm. — Thank God one stopped the meetings at Moscou, six times (*Kalinin* was till 4 in the morning at the telephone), but *Lvov* succeeded in reading a paper before the police got them in one place. You see — *Kalinin* works well & firmly & does not flirt with the *Duma* but only thinks of us. —

This letter must go now. *Zhevakhov* comes directly. — Shall give over your message to *Islavin* to-morrow — will be a nice change there; — only shall miss you awfully. You will in consequence get this letter on Monday.

God bless & protect you. Cover you with kisses & tender caress. Ever yr. very very own old

Wify.

No. 399.

Tsarskoje Selo, Dec. 12th 1916

Beloved Sweetheart,

For a precious letter & card my tenderest thanks. I am too happy you went to the dear Image — such peace there — one feels away fr. all worries that minute whilst pouring out one's heart & soul in prayer to her, to whom so

many come with their sorrows. — Well Lovy, *Novgorod* was a success — tho' awfully tiring, the soul was uplifted & gave us all strength — I with my heart & Ania with her aching legs — we got about. — Of course to-day everything aches; but it was worth it.

I have *Anastasia & Olga* to write to you & *Anastasia* to Baby, as each describes differently; & I am a bad one at it. The Governor was perfect, kept us »going« so that we were everywhere in good time & then let the crowd come near too. What a delightful old town, only got too soon dark — lets go together in spring when there are inundations, then they say its yet better & one can go in motor boats to the monasteries. Passing the big monument of the 1000 years of Russia, reminded me of the big picture in the big palace here. — How beautiful the *Sofia Cathedral* is, only standing in front one could not see so well. The service lasted 2 hours (instead of 4) — they sang exceedingly well & I was happy to begin all with mass & pray for my sweethearts. *Yoantchik* & *Andriusha* went everywhere with us. — We *knelt* to all the saints. A pitty when one has to do all in a hurry & cannot give oneself enough to prayer before each — nor look at all the details. I give Baby the Image before which we stood (& sat). Bishop Arseni held an alocution, when we arrived — very touching, young bishop Alexei found himself very handsome *(a Scholar of the Lyceum)* they followed us everywhere, all day long. — Then after mass 10—12 we went to the hospital next door, *diocese* through the bishop's rooms, & to the museum of old church treasures, arranged since 3 years. Lovely old Images wh. had been lying in churches monasteries, hidden away, covered in dust. They have begun to clean them up & lovely fresh colours appear — most interesting & I should have liked to look at all another time in detail, you wld. love it too. — Back to the train the soldiers had already dispearsed (luckily). — I lunched on my bed & A. in her compartment. The children had *Yoantchik* & *Andriusha* & *Islavin.* We were received by his wife & daughter with flowers — bread & salt from the town. — At 2 we went off again to the *Zemstvo Hospital* small. Everywhere distribued Images. —

Then to the »*Dessiatinni*« monastery — relicks of St. Barbara are kept there. Sat a moment at the Abesses room & then I asked to be taken to the *old woman Maria Mikhailovna (Zhevakov* told me about her) & we went to her on foot through the wet snow. She lay in bed in a small dark room, so they brought a candle for us to see each other. She is 107, weares *irons* (now they lay near her) — generally always works, goes about, sews for the convicts & soldiers without spectacles — never washes. And of course no smell, or feeling of dirt, scraggy grey hair standing out, a sweet fine, oval face with lovely young, shining eyes & sweet smile. She blessed us & kissed us. To you she sends the apple (please eat it) — said the war wld. soon be over — »*tell him that we are satisfied.*« To me she said, »*and you the beautiful one — don't fear the heavy cross*« (several times) — »*for your coming to visit us, two churches will be built in Russia*« (said it twice) »*don't forget us, come again.*« — Baby she sent the *wafer* (too little time & fidgety around, else would have loved to speak to her), gave us all Images. Said not to worry about the children, will marry & could not hear the rest. —

Forget, what she said to the girls — I made *Yoantchik* & *Andriusha* also go up to her, & sent Ania in; — she will no doubt write about it. I thank God for having let us see her. — It was she who some years ago told people to have that big image of the Virgin of *old Russia* to be copied & sent to you — one would not, said too big — then the war began & she insisted & they did so & she said we would all be at the church procession & so it was when they brought her last year in July 5 (?) before the *Feodor Assembly* — you remember? And you had the immense Image kept at the 4 *Rifle Regiment* — I have a little book about her life an old servant of the *Marinsky Palace* gave me yesterday (her *spiritual son)*. — She made me a far more peaceful impression than old *Pasha of Diveyer*. From there to the *Yuriev Monastery* (5 *versts* from town), yr. old *Nikodim* is there, adores & prays for you & sends you love. —

I think Olga writes all these details to you. — Such love & warmth everywhere, feeling of God & your people, unity & purity of feelings — did me no end of good & we are already combining ideas for *Tikhvin Monastery* with very venerated Virgin (Image) — 4 hours from here — & *Viatka* & *Vologda, Archangelsky* is going to find out. — Just combine hospitals with holy places, that gives strength. — All is so old & historical at Novgorod, one feels removed back to olden times. The *old woman* meets every one with *»be joyous uncrowned bride.«* —

We went to a little *home* for boys of *Tatiana's* committee — they brought little girls there from another one too. — Then we went to *Noblemen's Club* where the *Ladies' Committee* gave me 5000 *rubles* & saw their hospital — splendid big hall for the men, officers next door. Took tea, quite nice, the Governor's wife & Archibishop sat next to me — few ladies, all hideous — his daughter works there as sister. — Then to the *Znamenskaya church* — I send you an Image I bought of her, as so lovely & do hang her over your bed, her face is so sweet; & the *Bride of Christ's* (whom they hid fr. us), saw her that same day then, that she wld. help you. Then they brought a miraculous image of St. Nicolas for us to kiss — how lovely the church is! & *vault's* (such steep stairs) — no time to look at the *»Day of Jugdment«* on wh. Peter the Great & *Menstchikov's* portraits were painted by Peter's order. — Our motor stuck & the crowd pushed us off. From there to a wee *chapel* in a garden where on the *stove* of a holy bread bakery appeared (ages ago) the Virgin — it is intact & only covered in glass & with gems surrounded. Such awfully strong »perfume«, the girls & I noticed it. Carried you both everywhere in soul & heart sharing together everything!! —

(Write a little note to Ania as thanks, it will do her good as she shares so warmly everything — govern. so nice to her & *Nikodim)*. — From there still to *Zemstvo* hospital, where wounded from surrounding places had been brought — & *City Hospital*. At the station received an Image & apples from the *Merchants*. The lancer's march was played by the *band* of *Reserve Regiment* of there. — Left before 6 — back here 10.20, slept night in train, morning off to hospital — now resting — evening our Friend.

— So lovely & restful, warming to the soul. Blessings & kisses without end fr. yr.

Sunny.

How odious about Roumania. —

No. 400.

Tsarskoje Selo, Dec. 13-th 1916

My own dearest Angel,

Tenderest thanks for Your dear card. Am so anxious (as you have no time to write) to know about your conversation with that horrible *Trepov.* I read in the paper that he told *Rodzianko* now, that the *Duma* will bee shut about on the 17-th till first half of Jan. Has he any right to say this, before the official anouncement through the *Senate* is made? I find absolutely not & ought to be told so, & *Rodzianko* get a reprimand for allowing it to be put in the papers. And I did so hard beg for sooner & longer. Thank God, you at last fixed no date in Jan. & can call them together in Feb. or not at all. They do not work & *Trepov* flirts with *Rodzianko* all know that, 2 a day they meet — that is not *decent* — why does he make up & try to work with him (who is false) & not with *Protopopov* (who is true) — that pictures the man. Old *Bobrinsky* loathes the *Trepov's* & knows their faults — & he is so utterly devoted to you & therefore *Trepov* kicked him out. My Angel, we dined yesterday at Ania's with our Friend. It was so nice, we told all about our journey & He said we ought to have gone straight to you as we would have brought you intense joy & *blessing* & I fear disturbing you! He entreats you to be firm, to be the Master & not always to give in to *Trepov* — you know much better than that man (still let him lead you) — & why not our Friend who leads through God. Remember why I am disliked — shows it right to be firm & feared & you be the same, you a man, — only believe more in our Friend (instead of *Trepov).* He lives for you & Russia. And we must give a strong country to Baby, & dare not be weak for his sake, else he will have a yet harder reign, setting our faults to right & drawing the reins in tightly which you let loose. You have to suffer for faults in the reigns of your predecessors & God knows what hardships are yours. Let our legacy be a lighter one for Alexei. He has a strong will & mind of his own, don't let things slip through yr. fingers & make him have to build up all again. Be firm, I, your wall, am behind you & won't give way — I know He leads us right — & you listen gently to a false man as *Trepov.* Only out of love which you bear for me & Baby — take no big steps without warning me & speaking over all quietly. Would I write thus, did I not know you so very easily waver & change your mind, & what it costs to keep you stick to Your opinion. I know I may hurt you how I write & that is my pain & sorrow — but you, Baby & Russia are far too dear to me. What about *Sukhomlinov* & *Manuilov.* I prepared all for you. And *Dobrovolsky* — a sure man —

& quicker get rid of *Makarov,* who, do at last believe me, is a bad man. God give me the power to convince you — its harder keeping you firm than the hate of others wh. leaves me cold. I loathe *Trepov's* obstinacy. There were lots of paris in the *Duma* that *Pitirim* wld. be sent away — now he got the cross, they have become crushed & small (you see, when you show yourself the Master) & more, & more one finds it right *Princess W.* was sent away. — You never answered me about *Balashov,* fear, you did nothing & Frederiks is old, & no good unless I speak firmly to him. — Such a mistake not to have closen the *Duma* 14 & then *Kalinin* could get back to his work & you wld. see & talk to him. — Only not *a responsible cabinet* which all are mad about. Its a l l getting calmer & better, only one wants to feel Your hand — how long, years, people have told me the same — »Russia loves to feel whip« — its their nature — tender love & then the iron hand to punish & guide. — How I wish I could pour my will into your veins. The Virgin is above you, for you, with you, remember the miracle — our Friend's vision.

Soon our troops will have more force in Roumania. — Warm & thick snow. — F o r g i v e this letter, but I could not sleep this night, worrying over you — don't hide things from me — I am strong — but l i s t e n t o m e, wh. means our Friend & trust us t h r o u g h all — & beware of *Trepov* — you c a n't love or venerate him. I suffer over you as over a tender, softhearted child — wh. needs giding, but listens to bad advisers whilst a man of God's tells him what to do. Sweetest Angel, come home soon — ah no, you have the Gen., why not before, — I cant grasp; why the same day as the *Duma* — strange combination again. — And *Voyeikov,* has that also fallen through? —

Oh, dear, I must get up. Been writing Xmas-cards all the morning. Heart & soul b u r n i n g with you — Love boundless, therefore seems harsh all I write — pardon, believe & understand. I love you too too deeply & cry over your faults & rejoice over every right step.

God bless & protect, guard & guide you. Kisses without end,

Y. truest

Wify.

Please, read this paper & Anias too.
If a lie — have *Rodzianko's* uniform taken off.

No. 401.

Tsarskoje Selo, Dec. 14-th 1916

My beloved Sweetheart,

7 of frost & thick snow. Scarcely slept this night again, remaining till luncheon in bed as all aches still & have a slight chill. Such loving thanks for yr. dear letter. *Trepov* was very wrong in putting off the *Duma* now & wishing to call it beginning of January again, the result being (which he, *Rodzianko* & all counted upon), that nobody goes home & all will remain,

fomenting, boiling in *Petrograd.* He came to you meekly, as then was sure to succeed with you, had he screamed as usual, you wld. have got angry & not agreed. Lovy, our Friend begged you to shut it 14-th — Ania and I wrote it to you — & you see, they have time to make *trouble* now about forbidding the »Unions« to unite — you got *Kalinin's* paper through *Voyeikov* yesterday. He also wrote to *Trepov* begging it shld. be behind closed doors, *Trepov* never deigned to answer him — so he wrote to *Rodzianko,* who did as *Kalinin* wished, only of course said by *Kalinin's* wish — coward *Trepov* wld. not take it upon himself — what ever you like, *Trepov* behaves now, as a traitor & is false as a cat — do not trust him, he concocts everything with *Rodzianko* together, its only too well known. —

That paper I sent you yesterday, *Rodzianko* himself wrote — he has no right to print & distribute yr. conversation & I doubt it being literal as he always lies — if not exact then be the Emp. & at once have his court-dress taken fr. him, don't ask Frederiks' or *Trepov's* advice, both are frightened, tho' old man wld. formerly have understood the necessity, now he is old. Already one spread in town *(Duma)* that the nobility in Novg. did not receive me, & when they read that we even drank tea together they became crushed. About *Kaufmann* one is very pleased — you see, yr. firmness is appreciated by the good — so easy to continue when once begun — forgive me tormenting you with these letters — but only read the 2 telegr. I wired to you, you will again see what the right say — & they turn to me to beg you. If you hear fr. *Kalinin* again & he begs to close the *Duma* — do it, don't stick to the 17-th — time is money, the moment golden, & if dawdled over difficult, impossible to catch up & mend again. — I do hope its not true *Nikolasha* comes for the 17-th — formerly it went perfectly without *Vorontzov* — that has nothing to do with the Caucasus, our front here. Keep him away, evil genius. And he will mix into affairs & speak about Wassiltchikov. Be Peter the Great, John the Terrible, Emperor Paul — crush them all under you — now don't you laugh, noughty one — but I long to see you so with all those men who try to govern you — & it must be the contrary. Countess Benkendorf was so outraged by Princess W.'s letter, that she made a round of visits to the older ladies in town, Princess Lolo, Countess *Vorontzov* etc. telling them her opinion & that she finds it a disgrace to what the society has come down to, forgetting all principles & begging them to begin by strongly speaking to their daughters who behave and talk outrageously. It seems to have had its effect, as people speak now of her, so they realise the letter was really an unheard of one, & not such a charming one as some try to pretend. Katoussia W. also wrote to me, but after reading I tore it. And here the contrast, telegr. fr. »*Union of the Russian People*« asking me to give over things to you. — One is rotten, weak, immoral society — the other, healthy, rightthinking, devoted subjects — & to these one must listen, their voice is Russia's & not society or the *Duma's.* One sees the right so clearly & they know the *Duma* ought to be closed & to them *Trepov* won't listen. If one does not listen to these, they will take things into their own hands to save you and more harm un-

willingly may be done — than a simple word from you to c l o s e the *Duma,* — but till February, if earlier — they, will all stick here. I cld. hang *Trepov* for his bad counsels — and now after the papers *Kalinin* sent *Voyeikov* with those vile, u t t e r l y revolutionary *representations* of Moscou *Nobility* & *»Unions«,* wh. have been discussed at the *Duma,* how can one keep them even one day on still —. I hate false *Trepov* who does all to harm you, backed up by *Makarov.* Had I but got you here again — all was at once calmer & had you returned as *Gregory* in 5 days, you wld. have put order, wld. have rested yr. weary head upon wify's breast & Sunny wld. have given you strength & you wld. have listened to me & not to *Trepov.* God will help, I know, but you must be firm. Disperse the *Duma* at once, when you told *Trepov* 17-th you did not know what they were up to. — I should have quietly & with a c l e a r conscience before the w h o l e of Russia have sent *Lvov* to Siberia (one did so for far less grave acts), taken *Samarin's rank* away (he signed that paper fr. Moscou), *Miliukov, Gutchkov* & *Polivanov* also to Siberia. It is w a r and at such a time i n t e r i o r war is h i g h t r e a s o n, why don't you look at it like that, I really cannot understand. I am but a woman, but my soul & brain tell me it wld. be the saving of Russia — they sin far worse than anything the *Sukhomlinov's* ever did. — Forbid *Brussilov* etc. when they come to touch any political subjects, fool, who wants *responsible cabinet,* as *Georgi* writes.

Remember even Mr. Philippe said one dare not give constitution, as it would be yr. & Russia's ruin, & all true Russians say the same. Months ago I told *Sturmer* about *Shvedov* to be a member of *Council of the Empire* to have them & good *Maklakov* in they will stand bravely for us. I know I worry you — ah, wld. I not far, far rather only write letters of love, tenderness & caresses of wh. my heart is so full — but my duty as wife & mother & Russia's mother obliges me to say all to you — blessed by our Friend. Sweetheart, Sunshine of my life, if in battle you had to meet the enemy, you wld. never waver & go forth like a lion — be it now in the battle against the small *handful* of brutes & republicans — be the Master, & all will bow down to you. — Do you think I shld. fear, ah no — to-day I have had an officer cleared out fr. Maria's & Anastasia's hospital, because he allowed himself to mock at our journey, pretending *Protopopov* bought the people to receive us so well; the Drs. who heared it raged — you see, Sunny in her small things is energetic & in big one as much as you wish — we have been placed by God on a throne & we must keep it firm & give it over to our Son untouched — if you keep that in mind you will remember to be the Sovereign — & how much easier for an *autocratic* sovereign than one who has sworn the Constitution. —

Beloved One, listen to me, yes, you know yr. old true Girly. *»Do not fear«* the *old woman* said & therefore I write *without fear* to my agoo wee one. — Now the girlies want their tea, they came frozen back from their drive. — I kiss you & hold you tightly clasped to my breast, caress you, love you, long for you, cant sleep without you — bless you

Ever yr. very Own Wify.

No. 402.

Tsarskoje Selo, Dec. 15-th 1916

My own Beloved,

Please, forgive me for my impertinent letters — girly does not mean to hurt her Angel, but writes from deepest love — & sometimes driven to exasperation, knowing one cheets you & proposes wrong things. How can I feel ever quiet when *Trepov* comes to you? And still he succeeds in persuading you wrongly — only to find a successor — but many say, that once *Makarov changed,* he will become better on the whole. You see how he clings to *Makarov* (whom I continue saying is false to us) & wants him at head of the *Council of the Empire* — too bad. Put strongminded (hard) *Stcheglovitov* there, he is the man for such a place & will allow no disorders & bad things to go on. — I shall send you the papers back to-morrow when have studied them through. —

Thanks so much (& fr. A. too) for *Manuilov,* fancy nice *Malama* said at 5 yesterday there was no paper fr. you (the Messenger came early in the morning), so I had to wire. One had intended making a whole story, dragging in all sorts of names (out of filth, simply) & lots were going to be present at the *trial.* Thanks again dear one. — Our Fr. came to her, I did not go out of the house. He never goes out since ages, except to come here, but yesterday he walked in the streets with *Munia, to the Kazan and St. Isaacs (Cathedrals)* & not one disagreeable look, people all quiet. Says in 3 or 4 days things will go better in Roumania & all will go better. — How good yr. *order* is — just read it with deepest emotion. — God help & bless you, Sweetheart. *It is not necessary* to say poor old huzy with no will, it kills me — forgive me — you understand me I know & my allconsuming love — yes Lovy mine? Me loves too so terribly, terribly. — Little *Kazhevnikov* (fr. *Murman)* comes to lunch & *N. P.* to tea, to enjoy each separately. Do let *N. P.* get the yacht for Xmas, please dear. —

Our Fr. says *Kalinin* must be well now. Why don't you make him *Minister of the Interior* not *Acting Minister* (my idea) — that young *Rittich,* who only just began, already got his affirmation (to his own surprise). — Only slept after 4—6 this night, quite lost my sleep again — need you! —

The sun is trying to appear very thick snow, 6 of frost. Ania & I want to go to Holy Communion on Sunday, as its *Christmas Fast* — to get strength & help. — I am glad you liked the Image — is her face not sweet, tho' sad? I am sending 3 *little lamps* fr. the Children & me to *Novoye Znamenie* & to the *old woman* with an Image. Did you eat her apple? — So glad you told Frederiks to answer those nice telegr. from us both. Why on earth won't the Generals allow »*Russkoye Znamia*« (small patriotic paper) to be sent to the army, *Dubrovin* finds it a shame (I agree) & they can read any proclamations. Our Chiefs are really idiots. — That new Club *Trepov* has arranged (for officers etc.) not famous — am going to find out about it, off. of our *United Regiment* go there & they all met *Rodzianko* with manifestations & allocutions

there — most tactless. — Lovy, *Dubrovin* asks to see me — may I or not? Please, tell *Trepov Duma* on leave 'till beginning of Feb. as they must have time to go home (here more mischief if they remain — *Rodzianko* & *Trepov* arranged it together) — believe our Friend's advice. Even the Children notice how things don't come out well if we do not listen to Him & the contrary — good when listen. *The path is narrow, but one must walk along it straight, in the manner of God and not of man* — one only needs to face all courageously & with more faith. —

Now, a miracle (all say) »*Variag*« arrived before all the others — *Storm*, 40 *knots* fr. Gibraltar to Glasgow. The water not simply washes over, but goes in & through, alas, everywhere, machine not famous, must be repared soon in England. Our Fr. was anxious when they left *Vladivostok*, but they were blessed & saved because *Lili* out of faith went to *Verkhoturie* & *Tobolsk* with *Gregory* & *Ania* in summer. —

Blessings, love, caresses & kisses without end, Huzy my Beloved, fr. yr. very, very Own.

Wish the telephone were not so bad. — *Kazhevnikov* was a dear & talked a lot, hope you will see him before he returns, he came with the *Adm.* they had 3 *accidents* on the new line. Probably in Feb. the »*Variag*« will have to go for 5—6 months to England for repairs, as its dangerous leaving her so, she is old & not safe. — The Engl. everywhere charming in all the ports helping where & how they could. Poor boy had to make speeches in England. Says *Den* a perfect capt., always calm, never looses his head. They rolled 42 — so that the guns sweeped along the sea sideways. Heat colossal in summer, they went 5 months. — So nice to see him — cld. not get over *Anastasia* being so fat & a big lady. —

No. 403.

Tsarskoje Selo, Dec. 16-th 1916

My own beloved Treasure,

10⁰ of frost this morning & wee pink clouds — everything thickly covered in snow. — Slept five hours this night, quite a treat. *Botkin* turned up — I have not seen him for two months at least, because I know by heart what medicines to take when the heart is worse. Well, he gave me stronger drops as its so enlarged & of course said to keep lying, wh. I do. I only have *Shvedov* to-day, otherwise lie on the sopha. But still I want to go to Holy Communion on Sunday, if only possible & so now beg your forgiveness my Sweetheart for any word, wh. may have hurt you — I fear, I have been rough at times — but out of despair only & endless love & yearning to help you. Pardon me, Lovy. I want badly to go — am weary — but my spirits are up. Things a r e going better, & *Kalinin* has behaved splendidly. I told him to write openly to you about everything — he was shy to do so — I said it was his duty, once you show him confidence. It is only thanks to him the scandles were prevented in the *Duma* — *Trepov* was a coward, *Shuvayev* worse (wld. that *Beliayev* were in his place, a gentleman & not one to bow down to the *Duma* & seek

to be popular) — & *Rodzianko* listened to *Kalinin's* letter & became small — bless the man may he continue being as firm & brave as he has up to now. Send him a word of thanks or encouragement, wont you? And affirm him as Minister of the Interior (its wify's idea, & I think the right one). — People said you would never stand up for him & *Pitirim* against everybody — & you have! Well done, Huzy mine! Only one thing just torments me, *Gregory* & *Protopopov* — the Duma not to be called together before Febr. so as to give them time to disperse, wh. is m o r e than necessary, they are in a »group« a poisenous element in town, whereas dispersed over the country nobody pays any heed to them nor respects them. — Olga had a Committee yesterday evening, but it did not last long. *Volodia Volkonsky,* who always has a smile or two for her — avoided her eyes & never once smiled — you see how our girlies have learned to watch people & their faces — they have developed much interiorly through all this suffering — they know all we go through, its necessary & ripens them. They are happily at times great babies — but have the insight & feelings of the soul of much wiser beings. As our Fr. says — they have passed heavy »*courses*«. — *N. P.* took tea, told heaps about Odessa & the battalion, *Olga Evgen.* etc. — Full of *Petrograd* horrors & rages that nobody defends me, that all may say, write, hint at bad things about their Empress & nobody stands up, repr. mands, punishes, banishes, fines those types. Only *Princess V.* suffered, all others, *Miliukov* etc. go free. Yes, people are not to be admired, cowards. But many shall be struck off future court-lists, they shall learn to know in time of peace what it was in time of war not to stand up for ones Sovereign. Why have we got a ramoli rag as Minister of the Court? He ought to have brought all the names & proposed how to punish them for slandering your wife. A private husband wld. not one hour have stood these assaults upon his wife. Personally I do not care a straw — when I was young I suffered horribly through those injustices said about me (oh how often) — but now the wordly things don't touch me deeply, I mean nastinesses — they will come round some day, only my Huzy ought really to stick up a bit for me, as many think you don't care & hide behind me. You won't answer about *Balashov* — now why did you not have him s e v e r e l y written to by Fred. — I am not going to shake hands with him whenever we meet, I warn you & I long to fling my fury into his face; little snake — I have disliked him ever since I set eyes on him, & I told you so. He thinks his high court rank allows him to write vile things — on the contrary, he is u t t e r l y unworthy of it. — Have you said that Prince Golitzin is to have his court rank taken fr. him — don't dawdle deary, do all quicker, its the Danish Bummelzug — be quicker in acting strike out people fr. court lists & don't listen to Fred. protests — he is frightened & does not understand how to deal at the present moment. —

Now forgive me, if I did wrong, in asking *Kalinin's* opinion about the list you sent me. As we trust him (he came for ½ an hour to her yesterday), I asked her to find out what he knows about the people. He promises to hold his tongue that he saw the names of the candidates. — Only a b o v e a l l begs *Makarov* to quickly leave, w i t h o u t putting him into the *Council* of *the*

Empire, others neither were put there, & don't need *Trepov's* letter, believe our Fr's advice & now *Kalinin's* too — he is dangerous & completely holds *Trepov* in hand, others, *Zhevakhov* for instance knows it too. — He spoke a while ago to *Stcheglovitov,* who finds *Dobrovolsky* whom he knows — excellent in that place. I think you would only be right in naming him. I know *Dobrovolsky* is much against the reorganisation of the Senate as projected, (I think agreed to in the *Council of the Empire* & now presented to the *Duma)* — says it will be as bad & left as the *Duma,* & not to be relied upon — he told me that, when I saw him. I only spoke about the Senate & *Georgie's* committee then. —

Send for *Kalinin* as soon as you arrive here & then *Dobrovolsky* to talk to & name *Stcheglovitov* quicker — he is the right man in the right place & will stick up for us & permit no rows. Yr. *order* has had a splendid effect upon all — it came at such a good moment and showed so clearly all yr. ideas about continuing the war. Fancy, poor Zizi was so upset, *Miliukov* in his speech spoke about *Lila Narishkin (Lichtenstein),* spies etc. & said she was a lady in high function at court confounding her with Mme Zizi. Poor old lady heard that it got into small papers in the country, the *Kurakins* came all flying & she had to explain to them — her *supervisors* full of horror, a general in the army, — how can we keep such traitors near us (always a bite at me & my people!!) — so she sent for *Sazonov (Miliukov's* bosom friend), & told him to explain all & to insist upon his writing in the papers that he was lead into error. It will appear in the »Retch«, & now she is quite calm again. They touch all near me. *Lila N.* is at Astoria, & being watched by the police. — Poor old *Stcheglov* died this night — better for him, he was so ill! I am going to get hold of Ressin one of these days & tell him to pay attention to his officers — *Komarov.* was always with them, he never, & the tone has become very bad & even left — its the most difficult reg. as so mixed & therefore needs a head to keep them well in hand & guide them, & one does not speak well of them at all. The men don't like him because he is hard — but the officers he does not a bit occupy himself with. — Just had old *Shvedov,* fancy, when he told *Trepov* he was to be a member of the *Council of the Empire* by your & my wish, he answered that it did not concern him what orders *Sturmer* got, he did not hear it from you.

He brought me the list on one paper of all the members & we can look at it together & strike out & add on new ones. Hates Kaufmann, says he said very bad things, strike him off — now one must come with the brush & sweep away the dust & dirt & get new clean brushes to work. —

Warmest thanks precious letter. Poor dear, will be tired to morrow — God help you — only military & no political questions. All wild about your *order,* the Poles of course intensely so. —

The kitten has climbed into the fireplace & now sneezes there. —

Glad, you saw *Bagration* — so interesting all about his wild men.

»One must not speak« — »with tiny will«, but a wee bit weak & not confident in yourself & a bit easily believe bad advices. — Now — I bless, hug, kiss you, my one & all. God bless & protect you.

Ever yr. very, very own tiresome Sunny.

No. 404.

Tsarskoje Selo, Dec. 17-th 1916

My own beloved Sweetheart,

Again very cold & gently snowing. Slept 5 hours this night, for me quite good — heart not famous & don't feel well. You see my heart for some time was bad again, but I did not keep quiet as ought to have by rights — but I cld. not — I had to be in the hospital to change my thoughts, had to see many people — the moral strain of these last trying months on a week heart of course had to tell — this lovely journey to *Novgorod* was phisically very tiring — & well, the old machine broke down. Hope to be decent for Xmas at least this year. Since the war I have not been to any trees in hospital or manège.— Shall think of you more than ever this afternoon — may all your thoughts & plans be blessed by God.

Hope you can go to the Image before. — I have ordered *an all-night* mass in the house — (& tho' very foolish) Church to-morrow at 9 in the *Pestcherny Chapel. Ania* goes too & we confess at 10. Once more forgive me for every pain & worry, beloved One — shall carry you in my heart & soul to-morrow. —

How is the new General instead of *Pustov?* The latter must have been sad to leave you — what a nice, honest & devoted man. —

I send you a paper with some ideas of *Sukhomlinov* about the *Duma* to read through in the train. —

I cannot grasp why *Voyeikov's* thing was not done 2 weeks ago as intended. —

Some gossips: *Ania's* Mother told her that *Krivoshein* & *Ignatiev* bless me for having telegraphed to you to leave all the *food supply question* in *Rittich's* hands — there, & not one single word of truth in the whole thing, ah, how people calmly lie & find it no sin!! —

You will finish the nice English novel in the train?

Oh the joy, the consolation of having you home again.

At such a time to be separated I assure you is at times absolutely exasperating & distracting — how much easier to have shared all together & spoken over everything, instead of letters wh. have less force, alas, & often must have aggravated you, my poor, patient Angel. But I have to try & be the antedote to others' poison. —

Has Baby's »worm« quite been got rid of? Then he will get fatter & less transparent — the precious Boy!...

We are sitting together — can imagine our feelings — thoughts — our Friend has disappeared. Yesterday A. saw him & he said Felix asked him to come in the night, a motor wld. fetch him to see *Irina.* — A motor fetched him (military one) with 2 civilians & he went away.

This night big scandal at *Yussupov's* house — big meeting, Dmitri, *Purishkevitch* etc. all drunk, Police heard shots, *Purishkevitch* ran out screaming to the Police that our Friend was killed.

Police searching & Justice entered now into *Yussupov's* house — did not dare before as Dmitri there.

Chief of police has sent for Dmitri. Felix wished to leave to-night for Crimea, begged *Kalinin* to stop him.

Our Friend was in good spirits but nervous these days & for A. too, as *Batiushin* wants to catch things against Ania. Felix pretends He never came to the house & never asked him. Seems quite a paw. I still trust in God's mercy that one has only driven Him off somewhere. *Kalinin* is doing all he can. Therefore I beg for *Voyeikov,* we women are alone with our weak heads. Shall keep her to live here — as now they will get at her next.

I cannot & won't believe He has been killed. God have mercy.

Such utter anguish (am calm & can't believe it). —

Thanks dear letter, come quickly — nobody will dare to touch her or do anything when you are here.

Felix came often to him lately.

& kisses

Sunny.

Именной указатель

(Римскія цифры обозначаютъ томъ, арабскія — страницу).

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ.